

~~В. Гейссеръ~~

№ 94
170

Л. ГЕЙССЕРЪ.

ИСТОРИЯ

ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1789—1799 г.



ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

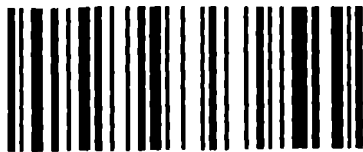
А. ТРАЧЕВСКАГО.

Напечатано безъ перемѣнъ съ перваго изданія, допущеннаго въ библіотеки
средне-учебныхъ заведеній.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Пороховщикова, Басейная ул., № 3—5.
1896.

18835-0



2010516768

СОДЕРЖАНИЕ.

редакція

. XI—XXXII

ВВЕДЕНИЕ.

—РАНЦІЯ ПЕРЕДЪ РЕВОЛЮЦІЕЙ.

ГЛАВА I.

	СТРАН.
мірний и мѣстный характеръ революціи	1
рая французская монархія со времени Ришелье и Людовика XIV.	4
тоніе государства и общества. Абсолютизмъ, централизація, феодализмъ.	10

ГЛАВА II.

лючительное положеніе французской литературы относительно двора, государства и общества	17
теръ (1694—1778).	20
итескье (1689—1755).	28
дъ-Жакъ Руссо (1712—1778)	32

ГЛАВА III.

есть царствованія Людовика XV.	40
овикъ XVI и 15 лѣтъ опытовъ (1774—1789)	41
тъ бюрократической реформы. Министерство Тярго и Малебрэ.	47
ый финансовый опытъ. Пеикеръ.	52
опъ. Финансовый и нравственный переломъ	55
ивіе сѣверо-американскихъ событій. Дворъ и исторія ожерелья	57

ГЛАВА IV.

юнь и нотабли.	61
ень и парламенты (1787—1788).	62
икеръ и государственные чины	66
шлое графа Мирабо	72
рая и новая Фрѣнція по тетрадамъ государственныхъ чиновъ	94

114

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Паденіе старой монархіи и побѣда средняго сословія. Съ мая до октября 1789 года.

СТРАН.
104

Литература предмета

ГЛАВА V.

Открытіе государственныхъ чиновъ 5-го мая.	107
Выборка выборовъ.	115
Третье сословіе, какъ національное собраніе	115
Засѣданіе въ мясной залѣ и „королевское засѣданіе“ (20—23 іюня).	118
Придворныя интриги и перемѣна министерства	123
Великое возстаніе въ Парижѣ	128
Разрушеніе Бастиліи (14 іюля).	129

ГЛАВА VI

Дворъ, національное собраніе и начало аvarхіи	134
Крестыанская война, человѣческія права и 4-ое августа	139
Новый переломъ. Герцогъ Орлеанскій. Лафайетъ. Октябрскія событія.	145

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Новое государственное устройство. Борьба конституціоннаго большинства съ монархистами и демократами. Съ октября 1789 до апрѣля 1791 года.

ГЛАВА VII.

Мирабо и королевская власть въ октябрѣ и ноябрѣ 1789 года	155
Государственное устройство 1789—1790 годовъ	163
Гражданскія и избирательныя права	—
Раздѣленіе государственной области. Общины	163
Судоустройство	168
Отношеніе государства къ церкви.	169
Клубы и печать. Вопросъ о войнѣ	171
Праздникъ федераціи (14-го іюля 1790 года).	175
Кончина Мирабо (2-го апрѣля 1791 года).	176

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Бѣгство короля. Борьба за сохраненіе монархіи. Окончаніе конституціи и учредительнаго собранія. Съ апрѣля до октября 1791 года.

ГЛАВА VIII.

Революція и монархическая Европа. Восточныя державы. Рейхенбахскій договоръ	181
---------------------------------------------------------------------------------------	-----

Бѣгство короля .

Дѣло короля передъ судомъ національнаго собранія и клубовъ 189
Пересмотръ и завершеніе конституціи 194
200

СТРАН.

ГЛАВА IX.

Иностранныя державы. Конгрессъ въ Пильницѣ (августъ 1791 года). 203
Пруссія и Польша въ 1791—1792 годахъ (по дѣламъ Берлинскаго архива). 207

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Законодательное собраніе. Новая борьба за конституціонную монархію до паденія королевской власти. Съ октября 1791 до августа 1792 года.

ГЛАВА X.

Характеристика новаго собранія. Жиронда. Дворъ. 218
Постановленія противъ священниковъ и эмигрантовъ. 222

ГЛАВА XI.

Жалобы Пѣмецкой имперіи 230
Жиронда и война 233
Министерство жирондистовъ. Дюмурье. Объявленіе войны и вторженіе въ Бельгію. 240

ГЛАВА XII.

Нападеніе жиронды на тронъ. 20-е іюля 250
Впечатлѣніе происшествій 20-го іюля. Лафайетъ въ Парижѣ 259
Планы спасенія. Верньо и „Отечество въ опасности!“ 262
Паденіе королевской власти. Прелюдія къ сверженію короля 266
10-е августа. Пгѣненіе короля. Бѣгство Лафайета 269

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Національный конвентъ. Борьба между жирондой и якобинцами. Назнь короля. Низверженіе жиронды. Съ августа 1792 до 31-го мая 1793 года.

ГЛАВА XIII.

Господство общиннаго совѣта. 279
Жоржъ Дантонъ и сентябрскія убійства. 282
Военныя событія въ Шампани (августъ и сентябрь 1792 года) 29

ГЛАВА XIV.

СТРАН.

Национальный конвентъ. Выборы. Уничтоженіе монархіи (21 сентября).	
Первая борьба между жирондой и партией горы .	297
Дѣло короля. Юридическій вопросъ .	304
Перемѣна въ жирондѣ. Допросъ	310
Пораженіе жиронды. Казнь	316

ГЛАВА XV.

Война съ зими 1792 года до весны 1793 года. Жемаапъ. Франкфуртъ.	
Майнцъ. Неервинденъ .	323
Сближеніе между Дантономъ и жирондой. Революціонный судъ 10-го марта.	326
Измѣна Дюмурье. Разрывъ между Дантономъ и жирондой	333
Исслѣднія борьбы жиронды. Конвентскіе комиссары	336
Высшія цѣны и принудительный заемъ. Предложеніе Гаде 18-го мая	340
31-е мая и 2-е іюня. Паденіе жиронды .	345

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Терроръ въ борьбѣ съ междоусобіемъ и Европой. Разложеніе революціонныхъ партій до 9-го термидора. Съ іюня 1793-го до 27 іюля 1794 года.

ГЛАВА XVI.

Опасное положеніе Франціи внутри и извнѣ при началѣ террора. Спасеніе, благодаря слабости коалиціи	349
Гражданская война. Департаменты. Возстаніе въ Вандеѣ .	351
Переходъ къ единовластію якобинцевъ. Робеспьеръ	354
Организація террора. Подготовка и планъ Робеспьера. Убіеніе Марата 13 іюля.	359
Революціонный судъ и терроръ à l'ordre du jour. Докладъ Барера 5 сентября. Революціонная армія. Законъ противъ подозрительныхъ 17 сентября	364.

ГЛАВА XVII.

Начало времени террора. Судъ надъ королевой и жирондистами (октябрь).	
Терроръ въ департаментахъ	369
Первое распаденіе террора на партіи. Преступленія атеистовъ Клотса, Гебера, Шомета. Робеспьеръ противъ Enragés (21 ноября). Постановленіе конвента 6-го декабря.	375
Перемѣна въ Дантонѣ и его первое столкновеніе съ Робеспьеромъ. Le Vieux Cordelier Демулена	381
Изнѣженіе и казнь гербертистовъ и дантонистовъ (мартъ и апрѣль 1794 г.).	384.

ГЛАВА XVIII.

Государственный идеалъ С. Жюста. Робеспьеръ и Верховное Существо.	
22-е преріала (10-е іюня). Grandes fourrées.	890
Враги триумvirата (Бильо, Колло, Карно).	897
<u>Неудачная попытка Робеспьера 8-го термидора</u>	401
<u>Павверженіе Робеспьера 9-го термидора (27-го іюля).</u>	404
Обзоръ предыдущаго.	408

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

Паденіе терроризма и начало реакціи. Борьба конвента съ якобинцами и роялистами до введенія конституціи III-го года. Съ іюля 1794 до октября 1795 года.

ГЛАВА XIX.

Политика и военныя дѣйствія коалиціи отъ 1793-го до 1795 года. Парализующее вліяніе польскаго вопроса	412
Тугуть. Неудачи коалиціи	415
Политика союзныхъ державъ. Петербургскій договоръ. Базельскій миръ.	419

ГЛАВА XX.

Паденіе терроризма. Борьба умѣренныхъ (термидористовъ) съ старыми товарищами Робеспьера. Начало реакціи. Обвиненіе служителей террора. Возстановленіе жирондистовъ	422
Натискъ якобинцевъ и ихъ пораженіе (1-е апрѣля и 20-е мая или 1-е преріала).	327
Конституція III-го года	430
Фруктидорскія постановленія. Союзъ мѣщанъ съ роялистами. 13-е вандемьера (5-е октября).	434
Очеркъ жизни Наполеона Бонапарта .	437

ОТДѢЛЪ ВОСЬМОЙ.

Побѣды и завоеванія республики до мира въ Нампо-Форміо (17 октября 1797 г.). Борьба директоріи съ мелкими партіями. Съ октября 1795 до 4-го сентября 1797 или до 18-го фруктидора V-го года.

ГЛАВА XXI.

Директорія. Походы 1795 и 1796 годовъ. Бонапартъ въ Италиі.	441
Характеристика Наполеона Бонапарта	445
Итальянскій походъ 1796—1797 годовъ. Отъ Генуи до Милана (съ марта до мая 1796 года).	448
Отъ Милана до Леобена (съ мая 1796-го до апрѣля 1797 года).	451

ГЛАВА XXII.

Директорія, Заговоръ Гракха Бабефа (10-е мая 1796 года). Роялисты.	456
Государственный переворотъ 18-го фруктатора (4-го сентября) 1797 года.	
Миръ въ Кампо-Форміо	461

ОТДѢЛЪ ДЕВЯТЫЙ.

Преобладаніе французовъ. Новая коалиція. Египетскій походъ. Внутреннее разложеніе до диктатуры Бонапарта. Съ сентября 1797 до 9-го ноября 1799 или 18-го брюмера VIII года.

ГЛАВА XXIII.

Завоевательная пропаганда. Римская республика (февраль 1798 года)	467
Гельветская республика (апрѣль 1798 года).	469
Замыслы Бонапарта противъ Англіи	478
Бонапартъ въ Египтѣ (1798 и 1799 годы)	477

ГЛАВА XXIV.

Коалиціонная война въ Европѣ 1798—1799 годовъ. Взрывъ въ Неаполѣ и въ Швейцаріи	481
Война въ Германіи и Италіи. Умерщвленіе посланниковъ въ Раштатѣ.	484
Успѣхи союзниковъ. Подвиги Суворова въ Италіи и вѣнскія козни	486
Суворовъ на вершинѣ Альпъ. Плоды политики Тугута .	489
Возвращеніе Бонапарта. Приближеніе грозы.	492
Государственный переворотъ 18—19 брюмера (9—10 ноября) 1799 года	496

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Издавая «Исторію французской революціи» *Гейссера*, мы имѣли въ виду познакомить отечественную публику съ блестящимъ талантомъ общественнаго дѣятеля, имѣющаго право на вниманіе всего образованнаго міра.

Какъ профессоръ и ученый, Гейссеръ доставилъ много пользы и наслажденія не однимъ своимъ соотечественникамъ. Его лекціи посѣщались многими иностранцами; его классическая «Исторія Германіи» читалась повсюду, гдѣ ощущается сознательный интересъ къ исторической наукѣ.

Сверхъ того, онъ имѣлъ для своей Германіи особенное, мѣстное значеніе. Это былъ политикъ съ твердыми убѣжденіями и горячею вѣрой въ идеи, которыя способствовали паденію Австріи и объединенію нѣмецкаго племени.

Главныя черты дѣятельности этого замѣчательнаго чловека можно усмотрѣть даже изъ самаго бѣглого обзора его жизни.

Людвигъ Гейссеръ (Häusser) родился въ 1818 году, въ Нижнемъ Эльзасѣ. Онъ воспитывался сначала въ гимназіи въ Мангеймѣ, потомъ въ гейдельбергскомъ и іенскомъ университетахъ. Его развитіе шло весьма быстро. Уже 21 года онъ написалъ основательное сочиненіе: „Die deutschen Geschichtschreiber vom Anfange des Frankenreichs bis auf die Hohenstaufen“, за которымъ тотчасъ же (въ 1840 г.) послѣдовала «Sage von Tell». Съ этихъ работъ, изобличавшихъ ученость и талантъ, началась научная и педагогическая дѣятельность Гейссера, которой онъ посвящалъ себя исключительно въ теченіе почти 10 лѣтъ.

Гейссеръ подвигался на своемъ поприщѣ такъ же быстро и успѣшно, какъ началъ его. Все въ томъ же 1840 году ему удалось и ознакомиться съ парижскими архивами и библиотеками, и занять въ Гейдельбергскомъ университетѣ доцентуру по кафедрѣ исторіи.

Читатель можетъ представить себѣ, что за трудовая, неуспѣшная жизнь настала тогда для новаго доцента! 22-лѣтнему юношѣ пришлось справляться съ весьма труднымъ дѣломъ составленія непрерывныхъ курсовъ *) по предмету, требующему и большого напряженія, и зрѣлости мысли, и еще художественнаго изложенія. Въ то же время, томимый научною жаждой, онъ рылся въ баденскихъ и баварскихъ архивахъ **). Но молодой преподаватель все преодолѣлъ своимъ прилежаніемъ, въ особенности же своимъ рѣдкимъ талантомъ и пламенной любовью къ наукѣ, которая была «его міромъ», «жизнью въ его жизни», какъ говорилъ онъ самъ.

Свидѣтелемъ правдивости этихъ словъ служить вся жизнь покойнаго профессора. Его страсть къ исторіи была серьезна и глубока: важно, что онъ не скоро отдался ей. Въ свое студентство онъ долго колебался, считая себя призваннымъ къ филологіи. Патріархъ исторіографіи новаго времени, знаменитый Шлоссеръ, рѣшилъ его судьбу. Своимъ неотразимымъ нравственнымъ вліяніемъ онъ навсѣгда привлекъ даровитаго студента къ исторіи.

Рѣдко выборъ бываетъ такъ удаченъ. По нашему мнѣнію, открытіе такого историческаго таланта составляетъ одну изъ важнѣйшихъ заслугъ Шлоссера передъ обществомъ. Его ученикъ, по всѣмъ свойствамъ, былъ рожденъ для исторіи, и именно для ея преподаванія, популяризаціи. Психологическій тактъ, задушевность убѣжденій, мастерство въ выборѣ и группировкѣ фактовъ, полная жизни и любви художественность изложенія, сильный и образный языкъ, наконецъ вѣщій ораторскій достоинства—вотъ черты таланта на исторической кафедрѣ, которыми былъ надѣленъ Гейссеръ. Конечно, вліяніе могучей личности Шлоссера легло замѣтнымъ отблкомъ на все существо ученика. Оно придало его научнымъ трудамъ то

*) Въ германскихъ университетахъ лекціи читаются и зиму и лѣто.

**) Наподомъ этихъ изысканій было новое двухтомное сочиненіе: «Geschichte der rheinischen Pfalz», изданное въ 1845 году.

правственное одушевление, близкое къ паоосу, которое, быть-можетъ, выступаетъ порой въ ущербъ другихъ условій. Попро-сивъ извиненія у читателя за смѣлость выраженія, мы на-звали бы Гейссера однимъ изъ могоанъ античной школы въ исторической наукѣ. Впрочемъ, его научныя воззрѣнія уже многостороннѣе и глубже; онъ уже свободнѣе отъ тѣхъ про-маховъ, которые встрѣчались у его учителя.

Исполнить всѣ указанныя выше работы молодому Гейс-серу помогла одна весьма важная для каедръ способность, которая, къ сожалѣнню, рѣдко встрѣчается. Доцентъ дѣйстви-тельно *говорилъ*, а не читалъ въ своей аудиторіи. Мало того. Онъ обладалъ даромъ импровизаціи: мы разумѣемъ здѣсь, конечно, форму, а не содержаніе лекцій, которое и у Гейс-сера добывалось тяжкимъ трудомъ, глубокой критикой матеріала. Вотъ какъ говорить объ этомъ талантѣ Гейссера, одинъ изъ самыхъ внимательныхъ и компетентныхъ его слушателей, *Онженъ*, къ которому мы еще разъ возвратимся ниже.

„Какъ на каедрѣ у него не было въ рукахъ ни клочка бумаги, такъ и его подготовка къ лекціямъ основывалась не на формально обработанной тетради, а единственно на фак-тическихъ результатахъ его учебныхъ изслѣдованій. Превраще-ніе этого сырого матеріала въ художественное, по изло-женію, зданіе совершалось безъ помощи пера. Свѣжая, твор-ческая непосредственность въ обращеніи мастера дѣла съ своимъ предметомъ была высшей прелестью этихъ бесѣдъ, которыя потому-то и были для слушателя всегда новы и оди-наково привлекательны, хотя и повторялись изъ года въ годъ подъ однимъ и тѣмъ же названіемъ.

„Здѣсь-то лежала и причина, по которой экономія его изложенія постоянно мѣнялась. Въ одномъ полугодіи пропу-скались или бѣгло очерчивались цѣлые отдѣлы, занимавшіе въ другомъ сравнительно много мѣста. И наоборотъ. Нѣкоторые рассказы и характеристики являлись не въ порядкѣ, указан-номъ программой *). Мало того. Порой, согласно съ новыми

*) У нѣмецкихъ профессоровъ существуетъ добрый обычай печатать про-граммы (Grundriss) своихъ лекцій, чтобы студентамъ удобнѣе было слѣдить за изложеніемъ. Это — родъ краткаго конспекта всего курса. У насъ онъ дѣ-лается самими студентами лишь по окончаніи лекцій, къ экзамену, и нерѣдко страдаетъ фактическими ошибками. А если курсъ отличается безвяза-ностью, отсутствіемъ руководящей идеи, то такой конспектъ представляетъ у

результатами изученія дѣла, являлись существенныя измѣненія даже въ духѣ и направленіи сужденій о томъ или другомъ предметѣ. Такъ, не мало разнятся между собой старыя и новыя характеристики Лафайета и Наполеона. Такъ, вступительная лекція каждый годъ была совершенно иная: въ его бумагахъ нашлось съ дюжину набросанныхъ замѣтокъ для этой лекціи, каждая всего изъ пары словъ, но уже обличающихъ поразительное различіе между ними**).

Указавъ на способность Гейссера владѣть живымъ словомъ, здѣсь же познакомимъ читателя и съ остальными чертами его, какъ профессора. Снова предоставляемъ говорить Опкену.

«Когда мы слушали Гейссера (въ 1860 г.) его бесѣды уже носили печать полной зрѣлости. Изъ словъ тѣхъ, кто слушалъ его въ началѣ его поприща, выходило, что эта степень совершенства была результатомъ цѣлаго ряда годовъ серьезнаго труда надъ обработкой матеріала и языка, послѣднимъ плодомъ добросовѣстнаго самонаблюденія и неутомимой пастойчивости, ибо мы не нашли уже ни малѣйшаго слѣда разныхъ перяшествъ, которыя находили они. Гейссеръ, подобно античному оратору, самъ образовывалъ себя на поприщѣ, къ которому былъ призванъ.

«Въ послѣдніе годы Гейссеръ обыкновенно читалъ по четыре курса: зимой *нѣмецкую исторію* (до 1815 г.) и *исторію системы европейскихъ государствъ съ реформации до 1789 г.*; лѣтомъ *исторію французской революціи и имперіи* (1789—1815) и *римскую исторію*. Для первыхъ трехъ у него были печатныя программы, — гдѣ, кромѣ подробныхъ указаній на литературу предмета, заключался полный и легко обозрѣваемый остовъ повѣствовательнаго матеріала. Всѣ четыре

насъ Сизифову работу для студентовъ. Кромѣ очевидной пользы программъ въ этомъ отношеніи, онѣ отличаются въ Германіи еще однимъ драгоценнымъ для учащихся достоинствомъ. Въ нихъ обыкновенно перечисляются источники и пособія, легшіе въ основаніе курса, или литература предмета. Послѣдняя у насъ иногда совсѣмъ пренебрегается профессоромъ, или же записывается студентами со словъ преподавателя съ навилонскимъ стоиотвореніемъ въ именахъ авторовъ и въ названіяхъ книгъ. Хорошо еще, если аудиторія не велика и дружна: тогда лучшіе и болѣе знакомые съ предметомъ студенты помогаютъ своимъ товарищамъ ввести въ тотъ или иной порядокъ въ этотъ хаосъ. Иначе лекція профессора о литературѣ предмета пропадаетъ даромъ, если только она не посвящается подробному критическому разбору той или другой книги.

**) Häusser's Gesch. der franz. Revolution. Vorrede des Herausgebers.

курса излагались совершенно свободно, без всяких вышних опоръ памяти. Всего менѣ посѣщались лекціи о римской исторіи и о послѣднихъ трехъ столѣтіяхъ; а между тѣмъ первый курсъ представлялъ превосходную работу, второй же былъ *лучшій* изъ всѣхъ, и по собственному сознанию профессора, и по сужденію всѣхъ знатоковъ дѣла... Его изображеніе реформации и ея побѣднаго шествія по Западу; его характеристики Лютера, Цвингли, Меланхтона, Кальвина были образцовы. Ихъ слушали съ истиннымъ благоговѣніемъ; ибо здѣсь проявлялась вся нравственная глубина его пониманія этой могучей борьбы за освобожденіе новаго духа, какъ перваго культурнаго подвига нашего народа и родственныхъ ему отраслей. Если бы издать эти лекціи*), то всякій увидѣлъ бы, какъ справедливо выраженіе одного изъ достойнѣйшихъ товарищей покойнаго: «Въ лицѣ Гейссера мы лишились богослова *въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова***»).

Но неизгладимо запечатлѣлись въ памяти не только университетскаго міра, но и обширной публики тѣ зимніе вечера, въ которые Гейссеръ излагалъ *нѣмецкую исторію*, въ особенности *войну за освобожденіе* (вторая часть полугодія). Тутъ самая большая аудиторія гейдельбергскаго университета едва вмѣщала въ себѣ толпу посѣтителей. Тутъ, затанувъ дыханіе, тѣснились, кто сидя, кто стоя, студенты всѣхъ факультетовъ и зрѣлые мужи изъ мѣщанскаго и чиповичьяго міра. Бесѣда, изобличавшая здѣсь неподобное мастерство въ обладаніи матеріаломъ и языкомъ, дѣйствовала на слушателей такъ, какъ будто событія были переживаемы ими самими. Описаніе походовъ, характеристики генераловъ и государственныхныхъ людей, обрисовка положенія дѣлъ и настроенія умовъ—все это развертывалось передъ слушателемъ, точно величавая драма, полная самой потрясающей силы...

«Университетскія лекціи Гейссера были въ высшей степени добросовѣстны въ фактическомъ отношеніи. При самомъ стро-

*) Это желаніе Оукена вскорѣ исполнилось. Его предисловіе къ «Исторіи французской революціи» Гейссера писано въ концѣ 1867 г., а въ 1868 г. имъ же самимъ изданы и лекціи Гейссера о реформации («Geschichte des Zeitalters der Reformation. 1517 — 1648»), стенографированныя имъ въ 1859 — 1860 годахъ. Рус. пер. В. Михайловскаго.

**) Замѣтимъ здѣсь кстати, что Гейссеръ былъ усерднымъ сотрудникомъ газеты Protestantische Kirchenzeitung.

гомъ разборѣ, каждая отдѣльная картинка доказывала, что въ ея основаніе легла солидная работа. Главную черту лекцій Гейссера составляло именно то, что отличаетъ университетское преподаваніе отъ книги, — *выборъ матеріала по строгому плану, вѣрная перспектива изложенія*: безъ этихъ качествъ лекція почти то же, что китайская картина, т. е. все, что хотите, только не картина. У Гейссера были столь рѣзко опредѣленные паціональныя, политическія и церковныя убѣжденія, что они не могли ускользнуть и отъ вниманія студентовъ; но онъ не давалъ имъ возмущать характера своего рѣсказа и духа своихъ сужденій. Въ этомъ отношеніи о его лекціяхъ можно сказать то же, что младшій *Пертесъ* *) сказалъ о противной его политическому и церковному направленію точкѣ зрѣнія Гейссеровой *Нѣмецкой исторіи*: «Она нигдѣ не повредила достовѣрности *фактическихъ указаній* и рѣдко мѣшала правдивости и прямогѣ *сужденій*...»

«Совершенно ложное понятіе получилъ бы о языкѣ, о формѣ рѣчи Гейссера тотъ, кто, судя по восторженнымъ похваламъ юныхъ слушателей, подумалъ бы, что тутъ было что-нибудь близкое къ краснорѣчью. Главною отличительною чертой этой рѣчи было именно противоположное: она блистала образцовою простотою въ выборѣ словъ, которая не гопалясь ни за суетными эффектами, ни за пустыми блестками фразъ. Гейссеръ дѣйствовалъ самыми простыми средствами и палагаль на себя отреченіе, до котораго рѣдко доходятъ люди, одаренные такою богатою фантазіей и такимъ кипучимъ юморомъ. Онъ точно также неизмѣнно презиралъ павлиній хвостъ изысканныхъ образовъ и патянутыхъ сравненій, какъ и аппаратъ ослѣпительныхъ красныхъ словечекъ, ловкое употребленіе которыхъ такъ часто принимается за истинное краснорѣчіе...»

«Гейссеръ владѣлъ всѣмъ богатствомъ нашего языка съ твердымъ присутствіемъ духа, которое никогда не доводило его до промаховъ и во всякую минуту доставляло ему средства для выраженія самыхъ тонкихъ отгѣнковъ мысли. Объ этомъ печатныя сочиненія даютъ далеко не полное понятіе. Его

*) Perthes: Politische Zustände und Personen in Deutschland während der französischen Herrschaft.

слушателей никогда не обременяла длиннота предложений, в которыхь одна и та же мысль иногда нѣсколько разъ вертится, такъ сказать, на своей оси. Его сочиненія относятся къ его лекціямъ, какъ сухіе листья гербаріума къ живымъ растеніямъ. И если бы даже ихъ стилистическое совершенство было гораздо значительнѣе, то и тогда они не передали бы того, что составляетъ индивидуальный цвѣтъ всякой рѣчи, именно теплоты тона, инструментовки голоса, если можно такъ выразиться.

„Въ голосѣ въ значительной степени лежала тайна той силы впечатлѣнія, которою Гейссеръ обладалъ, какъ ораторъ. Его звучный, мужественный органъ съ живостью поддавался всякому, даже самому легкому оттѣнку мысли. Трибунскіе громы и простота Геродотова повѣствовательнаго тона, убійственная насмѣшка и игривая шутка—все передавалось имъ одинаково естественно и безъ претензій. И здѣсь Гейссеръ былъ далекъ отъ всякаго искусственнаго кокетства. Безъ сомнѣнія, всякій, кто припомнитъ какую-нибудь изъ славныхъ застольныхъ рѣчей, въ которыхъ Гейссеръ справедливо считался непреодолимымъ, согласится, что главнал ихъ прелесть состояла въ сліяніи простоты съ теплотой въ тонѣ его языка“ *).

Вотъ задушевная характеристика Гейссера, какъ профессора, написанная, тотчасъ послѣ его смерти, его ученикомъ, *Онкеномъ*, который издаетъ теперь лекціи своего наставника, занимаетъ его мѣсто въ гейдельбергскомъ университетѣ и уже приобрѣлъ имя нѣкоторыми учеными работами **). Намъ весьма пріятно, что мы можемъ однимъ любопытнымъ фактомъ защитить Онкена передъ читателемъ отъ естественнаго подозрѣнія въ пристрастіи къ любимому учителю. У насъ есть свидѣтельство челоѣка посторонняго, одного русскаго, извѣстнаго отечественной публикѣ именно правдивостью своихъ показаній. Случаю угодно было привести нашего профессора исторіи, покойнаго *С. В. Ешевскаго*, въ аудиторію Гейссера именно въ то время (1859—1860 гг.), когда Он-

*) Häusser's Gesch. der franz. Revolution. Vorrede.

***) Онкенъ не безъ таланта изслѣдуетъ теперь цвѣтущій періодъ исторіи Эллады. Его работы (Athen und Hellas), даже по своей формѣ (характеристики Перикла, Клеона и др.) и языку, изобличаютъ замѣтное вліяніе Гейссера, хотя иногда, къ сожалѣнію, Гейссера-доцента, только начинающаго свое поприще.

кень, тогда еще никому неизвѣстный студентъ, съ благоговѣйной точностью записывалъ лекціи своего наставника. Представляемъ замѣтки Ешевскаго о Гейссерѣ, набросанныя въ его путевомъ дневникѣ какъ бы нарочно для прямого дополненія и подтвержденія словъ Оукена. Отъ послѣднихъ онѣ отличаются только свѣжестью впечатлѣнія человека, прибывшаго издалека, да необыкновенной простотой и искренностью, которыя Ешевскій, такъ сказать, посиль съ собою повсюду.

„5-го ноября 1859 г. Гейссеръ читаетъ два курса, каждый по пяти лекцій въ недѣлю. Отъ 4 до 5—новая исторія съ 1517 г., отъ 6 до 7—исторія Германіи съ Вестфальскаго мира. На первомъ курсѣ слушателей бываетъ не такъ много, зато на второмъ аудиторія бываетъ полна. Гейссеръ рожденъ бытъ ораторомъ. Высокій, крѣпко сложенный, полный силъ и здоровья, съ грубымъ, некрасивымъ лицомъ, полнымъ однако выраженія ума и энергіи, съ демократическими, нѣсколько грубоватыми манерами, отлично идущими къ его лицу и тѣло-сложенію, онъ владѣтъ сильнымъ, звучнымъ голосомъ и совершенно свободно рѣчью. Онъ читаетъ безъ всякихъ записокъ и конспектовъ, читаетъ быстро, такъ что за нимъ нельзя записывать; мысль опережаетъ слово, и окончаніе фразы иногда пропадаетъ, такъ оно произносится скоро. Въ его рѣчи нѣтъ ни малѣйшаго посягательства на вѣдѣнію отъ дѣлу, еще менѣе на фразерство; рѣчь скорѣе отрывиста; характеристики личностей въ весьма немногихъ, но мѣстныхъ словахъ. Гейссеръ говоритъ, а не читаетъ; вся его лекція состоитъ на себѣ этотъ разговорный характеръ. Онъ не можетъ спокойно стоять на кафедрѣ, а безпрестанно движется, перемѣняетъ положеніе, какъ будто ему тѣсно на ней. Иногда онъ повышаетъ голосъ до того, что, вѣроятно, его слышно съ площади. Несмотря на эту видимую неприготовленность лекціи, на ея непринужденный разговорный характеръ, лекціи выходятъ мастерски обработанными. Гейссеръ не пускается въ подробное изложеніе и ограничивается большею частью общою характеристикой, но эти характеристики выходятъ чрезвычайно цѣльны и полны. Для черезъ два я слышалъ его оцѣнку Лютеровскаго перевода Библии, и мнѣ никогда не случалось ни читать, ни слышать подобной мастерской характеристики.

„6-го ноября. Былъ у Гейссера, чтобы записаться въ число слушателей. Онъ читаетъ по изданнымъ имъ проспектамъ и находитъ это очень выгоднымъ для слушателей. Дѣйствительно тутъ помѣщены указанія на источники и литературу каждаго отдѣла; кромѣ того, тутъ указанія на главнѣйшія событія и важнѣйшія даты...

„Впрочемъ, слушателей несравненно больше, чѣмъ видно по билетамъ; особенно велико число на курсѣ нѣмецкой исторіи, я думаю, человекъ до 150. Это или госпитанты, или, какъ говорятъ, тѣ слушатели, которые ходятъ на лекціи, не записавшись у профессора и, слѣдовательно, не платя ему: они обыкновенно садятся подалеже. Особенно это удобно въ аудиторіи, гдѣ читаетъ нѣмецкую исторію Гейссеръ. Задняя часть аудиторіи не освѣщена и надъ нею устроены какіе-то хоры, такъ что въ пей постоянно темно. Такихъ слушателей здѣсь называютъ „bei Schwanz Hörer“, и, благодаря отсутствію всякаго контроля, очень легко слушать такимъ образомъ...

„На лекціяхъ нѣмецкой исторіи Гейссера я замѣтилъ двухъ стариковъ, изъ которыхъ одинъ до того ветхъ, что ходитъ съ костылемъ и почти слѣпъ, но которые не пропускаютъ ни одной лекціи. У насъ до этого еще долго не дойдетъ. Вообще большое число слушателей Гейссера объясняется только тѣмъ интересомъ, который возбуждаютъ эти лекціи. Держать экзамень обязапы только филологи, а ихъ очень немного; остальные слушаютъ безъ всякихъ внѣшнихъ побудительныхъ причинъ, а аудиторія между тѣмъ всегда полна“ *).

Надѣмся, что всѣ приведенныя выписки достаточно обрисовываютъ Гейссера, какъ *профессора*. Помощью нашего изданія мы желаемъ познакомить читателя именно съ этимъ призваніемъ Гейссера: поэтому ограничимся лишь бѣглыми указаніями на другія стороны его дѣятельности.

Какъ извѣстно, исторія тѣсно связана съ политикою, ко-

*) Эти записки изъ дневника С. В. Ешевскаго помѣщены въ биографическомъ очеркѣ, написанномъ К. П. Бестужевымъ-Рюминимъ (см. Сочиненія С. В. Ешевскаго, ч. I). Случайно и мнѣ пришлось выслушать нѣсколько лекцій у Гейссера изъ его лѣтняго курса 1869 же года. Могу заявить только одно. Мнѣ хотѣлось сообщить здѣсь о впечатлѣніи, произведенномъ на меня этими лекціями. Но, прочитавъ замѣтки Ешевскаго, я нашелъ, что при нихъ это было бы совершенно лишнимъ. Я волилъ согласенъ съ его словами.

торая, собственно говоря, представляет лишь ее последнюю страницу. Только непонимание сущности этой науки может ставить въ упрекъ ей дѣятелямъ увлеченіе современными интересами національной жизни. Напротивъ, приятно видѣть эту законную связь, которая встрѣчается только у высоко-развитыхъ народовъ. Оттого-то въ цивилизованномъ мірѣ почти всѣ замѣчательные историки принимали прямое участіе въ политикѣ ихъ дней, сливали свою личную жизнь съ жизнью родной націи. Горячая, впечатлительная и любящая природа Гейссера, воскрешавшая прошлое во плоти и крови, не могла уйти отъ вліянія кипучей современности. Рано, на 28 году своей жизни, бросился онъ въ водоворотъ политики, со страстью даровитаго человѣка, глубоко вѣрующаго въ свои убѣжденія. Какое значеніе придавалъ Гейссеръ этой вѣрѣ, читатель всего лучше пойметъ, прочитавъ въ нашей книгѣ характеристику Робеспьера. А какъ тверды были его убѣжденія, это доказываетъ ихъ неизмѣнность до самой его смерти, т. е. въ теченіе двадцати лѣтъ. Да и могло ли быть иначе? Вѣдь, они были внушены ему историческимъ чутьемъ и вѣрой въ прогрессъ, развитыми наукой, которой онъ честно служилъ во всю свою жизнь. Вѣдь, они слагались въ бурную эпоху революціи 1848 года, когда, скинувъ маски, открыто боролись старыя и новыя начала: какой же небездарный историкъ затруднился бы тутъ въ выборѣ предмета своихъ сочувствій? Въ 1846 году, въ землѣ, гдѣ дѣйствовалъ Гейссеръ, въ Баденѣ, какъ и во всей Южной Германіи, зародилось сильное волненіе умовъ въ области политики и религіи. Изъ подъ гнета бранныхъ остатковъ феодализма и іезуитства какъ католическаго, такъ и протестантскаго, стали пробиваться уже окрѣпшіе отрпыски новой жизни. Образовалась значительная партія талантивыхъ патріотовъ, смѣло поднявшихъ знамя конституціонализма и объединенія Германіи. Ея органомъ стала газета *Deutsche Zeitung*, характеристичная уже по одному своему названію. Гейссеръ, еще передъ тѣмъ издавшій брошюру для пропаганды вопроса, яснаго уже по ея заглавію (*Schleswig-Holstein, Deutschland und Dänemark*), принялъ участіе въ основаніи этой газеты. Тутъ онъ сначала помогаль *Гервинусу*, потомъ съ полгода одинъ завѣдывалъ редакціей. Онъ оставилъ свои систематическія

занятія въ этой газетѣ лишь тогда, когда былъ избранъ членомъ баденской пивней палаты (въ концѣ 1847 г.). Само собой разумѣется, что и здѣсь онъ развивалъ тѣ жевзгляды, которые были положены въ основаніе Deutsche Zeitung. Но тутъ засѣдало много отъявленныхъ враговъ этихъ воззрѣній. Здѣсь были сильны партіи реакціонеровъ, и политическихъ и церковныхъ, приобрѣвшихъ особенное значеніе послѣ майской революціи въ Баденѣ въ 1849 году *). Эта же революція внесла расколъ и въ среду друзей либерализма и прогресса. Непреклонная въ своихъ убѣжденіяхъ и прямая, неспособная на сдѣлки, натура Гейссера не могла долго вынести парламентской борьбы, не обѣщавшей успѣха въ ближайшемъ будущемъ. Вскорѣ послѣ выбора, мы уже не видимъ его въ палатѣ. Между тѣмъ, страна успѣла такъ хорошо узнать этого честнаго общественнаго дѣятеля, что въ 1850 г. снова выбрала его депутатомъ. Но онъ опять повинувъ это поприще въ томъ же году.

Тутъ университетъ, для котораго работалъ Гейссеръ, почтилъ его званіемъ «ординарнаго» профессора, и нашъ историкъ снова посвятилъ свои силы почти исключительно наукѣ, своему истинному призванію. Онъ опять сталъ рыться въ архивахъ, желалъ освѣтить любимыя имъ послѣднія страницы отечественной исторіи. Конечно, въ Вѣнѣ, гдѣ тогда государственныя дѣла даже отдаленнаго времени хранились подъ семью печатями, онъ получилъ отказъ. Зато относительно либерализмъ прусскаго правительства доставилъ ему возможность съ пользой поработать въ берлинскомъ архивѣ. Плодомъ этихъ трудовъ было капитальное 4-томное сочиненіе, доставившее ему славу одного изъ лучшихъ историческихъ писателей въ Европѣ. Несмотря на вышеприведенный отзывъ Оксена о формѣ этого труда, приписывая его исключительной любви ученика къ живому слову учителя-оратора, мы позволимъ себѣ замѣтить, что изложеніе *Нѣмецкой исторіи со смерти Фридриха Великаго* оставляетъ желать немногаго. Въ немъ блещутъ сила и краски, согрѣтыя живымъ участіемъ нравственнаго существа. Эта теплота объясняется патриоти-

*) Гейссеръ вполне сознательно самъ переживалъ эту революцію, о чемъ свидѣтельствуютъ изданія имъ въ 1851 г. записки: *Denkwürdigkeiten zur Geschichte der badischen Revolution.*

ческимъ чувствомъ, никогда не покидавшимъ Гейссера, отъ котораго, какъ видно, зависѣлъ и выборъ главныхъ его зачатій. Содержаніемъ *Нѣмецкой исторіи* служить та же эпоха подъема народнаго духа въ Германіи *), изложеніе которой составляло академическую славу Гейссера. Это—время Наполеона I и германскихъ войнъ за освобожденіе, къ которому профессоръ любилъ такъ часто обращаться, и въ описанные выше зимніе вечера, и во вторую половину своего лѣтняго курса **). Бѣглою характеристикой содержанія *Нѣмецкой исторіи* могутъ служить слова Онкепа объ его изложеніи авторомъ съ кафедръ. Вотъ они: «Конечно, никогда еще съ пѣмецкой кафедръ не слышалось такихъ потрясающихъ душу описаній катастрофъ 1806 и 1809 годовъ; но никогда также не изображалось теплѣе и вдохновеннѣе возмущеніе, на прусской почвѣ, поваго зданія нашего національнаго быта и одушевленіе незабвеннаго 1813 года. Слушатели вздыхали свободно, когда Гейссеръ замѣчалъ тутъ, по своему обыкновенію, просто и искренно: «Вотъ моменты, которые вознаграждаютъ насъ за многое, многое, и изглаживаютъ въ нашей исторіи столько постыднаго!» И при безыскусственномъ описаніи этого безпримѣрнаго подъема духа они понимали, что хотѣлъ сказать Гейссеръ, присовокупляя тутъ: «Вотъ ужъ сколько лѣтъ рассказываю я нѣмецкую исторію, а эта часть моей задачи все влечетъ меня къ себѣ съ одинаковымъ очарованіемъ» ***).

Да, Гейссеръ вовсе не походилъ на пѣмецкія ученыхъ муміи, на безстрастныхъ философскія величія. Что бы онъ ни дѣлалъ, въ немъ всегда была ключемъ струя любви и одушевленія. Писалъ-ли онъ кропотливое изслѣдованіе о научныхъ фактахъ, добытыхъ изъ-подъ пыли архивовъ, изъяснилъ-ли съ кафедръ многотрудное содержаніе обширной науки, проповѣдывалъ-ли свои убѣжденія съ парламентской трибуны или на

*) *Deutsche Geschichte vom Tode Friedrichs des Grossen bis zur Gründung des deutschen Bundes* (1-е изд. въ 1854—1857; 3-е въ 1861—1863) доведена до образованія Германскаго Союза, слѣдовательно до 8 іюня 1815 года.

**) Настоящее изданіе обнимаетъ лишь первую, болѣшую половину лѣтнихъ курсовъ Гейссера. Вторую составляла исторія императорства Наполеона до 1815 г. Онкенъ опустилъ ее, потому что она, главнымъ образомъ, касалась пѣмецкой исторіи этой эпохи и представляла сжатое изложеніе большаго сочиненія Гейссера.

***) Häusser's Gesch. der franz. Revol. Vorrede.

столбцахъ газеты,—отъ него всегда вѣяло очарованіемъ живого существа, недремлющей и гордой силы. Это былъ *общественный дѣятель* въ каждомъ своемъ словѣ и поступкѣ. Онъ всего больше дорожилъ тѣмъ, что прямо пробуждало отъ сна родную страну, поднимало національное сознание. Онъ былъ заклятымъ врагомъ мертвечины, отвлеченности, школьнаго тупоумія, бесплоднаго ученаго жречества не менѣе, чѣмъ и чиновничьяго бумагомаранья, мундирнаго однообразія, солдатской симметричности.

По нашему мнѣнію, трудно лучше характеризовать Гейссера, чѣмъ указаніемъ на одинъ его трудъ, исполненный въ эпоху, на которой мы остановились.

Въ эти же 50-е годы, въ минуту затихшя политическихъ стремленій въ жизни Гейссера, кромѣ *Нѣмецкой исторіи*, появилось его *Собраніе сочиненій Фридриха Листа*. Трудъ состоитъ изъ трехъ томовъ, изъ которыхъ первый посвященъ біографіи Листа, написанной Гейссеромъ.

Мы уже замѣтили, что общественная струнка, участіе къ своему отечеству и къ современности руководили нашимъ профессоромъ въ выборѣ предметовъ его главныхъ занятій. Послѣдніе всегда такъ близко касались злобы дня, что задрывали публику за-живое и вовлекали автора въ борьбу, поднимая на него цѣлое полчище враговъ, наивно воображавшихъ, что они клеймятъ его позоромъ, титулуя «вождемъ партіи». Такъ, *Нѣмецкая исторія* и предлагаемыя лекціи о французской революціи, по своимъ идеямъ, касались жгучихъ вопросовъ о свободѣ совѣсти, о конституціонализмѣ и объединеніи Германіи. Онъ даже прямо затрогивали еще живыя тогда лица. Ветераны 1813 и 1814 годовъ и ихъ дѣти присылали Гейссеру свои замѣтки на многія страницы *Нѣмецкой исторіи*, гдѣ говорилось о событіяхъ, лично пережитыхъ ими. Изъ нашего изданія читатель замѣтитъ, что источникомъ лекцій о революціи были не однѣ книги: Гейссеръ лично былъ знакомъ съ нѣкоторыми дѣятелями той эпохи, напримѣръ съ престарѣлымъ Сіейсомъ, столько испытавшимъ на своемъ вѣку. А что касается враговъ, то въ Германіи хорошо извѣстно каждому взрослому гимназисту, сколько грязныхъ клеветъ и низкихъ впушеній сыпалось на головы Гейссера и его друзей за ихъ прерзіе къ Австріи и увлеченіе объединительной ролью Прус-

сиі *). Если его не постигъ такой же ударъ, каковой перенесъ другой извѣстный историкъ, *Зибель*, принужденный бѣжать изъ Мюнхена въ Боннъ, то лишь потому, что онъ дѣйствовалъ въ Баденѣ: а эта земля раньше всѣхъ на югѣ Германіи добровольно подняла знамя пѣмеднаго объединенія подь счастливой звѣздой Пруссіи.

Точно то же, и еще въ большей мѣрѣ, можно сказать про выборъ предметомъ біографіи судьбы Листа. И по характеристамъ, и по дѣятельности, и по идеямъ, руководившимъ имъ въ жизни, Листъ—близкій родственникъ Гейссера. Оттого онъ нашелъ въ немъ друга и помощника при жизни и горячаго защитника по смерти своей. Вся біографія Листа, написанная съ необыкновенной теплотой и силой убѣжденія, прекрасно характеризуетъ самого автора. Какъ часто, перечитывая ее, мы невольно восклицали: «Это такъ идетъ къ Гейссеру: стоить только перемѣнить имя!» Къ сожалѣнію, плачь нашей статьи не дозволяетъ намъ воспользоваться этимъ важнымъ источникомъ для характеристики Гейссера: мы не пишемъ его біографіи. Но надѣмся, что и нѣсколько выдержекъ изъ этой, вообще крайне любопытной и поучительной, книги произведутъ свое впечатлѣніе на читателя.

Вотъ что особенно привлекало Гейссера въ Листѣ. „Мы не знаемъ, гдѣ столь суровая школа могла образовать такую энергическую личность и въ эпоху распущенности представить столь рѣдкій образецъ характера, преслѣдуящаго одну цѣль въ жизни такъ неуклонно и неумоимо“. Нѣсколько разъ приводитъ біографъ слѣдующія, очаровавшія его, выраженія Листа: «Если теоріи политической экономіи суждено подвинуть впередъ національные интересы, то она должна

*) Желающимъ познакомиться съ силой и характеромъ этихъ нападокъ и съ Гейссеровой манерой полемизировать рекомендуемъ двѣ интересныя брошюры. Одна принадлежитъ Онно Клоппу, историку, пользующемуся въ Германіи большою Геростратовскою славой: его цѣль—возвеличеніе Габсбурговъ, Тилла и иезуитовъ и униженіе Гогенцоллерновъ, Густава-Адольфа и Фридриха Великаго. Въ 1861 г. Гейссеръ написалъ (въ *Preussische Jahrbücher*) критику на его сочиненіе о Фридрихѣ II, въ которой развивалъ свой взглядъ на этого короля, высказанный въ I томѣ (1 кв.) Пѣмеккой исторіи. Онно Клоппъ отыгнулъ запальчивымъ памфлетомъ „*Offener Brief an den H. Haupter in Heidelberg*“, напечатаннымъ въ Ганноверѣ. Въ началѣ 1862 г., въ Гейдельбергѣ появилось и открытое письмо къ Клоппу Гейссера, подь названіемъ *Zur Beurtheilung Friedrichs des Grossen*.

покинуть рабочія комнаты ученыхъ, кафедры профессоровъ, кабинеты высшаго чиновничества и спуститься въ конторы фабрикантовъ, негодяевъ, кораблестроителей, капиталистовъ и банкировъ, въ бюро всѣхъ общественныхъ служителей и ходоуевъ, въ жилища помѣщиковъ, а особенно въ палаты земскихъ чиновъ,—словомъ, она должна стать совокупнымъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей націи. Гейссеру было любо замѣчать, что его другъ всегда оставался вѣренъ этому правилу. „Листъ первый сдѣлалъ попытку втянуть національный интересъ въ важныя экономическія событія, побороться съ обычными преданіями, потрясти вѣру въ авторитеты экономической науки. Вся его дѣятельность всегда была направлена къ этой цѣли... Посреди равнодушія, непризнанія и преслѣдованій, онъ неутомимо разыскивалъ практическія средства великой, свободной и публичной жизни націи, подвизался въ несказанно смѣлой борьбѣ съ немилостью старыхъ властей, съ отвлеченной знатностью ученыхъ, съ предрасудками и дразгами нашего дробнаго государственнаго быта, съ непрактичнымъ, флегматическимъ, неповоротливымъ духомъ цѣлой націи“. Враги называли „большимъ памфлетомъ“ капитальное сочиненіе Листа,—*Das nationale System der politischen Oekonomie*. „Да, говоритъ Гейссеръ, въ немъ есть теплота и полетъ великаго политическаго памфлета. Въ немъ господствуетъ тонъ самаго глубокаго и живого патриотическаго одушевленія. Листъ умѣлъ вдохновлять, увлекать и пробуждать великій народный интересъ, чего ужъ конечно нигдѣ и никогда не могли произвести его ученые противники“. И въ какой средѣ работалъ этотъ богатырскій характеръ! Вотъ какъ очерчиваетъ ее Гейссеръ, рисуя тутъ и себя самого. „Наше школьное воспитаніе, наша чисто-литературная и беллетристическая работа, наше чиновничье управленіе,— все соединилось здѣсь, чтобы сдѣлать иѣмецкую почву недоступной для столь шумной, оживленной и публичной дѣятельности, какъ Листова, и чтобы горячею борьбой крайностей возбудить на первый разъ скорѣе отвращеніе къ ней чѣмъ, удовольствіе... Тутъ все еще было довольно господъ, которые охотнѣе простили бы что угодно, только не эту неудобную, возбудительную агитацію; которымъ было пріятнѣе видѣть, какъ изъ девяти книгъ дѣлается десятокъ, чѣмъ какъ пару-

шается литературный миръ такую безпокойной и тревожной книгой (Das nationale System).. Чтобы нѣмецкій ученый всей душой предался общественному интересу, чтобы онъ увидѣлъ свой идеаль въ достиженіи какой-нибудь практической цѣли въ матеріальной области,—это было такъ необыкновенно и непонятно въ Германіи, что скорѣе готовы были прибѣгнуть къ самымъ обыденнымъ мѣркамъ, къ самымъ дюжиннымъ мотивамъ, чѣмъ признать необычайность и важность такого явленія^{*)}.

Но оставляемъ этого ранняго бойца за „коммерческое и политическое единство Германіи“, чтобы возвратиться къ его соратнику и почитателю.

Прошло десять лѣтъ послѣ тѣхъ политическихъ движеній, которыя увлекли патріота-профессора въ водоворотъ вопросовъ дня. Неразрѣшенное тогда созрѣло и окрѣпло. Тверже, бодрѣ и многочисленнѣе стала фаланга бойцовъ за новыя начала. На ней уже не лежало пятна насилій, революціонныхъ бурь. Въ то же время въ Германіи, въ ея центрахъ—Австріи и Пруссіи, готовились величайшія событія, еще не виданныя въ ея исторіи. И вотъ, конецъ пятидесятихъ годовъ знаменуется даже для маленькаго Бадена новыми общественными движеніями, въ которыхъ уже лежали прочныя сѣмена важнаго будущаго. Смѣло и дѣльно, съ сознаниемъ своего могущества, поднялась здѣсь оппозиція противъ извѣщавшей реакціи въ протестапизмъ и ультрамонтанства, противъ дряклѣвшаго государственнаго произвола и стремленія мелкихъ государствъ къ обособности. Гейссеръ опять былъ затропутъ до глубины души. Онъ опять кипулся въ патріотическую борьбу. Его полемика съ церковными гасильщиками свободы и современнаго просвѣщенія много содѣйствовала тому благотворному оживленію баденскаго общества, которое возникло изъ-за переговоровъ о конкордатѣ съ папой. А въ началѣ 1860 года Гейссеръ уже опять появился въ пиллпей палатѣ. Здѣсь онъ, какъ въ молодости, горячо и чистосердечно употреблялъ всѣ честныя средства для поддержки либеральнаго министерства, возникшаго весной этого года. Идеи, которыми Гейссеръ оставался вѣренъ во всю свою жизнь, были

*) Friedrich List's gesammelte Schriften, herausg. von Ludwig Haussier. Stuttg. und Tübingen, 1850. I, pass.

уже совсѣмъ не въ томъ положеніи, чѣмъ въ концѣ сороковыхъ годовъ. Очищенныя горькимъ испытаніемъ и установившіяся, онѣ проникли въ управленіе страной. Исторія острожно подводила Германію къ осуществленію завѣтной мечты Гейссера о „союзномъ государствѣ“. Гейссеру теперь было весело работать: его освѣняла вѣра въ успѣхъ. И вотъ, онъ уже до самой своей смерти не покидаетъ политическаго прища, дѣля свои силы между ученой кафедрой и газетной редакціей да парламентской трибуной. Изъ палаты онъ выходитъ лишь за годъ до своей смерти, и то только потому, что истекъ срокъ, на который онъ былъ выбранъ. Въ эти же пять лѣтъ (1860—1865) Гейссеръ неутомимо работаетъ и въ другихъ политическихъ собраніяхъ великой важности для будущаго, изъ которыхъ ни одно не рѣшилось обойтись безъ его содѣйствія. Такъ, онъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ, приведенныхъ, въ 1863 г., къ сѣзду нѣмецкихъ депутатовъ, гдѣ на его долю выпала первостепенная роль довадчика по важнѣйшему вопросу въ занятіяхъ собранія. Въ тѣ минуты идея пангерманизма искала своихъ практическихъ проявленій не въ этихъ только политическихъ сѣздахъ и переговорахъ. Она начала уже открыто дѣйствовать путемъ гласности, стараясь пропигнуть въ умы, вглубь общества. На югѣ Германіи возникла газета съ небывалымъ, по своей ясности и откровенности, знаменемъ. То была, падавшая въ свое время не мало шума, Süddeutsche Zeitung. Она заботилась о единствѣ германской націи. Въ ея основаніи участвовалъ Гейссеръ.

Повторяемъ, этотъ истинный нѣмецкій патріотъ никогда не измѣнялъ своему высокому идеалу въ политикѣ. Передъ нимъ посился образъ единой, могучей, по свободной и гражданской Германіи. Въ перспективѣ близкаго будущаго видѣлъ онъ союзное государство (Bundesstaat), съ представителями началъ цивилизаціи во главѣ, а не военную имперію съ фельдфебельскими порывами. Онъ хотѣлъ, чтобы эта новая, благородная Германія своею жизнью изгладила „столько постыднаго“ въ своей исторіи. А это „постыдное“, какъ можетъ замѣтить читатель уже изъ предлагаемыхъ лекцій, Гейссеръ приписывалъ пагубному вліянію не Австріи, но, въ извѣстномъ смыслѣ, и Пруссіи...

Смерть рано похитила Гейссера, особенно для его ученой

и профессорской дѣятельности. Вѣдь, ему было всего 48 лѣтъ, когда она подералась къ нему, 17 марта 1866 года! А силы въ немъ было столько, что онъ цѣлыхъ 16 мѣсяцевъ успѣшно боролся съ мучительнымъ недугомъ: лишь за два дня до кончины онъ окончилъ свой курсъ нѣмецкой исторіи и распорядился, какъ деканъ, со студентами философскаго факультета.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ Опкеновомъ изданіи лекцій Гейссера и объ ихъ переводѣ, предлагаемомъ отечественной публикѣ.

У Опкена соединяются всѣ условія для успѣшнаго исполненія этой задачи. Онъ изучилъ стенографію, что дало ему возможность почти буквально уловить такую быструю рѣчь, какъ Гейссера. Онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ профессоромъ, подъ руководствомъ котораго готовился къ запискѣ той же каѳедры: это доставило ему доступъ къ бумагамъ, оставшимся по смерти Гейссера. Наконецъ, онъ специалистъ по всеобщей исторіи, слѣдовательно могъ сдѣлать справки съ источниками тамъ, гдѣ встрѣчались недоразумѣнія или неясности. Опкенъ и воспользовался всѣми этими средствами. Въ основу изданія онъ положилъ свои стенографическія записки, составленныя лѣтомъ 1860 года, лишь въ немногихъ мѣстахъ добавляя ихъ записками двухъ студентовъ 1861 и 1863 годовъ. Затѣмъ онъ употребилъ въ дѣло посмертныя бумаги профессора.

Гейссеръ никогда не переставалъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ слѣдить за ходомъ развитія своей науки. Уже большой и почти весь занятый лекціями и парламентомъ, онъ находилъ время изучать разныя подробности по новымъ трудамъ нѣмецкихъ и французскихъ ученыхъ. Найдены вконецъ бумаги, на которомъ онъ, незадолго до своей смерти, написалъ рядъ названій новыхъ сочиненій, а внизу: „Просмотрѣть до лѣта 1867 г.“. Вотъ почему въ его бумагахъ остался значительный запасъ выписокъ изъ источниковъ и бѣглыхъ замѣтокъ для лекцій. Большая часть важнѣйшихъ эпизодовъ разобрава здѣсь отрывочно, но подробно и съ методой и критикой. Опкенъ замѣтилъ, что все это извлекалось изъ печатнаго матеріала; съ неизданными документами Гейссеръ познакомился лишь при помощи классическаго сочиненія Зи-

беля о революціонной эпохѣ, къ которому онъ часто прибѣгалъ, какъ читатель увидитъ самъ изъ настоящей книги *).

„Въ этихъ выпискахъ, говоритъ Опкень, рѣдко-рѣдко попадалось что-нибудь больше, чѣмъ чисто фактическая канва для лекціи. За исключеніемъ нѣсколькихъ отрывочныхъ фразъ, которыя можно считать оглавленіями безъ главъ, въ нихъ совсѣмъ не было ничего похожего на тѣ характеристики, описанія и размышленія, которыя сообщали его изложенію эту неподражаемую драматическую живость. Забѣтки представляли лишь остовъ, который уже въ теченіе лекціи наполнялся плотью и кровью“. Болѣе связный и законченный видъ имѣли только забѣтки о Пруссіи и Польшѣ, составленныя на основаніи документовъ берлинскаго архива. Онѣ дѣликомъ вошли въ наше изданіе лекцій **).

Уже изъ этого характера лекцій Гейссера и ихъ отношеній къ письменнымъ забѣткамъ, для издателя вытекала нелегкая задача дополнить первыя послѣдними и провѣрить фактическую основу импровизацій, которыя не могли отличаться точностью въ подробностяхъ, несмотря на изумительную память профессора. Сверхъ того, Опкень рѣшился, съ своей стороны, помочь уясненію предмета. Онъ дополняетъ указанную профессоромъ литературу предмета, особенно за послѣднія семь лѣтъ. Хотя, насколько мы могли замѣтить, эти дополненія несовсѣмъ исчерпываютъ предметъ, мы, конечно, обязаны благодарить издателя за столь полезный трудъ, тѣмъ болѣе, что всѣ эти вставки помѣщены имъ въ примѣчаніяхъ и отмѣчены особеннымъ знакомъ ***).

Менѣе удачнымъ показался намъ методъ, которому слѣдовалъ Опкень въ „обработкѣ лекцій и бумагъ“, по его выраженію. Онъ старался „такъ слить ихъ, чтобы и въ языкѣ, и въ содержаніи возможно менѣе были замѣтны слѣды второй руки“. У такого талантливаго профессора, какъ Гейссеръ, много значенія и интереса представляеть всякая мелочь, даже внѣшняя, касающаяся одной формы. У оригинальнаго,

*) Забѣткимъ адѣсь встаетъ, что вездѣ, гдѣ у насъ не указано изданія труда Зибеля, мы разумѣли его 3-е изданіе.

**) См. ниже, гл. XIX.

***) У насъ онѣ отмѣчены буквой О. Примѣчанія, принадлежація намъ, обозначены буквами Р е д. Всѣ остальные принадлежатъ самому Гейссеру.

сильнаго дарованіями композитора важны переходы въ двѣтри ноты. Кто поручится намъ, что издатель угадалъ ту связь, въ которую ораторъ поставилъ бы свои замѣтки, набросанныя на клочкахъ бумаги для памяти? По крайней мѣрѣ, тѣмъ, что всѣ дополненія изъ бумагъ Гейссера не внесены въ примѣчанія, Онкенъ далъ намъ право залодозрѣвать его въ авторствѣ нѣкоторыхъ неловкостей, иногда встрѣчающихся въ текстѣ. Впрочемъ, онъ указалъ, какія мѣста подвергались наибольшей переработкѣ по этому методу. Это— часть предреволюціонной эпохи, событія съ іюня до сентября 1792 г. и начало конвента; а также характеристика министерства Тюрго и описанія 20-го іюня, 10-го августа, сентябрьскихъ дней и части террора.

Спѣшимъ оговориться. Эта, не совсѣмъ удачная, метода соединенія письменныхъ замѣтокъ съ живой рѣчью нисколько не унижаетъ въ нашихъ глазахъ заслуги Онкена. Мы съ удовольствіемъ присоединяемся къ общей благодарности, высказанной ему нѣмецкими рецензентами, все бывшими слушателями Гейссера. По нашему мнѣнію, нападать на издателя лекцій, оставшихся лишь въ запискахъ студентовъ, за мелкіе промахи можетъ только тотъ, кто не испыталъ, какую трудную, часто неисполнимую задачу представляетъ подобное дѣло. А мы, къ прискорбію, видѣли, какъ иногда исполняются подобныя задачи, на примѣръ, у насъ. Мы не можемъ вспомнить безъ негодованія, какой участи подверглись, въ одномъ изъ нашихъ толстыхъ журналовъ, лекціи незабвеннаго Грановскаго, во многихъ отношеніяхъ напоминающаго Гейссера.

Наша задача, при редактированіи перевода лекцій Гейссера, состояла въ сильномъ содѣйствіи Онкену въ его желаніи уяснить дѣло публикѣ. Мы замѣтили, что онъ пропустилъ нѣсколько неточностей или маловажныхъ фактическихъ ошибокъ; не упомянулъ о нѣкоторыхъ интересныхъ трудахъ по исторіи французской революціи; не сличалъ иногда мѣстъ, приводимыхъ откуда-нибудь дословно. Пользуясь отчасти собственными свѣдѣніями, отчасти рецензіями нѣмецкихъ журналовъ объ изданіи лекцій Гейссера, мы сочли полезнымъ внести эти поправки прямо въ текстъ. Иногда, при неточности изложенія и при важности чужихъ словъ, мы при-

соединяли эти послѣднія въ подлинникѣ. Мы нѣсколько измѣнили и самое дѣленіе книги на отдѣлы и главы. У Оппена оно было лишено экономіи по случайной причинѣ: ему хотѣлось придерживаться дѣленія, бывшаго въ программѣ лекцій, чтобы бывшіе слушатели Гейссера легко могли слышать книгу съ своими собственными записками. Наконецъ, считаемъ долгомъ заявить, что мы позволяли себѣ иногда и ничтожныя измѣненія въ самомъ изложеніи. Это случилось въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, просто по поспѣшности издателя, прокрались въ текстъ повторенія, или примѣчанія, или очевидныя неловкости.—столь естественныя въ живой рѣчи и въ запискахъ студентовъ,—которыя можно отнести къ разряду обмолвокъ.

Что касается нашего перевода, то мы можемъ дозволить себѣ надѣяться только на вѣрную передачу *содержанія* лекцій Гейссера. Эта надежда и внушила намъ смѣлость взяться за дѣло, нерѣдко представляющее почти непреодолимыя затрудненія. Кто не знаетъ, какъ вообще нелегко передавать на чужомъ языкѣ всякую *живую* рѣчь? Насколько же тяжела задача—быть истолкователемъ оратора, полнаго таланта и своеобразности, который черпалъ слова изъ глубины одушевленія и нѣсколькими фразами рисовалъ историческія картины, съ ихъ перспективой вѣковъ и широтой идей? Мы сочили бы нашу цѣль достигнутой, если бы читатель, при умѣстной здѣсь списходительности, замѣтилъ, что у насъ было желаніе передать не одно содержаніе лекцій Гейссера, но и тѣ отбѣлки, которые составляютъ неувимую душу самобытнаго ума и таланта.

Покойный профессоръ говорилъ, разставаясь съ своими слушателями: „Я не могъ исчерпать всего матеріала. Но это не въ силахъ сдѣлать никакія лекціи. Иное дѣло развить историческое мышленіе, изоцирить сужденіе, указать путь къ усвоепію воспріятого... Я желалъ пробудить въ васъ чутье и интересъ къ могучему предмету“ Эта цѣль, которой Гейссеръ служилъ во всю свою жизнь, выходитъ за предѣлы извѣстной мѣстности. Теплое и талантливое слово Гейссера можетъ и должно дѣйствовать также благотворно и въ Россіи, какъ дѣйствовало оно въ Германіи. Рѣшаясь передать его на родномъ языкѣ, мы были убѣждены, что оно не пройдетъ

бездѣдно ни для нашей образованной публики вообще, ни для нашихъ студентовъ, учителей и старшихъ воспитанниковъ и воспитанницъ въ особенности.

Въ этомъ ручалось намъ еще то счастливое обстоятельство, что у насъ уже есть переводъ лучшаго и новѣйшаго сочиненія по исторіи французской революціи*). Наше изданіе должно применить къ труду *Зибеля*, съ которымъ оно находится въ органической связи. „Исторія революціонной эпохи“ *Зибеля****) сама по себѣ тяжела для обширной публики уже по своему объему. Требуется много усидчиваго труда и подготовки, чтобы изъ нѣсколькихъ томовъ, наполовину посвященныхъ архивнымъ мелочамъ, извлечь „душу живу“ великаго предмета. Смыслъ и значеніе лекцій Гейссера состоятъ именно въ исцаліи этой души. Въ нихъ—мастерская, въ этомъ отношеніи, выборка главныхъ фактовъ, которые желающій можетъ легко дополнить самъ, имѣя подъ руками переводъ сочиненія *Зибеля*.

А. Травневскій.

15 августа 1870 года.

*) Послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія этой книги литература по исторіи французской революціи нѣсколько обогатилась. Вотъ наиболее выдающіяся сочиненія, относящіяся до этой эпохи; 1) *Сорель*. Европа и французская революція. Пер. подъ ред. Н. Карѣва. 4 т. Т. I. Политическіе нравы и традиціи. Т. II. Паденіе монархіи. Т. III. Война съ монархами. Т. IV. Естественныя границы. Сиб. 92 г. 11 р. 50 к. 2) *Тань*. Происхожденіе строя современной Франціи. Т. I. Старый порядокъ. Пер. съ 3-го изд. Сиб. 80 г. 3 р. 50 к. То-же. Т. II. (Революція. Торжество якобинцевъ), помѣщ. въ журн. «Русская рѣчь» 81 г. 7—12; 82 г. 1—5. 3) *Токоиль*. Старый порядокъ и революція. Нов. изд. М. 96 г. 50 к. 4) *Мишле*. Исторія революціи. 3 т. II. 4 р. 50 к. 5) *Куртесъ*. II. Исторія Зап. Европы въ новое время. Т. III—IV. (XVIII в. Франц. революція. XIX в. Консульство; имперія, реставрація). Сиб. 93—4 7 р. 50 к. 6) *Ковалевскій*, М. Исторія французской демократіи. 8 т. М. 94—г. 93 7 р. 50 к. 7) *Карлейль*. Франц. револ. Т. I. Бастилія. М. 66 г. 1 р. 50 к. 8) *Деверъ*. Всемирн. ист. Т. XIII. 9) *Тьеръ*. Ист. франц. рев. (1788—99 г.). Сиб. 77 г. 10 р. 10) *Ламартинъ*. Ист. жироидистовъ (переведено 2 т. изд. 12). Сиб. 71—72 г. II. 4 р. 11) *Мортимеръ Терно*. (Изложено въ Отеч. Зап. 64 г. 6, 7, 8, 9, 10. Популярныя книги: *Карно*. Ист. фр. революціи. Сиб. 93 г. 1 р. *Писаревъ*. Истор. очерки. (Соч. Т. . . . Изд. Ф. Павленкова). *Кауцкій*. Этюды. Сиб. 95 г. (Противорѣчія классовыхъ интересовъ 1789 г.). *Мишле*. Ист. франц. революція, Сиб. 95 г. 1 р. *Бертоллетти*. Франц. револ. М. 85 г. 1 р. Д. С. Мишл. Разсужденія и исследования (О Мишле).

**) *Зибель*. Ист. франц. рев. и ея времени (1789—95). Пер. подъ редакц. В. Ососова. Сиб. 63—5 г. II. 6 р.

ВВЕДЕНИЕ

ФРАНЦИЯ ПЕРЕДЪ РЕВОЛЮЦІЕЙ.

ГЛАВА I.

Всемирный и мѣстный характеръ революціи.

Переворотъ 1789 года носить преимущественно названіе „революціи“: стоитъ услышать это слово, чтобы немедленно вспомнить именно революцію 1789 года. Причина этого лежитъ въ своеобразности этого переворота.

Мы не хотимъ сказать этимъ, что такихъ коренныхъ потрясеній не бывало и прежде: въ каждомъ историческомъ періодѣ можно встрѣтить эпохи, когда все, до самыхъ основъ государственнаго и общественнаго порядка, приходило въ броженіе. Подобныя явленія такъ глубоко коренятся въ человеческой природѣ, что врядъ ли стоило бы особенно указывать на это, еслибы не было въ интересахъ извѣстныхъ партій выставить революцію 1789 г., какъ начало всѣхъ революцій. Эпохи гражданскихъ войнъ въ Греціи и Римѣ—революціи въ повѣйшемъ смыслѣ. Въ теченіе среднихъ вѣковъ мы встрѣчаемъ подобныя же потрясенія со всею ихъ насильственностью и жаждою крови, напримѣръ, въ Италіи; на нихъ же наталкиваемся и къ концу этого періода, со времени гуситскихъ войнъ, когда стали сокрушать старыя авторитеты даже въ области религіи, когда повсюду, до самыхъ основъ общества и государства, распространялась необузданная егрясть разрушенія.

Отличительною же чертою излагаемой революціи служить то, что она болѣе, чѣмъ всякая другая, утратила свой мѣстный характеръ. Нельзя сказать, чтобы она была вполне лишена его; но она отрѣшилась отъ него болѣе, чѣмъ другіе подобныя

перевороты. Она съ самаго начала поставила себѣ цѣли, далеко выходящія за предѣлы мѣста ея рожденія, а въ дальнѣйшемъ ходѣ увлекла въ своемъ потокѣ не только Западъ, — со всѣмъ его политическимъ развитіемъ, но и часть Востока Свѣта.

„Приципы, идеи революціи“ — выраженіе, часто превратно понимаемое, а еще чаще злоупотребляемое — явились чѣмъ-то общечеловѣческимъ, чѣмъ-то господствующимъ надъ строемъ всего политическаго міра.

Вослѣдствіи, въ періодъ самаго дикаго неистовства революціи, случалось, что какой-нибудь сумасбродъ выдавалъ себя за оратора человѣческаго рода (*orateur du genre humain*). Это, конечно, безумная выходка: тѣмъ не менѣе въ ней есть что-то, намекающее на источникъ явленія. Французская революція съ самаго пачала выставила всемірную программу; она взялась перестроить весь міръ по отвлеченнымъ „философскимъ“ ученіямъ. Ничего подобнаго не было ни въ какой другой революціи. Вотъ откуда и та сила, съ которою она охватываетъ и увлекаетъ страшныя массы.

Что въ сравненіи съ этимъ революціоннымъ переселеніемъ народовъ всѣ городскія революціи древности, всѣ междоусобія итальянскихъ республикъ въ XIII и XIV столѣтіяхъ, даже самыя гуситскія войны? Никогда еще въ революціяхъ не принимали участія такія огромныя массы и на такомъ обширномъ пространствѣ. Уже это одно составляетъ рѣзкое отличіе революціи 1789 г. отъ всѣхъ остальныхъ, — именно міровой характеръ ея задачъ, всеобщность мотивовъ, выставленныхъ ею съ самаго начала своєю программой, наконецъ неслыханное участіе массъ.

Тѣмъ не менѣе, она никогда не могла отрѣшиться вполнѣ отъ своего мѣстнаго характера. Стремясь перейти въ обще-европейскую, она никогда не переставала быть французскою. Прежде всего, какъ она зародилась? Рядомъ съ полными значенія всемірными элементами, здѣсь все-таки лежитъ неизмѣримый, собственно французскій горбачій матеріалъ. Что революція вспыхнула именно здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ, — это не случайность, не слѣдствіе подвижности и впечатлительности французовъ, но глубокая историческая необходимость. Уже бѣглый взглядъ на исторію предшествовавшаго времени достаточно выясняетъ это.

Начиная съ XVII ст., господствовавшая повсюду въ Европѣ абсолютная монархія шла въ уровень съ обстоятельствами и задачами времени; она умѣла вникать въ нужды народовъ, даже могущественно управлять ими до конца XVIII ст. Это была та монархія, которая, въ лицѣ Фридриха Великаго, предначертала Европѣ ея пути. Повсюду абсолютизмъ усѣбно оберегалъ популярныя основы

своей власти, содѣйствоваль по-своему интересамъ общества, ослабляль тяжкія оковы феодализма, выставляль свою диктатуру такою благотворною, видительною, охранительною формою, что она стала любезна массамъ. Такъ было въ большей части европейскихъ странъ; никто не питаль ненависти въ монархіи за ея абсолютизмъ, потому что ея вліяніе во многихъ отношеніяхъ было плодотворно и благотно. *Врѣмя*

Сравнимъ съ этимъ положеніе Франціи. Рядомъ съ такими монархіями старой Европы, рядомъ съ Фридрихомъ Великимъ, Маріей-Терезіей и Екатериной II, стоитъ Франція Людовика XV, въ которой сохранилось отъ стараго времени именно худшее и негодное. Съ одной стороны, постоянно возрастающее стремленіе массъ уничтожить оковы, стѣсняющія трудъ, собственность, торговлю, доставить каждому возможность свободнаго развитія во всехъ сферахъ жизни; съ другой—самый прихотливый деспотизмъ и, рядомъ, непостижимыя остатки феодализма. Съ одной стороны, монархическій порядокъ, который въ этомъ видѣ не достигаль своей цѣли, съ другой—феодальное преданіе, которое все еще видѣло въ государствѣ добычу привилегированныхъ классовъ, которое змѣй обвивалось вокругъ него, вѣчно тормозя его дѣятельность. Такъ было во Франціи, и только во Франціи. Бонапарту удалось сломить монархію старой Европы лишь послѣ тяжелыхъ ударовъ, благодаря ея поистинѣ нелюдой политикѣ и плохому способу ведения войны: революціонныя симпатіи не подорвали ея военной силы. Стало быть, здѣсь было нѣчто, дававшее возможность проявиться далеко не ничтожному сопротивленію. (А во Франціи рухнуло все,—правительство, администрація, финансы, кредитъ, подъ напоромъ безпримѣрно слабыхъ враждебныхъ силъ.) Какъ мало времени понадобилось здѣсь, чтобы разрушить монархію, которая въ теченіе цѣлаго столѣтія была грозой Европы! И какъ жалко, подостенно даже второстепеннаго государства было это паденіе!

Другая своеобразная черта переворота 1789 г. заключается въ характерѣ самого народа, въ его подвижной, воспримчивой, непостоянной натурѣ, которую римляне замѣчали уже у древнихъ кельтовъ. Ни одинъ народъ не способенъ такъ колебаться между необузданною свободой и подчиненіемъ самому суровому деспотизму; ни въ одномъ нѣтъ такой эластичности, чтобы, проинкинувшись великими идеями, рваться къ подвигамъ и, даже снова поджавъ подъ гнетъ деспотизма, проявлять героизмъ, полміру предписывать законы, презирая именно всѣ тѣ идеи, которыя онъ только что завоеваль. Эта эластичность перѣдко вызываетъ удивленіе и восторгъ.

Но въ этой революціи нельзя не замѣтить и многихъ дурихъ

черть французскаго характера. Пасъ не упрекнуть въ излишней строгости, если мы скажемъ, что изъ всѣхъ романскихъ націй во французской больше всего той послѣдственности и страстности, которыя заставляютъ ее сразу рвануться въ цѣли и достигнуть ее при помощи самыхъ насильственныхъ кровавыхъ средствъ.

Объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ ея прежнее развитіе. Разсматривая исторію Франціи XVI столѣтія, каждый пайдеть не мало чертъ дикой жестокости и суровости, непреклонной, доходящей до варварства страсти, которою запечатлѣны всѣ событія съ 1793 г.

Мѣстный характеръ проявляется особенно рѣзко въ одномъ отношеніи. Революція по своей внѣшности безпрестанно напомнимаешь, что Франція Людовика XV была лишь нечистымъ сосудомъ, въ которомъ хранились принципы 1789 г. Первая идея этого года признаетъ за нѣчто значительное, необыкновенно великое и вѣдательное даже тотъ, кто не раздѣляетъ ихъ. Что въ нихъ лежала міровая программа могущественнаго развитія, этого не стаетъ оспаривать даже тотъ, кто отвергаетъ ихъ въ принципі. Но великая историческая программа вырождалась ли гдѣ-нибудь такъ быстро и ужасно въ такое преступное, отвратительное явленіе? Идеи 1789 г. не отвѣтственны за дѣла 1793 г. Никогда не должно забывать, что на политическомъ поприщѣ въ 1793 г. дѣйствовало общество Людовика XV. Оно не преслѣдовало уже никакихъ опредѣленныхъ политическихъ цѣлей: оно желало разрушить ради разрушенія и думало, что стоитъ только безпредѣльному хаосу поглотить все существующее—и возникнетъ новое. Руссо предсказалъ это топомъ глубокой скорби: теперь явились люди, чтобы осуществить его мысль, но далеко не сантиментально.

Событія 1793—1794 годовъ были смертельнымъ ударомъ для того мирнаго порядка, котораго добивались съ 1789 г., а быть можетъ, и вообще для будущаго. Они заставили сомнѣваться, возможны ли вообще у этого народа мирные плоды революціи. Видѣ колебанія между теоріями 1789 г. и практикой съ 1793 г. составляютъ основную характеръ французской исторіи до нашихъ дней!

Старая французская монархія со временъ Ришелье и Людовика XIV.

Вообще сильно распространено предубѣжденіе, будто положеніе дѣлъ въ старой Франціи было почти то же, что и въ остальной Европѣ. Это далеко не такъ. Правда, Франція, со временъ

Ришелье и первыхъ лѣтъ царствованія Людовика XIV, служила Европѣ образцомъ по своему внутреннему устройству; правда, основная форма централизаціи возникла здѣсь и отсюда уже распространялась на большую часть свѣта. Но подражаніе принимало весьма разнообразный видъ, смотря по странамъ и личностямъ правителей.

Внѣ Франціи идею абсолютизма вынесли на своихъ плечахъ могучіе правители, понимавшіе ее основательнѣе, глубже и яснѣе, чѣмъ Ришелье и Людовикъ XIV, а усовершенствовали ее, сообразно съ возрастающими задачами времени, государственные люди, которые сами подчинялись государству и смотрѣли на себя, какъ на представителей блага подданныхъ.

Во Франціи же, наоборотъ, существовала монархія самая произвольная, насильственная, а вокругъ нея бушевали остатки феодальнаго порядка, который повсюду преграждалъ ей путь и тормозилъ ее. Власть правителя не сдерживалась здѣсь независимыми судами, простымъ, яснымъ сводомъ законовъ, какими-нибудь опредѣленіями правъ, какъ это было даже въ такой абсолютной военной монархіи, какъ Пруссія. Единственный, да и то не политическій, а социальный противовѣсъ ей представлялъ выродившійся феодализмъ, который такъ сильно переросъ ее, что отъ этого старая монархія и рухнула.)

Это отношеніе недавно выяснено однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ умовъ Франціи, Алексисомъ де-Токвилемъ). Онъ выступилъ главнымъ образомъ противъ взгляда, будто положеніе дѣлъ во Франціи было почти то же, что въ остальной Европѣ. Онъ доказалъ на частностяхъ неосуществимое смѣтеніе абсолютнаго государственнаго единства съ обветшавшимъ феодализмомъ и съ поразительною ясностью показалъ далѣе, что та централизація, которую принято называть созданиемъ революціи, это умерщвление всего самостоятельнаго, органическаго, не порождено, а только развито ею. Основы централизаціи были уже въ старой монархіи, и онъ то преимущественно помогли революціи. Блглый взглядъ на исторію предреволюціоннаго періода можетъ всего больше внести свѣтъ въ эти отношенія.

Несмотря на крайнюю необузданность и пелѣротную подвижность характера, французы всегда были пародомъ преимущественно монархическимъ *) и постоянно сильно чувствовали потреб-

*) Oeuvres complètes d'Alexis de Tocqueville, publ. par m-me de Tocqueville, Paris, 1864—1866. Ред.

) Замѣчательнымъ подтвержденіемъ этого образа мыслей служитъ заявление третьяго сословія (tiers état) на собраніи государственныхъ чиновъ 1614 г. «Такъ какъ король Франціи владѣеть короною милостію

постъ въ энергической власти. Оттого-то, послѣ цѣлыхъ 40 лѣтъ кровавыхъ религіозныхъ войнъ, Генрихъ IV могъ возстановить королевскую власть, а когда плоды его политики были сгублены господствомъ женщинъ и любимцевъ, достаточно было одного человѣка, Ришелье, чтобы не только спасти дѣло Генриха, но даже развить его еще съ большею смѣлостью.

Ришелье создалъ среди внутреннихъ и внѣшнихъ замѣшательствъ, единую администрацію, строгій судъ, внутреннюю безопасность, положилъ основаніе сильному войску, возобновилъ внѣшнее вліяніе Франціи, добылъ львиную часть въ 30-лѣтней войнѣ, обуздалъ дворянство, поглотилъ сословія: впервые вся Франція снова почувствовала изъ края въ край тяжесть королевскаго имени. И все это былъ въ состояніи сдѣлать въ какія-нибудь 18 лѣтъ человѣкъ, которому день за днемъ приходилось бороться за свое собственное существованіе. Послѣ его смерти, наслѣдство его могъ принять кто-нибудь гораздо слабѣйшій, и, дѣйствительно, когда молодой, полный стремленій король, почти дитя, получилъ власть, то оказалось, что его окружаютъ, болѣе чѣмъ кого-либо изъ его предшественниковъ, весьма счастливо подготовленныя обстоятельства.

Людовикъ XIV нашелъ при началѣ своего самодержавія прѣвосходное войско, споеіме финансы и уваженіе Европы. Мысль о сопротивленіи королевскому всемогуществу исчезла; старые вожди возстанія сдѣлались исполнителями его воли; мнжество талантовъ въ литературѣ и искусствѣ, во всѣхъ отрасляхъ государственной и военной службы непрерывно добивались королевской милости. Назвъ Франція была могущественнѣе, чѣмъ когда-либо; ея единственный соперникъ, Габсбургъ, поколебался; Англія была связана съ ея интересами, вельдствіе возстановленія Стюартовъ; остальные сосѣди частью были хили и накалунцъ паденія, какъ Испанія, частью въ безпомощномъ разбѣденіи, какъ Германія и Италія.

Вотъ какова была монархія при началѣ правленія Людовика XIV! И если, когда-либо въ государствѣ абсолютная власть монарха пользовалась полною популярностью, если гдѣ-либо національная идея шла съ нею рука объ руку, то это было именно тогда во Франціи.

Въ томъ-то и заключалась великая тайна Ришелье, что онъ постоянно умѣлъ удерживать популярность за этою безграничною

Во ж і в ѣ , то нѣтъ на земѣ ни духовной, ни свѣтской власти, которая бы имѣла какое-либо право отнять власть у священнои особы короля или, по какимъ бы то ни было причинамъ или побужденіямъ, освободить его подданныхъ отъ той вѣрности или того послушанія, которымъ они ему обязаны.

нархъ вовсе не заботился объ этомъ; по закону сословіямъ давалось участіе въ правленіи, на дѣлѣ ихъ заботливо отдаляли отъ него.

Такимъ образомъ, общественнаго права не существовало; не менѣе безотрадно и загубано было и положеніе частнаго права. Между судомъ парламентовъ и произволомъ монарха происходитъ вѣчный раздоръ. Съ другой стороны, смотря по мѣстностямъ, то древне-франкское и римское право, то областныя, обычныя права и королевскіе эдикты служатъ основою судебныхъ рѣшеній. При такомъ положеніи дѣлъ, даже невѣроятное нагроможденіе судовъ для каждаго сословія и для каждаго рода преступленій, — нагроможденіе, безъ всякаго вѣснаго, все-уравнивающаго единства, — дѣйствительно, могло казаться какому-нибудь Ришелье, Кольберу, Тюрго сравнительно очень значительнымъ улучшеніемъ, которое могло быть проведено лишь послѣ отчаяннаго сопротивленія ¹⁾).

Администрація, напротивъ, все болѣе и болѣе сосредоточиваясь со временъ Кольбера, представляла довольно простую картину, но это была роковая простота. Главный министръ былъ и наблюдавшимъ за всѣмъ *contrôleur général*, и министромъ финансовъ, внутреннихъ и морскихъ дѣлъ, общественныхъ работъ и торговли. Онъ, съ нѣсколькими другими министрами, составлялъ королевскій совѣтъ (*conseil du roi*), гдѣ рѣшались всѣ важныя и мелкія дѣла, отъ главнѣйшихъ вопросовъ иностранной политики до самаго ничтожнаго недоразумѣнія сельскаго старосты. Во главѣ провинцій стояли губернаторы. На эти мѣста назначались обыкновенно лица изъ высшаго дворянства, даже изъ принцевъ крови. Блескомъ подобныхъ мѣстъ желали вознаградить дворянство за все, чего оно лишилось съ тѣхъ поръ, какъ покинуло родные замки и промѣняло независимость самодержавныхъ бароновъ на блески двора. Эта роль льстила ихъ честолюбію: они были въ своихъ провинціяхъ точно вице-короли, пользовались даже нѣкоторою военною властью. Но управлять имъ было печѣмъ. Управленіе лежало въ рукахъ интендантовъ. Интенданты почти никогда не назначались изъ дворянъ: обыкновенно это были мѣщане-канцеляристы, вышедшіе изъ ничтожества, благодаря своему усердію, своей ловкости и слѣпной покорности. Во главѣ каждой провинціи стоялъ интендантъ, распределявшій и собиравшій подати, производившій рекрутскій наборъ, руководившій судопроизводствомъ, полиціей и управленіемъ, надзиравшій за общественными работами, и все это какъ фактическій и законный вице-король, передъ властью котораго важный губернаторъ казался чуть по ребенку. На

¹⁾ O l é m e n t : Gouvernement de Louis XIV, p. 46.

них-то обрушилась всеобщая страшная неапатия народа. Дворяне видѣли въ нихъ пионеровъ королевской власти, постепенно подвигавшейся подъ ихъ существованіе; въ глазахъ простолюдина это были "видимые исполнители системы, лежавшей на немъ неизлечимымъ гнетомъ. Поэтому въ 1789 г., когда начинали разнуждываться кровожадность марсъ, ихъ возгласомъ было не „Смерть губернаторовъ!“ а „Смерть интендантамъ!“ И первую ихъ жертвой былъ именно интендантъ.

Интенданты, съ своими помощниками (délégués), столь же безусловно зависѣвшими отъ нихъ, какъ они сами отъ генералъ-контролера, управляли провинціями Французской монархіи. Механизмъ былъ въ высшей степени простъ, но уже по своему безграничному обилію правителей убійственъ для самыхъ скромныхъ зародившейся гражданской самостоятельности и общинной свободы.

Токвиль сообщаетъ изъ интендантскихъ архивовъ чрезвычайно интересныя доказательства того, какъ, на этой системѣ, государство вмешивалось во все, какъ ни одна община не смѣла возстаповить рухнувшую колокольню или починить обветшалый церковный домъ, дурную дорогу, сломанный мостъ, безъ соизволенія начальства, которое приходило года черезъ два; и какъ, съ другой стороны, чувство подобной зависимости держитъ въ цепь какъ умъ народа, подрываетъ всякую мысль о самостоятельности и самоуправленіи и развиваетъ самыя дерзкія требованія отъ государственной власти и ея вмешательства. Земледѣльцы обвиняютъ правительство въ неурожаяхъ и въ томъ, что оно не заботится объ улучшеніи земледѣлія и скотоводства? Крестьянъ интендантъ вознагради за павшую питуку скота, за погорѣвшій домъ; уважи имъ выгодныя отрасли земледѣлія, понизь цѣны на сѣмена для посева. Богатыхъ собственниковъ снабди капиталами, чтобы еще больше расширить ихъ хозяйство. Кушамъ и фабрикантамъ дай привилегіи, чтобы защитить ихъ отъ неприятнаго соперничества. Въ числѣ просителей является даже дворянство. Правда, оно лѣзаетъ невыразимое пресрѣбіе къ этимъ мѣщанскимъ канцеляристамъ и если просить о чемъ, то дѣлаетъ это, не роняя своего сословнаго достоинства; тѣмъ не менѣе и ему приходится просить, когда захочется отсрочки, либо сбавки съ двадцатины (vingtième), на назначеніе которой интендантъ имѣетъ большое вліяніе, или когда его дѣла нуждаются въ государственной помощи.

Всѣ въ государствѣ привыкли считать правительство виновникомъ пасмурной и ясной погоды, счастья и несчастья; государство обдѣлалось какъ бы полными корма яслями для своихъ подданныхъ.

Это имѣло важное значеніе для революціи. Послѣ этого понятно, какимъ образомъ въ смутныя времена могла возникнуть

страшная ненависть въ слабую, отнюдь не деспотическому правительству, именно потому, что оно было слабо: если оно считалось всемогущимъ, то оно и должно было все дѣлать, за все отвѣчать и за все нести навазачіе. Понятно далѣе, какъ потомъ терроризму не слишкомъ большого труда стоило водрузить свое знамя тамъ, гдѣ деспотическая централизація старой монархіи такъ усердно подготовила для него почву.

И рядомъ съ этою централизаціей сохранялись остатки самаго замѣчательнаго феодализма. Французскій крестьянинъ вообще былъ гораздо свободнѣе всякаго другаго крестьянина XVIII столѣтія. Именно передъ нѣмецкимъ крестьяниномъ у него было много преимуществъ: онъ могъ, чего тому не дозволялось, свободно оставлять свой участокъ, покупать и продавать, торговать и работать, какъ ему было угодно. Французскій крестьянинъ уже не былъ крѣпостнымъ; онъ былъ даже земельнымъ собственникомъ, и число мелкихъ землевладѣльцевъ во Франціи было больше, чѣмъ гдѣ-либо.

Старое предубѣжденіе, будто революція создала дробленіе земельныхъ собственности, опровергнуто теперь цифрами и фактами. Въ доказательствамъ, которыя приводитъ Артуръ Юнгъ послѣ трехлѣтнихъ изслѣдованій о состояніи сельскаго хозяйства во Франціи непосредственно передъ революціей, Токвиль присоединилъ еще другія свидѣтельства. Неккеръ жалуется на огромное количество мелкихъ земельныхъ участковъ; Турго находить въ высшей степени нагубнымъ существующій по селамъ обычай дѣлить наследство на слишкомъ мелкіе клочки; а одинъ тайный интендантскій докладъ указываетъ на распаденіе и дробленіе родовыхъ имѣній, внушающее опасеніе. Дѣйствительно, почти третья часть всей земли паходилась въ распоряженіи мелкихъ собственниковъ, которымъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не легко было жить, но слишкомъ легко было умереть съ голоду.

Отношенія крестьянъ къ духовнымъ и свѣтскимъ помѣщикамъ, владѣвшимъ остальными двумя третями земли, были совершенно своеобразны. Французское дворянство давно уже забыло о соединеніи съ преимуществами и обязанностями, которыя для нѣмецкаго дворянства состояли въ участіи въ судопроизводствѣ и управленіи селомъ. Между тѣмъ, какъ въ Германіи помѣщикъ несъ своего рода государственную службу за подати, оброкъ, барщину и пошлыны, которыя онъ собиралъ, французскій феодалъ долженъ былъ уступить государству все привилегіи, палаганія на него извѣстныхъ обязанности, и сохранилъ лишь тѣ, которыя со всѣхъ сторонъ обременяли трудъ крестьянина и подавляли налогами его

собственность. Положимъ, что рыблочные и ярмарочные сборы, исключительное право на охоту и голубятни, обремененіе земельными и поземельными налогами, натуральными и денежными повинностями, помѣщичья монополія на пекарни, мельницы и винодѣліе, гербовая пошлина—все это вовсе не было безпримѣрною своеобразиемъ французскаго феодализма. Но своеобразно было то, что гнетущимъ привилегіямъ этого рода не соответствовали никакія обязанности, благодаря которымъ въ другихъ странахъ не такъ сильно чувствовалась ихъ тяжесть. Такимъ образомъ, то, что въ другихъ мѣстахъ считалось неизбежнымъ зломъ, должно было возбуждать здѣсь невыразимую ненависть. Въ самомъ дѣлѣ, знатный сосѣдъ, который то своимъ правомъ охоты и мельничью привилегіей, то дорожною пошлиной и поземельнымъ налогомъ, наносилъ ущербъ доходу мелкаго крестьянина съ его тяжелаго труда, не дѣлалъ ничего за все эти притязанія. Его даже не видали въ глаза; онъ представлялся, въ лицѣ своихъ безжалостныхъ агентовъ, какимъ-то мрачнымъ рокомъ, существующимъ лишь для того, чтобы мучить и доводить до отчаянія бѣдняка ¹⁾. Если дворянство, проматывавшее въ Версалѣ полученные изъ третьихъ рукъ доходы съ своихъ имѣній, страдало вѣчнымъ безденежьемъ, то положеніе крестьянина, которому, при всемъ его трудѣ, некогда было переверсти духъ, было совершенно невыносимо: очень поистинно, что онъ въ отчаяніи опускалъ, наконецъ, руки и съ азорадствомъ потиралъ ихъ при ударѣ грозы или скотскомъ надежѣ, потому что тутъ терялъ и помѣщикъ. Такимъ образомъ, во Франціи не было здороваго помѣщичьяго сословія, а, слѣдовательно, и здороваго крестьянства. Это неестественное отношеніе было одною изъ главнѣйшихъ причинъ революціи. Только въ Вандеѣ было иначе. Тамъ не было и тѣни той страшной ненависти къ привилегированнымъ (*privilégiés*), которая повсюду проявлялась такъ ужасно. Тамъ, напротивъ, крестьянинъ съ дивнымъ мужествомъ дрался за помѣщика, потому что послѣдній всегда былъ истиннымъ патріархомъ, сострадательнымъ, заботливымъ правителемъ своихъ владѣній, и вполне устранялся отъ распутства придворныхъ дворянъ.

Единственно въ этихъ условіяхъ слѣдуетъ искать и причину, почему церковь раздѣлила съ дворянствомъ національную ненависть. Ошибочно предполагать въ массѣ французскаго народа враждебное церкви настроеніе. Вольтеръ съ своими послѣдователями могъ оторвать отъ старой вѣры высшіе и средніе классы

¹⁾ Кромѣ относящихся сюда отрывковъ изъ Токивиля, ср. болѣе ранній трудъ этого же писателя: *Etat social et politique de la France avant et depuis 1789*; въ *Oeuvres complètes*, v. VIII, 1—54. O.

общества, по милліоны крестьянъ, не умѣвшихъ читать и не знавшихъ о немъ или очень мало, или совсѣмъ ничего. И революція вздумала ввести свой новый церковный порядокъ. В этой части Франціи они схватились за оружіе: всенародная междоусобная война въ защиту стараго порядка; и послѣдствіемъ ея было принятіе закона о церковныхъ имуществѣхъ, который, въ сущности, былъ даромъ радости, какъ возстановленіе мира и законной свободы совѣсти. Слѣдовательно, ненавистно въ церкви было только то, что не сходилась съ феодализмомъ,—именно гнетъ экономическій, а не политическій, за который она съ своей стороны ничѣмъ не платила. Тѣмъ фанатическая страсть преслѣдованія, разнузданная революціею XIV, противъ которой возсталъ гуманизмъ XVIII вѣка. Тѣмъ вѣдомъ, которыя съ восторгомъ привѣтствовали уничтоженіе аббатствъ, объявленіе релігіозной свободы, дошли до страшнаго рабства, когда началось насильственное вторженіе во внутреннюю жизнь церкви.

Французская свѣтская и духовная аристократія обратилась въ окрестную касту, лишенную всѣхъ естественныхъ условій, а потому что она жила не въ народѣ и не съ народомъ, а надъ народомъ. Какой ничтожный, недостойный духъ долженъ былъ выдѣлиться въ подобной корпорации, объ этомъ свидѣтельствуетъ историческая просьба, поданная французскими пэрами въ 1717 г. Филиппу Орлеанскому, въ 1717 г., когда Монтескье уже писалъ на литературное поприще. Въ этой просьбѣ высвѣдены особыя жалобы на нарушеніе своихъ привилегій, настаиваютъ на своихъ правахъ въ требованіяхъ. Причащаться имъ не иначе, какъ у епископа. Въ церкви имъ однимъ имѣть право стлать ковры и занимать первыя мѣста. Въ монастыряхъ полчаса не начинать безъ позволенія обѣдин. На ширяхъ провозглашать ихъ тосты передъ тостами вѣнчанъ и хозяйки. Въ театрѣ и на улицахъ во время Бэды занимать имъ первое мѣсто, „несмотря на всѣ неудобства, которыя отсюда произойти“ (nonobstant tous les embarras qui en peuvent arriver). Пэрамъ не драться съ простыми дворянами, „даже если имъ были нанесены палочные удары“ (même s'ils avaient souffert de bâton); ремесленникамъ же не смѣть жаловаться на нихъ, а только напоминать, и то „изрѣдка“ (mais rarement), и т. д.

Кастическимъ стѣсненіямъ сельскаго населенія соотвѣтствуетъ тяжесть гнета цеховъ въ городахъ. Право на трудъ также зависѣло здѣсь отъ случайности рожденія, какъ тамъ право облагать пошлиной чужую работу. Цеховой ремесленникъ не могъ вѣдать по наследству свое занятіе сыну или зятю. Самому ремесленнику, искусному работнику невозможно было пропигнуть

союзъ maîtrises и jurandes ¹⁾, если за нимъ не было, кромѣ доказательствъ его способностей. Въ Парижѣ насчитось 80 000 нецеховыхъ ремесленниковъ, которые тайкомъ записались своимъ ремесломъ. Они обитали въ предмѣстьяхъ St. Марти и St. Antoine и послужили внослѣдствіи самымъ опаснымъ орудіемъ революціи, потому что бились за свою жизнь. Безсмысленное размноженіе цеховъ и связанныхъ съ ними привилегій составляло точно также источникъ дохода для вѣчно пуждающагося деньгахъ правительства, какъ и чудовищное злоупотребленіе временемъ Людовика XIV, состоявшее въ томъ, что всякій разъ, когда государство не могло добыть денегъ инымъ путемъ, городамъ продавали за дорогую цѣну право выбора чиновниковъ, потомъ отнимали его и снова продавали.

Этотъ дождный, нездоровый аристократизмъ во всѣхъ кругахъ общества составлялъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ горючихъ матеріаловъ революціи.

Во всему этому присоединилось исключительное положеніе столицы относительно провинцій. Во время революціи городъ Парижъ господствовалъ надъ французскою монархіей не потому, чтобъ онъ былъ несоразмѣрно населенъ—въ эпоху религиозныхъ войнъ и фронды онъ уже былъ самымъ многолюднымъ городомъ Франціи и все-таки не имѣлъ рѣшающаго голоса—но потому, что со временъ Ришелье туда все болѣе и болѣе направлялось все теченіе французской жизни. Тамъ, какъ въ блестящемъ средоточіи, соединились промышленныя и учебныя учрежденія, торговля и ремесла, наука и искусства. И вскорѣ, во Франціи, вѣтъ Парижа, не было ни блеска, ни отличія, ни мѣста для таланта, ни поприща для честолюбія.

Парижъ притянулъ къ себѣ изъ провинцій все, что выдавалось въ умственной и политической жизни; и тѣ стояли подлѣ столицы не только лишеныя блеска и самостоятельности, но даже рабски-подчиненныя ей. При первыхъ ударахъ воли революціи, Артуръ Юнгъ находитъ въ Парижѣ цѣлый потокъ газетъ и памфлетовъ, число которыхъ доходило до 92 въ недѣлю. Въ провин-

¹⁾ Такъ назывались во Франціи промышленныя корпораціи, возникшія первоначально съ благою цѣлью организовать и развивать рабочія силы въ каждой отрасли промышленности. Онѣ начали взмѣнять этой цѣли въ XVI в., когда процессъ развитія монополій сталъ замѣтно проявляться во всемъ странѣ государства. Съ этихъ поръ, благодаря ложному взгляду правительства (особенно Людовика XIV) на источники финансовыхъ доходовъ, всѣ отрасли промышленности постепенно потеряли свою свободу. Всѣ ремесленники стали какъ бы крѣпостными этихъ привилегированныхъ корпорацій, особенно послѣ дѣявля 1673 г., вставившаго приписатьъ къ нимъ послѣднихъ ремесленниковъ, еще сохранявшихъ за собою тѣмъ независимости. Ред.

ціяхъ же все пусто и тихо. Брошюръ встрѣчаетъ онъ здѣсь не много, газетъ не находитъ вовсе. Собранія существовали здѣсь лишь для того, чтобы распространять между людьми извѣстія изъ Парижа и сообщать, что тамъ думаютъ и дѣлаютъ и что поэтому должно думать и дѣлать въ провинціи.

Это умерщвление всякаго общественнаго духа въ провинціяхъ, это поглощеніе столицей всей умственной дѣятельности, это прозябаніе безъ вождей въ провинціяхъ—главная причина, почему Франція не можетъ достигнута политической свободы, несмотря на свои революціи. Какое имя ни давай государственному устройству, свойства правительства остаются все тѣ же, и вредный перевѣсъ столицы не уменьшается. Революція 1789 г. приняла бы другое направленіе, еслибы не гнетъ инициативы Парижа, которой не было никакого твердаго противодѣйствія извнѣ. Никогда якобинцы не стали бы у кормила правленія, еслибы провинціальный духъ былъ сильнѣе.

Оттого-то такое роковое значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что именно городъ, рѣшившій участь Франціи, мало-по-малу сталъ не только мѣстопробываніемъ политической власти, искусствъ и наукъ, но также самымъ важнымъ торговымъ и промышленнымъ городомъ страны, въ которомъ возросъ рабочій пролетаріатъ, это готовое страшное оружіе на случай потрясеній. Этотъ парижскій пролетаріатъ выставилъ подвижныя революціонныя колонны; и вскорѣ оказалось, что тотъ, кто умѣлъ управлять ими, повелѣвалъ Парижемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлою Франціей.

Дев

ГЛАВА II.

Исключительное положеніе французской литературы относительно двора, государства и общества.

Литература извѣстнаго періода никогда не бываетъ причиной революціи. По большей мѣрѣ ее можно считать признакомъ всего существующаго порядка, отраженіемъ того настроенія, при которомъ происходятъ подобныя событія. Съ этой стороны весьма поучительно постоянно наблюдать за нею, но не слѣдуетъ, какъ это часто случается, въ такой степени преувеличивать ея участіе въ самомъ ходѣ дѣлъ. Это должно сказать даже относительно той литературы, которая предшествовала революціи во Франціи. Конечно, никогда еще не было болѣе неизмѣримой и неизглядимой

разницы между міромъ, существовавшимъ въ дѣйствительности, и тѣмъ, который овладѣлъ настроеніемъ умовъ, чѣмъ во Франціи въ XVIII вѣкѣ. Какъ будто переношишься въ другую часть свѣта, когда переходишь отъ дѣйствительнаго порядка вещей къ идеальному. Тамъ неностижимыя злоупотребленія и извращенность старыхъ временъ, здѣсь набросанная въ смѣлыхъ очеркахъ картина словиднѣй о какомъ-то новомъ мірѣ, о которомъ было извѣстно лишь то, что онъ ни одною чертой не походитъ на существующій.

Есть степенъ отчаянія, когда умы, уставшіе безплодно чернить то ту, то другую частность существующаго порядка, безнадежно отказываются отъ всего этого порядка, возводятъ, рядомъ съ разрушающимся, совершенно новое, свое собственное, идеальное зданіе, не заботясь о томъ, исполнимо оно, или нѣтъ.

На этой степеніи стояла французская литература, предшествовавшая революціи.

Отношеніе этой литературы въ міру и въ жизни было совершенно своеобразно; въ этомъ случаѣ Францію нельзя сравнить ни съ Германіей, ни съ Англіей.

Въ Германіи литература шла своею собственной самостоятельной дорогою, если и не уважаемая, то и не совращаемая съ своего пути сильными міра: она шла рука объ руку съ великими переворотами нашей національной жизни. Фридрихъ Великій, словившій въ Германіи политическое преобладаніе французовъ, хотя самъ говорилъ и думалъ, писалъ и поэтизировалъ по-французски, находился однако на томъ же пути, на которомъ велась борьба съ французами за умственную свободу, съ Лессингомъ во главѣ. Поэтому въ сущности настроеніе умовъ никогда не расходилось у насъ съ порядкомъ вещей, хотя герои нашей литературы очень мало понимали національное чувство и вовсе не принимали участія въ политикѣ. Англійская литература не могла сравниться по блеску и знаніямъ съ нѣмецкой, но ея представители стояли близко къ общественной жизни и имѣли на нее сильное вліяніе, неизвѣстное въ Германіи. Они руководили печатью, давали направленіе общественному мнѣнію; изъ этой среды выходили и министры, и высшіе сановники, — дѣло неслыханное въ другихъ мѣстахъ, здѣсь же совершенно естественное, ибо оно было плодомъ государственнаго развитія. Поэтому эта литература была свободна отъ мечтательности, фантастичности; она была строго направлена на вопросы дѣйствительной жизни.

Во Франціи литература представляла совершенно своеобразную противоположность этимъ двумъ родамъ развитія: французскій литературный міръ стоялъ внѣ политики.

ческаго порядка и тѣмъ не менѣе управлять гражданскимъ обществомъ.

Французскіе писатели не имѣли никакой непосредственной связи ни съ одною изъ сторонъ общественной жизни и все-таки пользовались неизмѣримымъ вліяніемъ на столицу, на ~~салонн~~ и на всѣ ея руководящіе кружки, давашіе тонъ всей Франціи ¹⁾. Мысль поставитъ ~~какого нибудь~~ Вольтера или Руссо во главѣ правленія показала бы здѣсь безразсудствомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, находили весьма естественнымъ, чтобы весь тонъ и вкусъ столицы и даже двора подлаживались къ Вольтеру. Монтескье подвизался нѣкоторое время на государственной службѣ, но потомъ навсегда оставилъ ее. Вольтеръ и Руссо были просто писателями и не принимали никакого участія въ общественной жизни. Это былъ для нихъ гнилой, отжившій организмъ, невыразимо ничтожный и недостойный въ сравненіи съ отвлеченнымъ міромъ, воздвигнутымъ ими на основаніи собственныхъ принциповъ. Если у Монтескье, ближе всѣхъ стоявшаго къ практикѣ, былъ свой англійскій конституціонализмъ, то у Вольтера была своя действительская религія человѣческихъ правъ въ государствѣ и въ церкви, а у Руссо—своя социальная республика. Всѣ трое видѣли въ современномъ государствѣ враждебную ихъ идеалу силу. Они издѣвались надъ нимъ, влились на него и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣли неизмѣримое вліяніе на общество, жившее въ этомъ государствѣ. Старое дворянство тѣшилось кощунствомъ Вольтера, проглатывало бѣды сатиры Монтескье въ его Персидскихъ Письмахъ, любовалась даже Руссо, какъ интереснымъ явленіемъ силы природы въ его первоначальной дикости. И, тѣмъ не менѣе, все это составляло лишь десертъ образованія, считалось заплатами ну-стоги, лакомствомъ для любителей, отъ котораго не ожидали важныхъ послѣдствій. Никто и не предчувствовалъ, что когда нибудь народъ пойдетъ не за парами, а за этими писателями, что настанетъ время, когда выйдетъ что-либо серьезное изъ этихъ отжившихъ возрѣній, которыя казались теперь такими невинными, какъ забавныя странности, прелестныя игрушки. Поэтому въ высшемъ обществѣ трудно было найти кружокъ, который не подвергся бы этому вліянію. Возникло буквально соперничество въ покровительствѣ: литературѣ и остроумію: и то, что по большей части считалось въ высшихъ кругахъ лишь неизбѣжнымъ зломъ, стало общественною силой.

Этою замѣчательною двойственностью объясняется многое въ

¹⁾ Объ этомъ см. Chapitres inédits къ сочиненію Токвилля: L'ancien régime et la révolution (Oeuvres complètes, vol. VIII, p. 57—148). О.

жизни этихъ людей. Передъ Вольтеромъ, напримѣръ, часто останавливаешься въ недоумѣніи, замѣчая въ немъ то гордость и сознание собственнаго достоинства, то пресмыкающееся подобострастіе, то проявленіе титаническаго высокомерія, то доказательство страшнаго рабства. Это зависѣло отъ противорѣчій въ общественномъ положеніи этихъ людей: это были отчасти полубоги салоновъ, отчасти литературные пролетаріи гражданского общества. Ихъ личное положеніе было неестественно, и это отражалось на ихъ дѣятельности. Своему истинному назначенію они не соответствовали, а все-таки ихъ вліяніе на образованный міръ было слишкомъ велико ¹⁾

Вольтеръ (1694 — 1778).

Вольтеръ возросъ въ эпоху, когда Людовикъ XIV и его могущество склонялись къ закату и вмѣстѣ съ тѣмъ, подготавлился переворотъ въ литературѣ. Мольеръ, Корнель, Расинъ уже сошли въ могилу, Буало прожилъ лишь немного лѣтъ, свѣтила королевской литературы XVII столѣтія частью вымерли, частью замолкли и оставались одинокими. Подобно тому, какъ государство и церковь были охвачены предчувствіемъ внутренняго разложенія, и умственная жизнь сбросила съ себя натянутую строгость академическаго направленія XVII вѣка. Литература становилась все болѣе и болѣе распушепною, начала свертать съ себя иго формы, а по содержанію составляла оппозицію, хотя и выразившуюся пока лишь въ тайныхъ ударахъ существующему порядку. Ко всему остальному, что предвѣщало паденіе Людовика XIV, присоединилось и начало тихаго литературнаго возстанія. Но рукамъ начали ходить летучіе листы съ рукописными сатирическими стихотвореніями, которыя тайкомъ поглощались съ жадностью; вмѣсто дешевыхъ остротъ насчетъ старика Буало, любимымъ предметомъ литературы стали дѣвія нападки на особу монарха и на его систему. Эти кружки возставали въ то же время и противъ официального ханжества при дворѣ Людовика. Но, подобно тому, какъ основою этого ханжества вовсе не было истинно религиозное чувство, такъ и не нравственное негодованіе противъ лицемерія приводило въ бѣшенство враговъ безправственности съ потушен-

¹⁾ Для слѣдующаго ср. Arnd: Geschichte de franz. Nationalliteratur I. II.—Hettner: Literaturgeschichte des 18 Jahrh. I, II.—Hatiu: Histoire pol. et littéraire de la presse en France, 1860, I—IV.—Mémoires du cardinal Passa, Paris, 1860. vol. 1—3. O.

ними глазами. Въ этихъ салонахъ безбожіе царствовало вмѣстѣ съ развратомъ. Здѣсь выставляли напоказъ свое невѣріе, насмѣхались надъ напускною религіозностью двора и при этомъ ин-сколько не срысывали, что въ дѣлахъ нравственности были такихъ же легкихъ убѣжденій, какъ и Людовикъ съ своимъ дворомъ. Одинъ французъ выражается объ этомъ въ непереводаемыхъ словахъ: „Ils faisaient la débauche avec délicatesse, ils frondaient avec gaieté et proféraient le blasphème avec grâce“.)

Въ этихъ-то кругахъ узналъ Вольтеръ впервые жизнь и свой талантъ.

Вольтеръ родился въ Парижѣ 20 ноября 1694 года ¹⁾. Первые книги, которыя, обучая его чтенію, далъ ему крестный отецъ, аббатъ Шатонефъ, заключали въ себѣ безнравственныя и противорелигіозныя стихотворенія. Еще воспитываясь у іезуитовъ въ collège Louis le Grand, отличался онъ своими плутнями, но также и своимъ замѣчательнымъ умомъ. „Вы будете знаменемъ деизма во Франціи“, уже тогда говорилъ ему патеръ Лесе. Цинюль де-д'Апбло удостоила даровитаго юношу своей благосклонности и завѣщала ему 2000 франковъ. Онъ долженъ былъ изучать законы, но оставилъ вскорѣ сухое правовѣдѣніе и весь отдался поэзіи. Крестный отецъ ввелъ его въ вѣтренныя кружки принцевъ и знатнаго духовенства; и здѣсь красовался онъ рядомъ съ какимъ-нибудь принцемъ Конти, герцогомъ Вандомомъ, герцогомъ де Сюлли, аббатомъ Шолье, Сервиепомъ и др. Здѣсь усвоилъ онъ безграничное savoir vivre и savoir faire, — ту утопченность въ обращеніи съ знатными, которая осталась у него на всю жизнь. Здѣсь же впервые былъ признанъ и одобренъ его юный талантъ.

Уже 15-лѣтнимъ мальчикомъ изумлялъ онъ всѣхъ разнообразіемъ и легкостью своего стиха, непринужденностью разговорной формы, поразительною способностью, на переводѣ духа, все перенаривать въ своему умѣ. При этомъ все, что онъ ни создавалъ, было свѣжо, юношески-самобытно, безъ отбѣга вълости одряхлѣвшей столицы.

Не изъ этой школы можно было вывести мысль серьезно взяться за преобразование нравовъ; но она могла сообщить извѣстнаго рода виртуозность, которою именно отличался Вольтеръ. Неудовимая грація легкаго стихотворенія и легкой пѣсни (poésies fugitives), винуцій юморъ, крайняя прелесть языка, смѣлый полетъ остроумія (esprit) и къ тому же извѣстный здравый смыслъ, трезвый взглядъ на вещи, практическое умѣнье схватывать дѣй-

¹⁾ Это доказывается недавно открытымъ свидѣтельствомъ о крещеніи Вольтера. См. Петтер. II, 134. (Рус. пер.) О.

ствительность, французскій bon sens, не легко дающійся въ обманъ, способный оставаться безчувственнымъ и разсудочнымъ даже при изліяніи чувствъ и рѣдко увлекающійся внезапнымъ впечатлѣніемъ,—всѣмъ этимъ шито не обладалъ въ такой степени, какъ Вольтеръ. Къ этому присоединилось особаго рода образованіе и жизнь. Судьба кидала этого человѣка въ самыя разнообразныя отношенія. Онъ чрезвычайно много пережилъ, видѣлъ и перечиталъ. Наконецъ, въ немъ проявился, дѣйствительно, несомнѣнный и самый разнообразный талантъ. Правда, это была лишь блестящая многосторонность воспроизводительнаго таланта, а не творческій умъ, предначертывающій пути цѣлому вѣку; но зато она имѣла самое громадное вліяніе на всѣхъ поприщахъ литературной дѣятельности. Это былъ человѣкъ, который, самъ не производя ничего новаго, самобытнаго, вездѣ былъ, какъ дома, и съ удивительною подвижностью ума дѣлалъ попытки то тамъ, то сямъ. Онъ не вездѣ оказывался мастеромъ дѣла; но зато вездѣ давалъ толкъ, который не такъ-то скоро исчезъ.

Ни одно имя въ литературѣ XVIII столѣтія не очернено больше, чѣмъ его. Даже тамъ, гдѣ нельзя было пасть на него лично, старались, по крайней мѣрѣ, взвалить на него отвѣтственность за послѣдующее. И однако слава всѣхъ поэтовъ всѣхъ временъ не можетъ сравниться съ тѣмъ проливнымъ дождемъ триумфовъ и похвалъ, который разразился надъ Вольтеромъ. Большая часть Европы чтитъ въ немъ пророка новаго ученія свободы и человѣческаго достоинства. По этимъ же побужденіямъ юная революція первыхъ дней поставила его изображеніе въ своемъ Пантеонѣ. Но, при всемъ томъ, нѣтъ большаго противорѣчія, чѣмъ между его характеромъ и литературнымъ поведеніемъ. Тотъ же самый человѣкъ, который до послѣднихъ дней своей жизни готовъ былъ помогать несчастнымъ и съ личною опасностью защищать гонимыхъ, выбивался изъ силъ, чтобы быть допущеннымъ въ ряды какой-нибудь Помпадурѣ. Рядомъ съ чертами мужественной доблести, уживаются въ немъ свойства мелкой и низкой души. То благородный и рыцарственный, то коварный и злой; то доступный всему великому, то осыпающій враждебною насмѣшкой все божественное въ человѣкѣ; то боецъ за свободу, то холопъ и льстецъ, какъ самый гнусный придворный поэтъ Версаля; то нравственно чистый, то валяющійся въ грязи пошлости; то пылающій дружбой и всѣми благородными качествами, то рабъ ненависти, зависти, неблагодарности, кощунства, религіознаго шпіонства и всѣхъ пороковъ мелкой души; то смѣло бросающій перчатку цѣлому столѣтію, то трусливо скрывающійся за всякою низостью: такимъ является намъ Вольтеръ въ своей жизни,—точь-въ-точь общество;

которое воспитало и образовало, взлелѣяло и выдвинуло его. Это вѣрный снимокъ съ того времени, когда возвышенный полетъ мыслей былъ окруженъ нравственною грязью регентства.

Передъ смертью Людовика XIV Вольтеръ попалъ въ Бастилію: ему приписали одну ѣдкую эпиграмму. Здѣсь онъ набросалъ свою Генріаду и окончилъ Эдипа. Последнее произведеніе было съ большимъ успѣхомъ поставлено на сценѣ въ 1718 году. Вольтеру хотѣлось сдѣлаться Расиномъ своего вѣка. Въ „Эдипѣ“ ему не удалось не только превзойти Расина, но даже сравняться съ нимъ въ его главныхъ достоинствахъ. Тѣмъ не менѣе, по впечатлѣнію и успѣху, это произведеніе можно поставить наряду съ произведеніями Расина. Не только все общество рукоплескало ему, но и въ литературномъ мірѣ оно было признано не менѣе образцовымъ, чѣмъ лучшіе труды Расина. Причиной этого былъ счастливый замыселъ Вольтера—въ этой, такъ называемой, трагедіи впервые вывести на сцену, подѣ чужими именами, умственную жизнь своего времени. Выспренній, почти испанскій этикетъ азка, наслѣдованный еще отъ Корнея, былъ повинуть. Тутъ господствовалъ легкій, непринужденный образъ мыслей и дѣйствій; герои были все чисто современные личности, въ которыхъ можно было найти множество намековъ на окружающее. То восхвалялась свобода или религіозная терпимость, то порицался духовный или свѣтскій деспотизмъ. Котурпъ Расина стоялъ слишкомъ высоко надъ жизнью; въ его величественныхъ, плавко катящихся стихахъ не было замѣтно ни малѣйшаго отношенія къ ней. Здѣсь совсѣмъ не то: здѣсь изобиліе мѣткихъ выраженій, рѣзкихъ и ясныхъ указаній на современность. Здѣсь многіе могли узнать самихъ себя, и всего меньше были пощажены здѣсь сильные міра сего. Все это не придавало произведенію поэтическаго достоинства, но сдѣлало его значительнымъ явленіемъ.

Между другими знатными салонами, посѣщалъ Вольтеръ и салонъ герцога де-Сюдди. Здѣсь, какъ и вездѣ, литература принадлежала къ домашнимъ аристократическимъ потребностямъ. Вольтера, ед. даровитаго представителя, терпѣли, радушно принимали и; какъ ему вазалось, имъ восхищались. Однажды за столомъ столкнулся онъ съ нѣкимъ рыцаремъ (chevalier) де-Роганомъ, младшимъ сыномъ какого-то младшаго брата какого-то Рогана¹⁾. Крайне недоступный всему, что называется образованіемъ, этотъ Роганъ высказалъ о чемъ-то свое мнѣніе—и сѣрзался. Вольтеръ воспользовался этимъ для нѣсколькихъ мѣткихъ нападокъ. Рогану

¹⁾ Съ роскошнымъ экземпляромъ этой высокоблагородной фамиліи мы познакомимся въ позорной исторіи ожерелья.

пришлось это не по вѣсу; по требованію рыцарскаго удовольствованія было слишкомъ недостойно „рыцаря“. Роганъ приказалъ четыремъ лакеямъ подстеречь и высѣчь Вольтера на дворѣ у Сюлли. Вольтеръ поступилъ, какъ поступилъ бы въ такомъ случаѣ всякій молодой человекъ: онъ обратился къ своему покровителю, герцогу де-Сюлли. Но тотъ нашелъ поведеніе Рогана какъ нельзя болѣе въ порядкѣ вещей. Тогда Вольтеръ отказался отъ этого знакомства, научился фехтовать и послалъ Рогану вызовъ. Тотъ принялъ его, но въ ночь передъ дуэлью Вольтеръ былъ арестованъ и во второй разъ посаженъ въ Бастилію уже на шесть мѣсяцевъ, а по истеченіи ареста изгнанъ изъ Франціи. Эта исторія достойна цѣлой книги. Такъ вотъ въ какомъ положеніи находилась тогда литература относительно знати! Безъ нея нельзя было обойтись, ее привлекали къ себѣ, ухаживали за ея представителями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, при случаѣ давали имъ чувствовать свое грубѣйшее презрѣніе, отталкивали ихъ отъ себя ногой.

Выпущенный изъ-подъ ареста, Вольтеръ отправился въ Англію — чуждый, незнакомый міръ для француза того времени. По сторону Канаала до тѣхъ поръ еще не могли побѣдить враждебныхъ впечатлѣній, которыя сохранились отъ эпохи Жанны д'Аркъ. Теперь было важно, что самый свѣжій, живой изъ умовъ Франціи нашелъ себѣ убѣжище въ Англіи и проложилъ путь къ той англоманіи, которую Монтескье привелъ въ послѣдствіи съ такимъ громаднымъ успѣхомъ въ цѣлую систему.

Съ цѣлью ли, или только слѣдуя добродушному обычаю истинной аристократіи, но Вольтеру оказали блестящій пріемъ. Ему высказывали свое негодованіе за постигнутую его несправедливость, его дѣлали, носили на рукахъ. Французы всегда нѣсколько чувствительнѣе къ этому, чѣмъ всѣ остальные смертные, а Вольтеръ еще болѣе, чѣмъ остальные французы: онъ сталъ англоманомъ. Величіе британскаго конституціонализма повергло его въ изумленіе. Какъ истинно французскій литераторъ, онъ до сихъ поръ держался вдали отъ всякой государственной жизни: здѣсь же новое впечатлѣніе сильно подѣйствовало на него. Сюда присоединилось могущественное умственное движеніе, именно тогда развившееся въ Англіи: это — богатая философская литература со временъ Локка и полетъ естествовѣдѣнія съ Ньютона. Въ политикѣ, въ философіи, въ естественныхъ наукахъ Вольтеръ нашелъ школу, какую тогда можно было найти только въ Англіи. Все, доступное ему, усвоить онъ съ тою изумительною восприимчивостью, которою всегда отличался, и теперь представилъ своимъ соотечественникамъ, въ цѣломъ рядѣ сочиненій, богатый запасъ возрѣвѣвшаго и знаній, собранныхъ имъ въ Англіи. Первымъ литературнымъ пло-

домъ его трехлѣтняго (1726—1729 г.) пребыванія въ Англіи была вновь передѣлана Генріада, насвѣзь проинизнутая благоговѣніемъ къ величю свободной Англіи и не пренебрежная даже поэтическимъ изложеніемъ Ньютоновой физики. Генріада была трудомъ, законченнымъ лишь теперь, но начало котораго уходило въ первые годы его юности. И объ этомъ произведеніи нельзя судить съ художественной точки зрѣнія. Его должно разсматривать по отношенію къ современнымъ идеямъ; и въ этомъ смыслѣ оно имѣетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ можно было ожидать отъ него, какъ отъ созданія искусства. Въ немъ есть мѣста, изумительныя по законченности формы; но это повсе не знось. Въ немъ нельзя найти ни малѣйшаго слѣда эпохи Генриха IV и духа его вѣка. И какъ могъ Вольтеръ представить героя вѣры, челоѣка реформаціи XVI столѣтія? Нигдѣ болѣе, чѣмъ здѣсь, не пренебрежены наивность и непосредственная пластика истинно-эпическихъ образовъ. „Песмотря на всѣ толки объ оружіи и войнѣ, говоритъ одинъ французскій критикъ, въ цѣлыхъ 10 пѣсняхъ не найдется сѣна и овса даже для одной лошади“. Но, тѣмъ не менѣе, эта поэма имѣетъ необыкновенное значеніе отъ первой страницы до послѣдней.

Это — правоучительная поэма о терпимости, острая, злая полемика противъ всякаго рода церковнаго насилія и преслѣдованія. Здѣсь на примѣрѣ религиозныхъ войнъ и Варолюмесской ноци показывается, куда долженъ придти народъ по этому пути: съ самаго начала и до конца бездна памсковъ на современности, благодаря которымъ объективный характеръ зноса долженъ былъ совершенно исчезнуть, но которые, однако, производили чарующее дѣйствіе на читателя. Такъ въ I-й же пѣснѣ огромное впечатлѣніе производило то мѣсто, гдѣ Генрихъ въ крайности обращаетъ свои взоры на Англію, надѣясь получить оттуда утѣшеніе и помощь, и такимъ восклицаніемъ заключаетъ мечтательное описаніе величія островной державы: „Когда же французы будутъ счастливы, какъ вы? Когда же они сочетаютъ славу съ миромъ?“ (I, ст. 328).

Когда Вольтеръ возвратился во Францію, онъ былъ уже тотъ; и нація смотрѣла на него, какъ на другого. Возводиченный за границей всеобщимъ почетомъ, онъ теперь признавался дома вдвойнѣ необыкновеннымъ челоѣкомъ. Вольтеръ созрѣлъ окончательно: до своего пребыванія въ Англіи онъ лишь кропалъ стишки; теперь же принесъ съ собою цѣлое міровоззрѣніе съ новымъ, богатымъ содержаніемъ. Его взглядъ въ политикѣ, философій и естественнѣдѣніи расширился; и это опредѣлило всю его жизнь и дѣятельность. Если онъ и теперь при случаѣ воспомина-

шался къ формамъ своего стараго поэтизированнаго, если порой все еще являлся съ тенденціозною трагедіей, то и родъ собственно поэтизированія въ прежнемъ родѣ уже почти прішель. Вольтеръ выступаетъ, теперь на болѣе трудныхъ поприщахъ литературы, работаетъ надъ исторіей и естественными науками, но и то какъ апостоль религіозной и гражданской свободы, который обладалъ уже опредѣленными представленіями о своемъ призваніи. Впослѣдствіи бывали случаи, когда, отступивъ отъ своихъ задушевныхъ убѣжденій, онъ могъ бы легко достигнуть давно желанной цѣли; но онъ остался на своей дорогѣ, пока мало-по-малу его вліяніе не достигло той стени, когда все, что еще не задолго митало къ нему ненависть, увѣнчивало его лаврами.

Содержаніемъ и цѣлью всей его многолѣтней дѣятельности служила борьба съ авторитетомъ, который въ церкви старался удержать стѣсненіе совѣсти, въ Государствѣ рабство массъ, въ литературѣ исключительность завѣщаннаго безвкусіа. Эта борьба потребовала самаго разнообразнаго оружія, подступала съ тысячи сторонъ. Тенденціозные трагедіи, эпопея, романъ, легкій, увлекательный разговоръ, веселая сатира, злой насмѣль, философское отвлеченіе, историческое обсужденіе и методъ естественныхъ наукъ—все это было въ одну и ту же точку, все это усиливалось при каждомъ приступѣ сдѣлать новую брешь въ окнахъ стараго авторитета. Никогда еще полемика не принимала такого разнообразнаго вида, и однако, несмотря на постоянную перемѣну оружія и военной системы, въ цѣломъ это была единая, великая битва, начатая и веденная съ обдуманною тактикой. Значеніе этой дѣятельности очевидно. Какъ бы ни мало произошло отсюда положительныхъ результатовъ, умственный перепоротъ былъ фактомъ; и старому догматизму нанесены были раны, которыхъ уже нельзя было залечить. Тутъ участіе Вольтера было особенно велико потому, что никто не могъ ловчѣе дѣлать выборъ среди безчисленныхъ слабостей стараго порядка, никто не умѣлъ нападать на нихъ болѣе неутомимо и упорно. Большинство людей не знаетъ, сколько оно восприняло отъ Вольтера, и къ величайшему своему удивленію, замѣчаетъ лишь при чтеніи его сочиненій, сколько сотенъ его мыслей и позрѣній сдѣлались общимъ сокровищемъ образованія и выросли вмѣстѣ съ нами, какъ достойніе общаго воспитанія.

Его многосторонность въ употребленіи родовъ литературы безпримѣрна. Все, даже самое незначительное, что выходило изъ подъ его пера, встрѣчало одобреніе; и удивителенъ тотъ успѣхъ, который имѣла его дѣятельность на трудныхъ поприщахъ, требующихъ серьезной подготовки. Зато Вольтеръ и представляетъ

явленіе, пролагающее путь въ области историческаго смысла и исторической критики. >

Правда, его Историческія свѣдѣнія поразительно тощи; и можно смѣло побиться объ закладъ, что въ его книгѣ о Карлѣ XII или Петрѣ Великомъ, легко указать на каждой страницѣ, по крайней мѣрѣ, по одной ошибкѣ или лжи. Но, тѣмъ не менѣе, его заслуга въ развитіи историческаго искусства и всемірно-исторической точки зрѣнія, а также въ широкое пробужденіи участія къ предмету исторіи значительнѣе, чѣмъ заслуги множества серьезныхъ, достойныхъ ученыхъ, безсмертіе которыхъ погребено въ пыли книгъ.

Когда Вольтеръ началъ по-своему обрабатывать исторію, она была не тѣмъ, чѣмъ должна быть и чѣмъ представляется въ настоящее время. Это былъ не матеріалъ для поучительнаго размысленія всему образованному читающему міру, а жалкій придатокъ къ спеціальнымъ наукамъ, отъ которыхъ обществу предлагали одни безвкусныя обложки. Для школъ господствовавшаго направленія было составлено руководство, въ которомъ старались, лишивъ все богатство матеріала плоти и крови, сдѣлать его неопаснымъ для строгаго-церковнаго воспитанія: чѣмъ выходило скучнѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ менѣе могло кого-нибудь соблазнить. Изученіе исторіи было дѣломъ спеціалистовъ. Богословы, юристы, публицисты прибѣгали къ нему и обладали такими свѣдѣніями, какими наше время, пожалуй, не можетъ похвалиться, если взять отдѣльныя кружки; но эти кружки были уже и ограниченнѣе. Кто и не предчувствовалъ глубокаго "смысла исторіи"; не было и мысли о томъ, чтобы связать національный и нравственный интересъ великаго народа съ великимъ содержаніемъ исторіи. Теперь не то. И если тогда и здѣсь былъ дакъ первый толчокъ, то Вольтеръ былъ при этомъ однимъ изъ первыхъ двигателей.

Какъ же писать Вольтеръ исторію?

Вотъ какой-нибудь нѣмецкой герцогинѣ захотѣлось получить нѣкоторое понятіе о нѣмецкой исторіи. А въ этихъ кругахъ любили книги, которыя въ тѣсныхъ рамкахъ заключали эссенцію дѣла, „духъ исторіи“, и избавляли отъ труднаго изученія. Нѣмецкой наукѣ не было свойственно производить подобныя книги. Ученый Масковъ написалъ, въ четырехъ томахъ in-quarto, превосходный трудъ о нѣмецкой исторіи до Каролинговъ. Но придворныя дамы не могли пользоваться такими книгами: онѣ не укладывались на туалетный столикъ. Проѣзжалъ Вольтеръ: ему поручили написать нѣмецкую исторію.

Согласно съ этимъ, сдѣлать онъ извлеченіе изъ нѣмецкихъ фоліантовъ и квартантовъ, полилъ его соусомъ французскаго esprit. —

и Annales de l'empire были готовы. Смѣло брался онъ за трудный матеріалъ, вносилъ въ него прагматизмъ своего остроумнаго взгляда, — и все читалось бѣгло, увлекательно, какъ романъ. Какъ ни поверхностна и пуста была обработка содержанія, все же здѣсь былъ историческій духъ, здравое, естественное пониманіе вещей, соответствующее дѣйствительности. Вольтеръ обладалъ всею проницательнымъ взглядомъ, подмѣчавшимъ все вѣтхое, все само по себѣ ложное; и это — одно изъ качествъ, общее у него съ истинными историками. Хуже всего, разумеется, его біографіи, хотя относительно искусства разсказа многое въ нихъ безподобно. Такъ битвы Карла XII читаются какъ нельзя лучше; но въ нихъ нѣтъ ни слова правды.

Громадную важность имѣетъ сочиненіе *Essai sur les moeurs*, какъ первый опытъ всеобщей культурной исторіи съ точки зрѣнія „просвѣщенія“ XVIII столѣтія. Это сочиненіе предназначалось именно къ подавленію церковнаго пониманія исторіи народовъ, за которыми упрочили господство *discours* Боссюэта, эта догматическая теодицея въ одеждѣ всемірной исторіи. Вольтеръ хотѣлъ склонить къ задачамъ и воззрѣніямъ „просвѣщенія“ все общество, которое или вовсе не заботилось о всемірной исторіи, или судило о пей подъ вліяніемъ какаго-нибудь даровитаго епископа. И это удалось ему. Читая его книгу, постоянно замѣчаешь, что онъ, говоря объ индійцахъ, персахъ и т. д., имѣетъ въ виду свое собственное время. Онъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы нанести ударъ современной церковности, и тутъ нерѣдко встрѣчается у него и историческая ложь. Буддизмъ, браманизмъ — все идетъ въ дѣло, чтобы уразумѣть христіанство; и онъ не дошелъ еще до христіанства, какъ уже упячтожилъ его со всѣхъ сторонъ.

Эта книга пробудила самый широкій интересъ къ величественному ходу всемірной исторіи. Съ тѣхъ поръ по этому предмету мы обогатились трудами, полными ума, глубокомыслія и знанія, съ которыми не можетъ мѣряться Вольтеръ. Но что такія книги стали возможны — это все-таки заслуга Вольтера, потому что онъ создалъ для нихъ кругъ читателей и пробудилъ въ обществѣ радужное участіе къ нимъ.

Монтескье (1689—1755).

Монтескье по годамъ нѣсколько старше, а по литературной дѣятельности нѣсколько моложе Вольтера, въ духѣ котораго написано его первое произведеніе. Онъ принадлежалъ къ старому нар-

ламентскому дворянству, къ noblesse de la robe¹⁾). Это была наиболѣе достойная уваженія часть изъ всей нравственно—и экономически-нашей аристократіи. Во время самаго удручливаго деспотизма встрѣчаются здѣсь люди, дѣлающіе честь Франціи. Научныя занятія Монтескье соответствовали преданіямъ сословія и тому призванію, къ которому онъ готовился. Это было не поверхностное чтеніе диллетанта, въ родѣ Вольтера, но основательная, строгая школа ученаго сѣды, которая, въ свою очередь, не походила на обычное образованіе юриста того времени. Онъ не прильпился къ буквѣ законовъ, но стремился къ духу права и къ идеѣ всего государственнаго устройства.

Серьезный, сдержанный по природѣ, Монтескье далекъ отъ того духа легкомысленнаго, насмѣшливаго отрицанія, которымъ былъ проникнутъ Вольтеръ. Въ немъ вовсе нѣтъ страсти ниспровергать всякій авторитетъ. Онъ стоитъ среди отношеній своего времени полный достоинства и увѣренности въ себѣ, какъ зрѣлый ученый, какъ знающій свѣтъ человекъ.

Тѣмъ не менѣе его первая литературная дѣятельность соответствовала направленію Вольтера. Въ 1721 году появилось изъ-подъ пера 32-лѣтняго автора произведеніе, безъ его имени, которое вскорѣ чрезвычайно распространилось: это были *Lettres Persanes*.

Персъ Узбекъ пріѣзжаетъ, въ послѣдніе дни Людовика XIV, въ Парижъ и тономъ сына природы описываетъ впечатлѣнія, которыя онъ отсюда выносить. Духъ и характеръ этого описанія обратили на себя всеобщее вниманіе. Его приписывали Вольтеру, что считалось тогда вышешю похвалою. Легкая, увлекательная прелесть языка и острота шутки, дѣйствительно, напоминали Вольтера. Но, съ другой стороны, при всей игрѣ юмора въ романѣ, глубокая, убійственная критика государства и церкви, вѣры и жизни, прошедшаго и настоящаго Франціи предполагала особенныя знанія, особенный талантъ, какихъ не было у Вольтера.

Персидскія Письма остались единственнымъ опытомъ Монтескье, на этомъ, совершенно чуждомъ его природѣ, поприщѣ.

¹⁾ Такъ называлась во Франціи та часть дворянства, которая посвящала себя служенію государству. Это особенное названіе требовалось для отличія ея отъ стараго, феодальнаго дворянства, ибо въ ней встрѣчались лица не чистой аристократической крови, лица изъ низшихъ классовъ общества, получившія дворянскій титулъ вмѣстѣ съ какою-нибудь чиновничьей должностью. Впрочемъ, эта часть дворянства все-таки изобиловала членами старыхъ феодальныхъ фамилій, которая старались достать мѣстечко на службѣ своимъ младшимъ сыновьямъ: все наследство, вмѣстѣ съ титуломъ, переходило къ старшимъ, по праву майората, считавшемуся необходимымъ для поддержанія блеска аристократическаго рода. Ред.

Между тѣмъ онъ сталъ членомъ парламента, сохранивъ въ своей должности незапятнанный характеръ и въ своей частной жизни подалъ рѣзкій въ то время примѣръ самаго привлекательнаго здоровья и свѣжести духа. Но у него не доставало вѣры въ призваніе парламентскихъ судовъ. Уже въ Персидскихъ Писемъ ахъ они представляются ему какими-то развалинами. Въ 1726 г. сложилъ онъ съ себя должность, а въ 1728-мъ отправился путешествовать, чтобы этимъ единственно вѣрнымъ способомъ докончить своё историческое и юридическое образованіе. Онъ путешествовалъ много лѣтъ по большей части Европѣ, видѣлъ Италію, Швейцарію, Голландію, Англію, Венгрію, — не какъ туристъ, но какъ изслѣдователь, желающій познать свѣтъ изъ жизни и исторію изъ настоящаго. Замѣтимъ, что до самаго Мирабо не было въ XVIII вѣкѣ ни одного француза, который зналъ бы такъ основательно, какъ Монтескье, законодательство и государственныи бытъ европейскихъ странъ.

Первымъ плодомъ его дополненныхъ путешествіями изслѣдованій было сочиненіе, которое, несмотря на свой незначительный объемъ, признается всѣми однимъ изъ образцовыхъ, а нѣкоторыми даже совершеннѣйшимъ изъ литературныхъ произведеній вѣка. Мы имѣемъ въ виду Разсужденія о причинахъ величія и паденія римлянъ, изданныя въ 1734 г.

Со времени Макиавеля это была первая попытка сдѣлать матеріалъ, который вообще находился въ рукахъ филологовъ и служилъ имъ антикварнымъ пособіемъ для объясненія классиковъ, предметомъ историко-политическаго изслѣдованія. Исторія величія изложена вращѣ, гораздо подробнѣ исторія паденія, и здѣсь менѣе имѣлись въ виду римляне, чѣмъ французы. Всѣ мѣста, гдѣ изображается испорченность римлянъ, легко можно приложить къ французамъ; и при характеристикѣ деспотизма временъ имперіанамъ скорѣе представляется XVIII вѣкъ христіанскаго лѣтосчисленія, чѣмъ первый. Эта книга—политическая программа. Изъ среды самаго стараго чиновнаго дворянства его видный представитель высказываетъ убѣжденіе, что старыи государственный порядокъ испорченъ и рухнетъ, что онъ перешлетъ свой зенитъ и быстро клонится къ упадку.

Въ очеркахъ римскихъ дѣлъ древность составляетъ часто блѣдную, второстепенную картинку; все же, что въ свѣжихъ краскахъ выставлено на первый планъ, подходитъ къ Франціи.

Чтобы болѣе развить положительныя, основныя мысли этого сочиненія, Монтескье принимается за болѣе обширный трудъ, который, и не доконченный, какъ отрывокъ, занимаетъ видное

мѣсто въ исторіи политическихъ идей: мы разумѣмъ Духъ законовъ, издавннй въ 1748 г.

Въ этомъ произведеніи величественный матеріалъ подвергся смѣлой, искусной обработкѣ, которая никогда не утратитъ своей цѣны. Это не ученая книга въ тѣсномъ смыслѣ слова; но этотъ трудъ имѣетъ преимущества, которыхъ не дастъ никакое книжное знаніе. Прежде всего укажемъ на почеркнутое изъ самой жизни созерцаніе дѣятельности народовъ въ области государства и нравовъ. Притомъ книга не только изящна, но и написана съ величайшимъ искусствомъ. Между строго-систематическими трудами нѣтъ ни одного, который могъ бы соперничать съ нею въ блескѣ и прелести изложенія. Многія мѣста точно пословицы: такъ они сжаты и мѣткі, такъ отточены и округлены.

Ядро книги заключается въ ученіи о монархіи, извращеніе которой представлено въ картинѣ французскаго деспотизма, а идеаль—въ характеристикѣ англійскаго конституціонализма. Пасквиль собственное наблюденіе надъ этимъ послѣднимъ, такъ сказать, снова склонило его къ монархіи (правда, уже къ монархіи съ формами и обезпеченіями конституціоннаго права), это видно при бѣгломъ взглядѣ на тѣ мѣста Персидскихъ Писемъ, гдѣ авторъ, отчаявшись въ возможности соединенія блага народа съ благомъ государя, совершенно отвергаетъ монархію. Предлагая англійскій конституціонализмъ ради освѣженія французской монархіи, Монтескье упустилъ изъ виду, что англійское государственное устройство—созданіе исторіи, которое срослось именно съ англійскимъ бытомъ и потому не могло быть вдругъ оторвано отъ отечественной почвы и перенесено на чужую землю. Разница заключалась уже въ томъ, рѣзко отчѣненномъ самимъ Монтескье, положеніи дворянства и корпорацій, которое такъ же мало можно было перенести во Францію, какъ превратить англійскую исторію въ французскую. И, тѣмъ не менѣе, составленная Монтескье программа конституціонной монархіи по англійскому образцу была завѣтнымъ убѣжденіемъ всѣхъ благомыслящихъ французскихъ патриотовъ до Тюрго, Малерба, Неккера, Мушье, Толапалля, и т. д. Они видѣли въ ней исцѣленіе всѣхъ недуговъ стараго порядка и твердо держались за эту мысль до тѣхъ норъ, пока надъ ними и надъ ихъ программой не разразилась буря.

Вольтеръ и Монтескье служатъ представителями тѣхъ двухъ большихъ круговъ, которые до самой революціи были единственными общественными дѣятелями, обладавшими правами. Знатное, изысканное общество, дававшее тонъ при дворѣ и въ салонахъ резиденціи, не знавшее границъ своему легкомыслію, жертвовавшее своей шуткѣ всѣмъ, даже основами своего собственнаго полю-

женія, держалось за Вольтера. Лучшая часть дворянства, высшее чиновничество, аристократія заслугъ и образованія, люди, понинавшіе ужасное значеніе минуты, съ которымъ они не думали раздѣляться легкою остротой, искали, вмѣстѣ съ Монтескье, въ подрожаніи англійскому конституціонализму, какъ въ идеалѣ смѣшаннаго правленія, мирнаго средства для врачеванія домашнихъ язвъ.

Но этимъ еще не исчерпывалось настроеніе умовъ во Франціи. Ни Вольтеръ, ни Монтескье не были народными писателями. Правда, сочиненія перваго читались среднимъ сословіемъ; но властвовать надъ собою оно ему не позволяло. Послѣдній же рѣшительно не былъ доступенъ каждому. Кромѣ того, оба принадлежали къ слою общества, настроеніе котораго, особенно въ такое время, уже не было понятно ступеню ниже. Когда на верху общества все приходитъ въ такое разстройство, какъ тогда во Франціи, не говорите массѣ, что, при терпѣнн и настойчивости, тихо воздвигнется новый государственный порядокъ: она не станетъ васъ слушать. У нея не найдется достаточно довольства жизнью, чтобы, напримѣръ, съ читателями Вольтера, обозрѣвать окружающія развалины лишь съ увеселительной стороны. Въ такія минуты у того, кто вообще уже не примиряется съ существующимъ, пастунаетъ болѣзненное состояніе души, тотъ несимизмъ, который разсчитываетъ лишь на самое худшее, который не безъ нѣкотораго наслажденія разрисовываетъ картину, какъ придетъ время—и все пошатнется и всколеблется, какъ только это и можетъ помочь, а не всѣ жалкія попытки чистить и полировать по краямъ. Въ основѣ такого состоянія лежитъ извѣстная летаргія: въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣтъ ничего легче, чѣмъ спокойное отчаяніе. Но бываетъ и иначе: иногда въ основѣ лежитъ рѣшительное убѣжденіе, что ничто уже не поможетъ и что ужасный конецъ лучше безконечнаго ужаса. Это настроеніе было распространено во Франціи шире, чѣмъ предполагали Вольтеръ, Монтескье и ихъ читатели. Выразителемъ его былъ Жанъ-Жакъ Руссо, который какъ бы для того и родился.

Жанъ-Жакъ Руссо (1712—1778).

Руссо вовсе не французъ въ томъ смыслѣ, какъ Вольтеръ. Въ немъ есть черты, не напоминающія національнаго характера французовъ. Глубокое уныніе, мечтательная, фанатическая струнка указываютъ скорѣе на городъ Кальвина, старую Женеву, откуда онъ и происходилъ. Даже его манера писать сильно отличалась

отъ господствующаго вкуса: она была совершенно своеобразна и естественна, отчего и производила безпримѣрное впечатлѣніе на Францію и на большую часть Европы. Руссо родился, когда Вольтеръ уже сочинялъ свои первыя стихотворенія. Онъ росъ не какъ баловень высшихъ круговъ столицы, но какъ сынъ мелкаго женевскаго ремесленника, въ стѣснительныхъ, ограниченныхъ обстоятельствахъ. Рапо лишился оцѣ матери, а отецъ избаловалъ талантливаго ребенка. Конечно, въ той ревности, съ которою онъ закармливалъ семилѣтняго мальчика всевозможнымъ чтеніемъ, была добрая цѣль; но онъ дѣйствовалъ безъ всякаго плана и упустилъ изъ виду самое главное въ воспитаніи—привычку къ напряженію и серьезному, послѣдовательному труду. Все окружающее Руссо указывало на будущность среди бѣдности и лишеній, а воспитаніе надѣлило его пагубнымъ противорѣчіемъ, познакомило его съ потребностями, вообще чуждыми этому кругу, и не дало ему ничего изъ самаго необходимаго для юноши въ его положеніи. Въ своей „Исповѣди“ онъ представилъ врядъ ли приращенную картину своего юношескаго развитія. Дѣйствіе, произведенное на его душу чтеніемъ, обрисовываетъ онъ въ слѣдующихъ словахъ: „Отсюда выработался тотъ свободный республиканскій духъ, тотъ непреклонный, неукротимо гордый характеръ, который сталъ вѣсто-
томъ всей моей жизни и чаще всего побуждалъ меня именно тамъ, гдѣ я менѣе всего долженъ былъ давать ему простора. Такъ образовалось во мнѣ это падменное и нѣжное сердце, этотъ женствен-
ный, но повелительный характеръ, который своими вѣчными колебаніями между слабостью и мужествомъ, между безсиліемъ и доблестью ставилъ меня до конца моихъ дней въ противорѣчіе съ самимъ собою и причинилъ то, что въ жизни мнѣ одинаково были незнакомы самоотреченіе и наслажденіе, радость и воз-
держаніе“.

Этотъ характеръ былъ невыразимымъ несчастіемъ при его обстоятельствахъ. Для ученаго Руссо былъ слишкомъ бѣденъ, для ремесленника слишкомъ избалованъ, для обоихъ призваній слишкомъ испорченъ, потому что онъ никогда не зналъ, что значитъ работать. Что же должно было изъ него выйти? „Достигнувъ 16 лѣтъ, я былъ непостояннымъ человѣкомъ, подовольнымъ всѣмъ и въ особенности самимъ собою; у меня не было сочувствія къ моему сословію, не было чутка радости моего возраста. Терзаемый желаніями, предметы которыхъ я не зналъ, вѣчно со слезами на глазахъ и съ загадочнымъ стремленіемъ въ сердце, я искалъ утѣшенія въ нѣжныхъ объятіяхъ увлекательныхъ видѣній, потому что я не замѣчалъ вокругъ себя ничего, что могло бы преодолѣть ихъ“. Такъ выросъ онъ, ни къ чему не приготовленный, ни на что не

годный, для ремесленника слишкомъ много, а для всякаго высшаго призванія слишкомъ мало образованный. Онъ былъ игрушкой всякаго влезалнаго увлеченія и рабомъ крайней, необузданной фантазіи, которая терзала его въ счастья и не давала утѣшенія въ бѣдѣ.

Нѣкоторое время работалъ онъ въ канцеляріи, потомъ въ мастерской; но оказался негоднымъ. вмѣсто того, чтобы работать, онъ читалъ романы, занимался всѣмъ, чѣмъ угодно, только не тѣмъ, чѣмъ слѣдовало. Онъ бѣжалъ изъ своего роднаго города безъ денегъ, безъ знанія свѣта, безъ ясной мысли о своемъ будущемъ. Сегодня онъ близокъ къ голоду и отчаянію, завтра какимъ-нибудь благодѣяніемъ поставленъ въ пріятную возможность ничего не дѣлать. И никогда и нигдѣ не приходилось ему усиленно преслѣдовать опредѣленную цѣль, добровольно, не по принужденію. Въ одномъ савойскомъ монастырѣ поддается онъ обращенію въ католицизмъ и вскорѣ горько раскаивается въ этомъ,—потъ одна-другая черта изъ его дикой, полной приключеніями юности, которую онъ самъ описалъ съ чрезмѣрною подробностью.

Ему было уже 30 лѣтъ, а онъ все еще былъ бесполезнымъ членомъ общества. Единственная работа, которую онъ былъ занятъ нѣсколько серьезно, была музыка,—именно то, къ чему у него было меньше всего дарованія, въ чемъ онъ могъ всего меньше пасть на усѣхъ.

Тѣмъ не менѣе въ этой нестрой, полной тревоженіями жизни кое-что не осталось для него безъ значенія. Онъ стоялъ внѣ гражданского общества. Существующій порядокъ не представлялъ для него пивакой прелести и выказывался ему съ тѣхъ сторонъ, которыя ускользали отъ взгляда другихъ. Руссо былъ безъ отечества въ Женевѣ, изгланникомъ во Франціи. Эта космополитическая неопредѣленность его жизни повліяла на его воззрѣнія и мысли. Собственно онъ никогда душой не былъ французомъ: какъ къ характеру этого народа, такъ и къ формамъ его обиходной жизни относился онъ иначе, чѣмъ все, что принадлежало къ дающимъ тонъ вругамъ. Къ тому же въ немъ было нѣчто, способное сдѣлать его выразителемъ тѣхъ желаній и взглядовъ, которые неясно бродили у тысячи людей, и для которыхъ Вольтеръ и Монтескье не могли служить представителями. Въ немъ былъ тотъ нессимизмъ, то самонетязующее отчаяніе, то неопредѣленное стремленіе въ даль, которыя владѣли чувствами подавляющей части французской націи. Сверхъ того, въ немъ была черта, совершенно чуждая Монтескью и Вольтеру,—именно наклонность къ сантиментальной мечтательности и фантастическому идеализму, которая вытекала изъ неопредѣленной чувствительности и никогда необуздываемаго воображенія.

и, проявляясь въ словѣ, охватывала душу потрясающимъ восторгомъ. Массы слѣдуютъ за тѣмъ, кто умѣетъ возбуждать ихъ чувства, а Руссо былъ именно такимъ. Въ его жизни есть еще удивительная романтическая прелесть. Какъ счастливы были Вольтеръ и Монтескье, какъ мало были они знакомы съ нуждой простолудина, которую Руссо позналъ собственнымъ, столь горькимъ опытомъ! А масса естественно всегда сочувствуетъ тѣмъ характерамъ, въ судьбахъ которыхъ находятъ картину своего собственного бѣдствія. Наконецъ, его загадочная врезанная смерть, вѣроятно, отъ собственной руки, набросила на него трагическую тѣнь. Свѣтъ думалъ тогда, что онъ сдѣлался жертвой нужды и лишения; а быть можетъ—и преступленія.

Уже почти прошла первая половина столѣтія. Руссо было 38 лѣтъ, а онъ все копѣлъ надъ работой, для которой не былъ рожденъ,—надъ перепиской нотъ, компонированіемъ и всякими музыкальными општами. Какъ писатель, онъ не создалъ еще ничего значительнаго. Но онъ явился въ Парижъ (въ 1741 г.) и вступилъ въ сношенія съ такими замѣчательными людьми, какъ Фонтенель, Дидро, д'Аламберъ, Гриммъ, Гольбахъ. Ныскапному обществу женевецъ казался какою-то диковинкой. Въ Парижѣ, гдѣ все было, такъ сказать, выложено по одному образцу, вдругъ является чистое дитя природы, на которомъ постыдно срѣзались все старанія школы, неотшлифованный брилліантъ, чудакъ, который на все имѣлъ свои собственные взгляды, жилъ въ бѣдности, но презиралъ вспомошествованія,—словомъ, истинное лакомство для пресыщеннаго вкуса утонченнаго міра.

На прогулкѣ изъ Парижа въ Венсенъ попалась ему газета, въ которой ему бросился въ глаза вопросъ на премію Дижонской академіи: „Облагородило-ли нравы возстановленіе искусствъ и наукъ?“

Вопросъ самъ по себѣ былъ занимательнѣе всякаго отвѣта на него. Королевская академія предлагаетъ вопросъ: имѣетъ ли какое-либо значеніе въ великихъ общественныхъ интересахъ то, что она сама разрабатываетъ?

Удивителенъ былъ самый смыслъ этой задачи. Науки и искусства сами по себѣ никогда не могутъ ни создать, ни измѣнить правовъ; скорѣе они сами зависятъ отъ состоянія правовъ, которому служатъ выраженіемъ. Стало быть, скорѣе вопросъ можно поставить наоборотъ. Но въ томъ-то и заключался одно время истинно-французскій взглядъ, что вся высшая уметвенная жизнь стоитъ вѣкъ общества и вполнѣ самобытна.

Вопросъ овладѣлъ Руссо съ странной силой. Какъ онъ самъ рассказываетъ, задыхаясь, почти безъ чувствъ отъ волненія и

сердцебіенія, опустился онъ подъ однимъ деревомъ и долженъ былъ около получаса отдыхать тамъ, какъ будто лишившись сознанія, когда прочелъ немногочисленныя, но трудныя по содержанію строки. Онъ уже самъ тысячу разъ предлагалъ себѣ этотъ дивный вопросъ и столь же часто сомнѣвался: стоило-ли, дѣйствительно, создавать всѣ эти подмостки искусства и науки, чтобы только породить современную ложь и неправду, которыя отсюда проистекли? Онъ видѣлъ крашеную гробницу—общество, изящество снаружи и безнравственность внутри, и ему закралась въ голову мысль: не виновато-ли во всемъ этомъ образованіе, переросшее природу, и не было ли состояніе, не тронутое еще развѣдающею ржавчиной образованія, самымъ безмятежно-счастливымъ?

Онъ писалъ свой отвѣтъ, какъ пишетъ человекъ о томъ, что долго было задачей его жизни. „Я посвящалъ ему, говоритъ онъ, безсонныя ночи. Я вдумывался въ вопросъ на постели, съ закрытыми глазами, и съ невыразимыми мученіями переставлялъ въ головѣ свои періоды“. Въ поразительно короткое время отвѣтъ былъ готовъ; и трудъ, произосившій обвинительный приговоръ образованію, отдавшій первенство варварству, былъ удостоенъ академіей награды. Владыки старой культуры соглашались съ приговоромъ, которому они подвергались сами: ихъ послѣдняя вѣра въ свое богоподобіе, такимъ образомъ, исчезла. Вольтеру пришлось это не по вкусу; ему показалось, что „вздумали ходить на четверенькахъ“.

Въ этомъ сочиненіи Руссо были всѣ преимущества, равно какъ и недостатки его произведеній. Тотъ же огонь въ языкѣ, та же привычка обезоруживать возраженія разума постоянными обращеніями къ чувству, та же ловкая, отважная діалектика, которая, начавъ съ недоказанной посылки, съ непреодолимою послѣдовательною плѣняетъ читателя. Кто не изслѣдовалъ посылку, тотъ погибъ отъ этой діалектики.

Такъ здѣсь произвольнымъ положеніемъ, отъ котораго исходитъ весь рядъ доказательствъ, служитъ слѣдующее: съ первобытнымъ состояніемъ простоты, лишенной цивилизаціи, утратило человечество и свое счастье. Стѣдуетъ только считать съ человека цивилизацію, какъ сейчасъ же исцѣлишь его отъ всѣхъ пороковъ и нравственныхъ болѣзней. Руссо высказалъ затаянную мысль черезъ чуръ образвапаго общества. Пресмыщеніе пустымъ остроумицаишемъ и надоедливою салонною жизнью вызвало жажду ненадломленной естественности, желаніе здороваго варварства. Когда прѣдаются лакомства, принимаются слова за черствый хлѣбъ.

Руссо писалъ не съ тою тщательною гладкостью, не въ томъ великосвѣтскомъ стилѣ, который усвоили себѣ первые умы Франціи, а порывисто, бурно, страстно, какъ говоритъ народный три-

бунтъ. Весь рядъ его предложеній, по своему строю и нагроможденію, до нельзя неправиленъ и неточенъ; но въ нихъ сила краснорѣчія, буквально забрасывающаго фантазію читателя образами и сравненіями, поднимающими изъ глубины его души весь міръ чувствъ,—краснорѣчія, какимъ никогда не обладалъ ни одинъ изъ французскихъ писателей. И, дѣйствительно, развѣ онъ не давалъ чего-то, что должно было скорѣе тронуть всякаго благороднаго человѣка, чѣмъ всѣ сочиненія Вольтера? Развѣ онъ не держался далеко отъ всякой насмѣшки и волкости, не говорилъ какъ строгій нравственный судья? Развѣ у него не чувствовалось чего-то положительнаго тамъ, гдѣ у его предшественниковъ не было ничего, кромѣ холоднаго отрицанія? Это сказывается особенно въ его отношеніи къ религіи. Руссо не былъ ни издѣвающимся дестомъ, ни холоднымъ отрицателемъ. У него было то, что Кантъ называетъ „деизмомъ естественной религіи“. Откровеніе не было для него закономъ; но онъ и не нападалъ на него. Онъ не только щадилъ вѣчныя религіозныя представленія, которыя передаются въ человѣческой груди отъ поколѣнія къ поколѣнію, но давалъ имъ больше права, чѣмъ кто-либо изъ просвѣщенныхъ французовъ до него. Онъ проповѣдуетъ своего рода нравственную естественную религію, находившую сильный отголосокъ въ той средѣ, которая порвала связи съ господствующею церковью, по чувствовала себя оттолкнутою и отъ Вольтера. Это не была вѣра въ духѣ XVI вѣка, по и не было невѣріе XVIII-го. Это было трудно опредѣляемое среднее религіозное настроеніе большинства его соотечественниковъ, которому онъ сообщилъ воодушевленное выраженіе.

Здѣсь, какъ и во всемъ своемъ существѣ, явился онъ челоѣкомъ народа, съ его благородными и опасными чувствами.

Съ успѣхомъ своего перваго сочиненія Руссо больше не сомнѣвался относительно своего призванія. Затѣмъ послѣдовало сужденіе о неравенствѣ людей, точно также удостоенное награды, отвѣтъ на второй вопросъ Дижонской академіи въ 1753 году. Если въ первомъ сочиненіи зло внутренняго неравенства среди людей объяснялось результатами цивилизаціи, то здѣсь Руссо сдѣлалъ шагъ впередъ и сказалъ: „Корень всякаго неравенства—собственность, а такъ-называемый гражданскій порядокъ—неравенство, возведенное въ законъ. Кто первый обнесъ клочекъ земли заборомъ, объявилъ: „это моя собственность“, и нашелъ такихъ глушцовъ, что повѣрили ему, тотъ и былъ истиннымъ основателемъ гражданского порядка. Сколько опустошеній и войнъ, сколько кровопролитій и несчастій избѣгнулъ бы родъ челоѣческой, если бы кто-нибудь сорвалъ этотъ заборъ и крикнулъ другимъ: „Не вѣрьте обманщику! Вы погибли, если забудете, что плоды земли

принадлежать всѣмъ, и что это ничья собственность!" Въ самыя дикія времена революціи не было выражено ни одной мысли, которая превзошла бы эту свою смѣлостью.

За этимъ слѣдуютъ болѣе обширныя сочиненія, изъ которыхъ каждое есть событіе въ исторіи идей.

Самое важное изъ нихъ—Эмиль, потому что онъ первый подробно развилъ положительную программу воспитанія новаго общества и противопоставлялъ гнету, который еще господствовалъ въ церкви, школѣ, государствѣ и семьѣ, картину крайней естественной свободы. Проповѣдуемая здѣсь революція выступаетъ не въ бурныхъ требованіяхъ, а въ увлекательной одеждѣ поучительнаго романа, въ которомъ разрушительныя истины обложены вѣнкомъ розъ. Оттого-то эта книга произвела потрясающее дѣйствіе на умы. Гдѣ не читались разсужденія Руссо, тамъ поглощали его романъ: онъ нисходилъ до деревенскихъ избъ Германіи. Книга заслуживала открытой ненависти духовенства: въ ней заключалась самая опасная ересь. *Рудинъ*

Этимъ романомъ начинается совершенный переворотъ въ воспитаніи. Впослѣдствіи явились люди, вродѣ Песталоцци и Зальцмана, которые больше понимали въ воспитаніи, чѣмъ Руссо. Но со времени этой книги старій способъ воспитанія прекратился, какъ во Франціи, такъ и вѣдъ ея. На ея положительное содержаніе потомъ смотрѣли холоднѣе; но ея отрицательное дѣйствіе было уже само по себѣ вполне необыкновеннымъ явленіемъ.

Подобное же значеніе имѣла и Новая Элоиза, которая требуетъ возвращенія естественнаго права личному чувству и страсти противъ гнета условности. Книга повліяла сильно именно на Германію. Вертеръ Гете былъ на нее отвѣтомъ. И когда воплощенное противорѣчіе всему, что называется возвышенною чувствительностью, Наполеонъ Бонапартъ, отправляясь въ Египетъ, онъ ввѣлъ въ свою маленькую походную библіотеку „Элоизу“ Руссо и „Вертера“ Гете. Эта книга также произвела революцію, правда, не прокладывающую себѣ ровнаго пути на улицахъ, но зато вполне преобразовавшую міръ чувствъ. Эту книгу нельзя было назвать цѣломудренною, нравственно чистою; но, въ сравненіи съ неисчерпаемою грязью безнравственности во французскихъ романахъ того времени, она означала большой шагъ къ лучшему.

Оппозиція Руссо не походила на оппозицію его предшественниковъ. Тѣ нападали на церковь и государство, а Руссо на то, что жило въ церкви и въ государствѣ, на самое гражданское общество. Но предметомъ его нападеній было не то или другое воззрѣніе, не та или другая вѣщная пелѣнь, а весь строй этого общества, съ его распределеніемъ имущества и обра-

зованіемъ, съ его семейною жизнью и воспитаніемъ, съ его модой и нравами. Все, что пользовалось значеніемъ въ обществѣ, онъ называлъ неестественностью и кривлянемъ; во всемъ онъ видѣлъ неисцѣлимый недугъ. Его предшественники требовали новой церкви, новаго государства, а онъ требовалъ новаго общества, программой котораго было-бы объявленіе угнетеннымъ массамъ того, по чему онъ тосковали—свободы и равенства. И человекъ, отстаивавшій и общавшій это, не развѣчивалъ святинь народной вѣры: у него было теплое религиозное чувство. Въ глазахъ духовенства онъ былъ еретикомъ; но огромная масса средняго сословія находила въ признаніяхъ савойскаго викарія свои собственныя мысли о Богѣ и Провидѣніи, о міроустройствѣ и безсмертіи. Къ тому же въ самой своей жизни Руссо былъ вѣрнымъ изображеніемъ пророка бѣдныхъ и страждущихъ. Среди бѣдности, гнета, лишеній и безконечныхъ страданій пробивалъ онъ себѣ дорогу. Онъ не пировалъ за транежами богачей. Онъ походилъ на мученика своего ученія, и доселѣ еще не объясненная ¹⁾ смерть доставила ему мученическій вѣнецъ. Отсюда и его безграничное вліяніе на тѣ слои общества, которые не находили утѣшенія ни у Вольтера, ни у Монтескье. Въ революціи мы встрѣтимъ школу государственныхъ людей, которая приложила его ученіе къ практикѣ и по его предписаніямъ дѣлала свои опыты надъ организмомъ разлагающагося общества. Для нея-то была написана составляющая эпоху книжка «Общественный Договоръ» (Contrat Social, 1762 г.), гдѣ, въ краткихъ, рѣшительныхъ выраженіяхъ, катехизически изложено ученіе о социальной республикѣ. Тридцать лѣтъ спустя, мы находимъ тѣ же положенія, но уже не на бумагахъ, а въ страшной дѣйствительности.

Къ этимъ тремъ мужамъ, къ Вольтеру, Монтескье и Руссо, примкнуло все, что въ послѣдующемъ поколѣніи было виднаго во Франціи въ области литературы и политики. Энциклопедисты составили литературную школу Вольтера, а въ политикѣ видѣлись школы Монтескье и Руссо. Между конституціонными монархистами 1789 г. и социальными республиканцами 1793 г. стоятъ жирондисты, республиканскій идеалъ которыхъ начерталъ Мабли, однимъ изъ послѣдователей Руссо.

Росс

M

¹⁾ Къ сожалѣнію, эти слова Гейссера о смерти Руссо справедливы и теперь, не смотря на изслѣдованіе г. Распайя (въ газетѣ «Reformes»), который старался доказать, что Руссо умерщвленъ собственною женой, Терезой, по наущенію иезуитовъ. — Ред.

ГЛАВА III.

Конецъ царствованія Людовика XV.

Папоминаю здѣсь еще разъ о неизгладимой пропасти между состояніемъ церкви, государства и народа и взглядами общественнаго мнѣнія въ описываемое время. Старый порядокъ вяло, механически, все съ болѣе и болѣе сомнительнымъ успѣхомъ влачить свое существованіе; а новыя, совершенно непримиримыя съ нимъ возрѣнія уже владѣютъ большею частью націи. Что должно произойти, если это направленіе умовъ столкнется съ гнилыми оплотами старины, которая уже давно была осуждена въ понятіяхъ націи? Вѣдь, судя по ходу дѣлъ, нигдѣ не представляется задержки; скорѣе все направлено къ тому, чтобы усилить противорѣчія и открыть самый широкій путь необузданнѣйшимъ стремленіямъ націи.

Королевская власть во Франціи, несмотря на свой упадокъ въ послѣдніе годы Людовика XIV, не утратила слѣдовъ вѣшняго достоинства. Воспоминаніе о прежнемъ величіи никогда не давало этому монарху пасть вполне въ глазахъ націи; но поведеніе Людовика XV, какъ государя, втоптало въ грязь королевскую власть и уничтожило всякое чувство политическаго, нравственнаго и личнаго достоинства. Королевская власть съ этимъ позорнымъ правленіемъ метрессъ, приписаннымъ благосостоянію народа, честь націи, могущество государства въ жертву королевскимъ любовницамъ и ихъ креатурамъ, поистинѣ была создана для того, чтобы переполнить чашу озлобленія всякаго народа, а тѣмъ болѣе французскаго. И какъ упало, вылетѣло съ королевскимъ достоинствомъ, все, что окружало тропь! Какъ упали дворянство и духовенство!

Въ доброе время Людовика XIV у знатныхъ дворянскихъ родовъ были достойные представители. Тюренъ, Люксамбургъ, Конде были великими людьми, которые впервые своими заслугами и дѣйствіями обогородили свое благородное происхожденіе. Теперь польза было замѣтить ничего подобнаго даже между прямыми потомками этихъ же родовъ. И въ этихъ слояхъ наденіе, низость и личное ничтожество сдѣлали страшный шагъ впередъ.

То же было и съ духовенствомъ. Истекшая эпоха произвела такихъ людей, какъ Боссюэ, Массильонъ, Бурдалу, Фенелонъ, которыми нація гордится еще доселѣ. Гдѣ были въ XVIII вѣтѣ

епископы, которыхъ можно бы сравнить хотя съ однимъ изъ нихъ? У людей, имѣвшихъ въ этомъ сословіи какое-нибудь значеніе, у Сиейсовъ и Талейрановъ, не было ни охоты, ни притязаній упрочить за собою безсмертіе въ духовномъ санѣ.

Все, что еще въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ было полно достоинства и внушительности, погибло, начиная отъ короля и изровъ до епископовъ. А послѣднія 20 лѣтъ царствованія Людовика XV, именно время отъ Семилѣтней войны до смерти короля, были какъ бы предназначены къ тому, чтобы довести ропшущую и фрондирующую оппозицію до глубокаго нравственнаго отчаянія. Воинственная нація не легко переноситъ поражение и никогда не прощаетъ позора, безславія. Поэтому Мирабо и говорилъ, что посрамленіе при Росбахѣ сломило шею королевской власти. Семилѣтняя война стоила Франціи колониальнаго могущества. Мало того. Передъ всею Европою безпримѣрно была унижена честь французскаго оружія въ рукахъ безсовѣстнаго, безбожнаго подлича публичныхъ женщинъ. Иѣкогда блестящее военное первенство Франціи перешло въ новіекамъ, и великія событія XVIII столѣтія, какъ, напримѣръ, раздѣлъ Польши, совершались такъ, какъ будто Франціи вовсе и не было на свѣтѣ.

Послѣдніе годы Людовика XV прошли во всевозможныхъ мятежахъ. Противъ нихъ, правда, еще выставлялась вооруженная сила; но даже тупоумію этого короля они казались предвѣстниками страшной приближающейся грозы. Если у короля, вся жизнь котораго прошла въ грязи самаго отвратительнаго разврата, который могъ думать только объ изобрѣтеніи все новыхъ утонченныхъ способовъ щекотать свою чувственность, который видѣлъ подлѣ себя не государственныхъ людей и полководцевъ, а лишь сподниковъ и ихъ креатуръ, если въ пустой душоцѣ этого государя родилось предчувствіе потопа, до котораго онъ, правда, не доживетъ, но который долженъ разразиться послѣ его смерти, то, стало-быть, дѣло зашло уже слишкомъ далеко.

Тейссаръ С. / Жюльенъ Метисъ

Людовикъ XVI и 15 лѣтъ опытовъ (1774—1789 годы).¹⁾

Когда умеръ Людовикъ XV, никто во Франціи не обольщался мечтами о продолжительности стараго порядка. Повсюду сильно чувствовалось, что должно наступить нѣчто новое и что прави-

¹⁾ Droz: Histoire du règne de Louis XVI, 1838—42, 8v.—A. Renée: Louis XVI et sa cour, Paris, 1868, 2 éd.—Tocqueville: Chapitres inédits de l'ouvrage L'ancien régime et la révolution (Oeuvres compl. VIII, 57—148).—Ср.

тѣльству предстоитъ одно изъ двухъ: или самому взяться за дѣло, или предоставить его случаю. Если новому королю слѣдовало что-нибудь уяснить себѣ, такъ это то, что ему не должно идти по стопамъ дѣда и что вообще старая машина уже нигуда не годится. Людовикъ XVI смутно понималъ эту истину; но ему не доставало ни энергіи, ни ума сдѣлать отсюда выводъ. Этотъ недостатокъ и приводилъ его къ тѣмъ поступкамъ, которые ускорили взрывъ революціи. Онъ постоянно стремился задержать ее, и она стала еще неизбѣжнѣе; онъ силился притупить ея силу, и она стала еще ужаснѣе. Правда, бессмысленный застой прежнихъ дней прошелъ. Теперь уже не замыкаются съ фараоновскимъ высокомеріемъ отъ всего, что происходитъ въ нѣдрахъ націи; нерѣдко

Toulangeon (Paris, 1801, I) и Montgaillard (Paris, 1826, I, II) о революціи; мемуары m-me Campan, Besenval, Lanzun (Beugnot, I) и др.—Campan: Marie Antoinette et le procès du collier, 1863.—Goncourt: Histoire de M. Antoinette, 1863.—Lescure: La vraie M. Antoinette.—Taine. Les origines de la France, 1876.—Iolez: La France sous Louis XVI. 3 v. 1877—93.—Souriau: Louis XVI et la revolution, 1893. Переписка Маріи-Антуанеты съ Маріей-Терезіей, Іосифомъ II и Леопольдомъ II, изданная Арнетомъ (1865 и 1866 г.)

Переписка Маріи-Антуанеты послужила поводомъ къ любопытной полемикѣ во Франціи и въ Германіи, весьма характеристичной для современныхъ литературныхъ нравовъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Въ 1864 г. въ Парижѣ появились два изданія писемъ Маріи-Антуанеты, графа Hunolstein'a (Corresp. inéd. de M. Ant. publ. sur les docum. originaux) и Feuillet de Conches'a (Louis XVI. Marie-Ant. et mad. Elisabeth. Lettres et docum. inéd. 2 vols.). Они имѣли блестящій успѣхъ въ публикѣ, которой были доступны лишь нѣсколько писемъ несчастной королевы, изданныхъ въ 1835 г. (въ Revue rétrospective) по оригиналамъ, похищеннымъ въ Вѣнѣ Наполеономъ въ 1809 г. Но искорѣ ихъ постигла печальная участь. Въ 1865 г. появилось изданіе Арнета (Maria Theresia und Marie Ant. Jhr Briefwechsel währ. d. J. 1770—1780), основанное на подлинныхъ письмахъ Маріи-Антуанеты, хранящихся въ вѣнскомъ архивѣ. Изъ сличенія французскихъ и вѣнскаго изданій оказалось, что источникомъ первыхъ была довольно ловкая но вѣщности поддѣлка, хотя Фелье-де-Конинъ и уверялъ, что онъ 20 лѣтъ списывалъ свои драгоценныя письма въ архивахъ Франціи, Австріи, Швеціи и даже Россіи. Подлогъ былъ весьма остроумно доказанъ Зибелемъ (Hist. Zeitschr. 1865, I) и основательно поддержанъ французскимъ изслѣдователемъ Geffroy (Revue des deux Mondes за сент. 1865 г.), уже давно хорошо зарекомендовавшимъ себя, какъ издателя документовъ касательно исторіи Франціи. Фелье дерзко отбивался отъ нихъ и въ газетахъ, и журналахъ, и въ предисловіяхъ къ 3 и 4 томамъ своего изданія. Но онъ вынуждъ этимъ лишь новыя, неопровержимыя и несомнѣныя заведенія для него доказательствъ со стороны Зибеля и Жефруа (Hist. Zeitschr. 1865, IV. Revue des d. Mondes за июнь и июль 1866 г.). Правда ли Фелье, читатель можетъ судить по слѣдующему курьезу. Онъ объявилъ, что печаталъ нѣкоторыя письма Маріи-Антуанеты по спискамъ, сдѣланнымъ имъ въ вѣнскомъ архивѣ. Это вынудило Жефруа напечатать письмо къ нему Арнета, помощника директора этого архива, въ которомъ сказано: „Ни въ австрійскихъ государственныхъ архивахъ, ни въ собственнаго императорской библіотекѣ и, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ въ Вѣнѣ не существуетъ никакихъ писемъ королевы (Маріи-Ант.), кромѣ общеродонастныхъ мною. Не знаю, гдѣ видѣлъ г. Фелье что-нибудь подобное“. Ред.

просвѣчиваетъ даже добрая воля, никогда еще не виданная. По для того, чтобы избрать вѣрныя средства, не хватаетъ ни энергій, ни ума.

Новому королю, внуку Людовика XV-го, не было и двадцати лѣтъ, когда онъ вступилъ на престолъ (10 мая 1774 г.). И необыкновенной силѣ было бы не легко внести порядокъ въ хаосъ, унаследованный имъ вмѣстѣ съ короной. Никогда еще въ цѣлой Европѣ правительство не пользовалось такою дурной славой. Государство стояло на краю банкротства; права и нравственность, законы и вѣра пахотились въ полномъ разложеніи; въ умахъ царствовало дикое броженіе и безграничное недовѣріе. Таково было наследствено, полученное Людовикомъ XVI. Его личность не обладала свойствами, необходимыми для господства надъ такимъ хаосомъ. Онъ, при многихъ своихъ похвальныхъ качествахъ, былъ скорѣе созданъ для того, чтобы еще болѣе увеличить смуты.

То былъ весьма посредственный умъ, и эта посредственность нисколько не была сглажена тщательнымъ, энергическимъ воспитаніемъ. Людовикъ XVI и учился немногому. Разумѣется, если представимъ себѣ дворъ Людовика XV и вліяніе, господствовавшее тамъ, мы должны будемъ счесть особеннымъ счастіемъ, что молодой король не былъ, но крайней мѣрѣ, испорченъ нравственно. Въ умственномъ отношеніи онъ вялъ, медленъ, безпомощенъ. Ему трудно втолковать что-нибудь, а если и удастся; то у него не хватитъ силы воли поступать сообразно съ этимъ. Послѣ всякаго умственного напряженія погружается онъ въ себя: па охотѣ или за слесарствомъ онъ забываетъ совѣты министровъ и свои собственные указы. Это точно неучъ, чуждый великихъ всеобщихъ интересовъ, вѣчно увлекаемый своими склонностями къ ничтожнымъ страстишкамъ, потому что все остальное лишь мимоходомъ касается его, не оставляя въ глубинѣ его души никакихъ слѣдовъ. Его образъ мыслей былъ полонъ доброжелательства, его нравственность незанятна; но ему не были знакомы серьезная работа, напряженныя занятія. Онъ былъ лѣнивъ, но не изъ страсти къ наслажденію или изъ легкомыслія, а по недостатку умственной живости и привычки къ труду. Въ самыя страшныя минуты своей монархіи стремился онъ не къ запрещеннымъ плодамъ, а къ пустякамъ. Онъ невинно работалъ-себѣ молоткомъ въ слесарнѣ, когда его трону угрожало паденіе.

Мы охотно судимъ о немъ по тому впечатлѣнію, которое производятъ на насъ его поступки въ послѣдніе дни правленія. Здѣсь, когда ему пришлось бороться за свою жизнь, въ немъ обнаружилась его истинная сила, именно извѣстное пассивное героичество. Онъ не унижается до чего-нибудь недостойнаго; остается спокой-

нимъ и кладнокровнымъ среди бушующихъ страстей; говорить съ своими судьями съ «царской братскою»; отважно идетъ навстрѣчу смерти, но не какъ герой, а какъ мученикъ. Эти послѣдніе дни могутъ, конечно, подкупить насъ. Но это величіе въ страданіи и въ терпѣніи было все-таки не то, что утверждаетъ и спасаетъ тронъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Людовикъ могъ умереть съ величіемъ; но это все-таки не измѣняетъ приговора исторіи надъ его безпримѣрной слабостью, какъ государя.

Людовикъ XVI не принесъ съ собою на тронъ ничего, кромѣ добрыхъ намѣреній упрочить благо народа и счастье Франціи. Что тутъ нужно дѣлать—это было, разумѣется, ему неясно. Какое-то смутное предчувствіе подсказывало ему, что такъ, какъ теперь, не должно быть; но и только. При каждомъ практическомъ вопросѣ колеблется онъ между противорѣчивыми вліяніями: сегодня желаетъ самаго лучшаго, завтра самаго худшаго. И все это съ простодушной увѣренностью, что онъ находится на истинномъ пути.

Подлѣ него стояла дочь Маріи-Терезіи, Марія-Антуанета, тогда цвѣтущая красотой и юностью. Она была болѣе мужчиной, чѣмъ ея супругъ, болѣе способна представлять величіе престола, и съ большими задатками политической воли. Но все-таки это не была такая личность, которая, дѣйствительно, вдохновляла бы Людовика XVI и руководила бы имъ, которая могла бы быть душою его политики.

И она была также неопытнымъ, легкомысленнымъ ребенкомъ. И она шалила и забавлялась пустяками въ это ужасное время. И она дѣйствовала подъ впечатлѣніемъ минуты и по капризу. Въ послѣдующей ея жизни встрѣчаются мгновенія, когда думаешь, вотъ-вотъ она вступитъ на важный шагъ; но тутъ помѣшаетъ ей какое-нибудь личное отвращеніе, и она останавливается на половинѣ пути. У нея вовсе не было тѣхъ грязныхъ качествъ, которыя приписывала ей клевета; но не было также и тѣхъ великихъ чертъ, которыя одиѣ могутъ спасти. Тотчасъ же послѣ свадьбы, «австріячка» стала нелюбима народомъ, потому что этотъ бракъ былъ символомъ роковаго союза 1756 года. Люди, которыхъ нельзя не назвать честными, ненавидѣли ее единственно по этой причинѣ. Она никогда не считалась француженкой, и этого уже было слишкомъ достаточно для королевы Франціи.

Что, кромѣ этого, связывали съ ея именемъ, принадлежитъ къ грязной области клеветъ того времени. Принцы крови, съ герцогомъ Орлеанскимъ во главѣ, къ безправственности котораго королева чувствовала омерзѣніе, и который мстилъ ей за это гнусными клеветами, были съ большой партіей французскаго дво-

ранства въ открытомъ заговорѣ противъ нея; и все, что они передавали про «австріячку», то положительно, то полусомнительно, принималось охотно на вѣру. Ея жизнь была такъ чиста, какъ только можетъ быть чиста жизнь французской королевы. Правда, она была вѣтренна, необузданна, легкомысленна, какъ дитя, и то-и-дѣло вызывала неудовольствія. Но строгій этикетъ французскаго двора, противъ котораго она погрѣшала, скрывалъ подъ самыми утонченными, изящными формами ужасную безнравственность, тогда какъ дворъ Маріи-Терезіи, которому она подражала, отличался самою радушною, непринужденною развязностью и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ нравственно-чистымъ во всей Европѣ. Расточительность королевы также сильно преувеличена. Постройки, сады и т. п. ея затѣи не заслуживаютъ и упоминанія, въ сравненіи съ грѣхами другихъ. Но ужъ такова была мода выставять ее причиною всѣхъ золъ, а короля избавлять отъ всякаго упрека.

И оба эти ребенка, одинъ 20-ти, другая 17-ти лѣтъ, должны были управлять Франціей,—оба ребенка, которые, 15 лѣтъ спустя, все еще играли и забавлялись съ невыразимою наивною. А между тѣмъ эта королевская чета была самою здоровой кровью изъ всего двора: ея семейная жизнь была образцомъ чистоты, тогда какъ братья короля и все остальное высшее общество уже погрязли въ безднѣ разврата. Для хода дѣлъ съ 1789 года не было лишено значенія то обстоятельство, что эта слабая королевская чета жила въ атмосферѣ, отравленной обществомъ Людовика XV.

Людовикъ XVI не принесть съ собою на тропѣ ничего, кромѣ честнаго желанія поступать лучше, чѣмъ достойный проклятій его дѣдъ. Первое, что предвѣщало поворотъ къ лучшему, была перемѣна министерства. Между министрами Людовика XV было двое до такой степени своевольныхъ, жестокосердыхъ и обремененныхъ ненавистью народа, что дальнѣйшая ихъ служба была невозможна. Мы говоримъ о министрѣ финансовъ Терре (Теггау) и о министрѣ юстиціи Мону (Маурсон).

Первый изъ нихъ, гнуснѣйшій взяточникъ, былъ достаточно безсовѣстенъ, чтобы воровать себѣ у государства милліоны. Онъ не отличался ничѣмъ, кромѣ отвратительнаго цинизма, съ которымъ, шутя, признавался въ своей пошлости и подсмѣивался надъ гибелью государства. Второй, Мону, самъ по себѣ порядочный человѣкъ, навлекъ на себя общее раздраженіе тѣмъ, что допуская множество гадостей. А закрытіе парламентовъ въ 1771 году сдѣлало привилегированные классы его смертельными врагами. Народъ ненавидѣлъ въ этихъ двухъ людяхъ представителей бывшаго дотошъ позорнаго образа правленія. По всей Франціи пронесли крикъ восторга, когда король отказалъ имъ. А призваніе на ихъ

мѣста преемники были не безызвѣстные придворные, но самые открытые представители большой преобразовательной партіи, которая, зародившись въ лучшихъ кругахъ націи, доселѣ пользовалась только литературнымъ значеніемъ и теперь впервые достигала кормила правленія. Притомъ эти люди принадлежали къ самымъ уважаемымъ личностямъ эпохи.

Какъ во всѣхъ областяхъ умственной жизни и творчества, такъ и въ наукѣ государственнаго хозяйства дѣйствовала тогда новая школа: это экономисты или фізіократы.

Система Кольбера, состоящая въ томъ, чтобы не только охранять сверху, государственными мѣрами, но даже искусственно создавать торговлю и промышленность, была доведена его преемниками до крайности. И вотъ, теперь пришли къ убѣжденію, что она ложна, что если потребители должны отдачивать своими податями процвѣтаніе той или другой отрасли туземной промышленности, которая безъ этого, быть можетъ, и не возникла бы, то этимъ систематически наносится вредъ всему остальному народному хозяйству, особенно его основѣ, земледѣлію. Теперь представляли прямую противоположность этой системы: если доселѣ все значеніе принадлежало торговлѣ и промышленности, то теперь оно должно было перейти къ земледѣлію.

Одинъ медикъ, слѣдовательно дилетантъ въ этой области, жившій при дворѣ Людовика XV, Келп, хотѣлъ, чтобы изъ всѣхъ имуществъ и цѣнностей обращалось вниманіе только на землю, а изъ всѣхъ налоговъ только на строго и правильно распределенную поземельную подать. Какъ на единственное средство возвысить, для блага собственниковъ и государства, цѣнность земли до ея естественнаго уровня, онъ указывалъ на освобожденіе сельскаго труда и поземельной собственности отъ всѣхъ несправедливыхъ тяжестей, которыя все еще обременяли ихъ.

Эта школа убѣждала посредствомъ цифръ, какъ научили существовающія подати, *taille, gabelle, capitation* и т. д., которыя, ради быстраго добыванія денегъ, истребляли самый капиталъ народнаго благосостоянія. Она доказывала результатами основательныхъ изысканій во всѣхъ частяхъ страны, какъ глубоко пало поскуду французское земледѣліе, какъ бѣдственно было положеніе крестьянина. На основаніи этихъ данныхъ требовала она всего того, что неизбежно должно было произойти, чего впоследствии и достигла революція, — именно облегченія земледѣлія, свободной торговли хлѣбомъ, уничтоженія безсмысленныхъ привилегій феодализма.

Между людьми, которые уже пользовались въ этой школѣ извѣстнымъ именемъ, самымъ важнымъ былъ Тюрго. Его призваніе

въ министерство означало попытку осуществить планъ фізіократической реформы.

Опытъ фізіократической реформы. Министерство Тюрго и Малерба.

Изъ людей этого направленія одинъ только Тюрго (1727—1781)¹⁾ былъ испытанъ на дѣлѣ и доказалъ, насколько было возможно, вѣрность этой системы, приложивъ ее на практикѣ. Будучи интендантомъ Лимузена, проявилъ онъ, во время своего 10-лѣтняго правленія, поистинѣ творческую дѣятельность. Онъ отказался отъ болѣе блестящихъ мѣстъ въ Руанѣ, Лионѣ и Бордо, чтобы помочь провинціи, которая въ рѣдкой полнотѣ совмѣщала въ себѣ все недуги старой Франціи—бѣдность и тупость населенія, гнетъ податей и плачевное положеніе земледѣлія, закоснѣлость чиновниковъ и привилегированныхъ классовъ. Его управленіе было непрерывною геройскою борьбой съ ослѣпленіемъ вверху, съ равнодушіемъ и лѣзостью внизу. Результатомъ было множество благодѣтельныхъ преобразованій и восторженная любовь провинціаловъ, которою интенданты вообще не могли похвалиться. Когда Тюрго вступилъ въ министерство, благомыслиціе могли торжествовать. Теперь за кормо правленія брался человекъ, болѣе всѣхъ чиновниковъ Франціи призванный быть преобразователемъ. Къ тому же было извѣстно, что онъ скорѣе пожертвуетъ своимъ мѣстомъ, чѣмъ своими убѣжденіями.

Рядомъ съ нимъ стоялъ Мадербъ, человекъ, достойный полнѣйшаго уваженія, съ незанятнымъ именемъ на общественной службѣ. Уволенный по не милости изъ министерства, куда онъ вступилъ лишь по чувству долга, впоследствии онъ вызвался защищать обвиненнаго короля, такъ какъ никто не брался за это, и слѣдовалъ за нимъ на эшафотъ.

Двухъ другихъ такихъ честныхъ людей у Франціи не было.

Къ сожалѣнію, король поставилъ во главѣ министерства драхлага маркиза Морена, который несколько не былъ лучше

¹⁾ Dupont de Nemours: Vie et oeuvres de Turgot.—Bathie: Turgot philosophe, économiste et administrateur. Paris, 1861.—Tissot: Turgot, sa vie et son administration, ses ouvrages. Paris, 1862.—Mastier: Turgot, sa vie et sa doctrine. Paris, 1862.—Foucault: Sur le ministère de T. 1877.—Iobez: Turgot. 1877.—Say: Turgot. 1888.—Gomel: Les ministères de Turgot et Necker. 1892.

Въ русской литературѣ также есть специальное изслѣдованіе о Тюрго. Оно принадлежитъ Муравьеву. Ред.

старыхъ придворныхъ. Единственная заслуга его заключалась въ томъ, что онъ былъ изгнанъ изъ Франціи за одну сатиру на г-жу Помпадуръ. Это былъ интриганъ по склонности и страсти. Часто строилъ онъ самыя пагубныя возни единственно изъ любви къ искусству. Притомъ онъ былъ полонъ подувующей, но ничтожной граціи и парядности стараго французскаго дворянина, у котораго находилось красное словцо на всякій случай. Неспособный ни къ какой серьезной мысли, смѣется онъ надъ честными министрами. „Эти господа, думаетъ онъ, воображаютъ, что могутъ что-нибудь сдѣлать, тогда какъ я призвалъ ихъ только для того, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи людей, лишенныхъ всякой поддержки при дворѣ и потому оставленныхъ на мой произволъ“.

Тюрго принесъ съ собою обширный планъ преобразованій, съ помощью котораго надѣялся осуществить свои смѣлыя обѣщанія: „Итъ болѣе государственнаго банкротства, ни явнаго, ни скрытнаго; итъ ни новыхъ налоговъ, ни новаго займа“.

Вся податная система измѣняется до основанія. Распредѣленіе податей переходитъ въ руки самихъ плательщиковъ, а вниманіе исцѣляется отъ тѣхъ вопіющихъ злоупотребленій, которыя подрывали какъ благосостояніе крестьянъ и горожанъ, такъ и доходы государства.

Тюрго начерталъ величественный планъ самоуправленія въ общинахъ, округахъ и провинціяхъ, которое должно было служить основой истинно-здоровой децентрализаціи. Въ каждомъ городѣ и въ каждой сельской общинѣ избирается муниципалитетъ или общинный совѣтъ, обязанный распредѣлять назначаемыя правительствомъ подати, заявлять о потребностяхъ обывателей, разсуждать о полезныхъ для общины работахъ, заботиться о призрѣніи бѣдныхъ и т. д. Изъ общиннаго представительства должно было выйти окружное, изъ окружнаго — провинціальное совѣты и, наконецъ, изъ этихъ послѣднихъ — государственныя чины. Это была лѣстница учреждений, способная воспитать съ самаго низа духъ самостоятельности, устранить произволъ чиновниковъ и изгладить враждебность между сословіями, — словомъ, это было исполненіе предварительнаго условія всякой политической свободы.

Откупная система податей преобразовывается. Главные откупщики податей славилась своею жестокостью и безстыдствомъ своихъ плутней. Въ тяжбахъ съ плательщиками они установили правило, что сомнительные случаи рѣшаются въ ихъ пользу. Тюрго дѣйствовалъ наоборотъ: сборъ податей сталъ менѣе жестокимъ, и доходъ государственной кассы возросъ. Если у сборщика земельныхъ податей случался въ кассѣ педочетъ, то онъ захватывалъ четырехъ богатѣйшихъ обывателей своего округа, засаживалъ ихъ

въ тюрьму и не выпускалъ, пока они не уплачивали недоимки, въ которой вовсе не были виноваты. Въ выгодахъ главныхъ откупщиковъ, не задумываясь, участвовали значительныя лица при дворѣ. Господа, пользовавшіеся этими грѣховными деньгами, назывались *seigneurs*, и Людовикъ XV выдавалъ формальные патенты на эти доходы. Все это должно было просто прекратиться.

Кромѣ того, во Франціи существовали внутреннія пошлыны въ такихъ размѣрахъ, что нація черезъ каждые два года была подвержена самымъ страшнымъ хлѣбнымъ кризисамъ. Провинціи все еще были отдѣлены одна отъ другой таможенными линіями, которыя дѣлали невозможною даже торговлю хлѣбомъ. При большомъ разнообразіи почвы во Франціи, часто случалось, что въ одномъ мѣстѣ былъ обильный или по крайней мѣрѣ сносный урожай, а въ другомъ полнѣйшій неурожай; и вотъ, цѣлымъ провинціямъ приходилось голодать, тогда какъ рядомъ съ ними находились большіе запасы, ввозу которыхъ препятствовали высокія пошлыны, составлявшія предметъ барышничества знатныхъ особъ при дворѣ. Это должно было прекратиться. Торговля хлѣбомъ внутри страны должна была сдѣлаться совершенно свободною. Самые тяжкіе подати и налоги, обременявшіе крестьянина, въ особенности дорожныя пошлыны, должны были сначала уменьшиться, а потомъ и вовсе исчезнуть. А когда имущество и трудъ крестьянина вполне освободится отъ всѣхъ тягостей, вмѣсто всего этого предполагалось назначить умѣренный поземельный налогъ. Какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ должны уничтожиться всѣ формы феодализма: гнетъ пеховъ, привилегіи труда и городской аристократіи. Доселѣ свалавшаяся сила будутъ освобождены и пріобрѣтены для общаго блага.

Это былъ не только смѣло задуманный, но и полный опредѣленной, ясной мысли и строгаго согласія между причинами и слѣдствіями планъ преобразованій. „Онъ далъ правильную программу французской революціи, говорить одинъ изъ отечественныхъ біографовъ Тюрго: все, не вошедшее въ нея, должно или оспаривать, или отвергать“.

24 августа 1774 года Тюрго сталъ министромъ, и уже 13 сентября издалъ указъ о свободѣ внутренней торговли хлѣбомъ. Въ объяснительномъ введеніи указывалось на это предписаніе, какъ на лучшее средство сдѣлать продовольствіе народа независимымъ отъ случайностей времени года и устранить сильное колебаніе цѣнъ на хлѣбъ. Но уже здѣсь проявилась вся несправивость перержавѣвшей машины. Не говоря о безчисленныхъ затрудненіяхъ со стороны чиновничества и о сопротивленіи парламента, возстановленіе котораго безуспѣшно оспари-

валь Тюрго въ совѣтѣ министровъ (въ ноябрѣ 1774 г.), противъ него была усюбена цѣлая мучная война (la guerre des farines). Она вспыхнула 20 апрѣля въ Дижонѣ, 1 мая въ Понтуазѣ, и т. д. Снабженныя деньгами шайки бродили по странѣ, захватывали обозы съ хлѣбомъ, осаждали пекарни, угрожали хлѣбнымъ лавкамъ, уничтожали всякіе попадавшіеся имъ хлѣбные запасы. Что дѣло велось обдуманно, это видно между прочимъ изъ правильности движеній этихъ шайекъ, цѣлью которыхъ, какъ вскорѣ оказалось, было выморить Парижъ голодомъ и этимъ вызвать въ немъ рѣшительный переворотъ. Пяти заговора сходились въ высшихъ кругахъ. Морена былъ его душой. Парламентъ нисколько не отличался, по своему направленію, отъ духа этого предпріятія. Онъ, вскорѣ послѣ этого, въ одномъ докладѣ противъ указа Тюрго, высказалъ основное правило, что „французскій народъ можно подвергать налогамъ и барщинамъ, сколько угодно (que le peuple de France est taillable et corvéable à volonté)“. Королю совѣтовали бѣжать. Его довели до того, что онъ запретилъ употреблять вооруженную силу и понизилъ цѣну на хлѣбъ. Но тогда это было мгновенною слабостью. Тюрго и Малербъ приняли противъ заговора энергическія мѣры. Вспыхнувшій 3 мая въ Парижѣ и въ цѣломъ ряду городовъ мятежъ былъ подавленъ и дѣло было доведено до конца. Тюрго облегчилъ ввозъ хлѣба, приказалъ духовенству распространять въ народѣ объясненія и поученія, отстранилъ нелѣпыя ограниченія въ торговлѣ хлѣбомъ, существовавшія еще въ Парижѣ, Бордо, Руанѣ, Безансонѣ, Мецѣ, Лионѣ и въ другихъ городахъ. Столицѣ уже не приходилось болѣе голодать въ то время, когда въ 20-ти часахъ отъ нея хлѣба было въ изобиліи; а торговцы, эти естественные посредники равномернаго распредѣленія, уже не преслѣдовались и не притѣснялись, какъ враги общества.

Послѣ ряда отдѣльных преобразованій, посредствомъ которыхъ Тюрго иштался съ возможно меньшимъ шумомъ отстранить самыя грубыя сопротивленія, потребовалъ онъ отъ короля, прежде чѣмъ приступить къ болѣе важнымъ, кореннымъ мѣрамъ, подписи шести указовъ. Два изъ нихъ, уничтоженіе дорожныхъ повинностей и цеховъ, имѣли глубокое значеніе, и поэтому дали сигналъ всѣмъ врагамъ смѣлаго министра идти на приступъ. Разразилась горячая борьба съ парламентомъ ¹⁾. Троннымъ засѣда-

¹⁾ Въ описываемое время парламентъ во Франціи сохранилъ одно только имя, усвоенное имъ съ глубокой древности, утративъ почти все свое первоначальное значеніе. Въ эпоху господства феодализма, въ X—XIII вѣкахъ, парламентъ, состоявшій изъ духовныхъ и свѣтскихъ вассаловъ и замѣнившій первобытнаго народнаго собранія (les champs de Mars ou de Mai), игралъ роль полномочнаго совѣта короля, рѣшавшаго всѣ высшія дѣла въ государствѣ, какъ

ніемъ 12 марта 1776 г. король приготовилъ великому преобразователю еще одишь триумфъ: онъ настоялъ на занесеніи указовъ въ протоколъ, несмотря на запальчивыя нападки раздраженныхъ привилегированныхъ. Но идти далѣе у слабаго государя не хватило мужества: 12 мая Тюрго получилъ отставку, 20 мѣсяцевъ занималъ онъ свою должность и успѣлъ уничтожить 23 вида тягостныхъ налоговъ: отмѣнить барщину и цеки; преобразовать взиманіе податей; облегчить отъ безсмысленныхъ пошлинъ торговлю съѣстными принасами, хлѣбомъ, мясомъ и виномъ; отстранить много старыхъ злоупотребленій; ограничить продажу должностей; исполнить забытыя обязательства государства; наконецъ, установить сносныя отношенія между приходами и расходами. Тюрго удалился съ горестными предчувствіями касательно участи монарха и монархіи. Историки, признающіе Тюрго челоуѣкомъ, способнымъ предотвратить революцію современными преобразованіями, считаютъ 12 мая 1776 года днемъ, въ который былъ брошенъ жребій о будущемъ Франціи. Несомнѣнно, что послѣ паде-

политическія, такъ и судебныя. Усложненіе дѣлъ привело уже при Филиппъ-Августѣ къ раздѣленію парламента на двѣ палаты, — судебную (Curia Regia) и политическую (Cour des Paris). Впрочемъ, эти палаты различались тогда между собою только кругомъ своего вѣдомства. Вообще независимыми стали онѣ со времени Филиппа Красиваго, когда Curia Regia, сохраняя названіе парижскаго парламента и свой старый, аристократическій составъ, обратилась съ исключительно судебное высшее учрежденіе; а Cour des Paris, расширенная въ 1302 г. введеніемъ въ нее депутатовъ отъ третьяго сословія (tiers état), стала высшимъ политическимъ учрежденіемъ въ странѣ, принявъ новое названіе государственныхъ чиновъ (Etats généraux). Но весьма важно, что парламентъ сохранялъ за собою одно право чисто-политическаго свойства: всякій законъ, всякій указъ короля о податяхъ долженъ былъ заноситься имъ въ книгу законовъ, хранившуюся у него. Къ тому же королевская власть, покровительствуя этому феодальному учрежденію, какъ протяговѣсу новымъ государственнымъ чинамъ, поддерживала его притязанія на контролированіе требованій послѣднихъ. Вотъ почему, когда государственные чины прекратились въ 1614 г., парижскій парламентъ возгордился тѣмъ, что ему одному во Франціи принадлежитъ тѣмъ политическаго значенія, сталъ выѣшиваться въ правленіе и враждовать съ королевскою властью. Онъ самъ называлъ себя «les Etats généraux au petit pied». Королямъ, конечно, было не трудно подавить эту оппозицію привилегированныхъ сословій, стоявшихъ за свои феодальныя права, уже отжившихъ свой вѣкъ. Для этого имъ стоило только не лѣниться, почаще самимъ приходить въ парламентъ (причемъ засѣданіе называлось тропицъ или подушечными, lit de justice), который умолялъ въ ихъ присутствіи. Въ 1771 г. окончилась знаменитая борьба парламента съ Людовикомъ XV насилъственнымъ подавленіемъ привилегій перваго. Возмздившій Людовикъ XVI, тотчасъ по вступленіи на престолъ, возстановилъ старыя права парламента, который снова подлялъ голову, прикрывая свои корыстныя цѣли громкими фразами въ духъ времени, въ родѣ верховенства народа, и т. под. Въ разсказѣ Гейссера о министерствѣ Бриена читатели найдутъ свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ парижскаго и провинціальныя парламентовъ. Ред.

нія этого министра всѣ попытки остановить приближающійся кризисъ, помимо или противъ его программы, потерѣли печальную неудачу. Несомнѣнно также, что между его преемниками не было ни одного, котораго даже злѣйшіе враги, говоря по совѣсти, могли бы упрекнуть только въ томъ, что онъ, „порицая своихъ противниковъ, не стѣснялся въ выраженіяхъ“. Тюрго могъ позавидовать даже Мирабо, еще болѣе великій государственный мужъ, который сказалъ, находясь на вершинѣ своей славы: „О, еслибъ за мной было иное прошедшее!“ Тюрго былъ послѣднимъ министромъ, въ незапятнанную честность котораго вѣрила вся Франція. Отъ того удара, который потерѣло довѣріе къ правительству, вслѣдствіе его удаленія, монархія никогда уже болѣе не оправлялась.

Новый финансовый опытъ. Неккеръ.

За Тюрго слѣдовалъ Ключьи, посѣдившій возстановить барщины и цехи. Одинъ изъ современниковъ называетъ его „человѣкомъ безъ совѣсти и чести“, другой, — „министромъ, управленіе котораго было четырьмя мѣсяцами грабежей, вовсе неизвѣстныхъ королю“.

Съ трудомъ добытыя средства вскорѣ истощились. Наступилъ день, когда уже нельзя было покрывать ежедневныхъ расходовъ. Нуженъ былъ финансистъ, который имѣлъ бы кредитъ и доставлялъ бы деньги. Остановились на банкирѣ Неккерѣ, который, хотя, какъ протестантъ, и не могъ быть генераль-контролеромъ, тѣмъ не мѣнѣе, былъ на дѣлѣ руководящимъ министромъ финансовъ (1776—1781).

Этимъ и начинается общественная жизнь замѣчательнаго человека, долго считавшагося во Франціи самымъ способнымъ государственнымъ мужемъ, который, казалось, подобно Атласу, одно время несъ на своихъ плечахъ революціонную страну, потомъ вдругъ исчезъ безъ слѣда. Неккеръ былъ превосходнымъ банкиромъ. Его домъ, безъ сомнѣнія, былъ самымъ благоустроеннымъ въ Парижѣ и пользовался повсюду величайшимъ кредитомъ. Его состояніе дозволяло ему необыкновенныя издержки. Самое избранное общество образованныхъ кружковъ постоянно толпилось у его подъезда. У него была даровитая жена, остроумная дочь (впоследствии де-Сталь). Словомъ, онъ былъ авторитетомъ въ литературномъ мѣрѣ, силой въ финансовомъ. За это-то ему прощали тупое неаданство, съ которымъ онъ излагалъ свои ученія топомъ проповѣдника-методиста. Его политическое пропіе обѣщало мало. Тюрго,

какъ фисіократъ, былъ противникомъ системы Кольбера. Неккеръ, во что бы то ни стало, хотѣлъ сдѣлаться представителемъ меркантилизма и снизошелъ до того, что поддержалъ грязную интригу противъ Тюрго весьма посредственною брошюрой, основанной на непростительнѣйшемъ непониманіи взглядовъ Тюрго. По рекомендаціи одного изъ любимцевъ Морена, вступилъ онъ въ министерство. Здѣсь-то самое дѣло должно было доказать, что онъ ни государственный мужъ, ни финансистъ. Онъ былъ только банкиромъ, а заправлялъ банкирскимъ домомъ и руководить полуобанкротившимся государствомъ—вещи весьма различныя. Къ этому присоединилось его безграничное тщеславіе, взлелѣянное взаимною лестью, царствовавшею въ его салонѣ. Подобно тому, какъ въ своемъ „Отчетѣ“ (Compte rendu) онъ дозволилъ себѣ относительно короля невѣроятную безтактность, потребовать отъ него для своей жены чуть не безсмертія, такъ и сочиненіе его дочери о революціи, или, скорѣе, о величайшемъ челоѣкѣ этой эпохи, т. е. объ отцѣ, какъ пельзи болѣе вѣрно преданіямъ ея роднаго дома.

У Неккера такіе мелкіе, узкіе взгляды, что, когда дѣло шло о спасеніи Франціи, онъ не могъ настолько побѣдить себя, чтобы раздѣлить съ какимъ-нибудь соперникомъ славу своего положенія. За исторіей остается отдать ему строгую справедливость. Нельзя, какъ это дѣлалось потомъ знатными лицами, предполагать, что онъ создалъ революцію, но еще нельзя взгляды тѣхъ, которые утверждали, будто революція не зашла бы такъ далеко, еслибы ему предоставили свободу дѣйствій. О пововведеніяхъ, возбужденныхъ Тюрго, онъ не хотѣлъ и слышать. Тогда какъ тотъ предлагалъ коренное леченіе, этотъ схватывался за опасное крайнее средство, за систему покрывать старые долги новыми. Плохой тотъ хозяинъ, кто покрываетъ ежегодно возрастающій дефицитъ не открытіемъ внутреннихъ источниковъ дохода, а займами, захватываетъ слѣдующій годъ для пачала настоящаго и, такимъ образомъ, въ бремя паличнаго долга прибавляетъ новую тяжесть процентовъ займа.

Слава Неккера заключалась въ томъ, что онъ искусно умѣлъ дѣлать займы. Ему было это сподручно, какъ ловкому биржевому дѣятелю и обладателю безграничнаго кредита въ ~~дѣлопотъ~~ мірѣ: у крупныхъ капиталистовъ Парижа, Лондона, Амстердама не находилось денегъ для Клюэи и Калопа; но Неккеру они давали съ охотой. Сверхъ того, онъ умѣлъ возбуждать конкуренцію и получалъ деньги въ займы на сносныхъ условіяхъ, а не за такіе рестоувщики проценты (какъ было потомъ), что уже при получе-
 ственіи половина занятой суммы исчезала. Но дѣло въ томъ, что самый принципъ-то былъ дуренъ. Каждый годъ отнимали часть

будущаго безъ надежды на прочное улучшеніе. Это значило прикрывать, закутывать рану, терзавшую Францію, вести дѣла побакротски. Неккеръ назанималъ отъ 1777—1780 года болѣе 500 милліоновъ ливровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не позаботился ни о какомъ новомъ вспомогательномъ источникѣ. Онъ ограничился совѣтомъ экономничать при дворѣ и въ управленіи. Первый годъ это кое-какъ шло; но вскорѣ медовыя мѣсяцы сбереженій истекли, и снова зажили отгрыто, не менѣе легкомысленно, чѣмъ когда-либо. Этимъ способомъ можно было временно покрыть дефицитъ, но и то ненадолго.

Ко всему этому присоединилось нѣчто новое, выставившее его заслугу еще въ болѣе яркомъ свѣтѣ. Франція бросилась въ американскую войну. Восторженное настроеніе высшихъ классовъ, старая ненависть къ Британцамъ, появленіе Франклина, обворожавшаго своей изысканною простотою и французскій народъ, и французское дворянство, — все это дѣйствовало заодно, чтобы увлечь Францію на путь войны и удержать ее на немъ. Въ такомъ положеніи искусство Неккера добывать деньги среди самой войны было ослѣпительною заслугой.

Но Неккеръ распорядился насчетъ будущихъ поколѣній, удовлетворялъ лишь безотлагательнымъ потребностямъ минуты и дѣйствовалъ по правилу: *après nous le déluge*. Въ 1780 и 1781 годахъ съ прежними средствами дѣло шло уже не вполне удачно. Неккеръ убѣждался, что наступаетъ минута, когда возрастающія затрудненія заставляютъ подумать о новыхъ вспомогательныхъ источникахъ. Тогда напалъ онъ на мысль, что провинціальныя собранія, уничтоженіе дорожныхъ новинностей, уменьшеніе поголовной подати—все это не пустяки. Все вышло согласно съ восклицаніемъ изумленнаго Людовика XVI: „Да вѣдь это все Тюрго!“ Калонъ пришелъ впоследствии къ тому же результату.

Чтобы приготовить этотъ оборотъ дѣла, Неккеръ написалъ свой Отчетъ, въ которомъ онъ изложилъ въ главныхъ чертахъ прежде всего королю свѣдѣнія о положеніи французскихъ финансовъ. Онъ выполнилъ это несомнѣнно правдиво. Есть особое искусство группировать числа такъ, что расходъ совершенно совпадаетъ съ доходомъ и только въ какомъ-либо закоулкѣ, рѣдко-замѣтномъ для читателя, проглядываетъ дефицитъ. Этимъ не пренебрегъ и Неккеръ. Его Отчетъ не вскрывалъ ни дѣйствительнаго состоянія дѣлъ, ни существенныхъ ошибокъ правительства. Онъ не искажилъ цифръ, но расположилъ ихъ такъ, что скрылъ все, къ чему можно придратъся. Впоследствии думалъ онъ такимъ же образомъ обмануть и національное собраніе, но это ему не удалось.

Впрочемъ Отчетъ не былъ лишненъ значенія. Онъ открывалъ

свободный видъ въ чашу лѣса и давалъ матеріалъ для вычислений и размышленій тому, кто былъ способенъ взглянуть поглубже. Далѣе онъ обнаруживалъ безграничную расточительность двора и какъ бы пальцемъ указывалъ на самое большое мѣсто, которое при всякихъ обстоятельствахъ требовало преобразованій. Отчетъ былъ самою краснорѣчивою защитой неизбежности преобразованій, изъ-за которыхъ палъ Тюрго.

Неккеръ не могъ ограничиться представленіемъ своего труда одному королю. Ему хотѣлось блеснуть имъ передъ обществомъ, и онъ напечаталъ его. Это необыкновенный шагъ во всякой монархіи, тѣмъ болѣе въ абсолютной, одна изъ главныхъ чертъ которой—тайственность въ управленіи. Неккеръ первый проложилъ этотъ путь, и за это мѣръ сталъ носить его на рукахъ. Дѣйствительное значеніе чиселъ Отчета было тогда сильно преувеличено. Какъ мало выдерживали критику его вычисления, это было впоследствии—доказано до очевидности. Но за нимъ осталась та заслуга, что онъ вообще заговорилъ первый, сдѣлалъ предметъ такой громадной важности, доселѣ хранившійся въ безусловной тайнѣ, доступнымъ сужденію общества.

Дворъ, какъ ни сильно былъ онъ и безъ того опозоренъ, пришелъ въ крайнее раздраженіе и осыпалъ Неккера яростными нападками. Неккеръ почувствовалъ себя оскорбленнымъ и потребовалъ у короля, чтобы, въ удовлетвореніе за нападки двора, онъ назначилъ его дѣйствительнымъ генераль-контролеромъ и ввелъ его въ королевскій совѣтъ. Король отказался, и Неккеръ понялъ, что его часъ пробилъ. Онъ удалился (19 мая 1781 г.), а общественное мнѣніе вывело отсюда правоученіе, что съ этимъ дворомъ вообще каши не сварить. Неккеръ, болѣе гибкій, чѣмъ Тюрго, этотъ смѣлый преобразователь, наставлялъ не на измѣненія, равнявшихся внутренней революціи, а лишь на сбереженія, чтобы по крайней мѣрѣ возстановить сполное отношеніе между приходами и расходами, и все-таки палъ.

Калонъ. Финансовый и нравственный переломъ.

Послѣ двухлѣтняго безцѣльнаго колебанія между Жоли де-Флери и д'Ормессономъ, 3-го октября 1783 года наступило министерство Калона.

Бывшій дилевскій интендантъ приходился по душѣ принцамъ крови, графу Артуа, герцогу Орлеанскому и компаніи. Онъ не требовалъ ни преобразованій, какъ Тюрго, ни мѣщанской эконо-

поминъ, какъ Неккеръ; раздѣлялъ ихъ нравы и убѣжденія, или, скорѣе, полнѣйшее отсутствіе и тѣхъ и другихъ; былъ боекъ на словахъ и на бумагѣ. У него всегда было паготовѣтъ красное слово и никогда не проявлялось способности краснѣть. Вопротивъ въ собственной частной жизни, увлекаетъ онъ въ ту же участь и государство. Въ своемъ образѣ дѣйствій корчитъ онъ Неккера, исчерпываетъ до послѣдней капли его систему займовъ и ея крайностями довазываетъ, какъ безусловно ложна была эта метода. Онъ дѣлалъ заемъ за займомъ, но такъ, что обыкновенно четверть суммы отдавалась впередъ: иначе ему не довѣряли денегъ. Притомъ онъ расточалъ казну поистинѣ неслыханнымъ образомъ.

Но послушать его, такъ въ колоссальныхъ расходахъ, которые дѣлались насчетъ государства частью имъ самимъ, частью съ его дозволенія дворомъ и цѣлою ватагой паразитовъ, былъ хорошо обдуманнѣй, мудрый планъ. „Что хочетъ занимать, говорилъ онъ, тотъ долженъ казаться богатымъ и жить пышно. Сберегать не только глупо, но и опасно: это возбуждаетъ подозрѣніе въ плохомъ состояніи дѣлъ и удерживаетъ капиталистовъ отъ довѣрія. Станемъ же побольше давать, чтобы побольше и получать!“ Пельзя откровеннѣе обрисовать безсовѣстнаго мота, чѣмъ этими его собственными словами. Такимъ образомъ, Калонъ дѣлалъ большія покупи и колоссальныя заказы, чтобы, какъ говорилъ онъ, поднять промышленность и распространить во всемъ лучезарномъ придворномъ кружкѣ сказочный блескъ. Дѣлошло нѣкоторое время, пока не рухнуло разомъ. Въ 1787 г. вредитъ Калона допнулъ. Требовалось что-нибудь предпринять, чтобы открыть новыя доходы, и вотъ онъ набросился на преобразование, для которыхъ проворно составилъ неструю программу по мыслямъ Тюрго, Неккера, Мано (Machault) и Колюбера. Самое важное въ этой программѣ, какъ-то: поземельная подать, уничтоженіе барщинъ и цеховъ, свобода торговли хлѣбовъ, учрежденіе приходскихъ, окружныхъ и провинціальныиъ собраний,—все это было заимствовано у Тюрго, который, въ счастью, не дожилъ до этого поруганія своихъ великихъ идей легкомысленнымъ искателемъ приключеній.

Конечно, ничего подобнаго нельзя было провести ни при парламентѣ, ни при старыхъ чипахъ. А при потабляхъ? ¹⁾ Такъ

¹⁾ Собраніе потаблей соответствовало, по составу, своему названію песовѣмъ современному въ концѣ XVIII вѣка. Оно состояло изъ членовъ королевскаго совѣта, министерствъ и парламента, да изъ представителей духовной и свѣтской аристократіи. Чтобы обмануть народъ, чтобы сказать, что это представительство цѣлой націи, сюда призывали нѣсколько человекъ изъ третьяго сословія. Такимъ образомъ, собраніе потаблей, созываемое королемъ по произволу и лишенное всякихъ правъ, кромѣ пустаго совѣщательнаго голоса,

позывалось собраніе выборныхъ представителей изъ всѣхъ классовъ націи, которые не избирались, а назначались королемъ, и потому должны быть признаны лишь кажущимся представительствомъ сословій. Въ спокойное время, когда правительство находилось въ безспорномъ обладаніи всѣмъ своимъ могуществомъ, такое крайнее средство не опасно. Но въ такую эпоху, какъ описываемая, пѣтъ ничего вреднѣе, какъ эта кажущаяся уступка, которая увеличиваетъ безпокойное движеніе массъ, ничуть не удовлетворяя ихъ требованіймъ.

Король далъ свое согласіе. Потабли были созданы. Какъ разъ передъ тѣмъ, какъ имъ собраться въ Версалѣ была прибита театральная афиша съ извѣстельнымъ объявленіемъ: „Господинъ генералъ контролеръ пригласилъ новую труппу актеровъ, которая въ понедѣльникъ, 29 мая, будетъ играть при дворѣ. Будутъ даваться: главная пьеса, Ложная искренность, и второстепенная, Согласіе противъ воли. Затѣмъ послѣдуетъ балетъ, аллегорическая пантомима сочиненія г. де-Калона, подъ заглавіемъ: Бочка Данаидъ“. Что Калонъ надѣялся уговорить потаблей, это доказывалъ уже его первый шагъ. Но вскорѣ опъ понялъ свою ошибку. Предварительное условіе всякаго соглашенія, довѣріе, которымъ въ высшей степени пользовался Тюрго, было разрушено до основанія, и не нозорному Калону было вознаграждать эту потерю. А тутъ еще всеобщее отвращеніе къ монархіи и ко двору было довершено въ послѣдніе годы обстоятельствами, лежавшими вѣтъ финансовыхъ затрудненій. Мы говоримъ о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ сѣверо-американскими событіями, и о страхомъ правственномъ пораженіи, которое потерпѣлъ дворъ въ пресловутой исторіи ожерелья.

Вліяніе сѣверо-американскихъ событій. Дворъ и исторія ожерелья.

Миръ 1783 года закончилъ сѣверо-американскую войну. Волонтеры изъ французскаго дворянства и послѣднія переобращенныя за океанъ вспомогательныя войска возвращались на родину. Съ этимъ совпало многое, что придавало ихъ появленію глубокое, потрясающее вліяніе на націю. Вмѣшательство въ борьбу съ стариннымъ врагомъ, обѣщавшую возстановленіе чести французскаго

было игрушкою трона, употреблявшаго его орудіемъ сначала противъ государственныхъ чиновъ, а съ 1614 г. противъ парламента, сохранившаго хотя тѣмъ политическаго значенія и независимости. Ред.

оружія, такъ сильно пострадавшей въ Семилѣтнюю войну, казалось само-по-себѣ шагомъ, не лишеннымъ политическаго значенія. Но на дѣлѣ правительство пожало тутъ совѣтмъ другіе плоды. Не станемъ говорить о томъ, каково было французскимъ финансистамъ, при всѣхъ другихъ тяжестяхъ, выносить еще бремя войны. Важнѣе было то горячее участіе, которое принимала вся образованная Франція въ побѣдѣ политической свободы въ Сѣверной Америкѣ.

Зрѣлище счастливаго созиданія демократическаго порядка на почвѣ, гдѣ никогда не было ни старой монархіи, ни старыхъ условій и привилегій, произвело чарующее впечатлѣніе даже на такія трезвыя страны, какъ Германія. Вся Европа была объята изумленіемъ передъ этимъ простымъ народомъ ремесленниковъ, кушцовъ, арендаторовъ, которые такъ неподобно умѣли предводительствовать войсками и руководить политикой своего отечества. Глубже, чѣмъ гдѣ-либо, отразилось это во Франціи, во-первыхъ, потому, что здѣсь общество воспламенялось легче, нежели въ другихъ мѣстахъ, во-вторыхъ, потому, что разница между положеніемъ дѣлъ по сю и по ту сторону океана выступала здѣсь въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ. Прибавимъ къ этому, какой капиталъ свободомыслия, таланта, вліянія возвращался теперь въ старую Францію съ Лафайетами, Поайялами, Рошамбо, Биронами, Ламетами, и мы будемъ въ состояніи измѣрить силу, которую должны были развить на этой почвѣ идеи американской свободы въ то самое время, когда монархія съ каждымъ днемъ близилась къ объявленію своего банкротства.

Но не должно умалчивать также и о той грубой ошибкѣ, въ которую впадали мечтатели изъ кружка обамериканившагося дворянства.

Они не видѣли, что въ американской жизни было нѣчто, чего не доставало въ большинствѣ другихъ странъ и особенно во Франціи. Это были слѣды старой пуританской строгости, выработки и доблести, вынесенныхъ нѣкогда предками этихъ людей изъ своей европейской метрополи. Именно на строгости семьи и нравовъ, уже незнакомой ни одному государству въ Европѣ, покоились изумительныя демократическія формы Америки. Добродѣтели, именно называвшіяся тогда республиканскими, были здѣсь палицо, и люди, стоявшіе во главѣ народа, служили образцами остальному обществу. Сравните серьезный нравственный духъ и мужественное достоинство, жившіе въ водахъ американскаго народа, съ страшную распущенностью, царствовавшую во французскомъ обществѣ, и вы ужаснетесь при мысли соединить американскія государственныя идеи съ французскими порядками. Но тогда благородные умы

не замѣчали этого, а между тѣмъ именно при ихъ возвращеніи открылась вся бездна этой испорченности.

Надъ правительствомъ разразилась одна изъ тѣхъ позорныхъ исторій, которыя нерѣдко предвѣщаютъ наступленіе взрыва, причѣмъ людская подозрительность играетъ гораздо болѣе важную роль, чѣмъ само событіе. Скандаль вовсе не былъ такъ тѣсно связанъ съ дворомъ, какъ тогда думали. Но это ничего не значило: молодой дворъ несъ на себѣ проклятіе стараго даже тамъ, гдѣ онъ менѣе всего этого заслуживалъ. Таково было значеніе знаменитой исторіи ожерелья, въ которую было зануто имя королевы.

Въ Парижѣ жилъ одинъ знатный господинъ, который, какъ типъ стараго общества, почти заслуживаетъ цѣлой біографіи. Мы говоримъ о кардиналѣ де-Роганѣ, архіепископѣ страсбургскомъ, бывшемъ нѣкогда посланникомъ при вѣнскомъ дворѣ. Мемуары того времени сообщаютъ намъ подробное описаніе его жизни. Онъ принадлежалъ къ одной изъ первыхъ фамилій въ государствѣ: король звалъ его „mon cousin“. Онъ былъ одинъ изъ высшихъ духовныхъ сановниковъ, что не мѣшало ему вести педантично безбожную жизнь. Недавно издавныя записки баронессы д'Оберкирхъ прекрасно и безъ всякой злобы обрисовываютъ его во всемъ его утопченномъ развратѣ. Болтливый и легкомысленный, онъ, проживая въ Вѣнѣ, разглашалъ по Парижу множество разныхъ мелочей о вѣнскомъ дворѣ. Королева узнала объ этомъ, и посланникъ былъ отозванъ.

Роганъ получалъ почти королевскій доходъ и жилъ, хотя и постоянно терзаемый своими кредиторами, но сообразно съ достоинствомъ имперскаго князя Германи, почти равнявшагося высшимъ чинамъ государства. Его положеніе могло бы утѣшить всякаго другаго въ немилости; но онъ не могъ жить безъ солнца придворнаго благоволенія. Всѣ его мечты и помыслы были направлены къ тому, чтобы опять попасть въ милость при дворѣ. Этимъ воспользовалась шайка плутовъ. Одна крестьянская дѣвушка, отецъ которой назывался Валуа, съ помощью этого имени сдѣлала себѣ въ знатномъ обществѣ карьеру. Она утверждала, и ей вѣрили, что происходитъ отъ незаконнорожденнаго сына Генриха II. А въ старой Франціи дошло уже до того, что сплошь и рядомъ считалось гораздо приличнѣе происходить отъ какова-нибудь знатнаго незаконнорожденнаго сына, чѣмъ быть ребенкомъ честныхъ людей.

Затѣмъ наша Валуа вышла достойнаго супруга, какого-то лейб-гвардейца, именовавшагося „графомъ“,—и вотъ она стала графиней Ламотъ-Валуа. „Графъ“ принадлежалъ къ своеобразному классу французскаго общества, къ тѣмъ искателямъ приключеній,

которые вѣчно колебались между висѣлицей и салономъ и умѣли играть въ свѣтѣ известную роль ¹⁾.

Другимъ актеромъ въ этомъ дѣлѣ былъ графъ Калиостро, великій чародѣй, это поистинѣ чужездное растеніе въ обществѣ, которое отвергло старую вѣру только для того, чтобы броситься въ объятія новаго суевѣрія, и разорвало съ церковью, чтобы предаться господамъ, о которыхъ, говоря снисходительно, нельзя было сказать, гдѣ у нихъ кончается мечтатель и начинается мошенникъ. Онъ занялъ деньги у Рогана, какъ-бы по порученію королевы, и раздѣлилъ свою добычу съ Валуа. За такую жертву слѣпо-довѣрчивому іерарху была обѣщана милость королевы и даже еще больше. Но главному ловушкой должно было послужить драгоценное брилліантовое ожерелье, цѣною въ полтора милліона ²⁾, которое ювелиры предлагали королевы, но безуспѣшно, потому что оно было слишкомъ дорого для нея. Кардиналу втолковали, что онъ окончателно побѣдитъ сердце королевы, если поможетъ ей пріобрѣсти эту драгоценность. Записками съ фальшивыми подписями мошенники довели дѣло до того, что кардиналъ поручился ювелирамъ въ уплатѣ суммы, которую королева будто-бы обѣщала отдавать по частямъ. Нѣсколько времени дѣло шло хорошо. Графъ Ламоть отпиривался съ ожерельемъ въ Англію и прокутилъ тамъ выручку съ добрыми друзьями, тогда какъ ювелиры были въ полной увѣренности, что продали украшеніе королевы. Но кардинала все-таки поражало, что королева никогда не посидала ожерелья, и, какъ ни появлялся онъ при дворѣ, всегда обращалась съ нимъ непрежнему, съ отталывающимъ, габсбургскимъ величіемъ. На свою жалобу объ этомъ получилъ онъ изъ фабрики Ламоть нѣжныя письма и, наконецъ, даже увѣренія въ свиданіи съ королевой въ версальскомъ парѣ. Нарядили какую-то распутную женщину, видомъ и ростомъ походившую на королеву, и она имѣла свиданіе съ дѣтски-наивнымъ кардиналомъ. Такъ тапулась эта грязная исторія цѣлыхъ два года. Всего отвратительнѣе тутъ было то, что во всѣхъ этихъ кружкахъ не зародилось даже сомнѣнія: мыслимо-ли, чтобы королева взяла въ поручители своей чести такого опозореннаго человѣка, какъ кардиналъ, и даже вступила съ нимъ въ любовную связь?

Наконецъ, должна была настать развязка. Ювелирамъ остава-

¹⁾ Описываемый здѣсь характеръ m-me Ламоть, бывшей m-lle de Saint-Remy de Valois, и ея роль въ исторіи ожерелья въ послѣднее время подтвердились записками одного изъ ея любовниковъ: *Mémoires du comte Beauport*. Ред.

²⁾ Ожерелье стоило собственно 1,800,000 ливровъ, тысячь семьсотъ рублѣй. Ред.

лось еще получить часть суммы и они обратились непосредственно въ королевѣ, не объясняя ей однако всего. Королева не обратила вниманія на росписку. Ей казалось, что тутъ какое-нибудь недоразумѣніе. Нѣсколько времени спустя, ювелиры пришли снова, съ твердымъ намѣреніемъ не обходить на этотъ разъ и короля. Гнусный обманъ обнаружился. Король въ первомъ порывѣ негодованія велѣлъ схватить кардинала въ церкви, во время большаго торжества. По этимъ онъ нанесъ лишь самое глубокое оскорбленіе всему духовенству. Далѣе онъ повелъ себя относительно обманутаго обманщика такъ, что далъ педоброжелателямъ вождельнное оружіе противъ двора.

Усилія двора выхлопотать у парламента обвиненіе кардинала возродили подозрѣніе, что его хотять заставить молчать, чтобы онъ не рассказалъ еще чего-нибудь. И во всей Франціи никто не сомнѣвался, что „Австріячка“, способная на все худшее, была виновата и въ этомъ дѣлѣ.

Парламентъ объявилъ Рогана певиннымъ: кардиналъ не совершалъ-де приписываемаго ему преступленія, а что онъ совершилъ, то не было преступленіемъ. Народъ радостно привѣтствовалъ приговоръ судей. Дворъ потерпѣлъ страшное пораженіе и, наконецъ, сдѣлалъ еще глупость, кушивъ у Ламотовъ рукопись объ этомъ дѣлѣ, чтобы ея не напечатали. Такимъ образомъ, скандалъ еще болѣе увеличился. Впослѣдствіи рукопись, конечно, была напечатана, а поступокъ двора сочли доказательствомъ, что ея содержаніе заслуживало вѣры. Теперь уже не было такого гадкаго оружія, такой грубой клеветы, которыми не воспользовалась-бы неаппасть къ королевской власти ¹⁾.

ГЛАВА IV.

Калонъ и нотабли.

22 февраля 1787 года было открыто собраніе нотаблей. Оно должно было состоять изъ 7 принцевъ крови, 14 епископовъ, 36 герцоговъ и перовъ, 12 государственныхъ совѣтниковъ, 38 президентовъ, 12 выборныхъ изъ земства и 25 городскихъ головъ, — всего изъ 144 членовъ. Но явилось только 120 или 130 человекъ. Калонъ встрѣтилъ въ собраніи такое-же противодѣйствіе своимъ преобразовательнымъ проектамъ, какъ нѣкогда Тюрго въ парла-

¹⁾ Подробная исторія „алмазнаго ожерелья“ переведена изъ Т. Карлейля. Журналъ Заря (1869 г., № 7). Ред.

ментъ. Къ пожеланію участвовавшихъ здѣсь привилегированныхъ сословій приносить жертвы, которыхъ требовала каждая изъ предлагаемыхъ реформъ, присоединились еще ненависть и недовѣріе ко всему правительству, которыя, какъ было убѣждено собраніе, раздѣляло съ нимъ почти все общественное мнѣніе. Понятно, что Калонъ совсѣмъ подорвалъ свою игру, когда такъ неблагоприятно воздумалъ обманывать собраніе на счетъ дѣйствительнаго положенія финансовъ. Между нотаблями, въ сущности представлявшими старую Францію съ ея злоупотребленіями и привилегіями, нашелся-таки человекъ, выражавшій собою юную Францію съ ея мечтами о свободѣ и человѣческихъ правахъ. Это былъ Лафайетъ, который, съ свойственною ему небрежностью, предлагалъ собранію множество хорошо задуманныхъ, но плохо обсужденныхъ проектовъ и, между прочимъ, вымолвилъ великое слово: созваніе государственныхъ чиновъ. Калонъ потерпѣлъ у нотаблей полное банкротство. Они не только отвергли его предложенія, но доказали ему, что онъ сознательно обманывалъ ихъ. Онъ не могъ оставаться на своемъ мѣстѣ, и его замѣнилъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ ораторовъ оппозиціи, архіепископъ тулузскій, Ломени де-Бриенъ.

Бриенъ и парламенты (1787—1788).

Бриенъ распустилъ нотаблей и снова попробовалъ взяться за парламенты. Его программа также была повтореніемъ идей Тюрго, и ея судьба движется въ томъ же очарованномъ кругу. Парламенты противятся преобразованіямъ, которыхъ требуетъ правительство, но тѣмъ же благороднымъ побужденіямъ сословнаго духа, которыя дѣйствовали и прежде. На этотъ разъ они прикарядились только въ нѣчто новое, въ хвастливыя демократическія рѣчи. Быть-можетъ, въ цѣломъ парижскомъ парламентѣ было всего двое серьезныхъ демократовъ, доказавшихъ потомъ свою искренность. Изъ самыхъ же громогласныхъ ораторовъ вышли потомъ ревностнѣйшіе фанатики реакціи.

Начинается самая страшная борьба. Оба представителя стараго порядка вещей терзаютъ другъ друга, работаютъ надъ собственною погибелью и дѣйствуютъ при этомъ тѣмъ оружіемъ, употребленіе коего послужило страшною школой для революціи. Но что для насъ всего удивительнѣе, такъ это—положеніе, принятое общественнымъ мнѣніемъ относительно обоихъ противниковъ. Правительство желаетъ преобразованій, необходимыхъ народу, какъ хлѣбъ насущный; а парламенты борятся противъ преобразованій,

т. е. противъ народа. И, тѣмъ не менѣе, народъ съ восторгомъ привѣтствуетъ парламенты, страстно работаетъ заодно съ ними надъ ниспроверженіемъ правительства.

Парламентамъ посчастливилось не потому, что народъ любитъ ихъ, но потому, что они составляли оппозицію всёму ненавистному правительству. Не побудительныя причины, но самый фактъ оппозиціи находилъ себѣ сочувствіе. Парламенты вовсе не замѣтили этого, когда, окруженные благоволеніемъ народа, ниспровергали монархію. Но когда была одержана побѣда, они сами были отвергнуты, какъ мертвечина, и стали жертвами революціи, воспитанію которой сами помогали ¹⁾).

Правительство выставило противъ парламента свое обыкновенное оружіе, такъ-называемое подушечное засѣданіе (lit de justice). 6 августа 1787 года оно насильственно вынудило шпенсіе узаконъ въ протоколь, и, когда парламентъ сильно протестовалъ противъ этого, удалило его въ Труа (Troyes), одинокъ изъ провинціальныхъ городовъ. Тутъ рассчитывали на то, что скука и отсутствіе занятій сдѣлаютъ этихъ господъ болѣе сговорчивыми. И справедливо: такъ и случилось. Нѣсколько времени спустя, они готовы были на уступку, чтобы получить возможность возвратиться. Въ сентябрѣ была заключена постыднѣйшая сдѣлка, въ силу которой привилегированныя сословія еще разъ удержали за собой ненавистную поземельную и подушную подати и за это дозволили правительству пустить въ ходъ, направленную противъ остальнаго народа, старую машину обременительныхъ налоговъ, удвоить двадцатину (vingtième).

Но этимъ не кончилась борьба, потому что финансы не улучшались; а до нихъ уже нельзя было дотронуться, не падая на весь государственный строй монархіи.

Вскорѣ опять дошли до того, что для спасенія отъ самаго крайняго безденежья принуждены были прибѣгнуть къ системѣ королевскихъ приказовъ (ordres du roi) и королевскихъ засѣданій (séances royales), въ которыхъ не диктовались рѣшенія въ суровыхъ формахъ подушечнаго засѣданія, но допускались пренія и подача голосовъ, — все это, разумѣется, въ присутствіи неограниченнаго монарха. Въ подобныхъ случаяхъ Лувизъ XVI былъ самымъ несчастнымъ человекомъ. Ни по природѣ, ни по привычкѣ неспособный представлять кѣмъ-либо достоинство королевской власти, онъ чувствовалъ себя вовсе не на своемъ мѣстѣ,

¹⁾ Съ этой стороны исторія парламентской революціи превосходно описана въ приведенныхъ уже разъ „*Châpitres inédits*“ Токвилля. Ср. статью Гейссера о томъ же въ *Preussische Jahrbücher*, XX, 128—154.

когда ему нужно было говорить публично. А когда ему приходилось, какъ въ настоящемъ случаѣ, выражаться языкомъ диктатора, то обыкновенно тонъ и жесты изобличали ложь въ содержаніи его рѣчи. Тутъ-то герцогъ Орлеанскій сдѣлалъ первый шагъ на поприщѣ политики. Когда просто потребовали внесенія въ протоколъ новаго займа, вмѣсто того, чтобы возвѣстить результатъ подачи голосовъ, герцогъ Орлеанскій спросилъ:

— „Развѣ это подушечное засѣданіе?“

— Цѣтъ, отвѣтилъ король: это просто королевское засѣданіе.

— „Такая форма занесенія въ протоколъ незаконна“, замѣтилъ герцогъ.

— Законна, возразилъ король, потому что я самъ выслушалъ уже всѣ мнѣнія.

Когда король вышелъ изъ залы, не закрывъ засѣданія, парламентъ присоединился къ протесту герцога. Правительство возстало противъ послѣдняго и двухъ другихъ парламентскихъ совѣтниковъ. Это вызвало всеобщее неудовольствіе въ государствѣ.

Король думалъ положить всему конецъ, послѣдовавъ несчастному совѣту. Именно: въ одинъ и тотъ же день, 17 апрѣля 1788 г., онъ, съ одной стороны, отмѣнилъ распоряженія противъ герцога и обоихъ совѣтниковъ, съ другой—издалъ объявленіе о своихъ королевскихъ правахъ, которое было принято всеми за предвѣщаніе политическаго переворота. Цѣлый мѣсяцъ для всѣхъ были тайной подобнаго рода замыслы. Но апрѣльское объявленіе, высокоумно излагавшее ученіе Стюартовъ объ исходящемъ отъ Бога всемогуществѣ короля, устрашало послѣднее сомнѣніе въ предстоящемъ. Всѣ впали, какъ далеко было Людовику XVI до своего предка, языкомъ котораго его заставляли говорить министры. Ему недоставало быстроты и энергіи въ поступкахъ, рѣшимости въ выборѣ средствъ,—а это необходимо, чтобы придать вѣсъ такимъ словамъ. Поэтому его объявленіе было на дѣлѣ лишь знакомъ къ организации противодѣйствія насилію. Выказанное при этомъ мужество было довольно дешево.

Въ то же время, въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая, когда въ глубочайшей тайнѣ печатались приказы о судебной реформѣ и объ уничтоженіи парламентовъ, парламентъ обсуждалъ обнародованіе правъ французскаго народа, изложенное въ замѣчательномъ докладѣ д'Энпремениля отъ 3 мая. Вслѣдъ за предисловіемъ, которое открыто указываетъ на тайныя намѣренія двора, здѣсь говорится:

«Франція есть монархія, управляемая королемъ на основаніи существующихъ законовъ. Цѣкоторые изъ этихъ законовъ—основные и обнимаютъ и освящаютъ:

«1) Право на престолъ мужской линіи царствующаго королевскаго дома;

«2) Право націи изъявлять согласіе на подати черезъ посредство государственныхъ чиновъ, правильно созываемыхъ и составляемыхъ;

«3) Обычное право и привилегіи (*capitulations*) провинцій;

«4) Песмѣняемость судей и право судебныхъ мѣстъ каждой провинціи обсуждать приказы короля и принимать ихъ въ томъ только случаѣ, если они, съ одной стороны, соотвѣтствуютъ конституціоннымъ законамъ провинціи, съ другой — не противорѣчать основнымъ законамъ государства;

«5) Право каждого гражданина всегда и во всякомъ случаѣ судиться у своего естественнаго судьи;

«6) Самое существенное изъ правъ, безъ котораго всѣ остальные ничто, именно: никогда, ни по какому повелѣнію не подвергаться аресту, исключая тѣхъ случаевъ, когда арестованный немедленно передается въ руки мѣстнаго судьи.

«Парламентъ протестуетъ противъ всякихъ нападковъ на только что изложенные основныя законы. Онъ единогласно объявляетъ, что никогда не отступитъ отъ этихъ законовъ. А если насильно прекратятъ его дѣятельность, то онъ вручаетъ неусмынное пожеланіе объ ихъ королю, его высокому семейству, перамъ монархіи, государственнымъ чиновамъ и каждому изъ собранихъ или несобранныхъ сословій, составляющихъ націю».

Это объявленіе напоминало по языку *Petition of right* 1628 года ¹⁾. Парламентъ самъ не зналъ, что говорилъ. Онъ смѣлся на права, которыя отчасти никогда не существовали въ такомъ видѣ, отчасти уже давно утратили свое значеніе: ихъ истинныя источники находились не въ древнихъ грамотахъ, а въ духѣ времени. Парламентъ былъ увлеченъ потокомъ революціи.

Вечеромъ 5-го мая, среди засѣданія парламента, правительство арестовало двухъ его членовъ, д'Эпремениля и Гуалара де-Монсаберъ, а 8-го, обнародовало одновременно во всей Франціи указы, которыми преобразовывалось старое судоустройство, парижскій парламентъ замѣнялся такъ-называемымъ полнымъ судомъ (*cour plénière*), а дѣятельность остальныхъ парламентовъ пере-

¹⁾ Этотъ законодательный актъ, вынужденный англійскимъ парламентомъ у того самаго Карла I, который уже 10 лѣтъ обходился безъ парламента, служить одною изъ главныхъ опоръ политической свободы англичанъ. Имъ утверждалась неприкосновенность личности и собственности гражданъ Англій.

ходила въ новыя высшія суды (Grands baillages) ¹⁰²⁰ 1). Дошла каза-
лось, что государственный переворотъ вступилъ въ силу, благо-
даря подушечнымъ засѣданіямъ. Но тутъ представилось любопыт-
ное зрѣлище. Все дворянство, этотъ теперь единственный хода-
тай націи, еще сохранившій право говорить, возстало за парла-
ментъ, и переворотъ посредствомъ указовъ не удался. Члены
новыхъ судовъ подверглись парламентской опалѣ; государствен-
ныя чины въ провинціяхъ взволновались; никто не сталъ повино-
ваться губернаторамъ и интендантамъ; не слушались даже шты-
ковъ. Словомъ, вся машина отказывалась служить, и правитель-
ство потерѣло полнѣйшее пораженіе, хотя почти нигдѣ дѣло не
доходило до сильныхъ столкновеній или до серьезнаго кровопро-
литія. При этихъ беспорядкахъ высокое и высшее дворянство
употребляло во многихъ мѣстахъ, особенно въ Парижѣ, обоюдое-
острое оружіе: оно возбуждало массы и приводило въ движеніе
всякій сбродъ, въ родѣ того, который нѣкогда велъ «мучную
войну» противъ Тюрго. Именно оно устроило первыя упраж-
ненія парижской черни въ дѣлѣ анархіи, хотя потомъ само не
мало дивилось тому, что, какъ оказалось, народъ умѣетъ владѣть
этимъ оружіемъ и безъ своихъ командировъ, а подчасъ даже
противъ нихъ. Министръ, присовѣтовавшій послѣднія мѣры, не
могъ, разумеется, оставаться на своемъ мѣстѣ. Бриенъ получилъ
отставку (въ августѣ), и король во второй разъ призвалъ Неккера.
Ликованіе народа привѣтствовало этотъ выборъ.

Неккеръ и государственныя чины.

Нѣтъ ничего удивительнаго той веселой неустрашимости, съ
которою этотъ человѣкъ взялся теперь за кормило правленія. Тутъ
было что-то почти комическое. Съ величайшею беззаботностью
вступалъ онъ на утлый челнъ, убѣжденный, что требовалась
только его богатырская рука, чтобы все пришло въ порядокъ,—
и это при обстоятельствахъ, способныхъ привести въ отчаяніе го-
раздо болѣе великаго мужа.

Первымъ дѣломъ Неккера было пообѣщать націи сознаніе го-

1) Союз рлѣниѣге составлялась лишь изъ членовъ высшаго дворянства и
придворной знати. Ей переданы были остатки политическихъ правъ, сохра-
нившіеся въ парижскомъ парламентѣ. Провинціальныя парламенты сильно
ограничивались указами 1788 года: большая часть дѣлъ, въ которыхъ не были
завѣщаны привилегированные классы, переходила въ новыя суды, въ grands
baillages. Ibid.

сударственныхъ чиновъ ¹⁾. Въ послѣдніе годы это слово произошло уже не разъ. Государственные чины были тѣмъ крайнимъ средствомъ въ нуждѣ, которое Монтескье предложилъ подтолѣтти тому назадъ. Послѣ собранія нотаблей, ихъ неоднократно требовалъ Лафайетъ. А когда возникли беспорядки, осенью 1787 г., за нихъ впервые схватилось само правительство. Впрочемъ оно думало созвать чины лѣтъ черезъ пять, т. е. въ 1792 г., когда, какъ извѣстно, уже не существовало самой монархіи. Теперь же утреннимъ подаркомъ министерства Неккера было обѣщаніе, что въ началѣ слѣдующаго года будутъ собраны всеобщіе государственные чины.

Ясно было, что созваніе чиновъ въ такое время—революція. Можетъ быть, другого исхода не было; можетъ быть, это была еще самая благотѣльная форма революціи; но все-же это была революція. Дѣлать подобный шагъ, какой сдѣлалъ Неккеръ, значило, зажмура глаза, опустить руку въ роковую урну, не зная, что вынешь—первый выигрышъ, или нулевой билетъ. А между тѣмъ для Неккера это было такъ же ясно, какъ и для миллионеровъ его соотечественниковъ. Вся пація была какъ бы въ чадѣ, надѣясь, послѣ безкопечныхъ попытокъ, найти въ государственныхъ чинахъ что-нибудь не изжитое. Только одинъ человекъ ясно видѣлъ и

¹⁾ Изъ примѣчанія на стран. 50 читатель можетъ видѣть, какъ возникло въ 1302 году высшее политическое учрежденіе во Франціи, именуемое государственнымъ чинами (états généraux). По своей роли и значенію, оно вполне соответствовало англійскому парламенту; но по своей судьбѣ оно представляетъ противоположность ему. Государственные чины Франціи не были учрежденіемъ прочнымъ. Они пользовались лишь мгновеннымъ и случайнымъ вліяніемъ: ихъ блестящею эпохой было столѣтіе (1356—1419), наполненное движеніями народныхъ массъ. Короли созывали ихъ по произволу, обходились безъ нихъ цѣлые десятилетия лѣтъ (напримѣръ, отъ 1484 до 1560 г.). Но они нередко пользовались верховною властью въ странѣ, порой рѣшали вопросы первой государственной важности (напр. о престолонаслѣдіи) и смѣло, горячо, умно возставали противъ злоупотребленій трона въ своихъ знаменитыхъ тетрадяхъ (Cahiers), гдѣ излагались жалобы и требованія каждаго изъ трехъ сословій отдѣльно. Вотъ почему во все время окончательнаго прекращенія государственныхъ чиновъ (1614—1789) партія, оппозиціонная правительству, мечтала объ ихъ восстановленіи, шептала ихъ имя. Вотъ отчего, съ другой стороны, отвращеніе къ нимъ при дворѣ стало какъ бы династическимъ преданіемъ. М-ше Саврацъ рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что, во время парламентскихъ волненій при Людовикѣ XV, однажды вечеромъ въ кругу приближенныхъ короля толковали о положеніи правительства. Кто-то замѣтилъ Людовику XV: „Вы увидите, что все это приведетъ къ созванію государственныхъ чиновъ“. Король вдругъ вышелъ изъ своей обычной апатіи и, схвативъ смѣльчача за руку, воскликнулъ: „Смотрите, не повторяйте этихъ словъ! Я не горячъ; но если-бы родной братъ вздумалъ дать мнѣ подобный советъ, я въ 24 часа пожертвовалъ бы имъ ради сохраненія монархіи и спокойствія королевства!“ Ред.

говорилъ, что государственные чины ничто иное, какъ революція, что настало время талантовъ. Это былъ Мирабо.

Правительство не принимаетъ никакихъ предварительныхъ мѣръ, чтобы обезпечить за собой руководство могущественною корпораціей. Неккеръ считаетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы во время воскликнуть: *quos ego!* и въ то же время всѣмъ, и тѣмъ, что дѣлаетъ, и тѣмъ, чего не дѣлаетъ, избличаетъ свою поистинѣ плачевную безпомощность.

Всѣмъ было ясно, что въ 1789 году государственные чины не могутъ быть созваны въ формѣ 1614 г., когда третье сословіе еще съ колѣнопреклоненіемъ подавало свои прошенія и не находило болѣе важнаго предмета для своихъ просьбъ, чѣмъ принатіе мѣръ противъ дурной печати и дерзкихъ памфлетисговъ. Этого не видѣлъ только парижскій парламентъ, прибавившій къ королевскому указу о созваніи государственныхъ чиновъ, котораго онъ самъ такъ настойчиво требовалъ, условіе: „въ формѣ 1614 года“. Черезъ это онъ сразу потерялъ всю свою популярность. Этотъ поступокъ ясно показалъ, чего могло ожидать правительство отъ привилегированныхъ. Тѣмъ не менѣе Неккеръ считалъ нотаблей Калона учрежденіемъ, способнымъ дать ему благой совѣтъ въ трудномъ вопросѣ.

Само собою разумѣется, совѣщанія съ нотаблями, собранными во второй разъ, продолжавшіяся съ 6 ноября до 12 декабря, ни на полось не подвинули дѣла впередъ. Мало того. Они номѣшали государственнымъ чинамъ собраться въ январѣ 1789 года, какъ первоначально предполагалось.

Послѣ эдикта 27 декабря, по которому третьему сословію присуждалось двойное число представителей, Неккеръ отказался отъ всякой дальнѣйшей инициативы и ждалъ сложа руки, чтобы дѣла уладились сами собой. Предварительные вопросы о составѣ государственныхъ чиновъ и, что еще важнѣе, о подачѣ голосовъ онъ предоставилъ черпильной войнѣ освобожденной печати, пакинувшейся на нихъ съ невѣроятною живостью и возрастающею страстью, да борьбѣ сословій по провинціямъ, часто принимавшей крайне ожесточенный характеръ.

Прорвался цѣлый потокъ брошюръ. Каждый присвоивалъ себѣ право громко и рѣшительно высказывать свое мнѣніе; только правительство отказывалось отъ него. Съ какимъ-то алорадствомъ смотрѣлъ Неккеръ, какъ вольнодумная печать все смѣлѣе и смѣлѣе нападала на его враговъ, привилегированныхъ, и, среди своего величественнаго безстрастія, упускалъ послѣдній случай, хотя въ печати, воспользоваться инициативой, этимъ прирожденнымъ правомъ правительства.

Изъ двухъ—трехъ тысячъ брошюръ, порожденныхъ этимъ вопросомъ, брошюра аббата Сиейса «Qu'est-ce que le tiers état?» имѣетъ непреходящее историческое значеніе. Ея заслуга въ томъ, что она съ неподражаемою мѣткостью и опредѣленностью высказала мысль, волнованную большинствомъ націи. Ея торжество въ томъ, что въ концѣ концовъ правительство и государственные чины должны были принять программу, выставленную ею въ самомъ печалѣ.

И составитель ея не принадлежалъ къ числу тѣхъ темныхъ памфлетистовъ, которые, правда, сдѣлаютъ удачный шагъ, скажутъ мѣткое слово, но затѣмъ навѣки исчезнутъ. Нѣтъ, это былъ видный человѣкъ который въ тѣ дни великихъ волненій приобрѣлъ и удержалъ за собой замѣтное мѣсто, благодаря своимъ вполне оригинальнымъ талантамъ. Духовный по своему званію, онъ рано далъ своимъ научнымъ занятиямъ политическое направленіе: сдѣлался однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ свободомыслящей политической школы того вѣка; приобрѣлъ обширныя познанія въ исторіи и политическомъ устройствѣ европейскихъ государствъ, которыя могли дать ему почетное мѣсто рядомъ съ Монтескье и Мирабо. При этомъ онъ блисталъ чрезвычайно ловкою диалектикою, мастерскимъ умѣньемъ создавать и группировать политическія идеи и замѣчательною увѣренностью въ своихъ эниграмматическихъ положеніяхъ. Природа отказала ему въ высочайшемъ дарѣ краснорѣчія. Въ собраніи у него едва выпривало нѣсколько робкихъ, тихихъ словъ. Но эти слова постоянно носили на себѣ печать глубокой, мѣткой мысли, хотя въ нихъ не всегда отражался высокій государственныи взглядъ. Это былъ не столько человѣкъ дѣла, сколько мыслитель и теоретикъ, совершенно не созданный для уличной агитаціи, не чуждый нѣкоторой робости за свою собственную особу, но при всемъ томъ обладавшій счастливымъ инстинктомъ. На вопросъ, что онъ дѣлалъ во время террора, онъ отвѣчалъ: «Я жилъ». Конечно, немногіе могли сказать это про себя. Сначала онъ надѣялся пайти въ геніальномъ молодомъ солдатѣ, Бонапартѣ, поборника своихъ политическихъ идей; по вскорѣ замѣтилъ, что ошибся въ немъ. Точно также и тотъ сперва представлялъ себѣ теоретика иначе. Съ возвращеніемъ Бурбоновъ, Сиейсу, какъ царевубійцѣ, не безопасно было оставаться во Франціи. Онъ бѣжалъ въ одну изъ пограничныхъ нѣмецкихъ странъ, гдѣ жилъ еще во время своей молодости. Но смерти онъ былъ совершенно забытъ. Онъ принималъ участіе въ составленіи всѣхъ конституцій отъ 1789 до 1799 г. Всѣ онѣ носятъ на себѣ печать его личности и той рутинны формулированія, которую должны были признать за нимъ даже враги, какого бы вообще мнѣнія они о немъ ни были.

Въ январѣ 1789 года появился его памфлетъ о третьемъ сословіи. Его содержаніе можно передать въ немногихъ словахъ. Онъ ставитъ три вопроса, на которые и даетъ отвѣты.

«Что такое третье сословіе?»

— Все.

«Какое имѣло оно доселѣ значеніе въ государствѣ?»

— Никакого.

«Чего оно добивается?»

— Быть чѣмъ-нибудь (*être quelque chose*).

Эти выводы Сиейсъ доказываетъ, между прочимъ, нѣсколькими цифрами. Первое сословіе, духовенство, состоитъ изъ 80,000 человекъ, второе, дворянство, изъ 120,000, третье же изъ 25 милліоновъ, т. е. оно сама нація. Изъ этихъ данныхъ онъ выводитъ три желанія: 1) Чтобы это сословіе было представляемо выборными изъ его среды. 2) Чтобы оно имѣло двойное число представителей, сравнительно съ каждымъ изъ двухъ остальныхъ сословій. 3) Чтобы подача голосовъ происходила не по сословіямъ, а поголовно.

Выборы въ государственныя чины шли оживленно, страстно и, сравнительно, безъ значительныхъ нарушеній порядка. Если подумать, что народу, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ находившемуся подъ игомъ самаго недостойнаго деспотизма, вдругъ приходилось выбирать, на основаніи очень свободнаго, но тогдашнимъ понятіямъ, избирательнаго закона, да еще во всѣхъ французскихъ общинахъ, то выборы 1789 года можно сравнительно назвать тихими и сдержанными.

Нигдѣ выборы не привлекли къ себѣ такого вниманія всей націи, какъ въ Э и Марсели. Въ обоихъ мѣстахъ кандидатомъ былъ графъ Мирабо. Уже само по себѣ это было явленіе, которое не понравилось именно привилегированнымъ, ибо исконный дворянинъ желалъ быть выбраннымъ въ депутаты отъ третьяго сословія. Еще больше личность кандидата способна была возбудить вниманіе во всѣхъ кругахъ. Его прошлое объясняло, почему въ первую минуту его выборъ столь поразилъ всѣхъ, ибо не легко найти болѣе рѣзкую противоположность, чѣмъ между Мирабо—кандидатомъ на представителя народа и Мирабо—вождемъ собранія, которое впоследствии сопровождало его въ могилу. Въ описываемое время на вопросъ о немъ одни отвѣчали: „Онъ сидѣлъ во всѣхъ государственныхъ тюрьмахъ Франціи“, другіе: „Его имя красовалось на висѣлицѣ“, третьи называли его блуднымъ сыномъ, четвертые парунителемъ брака, соблазненнымъ чужую жену. Словомъ, не было преступленія, въ которомъ бы его не обвиняли. Я привелъ только то, что приписывалось ему справедливо. А сколько

еще взводилось на него клеветъ! Этимъ объясняется, почему даже люди, которые не смущались этимъ, сначала отнеслись къ нему очень недобърчиво. Даже Лафайетъ и ему подобныя, не слишкомъ строгіе въ атомъ отношеніи, избѣгали сообщество съ нимъ. Лишь мало по малу добился онъ вліянія въ собраніи. А когда, года два спустя послѣ тѣхъ выборовъ, президентъ вступилъ въ залу національнаго собранія и началъ свою рѣчь словами: «Я пришелъ исполнить печальную обязанность», по всему собранію пронесся крикъ: «Онъ умеръ!» Лишь одинъ человекъ могъ въ то время такъ интересоваться всю Францію. Онъ былъ внесенъ въ Пантеонъ Франціи, и никогда ни одинъ монархъ, не исключая и Наполеона, не былъ похороненъ съ большимъ блескомъ. Ни одинъ не вызвалъ такой скорби въ самыхъ различныхъ партіяхъ, какъ человекъ, передъ славой коего всѣ трепетали при выборахъ 1789.

Замѣчательны должны быть эти два года, повлекшіе за собой подобный переворотъ; необыкновенныя силы, благодаря которымъ отверженецъ 1789 года достигъ диктаторства въ національномъ собраніи. Не упоеніе минутнымъ волненіемъ, не мгновенная вспышка одушевленія партіи внесли въ Пантеонъ преступника 1789 г. Это сдѣлала всенобѣждающая сила генія, и приговоръ исторіи скорѣе будетъ основываться на 1791-мъ, чѣмъ на 1789 годѣ.

Въ національномъ собраніи паходился цвѣтъ всей Франціи. Здѣсь соединился весь избытокъ талантовъ и знаній, мысли и остроумія, порожденный золотымъ вѣкомъ самой многосторонней цивилизаціи. Здѣсь подвизались великіе ораторы, превосходные діалектики, литераторы съ блестящими именами. Но все это не были государственныя люди въ высшемъ смыслѣ слова, способныя изъ хаоса распадающагося государства создать новое. Такихъ людей не бываетъ, да и не можетъ быть много во всякое время. Въ собраніи былъ всего одинъ такой, Мирабо. Онъ имѣлъ мужество руководить революціей, и при томъ съ полнымъ сознаніемъ того, что такое революція. Онъ одинъ имѣлъ вносѣдствіи еще большее мужество опять войти въ колею, когда то показалось ему своевременнымъ. Поэтому самая гордая надгробная надпись, какую только могли ему сдѣлать, была: «Онъ одинъ могъ бы сдерживать революцію».

Вотъ почему въ высшей степени интересно ближе познакомиться съ жизнію подобнаго человека. Но, сверхъ того, многое въ этой жизни можетъ послужить ключомъ къ объясненію исторіи Французскихъ правовъ. Она раскрываетъ передъ нами всю картину правдивой неурядицы въ домѣ и семьѣ; а сюда мы еще не заглядывали.

Прошлое графа Мирабо ¹⁾.

Имя Мирабо принадлежит старинному семейству, водворившемуся во Франціи 500 лѣтъ тому назадъ. Оно происходило изъ того города средней Италіи, который въ концѣ среднихъ и въ началѣ новыхъ вѣковъ былъ богаче всякаго другого города великими, громкими именами. Та Флоренція, откуда происходили Данты, Макиавелли, Бонапарты, была колыбелью и рода Арригетти, которые были изгнаны, какъ гибеллины, и переселились во Францію (1267—68). Первый изъ нихъ, Аццо Арригетти, купилъ землю въ Провансѣ, болѣе другихъ провинцій Франціи посвятивъ на себѣ черты итальянскаго характера. Здѣсь-то, съ теченіемъ времени семейство получило имя Мирабо, по своему обширному ленному имѣнію. Во всемъ, что намъ извѣстно объ отдѣльныхъ членахъ этого семейства, высказывается рѣзко запечатлѣнный типъ. Домъ Мирабо поражаетъ обиліемъ сильныхъ личностей. Всѣ онѣ принимаютъ участіе въ тревоженіяхъ своего времени: одинъ, Жакъ Рикетти, былъ ревностнымъ католикомъ въ эпоху религиозныхъ войнъ, другой былъ рѣшительнымъ роялистомъ въ дни фронды. Это южныя, страстныя натуры, съ ненадтоленною энергіей, съ высокимъ сознаніемъ собственного достоинства; это личности, въ которыхъ, при всей рѣзкости ихъ индивидуальныхъ чертъ, проглядываетъ глубокій фамиліиный отпечатокъ; это крутые, часто необузданные люди, грубые и краснорѣчивые на словахъ, энергическіе на дѣлѣ, неслегка покоряемые въ своемъ упрямствѣ. Нашъ Габріель Опоре Мирабо не отличался особеннымъ родственнымъ чувствомъ, но о характерѣ своей семьи онъ отзывался съ поразительною теплотой и явной гордостью: „Съ тѣхъ поръ, какъ я помню себя, говоритъ онъ въ одномъ изъ очерковъ, набросанныхъ въ Château d'If, я постоянно былъ свидѣтелемъ того, какъ отецъ и дядя вспоминали, чествовали и прославляли нашихъ предковъ. Многіе изъ нихъ отличались не усиліями при дворѣ, не наградами за вассальную службу, а доблестями мужей, заслугами передъ своими соотечественниками, словомъ, тѣмъ, что оно дастъ поистинѣ достойное уваженія отличіе“.

Настоящимъ Рикетти былъ и дѣдъ Мирабо, Жакъ Антуанъ, Баярдъ своего времени, герой многихъ битвъ, любимецъ Вандома, покрытый ранами въ войнѣ за испанское наслѣдство, считавшійся

¹⁾ Mémoires de Mirabeau. Paris, 1841, 8 v.—Dipitz: Leben Mirabeau's. 1850. 2 B.—Levitz: Mirabeau, 1852. 1.

мертвымъ, оплаканный родными и снова возставшій во всей своей исполинской жизненной силѣ. Вернувшись инвалидомъ въ отечество, 40 лѣтъ отъ роду, онъ обзавелся домомъ и семьей, женившись на первой провансальской красавицѣ, дочери одного кастеляна. Это была самая типическая личность изъ всѣхъ Мирабо. Одаренный огромною тѣлесною силой, паходчивымъ, острымъ умомъ, самымъ щекотливымъ чувствомъ чести, равно безстрашный и на полѣ битвы, и въ салонѣ, строгій отецъ, передъ которымъ трепетали дѣти, —этотъ человекъ даже въ старости представлялъ блестящее явленіе. Его хорошо знали въ войскѣ: „Онъ изъ Мирабо, а они всѣ дьяволы“, говорили здѣсь про него. Представляя его королю, Вандомъ замѣтилъ: „Съ той минуты, какъ французы вступили въ Италію, онъ не выходилъ изъ латъ“. — „Да, государь, представилъ Мирабо, если-бы я, покинувъ знамена, явился ко двору подкупить какую-нибудь любовницу, то получилъ бы повышеніе и меньше ранъ“. Король отвернулся. «Нора бы мнѣ знать тебя, сказалъ Вандомъ: впередъ я буду представлять тебя только врагу, а ужъ никакъ не королю“.

Онъ умеръ въ 1737 году, оставивъ троихъ сыновей: Виктора отца великаго Мирабо (род. 1715 г.), Юганна Антона, Мальтійца (родился 1717 года) и Людовика Александра, рано умершаго и ничѣмъ особенно не заявившаго себя въ исторіи семейства. Мальтіецъ служилъ съ 1730 года морякомъ. Въ 1752 г. онъ сдѣлался мальтійскимъ губернаторомъ. Потомъ, раздраженный пренебреженіемъ начальства, онъ покинулъ службу. Этотъ человекъ съ недюжими умственными и нравственными качествами питалъ нѣжную любовь къ своему старшему брату, маркизу Виктору. Онъ былъ всегда его ближайшимъ другомъ и самымъ горячимъ защитникомъ.

Истиннымъ оригиналомъ былъ этотъ послѣдній, отецъ нашего Мирабо. Самый богатый и даровитый изъ всѣхъ помѣщиковъ Прованса, онъ первый практически примѣнилъ на югѣ Франціи новое ученіе физіократовъ и проводилъ его съ свойственнымъ всѣмъ Мирабо фанатизмомъ. Разсужденіе о налогахъ (*Théorie de l'impôt*) стоило ему непродолжительнаго ареста въ Венсенѣ въ 1760 году. Множество экономическихъ сочиненій, издаваемыхъ имъ подъ именемъ «Друга людей» (*Ami des hommes*), доставило ему обширную извѣстность. Черезъ нихъ-то онъ познакомился и съ Карломъ-Фридрихомъ Баденскимъ, и съ Леопольдомъ Тосканскимъ, и съ Густавомъ III. Его хозяйственная система, съ одной стороны, дѣйствительно, могла служить образцомъ: онъ былъ, дѣйствительно, другомъ людей для своихъ крестьянъ; у него они были лучше обеспечены, чѣмъ у большей части остальныхъ помѣщиковъ Франціи. Онъ самъ говоритъ о себѣ: «Какимъ бы я ни казался

тяжелымъ и неповоротливымъ, однако я 3-хъ лѣтъ уже проповѣдовалъ, шести—былъ чудомъ-ребенкомъ, 12-ти—много общившимъ мальчишески, 20—горячею головою, 30-ти—политическимъ теоретикомъ; ну, а въ 40 лѣтъ, я просто добрый малый».

Рядомъ съ качествами, благодаря которымъ онъ далеко слытъ не только за замѣчательнаго, но и за симпатичнаго челоуѣка, у него были въ черты дѣяго, необузданнаго характера, которымъ издавна отличался его родъ. Онъ былъ страшно всмыльчивъ, непреклонно упрямъ, совершенно неспособенъ вынести малѣйшее противорѣчіе и, вдобавокъ, развращенъ пылкою чувственностью.

„Другъ людей“, писавшій такіа превосходна разсужденія о гуманномъ обращеніи съ крестьянами, у себя дома представлялъ противоположность собственнымъ ученіямъ. Дружелюбный властелинъ своихъ вассаловъ, онъ былъ тираномъ своей семьи, варварски мучилъ жену, дѣтей, всѣхъ окружающихъ его. Въ угоду своей страсти онъ готовъ былъ поставить на карту счастье всей жизни своего семейства. Къ тому же этотъ самъ по себѣ разсчитливый, даже скупой челоуѣкъ былъ расточителемъ ради своихъ экономическихъ ученій, нускался въ дорогіе опыты и терпѣлъ огромные убытки. Но изъ непреклоннаго упрямства онъ никогда не сознавался въ этомъ: пусть лучше погибнетъ его имущество, чѣмъ его ученіе. А онъ вовсе не былъ такъ богатъ, какъ думали; всю жизнь боролся онъ съ лишениями, которыа старался скрыть отъ свѣта. Наконецъ, онъ уже давно пренебрегъ своими супружескими и семейными обязанностями. Мы находимъ въ его домѣ особу, которая была его любовницей; между тѣмъ маркиза, какъ вѣдѣется, также была упрямою, своенравною, пылкою южанкой. Расторженіе всѣхъ узъ, которыа скрѣпляютъ все самое святое въ государствѣ и въ семьѣ, это зло, уже начавшее тогда проникать въ высшіе слои французскаго общества, гнѣздилося больше всего въ этомъ домѣ. Злой до бѣшенства отецъ, пылкаа мать, поджигающаа дѣтей противъ отца, любовница, интригующаа между ними обоими,—вотъ элементы семейной жизни, какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ знатныхъ домахъ Франціа того времени. Среди такихъ-то обстоятельствъ возросъ графъ Мирабо.

9 марта, 1749 года, родился у маркиза пятый ребенокъ и первый сынъ, Габріель Оноре. Всѣ наши свѣдѣнія о его юности и его домашнемъ бытѣ мы черпаемъ изъ переписки маркиза съ его братомъ Мальтійцемъ или судьей (bailli de Mirabeau). Этотъ послѣдній, въ высшей степени благородная, великодушная натура, показываеъ, что могло выработаться изъ Мирабо, обузданнаго и образованнаго школою жизни. Онъ представляетъ самое привлекательное явленіе во всемъ семействѣ.

Отецъ, кажется, рано почувствовалъ какое-то отвращеніе къ дитяти. Ребенокъ, уже въ колыбели бившій свою кормилицу, не могъ еще ничѣмъ особенно прогнѣвить отца: но очень можетъ быть, что старика постоянно возстановляли противъ наслѣдника страшныя рѣбины, обезобразившія лице трехлѣтняго мальчика: по крайней мѣрѣ онъ называетъ его „безобразнымъ, какъ чортъ“. Тѣмъ не менѣе эта рожа проявляла самыя замѣчательныя умственные способности и стремленія. Ученіе давалось ему изумительно легко. Онъ поглощалъ все съ неутомимою жаждой знанія и усвоенія, но не съ тѣмъ, чтобы болтать, какъ попугай, или обременить свою память: нѣтъ, все, что онъ воспринималъ, перерабатывалось и связывалось. „У него, говоритъ отецъ, какой-то страусовый желудокъ; онъ можетъ все переваривать“. Отзвuky отца о подрастающемъ сынѣ полны самыхъ странныхъ противорѣчій. Это зависитъ отчасти отъ причудливаго нрава старика, отчасти отъ непріятнаго впечатлѣнія, которое производилъ на него развивающіяся черты характера мальчика. Молодой графъ общался съ дѣлаться вполне Рикетти, а старшій ни къ чему не былъ такъ неутомимо строгъ, какъ къ тѣмъ недостаткамъ сына, которыми страдалъ самъ. То онъ у него „исковерканная, фанатическая, бѣшеная, необузданная голова, склонная ко всякому злу, еще не зная его и не будучи способна на него“; то подъ дѣтскою курткой бьется „гордое сердце, и рѣдкимъ, благороднымъ чувствомъ собственнаго достоинства обладаетъ взбалмошный хвастунишка, готовый проглотить весь свѣтъ, не достигнувъ и 12-ти лѣтъ“; а потомъ опять онъ— „пошлъ и низокъ“. Сегодня старикъ расхваливаетъ его „умъ, память, способности, приводящія въ изумленіе, даже въ ужасъ“; завтра онъ видитъ въ немъ „ничтожество, только пускающее пыль въ глаза, изъ котораго выйдетъ лишь полу-человѣкъ“.

Отношенія между отцемъ и сыномъ все болѣе и болѣе ухудшались, благодаря семейной распрѣ. На сторонѣ втораго, всегда готоваго показать зубы отцу, стояла мать; а козни г-жи де-Надьи и подстрекательства одного стараго слуги не переставали растревывать рану. Но въ этой школѣ сынъ научился падѣяться лишь на свое вліяніе, усвоилъ искусство обдѣлывать людей и управлять ими по своей волѣ. Это въ особенности проявлялось на воспитателяхъ и надзирателяхъ, которыхъ приставлялъ къ нему отецъ: вмѣсто палачей, они становились его защитниками передъ суровою строгостью отца, котораго часто доводили этимъ до отчаянія. Такимъ образомъ достигъ онъ юношескаго возраста. При всей озлобленности, которая проявляется въ письмахъ его отца, мы не встрѣцаемъ въ нихъ ни одной истинно дурной черты въ его

поведеніи: то, въ чемъ его упрекаетъ отецъ, по большей части ребячество; а его дѣйствительные недостатки старикъ долженъ бы былъ порицать прежде всего въ себѣ самомъ. Но онъ былъ преобразованнымъ, страстнымъ юношей, со всеми семейными пороками Мирабо, именно съ ихъ чувственностью и жаждой наслажденій. Съ возрастающимъ раздоромъ супруговъ развивалось и ожесточеніе отца противъ сына, который стоялъ въ семьѣ какъ бы стражемъ между матерью и любовницей отца и былъ естественнымъ защитникомъ первой; онъ не могъ оставаться дома. Сперва поступилъ онъ (1764) въ военную школу строгаго аббата Шоквара, гдѣ приобрѣлъ хорошее познаніе не только въ военныхъ наукахъ, но и въ древнихъ и новыхъ языкахъ, въ музыкѣ и математикѣ. Отсюда онъ былъ опредѣленъ (1767) въ кавалерійскій полкъ маркиза Ламбера, извѣстнаго тиранической дисциплиной, и запертъ въ гарнизонъ въ Сентѣ, гдѣ, пожалуй, можно было умереть со скуки. Съ цѣлою библіотекой въ головѣ, превосходя знаціемъ челоуѣка и жизни, и силою страсти обыкновенныхъ молодыхъ людей, Мирабо былъ брошенъ въ маленькій гарнизонъ для того, чтобы тамъ стать порядочнымъ челоуѣкомъ. Результатъ почти можно было придвидѣть заранѣе. Мирабо вскорѣ сталъ самымъ извѣстнымъ изъ всѣхъ лейтенантовъ: онъ былъ первымъ въ дѣлахъ любви и чести, игралъ и еутилъ; о долгахъ и говорить нечего. Но, тѣмъ не менѣе, весь городокъ былъ очарованъ имъ, питалъ къ нему безграничное уваженіе и довѣріе. Они повѣрили бы ему въ долгъ, пишутъ коммандантъ, 30.000 ливровъ, если бы всего на всего у нихъ было столько. Очень скоро разсорился онъ съ своимъ полковникомъ, побѣдивъ его въ какой-то любовной исторіи. Отецъ взбѣсился: „Тѣсная, претѣсная тюрьма должна умѣрить его аппетитъ и поубавить полноту его стана.“ Оноре бѣжитъ и находитъ защиту у друзей въ Парижѣ; а между тѣмъ зарождается серьезное намѣреніе сослать его въ голландскія колоніи, т.-е. на вѣрную смерть. Отъ него отстунается даже добродушный дядя: «Нужно, думаетъ онъ, покончить съ несчастнымъ, рожденнымъ на горе своимъ родителямъ и на срамъ своему дому.»

Злоба полковника и отца удовлетворилась на первый разъ тѣмъ, что они добыли противъ него *lettre de cachet*. А такого письма съ поддѣльной подписью короля было тогда достаточно, чтобы засадить челоуѣка въ тюрьму на неопредѣленное время,—самый ужасный видъ административнаго правосудія.

Оноре попалъ на островъ Ре, противъ Марсели. «Теперь онъ, кажется, сидитъ въ хорошей кѣлткѣ, пишетъ отецъ къ Мальтійцу въ августѣ 1768 года; я хорошо отрекомендовалъ его губернатору

д'Олану; я написалъ ему, что это бѣшеный упрямецъ, вѣчный лгунъ » Итакъ, вотъ гдѣ возобновился тотъ способъ дѣченія, который не удался въ Сентѣ, а въ случаѣ новой неудачи, имѣли въ виду Суринамъ. Для слабаго духомъ подобнаго педагогическаго средства вполне достаточно, чтобы свести его съ ума, но сильный человѣкъ скорѣе ожесточится, одичаетъ. Чего-нибудь въ этомъ родѣ весьма могъ опасаться и старикъ Мирабо. Его внѣшнія обстоятельства ухудшились; жена грозилась скандальнымъ процессомъ; отъ одичалаго сына, вырвись онъ только изъ тюрьмы, можно было ожидать всего дурнаго, а отцу уже было извѣстно, что онъ усилъ «околдовать» и новаго своего укротителя. И вотъ старикъ пожелалъ раздѣляться съ нимъ навсегда. Онъ освободилъ его лишь для того, чтобы отправить за море. Тогда была въ разгарѣ экспедиція противъ Корсики. Генуэзцы продали этотъ островъ Франціи, но изстари дикій, разбойническій народъ не давался въ руки покушателей. Дѣло дошло до ужасной партизанской войны въ горахъ острова, куда отправляли теперь еще два—три отбитыхъ полка на съѣденіе пушекъ. Въ одномъ изъ нихъ маркизъ вступилъ для своего сына мѣсто лейтенанта. О его намѣреніяхъ узнаемъ мы изъ письма, въ которомъ онъ пишетъ своему брату, что «онъ въ настоящее время живетъ между надеждой имѣть интересное потомство (отъ брака одной изъ дочерей) и желаніемъ раздѣляться съ другимъ, очень ненавистнымъ потомствомъ, которое подкладываетъ ему горячіе уголья подъ ноги и держитъ обнаженный мечъ надъ его головой». Итакъ, онъ ненавидитъ сына не за его дѣйствительные пороки, а за то, что въ печальной семейной драмѣ онъ сталъ на сторону матери.

Мирабо очутился среди ужасной сѣчи съ разбойниками, пылавшими звѣрскою страстью къ убійству. Смерть, казалось, была такъ неизбежна, что никто не ожидалъ возвращенія молодаго графа. Но онъ вернулся, и притомъ съ честью. Въ короткомъ походѣ возродились сильныя стороны его могучей природы, которыя среди гарнизонной жизни пропались лишь въ рядѣ заблужденій. Лейтенантъ вскорѣ сталъ виднымъ офицеромъ и получилъ право на чинъ капитана. Онъ былъ идиоломъ солдатъ; истый Мирабо относительно дисциплины и строгости, онъ всегда былъ вполне солдатомъ и дѣлалъ своими подчиненными трудъ, пужду и опасности.

Онъ вернулся не кандидатомъ на галеры, какъ ожидалъ отецъ въ самомъ благопріятномъ случаѣ, а славнымъ офицеромъ.

Между тѣмъ въ Провансѣ пріѣхалъ дядя, чтобы провести тамъ остатокъ своихъ дней. Онъ внесъ въ семейство миротворный, мягкій элементъ, и въ нему-то прежде всего толкнулся возвратившійся офицеръ. Сначала боязливый старый баринъ не хотѣлъ

даже и видѣть его, но вскорѣ былъ совсѣмъ очарованъ имъ. И не мудрено. Племянникъ явился при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Это былъ ловкій, испытанный солдатъ, человекъ, видѣвшій свѣтъ, освободившійся отъ многихъ шалостей своей юности. Все это произвело бы впечатлѣніе на всякаго, не говоря уже о старомъ губернаторѣ, у котораго сердце прыгало отъ радости, когда онъ увидѣлъ въ племянникѣ какъ бы помолодѣвшаго самого себя и не замѣчалъ больше ни одного изъ тѣхъ пороковъ, которые такъ горько порицалъ въ немъ отецъ. У пастъ есть часть писемъ его къ брату, относящихся къ этому времени. Судя по нимъ, онъ былъ какъ бы въ опьяненіи отъ умнаго, свѣдущаго юноши, который умѣлъ остро и ловко говорить о самыхъ разнообразныхъ предметахъ и держалъ себя передъ дядей такъ скромно, осторожно, съ такимъ нѣжнымъ вниманіемъ. Старикъ и его духовникъ были тронуты чуть не до слезъ, когда блудный сынъ воскликнулъ: „Ахъ, если бы мой отецъ смиловался, только узнать бы меня! Я знаю, онъ думаетъ, что у меня злое сердце; но пусть онъ испытаетъ меня“. Продолжая писать къ своему брату, дядя выразилъ мнѣніе, что, сравнительно съ Онопоромъ, они оба лишь крошечки, хотя что-нибудь да значили въ свои 20 лѣтъ. Тутъ маркизъ окончательно увѣрился, что „негодяй“, его сынъ, сталъ совершеннымъ архимоньякомъ и на этотъ разъ пустилъ въ ходъ самыя сильныя орудія своего искусства разыгрывать роль.

Но наконецъ и онъ растрогался и рѣшился снова принять сына въ домъ.

Командиръ представилъ Мирабо къ чину капитана, и эта карьера тогда вполне соответствовала его наклонностямъ. Впослѣдствіи онъ писалъ объ этомъ: „Воспитанный въ предразсудкахъ военной службы, сгорая отъ честолюбія и жажды славы, мощный тѣломъ, неутомимый и выносливый, отважный и отчаянный, но въ то-же время, говорю по опыту непоколебимо-хладнокровный во всѣхъ опасностяхъ, одаренный отъ природы необыкновенно быстрымъ, мѣткимъ взглядомъ, я поневолѣ считалъ себя рожденнымъ солдатомъ“. Къ тому же онъ въ теченіе многихъ лѣтъ занимался военными науками. „Я могу“, говорилъ онъ, „представить извлеченія изъ 300 писателей“. Сверхъ того и самая солдатская жизнь, казалось, какъ нельзя болѣе соответствовала его таланту и характеру. „Если не ошибаюсь, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, я всего болѣе рожденъ для военной жизни, потому что только тамъ я холоденъ, спокоенъ, веселъ и по буенъ. Я самъ чувствую, что расту вмѣстѣ съ моими задачами“.

Но отецъ не желалъ этого отчасти изъ скупости, отчасти изъ пристрастія къ своимъ политико-экономическимъ занятіямъ. Чтобы

убѣдиться дѣйствительно ли сынъ сталъ другимъ человѣкомъ, онъ хотѣлъ сперва испробовать его, какъ физиократа.

25 августа 1770 года Мирабо покинулъ Провансъ и отправился въ Лимузенъ, въ деревню, къ смягчившемуся наконецъ отцу. Старикъ ввелъ его въ мѣръ сельскихъ работъ, полей и скотныхъ дворовъ, заставилъ хозяйничать по новой системѣ, сводить счета, заключать арендные договоры, — словомъ, посвятить себя такой же прозаической дѣятельности, съ которою долженъ былъ помириться Фридрихъ Великій, будучи наслѣднимъ принцемъ. И какъ тамъ сначала строптивый духъ мало по малу подчинился узкимъ формамъ и полюбилъ наконецъ упорный, долготѣнный трудъ, такъ и здѣсь молодой Мирабо вошелъ въ новую роль. Правда, онъ не вѣрилъ во всеспасительную силу новой системы хозяйства, пожалуй, даже подсмѣивался надъ доктринерской тупостью отца, который въ своихъ пристрастіяхъ былъ не по лѣтамъ дѣтски наивенъ; но онъ видѣлъ, что это путь къ спасенію себѣ общественнаго положенія, и держался его нѣкоторое время. Только такое поведеніе могло нѣсколько смягчить сердце отца. Они, казалось, дѣйствительно почти помирились. Въ письмахъ старика, полныхъ признаній, проглядываетъ нѣчто въ родѣ благоговѣнія къ дарованіямъ и поведенію молодого человѣка, который доселѣ былъ въ его глазахъ блуднымъ сыномъ. Въ письмахъ къ брату онъ говоритъ тономъ, который можно назвать почти нѣжнымъ, зная его характеръ и особенности его способа выражаться. Такъ, въ маѣ 1770 г. онъ пишетъ: „Онъ (сынъ) работаетъ, какъ преступникъ, коптитъ надъ имѣніемъ Мирабо; бросается на дѣло съ жаромъ, исписываетъ толстыя тетради. Во всю мою жизнь не видѣлъ я такого проворнаго и прилежнаго писца. Опъ, такъ сказать, накаленная и закрытая хлѣбная печь. Такимъ образомъ, ему сильно грозитъ опасность зазнаться тѣмъ болѣе, что онъ неизбѣжно долженъ чувствовать свое превосходство не только надъ ровесниками, но даже надъ людьми гораздо старше его. Узды страха опъ рѣшительно не знаетъ“. Въ ноябрѣ 1770 года онъ пишетъ: „Страшная дороговизна и голодъ угнетаютъ нашу несчастную провинцію; Опоре открылъ общественныя работы для бѣдншихъ и дѣйствуетъ, какъ мужъ; онъ работаетъ вмѣстѣ съ ними ѣсть за однимъ столомъ одну и ту же пищу, ободряетъ ихъ и по даетъ имъ падать духомъ. Теперь онъ устроилъ даже нѣчто въ родѣ третейскаго суда затѣмъ привелъ въ порядокъ запутанные счета, начерталъ правила. Словомъ, это демонъ невозможностей; теперь опъ заслуживаетъ, чтобъ я обращался съ нимъ съ довѣріемъ.“

Мирабо доказалъ здѣсь необыкновенную гибкость своего характера, находчивость во всякомъ положеніи, какъ бы оно ни было ему чуждо, и искусство какъ глазами управлять людьми,

да еще голодными, что вовсе не было мелочью въ старой феодальной Франціи. Отець начинаетъ смотрѣть на сына съ гордостью. „Вотъ уже 500 лѣтъ, говоритъ онъ, всѣмъ Мирабо извиняли то, что они не похожи на другихъ людей: должны и этому простить потомки; онъ не обезчеститъ своего дома“. Онъ надѣется сдѣлать изъ него что-нибудь и заводитъ рѣчь о невѣстѣ изъ провинціальной знати. И здѣсь замѣчался отцовскій эгоизмъ: съ одной стороны, ему хотѣлось удалить сына изъ дому, потому что онъ все еще боялся, какъ бы его не употребили орудіемъ противъ него; съ другой—маркизь не былъ такъ богатъ, какъ казалось, и выгодная женитьба старшаго сына была бы очень кстати для его собственныхъ разстроенныхъ дѣлъ. И вотъ сынъ знакомится то съ тѣмъ, то съ другимъ семействомъ. Однимъ изъ самыхъ знатныхъ было семейство Мариньяновъ, въ которомъ старшая дочь считалась блестящею партией. Это была красивая, умная, свѣтская дама, выросшая въ тѣхъ условіяхъ легкой жизни и вѣшняго лоска образованія, которыя считались тогда верхомъ совершенства; къ тому же она обладала неизмѣримымъ, хотя, правда, мнимымъ, богатствомъ. Молодому графу, этой „рожь, безобразной, какъ чортъ“, по старому выраженію отца, удалось сдѣлаться женихомъ этой дѣвушки и разогнать всѣхъ своихъ соперниковъ (1772). Незадолго до того отецъ былъ съ нимъ въ Версали и тамъ замѣтилъ, что сынъ повсюду затмѣваетъ его. Онъ писалъ объ этомъ: „Смѣшно! Толкуютъ, будто у него больше ума, чѣмъ у меня“!

Женитьба была неудачною спекуляціей: и Мариньяны находились въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ. Это семейство, въ свою очередь, рассчитывало родствомъ съ Мирабо поправить свои дѣла. На значительное приданое, которое оба дома только и могли дать на долгое время, молодые роскошно прожили цѣлый годъ. У него были свои страсти, у нея свои. У него кружилась голова отъ удовольствія разыгрывать роль важнаго господина, она тоже стремилась поставить свой домъ на широкую ногу. Обѣ стороны не очень-то заботились другъ о другѣ. Но вотъ мало по малу возникло серьезное неудобство въ финансовомъ отношеніи; промотавъ проценты, принялись уже за капиталъ. Подобные случаи бывають и проходятъ у супруговъ близкихъ между собой или по крайней мѣрѣ сближающихся съ теченіемъ времени. Но здѣсь этого не было, да и не могло быть, потому что они никогда не чувствовали solidarity другъ къ другу. Частію желаніе отца, частію тщеславіе побудили его жениться на самой интересной невѣстѣ въ Провансѣ; ея руководило подобное же честолюбіе. Они обвиняли другъ друга въ общемъ несчастіи, и оба были правы. Вскорѣ Мирабо опять окружили заимодавцы, какъ иѣкогда драгунскаго

офицера. Впослѣдствіи онъ писалъ о своемъ положеніи въ это время: „Всѣ мои долги ведутъ свое начало отъ перваго года моей женитьбы; не будучи въ состояніи уплатить первыхъ долговъ, я принужденъ былъ надѣлать новыхъ, болѣе значительныхъ. Я не разстроилъ, какъ другіе моты, которые погребаютъ себя подъ развалинами своего богатства, расточивъ его на карты и грязный развратъ. Ходъ дѣлъ моего отца не позволялъ ему снабжать меня деньгами, и я долженъ былъ занимать. Кому не известны тѣ злополучные, но соблазнительные источники, изъ которыхъ обыкновенно черпаютъ дѣти знатныхъ фамилій? Когда кровь холодна, они не прельщаются; но у меня тогда кровь не была холодна. Утопающій готовъ схватиться за раскаленный желѣзный листъ, лишь бы спастись. Я началъ изъ легкомыслія, продолжалъ изъ нужды и махнулъ на все рукой съ отчаянія; чтобы забыться, я кинулся въ вихрь увлеченій. Когда я захотѣлъ пробудиться, было уже слишкомъ поздно“.

Отецъ выхлопоталъ приказъ объ его арестѣ. „Другъ людей“, говорятъ, добылъ ихъ до 60 и, кромѣ того, добивался приговора, который отдалъ бы сына подъ опеку. Такимъ образомъ попалъ онъ въ мартѣ 1773 г. въ Маноскъ, а оттуда, за исторію съ однимъ знатнымъ господиномъ, въ замокъ Ифъ (въ августѣ 1774 г.); когда же ему и здѣсь удалось своею чарующею личностью вызвать болѣе мягкое обращеніе, чѣмъ хотѣлось отцу, то онъ былъ брошенъ новымъ приказомъ объ арестѣ въ фортъ Жу. И все это безъ суда и приговора. Какъ преступника, таскали его изъ тюрьмы въ тюрьму. Тутъ было достаточно матеріала для „Essai sur le despotisme“, который онъ началъ еще въ Маноскѣ. X

Причина такой ужасной строгости отца заключалась не въ одномъ намѣреніи обуздать легкомысленнаго должника и вырвать его изъ сферы соблазновъ: здѣсь, по крайней мѣрѣ, такую же роль игралъ страхъ передъ опаснымъ положеніемъ, которое могъ припять Онопоре въ безобразной распрѣ отца съ матерью. На это указываетъ намъ самъ Мирабо. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ дядѣ (въ августѣ 1775 г.), умоляя его заступиться за него, онъ говоритъ: „Два раза не наказываютъ за одно и то же. И въ крѣпости, конечно, не за расточительность, которая навлекла на меня столько униженій, причинила мнѣ столько правдивныхъ мучений, стоила цѣлаго года свободы. И здѣсь за одно обстоятельство, въ которомъ формально я, можетъ-быть, и не правъ; но въ сущности оно лишь дѣлаетъ мнѣ честь, и я никогда не откажусь отъ него, я готовъ защищать его передъ всѣми судами въ мірѣ“. Съ этимъ согласуется признаніе отца брату въ маѣ 1776 года: „И

долженъ или не отворять его темницы, или опасаться, что онъ явится сюда поддерживать мать“.

25 мая 1775 года Оноре прибылъ въ фортъ Жу. Здѣсь, благодаря добротѣ губернатора, ему удастся черезъ нѣсколько времени получить нѣкоторыя права, которыя облегчаютъ его заточеніе: онъ можетъ читать, писать, выходить, даже посидать замокъ и посѣщать сосѣдній городокъ Понтарлье, давъ честное слово не бѣжать. Онъ какъ бы только подъ городскимъ арестомъ. Съ этихъ поръ онъ больше проживаетъ въ Понтарлье, чѣмъ въ Жу. Онъ принять въ маленькомъ кружкѣ литературно-образованныхъ семействъ и дѣлаетъ и тутъ долги, впрочемъ такіе, которые онъ могъ легко уплатить: на книги, ландкарты, бумагу—все вещи, необходимыя для него, но которыхъ онъ не могъ вынуть, потому что у него не было ни гроша.

Здѣсь жила между прочими семья стараго президента Монье. Этотъ знатный, но ветхій и изношенный отъ распутства человекъ жилъ открыто, благодаря не столько себѣ, сколько своей молодой, восемнадцатилѣтней сунругѣ, на которой онъ женился при обстоятельствахъ, характеристичныхъ для исторіи правовъ того времени. Сюда былъ введенъ и Мирабо. Въ непродолжительномъ времени между Мирабо и молодою президентшей спачала завязалось нѣчто въ родѣ свѣтскаго любезничанья, а потомъ разгорѣлась страстная любовь, воспринятая имъ со всѣмъ пыломъ его южной природы.

Мирабо былъ еще настолько благоразуменъ, чтобы видѣть, какъ близокъ онъ къ преступленію. Все, что онъ дѣлалъ до сихъ поръ, было ничто иное, какъ легкомысленныя проказы, которыя вовсе не соответствовали по своей важности тѣмъ наказаніямъ, которыми отенъ преслѣдовалъ его, какъ неисправимаго преступника. Но теперь ему предстояло совершить дѣло, которое должно было подтвердить самыя тяжкія пареканія и вызвать самое строгое правосудіе. Оставить собственную жену, соблазнить чужую, даже, можетъ быть, увезти ее, нарушивъ честное слово,—вотъ поступки, которые оправдали бы жестокость отца и справедливо заслужили бы приказъ объ арестѣ, а уголовный судъ. Что онъ все это передумалъ, доказательствомъ тому служатъ его, собственныя слова, относящіяся отчасти къ этому, отчасти къ позднѣйшему времени.

Такъ онъ пишетъ въ одномъ письмѣ къ Дюпопу: „Прежде чѣмъ сдѣлать эту величайшую въ моей жизни ошибку, я вынесъ страшнѣйшую душевную борьбу съ самимъ собою. Никто не зналъ, что я тогда дѣлалъ. Твердо рѣшившись освободиться отъ стѣблм, произвившей мое сердце, хотя бы пришлось даже растерзать его, я написалъ моей женѣ горячее письмо и заклиналъ ее со всѣмъ

краснорѣчьемъ, какое только впустили мнѣ минута и обстоятельство, соединить ея судьбу съ моею, что согласовалось съ божескими и человѣческими правами. Я предлагалъ ей удалиться въ Швейцарію и жить тамъ на наши скромные доходы, и, въ случаѣ нужды, даже не получая поддержки.

„Мои труды доставили бы мнѣ средства, какъ только я получилъ бы извѣстность. Согласись она, и, вклянусь честью, я разорвалъ бы всѣ мои оковы, хотя бы мнѣ пришлось погибнуть отъ тоски. Никогда бы не одерживала лучшей побѣды любовь къ свободѣ и склонность къ супружеской жизни! И эта побѣда была возможна. Быть-можетъ, моя страсть не достигла еще высшей степени безумства; но крайней мѣрѣ, я не былъ еще связанъ священнѣйшими узами“.

Но жена отвѣтила съ ледяною насмѣшкой, что онъ дуракъ, и что она не чувствуетъ желанія ѣсть черствый хлѣбъ на чужбинѣ. Мирабо увидѣлъ, „какъ онъ былъ несправедливъ, ожидалъ плодовъ отъ дерева, которое приносило одни цвѣты“. Между тѣмъ его супруга жила не монахиней. У нея праздники слѣдовали за праздникомъ, одна любовь смѣнялась другою. Тотчасъ по смерти своего маленькаго сына она задала поразительно блестящій балъ. А Мирабо стоялъ точно на раскаленныхъ угольяхъ. Онъ тщетно пишетъ къ отцу, который поровитъ подвергнуть его еще болѣе тяжкому заключенію, проситъ бесплодно у военнаго министра самаго скромнаго мѣста, лишь бы оно избавило его отъ мучительнаго положенія. Все напрасно. Онъ уже готовъ бѣжать; но страсть удерживаетъ его. „Если я остался, пишетъ онъ, то это была жертва, которую я приносите любви, и, повторяю, подобныя ошибки даютъ право на снисхожденіе и участіе со стороны чувствительныхъ сердецъ“.

Его покинуло все, что могло бы спасти его изъ бездны, оставалась одна его страсть, и она рѣшила дѣло.

Наконецъ сама Софи Монье начала настаивать на бѣгствѣ. Впослѣдствіи она открыто писала, что пелѣно толковать о похищеніи; если бы оно и случилось, то скорѣе она похитила его, потому что она побуждала его къ бѣгству. Разумѣется, это не уменьшаетъ его вины.

Въ январѣ 1776 года Софи отправилась въ Дижонъ къ своимъ родственникамъ; Мирабо, скрывавшійся до того въ Ноптарлье, по слѣдовалъ за нею. Здѣсь онъ проситъ взять его подъ арестъ, желая такимъ образомъ избавиться отъ заточенія въ Жю и отъ надзора своего личнаго врага. Въ Дижонѣ съ нимъ обходятся прилично. Но отецъ настаиваетъ на другой тюрьмѣ. Его должна скрыть цитадель, куда не заглядываетъ ни солнце, ни мѣсяцъ.

Тогда уже онъ рѣшается бѣжать за границу. На почвѣ Швейцаріи, въ Вербьерѣ, соединяется съ нимъ Софи (въ августѣ 1776 г.), и они бѣгутъ въ Амстердамъ.

Мирабо, нарушивъ свое честное слово и свою супружескую вѣрность, соблазнивъ и похитивъ чужую жену, былъ теперь вдвойнѣ, втройнѣ преступникъ, и отецъ могъ обвинить его передъ всякимъ судомъ.

Теперь въ его жизни настаетъ короткій эпизодъ, бывшій для него нѣкотораго рода отдыхомъ, какъ ни ужасно было сплетеніе обстоятельствъ. Съ наслажденіемъ и спокойнымъ торжествомъ смотрѣлъ онъ въ дни своего величія на время своего бѣгства, протекавшее для него и для его подруги въ Амстердамѣ въ добываніи поденной платы самымъ тяжелымъ литературнымъ трудомъ. Первою работой, на которой онъ попробовалъ свои силы, было: „*Essai sur le despotisme*“, начатый, какъ мы видѣли, еще въ Мюнхенѣ. Семейный и государственный деспотизмъ отравилъ ему юность и первые годы мужества. Въ его письмахъ рядомъ съ озлобленіемъ противъ суровости отца постоянно пробивается глубокая политическая мысль, что его личное несчастье проистекаетъ изъ современнаго безотраднaго положенія всей государственной и семейной жизни. Онъ безпрестанно задаетъ вопросъ: „Что это за государство, въ которомъ возможны и терпимы подобныя явленія? Я ничего не сдѣлалъ такого, что бы судъ могъ признать достойнымъ наказанія, а меня все-таки таскали по всѣмъ государственнымъ тюрьмамъ Франціи. Не милости, а правосудія искалъ я, и нигдѣ не могъ пайти его“.

Вотъ чему обязано это сочиненіе своимъ одушевленіемъ, своею энергіей. Можно было сказать о деспотизмѣ что-нибудь болѣе глубокое, философское, но ничего болѣе страстнаго, огненного. Въ этомъ трудѣ была частица ужасной жизни автора, равно какъ и въ сочиненіи о государственныхъ тюрьмахъ и указахъ объ арестѣ—область, въ которой онъ былъ авторитетомъ. Ни одинъ памфлетъ не производилъ такого страшнаго дѣйствія, какъ эти сочиненія. То не были холодныя мечтанія какого-нибудь друга людей; то была воплощенная жизнь. Они еще и теперь потрясаютъ до глубины души, ибо тутъ всѣ преступления и проступки отдѣльнаго лица забиваются передъ колоссальнымъ преступленіемъ подобнаго государственнаго порядка.

Недолго суждено было продолжаться тихой литературной дѣятельности Мирабо въ Амстердамѣ, дѣятельности, которая при самомъ усиленномъ трудѣ приносила обоимъ бѣглецамъ лишь скудный доходъ, а имени Мирабо почти ничего: онъ вѣдь и писалъ не ради славы, а ради куска хлѣба.

Въ Поитарлье его заочно осудили на смертную казнь „за соблазненіе и похищеніе“, и такъ какъ его не было, то покуда прибили къ висѣлицѣ его портретъ, которому вносѣдствіи суждено было стать лучшимъ украшеніемъ Пантеона, а увезенная была приговорена къ пожизненному заключенію въ тюрьмѣ.

Отецъ употребилъ всѣ усилія, чтобы снова подчинить сына своей власти: съ одной стороны, онъ все еще боялся того, что издавна составляло предметъ его опасеній; съ другой, страшился разрыва между сыномъ и невѣсткой, причемъ раздѣлъ имущества легко могъ состояться во вредъ его дому.

Наконецъ, съ большимъ трудомъ и огромными издержками, благодаря цѣлой сѣти шпионовъ, которыми онъ опуталъ сына, ему удалось открыть графа, проживавшаго въ Амстердамѣ подъ чужимъ именемъ, и подкараулить его въ тиши его домашняго очага. Онъ потребовалъ отъ Генеральныхъ Штатовъ выдачи осужденныхъ бѣглецовъ (въ маѣ 1777 г.) и получилъ согласіе. Его заключили въ одну изъ тѣхъ монастырей, которые вмѣстѣ съ тѣмъ употреблялись и какъ исправительныя заведенія для жепшикъ. Онъ попалъ въ Венсенскую башню, въ сравненіи съ которою даже Бастилія могла считаться прелестнымъ убѣжищемъ: его встрѣтили мрачный, сырой казематъ, безъ свѣта и радости, да тюремное преданіе, безъ содроганія рассказывавшее о томъ, какъ виновныхъ замучивали до смерти.

Мирабо прибылъ сюда 7 іюня. Ему было 28 лѣтъ. Сколько уже пройдено по жизненному пути, и какая будущность открывалась здѣсь передъ нимъ! Его заперли въ душный казематъ, удалили отъ всякаго сообщенія съ людьми; черезъ отверстіе, называвшееся дверью, совали ему пищу. Въ остальномъ онъ былъ предоставленъ своимъ мыслямъ: книгъ, перьевъ, чернилъ и т. п. ему не дали. „Предоставляю каждому, у кого есть сердце, писалъ онъ однажды, пообразить себѣ подобное положеніе: одиночество среди этихъ желѣзныхъ рѣшетокъ, безъ всякаго развлеченія, эти длинные, убійственные 24 часа, когда скорбь не дастъ сменуть глазъ, когда нельзя говорить ни съ живыми, ни съ мертвыми! Душѣ легко бороться съ самыми ужасными внѣшними невзгодами, если только онъ скоронепроходящи, чѣмъ съ временемъ и неизмѣннымъ образомъ мученій... Не знаю, долго ли выносятъ душа и тѣло подобныя страданія; но думаю, что всякій пришелъ бы въ ужасъ, еслибъ ему представили точный списокъ тѣхъ, кто въ этомъ адскомъ убѣжищѣ умираетъ съ отчаянія или живетъ въ сумасшествіи“. Можно строго осуждать всѣ поступки Мирабо, но не при подобной системѣ. Тутъ, съ одной стороны, отдѣльный человѣкъ, тяжко согрѣшившій противъ обычая и закона, съ другой—госу-

дарственный порядокъ, съ безчеловѣчною жестокостію давящій милліоны. Этотъ человекъ могъ быть и совершенно невиненъ, а все-таки ему не лучше было бы въ этихъ тюрьмахъ. Необходимо твердо помнить подобныя вещи, чтобы понять страстную, непримиримую ненависть Мирабо къ этой системѣ, которую раздѣляли съ нимъ тысячи другихъ. **А**

У него завязались мимолетныя личныя сношенія съ тюремщикомъ Ленуаромъ, имѣвшія весьма благотѣльные послѣдствія для несчастнаго узника. Ленуаръ, вообще не славившійся человѣколюбіемъ, сталъ интересоваться преступникомъ, который грифелемъ царапалъ на стѣнѣ ваземата начало политической статьи. Онъ далъ ему книгу, бумаги, перьевъ, чернилъ, свѣчей и получилъ за то неизъяснимую благодарность.

Необыкновенное впечатлѣніе производятъ отзывы гиганта 1789 года о старомъ, суровомъ тюремщикѣ, проникнутые восторженною благодарностію. Ни отецъ, ни мать, ни дядя, ни жена, ни милость кроткаго короля не были для него тѣмъ, чѣмъ сдѣлалъ старый подицейскій тиранъ, передъ именемъ котораго трепеталъ весь Парижъ: онъ былъ для него какимъ-то ангеломъ-хранителемъ.

Здѣсь писалъ Мирабо тѣ замѣчательныя письма къ Софи, которыя передавалъ Ленуаръ и которыя никогда не предназначались для гласности. Эти письма—его ежедневные монологи, которыми онъ въ одиночествѣ оборонялся отъ отчаянія. Это—то взгляды на его жизнь, полныя раскаянія и сокрушенія, то порывы исподипской отваги, выдающейся на тюремныя стѣны; то нѣжнѣйшія Вертеровскія изліянія, то припадки кинучей ярости противъ стараго образа правленія. Въ этихъ письмахъ передъ нами весь Мирабо, съ его сильными и слабыми сторонами. Тутъ мы видимъ, какъ идеальная струя въ его природѣ все болѣе и болѣе изсякала и мутилась отъ распушенности и цинизма.

Когда онъ снова получилъ свое оружіе, перо и чернила, онъ рѣшился пробить сжимавшія его стѣны. Свобода была для него важнѣе мечтательной переписки съ Софи. Онъ пишетъ къ вліятельнымъ лицамъ, къ Малербу, Морепану, къ министру Амело, и даже посылаетъ просьбу самому королю. Онъ проситъ, чтобы ему дозволили принять участіе въ сѣверо-американской войнѣ. Но все напрасно. Даже отецъ упорно отказывается снабдить его средствами къ опрятнѣй и здоровой жизни. Эти четыре года (1777—1780) были для него ужасною школой. Въ убійственномъ одиночествѣ этого заключенія онъ углубился въ мысли о себѣ самомъ и объ основныя причины своего бѣдствія. Въ этой душной атмосферѣ каземата, этимъ послѣднимъ своимъ доводомъ убѣжденія старая монархія выростила себѣ метителя. Когда Мирабо по-

кинулъ стѣны своей тюрьмы, уже не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ характерѣ его политической будущности.

Отецъ, которому было очень важно, чтобы сынъ возобновилъ свои супружескія отношенія съ дочерью Мариньяновъ, освободилъ его съ условіемъ принять свою извѣтшавшую жену. По Мирабо является еще самою честною личностью во всей этой позорной семейной исторіи. Онъ съ негодованіемъ отвергъ свободу на такихъ условіяхъ; не захотѣлъ продать себя за такую дешевую цѣну. „Никто въ мірѣ, пишетъ онъ Софи, не въ силахъ отнять у меня состояніе моей жены; но я не желаю и никогда не пожелаю его. Ея состояніе принадлежитъ ей, потому что у нея нѣтъ дѣтей, потому что я презираю ее, потому что я не хочу болѣе жить съ нею“. Онъ долженъ былъ снова сойтись съ женщиной, которая стояла ниже его, которую онъ презиралъ; иначе ему пришлось оставаться въ Вепсенской башнѣ. Вокругъ этого вращается вся переписка того времени. Ежедневно впускаютъ ему это въ тюрьмѣ, пока онъ, наконецъ, не сдастся, хотя и не такъ, какъ ожидали его родители. Онъ пишетъ гордое письмо въ женѣ, заявляя, что лучше всего имъ обоимъ накинуть покрывало на свое прошлое, но получаетъ отъ нея ледяной отвѣтъ. И вотъ завязывается утомительная переписка съ отцемъ.

Съ конца 1778 года и до декабря 1780-го безпрерывно продолжается душевная пытка: Мирабо приходится выбирать между тюрьмой и позоромъ. Его положеніе было плачевно. „Въ настоящую минуту, пишетъ онъ около этого времени, у меня нѣтъ сюртука; я буквально хожу на босую ногу, потому что у меня нѣтъ чулокъ; если-бы на мои 500 ливровъ, которыхъ должно хватать на все, купить платья, то у меня не было бы книгъ; а безъ книгъ я или умру, или сойду съ ума“. Наконецъ ледъ взломало. Правительство вознегодовало: „Вотъ уже 50 приказовъ объ арестѣ для однихъ Мирабо!“ съ досадой восклицаетъ Морепа: „придется, наконецъ, завести для нихъ особаго секретаря“. А тутъ и отецъ возымѣлъ надежду, что, съ помощью вліянія сына, примирится съ женой, которая уже одержала первую побѣду въ скандальномъ дѣлѣ о разводѣ. Уже въ декабрѣ 1779 года Мирабо написалъ по этому поводу матери потрясающее письмо, заклиная ее во имя чести семейства забыть нанесенное ей оскорбленіе и не дѣйствовать подъ вліяніемъ одной страсти. 13 декабря 1780 года онъ былъ переведенъ изъ тюрьмы въ отцовскій домъ. Увидѣвъ старика, онъ содрогнулся; потомъ, мимоходомъ, они бѣгло взглянули другъ на друга: это послѣ 9-лѣтней разлуки! Первое, на что Опоре употребилъ свою свободу, была его послѣдняя попытка по-

мирить отца съ матерью. Но всё его убѣжденія, все краснорѣчіе, были бесплодны.

Мирабо былъ свободенъ; но затрудненія теперъ только начинались для него, потому что у него все-таки не было средствъ къ существованію ни въ семействѣ, ни внѣ его. „Что мнѣ дѣлать съ моею свободой? спрашиваетъ онъ. Отецъ меня осуждаетъ, мать забыла, а можетъ быть, и ненавидитъ за то, что я хотѣлъ служить ей; дядя страпится меня; заимодавцы готовы на меня броститься; жена или ея руководители угрожаютъ мнѣ; я лишенъ всего, доходовъ, положенія въ обществѣ, кредита“. Впрочемъ, отецъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что сынъ сталъ другимъ человѣкомъ, пройдя высшую школу государственныхъ тюремъ. Онъ называетъ его „сложившимся мужемъ, который умѣетъ держать себя и въ которомъ даже есть что-то величественное“. Онъ съ гордостью говоритъ о его поразительныхъ свѣдѣніяхъ, судя по его произведеніямъ, и дивится ордину взгляду этого проницательнаго ума, силы котораго, кажется, удвоились съ тѣхъ поръ, какъ ему была дана возможность свободно развиваться. Да, Мирабо выдержалъ такое испытаніе судьбы, передъ которымъ устояли бы немногіе. Другаго оно испортило бы на всю жизнь, надломивъ его тѣлесно и душевно; даже сильный человѣкъ по меньшей мѣрѣ утратилъ бы свою душевную энергію. Но богатырская натура Мирабо устояла противъ всего этого: онъ сохранилъ всю свою кипучую свѣжесть, всю свою неистощимую энергію. Это поражало даже отца, который никогда не льстилъ ему.

Мирабо по своему принялся за возстановленіе своего общественнаго положенія, именно тѣми процессами ¹⁾, которые доставили незавидную извѣстность ему и его семейству, но списали необыкновенную славу его таланту. Прежде всего ему нужно было уничтожить насильственный и незаконный процессъ въ Понтарлье и приговоръ 1777 года противъ „соблазнителя и похитителя“. Этимъ онъ хотѣлъ, по выраженію отца, „возвратить голову на плеча“ себѣ самому и особенно несчастной Софи. Его обвиняли въ нарушеніи честнаго слова, въ искушеніи и соблазненіи чужой жены, и столько было уликъ въ этихъ преступленіяхъ, что строгое наказаніе было неизбежно. Потому-то отцу хотѣлось накопить дѣло приказомъ короля, а дядѣ ограничиться робкою защитой. Но Оноре настоялъ на формальномъ судѣ, и — что довольно характеристично для старой Франціи — дѣло велось такъ жалко, что ему удалось получить своего рода оправданіе, отдѣлавшись

¹⁾ Joly: Les procès de Mirabeau en Provence d'après des doc. inéd. Paris, 1863.

лишь пятимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Наконецъ, дѣломъ 1782 г. приговоръ состоялся. Въ теченіе разбирательства Мирабо довелъ судей почти до отчаянія находчивостью, съ которою онъ нападалъ на ихъ промахи, и упорствомъ, съ которымъ онъ возставалъ противъ каждаго ихъ шага. Онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, когда ему предложили мировую. Онъ отвергъ ее, сдѣлавъ предложеніе съ своей стороны и добился того, что приговоръ 1777 года былъ отмѣненъ, а Софи Монье получила пенсію отъ своего мужа. Наконецъ и самъ онъ сталъ вполне свободенъ. Хотя его побѣда и не въ силахъ была снять позоръ, тяготѣвшій на его жизни, но самый способъ его появленія, его отвага и упорство произвели невыразимое впечатлѣніе. Въ его жизни были великіе скандалы, но не хуже продѣлюетъ всей знати, которую онъ безкопечно превосходилъ своими замѣчательными качествами.

Затѣмъ слѣдуетъ исторія съ женой. Послѣ долгаго сопротивленія, Мирабо уступаетъ настойчивымъ требованіямъ своего отца, ѣдетъ въ Провансъ и пытается сперва сблизиться съ женой. Это не удается. Тогда онъ подаетъ въ февралѣ 1783 года въ 9 жалобу на злоумышленное удаленіе жены: обвиняющая и перазвѣдывая съ нимъ жена должна возвратиться въ его домъ въ установленный срокъ. Этотъ позорный процессъ далеко превосходилъ дѣло въ Нонтарлье. Тутъ вскрылось множество другихъ, въ высшей степени непристойныхъ семейныхъ исторій, въ которыхъ все играли роль разлучившіяся четы, да невѣрные супруги. Вся провинція взволновалась при вѣсти о дерзкомъ нападѣніи „воскресшаго изъ Венсенской могилы“ на могущественнѣйшую изъ мѣстныхъ фамилій. Нападеніе не удалось: Мирабо проигралъ дѣло передъ своими судьями, но выигралъ его въ глазахъ толпы, которая съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдила за разбирательствомъ и была вполнѣ увлечена его краснорѣчіемъ. Къ досадѣ своего отца Мирабо самъ велъ дѣло. Очевидцы были поражены его пятичасовою рѣчью, буквально уничтожившею адвоката противной стороны, котораго должны были вынести изъ зали. На дворѣ же стояла необозримая толпа народа, обгнѣившаго оупа и врыши, чтобы, если не услышать, то хотя увидать Мирабо, когда онъ будетъ выходить. „Онъ такъ говорилъ, гремѣлъ, ревѣлъ, сказано въ одномъ письмѣ, что его львиная грива взмылилась и взмѣлась отъ нота“. Толпа забыла постыдныя поступки Мирабо, но его рѣчи неизгладимо панечатлѣлись въ ея памяти; и когда онъ явился на выборы депутатовъ, все единодушно пожелали избрать его, и никого другаго. Его рѣчи, которыя отчасти панечатаны въ Мемуарахъ, составляютъ страшный обвинительный актъ противъ старой системы въ законахъ, въ государствѣ и обществѣ. Онъ не выставляетъ

себя героемъ добродѣтели, еще менѣе судьбою нравственности: онъ удивительно откровенно говоритъ о своихъ ошибкахъ и преступленіяхъ. По онъ съ поразительною вѣрностью изобличаетъ старый порядокъ. „Гдѣ ваше право считать меня болѣе тяжкимъ преступникомъ, чѣмъ вы сами?“ спрашиваетъ онъ. То были политическія рѣчи, направленныя не противъ одного семейства, а противъ всего общественаго порядка.

Теперь, наконецъ, Мирабо раздѣлался съ своимъ прошлымъ. Его семейство отреклось отъ него. Онъ былъ одинокъ и, какъ вѣжета, терпѣлъ горькую нужду. Снова приходилось ему жить перомъ, ради насущнаго хлѣба, и исчерпывать всю плодovitость своего ума, всю силу своего трудолюбія. Само собою разумѣется, что эти произведенія не могли быть всѣ образцовыми. Изъ его первыхъ 38 сочиненій только одно можетъ назваться такимъ, это *Essai sur le despotisme*. Въ Парижѣ ему не безопасно было оставаться съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось извѣстно, что онъ авторъ этого произведенія. Онъ уѣхалъ въ Англію, прежде чѣмъ его успѣлъ настичь новый приказъ объ арестѣ; познакомился съ тамошнимъ бытомъ и жилъ довольно бѣдно литературнымъ трудомъ. По совѣту своихъ друзей, онъ возвратился въ отечество. То было время, когда начиналъ дуть вѣтеръ министерства Калона. Разныя высокопоставленныя особы прибѣгали къ нему; но вскорѣ онъ открыто поссорился съ министромъ и покинулъ Парижъ навсегда: такъ онъ думалъ и рѣшился тогда. Съ Англіей, Швейцаріей, Голландіей онъ уже былъ знакомъ; поэтому онъ отправился въ Германію, и прежде всего въ тотъ самый городъ, который все еще составлялъ средоточіе нѣмецкой жизни, хотя свѣтильникъ въ немъ уже меркнулъ,—въ Берлинъ. Фридрихъ Великій припалъ его радушно. Герой исчезавшей и титанъ повои эпохи вели между собою бесѣды, которыя, къ прискорбію, не передали намъ въ точности. Достопамятенъ тотъ разговоръ, въ которомъ Мирабо спросилъ великаго короля: „Отчего онъ, Цезарь Германіи, не захотѣлъ быть и Августомъ для нѣмецкой литературы?“ Фридрихъ отвѣчалъ: „Вы не знаете, что говорите! Давъ умственной жизни нѣмцевъ идти своимъ собственнымъ путемъ, я сдѣлалъ для нихъ больше, чѣмъ если-бы создалъ имъ литературу“. До мѣ утѣриеть, что не встрѣчалъ человека, который бы умѣлъ лучше задавать вопросы, чѣмъ Мирабо.

Онъ изслѣдовалъ до основанія свойства прусской монархіи. Вблизи онъ научился судить о прославленныяхъ формахъ этой системы иначе, чѣмъ судили до тѣхъ поръ изъ обычной дести. Онъ уже подмѣчалъ истину, понятую здѣсь лишь 20 лѣтъ спустя, именно, что эта монархія обязана своимъ процвѣтаніемъ болѣе

личному величію безпримѣрно дѣятельнаго короля, чѣмъ впѣшнему порядку государственной машины.

Тогда господствовало противоположное воззрѣніе: всѣ были убѣждены, что старика можетъ и не существовать, что машина и безъ него не перестанетъ работать. Она и работала усердно, но только все катилась подъ гору, до самой Іены и Ауерштедта. Мирабо первый замѣтилъ и высказалъ правду: „Машина вся, какъ есть, плоха; ея недостатки покрывались величіемъ короля; чего онъ не могъ сдѣлать послѣ тревоженій Семилѣтней войны, то должны довершить его преемники путемъ реформъ, — и уже пора“. Его сочиненіе о прусской монархіи, появившееся по смерти Фридриха II, требуетъ для этого государства, которое онъ уже торжественно признаетъ залогомъ будущности Германіи, новыхъ эконо- мическихъ началъ. Оно настаиваетъ на уничтоженіи остатковъ феодализма, на отмѣнѣ меркантильной системы, на облегченіи бремени постоянного войска, состоявшаго въ значительной части изъ иностранцевъ и потому не представлявшаго надежной опоры, — словомъ, все на тѣхъ вещахъ, которыя принялись преобразовывать лишь послѣ катастрофы 1806 года.

Сочиненіе Мирабо было, что называется, официально опровергнуто, т. е. было объявлено, что человекъ, похитившій чужую жену, совершившій столько глупостей, наконецъ, человекъ, имя котораго красовалось на висѣльномъ столбѣ, не можетъ тутъ произносить своего сужденія. Поселить, простой компиляторъ, опровергая его въ одномъ сочиненіи, отнесся къ нему, какъ къ дерзкому школьнику. Пришло время, когда вспомнили объ этихъ совѣтахъ; но сперва нужно было пройти путь горькихъ испытаній. Изъ негодованія Мирабо на такой пріемъ его труда произстекли тѣ злобныя замѣтки о берлинскомъ дворѣ, въ которыхъ онъ беспощадно бичуетъ тамошніе порядки.

Во Францію онъ возвратился не только потому, что Пруссія со смертію Фридриха Великаго стала для него менѣе дорога, но еще болѣе потому, что онъ видѣлъ приближеніе бури; то былъ 1787 годъ.

Ревностно и страстно кинулся онъ въ политическую борьбу того времени, писалъ брошюры, еще и понимая не лишнюю огромной важности, и полиція не преслѣдовала запальчивыхъ, безнощадныхъ нападокъ на старый порядокъ вещей. Въ этихъ произведеніяхъ много такого, что знакомитъ насъ съ Мирабо съ новой стороны. Его привыкли считать всесокрушающимъ трибуномъ описываемаго времени, но здѣсь же мы встрѣчаемся и съ безсмертными государственными истинами совсѣмъ другаго направленія. Такъ, напримеръ, онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „Если вступать на истинно народный путь, повинувъ устарѣлый языкъ произвола, то

все уляжется само собою. При первомъ торжественномъ общаніи, что съ такого-то времени установится лучший порядокъ вещей, все снова успокоится: спокойные граждане, сознающіе, что Франція, по своимъ географическимъ условіямъ, предназначена къ монархіи, выступятъ впередъ и сдержатъ горячія головы. Здѣсь нѣтъ никакихъ затрудненій, кромѣ тѣхъ, которыя сами себѣ создаютъ, или которыя вытекаютъ изъ страшной болѣзни всѣхъ старыхъ правительствъ, никогда добровольно не дающихъ сегодня того, что исторгнуть у нихъ силой завтра“¹⁾.

Настала борьба парламента съ правительствомъ и поражение послѣдняго; затѣмъ пало министерство Бриена, и обѣщано было созваніе государственныхъ чиновъ къ началу слѣдующаго года. Тогда-то Мирабо написалъ то письмо, въ которомъ оправдывается въ своемъ поведеніи во время парламентскаго возстанія и возвѣщаетъ, что только теперь настало его время: „Вотъ уже 10 мѣсяцевъ, какъ я служу мишенью всевозможнымъ клеветамъ за то, что не раздѣляю парламентскаго фанатизма и не написалъ еще ни строчки въ защиту этой оппозиціи. Я всегда держался именно того мнѣнія, что между королемъ и парламентомъ есть еще маленькая партія, желаемая народомъ, къ которой должны бы принадлежать всѣ разумные и честные люди“, но къ которой онъ не нашелъ истиннаго сочувствія ни у одного изъ обонихъ противниковъ.

Дѣло приняло другой оборотъ со времени созванія государственныхъ чиновъ. „Этотъ шагъ, писалъ онъ Мовильону, въ 24 часа подвидуль націю на цѣлое столѣтіе впередъ. О, мой другъ, вы увидите, на что способенъ эта нація въ тотъ день, когда ей дана будетъ конституція, когда талантъ также будетъ силой“.

Онъ выступилъ тогда передъ чинами Прованса, но они оттолкнули его, упрекая его въ прошломъ, въ его порокахъ и преступленіяхъ: его считали за человѣка, готоваго предать свое сословіе, за противника дворянскихъ правъ. Тутъ онъ написалъ своимъ товарищамъ по сословію отреченіе: „Вы, друзья мира, вы черпите въ глазахъ народа, съ пыломъ ненависти, единственнаго защитника, котораго онъ нашелъ внѣ своего круга. Во всѣхъ стра-

¹⁾ Прибавимъ сюда изъ замѣтокъ Гейссера еще слѣдующія слова Мирабо, сказанныя 16 августа 1788 г. г-ну Левро въ Страсбургѣ (Souvenir du comte de Pontécoulant): „Безъ сомнѣнія, наши учрежденія нуждаются въ большихъ преобразованіяхъ. Они должны быть обширны и радикальны. Но, чѣмъ болѣе будутъ проникаться этою истиной, тѣмъ очевиднѣе будетъ, что прибѣгать къ насильственнымъ революціямъ значило бы варварски посягать нашъ вѣкъ назадъ, что одного образованія, благодаря книгопечатанію, довольно для введенія всѣхъ необходимыхъ для человѣчества преобразованій, и что, наконецъ, только этиъ путемъ народы не потеряютъ ничего изъ своихъ пріобрѣтеній. О.

нахъ и во всякія времена аристократы неумолимо преслѣдовали друзей народа и, если въ ихъ средѣ возникалъ другъ народа, они навидывались именно на него, чтобы выборомъ такой искупительной жертвы навести страхъ на другихъ. Такъ палъ послѣдній Грахъ отъ руки патриціевъ. Но, пораженный смертельными ударами, онъ бросилъ къ небу горсть пыли, закидая боговъ-мстителей; изъ этой пыли возникъ Марій. Марій великъ не тѣмъ, что побѣдилъ Кимвровъ, а тѣмъ, что уничтожилъ римскую аристократію. Но вы, простолюдины, слушайте того, кто въ сердцѣ своемъ носитъ ваше одобреніе, не будучи имъ подвѣвленъ. Люди сильны лишь единодушіемъ: будьте тверды. Я же, опираясь на мою совѣсть и на мои убѣжденія, пойду противъ цѣлой вселенной, придется ли мнѣ поддерживать васъ моими трудами и моимъ голосомъ въ національномъ собраніи, или же напутствовать васъ туда моими пожеланіями. Я былъ, есть и буду до гроба мужемъ общественной свободы, мужемъ конституціи. Привилегіямъ настаетъ конецъ, но народъ вѣченъ“.

Это было отреченіе отъ однихъ, предложеніе услугъ другимъ. Въ Э. и въ Марсели третье сословіе оспаривало другъ у друга его выборъ; у его экипажа выпрягли лошадей; народъ кричалъ: „Да здравствуетъ король и Мирабо!“ Такъ онъ вышелъ изъ выборовъ депутатомъ при шумномъ ликованіи собранія.

„Теперь настало мое время!“ Этими словами привѣтствовали онъ переворотъ при Неккерѣ, и, дѣйствительно, въ Франціи по было личности, которая болѣе Мирабо была бы призвана къ вмѣшательству въ великія общественныя дѣла. Онъ созрѣлъ отъ горькаго жизненнаго опыта; въ тридцать лѣтъ онъ пережилъ больше, чѣмъ кто-либо изъ его сверстниковъ; онъ могъ также сказать о себѣ: „Можетъ-быть, немногіе такъ упорно работали надъ собою, какъ я!“ Судьба видала его въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ. Любимымъ предметомъ его занятій съ раннихъ поръ были политическіе вопросы; онъ зналъ государственное устройство народовъ какъ изъ книгъ, такъ и изъ жизни. Онъ былъ знакомъ съ міромъ по собственнымъ наблюденіямъ глубже и основательнѣе, чѣмъ вообще удается людямъ, не говоря уже о французахъ того времени. Онъ жилъ и наблюдалъ въ Швейцаріи, Голландіи, Англии и Германіи; его политическій горизонтъ былъ самый обширный и богатый. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ разсуждать самостоятельно, государство и государственная жизнь, выступили у него на первый планъ. 23-лѣтнимъ юношей началъ онъ въ заточеніи въ Маносскѣ Essai sur le despotisme, въ Венсенской тюрьмѣ онъ писалъ Lettres de cachet, а съ 1783 года почти вся его дѣятельность принадлежала политикѣ. А какова должна была быть эта политика,

можно судить по его жизни. Онъ жилъ въ исходѣ эпохи деспотизма, вызвавшаго небесную кару. Истинъ Рикетти, онъ съ молодю любилъ свободу больше жизни, и никто больше его не выстрадалъ подъ гнетомъ стараго деспотизма: вотъ источникъ его пылкихъ, потрясающихъ всплескъ ненависти противъ деспотизма. На напоминаніе: „твое отечество“, онъ отвѣчалъ еще въ Пенсенѣ: „его цѣтъ въ странѣ рабовъ“. И уже въ его первомъ литературномъ опытѣ говорится: „Если бы пришлось выбирать, то, не колеблясь, должно предпочесть власть слабую и неполную власти неограниченной, въ какихъ бы рукахъ послѣдняя ни находилась“.

Но, при всемъ томъ, онъ остается умѣреннымъ. Онъ благоговѣетъ передъ литературными знаменитостями своего времени, Вольтеромъ, Монтескье, Руссо, и вообще удѣляетъ себѣ слишкомъ скромное мѣсто позади ихъ. Но онъ порицаетъ Вольтера за то, что въ своихъ историческихъ и философскихъ сочиненіяхъ онъ часто проявляетъ одно остроуміе. О Руссо, этомъ предметѣ его живаго поклоненія, онъ говоритъ: „Какъ будто философъ пришелъ съ бесѣды съ Пумой въ Сабинскихъ лѣсахъ или съ Ликургомъ на Тайгетской горѣ!“ Онъ возстаетъ противъ первыхъ предвѣстниковъ социалистическихъ ученій, противъ разнузданности опасныхъ страстей и противъ свободы, которая опять должна понести лишь къ порабощенію.

Но что въ особенности отличаетъ Мирабо отъ дѣятелей 1789 года, такъ это то, что передъ его глазами была поднята завѣса, закрывавшая отъ другихъ будущее. Съ мая этого года его не обольщали мечты о мирныхъ переворотахъ, надежды на тихіе, розовые дни. Онъ былъ убѣжденъ, что разразилась страшнѣйшая революція ⁴⁾. Заблаговременно укрыть отъ ея подлѣ то, что могло послужить залогомъ общественаго благосостоянія въ лучшія, болѣе спокойныя времена,—вотъ что, и только это, считалъ онъ задачею и своей и всѣхъ патріотовъ.

Старая и новая Франція по тетрадамъ государственныхъ чиновъ.

По старинному французскому обычаю, каждый изъ трехъ государственныхъ чиновъ снабжалъ своихъ представителей тетрадями (cahiers), въ которыхъ заключались его жалобы, требованія

⁴⁾ Въ декабрѣ 1789 года онъ пишетъ къ Мовильону: „Я вижу, что въ вашей Германіи умы находятся въ броженіи, и очень хорошо знаю, что если искра попадетъ въ горючій матеріалъ, то вспыхнетъ каменный уголь, а не со-

и просьбы. Составленіе этихъ тетрадей было строго предписано и избирательнымъ закономъ 24 января 1789 года. Этому-то распоряженію, которое вездѣ ревностно исполнялось, мы обязаны въ высшей степени замѣчательнымъ документомъ о положеніи страны и настроеніи умовъ въ это время ¹⁾.

Эти тетради необыкновенно разнообразны, смотря по чинамъ и мѣстностямъ. Мы встрѣчаемъ требованія, граничащія съ крайнимъ демократизмомъ, и рядомъ съ ними неизбримыя притязанія старыхъ привилегированныхъ. Но не въ этихъ крайностяхъ дѣло. Въ частности онѣ встрѣчались и у той, и у другой стороны. Вообще же тутъ были опредѣленныя требованія, имѣвшія значеніе программы широко распространенныхъ убѣжденій, лозунга большихъ корпорацій и вліятельныхъ сословій.

Единоголасно, безъ малѣйшаго противорѣчія осуждается абсолютизмъ старой монархіи дворянствомъ, духовенствомъ и третьимъ сословіемъ. Оттого-то непонятно было, какъ могла еще сохраниться эта форма, противъ которой съ одинаковою силой высказывались и законное дворянство старыхъ временъ, и крайне демократическое третье сословіе.

Замѣчательно, что сильное сопротивленіе встрѣтила также старая система религіозной терпимости и едиповластіе клерикаловъ. Еще существовали въ законѣ и въ жизни послѣдствія уничтоженія Палтскаго эдикта, т. е. полное безправіе всѣхъ послѣдователей протестантскихъ ученій, исключая протестантовъ бывшихъ пѣмецкихъ областей, которые находились до нѣкоторой степени подъ защитою международныхъ договоровъ. Теперь уже не такъ много было протестантовъ, и тѣмъ не менѣе, во всѣхъ инструкціяхъ проявляется желаніе, чтобы, наконецъ, и здѣсь было водворено справедливое равноправіе. За это даже стоятъ отдѣльныя духовныя корпораціи.

Вообще въ порученіяхъ духовныхъ избирателей встрѣчаются такія желанія и жалобы, какихъ врядъ ли можно было ожидать отъ нихъ, Первое сословіе пропихнуто убѣжденіемъ, что преобра-

лама, какъ въ другомъ мѣстѣ. Но если, быть можетъ, вы и опередили насъ въ дѣлѣ просвѣщенія, то вы менѣе зрѣлы, чѣмъ мы, хотя и мы-то никогда не были зрѣлыми. Вы не зрѣлы, говорю я, потому что у васъ волненія вращаются въ головахъ, а эти головы съ незапамятныхъ временъ привыкли къ рабству. Варить у васъ произойдетъ гораздо позже, чѣмъ у той націи, у которой въ одну и ту-же четверть часа можетъ проявиться и героизмъ и свобода и поклоненіе рабству".

¹⁾ Grille: Tableau comparatif des mandats et pouvoirs donnés, en 1789. Paris, 1824. 2 vol.

Chassin: Le génie de la révolution. I, 1—2. Les cahiers de 1789. Paris, 1864, 1865. Boîteau: Etat de France 1789, Paris, 1861. O.

званіе во главѣ и въ членахъ, столь необходимое всей націи, должно начаться съ него самого; что безиральственность въ его собственной средѣ главнымъ образомъ способствовала упадку общественнаго духа. Оно оплакиваетъ скандалы, ежедневно позорящіе богослуженіе; требуетъ для ихъ превращенія очистить его отъ недостойныхъ членовъ; настаиваетъ на искорененіи вреднаго захватывающаго въ однѣ руки нѣсколькихъ приходоу и нечестиваго обычая раздавать церковныя доходы свѣтскимъ людямъ (случалось даже, что драгунскимъ офицерамъ предоставлялись церковныя доходы). Оно желаетъ, чтобы вообще не одно дворянство получало высшія мѣста и т. д.

Такия жалобы и желанія соответствовали главнымъ образомъ возрѣніямъ третьяго сословія въ духовенствѣ. Дѣло въ томъ, что и духовенство совершенно распалось на аристократическое сословіе, высшее духовенство, и на мѣщанское, священниковъ. Эти послѣдніе составляли родъ демократической партіи въ церкви, и они-то первые оставили сканъ привилегированныхъ, перешли къ третьему сословію. Изъ 300 выборныхъ среди духовенства болѣе 200 было священниковъ. Въ высшей степени замѣчательно, что духовенство при избраніи своихъ депутатовъ почти единодушно высказывалось въ пользу исключительнаго законодательнаго права государственныхъ чиновъ и воплѣ единодушно въ пользу уравненія податей между сословіями.

Далѣе встрѣчаются всеобщія жалобы на полное отсутствіе публичнаго и гражданскаго права. Эти прѣпа, особенно послѣднее, дѣйствительно, находились въ состояніи вопіющей запущенности. Во Франціи не было двухъ царствовавшихъ, въ которыхъ дѣйствовало бы одно и то же право,—крайняя, противоположность тому единству законодательства, которое вытекло изъ революціи. «Безпорядочная груда, жалуется городъ Парижъ, римскаго и варварскаго обычнаго права, регламентовъ и указовъ, безъ всякой связи съ пынѣшними нашими правами и безъ единства въ своихъ принципахъ, груда, возникшая во времена язычества и поурядицъ и пріуроченная къ быту, уже не существующему болѣе, не можетъ служить основой юридической жизни великой и просвѣщенной націи».

Во Франціи не было гражданскихъ законовъ. Ихъ замѣняли: римское право, котораго народъ не понималъ; древнегерманское, годившееся во времена феодализма, и бездна обычныхъ правъ (ихъ насчитывали до 400), въ каждой провинціи свое особенное; да еще пужно присоединить къ этому указы (*ordonnances*), издѣвавшіеся

надъ всякимъ закономъ и обычаемъ и снимавшіе всякія преграды министерскому произволу.

Уголовнаго права также не существовало. Уголовное судопроизводство было крайне тягостно. Смертная казнь была слишкомъ часта. Весь ходъ дѣла отличался, какъ въ инквизиціи, неповоротливостью, насильственностью и жестокостью. Наконецъ, разбирательство было различно, смотря по сословію и личности подсудимаго.

Поэтому мы встрѣчаемъ, далѣе, всеобщія жалобы на отсутствіе всякаго законнаго, дешеваго и быстрого суда. Судовъ и мѣстъ съ судебною властью было слишкомъ много¹⁾. Судебными должностями торговали, какъ товаромъ. Сами судьи не были независимы. Они нерѣдко отличались невѣжествомъ и обыкновенно принадлежали къ замкнутой кастѣ; одна тетрадь настаиваетъ, чтобы судей уже не выбирать болѣе исключительно изъ дворянъ. Все же было не выбирать болѣе исключительно изъ дворянъ. Все же было судовъ для быстрого рѣшенія мелкихъ дѣлъ: со всѣхъ сторонъ раздавались требованія мировыхъ учреждений. И ко всему этому присоединился остатокъ феодализма, помѣщичій судъ. О немъ такъ заявляло третье сословіе Ренна: „Совершенно неудачныя замѣненія этихъ должностей, неопредѣленность въ нихъ границъ власти и круга вѣдомства, избытокъ аппеляціонныхъ учреждений, которыхъ нерѣдко бываетъ до семи,—все это говоритъ противъ помѣщичьяго суда. Этотъ судъ потворствуетъ беззаконіямъ мелкихъ деспотовъ. Его презирать общественное мнѣніе. Онъ долженъ быть уничтоженъ, какъ несовмѣстимый съ счастіемъ, свободой и достоинствомъ французскаго народа“. Это бѣдственное положеніе дѣлъ относится къ числу тѣхъ, которыя своею негодностью уничтожаютъ всякія партіи и поражаютъ одно всеобщее мнѣніе о себѣ. И самая высшая заслуга революціи состоитъ въ томъ, что она счистила всю эту чудовищную кучу спившаго хлама и дала возможность новой монархіи возстановить понятный, быстрый, дешевый и популярный судъ.

Тетради дворянства сильно разпогласятъ съ тетрадями перваго и третьяго сословій, которыя нерѣдко буквально сходятся между собою въ важнѣйшихъ вопросахъ. Оказалось, что дворяне не менѣе находятся въ раздорѣ съ самими собою, чѣмъ съ духомъ времени.

Высшее дворянство съ презрѣніемъ взираетъ на низшее, а оба вмѣстѣ вслѣдствіи отворачиваются отъ перваго и третьяго сословій. И на все, что въ тетрадяхъ этихъ послѣднихъ было либеральнаго и своевременнаго, дворяне смотрятъ съ малодушной, исключитель-

¹⁾ Ср. стр. 11.

но сословной точки зрѣнія. Вообще они упорствуютъ въ мнѣніи, что созваніе государственныхъ чиновъ вовсе не нововведеніе, а только возстановленіе стародавняго обычая, что у французовъ такой государственный строй, который должно не измѣнять, а возстановить во всей его чистотѣ. Оттого-то они настаиваютъ на подачѣ голосовъ по сословіямъ, требуютъ даже прямого права запрета (*veto*) для одного сословія относительно постановленій двухъ другихъ и распристрапаются съ величайшею важностью о мелочахъ этикета. Касательно финансовъ, многіе избирательные округа объявляютъ, что „изъ высокаго почтенія къ монарху, изъ любви къ его особѣ“ дворянство готово принять участіе въ тяжестьяхъ государства. Оно отказывается отъ податной свободы, предполагая, что и духовенство не отстанетъ отъ него; но налогъ съ него долженъ взиматься лишь по временамъ и носить названіе „благородной подати (*la taille noble*)“.

Съ самую щепетильною заботливостью охраняетъ это дворянство, уже давно утратившее свойства истинной аристократіи, свои ничтожныя внѣшнія отличія отъ остальнаго общества. Въ нѣкоторыхъ тетрадахъ требуется для дворянства, въ одно и то же время, и свобода отъ военной службы, и исключительное право носить шнагу, съ запрещеніемъ, подъ страхомъ строгихъ наказаній, присваивать себѣ это преимущество лицамъ другихъ сословій. Въ другихъ настаивается на учрежденіи герольдическаго судилища для разбирательства подлинности титуловъ и гербовъ. Въ третьихъ выражается надежда, что государственныя чины опредѣлятъ, какія занятія не должны влечь за собою лишенія дворянскихъ правъ, и т. д.

И это дворянство, само такъ глубоко навшее и выродившееся, тяготѣло надъ третьимъ сословіемъ, надъ рабочимъ и земледѣльцемъ, истинно подавляющею кучей ленныхъ привилегій ¹⁾, которыя обращали всякую собственность почти въ призракъ. Чего тутъ не было? И доходы постоянныя, и доходы обезпеченные круговою порукой, и доходы временныя, и заповѣдныя права на мельницы, пекарни и погреба, на охоту и голубей, и пѣлая бездна диковинныхъ привилегій средневѣковой эпохи, въ родѣ права перваго поцѣлуя и первой ночи. Было тутъ и право на защиту отъ кваканья лягушекъ (*silence de grenouille*): крестьяне обязаны были ночью бить палками по пруду; чтобы лягушки не нарушали помѣщичьаго покоя, точно такъ, какъ въ Геггау крестьяне должны были отыскивать своей помѣщицѣ улинокъ, на которыя та намазывала свою пряжу. Пасколько, при подобной системѣ, страдало

¹⁾ Ср. стр. 13 и слѣд.

земледѣліе, видно изъ жалобъ крестьянъ въ ихъ тетрадахъ. Они просятъ, чтобы имъ было дозволено, хотя передъ самою жатвой, охранять свои поля отъ красной дичи, чтобы хоть за убіеніе зайца не наказывали, какъ гласитъ законъ, смертною казнью. Третье сословіе въ Монфорбъ проситъ даже, чтобы „крестьянамъ было дозволено косить на своихъ лугахъ и собирать, когда угодно, свои посылы“. Бичемъ страны, жалобами на который переполнены всѣ тетради, были безчинства охоты, которая не прекращалась круглый годъ, потому что Нантъ требуетъ, «чтобы освободили отъ нея хотя на время отъ мая до ноября». Но охота считалась священнымъ правомъ. Въ ея защиту приводили даже мѣста изъ Ветхаго Забѣта, въ родѣ слѣдующаго: «Богъ вручилъ тебѣ всѣхъ звѣрей и соизволилъ, чтобы ты былъ надъ ними господиномъ».

Такія желанія, съ ихъ дѣтскою наивною, были самыми страшными обвиненіями противъ старой системы. Такія условія въ жизни были оселкомъ, на которомъ изо дня въ день точилась пеньгравимая ненависть ко всему существующему норадку вещей, разрывившаяся потомъ такимъ ужаснымъ взрывомъ. А изъ сличенія числа господъ и подданныхъ у послѣднихъ возникло довольно ясное сознаніе своихъ силъ и своего достоинства.

Избиратели третьяго сословія единогласно приказывали своимъ выборнымъ, чтобы тѣ считали себя не представителями известной корпораціи, но уполномоченными отъ всей націи, ибо два другихъ сословія—лишь маленькая частица, казая нибудь $\frac{1}{50}$ цѣлой націи. Поэтому столь же единогласно требуютъ ихъ тетради поголовной, а не посословной подачи голосовъ. Нѣкоторые изъ нихъ предвидятъ, что оба остальныхъ сословія не подчинятся этому, и предписываютъ, что тогда выборные отъ третьяго сословія, какъ представители 24 милліоновъ, которые, во всякомъ случаѣ, могутъ и должны именовать національнымъ обращеніемъ, обязаны предстать передъ королемъ и сообщая съ тѣми изъ членовъ другихъ сословій, которые желаютъ присоединиться къ нимъ, совѣщаться и дѣйствовать, какъ національное представительство.

Далѣе, избиратели третьяго сословія единодушно требуютъ государственнаго строя, основаннаго на конституціи и законахъ, на отменѣ личной службѣ и всѣхъ феодальныхъ правъ. Они требуютъ залоговъ неприкосновенности личности и имущества, свободы печати, непарушимости тайны писемъ, отвѣтственности министровъ, равномернаго распредѣленія налоговъ, учрежденія провинціальныхъ чиновъ, которые наблюдали бы за всѣмъ этимъ, и т. д. Къ этому присоединяется огромное количество проектовъ касательно развитія земледѣлія, скотоводства, хлѣбной торговли,

промышленности, воспитанія, потребнаго „человѣку, христіанину, французу“, и т. д. И тутъ же, рядомъ съ проявленіемъ высокаго свободомыслія и горячей любви къ отечеству, встрѣчаются и простодушныя самообличенія въ той страсти къ особности, которую старая монархія привила даже мѣщанству, въ той замкнутости каждой провинціи и каждаго города, въ томъ эгоизмѣ цеховой промышленности, которые принадлежали къ самымъ главнымъ чертамъ старой системы.

Такъ Эльзась требуетъ для себя свободы торговли внутри Франціи и въ то же время уничтоженія таможенной границы на Рейнѣ, препятствующей его торговлѣ съ Германіей. Города Мецъ и Нантъ желаютъ быть подсудными только своимъ провинціальнымъ судамъ. Суконщики домогаются защиты своихъ старыхъ привилегій, а цехи аптекарей—возведенія на степенъ collèges. Нантскіе парикмахеры заявляютъ, что, сверхъ уже существующихъ 92 свидѣтельствъ на ихъ занятіе, не должно выдавать ни одного, въ особенности на званіе дамскаго фризера, потому что оно составляетъ привилегію парикмахеровъ. Затѣмъ слѣдуютъ слесаря, желающіе, чтобы былъ запрещенъ особый родъ замковъ, и такъ далѣе, до привратниковъ и разношниковъ ¹⁾.

На этой почвѣ, въ третьемъ сословіи точно также стоятъ другъ противъ друга меньшинство привилегированныхъ и громадное большинство отреченныхъ, какъ въ первомъ—церковная аристократія и толпа священниковъ. Впрочемъ, вообще это можно сказать только о городахъ: крестьянинъ почти повсюду испытывалъ одинаково невыносимый гнетъ. Съ такимъ же единодушіемъ, съ какимъ возстаетъ крестьянство противъ феодализма, высказывается все третье сословіе противъ способа управленія въ старомъ государствѣ.

Самыя сильныя жалобы раздаются противъ податей, которыя (подъ именами taille, gabelle, capitation, vingtième) или лежали на простолюдинѣ всею своею тяжестью, или обременяли его совѣмъ неравномѣрно съ другими сословіями. Всеобще также негодованіе противъ интендантовъ, которыхъ слѣдовало замѣнить провинціальными чинами. На этомъ настаиваютъ все три сословія. Правда, первыя два требуютъ, чтобы провинціальныя чины принимали нѣкоторое участіе въ конституціонной и законодательной власти, а третье видитъ въ нихъ лишь административныхъ земскихъ совѣтниковъ; но все они сходятся въ томъ, что старое всемогущество чиновниковъ должно пасть и уступить мѣсто нѣкоторому самоуправленію подданныхъ.

¹⁾ Buchez: Histoire de l'Assemblée constituante. I. 2 éd. Paris, 1846.

Надъ всюю машиною старою монархіи безусловно произносится смертный приговоръ. «Долой приказъ объ арестѣ, государственныхъ тюрьмы, тайную полицію, исключительные суды произвольное хватаніе людей, тайное судопроизводство, интендантовъ и драгонадъ!» раздается со всѣхъ сторонъ; и не шадятъ даже послѣдняго правительственнаго орудія,—арміи.

Армія была богадѣльней для старшихъ сынковъ дворянскихъ фамилій, точно также, какъ церковь для младшихъ, и однакоже именно дворянство крайне рѣзко нападаетъ на военное устройство. Вермандуасское дворянство прямо говоритъ: «Ныѣшнее военное устройство противорѣчитъ современному духу націи. Все войско, отъ офицера до рядоваго, проникнуто однимъ всеобщимъ чувствомъ недовольства и унынія. Военное устройство должно быть измѣнено и восстановлено на справедливыхъ и прочныхъ основаніяхъ». Сезанское дворянство заявляетъ: «У Людовика XIV и Людовика XV, во время самыхъ кровопролитныхъ войнъ, и на половину не было столько офицеровъ, сколько ихъ теперь у насъ». Армія поглощала въ 1789 году на одно свое содержаніе 90 милліоновъ изъ государственныхъ доходовъ: изъ нихъ 44 шло на рядовыхъ, а 46 на офицеровъ. А ея устройство было вѣрнымъ отпечаткомъ раздѣипенности, царствовавшей въ гражданскомъ обществѣ.

И здѣсь другъ противъ друга стояли помѣщики и крѣпостные, утопающее въ роскоши дворянство и нищій, страдающій народъ. Вверху необузданная свобода, внизу бѣдствіе и нужда при варварскомъ производѣ начальниковъ. Тамъ, обидное презрѣніе, безсовѣстное легкомысліе; здѣсь, затаенная ненависть и страстная злоба. И здѣсь не было недостатка въ смѣшныхъ сторонахъ стараго правленія. Такъ уже 22 мая 1781 года, король, отмѣняя одинъ эдиктъ 1750 года, объявилъ, что офицеры, происходящіе отъ дворянъ менѣе, чѣмъ въ четвертомъ поколѣніи, не могутъ производиться въ чинъ капитана, а дѣти поселянъ (roturiers), за исключеніемъ кавалеровъ св. Людовика, не могутъ достигнуть ни одного чина. Слѣдствіемъ этой системы было то, что приходилось предоставлять должности полковниковъ и майоровъ мальчишкамъ 14 или 16 лѣтъ, такъ какъ не было равныхъ имъ по происхожденію.

Совершенно диковинны были подобныя же постановленія относительно протестантовъ, которые также отстранялись отъ всѣхъ офицерскихъ мѣстъ, тогда какъ въ многочисленныхъ иностранныхъ войскахъ, у швейцарскихъ и пѣмецкихъ наемщиковъ, проводителями почти всегда были протестанты.

Попятно, что правительство, отъ котораго отпала вся невоору-

жесткая масса населенія, не могло, въ минуту опасности, оказать даже какого-нибудь рыцарскаго сопротивленія, когда у вооруженной части народа было такое устройство.

Превосходный образецъ тона и формы тетрадей 1789 года представляетъ тетрадь третьяго сословія города Парижа. Въ ней, послѣ общаго вступленія, заключается обширный планъ преобразованія всего государства, раздѣленный на 6 статей: 1) конституція, 2) финансы, 3) земледѣліе, торговля, торговые суды, 4) религія, духовенство, воспитаніе, госпитали, нравы, 5) законодательство, 6) городскія нужды Парижа.

Въ самомъ началѣ, во вступительныхъ замѣчаніяхъ, связано рѣшительнымъ тономъ: „Предписываемъ нашимъ представителямъ неуклонно противиться всему, что могло бы оскорбить достоинство свободныхъ гражданъ, которые собираются для того, чтобы на дѣлѣ воспользоваться верховными правами націи.“

„Общественное мнѣніе открыто признало необходимость поголовной подачи голосовъ, чтобы искоренить извы сословныхъ различій, возстановить право общественнаго надзора и облегчить изданіе хорошихъ законовъ. Представители города Парижа не должны забывать, какъ упорно они обязаны стоять за это; они должны смотрѣть на это, какъ на несокрушимое право, какъ на предметъ особеннаго порученія.“

„Имъ предписывается съ особенною силой не соглашаться ни на какой законъ, пока не станетъ закономъ объявленіе правъ націи и пока не будутъ положены и обезпечены главныя основы конституціи.“

„Уже по исполненіи этой первой обязанности они перейдутъ къ выясненію и утвержденію государственнаго долга“.

Въ слѣдующемъ за тѣмъ Объявленіи правъ сказано:

„Во всякомъ гражданскомъ обществѣ всѣ люди равны по своимъ правамъ.“

„Всякая государственная власть исходитъ отъ націи и можетъ быть употребляема лишь ей на пользу.“

„Всеобщая воля составляетъ законъ; общественная сила обезпечиваетъ его исполненіе.“

„Только нація можетъ устанавливать подати; только она имѣетъ право опредѣлять ихъ размѣры и сроки, указывать способъ ихъ расходованія, требовать отчета въ ихъ употребленіи и отмѣнять ихъ взиманіе.“

„Законы существуютъ лишь для того, чтобы обезпечить каждому его личность и собственность.“

„Всякая собственность неприкосновенна. Ни одинъ гражданинъ не можетъ быть арестованъ или наказанъ безъ законнаго судебного приговора.

„Ни одинъ гражданинъ, не исключая и солдата, не можетъ быть лишенъ своего мѣста безъ судебного приговора.

„Каждый гражданинъ имѣетъ право на всякія должности, занятія и званія.

„Естественная, гражданская, религіозная свобода каждого, его личная безопасность, его полная независимость отъ всякаго авторитета, кромѣ закона, исключаютъ всякое разслѣдованіе его мнѣній, рѣчей, сочиненій и поступковъ, пока они не нарушаютъ общественнаго порядка и не оскорбляютъ чужихъ правъ“.

Въ отдѣлѣ „Constitution“ подробно развивается устройство государственныхъ чиновъ, какъ представителей законодательной власти, система управленія посредствомъ провинціальныхъ, окружныхъ и общинныхъ собраній и новый судебный порядокъ.

Въ концѣ тетради выражается желаніе, чтобы впродъ государственныхъ чинъ собирались въ Парижѣ, въ собственно имъ предназначеномъ государственномъ зданіи, съ надписью на фронтонѣ: „Palais des états généraux“. Далѣе требуется, чтобы то мѣсто, гдѣ стоитъ Бастилія, было обращено въ чистую площадь, посреди которой возвышалась бы простая, изящная колонна съ надписью: „Людовику XVI, спасителю общественной свободы“ X

Делъ

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ПАДЕНІЕ СТАРОЙ МОНАРХІИ И ПОБѢДА СРЕДНЯГО СОСЛОВІЯ.
СЪ МАЯ ДО ОКТЯБРЯ 1789 ГОДА.

Литература предмета.

Кромѣ вышеприведенныхъ источниковъ, сюда относятся журналы этого времени—*Moniteur*, *Lettres à mes commettants* (Mirabeau), *Point du jours* (Barère), *Révolutions de Paris* (Loustalot) и, какъ сводъ всего этого, *Buchez et Roux: Histoire parlementaire de la révolution française*, 1—40 v. Paris, 1834—1838.

Вотъ нѣкоторыя замѣтки о мемуарахъ, найденныя въ бумагахъ покойнаго Гейссера:

Madame Camran. 4 v. Среди совершенно будничной придворной болтовни много хорошихъ свѣдѣній, особенно о послѣднихъ дняхъ королевской фамилии.

Bailly. 3 v. Paris 1821. Въ этихъ замѣткахъ отражается чистая, наивная, безпорочная натура автора. Посреди страшныхъ диссонансовъ борьбы партій, изъ этихъ записокъ къ вамъ какъ бы доносится пѣжная, успокоительная мелодія.

Bertrand de Molleville, 3 v. Paris 1797. Аристократъ comme il faut, рыцарь, но безъ рыцарственности, полный интригъ. Онъ оплевываетъ все великое, но въ то же время съ трогательною добросовѣтностью раскрываетъ всю ограниченность, всѣ недостатки, какъ свои собственные, такъ и своихъ товарищей по словію. Его слѣдуетъ читать, чтобы познаться съ понятіями и міровоззрѣніемъ подобныхъ людей.

Mirabeau: Mémoires. 6, 7, 8 v. Paris 1835. Прекрасный сборникъ рѣчей, писемъ, частныхъ свѣдѣній и т. п., изданный по чувству истиннаго благоговѣнія къ Мирабо. Составленный съ здра-

вымъ смысломъ и въ умѣренномъ тонѣ, этотъ сборникъ можетъ быть употребляемъ съ большою пользою для вѣрнаго пониманія великаго титана.

Ferrières. 3 v. Paris 1821. Этотъ трудъ полонъ хорошихъ свѣдѣній. Быть-можетъ, какъ источникъ, онъ самый важный изъ мемуаровъ. Феррьеръ дворянинъ, но не лишенъ извѣстной доли noblesse. Онъ смотритъ на третье сословіе, какъ на партію, безъ права захватывающую власть. Но онъ настолько патріотъ, что признаетъ совершившійся великій переворотъ событіемъ, осчастливившимъ націю. Онъ, дѣйствительно, любитъ конституцію 1791 г. и ожидаетъ отъ нея счастья для Франціи. Онъ способенъ понимать величіе духа. Вообще изъ всей партіи старины это единственный писатель, сочиненія котораго достойны уваженія, какъ источникъ.

Lally-Tolendal, 1790. Страстное, написанное подъ вліяніемъ минуты сочиненіе въ духѣ партіи Неккера. Оно рѣдко даетъ болѣе, чѣмъ Мониторъ. Только одно прекрасно доказано въ немъ, именно, какъ съ іюля демократическая партія національнаго соборанія становится все сильнѣе и сильнѣе.

Упоминаются и другіе матеріалы: Larochevoucauld, Lafayette, Staël, Choiseul, Dumouriez, Barbaroux, Buzot, m-me Roland, Pontécoulant и позднѣйшіе по изданію (кромѣ Miot de Melito и Veugnot) мемуары Besenval'a, Lauzun'a и Tilly.

О двухъ послѣднихъ находимъ слѣдующія замѣчанія въ бумагахъ покойнаго Рейссера.

Mémoires de Besenval. Хотя эти мемуары не важны для историка, тѣмъ не менѣе они вполне служатъ къ характеристикѣ эпохи. Безанваль далеко не худшій изъ придворныхъ своего времени. Правдивенно онъ все-таки выше господъ, въ родѣ Lauzun и Tilly, и искателей приключеній, въ родѣ Калона. Онъ даже съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ судитъ о слабыхъ сторонахъ королей и правителей. Впрочемъ, несмотря на все это, онъ чистѣйшій царедворецъ. Съ изумительною наивностью рассказываетъ онъ о своихъ проискахъ и интригахъ съ цѣлью—одного посадить министромъ, другому доставить мѣстечко. Съ какимъ-то sandog animi сообщаетъ онъ, чего стоили знатные господа этого рода государству и королю. Само собою разумѣется, что онъ восторженный почитатель финансоваго мудрости Калона и отзывается о Тюрго съ тушоуміемъ, выходящимъ даже изъ границъ, позволенныхъ царедворцу.

Замѣтки Lauzun'a и Tilly вышли изъ высшаго общества, предшествовавшаго 1789 году. Конечно, омерзительно читать различныя варіаціи на тему о любовныхъ похожденияхъ; но онѣ не ли-

шени печальнаго значенія въ исторіи правовъ. И здѣсь замѣтны свои степени совершенства.

Лозень стоитъ далеко выше Тилли. Онъ, по крайней мѣрѣ, самъ себѣ сочиняетъ чувства, хотя, конечно, точно также, какъ *chevalier de Faublas*, которому онъ, кажется, послужилъ оригиналомъ. Онъ храбръ, рыцарственъ и не лишенъ нѣкоторыхъ хорошихъ чертъ. Впрочемъ, какимъ бы онъ ни былъ, Мари-Антуанетѣ не дѣлаетъ особенной чести то, что она могла отличить извѣстнаго человѣка до такой степени, какъ свидѣлствуютъ письма на стр. 126 и слѣд. и на 173.

Въ Тилли нѣтъ ни одной интересной, человѣческой черты. Въ его любовныхъ похожденияхъ участвовало одно тѣло, перевѣсь всегда былъ на сторонѣ *plaisir animal*, причемъ нельзя не признать чертъ низости и пошлости. Онъ былъ не только грязный и сладострастный циникъ, но также игрокъ и искатель приключеній во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Изъ французскихъ изслѣдованій Гейссеръ упоминаетъ только о Тьерѣ и Минье, безъ всякихъ замѣчаній. Изъ нѣмецкихъ онъ оставляетъ на слѣдующемъ:

Wachsmuth und Schütz: Geschichte der Staatsveränderung in Frankreich, 6 Bd. Leipzig. 1827 и слѣд. Доведено до 1792 г. Это цѣлый магазинъ сухихъ замѣтокъ. Муравьиное прилежаніе въ собираніи и отканываніи фактовъ и самая пошлая ограниченность въ сужденіяхъ. Вся основательность автора не спасаетъ его отъ смѣшнаго непониманія великихъ характеровъ и положеній, отъ жестокихъ искаженій. Тѣмъ не менѣе этотъ трудъ весьма пригоденъ, какъ списокъ грѣховъ учредительнаго собранія и какъ тщательный каталогъ всѣхъ взводимыхъ на него обвиненій ¹⁾.

¹⁾ Онъ не указываетъ на трудъ Карла Рихтера: *Staats—und Gesellschafts — Recht der franz. Revolution*. 1805 — 1806. Это одинъ изъ самыхъ обширныхъ (2 большіе тома) и основательныхъ трудовъ, посвященныхъ въ послѣднее время французской революціи. Сочиненіе Рихтера написано съ такою простотой и любовью къ дѣлу, что привлекаетъ даже не спеціалиста, несмотря на нѣкоторую сухость предмета. Оно представляетъ первую попытку систематической разработки революціоннаго законодательства. Авторъ видитъ въ этомъ законодательствѣ основу, на которой явится развитіе государственныхъ формъ въ XIX вѣкѣ. Оттого-то онъ и началъ съ этого пункта рядъ своихъ обширныхъ работъ, направленныхъ къ историческому изслѣдованію государственнаго устройства Европы въ нашемъ столѣтіи.

Для ознакомленія съ французскою революціей русская литература представляетъ переводы трудовъ Зибеля (пер. Ососова, 4 ч., Спб., 1864—1866), Минье (пер. Арсеньева, 2 т., Спб., 1867, съ приложеніемъ нѣсколькихъ главъ изъ „Революціи“ Эдгара Кюле), Карлейля (пер. Дяпидевского М., 1866), Токвиля (пер. Кондырева, Спб., 1861), Жюрьеппе де ла-Гравьера („Морскія войны время французской республики“, изд. морскаго ученаго комитета, Спб. 1859). *Чед.*

Сверхъ того упомянуты сочиненія Арнда (*Geschichte der französischen Revolution von 1789 bis 1799. Braunschweig 1851. 6 Bd.*) и Зибеля (*Geschichte der Revolutionszeit von 1789 bis 1795*).

Г Л А В А V

Открытие засѣданій государственныхъ чиновъ 5-го мая:

При такихъ-то обстоятельствахъ собрались въ Версалѣ, въ началѣ мая 1789 года, государственные чины.

Третьему сословію, согласно съ его требованіемъ, редактированнымъ Сіейсомъ, дозволено было выставить двойное число депутатовъ. На 300 человекъ отъ каждаго изъ первыхъ чиновъ изъ третьяго выбрано 600.

Вотъ каковы были отношенія между составными частями собранія. Въ духовенствѣ насчитывалось 48 архіепископовъ и епископовъ, 35 аббатовъ и канониковъ, 208 приходскихъ священниковъ (всего 291 человекъ). Въ дворянствѣ: 1 принцъ крови, 28 чиновниковъ, 241 дворянинъ (всего 270 человекъ). Стало быть, феодальныя земледѣльцы составляли большинство. Въ третьемъ сословіи: 2 духовныхъ, 11 дворянъ, 18 меровъ, 62 судьи, 16 врачей, 176 мѣщанъ и крестьянъ и 272 адвоката (557 человекъ). Въ общемъ итогъ 1118 человекъ. Такимъ образомъ, въ духовенствѣ преобладали приходскіе священники, въ дворянствѣ — мелкіе дворяне, въ третьемъ сословіи — адвокаты.

Что за цѣль была у этого собранія? Что имѣло тутъ въ виду правительство?

Правительство не знало этого, да никогда серьезно объ этомъ и не думало.

Все, что должно быть прочно въ государствѣ, какъ право и обычаи, вѣра и законъ, все это было здѣсь расшатано до основанія. Политическая власть была почти уничтожена. Ея послѣднимъ шагомъ было созваніе этого собранія. Въ немъ заключалось все, что только было во Франціи талантливаго и виднаго по своему имени или происхожденію, а рядомъ съ нимъ стояло правительство, которое смотрѣло на все, сложа руки, ни о чемъ серьезно не заботясь и ни надъ чѣмъ не задумываясь. Оно соглашается на двойное представительство со стороны третьяго сословія, но по дѣлаетъ никакихъ распоряженій насчетъ того, какъ и о чемъ совѣщаться этимъ 1100—1200 человекамъ. Оно думаетъ: эти господа увидятъ сами, какъ имъ справиться другъ съ другомъ.

По мнѣнію Мирабо, дѣйствуя ловко, правительство могло бы все сдѣлать изъ этого собранія. Во всякомъ случаѣ, правительству стоило попытаться внести въ него что-нибудь определенное, задать ему тему и тонъ. Оно же было безконечно сильнѣе этихъ трехъ сословій, враждебно относившихся другъ къ другу, изъ которыхъ самое могущественное въ послѣдствіи не знало еще своихъ вождей. Теперь даже и самому Мирабо едва ли не больше, чѣмъ правительству, приходилось бороться съ недовѣріемъ собранія.

Но ничего подобнаго не было сдѣлано.

4-го мая собраніе открылось церковною процессіей. При этомъ не забыли вытащить изъ кладовыхъ всѣ диковинныя принадлежности древнихъ парадовъ. Чего тутъ не было? И платья изъ золотой парчи, и дворянскія шляпы съ перьями, и роскошныя ризы духовенства, и сверкающіе черныя плащи простолюдиновъ. Гофмаршалу и церемоніймейстеру тутъ было больше дѣла, чѣмъ всему правительству.

Открытие произошло при важныхъ обстоятельствахъ. Дѣло началось съ торжественнаго слова папскаго епископа. Это была не проповѣдь, а народная рѣчь, переполненная такими громкими словами, какъ свобода, равенство, человѣческія права: тутъ каждая ливантность вызывала усерднѣйшія рукоплесканія. Когда торжественное шествіе двинулось ко дворцу, толпы встрѣтили короля громкимъ «ура!», королеву пропустили почти молча, а герцога Орлеанскаго, за его ссору съ дворомъ, припали съ посторгомъ. Даже Мирабо впервые удостоился народнаго привѣтствія.

Рѣчи при открытіи, 5 мая, были сказаны королемъ, хранителемъ большой печати и министромъ финансовъ. Въ нихъ заключалось признаніе правительства въ своемъ полномъ неумѣіи и въ своей безпомощности. Это внушило самостоятельнымъ умамъ въ собраніи смѣлость взять въ свои руки бразды правленія.

Рѣчь короля была полна доброжелательства, но въ ней не было политическаго содержанія. Вообще она мало касалась положенія общественныхъ дѣлъ. Изъ всего сказаннаго сюда, отнеслось лишь слѣдующее признаніе: «Государственный долгъ, громадный уже въ началѣ правленія Людовика XVI, возросъ еще болѣе, благодаря дорогой, по славной американской войнѣ, результатомъ которой было возвышеніе податей, особенно тягостныхъ вслѣдствіе ихъ неравномѣрнаго распредѣленія». Затѣмъ два раза упоминалось о господствующемъ настроеніи умовъ: «Всеобщее безпокойство, крайне горячее желаніе нововведеній овладѣли умами. Это могло бы совершенно сбить съ толку общественное мнѣніе, если бы не успѣли положить всему конецъ соединеніемъ мудрыхъ

совѣтовъ съ умѣренными». И еще: «Умы въ броженіи, но собраніе народныхъ представителей будетъ, разумѣется, внимать только голосу благоразумія и мудрости».

Итакъ, изъ королевскихъ устъ не вышло ни приказанія, ни совѣта. Это значило просто: «Vogue la galère! (Была не была!)» Корабль оставлялся на произволъ волнъ и бури.

Затѣмъ выступилъ хранитель печати, Барантенъ, съ длинной напыщенной рѣчью, большая часть которой, по словамъ Мопитера, пропала для слушателей, благодаря слабому голосу оратора. Министръ началъ пышными фразами о царствованіи Людовика XVI; затѣмъ восхвалялъ необходимость правленія съ участіемъ народа; главнаго же вопроса, какъ совѣщаться и подавать голоса сословіямъ, вмѣстѣ или порознь, онъ коснулся лишь вскользь.

„Король, сказалъ онъ, не измѣнилъ прежней, т. е. носословной, формы совѣщаній. И хотя, какъ кажется, желательнѣе поголовное совѣщаніе, представляющее ту выгоду, что при немъ лучше можно узнать общія потребности, все-таки королю угодно, чтобы эта новая форма вступила въ силу не иначе, какъ съ свободнаго согласія государственныхъ чиновъ и съ одобренія его величества».

Въ заключеніе явился пользовавшійся всеобщимъ довѣріемъ Неккеръ, рѣчи котораго всѣ ждали съ большимъ напряженіемъ.

Если гдѣ проявляется его безграпичное самообольщеніе, такъ это въ настоящей рѣчи. Неккеръ досталъ довольно объемистую рукопись и въ продолженіе трехъ смертельно-скучныхъ часовъ читалъ собранію цифры и приходно-расходныя статьи. Слушатели, разумѣется, послѣ первой же трети потеряли терпѣніе. И таковая пошлая рѣчь еще должна была представлять своего рода уловку! Въ результатѣ чтенія оказывалось, что у Франціи долгу всего только 56 милліоновъ, которые можно покрить сбереженіями. Стало бытъ, собственно не было финансовой необходимости прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, и король только по своей безогочной милости доставилъ націи этотъ случай высказать свои желанія. Итакъ, передъ нами обращикъ и царедворца, преклоняющагося передъ высшими, и рутинера-счетчика, умѣющаго искусно группировать цифры для низшихъ. О послѣднемъ мы говорили уже прежде.

Главныя числа, въ которыхъ тутъ было все дѣло, остались утаенными. А онѣ представляли совершенно другіе результаты. Въ дѣйствительности, государство, по старому дурному обычаю, въ ту минуту, какъ произносилась эта рѣчь, уже передержало изъ текущихъ доходовъ 271½ милліонъ. Къ этому надо прибавить 160 милл. не уплаченной ренты да 120 милл. министерской

недоимки ¹⁾). Сумма составляла текущій долгъ въ 551½ милл., на покрытіе котораго не было вовсе средствъ. Такого положенія финансовъ рѣшительно нельзя было поправить безъ переворота во всемъ государственномъ порядкѣ. Въ виду такого-то факта у Неккера достало далеко не завиднаго мужества говорить лишь о 56 милліонахъ!

Повторяю, рѣчь Неккера была уловкой: скучными цифрами онъ хотѣлъ утомить слушателей, а приврашеннымъ результатомъ обмануть ихъ насчетъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Мѣсяца два спустя, онъ долженъ былъ явиться передъ собраніемъ за разрѣшеніемъ займа въ сотни милліоновъ.

Повѣрка выборовъ.

Важнѣйшимъ вопросомъ для будущаго, какъ правительства, такъ и сословій, было пока слѣдующее: какъ совѣщаться собранію?

Отвѣчать на этотъ вопросъ законъ дозволялъ только одному правительству. Не воспользоваться этимъ правомъ значило подчиниться произволу революціи. Опыты послѣднихъ 15-ти лѣтъ все сводились къ одному вопросу: можно совѣщаться со старыми чинами, или нѣтъ? Такъ какъ отвѣтъ былъ отрицательный, то и прибѣгнули къ государственнымъ чинамъ. Тюрго, Неккеръ, Калонъ, Бриенъ—все они потерѣли неудачу съ привилегированными, какъ бы они тамъ ни назывались, парламентами или патаблями. Благодаря ихъ сопротивленію, государственная машина припла, наконецъ, въ такой застой, что сами привилегированные, желая овладѣть королевскою властью, потребовали государственныхъ чиновъ. И правительство согласилось на это, въ свою очередь имѣя въ виду обуздать привилегированныхъ. Если бы обѣ стороны знали, что дѣлали, у нихъ волосы стали-бы дыбомъ.

Дозвольте король совѣщаться по сословіямъ, два сословія подали бы голосъ противъ одного. Эти же два отвергали все, что шло въ разрѣзъ съ старымъ порядкомъ. Тогда это, болѣе чѣмъ 1100-головое тѣло представило бы то же зрѣлище, которое мы видѣли доселѣ въ парламентахъ и у патаблей.

Потому-то и было, со стороны правительства, паразитильно-наивно установить двойное правительство третьяго сословія и

¹⁾ Цифры эти Гейссеръ приводитъ по Зиберу. Воiteau вычисляетъ передержки въ 262 милліона. О.

въ то же время желать подачи голосовъ по сословіямъ, причѣмъ это двойное представительство ничего не значило. Вообще дѣло правительства было не желать, а приказывать, не то ему пришлось бы во всемъ подчиниться. Это-то съ нимъ и случилось.

Начались пренія о повѣрѣй выборахъ и полномочій.

Уже тутъ пути чиновъ далеко разошлись. 6-го мая собралось духовенство и дворянство, каждое въ своемъ помѣщеніи. Они приступили къ повѣрѣй выборовъ, какъ будто и не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что это занятіе, какъ и всякое другое, каждое сословіе должно вести особнякомъ. Они ссылались при этомъ на послѣднія собранія государственныхъ чиновъ 1588 и 1614 годовъ ¹⁾.

А по мнѣнію третьяго сословія, точно также не подлежало сомнѣнію, что здѣсь тотчасъ же должна начаться общая дѣятельность. Оно подождало часа два въ отведенномъ ему мѣстѣ, которое въ то же время было назначено общимъ сборнымъ пунктомъ, и разошлось до слѣдующаго дня, узнавъ въ 2 часа, что другія сословія желали отдѣльныхъ совѣщаній. Оно тщательно избѣгало всякаго поступка, намекавшаго на устройство собранія, и изъ котораго можно было бы заключить объ его одобреніи отдѣльныхъ совѣщаній.

7-го мая, по предложенію Мунье, третье сословіе приглашаетъ себя два остальныхъ частныхъ образомъ, такъ какъ Мирабо объявляетъ, что официальной депутаціи къ нимъ быть не можетъ, пока не провѣрятъ ихъ выборовъ и не устроится собраніе. Лица вышшаго дворянства и духовенства, разумѣется, не являются, но и третье сословіе не измѣняетъ своего положенія. 11-го мая духовенство избираетъ посредниковъ (commissaires conciliateurs), между тѣмъ какъ дворянство, считая себя уже устроившимся, поступаетъ такъ, какъ будто вромѣ него нѣтъ никого на свѣтѣ. 13-го мая отправляетъ и оно депутацію къ третьему сословію для сообщенія ему своихъ рѣшеній. Оно требуетъ, чтобы и третье сословіе назначило комиссаровъ для присутствованія при повѣрѣй выборовъ и для открытія совѣщаній. Но это послѣднее не двигается съ мѣста.

¹⁾ Какъ характеристична эта ссылка привилегированныхъ сословій на старыя государственныя чины, читатель можетъ видѣть изъ слѣдующаго случая: бывшаго на собраніи чиновъ 1614 года. Саваронъ, депутатъ города Клермона, называетъ дворянъ „старшими братьями третьяго сословія“. Дворяне обидѣлись и сказали ему: „Мы вовсе не желаемъ, чтобы дѣтя сапожниковъ и чеботарей называли насъ своими братьями. Между нами и тобой такая же разница, какъ между господаномъ и слугой“. Ред.

Это страдательное поведеніе характеристично для настроенія, преобладающаго въ этомъ большомъ собраніи.

Объ этомъ собраніи обыкновенно судятъ по аналогіи съ позднѣйшими. Представляютъ себѣ на подборъ геройскія, рѣшительныя, даже крайнія натуры, уже заранѣе готовыя на самыя смѣлыя поступки. Но это не вѣрно. Намъ извѣстно изъ непосредственныхъ свидѣтельствъ того времени, изъ единодушныхъ заявленій лицъ, наиболѣе посвященныхъ въ дѣло, что это собраніе 557-ми членомъ было, какъ и всякое другое въ этомъ родѣ, чѣмъ-то неопредѣленнымъ, безконечно разнообразнымъ, полутысячною массой, въ которой очень немногіе знали своихъ сосѣдей. Въ ней не было еще ни партій, ни частныхъ или общихъ вождей.

Чтобы изъ подобныхъ элементовъ могло образоваться что-нибудь въ родѣ конвента, для этого необходимы продолжительное политическое движеніе и необыкновенное возбужденіе страстей. А чего не перенесла Франція, пока въ ней не возникъ конвентъ! Даже Мирабо, которому суждено было впоследствии сдѣлаться душою собранія, стоятъ еще вполнѣ особнякомъ. Каждый разъ, какъ онъ говоритъ, его предложенія, по увѣренію Бальи, встрѣчаютъ, при всемъ удивленіи къ его таланту, всеобщее непреодолимое недовѣріе ¹⁾. Его лучшимъ заявленіямъ приходится прежде всего преодолевать нерасположеніе, съ которымъ относятся къ оратору за его нечистое прошлое и за его позорную жизнь.

Происшествіе 6-го мая характеристично въ этомъ отношеніи.

На другой день по открытіи государственныхъ чиновъ, былъ запрещенъ королевскимъ указомъ, какъ нарушающій законы о печати, листокъ, „Etats généraux“, въ которомъ Мирабо хотѣлъ обнародовать и обсуждать пренія. На самомъ дѣлѣ, во Франціи уже не существовало законовъ о печати. Со времени министерства Бриена одинъ только парижскій парламентъ осмѣлился увеличить свою непопулярность сожженіемъ одной непріятной для него книги. Правительство же давно не знало цензуры. А теперь ему вдругъ вздумалось выказать къ Мирабо строгость, на которую не хватало духу уже цѣлыхъ два года.

¹⁾ „Всѣхъ его предложеній остерегались; къ высказанному имъ совѣту относились неблагоклонно, а между тѣмъ дивились его таланту“. Мém. I. 303 sqq. Съ этимъ согласны собственныя слова Мирабо въ одномъ изъ его писемъ: „Въ рядахъ привилегированныхъ слышится, что общипы охотило мое коварное, роковое краснорѣчіе; въ общинахъ говорятъ, что изъ слишкомъ большаго усердія я проигралъ общественное дѣло; тамъ составляютъ заговоръ, здѣсь интригуютъ; всюду я служу точкой прищѣпа для клеветы, а все-таки иду себѣ своей дорогой“.

Мирабо напечаталъ громовое письмо къ своимъ избирателямъ. Дѣло положительно шло о важномъ вопросѣ, касавшемся не одного этого депутата; а собраніе молчало, никто не раскрылъ рта. Мирабо выпустилъ противъ правительства другое письмо, въ которомъ говорилось: «Стало-быть правда, что думають вовсе не объ освобожденіи націи, а, напротивъ, объ отягченіи ея оковъ? Стало-быть правда, что предъ лицомъ собравшейся націи осмѣливаются выступать съ придворными постановленіями, посягающими на самыя священныя ея права? Стало-быть правда, что, желая къ пасмѣшкѣ присоединить еще оскорбленіе, стараются, въ своемъ неимовѣрномъ ослѣпленіи, внушить ей, что это дѣло министерскаго произвола есть доказательство нѣжнаго попеченія объ ея собственномъ благѣ?.. Всякій знаетъ теперь, что такія коварныя мѣры истекають именно изъ министерства, а король къ нимъ непричастенъ. И такъ справедливо, что въ одно и то же время мы быстро и рѣшительно направляемъ свой корабль къ равенству и прочно сидимъ еще въ тискахъ деспотизма... 25 милліоновъ голосовъ требуютъ свободы печати, нація и король единодушно желаютъ общей дѣятельности всѣхъ свѣтлыхъ умовъ,— и вотъ, одурачивъ насъ обманчивою, коварною терпимостью, мнимо-народное министерство имѣетъ паглотъ запечатывать наши мысли, предоставлять лжи свободу торговли и запрещать, какъ контрабанду, необходимый вывозъ истины».

Въ Версали затрепетали. Продолженіе листка Мирабо появилось подъ измѣненнымъ заглавіемъ: *Lettres à mes commettants*. По, между тѣмъ, какъ нарижскіе избиратели дѣлали заявленія въ пользу Мирабо и угрожаемой въ его лицѣ свободы печати, въ собраніи никто не пошевельнулъ пальцемъ. Онъ это очень хорошо знаетъ и однажды пишетъ: «Я не рѣшался на смѣлныя предложенія, такъ какъ былъ убѣжденъ, что, дойди дѣло до серьезнаго, эти господа все-таки одумаются и покинутъ меня. Поэтому будемъ выжидать». Впрочемъ, въ этомъ письмѣ особенно характеристично рѣзкое различіе, проводимое Мирабо между министерствомъ и королемъ. Первое онъ предоставляетъ ненависти, во второму же старается поддержать уваженіе, какъ къ естественному союзнику націи.

Раздоръ между чинами продолжается, не ослабѣвая. Дѣлаются различныя предложенія посредничества. Мирабо напоминаетъ третьему сословію, что оно дѣйствуетъ совершенно справедливо. А Буасси д'Англа произноситъ пророчество: «Настаетъ день, когда вы вспомните давно забытую истину, что просьбы народа—приказаніе, его жалобы—законъ, и что, въ дѣйствительности, вся нація пребываетъ здѣсь, тогда какъ остальные чины—только

«ся отдѣльныя части». Плодомъ переговоровъ между посредниками трехъ чиновъ, длившихся отъ 23 до 25 мая, было ничто иное, какъ усиленіе крайностей, лавируя среди которыхъ, стоитъ насторожѣ духовенство.

И сюда-то, 28 мая, вмѣшался дворъ. Какъ всё его поступки, такъ и этотъ шагъ объясняется колебаніемъ двухъ партій, терзавшихъ короля, изъ которыхъ худшая знаетъ, по крайней мѣрѣ, чего ей не хочется, тогда какъ лучшей неизвѣстно даже, чего ей хочется.

«Меня увѣдомили, говорилось въ письмѣ короля, что затрудненія, возникшія относительно повѣрки выборовъ, продолжаютъ еще, несмотря на всѣ старанія ихъ устранить. Не безъ огорченія и даже съ безпокойствомъ вижу я бездѣйствіе національнаго собранія, которое я созвалъ съ тѣмъ, чтобы оно, въ союзѣ со мной, вело къ возрожденію мое королевство. Если такъ будетъ дальше, то собраніе разрушитъ всѣ надежды, которыя я возлагалъ на его дѣятельность, имѣя въ виду счастье моего народа и процвѣтаніе государства».

И здѣсь опять только желанія, надежды, сожалѣнія, опасенія, но ни одного рѣшительнаго слова, ни одного свѣтлаго совѣта, не говоря уже объ умѣстномъ приказаніи. По крайней мѣрѣ, нельзя было назвать приказаніемъ объявленный указъ о возобновленіи на слѣдующій день переговоровъ, въ присутствіи и подъ руководствомъ нѣсколькихъ правительственныхъ комиссаровъ. Мирабо дѣлаетъ рѣшительныя предложенія. Но 29 мая еще проводится умѣренное мнѣніе слова понытать переговоры.

Переговоры снова начались и снова прекратились, не вызвавъ примиренія. Такимъ образомъ, нерѣшительность продолжалась 6 недѣль. Однако положеніе дѣлъ значительно уяснилось. Король снова доказалъ свою нерѣшительность; дворянство ясно обнаружило свое слѣпое, неприступное упрямство. О видахъ на дешевое соглашеніе съ такимъ безуміемъ не могло быть и рѣчи. Это значило: *sint ut sunt, aut non sint*. Мало того. Среди самого дворянства была партія друзей Америки, составлявшая сильное меньшинство, на которое могло разсчитывать третье сословіе. Духовенство же, съ своимъ большинствомъ приходскихъ священниковъ, вовсе не обѣщало упорнаго сопротивленія въ случаѣ, если-бы кто-нибудь мужественно взялся за дѣло. Полное единодушіе было только въ третьемъ сословіи. А къ этому прибавился еще извѣстный возраставшаго недовольства.

Шесть недѣль прошло съ тѣхъ поръ, какъ собрались государственныя чины, отъ которыхъ ожидали безконечно много. Въ продолженіе всего этого времени безплодно спорили о вопросѣ,

котораго не могли даже и уяснить простолюдину. Кто въ дни подобныхъ колебаній дѣйствуетъ, и дѣйствуетъ быстро, предлагаетъ что-нибудь возможное, удобоисполнимое, за тѣмъ слѣдуетъ масса. Такъ всегда бываетъ. Возьми на себя починъ дѣла королевская власть, народъ пошелъ бы за нею, такъ какъ ему пузно было выйти изъ этого невыносимаго перелома. Не сдѣлать такого шага—значило отказаться отъ него въ пользу другой силы, которая и рѣшилась бы на него вмѣсто правительства. Такъ и случилось.

Третье сословіе, какъ національное собраніе.

10 іюня Мирабо помогъ появиться рѣшительному предложенію. Онъ взошелъ на трибуну и своимъ львинимъ голосомъ потребовалъ у слушателей вниманія къ чрезвычайно важному предложенію, которое хотѣлъ сдѣлать робкій аббатъ Сіейсъ, депутатъ отъ Парижа.

Сіейсъ изложилъ свою мысль въ немногихъ словахъ. Прежде всего онъ засвидѣтельствовалъ, что, при долгихъ переговорахъ съ обоими высшими чинами, третье сословіе «держало себя откровенно и безпристрастно, за что тѣ платили ему лицемеріемъ и хитростью (*hypocrisie et subterfuges*)». Затѣмъ онъ напомнилъ собранію, что оно не можетъ оставаться долѣе въ бездѣйствіи, не парущая своихъ обязанностей относительно избирателей и страны. Въ заключеніе предложилъ въ послѣдній разъ призвать (*une dernière sommation*) дворянство и духовенство въ залу третьяго сословія для повѣрки выборовъ сообща и потомъ, занеся въ протоколъ не явившихся, безотлагательно приступить къ устройству собранія. Предложеніе было встрѣчено съ живымъ одобреніемъ. Оно было лозунгомъ, началомъ революціи. Послѣ легкаго смягченія формы (вмѣсто «*sommation*» поставили «*invitation*»), предложеніе дѣйствительно получило силу постановленія.

12 іюня третье сословіе оправдывало, въ адресѣ къ королю, принятое имъ рѣшеніе. На другой день, несмотря на упорство привилегированныхъ, началась повѣрка выборовъ. Уже въ это самое засѣданіе явились, приветствуемые всеобщимъ энтузіазмомъ, три приходскіе священника и присоединились къ третьему сословію. Дворянство между тѣмъ начало попрежнему уклоняться. Пока длилась повѣрка, въ третье сословіе не переставали переходить одинъ за другимъ приходскіе священники. 15 числа занятіе окончилось. Благодаря этому, третье сословіе сдѣлалось представителемъ націи: позывало только позванія.

Объ этомъ поднялись оживленныя пренія, длившіяся отъ 15 до 17 іюня.

Среди предложеній, болѣе или менѣе сознательно проникнутыхъ мыслию о всемогуществѣ собранія и завершавшихся названіемъ *assemblée nationale*, Мирабо потребовалъ имени представителей французскаго народа (*représentants du peuple français*). Далѣе, по его мнѣнію, идти не слѣдовало. Всякое болѣе сильное названіе было бы незаконіемъ, въ которомъ, можетъ-быть, пришлось бы потомъ раскаиваться. Онъ совершенно ясно понималъ ужасную опасность, представляемую единственнымъ собраніемъ съ неограниченною верховною властью. Передъ нимъ, напротивъ, носился образъ прочной конституціонной монархіи, вовсе несомнѣстной съ подобнымъ парламентскимъ полномочіемъ. Много было сказано тогда блестящаго, но одинъ Мирабо говорилъ, какъ государственный мужъ. Собраніе тогда еще не желало, чтобы парламентъ переросъ монархію. Къ ней въ палатѣ были вполне расположены еще $\frac{9}{10}$; но онъ не видѣли опасности, заключавшейся въ имени, и потому ихъ можно было увлечь за предѣлы ихъ цѣли. Мирабо произнесъ тогда рѣчь, имѣвшую всемірно-историческое значеніе.

Послѣ короткаго обзора положенія дѣлъ, причеиъ было подвергнуто безпощадной критикѣ поведеніе дворянства, и послѣ нѣсколькихъ замѣчаній насчетъ неуцлюжаго имени, предложеннаго Сіейсомъ для третьяго сословія, онъ сказалъ:

„Не выбирайте названія, которое можетъ испугать кого-нибудь. Ищите такое, которое у васъ нельзя было бы оспаривать. Пусть оно будетъ мягче, но не менѣе внушительно по своей полнотѣ. Оно должно годиться для всѣхъ временъ, быть доступно всякому развитію, допускаемому событиями, а въ крайности служить оружіемъ на защиту и распространеніе правъ и убѣжденій націи. Это названіе выражается, по моему мнѣнію, словами: представители французскаго народа.“

„Кто можетъ оспаривать у васъ это имя? И чѣмъ не станеть оно, когда будутъ извѣстны ваши убѣжденія, когда вы создадите хорошіе законы и пріобрѣтете общественное довѣріе?“

Въ рѣчи Мирабо было тщательно взвѣшено каждое слово; но ее не оцѣнили по достоинству. Онъ говорилъ далѣе о veto и объ опасностяхъ парламентарскаго деспотизма. Уже и теперь пастойчиво убѣждалъ онъ не покидать легкомысленно твердой почвы дѣйствительности.

«Когда метафизикъ путешествуетъ по ландшафтѣ, онъ легко скользитъ по всякой неровности, онъ не отстуетъ ни передъ горами и пустынями, ни передъ рѣками и пропастями. Если же

мы въ дѣйствительности захотимъ совершить такое же путешествіе и достигнуть своей цѣли, то должны постоянно помнить, что странствуемъ по землѣ, а не въ идеальномъ мірѣ“.

Вечеромъ того же дня Мирабо возвращается въ жестоко оспариваемому veto и восклицаетъ:

„Я считаю королевское veto до такой степени необходимымъ, что желалъ бы лучше жить въ Константинополѣ, чѣмъ во Франціи, еслибъ его не было у короля. Да, объявляю здѣсь: я ничего не могу представить себѣ страшнѣе верховной аристократіи изъ 600 человекъ, которые завтра провозгласятъ себя несмѣтными, послѣ завтра—наслѣдственными и наконецъ, какъ всѣ аристократіи въ мірѣ, захватятъ все въ свои руки.“

Это была въ трехъ словахъ исторія конвента. Но ея не поняли. Теперь боялись только монархіи и защищались съ той стороны, откуда былъ нанесенъ послѣдній ударъ.

Вечеромъ 16 числа Мирабо произнесъ еще третью большую рѣчь, въ которой старался, при возраставшемъ ропотѣ собранія, устранить презрительный второстепенный смыслъ слова *peuple*. Утромъ 17 числа было принято названіе *assemblée nationale*.

Въ постановленіи объ этомъ самое важное мѣсто было слѣдующее:

„Названіе національнаго одно прилично этому собранію при настоящемъ положеніи вещей, такъ какъ его сочлены суть единственные представители, признанные закономъ и извѣстныя обществу—такъ какъ они высланы непосредственно почти всею націей—такъ какъ, наконецъ, въ силу нераздѣльнаго единства представительства, ни одинъ депутатъ, изъ какого бы сословія или класса онъ ни былъ избранъ, не имѣетъ права пользоваться своими полномочіями влѣ сего собранія.“

Въ связи съ этимъ находятся два постановленія, единодушно принятія, но предложенію Тарже, и относящіяся къ бѣдственному положенію государства и народа. Объявляется:

1) Назначенные подати и палогі, хотя установленные и взимаемые противозаконоу, должны собираться прежнимъ порядкомъ до того дня, въ который разойдется собраніе. Но послѣ этого дня не можетъ происходить взиманія какихъ бы то ни было податей или палоговъ, исключая тѣхъ, которые свободно и формально разрѣшить собраніе. Далѣе. Пока не послѣдуетъ новѣрки и утвержденія государственнаго долга, государственнымъ заимодавцамъ стоять подъ защитою чувства чести и законности французской націи.

2) При самомъ началѣ своей дѣятельности, собраніе считаетъ своею первою обязанностью изслѣдовать причины, вызвавшія голодъ въ провинціяхъ государства, и изыскать средства къ самой

дѣйствительной и быстрой помощи. Съ этою цѣлью оно учреждаетъ комитетъ и проситъ короля доставить ему всѣ необходимыя справки.

Это постановленіе имѣло всемірно-историческое значеніе. Было объявлено самое полное притязаніе на исключительное право народныхъ представителей устанавливать подати. Государственнымъ заимодавцамъ была брошена приманка: мы ручаемся-де въ обязательствахъ, данныхъ вамъ государствомъ. Многимъ же тысячамъ, для которыхъ насущный хлѣбъ былъ важнѣе гражданской свободы, было обѣщано утоленіе голода.

Засѣданіе въ мячной залѣ и „королевское засѣданіе“ (20—23 іюня).

По всей Франціи слышался лишь одинъ голосъ—голосъ радостной признательности за это постановленіе. Если-бы король и министерство послушались только своего влеченія и инстинкта самосохраненія, то и они имѣли бы полное основаніе одобрить его. Они бы сказали сами себѣ: «Пусть такъ! Мы ихъ руками жаръ загребли. Привидываемся полупринужденными и говоримъ: да». Въдь, король и министерство не любили привилегированныхъ. Но тутъ возобновляется старая борьба противорѣчивыхъ вліяній, игрушкой которыхъ, какъ намъ извѣстно, было правительство. Послѣ двухъ или трехъ дней колебанія, вопросъ былъ рѣшенъ. Король принялъ дѣло привилегированныхъ за собственное. Онъ рѣшился еще разъ сосредоточить свои послѣднія силы на государствennomъ перепоротѣ и отважился на это не для себя, а для своихъ влѣйшихъ враговъ.

Засѣданія 20 іюня ожидали съ большимъ напряженіемъ. Падѣлись на переходъ къ третьему сословію большей части духовенства, ставшей наканунѣ за общую повѣрку выборовъ, тогда какъ дворянство протестовало противъ постановленій 17 числа во имя старой „конституціи“.

Массамъ стекавшейся публикѣ и депутатамъ, желавшимъ въ 9-ти часамъ собраться въ залу засѣданій, готовилась неожиданность другаго рода. Они увидѣли, что входятъ занерты и заняты солдатами. На улицахъ было прочтено объявленіе, объяснявшее это необходимостью приготовить залы для королевскаго засѣданія, которое его величество намѣревался открыть 22 іюня.

Этимъ помѣшали соединенію обоихъ сословій, что и было

истинною цѣлью правительства. Думали, что тѣмъ дѣло и кончится. Но было поздно.

600 человекъ образовали силу, за которою стояло крайне-возбужденное общественное мнѣніе. Попытка заставить собраніе молчать обратилась въ новое торжество третьяго сословія и въ новое пораженіе правительства.

Негодующіе депутаты говорили: «Если намъ нельзя засѣдать здѣсь, такъ мы пойдемъ куда-нибудь въ другое мѣсто, достаточно просторное для насъ». Они отправились, въ сопровожденіи большой толпы народа, въ мячную залу (jeu de paume).

Здѣсь они излили все свое негодованіе на поступокъ правительства. Но, не ограничиваясь этимъ, они высказали также рѣшеніе оставаться вѣрными другъ другу и не уступать никакимъ мелочнымъ придиркамъ. Тутъ кто-то предложилъ, чтобы члены собранія одинъ за другимъ принесли торжественную присягу не разлучаться, гдѣ бы они ни принуждены были засѣдать, пока не будетъ восстановлена, и притомъ на прочныхъ основаніяхъ, конституція. Ему отвѣчали согласіемъ со всѣхъ сторонъ. Протестовалъ только какой-то Мартенъ, но «противъ него, по словамъ Монитера, поднялся общій крикъ негодованія». Увлеченное пылкимъ одушевленіемъ, собраніе принесло присягу, и впечатлѣніе торжественной сцены отразилось во всей Франціи.

Слѣдующее засѣданіе происходило 22 іюня въ церкви св. Людовика, куда принуждены были перейти, такъ какъ графъ Артуа не далъ уже мячной залы. Тутъ, при громкихъ вливахъ восторга, присоединилось къ третьему сословію 149 духовныхъ лицъ, съ двумя архіепископами и тремя епископами во главѣ.

«Королевское засѣданіе» было отложено до 23 числа.

Его напряженно ожидали. Никто не зналъ, что изъ этого выйдетъ; никто не предчувствовалъ, какъ далеко зайдетъ король. А король собирался, правда, въ силу своей власти, дать конституцію, но подчинивъ ее авторитету привилегированныхъ; собирался ограничить свою монархическую власть, но такъ, что это, пожалуй, вызвало бы новую революцію. Эта конституція никогда не осуществилась. Въ самый день своего объявленія она уже была изорваннымъ листомъ бумаги. Но эта неудача старой государственной власти, въ послѣдній разъ пытавшейся подняться, ободрила собраніе, вмѣсто того чтобы смирить его. А такъ какъ дворянство еще не понижало своихъ притязаній, то дѣло и дошло до кроваваго и самаго ужаснаго взрыва, имѣвшаго юбилейный успѣхъ.

23-го числа собрались, съ формальностями, поминавшими

подуначныя засѣданія, всѣ государственныя чины, чтобы выслушать приказанія короля.

Людовикъ взомель на тронъ и смущенно, робко, почти дрожа, сказалъ рядъ повелительныхъ словъ, которыя ему предварительно написали. Онъ приказываль, но его видъ противорѣчалъ приказанію. Онъ угрожалъ, но голосъ и жесты избличали его собственную душевную тревогу.

Послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ словъ, выражавшихъ неудовольствіе короля на то, что въ два мѣсяца государственныя чины не справились еще и съ первымъ вопросомъ—о формѣ совѣщаній, государственный секретарь прочель объявленіе въ пяти статьяхъ, изъ которыхъ первая уничтожила постановленія 17 числа. Затѣмъ читалось другое объявленіе въ 35 статей, въ которомъ заключался цѣлый рядъ либеральныхъ обѣщаній (о правѣ государственныхъ чиновъ на утвержденіе податей и займовъ, объ отменѣ поголовной подати, барщинъ и крѣпостнаго права, государственныхъ тюремъ и предписаній объ арестѣ, о введеніи провинціальныхъ чиновъ, также о печати и о судебныхъ преобразованіяхъ). Но было сказано, что новыя государственныя чины должны совѣщаться и подавать голоса, какъ старыя, т. е. по сословіямъ. Поэтому-то послѣдними словами короля и было: «Я повелѣваю вамъ, милостивые государи, тотчасъ же разойтись и завтра утромъ собраться каждому сословію въ отдѣльной совѣщательной залѣ для возобновленія вашихъ занятій».

Еслибъ устранилъ это выраженіе, то въ обѣщаніяхъ короля было бы больше, чѣмъ сколько требоваль нѣкогда Тюрго. „Если чего не достаетъ Франціи, сказалъ онъ однажды, такъ это конституціи“. А здѣсь были основныя черты конституціи, съ собраніями государственныхъ чиновъ, съ уничтоженіемъ феодализма и со многими благотѣльными преобразованіями. Но что прежде заслужило бы глубокую признательность, то считалось теперь не только недостаточнымъ, но даже оскорбительнымъ, такъ какъ послѣдними словами уничтожались всѣ обѣщанія предыдущихъ.

Не было-ли истиннымъ суетвріемъ думать, что привилегированныя стануть теперь подавать голоса иначе, чѣмъ въ послѣднія 15 лѣтъ? Не они-ли уничтожали все, что съ 1774 года предпринималось съ преобразовательною цѣлью? Всѣ обѣщанія становились пустыми, какъ только прибавляли къ нимъ фразу: „подавать голоса по сословіямъ“ (voter par ordre), что могло принести пользу однимъ привилегированнымъ классамъ, а уже никакъ не націи и престолу.

Вотъ въ чемъ заключалось ужасное безразсудство поведенія правительства 23 іюня. На словахъ обѣщали много, по тутъ-же,

заявляли о томъ, что было смертельно ненавистно всей Франціи. Притомъ король связывалъ судьбу своей глубоко потрясенной власти съ судьбою другой власти, уже пораженной въ самое сердце.

За королемъ послѣдовали всѣ министры, исключая Неккера, который „блисталъ своимъ отсутствіемъ“. Тогда удивлялись этому, какъ крайне либеральному и мужественному поступку. Но почему же не оставилъ онъ министерства, если былъ противъ подобнаго образа дѣйствій?

Какъ только король покинулъ залу, за нимъ немедленно вышли почти всѣ епископы, нѣсколько приходскихъ священниковъ и большая часть дворянства. Прочіе остались. Съ минуту они чувствовали себя безпомощными, пораженными. Быть-можетъ, величіе королевской власти снова подѣйствовало обаятельно на многихъ. Въ смущеніи смотрѣли они другъ на друга. Слышался глухой ропотъ, когда поднялся Мирабо.

Смѣло, задорно, какъ онъ еще никогда не говорилъ, и какъ никто не обращался къ третьему сословію, выступилъ онъ не по-старому, не противъ ослѣпленныхъ министровъ, морочащихъ короля, но прямо противъ „постыдной диктатуры“ вѣщности, который осмѣливается давать законы тамъ, гдѣ ему слѣдуетъ ихъ принимать, какъ „уполномоченному (mandataire) націи“.

«Я требую», воскликнулъ онъ, «чтобы вы, въ сознаніи своего достоинства и своей законодательной власти, не нарушали свято-сти присяги, не позволяющей намъ разойтись до составленія конститүціи».

Тутъ явился неизбежный оберъ-церемоніймейстеръ, маркизъ де-Брезе, и проговорилъ тихимъ, робкимъ голосомъ нѣсколько словъ.

«Громче!» закричали ему.

«Милостивые государи! сказалъ онъ теперь внятно. Вы слышали приказаніе короля?»

«Да, павинулся на него Мирабо: мы выслушали требованія, подсунутыя королю. Но не вамъ, который не можетъ быть ора-торомъ за него, не вамъ, который не имѣетъ здѣсь ни голоса, ни кресла, повторять его слова. А чтобы устранить всякое недо-разумѣніе и задержку, я объявляю, что, если вамъ поручено про-гнать насъ отсюда, такъ вамъ слѣдуетъ занастись разрѣшеніемъ на вооруженную силу, потому что мы не иначе опростаемъ это мѣсто, какъ только подъ паноромъ штыковъ»¹⁾.

¹⁾ Такъ говоритъ Монпьеръ. По народному же преданію, Мирабо сказалъ вмѣсто «Je déclare» и т. д. «Allez dire à votre maître que nous sommes ici par la volonté du peuple et que nous n'en sortirons que» etc.

«Да, да!» грянуло со всѣхъ сторонъ.

Мирабо вызвалъ силу штыковъ, и, разумѣется, въ такихъ случаяхъ необходимо начать и кончить. Нѣтъ ничего хуже, какъ не довести до конца государственнаго переворота. Даже о самыхъ крутыхъ мѣрахъ судятъ снисходительнѣе, когда переворотъ удастся; но при неудачѣ нѣтъ никакого спускожденія. Штыки были наготовѣ, и ничего не стоило разогнать ими собраніе, хотя, вочечью, этимъ не задушили бы еще революціи. Но король боялся употребить крайнюю мѣру.

Когда оберъ-церемоніймейстеръ передалъ ему рѣшеніе собранія, опъ сказалъ: „Если они не желаютъ уйти, пусть остаются“.

И такого-то человѣка хотѣли сълонить къ государственному перевороту и побудить къ смѣлымъ поступкамъ! Что можетъ быть нелѣпнѣе и несправедливѣе безсмысленныхъ обвиненій, старавшихся впослѣдствіи заклеить этого короля названіемъ кроваваго тирана? Онъ ни на волосъ не походилъ на такового.

Но при такомъ отвѣтѣ, 23-е іюня было днемъ проигранной битвы для королевской власти. Собраніе продолжало свои засѣданія.

„Милостивые государи! такъ закончилъ свое короткое предложеніе Сіейсъ: сегодня вы еще то же, чѣмъ были вчера“. Собраніе единодушно выразило свое желаніе держаться принятыхъ постановленій, къ которымъ, по предложенію Мирабо, присоединило еще новое. Оно касалось личной неприкосновенности каждаго депутата и объявляло всякаго, кто нарушитъ ее прямо или косвенно, безчестнымъ измѣнникомъ націи и уголовнымъ преступникомъ. При этомъ Мирабо сказалъ: „Сегодня я благословляю свободу за дорогіе плоды, созрѣвающіе черезъ нее въ національномъ собраніи. Заявить о неприкосновенности депутатовъ—значить по проговориться объ опасеніи, по слѣдовать внушенію благоразумія. Это—узда на совѣтчиковъ насилія, окружающихъ престолъ“.

25 іюня среди третьяго сословія явились первые депутаты отъ меньшинства дворянъ; между прочими герцогъ д'Эгильонъ, маркизь де-Тулонжонъ, Богарне, герцогъ Орлеанскій, графы Монморанси и Клермонъ-Топлеръ, Рошфуко, Лалли-Толандаль, Ламетъ, Лагуръ-Мобуръ,—все имена старѣйшихъ дворянъ, чрезвычайно популярныя послѣ американской войны.

Въ слѣдующіе 2—3 дня продолжался переходъ. Многіе изъ духовенства послѣдовали за приходскими священниками. Дѣло правительства было проиграно. Даже и сами привилегированныя, изъ любви къ которымъ король рисковалъ собою, не стояли прочно за государственный переворотъ.

27 и 28 іюня третье сословіе могло уже въ одномъ изъ своихъ донесеній сказать: „Мы—представители націй, мы—нація!“

Теперь уже самъ король писалъ предсѣдателямъ обоихъ первыхъ государственныхъ чиновъ, чтобы и они перешли къ остальнымъ. Онъ сдѣлалъ исключеніе лишь для тѣхъ, которымъ избиратели положительно запретили соглашаться на какое бы то ни было слияніе. Къ концу мѣсяца переворотъ окончился, поддерживаемый тою же самой силой, которая 23 числа старалась помѣшать ему во что бы то ни стало. Большинство дворянъ и духовенства сидѣло въ національномъ собраніи.

Монархія потерпѣла тяжкое пораженіе. Шесть недѣль она медлила и выжидала, потомъ угрожала и сопротивлялась и, наконецъ, отступила, сказавъ въ заключеніе „да“ и „аминь“. Если бы даже забыть ея прежнія ошибки, все-таки на ея сторонѣ та невыгода, что старая власть, уже обезсиленная нравственно своими страдательнымъ поведеніемъ, потеряла теперь и обаяніе страха. Никто не боялся ея больше. Національное собраніе заняло престолъ.

Придворныя интриги и перемѣна министерства.

Оставался еще одинъ путь исправить, если не все, то многое. Королю теперь слѣдовало быстро рѣшиться, какъ совѣтовалъ Мирабо еще 10 іюня, выбрать себѣ изъ этого могущественнаго собранія въ министры самыхъ вліятельныхъ людей и управлять въ духѣ большинства ¹⁾. По объ этомъ во дворцѣ никто и не ду-

¹⁾ О планахъ и взглядахъ Мирабо съ 10 іюня до конца мѣсяца прибавляемъ изъ замѣтокъ Гейссера слѣдующее:

„Въ разговорѣ съ Малуе (10 іюня), который долженъ былъ доставить ему свиданіе съ министрами Пеккеромъ и Мормореномъ и, дѣйствительно, доставилъ, хотя, разумѣется, это и было бесполезно, Мирабо высказался такъ: „Я желаю объясниться съ вами, потому что признаю въ васъ, несмотря на всю вашу умѣренность, друга свободѣ, и еще потому, что я, можетъ-быть, еще больше вашего ужасаюсь замѣчаемаго мною броженія умовъ и тѣхъ бѣдствій, которыя могутъ проистечь отсюда. Я не изъ такихъ, чтобы гнусно продать деспотизму. Я желаю свободнаго, но монархическаго устройства. Я не хочу поколебать монархію и вижу въ этомъ собраніи столько вредныхъ умовъ, столько поспѣтності и вслѣзчивости, а въ первыхъ сословіяхъ такое безразсудное упорство и раздраженіе, что, подобно вамъ, опасаюсь самыхъ ужасныхъ потрясеній, если вскорѣ не будетъ положенъ предѣлъ всему этому. Обращаюсь поэтому къ вашему прямодушію. Вы впрочемъ знакомы съ гг. Пеккеромъ и Мормореномъ; вы должны знать, чего они желаютъ и есть-ли у нихъ какой-нибудь планъ. Если это благоразумный планъ, я поддержу его“. Мém. de Mirab. VI p. 60. Сюда должно присоединить слѣдующее изъ вѣстия, помѣщенное Огкеномъ въ приложеніи къ его издачію. „Въ заявленіи Малуе, взятомъ изъ Beau lieu (Essais historiques sur la révolution de France, Paris, 1801, I, 140 vqq), находится замѣтка, упущенная изъ виду Гейссе-

маль. Тамъ поступили сперва безразсудно, какъ дѣти, и затѣмъ надули губки. Тамъ колѣтили только по столу, на который споткнулись, были недовольны всѣмъ и всѣми, исключая самихъ себя.

По всей Франціи прошло теперь бурное движеніе, совладать съ которымъ, быть-можетъ, собраніе было уже не въ силахъ.

„Нельзя передать, говоритъ одна тогдашняя брошюра, лихорадочнаго потрясенія, отъ котораго содрогнулся Парижъ, при одномъ словѣ: король все вычеркнулъ. Подать бы только сигналъ, и разгорѣлась бы междоусобная война. Въ провинціяхъ полный застой, почти нѣтъ хлѣба. А что же дѣлать, какъ не идти на—удалую, когда умираешь съ голоду“?

Народъ по провинціямъ засуетился. Въ то время получались сотни адресовъ, которые не только предлагали то и се въ общихъ, обыкновенно денежныхъ, выраженіяхъ, а прямо спрашивали: не пужно-ли идти въ Версаль защищать депутатовъ, которымъ грозитъ опасность?

Собраніе должно было сложиться въ этому взгляду, если не добровольно, то по необходимости. Парижъ, это гигантское тѣло, началъ тогда завлать свою, независимую отъ Версаля, личную политику, а стараго французскаго войска уже не существовало. Знаменитый полкъ французскихъ гвардейцевъ, составленный изъ цвѣта туземныхъ войскъ, безъ примѣси иностраннаго элемента, полкъ, въ которомъ соединялись обыкновенно геройство и рыцарственность, обратился въ разпузданную шайву, въ которой офицеры должны были бѣжать отъ своихъ солдатъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, не бываетъ недостатка въ мелочахъ, грязныхъ средствахъ, употребляемыхъ всякою революціей

ромъ и Дальманомъ. Изъ нея оказывается, что этотъ разговоръ Мирабо съ Малю происходилъ dans les derniers jours du mois de mai, а не 10 іюля; а переговоры Мирабо съ министрами были нѣсколько дней спустя“.

Затѣмъ, въ концѣ іюля, Мирабо (Basot: Correspondance de Mirabeau avec le comte de la Marck, Paris, 1851, I, 91 sqq.), на вопросъ, какъ пойдутъ дѣла, отвѣчаетъ: „Изъ погибели Франціи. Чтобы ее спасти, надо немедленно употребить единственное действительное средство. Система, которой слѣдуютъ теперь, пошла и невѣсна. Собраніе предоставляютъ самому себѣ и лстятся надеждой или силой подчинить его себѣ, на что отваживается аристократическая партія, или же обезоружить его пустыми, напыщенными рѣчами г. Пексера, тогда какъ правительству нужно было бы домогаться образованія себѣ въ немъ партіи помощью людей, способныхъ направлять собраніе, увлекать и обуздывать его“.

Нѣсколько дней спустя: „Сообщите во дворцѣ, что я гораздо болѣе настроенъ за нихъ, чѣмъ противъ нихъ“.

13 іюня умеръ отецъ Мирабо, оставивъ ему ренту въ 50.000 франковъ. Въ первый разъ въ жизни у него былъ надежный доходъ. Это убѣдило Ла-Марка, что Мирабо не было никакой нужды продаватьсѣ.

для пропаганды, — въ даровомъ бражничаньѣ, даровой ѣдѣ и т. д. Но нельзя думать, будто однимъ этимъ можно что-нибудь сдѣлать. Тамъ, гдѣ государственная жизнь не подгнила, такими средствами ничего не достигнешь. Солдатъ чуждался войска совершенно по тѣмъ же причинамъ, по которымъ гражданинъ отпалъ отъ стараго государства. Офицеръ былъ для него привилегированнымъ въ мундирѣ, и тѣмъ болѣе ненавистнымъ, что варварская дисциплина дѣлала это неравенство вдвое чувствительнѣе.

Когда теперь попытались заключить въ аббатство двухъ бунтовщиковъ, полкъ толпами прихлынулъ къ зданію, выломалъ двери и освободилъ товарищей. И ничей авторитетъ не могъ помѣшать этому или наказать за это.

Исчезъ страхъ къ прежнимъ пасивственнымъ мѣрамъ. Въ Панси случилось даже, что швейцарцы, на вѣрность которыхъ полагались, какъ на камешную гору, подали сигналъ къ бунту.

Таковы были обстоятельства, когда въ кружкахъ привилегированныхъ и придворнаго дворянства созрѣла мысль о необходимости еще разъ, но съ двойною энергіей, сдѣлать попытку, которая недавно не удалась, вслѣдствіе слабости. Слишкомъ дурно-де пачали. Слѣдуетъ начертать лучшій планъ дѣйствій. Въ особенности же нужно нанести сильный ударъ, и тогда все копчено.

Уже въ первыхъ числахъ іюля, тотчасъ вслѣдъ за мнимымъ примиреніемъ, начались дѣйствія, которыя можно считать подготовкой поваго политическаго переворота.

Произошло быстрое, внезапное перемѣщеніе войскъ. Всѣ войска, стоявшія въ Версалѣ и въ Парижѣ, были выведены и замѣнены швейцарскими, пѣмцевыми, фламандскими, валлонскими ¹⁾. Имъ предводительствовали ихъ собственные иноземные начальники, и на нихъ пока еще можно было положиться. Было несомнѣнно, что такое стагиваніе необыкновенно большаго числа войскъ имѣло цѣлью не личную защиту короля, а виѣшній гнетъ надъ собраніемъ, унущенный изъ виду 23 іюня.

Это по ускользнуло отъ собранія; и въ то время, какъ возбужденіе усиливалось, Мирабо началъ требовать отвода войскъ.

8 іюля онъ взомель на трибуну, чтобы не въ подробной, но сильной рѣчи изложить опасности минуты.

Онъ сожалѣеть, что довѣріе, едва возстановленное миролюбивымъ поведеніемъ короля, такъ быстро опять уничтожается опас-

¹⁾ У Boiteau (Etat de France, p. 248), перечисляются поля, собранные 14 іюня около Парижа. Между 19 полками большинство иностранныхъ. Тутъ были: Salis-Samaden, Chateauvieux, Diesbach, Esterhazy, Royal-Allemand, Royal-Suisse, Alvaes, Hesse-Darmstadt, Romains, Royal-Pologne.

нимъ скопленіемъ войскъ въ послѣдніе дни. Онъ порицаетъ правительство за то, что оно угрожаетъ свободѣ въ ея святилищѣ, національному собранію доставляетъ невиданное зрѣлище военныхъ силъ, собранныхъ не на защиту его, и вовсе не ограждаетъ его отъ оскорбительной „грубости восточной полиціи“. Онъ спрашиваетъ, къ чему все это должно повести?

Есть дешевая тактика—пугать противника всякими мнимыми опасностями, когда самъ боишься упасть. Не такова была тактика Мирабо. Онъ видѣлъ громадную опасность вторичнаго политическаго переворота, столь же неудачнаго, какъ первый, и неисчислимыя послѣдствія, возникающія отсюда для монархіи. Поэтому онъ предложилъ подать королю адресъ, который на другой день былъ прочитанъ при шумномъ одобреніи и единогласно (исключая 4 голосовъ) принятъ:

„Мы пришли для того, говорилось въ началѣ адреса, чтобы представить вашему величеству выраженіе нашей живѣйшей тревоги. Будь мы сами ея предметомъ, имѣй мы слабость опасаться за себя, вы соблаговолили бы снизить до успокоенія насъ и даже, при всемъ порицаніи за недоверіе къ вашимъ цѣлямъ, вы бы милостиво приняли наши опасенія, отстранили бы ихъ причину и не допустили бы неопредѣленности въ положеніи національнаго собранія.

„Но, ваше величество, мы умоляемъ васъ не о защитѣ: это значило бы оскорбить ваше чувство справедливости. У насъ есть опасенія, которыя,—мы осмѣливаемся это сказать—связаны съ чистѣйшею любовью къ отечеству, съ благомъ нашихъ избирателей, съ общественнымъ спокойствіемъ и съ счастьемъ любимаго монарха, который, уравнивая намъ путь къ блаженству, безъ сомнѣнія, самъ достоинъ идти по немъ безъ препятствій».

Послѣ нѣсколькихъ рѣзкихъ словъ о совѣтникахъ, которые втираются между чистымъ доброжелательствомъ короля и чисто-сердечнымъ доверіемъ народа, въ адресѣ сказано:

«Опасность отъ этого сгучиванія войскъ чрезвычайна, всеобща и превышаетъ всѣ соображенія человѣческой мудрости.

«Для народа она лежитъ въ провинціяхъ. Если тѣ вдругъ встревожатся за нашу свободу, мы не будемъ знать, чѣмъ обуздать ихъ. Уже одно разстояніе усиливаетъ, преувеличиваетъ все, удваиваетъ опасенія, прибавляетъ къ нимъ горечи и яду.

«Опасность есть и для столицы. Какими глазами долженъ смотрѣть этотъ голодный, страдающій народъ на множество грозныхъ войскъ, оснащенныхъ у него послѣднее пропитаніе?

«Присутствіе вооруженной силы будетъ разжигать, возмущать, возбуждать всеобщее волненіе. Первый шагъ правительства, сдѣ-

лапный подъ предлогомъ соблюденія порядка, можетъ отереть собою рядъ невыразимыхъ обѣдствій.

«Есть опасность и для самихъ войскъ. Французскіе солдаты, придвинутые къ средоточію общественныхъ совѣщаній, принужденные принять участіе какъ въ страстяхъ, такъ и въ интересахъ народа, могутъ забыть, что по присягѣ они солдаты, и вспомнить, что природа создала ихъ людьми.

«Опасность угрожаетъ труду, нашей первой обязанности, который только до тѣхъ поръ имѣетъ полный успѣхъ и надлежащій ходъ, пока народы вѣрятъ въ свою неограниченную свободу. Кромѣ того, въ возбужденіяхъ страсти кроется заразная сила. Мы тоже люди: недовѣріе къ самимъ себѣ, боязнь показаться слабыми, могутъ увлечь насъ за предѣлы нашей цѣли. Намъ стануть осаждать внушеніями, совѣтами безграничнаго насилія, а спокойный разумъ и кладнозрѣвая мудрость не вѣщаютъ среди волненій и бурныхъ сценъ возстанія.

«Опасность даже еще ужаснѣе. Вы можете судить объ ея размѣрахъ по тому смущенію, съ которымъ мы приходимъ къ вамъ. Великіе перевороты совершались по гораздо болѣе ничтожнымъ поводамъ. Сколько предиріятій, роковыхъ для націй и королей, было предзнаменовано далеко не такъ мрачно и странно!

«Мы всегда готовы новиповаться вашему величеству, потому что вы повелѣваете во имя законовъ. По теперь самая вѣрность наша требуетъ отъ насъ сопротивленія. Во имя отечества, во имя вашего счастья и вашей славы, мы заклинаемъ васъ отослать войска назадъ, откуда ваши совѣтчики вызвали ихъ. Ваше величество въ нихъ не нуждается. Что можетъ побудить монарха, обожаемаго 25 милліонами подданныхъ, овружить свой престолъ, съ большими издержками, нѣсколькими тысячами иностранцевъ?»

Въ этомъ адресѣ вовсе не было извѣстнаго запугиванья другихъ изъ собственнаго страха. Въ немъ заключалось предчувствіе, великой развязки.

Король принялъ его холодно. Онъ замѣтилъ, что если собраніе тѣготится близостью войскъ и желаетъ ихъ удаленія, то онъ готовъ перевести ихъ въ Нойонъ или Суассонъ, а самъ, для связи съ ними, отправится въ Компьень.

Затѣмъ собраніе не сдѣлало ни одного шага, несмотря на горячія требованія Мирабо. II, прежде чѣмъ оно могло сдѣлать что-нибудь, оправдались худшія опасенія, выраженныя въ адресѣ.

11 Іюля долженъ былъ послѣдовать государственнй переворотъ. Министерство Неккера распускалось: его замѣнила строгая реакція. Парижъ и Версаль умирались военною силой.

До послѣдней минуты планъ былъ извѣстенъ лишь немногимъ

посвященнымъ. Певверъ и не предчувствовалъ того, что подготавлилось. Въ то время, какъ онъ собирался обѣдать, королевскій лакей передалъ ему приказъ немедленно отправиться за границу. Только тогда, когда уже онъ достигъ Жепевскаго озера, стало извѣстно міру объ его отставкѣ.

Новое министерство, — Фулонъ, Брольи, Бретейль, — было дурно выбрано.

Бретейль принадлежалъ къ самой обезславленной части придворнаго дворянства и упоминался только въ обществѣ Полиньяка да графа д'Артуа.

Брольи былъ старый заслуженный воинъ. Онъ одинъ изъ всѣхъ участниковъ Семилѣтней войны не опозорилъ себя и въ глазахъ войска придавалъ хорошій видъ дурному дѣлу.

Самымъ несчастнымъ выборомъ былъ Фулонъ, одинъ изъ презанныхъ интендантовъ, и именно изъ тѣхъ, о которыхъ носились самые дурные слухи. Онъ слылъ за жестокосердаго, низкаго кровонійцу, о которомъ ходилъ разсказъ, будто во время голода онъ сказалъ: „Пусть народъ жретъ сѣно и солому: развѣ онъ лучше скота“? Въ Семилѣтнюю войну онъ былъ армейскимъ интендантомъ. При переходѣ французскихъ войскъ съ Рейна къ Везеру, онъ отдалъ извѣстное постыдное приказаніе все грабить и распорядился, чтобы, въ случаѣ отступленія, вся страна отъ Везера до Крефельда была обращена въ пустыню. Впрочемъ росбахскіе герои бѣжали въслѣдствіи слишкомъ скоро, чтобы еще разбойничать.

Отвѣтъ націи на перемѣну министерства былъ быстръ и ужасенъ. Повому министру не было суждено вступить въ свою должность: чернь внесла въ столицу его голову на пикѣ.

Великое возстаніе въ Парижѣ.

11 іюля еще ничего не было извѣстно. Не ранѣе полудня 12 числа разнесся слухъ, будто что—то готовится. Между тѣмъ національное собраніе занималось совершенно отвлеченными преніями о человѣческихъ правахъ и т. п. Событія двигались впередъ безъ его участія. Заправленіе дѣлами все болѣе и болѣе переходитъ теперь изъ Версаля въ Парижъ. А Парижъ, въ теченіи послѣднихъ дней, былъ уже неприцѣмъ самихъ сильныхъ волненій. Эта столица сама по себѣ была чрезвычайно благопріятна для всякой революціи, не столько по необыкновенно безпокойному духу своего населенія (въ этомъ случаѣ оно оказалось такимъ же

неповоротливымъ и медленнымъ, какъ и во всякомъ другомъ), сколько потому, что она, какъ гигантъ, осыпала собою всю Францію, и ея примѣръ имѣлъ такое громадное нравственное значеніе, какого не было ни у одной изъ остальныхъ частей монархіи.

Въ Парижѣ было около ста тысячъ человѣкъ, которые не знали, гдѣ переночевать. У нихъ не было ни хлѣба, ни крова, а послѣднимъ пристанищемъ служили имъ или смиренный домъ, или галеры.

Этотъ гигантскій городъ, съ своею плохую полиціей и почти неукротимымъ населеніемъ, былъ переполненъ горячимъ матеріаломъ для революціонныхъ страстей. Къ тому же онъ былъ недостаточно снабженъ жизненными припасами.

Въ теченіе послѣднихъ недѣль броженіе тихо прокладывало себѣ путь и до того охватило одну часть столицы, что уже передъ 11 іюля слѣдовало упрочить за собою городъ, чтобы не допустить его вмѣшаться въ политику на свой ладъ. Взбунтовался самый знаменитый полкъ французской пѣхоты, и уже не было силы, которая бы наказала его. Въ послѣдніе дни, какъ мы видѣли, вокругъ Парижа собрался лагерь изъ 19 полковъ, между которыми 10 было иностранныхъ (всего 30.000 человѣкъ). Едва ли этого было достаточно, чтобы вполне укротить такое населеніе, какъ тогдашнее парижское: но, конечно, этого было довольно, чтобы породить броженіе и ненависть.

При такихъ обстоятельствахъ, нельзя ничего дѣлать вполнину.

О полицейскомъ авторитетѣ въ Парижѣ уже не могло быть и рѣчи. Образовалась новая власть съ нравственнымъ авторитетомъ. То были избирательныя коллегии въ частяхъ столицы (électeurs), которыхъ въ извѣстной степени замѣнили пружною отжившую монархію. Такимъ образомъ, городъ походилъ на вулканъ передъ изверженіемъ. При такомъ-то настроеніи, когда солдаты объявили, что не станутъ стрѣлять въ народъ, въ виду иностраннаго лагеря подъ стѣнами, разнесся 11 іюля слухъ, что въ Версалѣ что-то затѣвается.

Столкнулись массы народа. Улицы вдругъ наполнились группами въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, которыхъ трудно было распознать. Тутъ были и спокойные, приличные граждане, вызванные изъ своихъ домовъ неизвѣстнымъ имъ безпокойствомъ, и недовольные молодые ремесленники, и собственно пролетаріи предмѣстій, и бѣлые колодники, и галерные каторжники, и всякая конфексованная сволочь, намѣревавшаяся ловить рыбу въ мутной водѣ. Эта огромная толпа забушевала.

Перваго намека молвы не на нѣчто случившееся, но на то, на

се, что должно совершиться, было достаточно, чтобы изъ всѣхъ мрачныхъ трущобъ столицы привлечь на свѣтъ божій демоническую силу, о которой старой монархіи вовсе и не грезилось. Эта монархія считала население такимъ спокойнымъ и миролюбивымъ, что воображала, будто ей еще лѣтъ 30 нечего бояться возстанія.

Сначала дѣло ограничилось отдѣльными вспышками. Разграбили двѣ булочныя. Вообще же не случилось ничего, выходившаго за извѣстные предѣлы порядка, насколько онъ поддерживался въ послѣднее время. Дѣло въ томъ, что уже нѣсколько недѣль тому назадъ сдѣбалось обыкновеннымъ, что тамъ и сямъ собирались густыя толпы и кто-нибудь всходилъ на первобытную трибуну и въ короткихъ словахъ говорилъ присутствующимъ о томъ, о семъ.

Мале-Рояль былъ маленькимъ городкомъ, не столько по своему объему, сколько по содержанию. Въ немъ были скучепи: кофейни, гостиницы, лавки, игорные и публичные дома. Все это принадлежало герцогу Орлеанскому, который получалъ отсюда довольно круглую сумму. Тутъ, въ саду, уже нѣсколько недѣль происходили собранія всѣхъ, кто не принадлежалъ ни въ одной изъ частей (section) города. Здѣсь говорились дикія, страстные рѣчи уже по однимъ господами безъ имени и званія, которые на мгновеніе всплывали на поверхность, чтобы исчезнуть навѣки, но и такими лицами, которыя стали извѣстны впоследствии, всемірно-историческое значеніе которыхъ зародилось здѣсь.

Камиль Демуденъ, человекъ чрезвычайно умный и краснорѣчивый, самый даровитый изъ позднѣйшихъ террористовъ, вступилъ въ это время въ общественную жизнь. Онъ нарвалъ (12 числа) листьевъ съ одного изъ окружавшихъ его деревьевъ и роздалъ ихъ, какъ знакъ отличія, друзьямъ свободы: это подало мысль о кокардѣ, которая, по словамъ Лафайета, должна была обойти весь міръ. Три цвѣта ея составились изъ краснаго и синеаго, цвѣтовъ столицы, и, въ знакъ примиренія, изъ бѣлаго, цвѣта старой монархіи.

11-е іюля окончилось при зловѣщихъ признакахъ наступающей грозы. Она еще не разразилась: еще не знали, что случится. Дальнѣйшее предстояло на другой день.

12-го іюля было воскресенье. Оно принесло болѣе точныя вѣсти изъ Версаля. Слухи были еще не объ отставкѣ Неккера, а о томъ, что онъ впалъ въ немилость. Послѣдовали заявленія въ честь его и принца Орлеанскаго, бюсты которыхъ торжественно носили по улицамъ. Между тѣмъ толпы черни грабили всюду оружейныя лавки.

Тѣмъ временемъ придвигались войска. Нѣсколько полковъ при-

близилось къ Марсову полю и даже къ Тюльери. Они расположились тамъ, повидимому, намѣреваясь съ оружіемъ наголо подавить дальнѣйшій мятежъ. Свидѣтельства о духѣ приходившихъ изъ Версаля приказовъ противорѣчили одно другому.

Недалеко отъ Вандомской площади впервые дѣло дошло до стычки. Въ этотъ день всѣ поступки войска носили на себѣ отпечатокъ перѣшителности и слабости двора. Наполеонъ замѣтилъ въ послѣдствіи, когда подавлялъ вандемьерское возстаніе, что въ подобныхъ случаяхъ необходимо стрѣлять вначалѣ пулями, а потомъ, пожалуй, и холостыми зарядами, но не наоборотъ. Для всякаго, кто въ такомъ положеніи хочетъ взять силой, конечно, это единственно вѣрный рецептъ. Здѣсь же все щадили, старались избѣгнуть крайнихъ мѣръ, а между тѣмъ употребляли достаточно силы, чтобы ожесточить противника. Дѣло нешло дальше стычекъ, въ которыхъ достаточно лилось крови, чтобы до крайности разжечь всеобщую ярость: но не произошло ничего, внушающаго страхъ.

День окончился при самыхъ тяжкихъ предзнаменованіяхъ для старой монархіи. По ея поведенію невозможно было рѣшить—или она не надѣется на свои средства, или, вопреки грозному виду, все еще не хочетъ употребить силы.

Вечеромъ 12 іюля Парижъ былъ въ такомъ возбужденіи, что свидѣтели всѣхъ партій изображаютъ его вполне необычайнымъ.

Тотъ общественный осадокъ, что въ мирное время прочно ложится на дѣш, не шевелясь, всплылъ теперь на поверхность. Шайки всякой дерзкой сволочи, которая заботилась не о свободѣ и человѣческихъ правахъ, а лишь о безнаказанномъ грабежѣ, осаждали жилищныя парижскихъ гражданъ, можно сказать, въ ихъ собственныхъ домахъ. Мирная, приличная часть городского населенія была оставлена на произволъ грабителей и убійцъ. Никто не могъ имъ помѣшать зажигать городъ, вламываться въ лавки, грабить частныя дома и убивать беззащитныхъ. Сами войска только способствовали ослабленію всякаго отпора безпорядку.

Положеніе и настроеніе всѣхъ, кто чуть дорожилъ собственностью и спокойствіемъ, было отчаянно. Теперь положительно нельзя было встрѣтить воинственнаго, геройскаго духа. Тутъ скорѣе царствовало чувство страха и безпомощности, доказывавшее, что значить пуститься вдругъ изъ состоянія правильнаго порядка въ открытое море анархіи.

Вооруженная сила уже не трогалась. Полки удалились, въ слѣдствіе высшихъ приказаній ¹⁾. Стало-быть, подлили масла въ огонь и удалились, не потушивъ пламени.

¹⁾ Опроверженіе этого устарѣлаго взгляда см. у Зибеля, I, 58 (9 изд.). О.

Такъ настало утро 13 іюля. Тысячи парижанъ радовались, что хоть дожили до него! Вдругъ зародилась мысль создать силу, организовать вооруженную самооборону для миролюбиваго класса гражданъ-собственниковъ.

Эта мысль возникла еще въ самомъ началѣ 1789 года, когда, при возмущеніи рабочихъ, былъ разрушенъ домъ одного фабриканта. Теперь, подъ гнетомъ двойной необходимости, вѣншей и внутренней, она снова пробудилась и приняла болѣе опредѣленный видъ.

Изъ коллегіи избирателей вышелъ планъ образованія національной гвардіи, стражей безопасности противъ толпы дикой черни. Набираться она должна была изъ 60 городскихъ частей въ числѣ 50.000 человекъ.

Планъ былъ чрезвычайно консервативенъ. Крайняя нужда внушила его лучшей части парижанъ. Первоначальное формированіе этой національной гвардіи пахотилось, во всѣмъ частямъ, въ рукахъ порядочныхъ, зажиточныхъ гражданъ: пролетаріатъ предметій былъ нарочно устранивъ. Уже въ теченіе дня образовалась, со свойственною французамъ быстротой и любовью къ военному дѣлу, почтенная вооруженная сила, конечно, неправильно устроенная и снаряженная, но все-таки такъ сгруппированная и руководимая, что она была въ состояніи устранять самыя дикія вспышки.

Съ одушевленіемъ и пылкимъ рвеніемъ ухватились парижане за новую мысль. Разумѣется, они не могли помѣшать жителямъ предметій достать себѣ оружіе, которое тѣ награбили въ арсеналахъ и оружейныхъ лавкахъ. То была своего рода національная гвардія низшихъ классовъ. Ихъ жертвой палъ на слѣдующій день вунеческій голова Флессель. Несчастный надѣялся обѣщаніями отдѣлаться отъ толпы, съ ревомъ требовавшей оружія. Но ему не удалось сдержать ее: разъяренная чернь положила его на мѣстѣ.

Утромъ 14 іюля національная стража была достаточно подготовлена къ бою. Но и шайки предметій собирались сдѣлать то же самое. Масса шумно устремляется къ Дому Инвалидовъ, вовсе не увѣрленному, врывается въ выломанныя ворота и требуетъ оружія. Находятъ 20.000 ружей, которыя и забираютъ вмѣстѣ съ пушками.

Ну, а что же дальше?

Одни кричатъ: „въ Версаль“! Теперь знали уже все, что тамъ произошло. Другіе полагаютъ, что слѣдуетъ пасть на войска въ открытомъ полѣ. Но настолько хватило благоразумія, чтобы покينуть эту мысль. Тогда раздался крикъ: „Въ Бастилію“! Эти слова были искрой.

Разрушеніе Бастиліи (14 іюля).

Бастилія, въ видѣ маленькой крѣпости, была обращена къ одному изъ предмѣстій (С.-Антуанъ). Пушки были такъ разставлены, что легко возбуждали мысль о возможности когда-нибудь обрѣчь въ прахъ часть города. Этимъ воспользовались теперь, какъ средствомъ къ возмущенію. Но, и независимо отъ этого, Бастилія была предметомъ проклятій для сотенъ тысячъ французовъ.

Бастилія, Венсенская башия, замокъ Тамъ и всѣ другіе приюты, какъ бы они тамъ ни назывались, гдѣ старая монархія погребала виновныхъ и невинныхъ, были безгранично ненавистны всѣмъ ¹⁾. Многія тетради государственныхъ чиновъ прямо требовали, чтобы срыли до основанія эти тюрьмы, имени которыхъ ни одинъ французъ не могъ произнести безъ ужаса.

Такимъ образомъ, къ страху передъ пушками въ грозной крѣпости присоединилась ненависть къ этому страшному орудію пытки стараго правленія. Все это дѣлало Бастилію цѣлью необузданнаго народнаго движенія. Предпріятіе соотвѣтствовало дикимъ страстямъ массы и радовало мирныхъ гражданъ, видѣвшихъ, какъ стремительный потокъ увлекался въ другую сторону.

Въ Бастиліи было очень мало продовольствія. Гарнизонъ состоялъ изъ сотни съ чѣмъ-нибудь инвалидовъ и швейцарцевъ. Комендантъ былъ робкій и перѣшительный человекъ. Онъ не хотѣлъ нарушить своего солдатскаго долга и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желалъ покончить дѣло миролюбиво. Гарнизонъ же былъ нерасположенъ къ бесполезной отчаянной битвѣ. Стало-быть, и здѣсь такъ же, какъ и во всемъ, что находилось въ связи съ старою монархіей, воля была слаба и перѣшительна.

Масса дѣлаетъ приступъ. Первый подъемный мостъ быстро взять. Передъ вторымъ раздастся изъ крѣпости ружейный залпъ, на который отвѣчаютъ снаружи. Бой на минуту прекращается. Комендантъ одно мгновеніе склоняется къ сдачѣ. Солдаты точно также. Потомъ имъ опять овладѣваетъ старый солдатскій духъ, не позволяющій ему покинуть ввѣренный ему постъ. Тутъ они, говорятъ, сошелъ съ фитилемъ въ пороховую камеру, чтобы взорвать себя вмѣстѣ съ своими солдатами на воздухъ, но будто бы солдаты удержали его.

Бой снова начинается. Картечный залпъ убиваетъ множество

¹⁾ Linguet: Mémoires sur la Bastille, Londres, 1789.—Ср. съ Mirabeau: Lettres de cachets.—По Voiteau (р. 444), въ Бастиліи, въ теченіе 45 лѣтъ, умерло 3.000 заключенныхъ разныхъ сословій.

осаждающихъ. Теперь кажется, будто гарнизонъ хочетъ сдаться. Одинъ солдатъ восклицаетъ: „мы сдаемся на условіи свободнаго отступленія!“ А предводители массы, говорятъ, переслали записку съ словомъ „capitulation“. Крѣпость уже не могла справляться съ потокомъ. Не весь гарнизонъ былъ изрубленъ; но погибло достаточно, чтобы обезславить всю побѣду. Комендантъ Делоне полатился жизнью за свою нерѣшительность.

Съ нимъ и Флесселемъ пала послѣдняя тѣнь стараго авторитета въ Парижѣ.

Начали разрушать крѣпость. Въ нѣсколько дней парижская тюрьма была сравнена съ землей и на ея мѣстѣ устроено публичное увеселительное мѣсто. Съ чисто національнымъ легкомысліемъ, которое французы такъ любятъ выдавать за остроуміе, было здѣсь написано: „Ici l'on danse (тутъ ташчуютъ)“.

Избиратели поддерживали теперь съ трудомъ свой авторитетъ. Еле-еле отстраняли они самыя ужасныя крайности, радуясь, что пало немного жертвъ.

Фулонъ и его певипный зять Бертъе были ближайшею добычей безпорядка: Первый попался въ руки разъяренной толпы еще за Парижемъ. Второго, который провинился лишь тѣмъ, что былъ зятемъ ненавистнаго интенданта, приволокли къ Ратушѣ въ ту самую минуту, когда таскали окровавленную голову его тестя, и здѣсь изрубили послѣ отчаяннаго сопротивленія (22 июля) ¹⁾.

ГЛАВА VI.

Дворъ, національное собраніе и начало анархіи.

Среди этихъ происшествій самую печальную картину представляли дворъ и король.

Когда пришли извѣстія изъ Парижа, король, казалось, еще не покинулъ рѣшенія дѣйствительно привести въ исполненіе мѣры, которыми онъ грозилъ. Потомъ вдругъ явился приказъ отвести войска съ Марсова поля, т. е. отреченіе короля отъ парижанъ.

¹⁾ Объ этомъ злодѣянн такъ говоритъ Мирабо въ 19 писемъ къ своимъ избирателямъ: „По послѣднимъ свѣдѣніямъ, что продолженіе этой страшной пародной диктатуры угрожаетъ опасностью общественной свободѣ точно также, какъ и ковы ея враговъ. Общество скоро разложится, если толпа, привыкая къ крови и безпорядкамъ, станетъ выше правительства и отвергнетъ авторитетъ законовъ“. Уже этого достаточно, чтобы судить о клеветѣ, будто Мирабо разослалъ въ провинціи апологіи этихъ ужасовъ.

Несчастный монархъ былъ безпомощенъ. Его министерство было распушено. Окружающіе его разбѣжались въ разныя стороны. Онъ, не выносившій вида крови, стоялъ лицомъ къ лицу съ разъяренною массою, которую самъ раздражилъ. Неспособный дѣйствовать по-королевски, даже когда оирился на армію и великихъ государственныхъ людей, что онъ могъ сдѣлать теперь?

14 іюля, поздно вечеромъ, въ спальню короля ворвался графъ Ліанкуръ. Онъ видѣлъ бушующій Парижъ и оставилъ его при крикахъ: „въ Бастилію!“ Когда онъ разсказалъ, что видѣлъ и слышалъ, король, говорятъ, всплеснулъ руками и воскликнулъ: «*Mais c'est une revolte*» (вѣдь это мятежъ). На что Ліанкуръ возразилъ: «*Non, sire, c'est une révolution*» (нѣтъ, государь, это революція).

Король былъ одинокъ и искалъ поддержки въ своемъ безпомощномъ состояніи. Его братъ, графъ, Артуа, ревностіе всѣхъ настаивавшій на государственномъ переворотѣ, первый внушилъ ему (по свидѣтельству Балли) мысль укрыться въ національномъ собраніи, обратиться къ нему со словами довѣрія и дружеской любви.

Національное собраніе, воспламененное страстною, увлекательною рѣчью Мирабо, само собиралось послать къ королю депутацію, когда его извѣстили, что монархъ идетъ самъ, безъ стражи и свиты. Мирабо потребовалъ повелительнымъ тономъ, чтобы его приняли съ мрачною сдержанностью. „Молчаніе народовъ пусть послужитъ урокомъ королямъ!“ Но когда король, съ непокрытою головою, въ сопровожденіи своихъ братьевъ, попросилъ въ простыхъ, душевныхъ словахъ довѣрія за довѣріе, примиренія за примиреніе, собраніе разразилось бурнымъ ликопаніемъ. И у него было сознаніе извѣстной мысли: „Мы послѣдній якорь спасенія для королевской власти“. Оно постановило послать въ Парижъ депутацію изъ ста членовъ и возстановить тамъ спокойствіе.

Два дня спустя, рѣшился отправиться и король. 17 іюля пустился онъ въ этотъ роковой путь, чтобы раздѣлаться съ мятежомъ 14 числа. Онъ самъ разсказывалъ впоследствии, что впечатлѣніе этой поѣздки осталось незабвеннымъ для него.

Когда онъ вѣхалъ въ городъ, гдѣ теперь не было уже ни одного солдата, вооруженная масса людей, но большей части съ непривѣтливимъ видомъ, образовала густыя шпалеры по обѣимъ сторонамъ Ратуши. Ни одинъ похлопъ, ни одно привѣтствіе не встрѣтили его со стороны народа. Только въ болѣе населенныхъ и оживленныхъ кварталахъ, гдѣ тѣсно жило среднее сословіе, ободрило его одно: *vive le roi!* Но зато весьма близко къ нему, тамъ и сямъ, раздавались выстрѣлы.

Такъ приближалъ онъ въ Ратушу: тамъ былъ теперь тронъ. Здѣсь

встрѣтили его незнакомыя лица, дикія фигуры, вооруженныя, какъ мятежники. Они скрестили въ честь ему пивъ надъ его головой, и онъ объявилъ со слезами на глазахъ, что любовь народа—его пламенное желаніе. Онъ одобрилъ все случившееся.

Мирный видъ этой и слѣдующей недѣль не обманулъ Мирабо. Два мѣсяца спустя, онъ говорилъ одному придворному, своему другу: „О чемъ думаютъ эти господа? Или они не видятъ пропасти, которая разверзается подъ ихъ ногами?.. Все потеряно. Погибнуть король съ королевой, и вы увидите, какъ народъ станетъ таскать ихъ трупы по мостовымъ... Да, ихъ трупы будутъ таскать!“

Тогда смѣялись надъ такими мрачными опасеніями.

Съ 13 и 14 іюля Франція представляла новый видъ. Старое войско разсѣялось; старая королевская власть была покинута всѣми своими органами. Новая сила сосредоточивалась въ Парижѣ, а во главѣ его стояли два человѣка изъ среды національнаго собранія—Лафайетъ, съ которымъ мы познакомимся впоследствии, какъ съ начальникомъ національной гвардіи, и Бальи, председатель общиннаго совѣта.

Человѣкъ ученый въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова, достойный любви, великодушный, Бальи внезапно очутился передъ гигантскою задачей, которая была бы не легка самому Мирабо. Онъ, который доселѣ занимался только книгами и изслѣдованіями, былъ призванъ теперь дѣйствовать рѣшительно на поприщѣ, вовсе ему незнакомомъ, и въ такое время, когда столь мягкая природа, какъ его, не могла выдержать долго.

Первые кровавые акты ужаснаго народнаго правосудія были исполнены надъ Делоне, Флесселемъ, Фулопомъ и Бертъе.

Тысячи людей, у которыхъ вовсе не было жилища позднѣйшихъ террористовъ, были согласны съ Іоганномъ фонъ-Мюллеромъ, что свобода, купленная цѣною голода нѣсколькихъ приверженцевъ старины, обончалась не дорого. Но она еще не была куплена этою цѣною.

Это демоническое недовѣріе массъ, которое, не задумывается надъ причинами своей подозрительности, это звѣрское насиліе, которому стѣбитъ только разъ пробудиться, чтобы быстро дойти до самыхъ отчаянныхъ, ужасныхъ средствъ, страшно выступили теперь наружу. Уже нечего было спрашивать, что значитъ новая несправедливость въ сравненіи съ старой, минувшей? Въ головахъ глубокомысленныхъ людей вопросъ ставился лишь въ такой формѣ: достаточно ли сильна новая власть, чтобы, послѣ надеянія прежняго порядка, одолѣть эти новые элементы, это звѣрское убійство

па улицахъ? И не будетъ ли эта одичалость массъ надолго единственнымъ прочнымъ достояніемъ новаго времени?

Па это смотрѣли слишкомъ легко сами по себѣ благородные люди, стоявшіе тогда во главѣ правленія. Они позволяли дѣламъ ускользнуть у нихъ изъ рукъ, и это было невыразимымъ несчастіемъ. Когда великій процессъ обновленія, который должна была произвести Франція ради всей Европы, выскользнулъ изъ чистыхъ рукъ и достался необузданнымъ массамъ; когда совершить его пришлось „господину Ошнесъ“, у котораго нѣтъ разума, по выраженію Лютера, тогда нація должна была нѣсколько времени переходить отъ переворота къ перевороту, пока, наконецъ, не пала въ изнеможеніи и не созрѣла для военной диктатуры.

Вотъ съ какой точки зрѣнія должны мы оцѣнивать громадное значеніе 14 іюля.

Конечно, въ Европѣ было тогда другое настроеніе. Страхъ, отвращеніе, почти ужасъ совѣмъ притаились повсюду, даже при дворахъ, а въ народѣ было неужеримое и общее ликовапіе о томъ, что рухнула старая каторга. То былъ праздничный день Европы, но, увь, всего одинъ день.

Парижъ сталъ теперь чѣмъ-то самобытнымъ, какимъ-то великимъ, свободнымъ государствомъ, которымъ управляли общинный совѣтъ да національная гвардія, съ Балли и Лафайетомъ во главѣ, а не король и національное собраніе. Самая политика Франціи теперь уже сосредоточилась въ Парижѣ. Версальскій дворъ былъ безъ силы и безъ плановъ.

Король призвалъ Пеккера, отставка котораго и послужила сигналомъ для революціи. Возвращающагося министра встрѣтилъ самый блестящій триумфъ. Годъ спустя, онъ опять удалился. Ни одна нѣтъ не про к ри чалъ ему в ст ѣ д ѣ. Такъ достигъ онъ границы, гдѣ едва не былъ задержанъ за свой паспортъ. Эта перемѣна была неизбежна и заслужена.

По возвращеніи своемъ, Пеккеръ оныянулъ отъ безграничнаго тщеславія, благодаря поклоненію ему со всѣхъ сторонъ. Великое національное собраніе выслало навстрѣчу ему депутацію, пригласило его къ себѣ и обратилось къ нему съ словами глубочайшаго почтенія. Это могло бы отуманить и не столь тщеславнаго человека, какъ Пеккеръ: онъ думалъ теперь, что на немъ лежитъ долгъ спасти Францію, что ему одному возможно это. Нѣкоторое время онъ поддерживалъ свою власть для того, чтобы потомъ потерять ее совѣмъ, единственно вслѣдствіе собственной неспособности.

Тѣ же, которыхъ король призвалъ тогда въ министерство, эти Броули и Брестейли, и тѣ, что присовѣтовали ему такой шагъ,

эти Артуа, Конде, Поляньяки, отправились подалее. Произошла первая эмиграція ¹⁾.

Такимъ образомъ, государственный переворотъ не достигъ ничего, кромѣ бѣгства за границу его начинщиковъ. Какъ трусы, покинули они короля на произволъ судьбы. Ни у одного не хватило духа пожертвовать за него жизнью, и это послѣ того, какъ они добились одного: остатокъ порядка во Франціи рухнулъ отъ одного толчка. Теперь они попрошайничаютъ при иностранныхъ дворахъ, хлопчуть о вмѣшательствѣ. И если не ими взвѣдѣна, выхожена война 1792 года, то, во всякомъ случаѣ, они много помогли ужасамъ 1792 г., доведя патриотовъ угрозами до крайняго озлобленія.

Какой дешевый ролялизмъ — подымать тревогу при дворахъ рейнскихъ курфюрстовъ и наполнять печать дикими, фанатическими выходками, что именно и вело короля къ ступенямъ эшафота!

При такихъ обстоятельствахъ выказывать политическое терпѣніе, выжидать возврата лучшаго времени, это — своего рода добродѣтель. Но трусливо покидать поле битвы, это — ошибка, которая называется, по крайней мѣрѣ, быстрымъ забвеніемъ бѣглецовъ.

Какъ человекъ, несчастный король является теперь болѣе достойнымъ состраданія и сожалѣнія, чѣмъ когда-либо. Но политическаго интереса уже не возбуждаетъ личность, которая выступаетъ, лишь повинувшись толчкамъ извнѣ, сама же вовсе не дѣйствуетъ. Онъ видѣлъ, какъ вокругъ него валится старшій порядокъ, какъ исчезаетъ вся его камарилья. Онъ самъ направилъ свой послѣдній политическій ударъ противъ города и собранія, которымъ былъ такъ преданъ... Не будь онъ такимъ добродушнымъ и перѣдко почти тупымъ, уже одно подобное положеніе привело бы его въ отчаяніе и пробудило бы отъ летаргій. Но онъ чувствовалъ его даже не такъ глубоко, какъ мы, посторонніе зрители.

¹⁾ Мониторъ (№ 30, отъ 30 іюля) такъ сообщаетъ объ этой эмиграціи: „Въ три дня всѣ вельможи, любимцы, министры, агенты иностранныхъ дворовъ въ трепетѣ разбѣжались изъ этого государства, которое они хотѣли принести въ жертву своему жестокому тщеславію, своей гордости“. Далѣе набрасывается картина того, какъ „ошозоренный“ Броли, „высокопѣрный“ Бретель, „гнусный“ Ленуаръ, „хилый“ Барантенъ, „трусъ“ Вильдеиль, и др. старались поскорѣе убраться; какъ „безстыдный“ Фулонъ, „притворившійся мертвымъ“, напрасно думалъ избѣгнуть мести своихъ согражданъ; какъ сбѣжала Поляньякъ, пересѣдѣвшая горничной. — Для характеристичнаго образа мыслей эмигрантовъ можетъ служить Tilly. „Во Франціи, говоритъ онъ (р. 306), жили изо дня въ день, заботились лишь о томъ, какъ бы простить одному сословію и наказать другое, дать королю достаточно сильное министерство, чтобы спасти отъ собственной его слабости остатокъ государства, организовать армию на другихъ, гораздо болѣе глубокихъ основаніяхъ, наказать Парижъ, перенести жѣстопробываніе правительства“, и т. и.

Крестьянская война, человѣческія права и 4-ое августа.

Такъ какъ оба первые повелителя Парижа, Бальи и Лафайетъ, были выбраны изъ національнаго собранія, то это послѣднее могло слыть за верховную власть во всей Франціи. Каждый день собраніе получаетъ сотни адресовъ, въ которыхъ цѣлыя населенія повергаютъ къ его стопамъ свое имущество и обѣщаютъ такое послушаніе, какого не предлагали еще ни одному правительству.

Въ этомъ заключалось величіе, но зато и трудность положенія собранія. 900 человѣкъ не могутъ управлять непосредственно, не могутъ присвоивать себѣ исполнительную власть, которая должна находиться въ рукахъ немногихъ. Это, въ случаѣ нужды, прилично въ маленькомъ округѣ, но невозможно въ большой землѣ, сбросившей съ себя всѣ прежнія узы.

Между тѣмъ какъ въ Парижѣ и Версалѣ все казалось довольно спокойнымъ и улаженнымъ, въ провинціяхъ, было совершенно иначе.

Провинціи раздули огонь, и разразилась ужасная война всѣхъ противъ всѣхъ.

Крестьяне вооружились противъ феодальнаго государства. Они осаждали покинутые зѣмки своихъ помѣщиковъ, сжигали монастыри. Цѣлыя шайки разбойниковъ и убійцъ, грабя и убивая, сплывали по странѣ. Во Фраппи-Коптѣ, въ продолженіе іюля и августа, на каждый день приходилось по одному сожженному зѣмцу; въ Дофинѣ—на двѣ недѣли 72 сожженныхъ зѣмка, и такъ было почти по всей Франціи. За исключеніемъ Ванден и Бретани, гдѣ отчасти крестьяне были зажиточными арендаторами, отчасти помѣщики оставались простыми, добродушными сельскими феодалами, вся Франція была театромъ неописанныхъ ужасовъ. Въ Нормандіи поднялось яростное гоненіе на виновныхъ и невинныхъ. На югѣ къ старому озлобленію массъ присоединился дикій характеръ южной природы. Тамъ тотчасъ же дѣло дошло до насилія и убійства; тамъ не только сжигали зѣмки и монастыри съ ихъ попавшими граматами, но и варварски умерщвляли обитателей, не обращая вниманія на то, были-ли они ненавистны и подозрительны, или нѣтъ.

Старый государственный порядокъ, который въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ попытку къ оборонѣ, въ столицѣ былъ сломленъ безъ малѣйшаго сопротивленія, безъ всякой защиты. Ни одинъ законъ, ни одна власть не признавались; ни одинъ интендантъ, ни одинъ губернаторъ, ни одинъ судъ не подавалъ признаковъ жизни. Нѣкогда всемогущая монархія потерѣла ужаснѣйшее банкротство, и если нація сама не создавала себѣ авторитетовъ,

то ихъ вообще уже не было. Последнимъ яворемъ хотя бы малѣйшей безопасности личности и собственности было образованіе національной гвардіи по образцу парижской. Это учрежденіе вскорѣ распространилось по всей Франціи, гдѣ только была потребность въ вооруженной защитѣ.

Между тѣмъ какъ старая власть бѣжала отъ своихъ прежнихъ подчиненныхъ, отъ національнаго собранія потребовали быстрой, рѣшительной инициативы: въ него еще вѣрили, на него возлагали всѣ надежды. Но не видно было, чтобы національное собраніе вѣрно понимало потребности минуты и выгоду своего собственнаго положенія. Слѣдующія двѣ недѣли прошли въ ничтожныхъ занятіяхъ. Собраніе было запружено адресами, объясненіями, депутатіями. Казалось, у него не было другого дѣла, кромѣ принятія всеобщихъ поклоненій. А предметомъ его перваго серьезнаго совѣщанія была любимая мысль Лафайета, — предложеніе открыть конституцію объявленіемъ человѣческихъ правъ.

Подобное объявленіе, въ сжатыхъ, лаконическихъ выраженіяхъ предпослала своей конституціонной хартіи освобожденная Сѣверная Америка. И молодое, свободное государство могло это сдѣлать, потому что почва, на которой оно стояло, была еще не обработана и не имѣлось историческаго преданія.

Здѣсь было иначе. Здѣсь васъ окружали колоссальныя развалины старой монархіи, и передъ глазами мелькали примѣры дикаго самоуправства сотенъ тысячъ. Здѣсь имѣло глубокой смыслъ превосходное выраженіе Мирабо, сказанное 18 сентября: „Мы не дикари, которые голые приходятъ съ береговъ Ориноко, чтобы присоединиться къ государству. Мы старая нація и, безъ сомнѣнія, слиткомъ старая для нашего времени. У насъ есть правительство, король, извѣстныя предрасудки. Все это мы должны, насколько возможно, постараться припорочить къ совершившемуся перевороту и предупредить впезанность перехода“. Въ то время, когда за Парижемъ бушевала крестьянская война, а внутри его зарождался новый порядокъ, было весьма сомнительно, самую ли необходимую преобразовательную мѣру составляло возможно широкое признаніе основныхъ и человѣческихъ правъ. Скорѣе слѣдовало напомнить о забытыхъ обязанностяхъ, чѣмъ о правахъ, только-что добытыхъ кулакомъ. А между тѣмъ, всякое подобное собраніе инстинктивно расположено къ такимъ отвлеченностямъ. Кажется, нужно все самому испытывать: чужіе примѣры нисколько не помогаютъ.

Важное, драгоцѣнное время, въ которое національное собраніе могло бы на дѣлѣ установить самые главныя столбы новаго порядка вещей, протекло въ отвлеченныхъ преніяхъ. Къ необхо-

димѣйшимъ задачамъ, кажется, перепли только тогда, когда Франція уже не нуждалась въ національномъ собраніи.

Впрочемъ проектъ основныхъ правъ былъ самъ по себѣ не безопасенъ, не говоря уже про то, что совѣщаніе о немъ никакъ не могло быть названо своевременнымъ. Три существеннѣйшихъ опредѣленія—о прирожденной свободѣ и равенствѣ всѣхъ людей, о неотъемлемомъ правѣ подданныхъ на сопротивленіе угнетенію, объ исключительномъ самодержавіи націи,—влекли за собою страшныя послѣдствія. Если-бы докладчики создавали это, они сами отказались бы отъ своего предложенія.

Положеніе, что люди рождаются и остаются свободными и равноправными, было справедливо и вѣрно, если оно означало равенство передъ закономъ. Но если оно имѣло въ виду матеріальное равенство всѣхъ въ имуществѣ и въ пользованіи имъ, то вело къ толкованію, котораго до сихъ поръ не желалъ и не могъ желать ни одинъ разумный французъ.

Правомъ сопротивленія вся Франція до самыхъ низшихъ слоевъ пользовалась теперь въ самомъ широкомъ размѣрѣ. Выдавать его и теперь еще формально за основное человѣческое право—значило подливать масла въ огонь и освящать стремленія, которыя должны были сдѣлаться опасными не только для стараго, но и для всякаго новаго законнаго порядка.

Наконецъ, третье положеніе, о верховной власти націи, давало республиканцамъ право сказать: „Какое еще значеніе имѣетъ теперь наследственное королевское достоинство? Въдь оно не истекаетъ изъ верховной власти націи: оно должно быть устранено ради основныхъ правъ“. Съ такою верховною властью было несовмѣстно никакое королевское достоинство, а между тѣмъ большинство собранія отличалось монархическимъ образомъ мыслей. Самъ Лафайетъ былъ неизмѣннымъ приверженцемъ королевской власти. Зачѣмъ было пробуждать желанія, которыя не намѣревались да и не могли намѣреваться исполнить?

Это положеніе далеко переступало желанную цѣль. Оно собственно требовало, чтобы демократическое сознаніе вступило въ должныя границы, а вызывало сопротивленіе, которое, даже съ готовою конституціей въ рукахъ, снова нужно было подавлять, рискуя разрушить и основныя права, и эту конституцію.

Поистинѣ было государственнымъ поступкомъ послѣдовать совету Мирабо—отложить вопросъ о человѣческихъ правахъ до окончанія конституціи. Но это предложеніе не прошло.

Впрочемъ, опасенія, противопоставленныя здравымъ смысломъ порывамъ энтузіастовъ, не оставались въ самомъ собраніи вовсе безъ защитниковъ.

1 августа началось совѣщаніе о предложеніи, внесенномъ 11 іюля Лафайетомъ, съ вопроса: должно-ли конституціи предшествовать объявленіе общечеловѣческихъ и гражданскихъ правъ, или нѣтъ?

Вопреки значительному (56 человѣкъ) большинству записавшихся ораторовъ, Малюэ указалъ на всѣ опасности и бесполезность этого предложенія. Онъ вполне почитаетъ человѣческія и гражданскія права, которыя „должны безпрестанно быть у насъ передъ глазами: свобода должна унодобляться дневному свѣтлу, которое свѣтитъ для всѣхъ“. Но выводить законодательный актъ изъ метафизической программы не великодушно, въ виду безчисленнаго множества согражданъ, которые, не имѣя собственности, ожидаютъ куска хлѣба отъ обезпеченной работы и надежнаго покровительства закона, въ виду сотенъ тысячъ, которыя скорѣе найдутся въ опасности забыть свои обязанности, чѣмъ свои права. Человѣкъ всюду связанъ съ обществомъ, въ которомъ живетъ. Если съ нимъ говорятъ объ отвлеченныхъ правахъ, то его какъ бы отрываютъ отъ этого общества. А этого не требуется для перестройки общественнаго порядка.

Въ этихъ преніяхъ прошли первые дни августа. Лафайетъ получилъ перевѣсъ, и, вмѣсто человѣческихъ правъ, какъ хотѣлъ Мирабо, была отложена конституція.

Между тѣмъ, снаружи странно бушевала междоусобная война. Пожары, грабежи, убійства повторялись ежедневно. Виновицы и невинные платились за несправедливости стараго феодализма. Массы свирѣпствовали съ безграничною одиалостью, страшнѣе, чѣмъ всякій народъ, привыкшій нѣкогда къ свободѣ. Многіе пали жертвой подозрѣнія: народное правосудіе дѣйствовало въ потемкахъ.

Тогда собраніе справедливо почувствовало, что нужно что-нибудь сдѣлать, чтобы внести въ этотъ хаосъ слово успокоенія и примиренія. Нѣкоторымъ изъ вождей пришло въ голову какимъ-нибудь закономъ удовлетворить справедливое недовольство народа, приведшее къ такому ужасному самоуправству. Вся буря послѣднихъ недѣль касалась не столько монархіи, сколько стараго феодализма, который уже довольно шумно былъ обращенъ въ неньдъ.

Коммиссіонный докладъ, прочитанный депутатомъ Саломономъ 3 и 4 августа, раскрылъ слѣдующее. Сборъ помѣщичьихъ доходовъ, десятины, налоговъ, оброковъ, всюду встрѣчаетъ упорное сопротивленіе. По всѣмъ приходамъ жители торжественно обязались выдерживать это сопротивленіе; и всѣ, кто не хочетъ подчиниться этому, подвергаются страшнѣйшимъ угрозамъ и насиліямъ. Вооруженныя шайки проникаютъ въ замки, завлаждаютъ всѣми доку-

ментами и домовыми книгами и жгутъ ихъ на дворѣ. А законы лишены силы; власти не пользуются никакимъ значеніемъ; отъ правосудія осталась одна тѣнь, которую тщетно ищутъ въ судахъ, и т. д. Подъ впечатлѣніемъ этихъ обстоятельствъ, состоялось то соглашеніе, которое вызвало достопамятныя событія ночнаго засѣданія 4 августа.

Издавна объ этомъ засѣданіи существовали весьма различныя мнѣнія. То называли его Вареоломеевскою ночью собственности, то величайшимъ моментомъ въ новѣйшей исторіи. Ни одного изъ этихъ мнѣній нельзя признать вполне справедливымъ. Первое пѣдно. Постановленія 4 августа не вызвали войны противъ собственности старой аристократіи, а остановили ее; они скорѣе задержали, чѣмъ ускорили ея паденіе. Но и второе, по меньшей мѣрѣ, преувеличено, ибо собраніе сдѣлало только то, чего не могло не сдѣлать. Оно лишь придало законную форму тому, что уже цѣлыя недѣли существовало на дѣлѣ. Всѣ тягости, которыя отмѣнялись теперь закономъ, были уже уничтожены, и послѣдующее постановленіе скорѣе усвоило, чѣмъ увеличило волны.

Впрочемъ то, что эти событія были необходимою, не уменьшающею заслуги ихъ дѣятелей, ибо, какъ извѣстно, не всегда ясно сознаются потребности времени.

Собраніе вѣрно поняло свою задачу, и это дѣлаетъ ему великую честь.

Съ 3 августа оставался на очереди одинъ еще нерѣшенный докладъ комиссіи, который требовалъ отъ собранія слѣдующаго объявленія: „Собраніе не должно смущаться господствующею въ провинціяхъ нуждой въ ущербъ великому конституціонному дѣлу; огромная важность котораго не терпитъ никакихъ перерывовъ въ работѣ. Своевольный отказъ крестьянъ отбывать повинности ничѣмъ не оправдывается, пока національное собраніе не высказало объ этомъ своего мнѣнія, и никакой предлогъ не освобождаетъ отъ этихъ повинностей. Собранію больно видѣть волненія, происшедшія отъ сопротивленія, несогласнаго съ основными положеніями общественнаго права, которыя оно не перестанетъ уважать“.

Національное собраніе, слѣдовательно, должно было самымъ рѣзкимъ образомъ отказаться отъ отвѣтственности не только за все, что случилось, но и за тѣ слѣдствія, которыя могли бы отсюда произойти.

Утромъ 4 августа вопросъ о человѣческихъ правахъ былъ принятъ почти единогласно. Вечеромъ того же дня взошелъ на трибуну герцогъ Ноайль и предложилъ предпослать упомянутому увѣщательному объявленію революціонному народу другое, кото-

рое частью доставляло бы, частью навѣрное общало бы ему удовлетвореніе его сураведливыхъ жалобъ. Онъ требовалъ объявить, что уплата податей снова возобновляется; всѣ подати, подобно всѣмъ общественнымъ повинностямъ, распределяются между всѣми равномерно: всѣ феодальныя права выкупаются по известной умѣренной оцѣнкѣ; барщины, выморочное право и другія личныя обязанности превращаются безъ вознагражденія.

Эта рѣчь была выслушана съ торжественнымъ молчаніемъ. За нею послѣдовало довольно оживленное движеніе, въ особенности въ бретонскомъ клубѣ, изъ среды котораго вскочилъ на трибуну герцогъ д'Эгильонъ. Сообразно принятымъ условіямъ, онъ внесъ поддерживающій дополнительный докладъ. Онъ подтвердилъ, что въ провинціяхъ не только необузданныя разбойничьи шайки смѣются надъ закономъ, но, по большей части, народъ составляетъ какъ бы заговоръ противъ замковъ; помѣстій, феодальныхъ правъ. Онъ замѣтилъ, что первое примѣненіе закона о человѣческихъ правахъ должно послужить ко благу страждущаго народа. Наконецъ, онъ предложилъ, для восстановленія полнѣйшей равномерности податей, уравнивать налоги не только между отдѣльными лицами, какъ хотѣлъ Ноайль, но и между всѣми корпораціями, городами, общинами, пользовавшимися свободой отъ податей или какими-нибудь преимуществами при ихъ раскладкѣ и сборѣ. Помѣщичьи же права, какъ „обременительный налогъ, вредящій земледѣлію и обращающій села въ пустыни“, онъ требовалъ выкупить по умѣренной оцѣнкѣ, которую произведетъ въ каждой провинціи національное собраніе, по заявленіямъ должниковъ.

Такимъ образомъ, само дворянство шло впереди всѣхъ въ отеченіи отъ правъ, которыя не могли больше держаться. Двѣ самыя большія и знатныя фамиліи, Ноайль и Эгильопы, жертвовали своими значительными привилегіями. Конечно, здѣсь не обошлось безъ французскаго тщеславія; но и здѣсь была также доля французской рыцарственности.

„Съ невыразимой радостью“, говорится въ официальномъ отчетѣ, былъ принятъ этотъ примѣръ самопожертвованія. Но движеніе достигло крайнихъ предѣловъ лишь въ ту минуту, когда заговорилъ сельскій депутатъ изъ Бретани и потребовалъ признанія человѣческихъ правъ и за угнетеннымъ крестьянскимъ сословіемъ. Онъ заявилъ, что національное собраніе предупредило бы пожары замковъ, еслибъ во-время уничтожило содержаніе „позорныхъ пергаментовъ“ феодаловъ. Онъ напомнилъ объ оскорбительномъ для человѣчества безчинствѣ помѣщичьихъ, которые смѣютъ еще запрягать крестьянъ въ повозки, какъ скотину, и заставлять ихъ по ночамъ колотить по пруду, чтобы лягушки не нарушали

сна ихъ сладострастныхъ господь... „Повсюду слышится единодушный крикъ: не теряй ни минуты: день промедленія повлечетъ за собою новые пожары. Или вы хотите дать свои законы опустошенной Франціи?“

Тутъ всѣми овладѣваетъ энтузіазмъ, вскорѣ разрушившій всѣ преграды. Докладъ летитъ за докладомъ; возбужденіе растетъ съ каждою новою рѣчью.

Пансійскій епископъ подаетъ духовенству примѣръ пожертванія своими феодалными правами; и лишь только другой епископъ, шартрскій, потребовалъ уничтоженія права охоты, какъ вдругъ подымается дворянство, чтобы немедленно принести жертву. Все духовенство встаетъ, чтобы выразить свое согласіе; и подымается такая буря ликованій и одобреній, что нужно было на время прервать засѣданіе.

Вслѣдъ затѣмъ снова открылось эрблище. Когда дворянству и духовенству уже нечѣмъ было жертвовать, явились провинціи, города и корпорации и сложили свои привилегіи. Многіе сожалѣли, что не могутъ дать больше, а тѣ, кому нечѣмъ было жертвовать, безмолвно и изумленно смотрѣли, какъ волненіе одной ночи уничтожило все, что цѣлыя 15 лѣтъ возбуждало столько злобы и раздора,—какъ оно устраняло порядоки вещей, надъ исправленіемъ котораго столь долго и столь тщетно трудились самые глубокомысленные государственные мужи.

Вотъ существенныя слѣдствія достопамятнаго засѣданія: уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, помѣщичьихъ правъ, вотчиннаго суда, исключительнаго права на охоту, голубятни и разведенія кроликовъ и т. п.; отмена десятины, равномерность налоговъ, доступъ всѣмъ въ гражданскіе и военныя должности; уничтоженіе торговли должностями, уничтоженіе всѣхъ городскихъ и провинціальныхъ привилегій, церковныхъ аннатовъ, скопленія въ однихъ рукахъ пѣсколькихъ приходоу и синекуръ; введеніе дарованаго судопроизводства, преобразованіе цехоу и прекращеніе всѣхъ беззаконныхъ пенсій.

25/8

Новый переломъ. Герцогъ Орлеанскій. Лафайетъ. Октябрьскія событія.

Съ 4 августа до конца сентября Францію подавляетъ удручающій зной. Весь міръ чувствуетъ себя неловко и опущается въ своихъ членахъ приближеніе бури. Причины такого настроенія были различны.

Национальное собраніе цѣлѣя недѣли трудится надъ теоретическими разсужденіями, которыя представляли бы второстепенный интересъ. если-бы были даже плодотворнѣе, чѣмъ оказалось на дѣлѣ. А правительство заявляетъ себя совершенно неспособнымъ не только довести до конца какое-нибудь дѣло. А тутъ страшный недостатокъ въ деньгахъ. Государство стояло на краю банкротства. Прекрасный романсъ, пропѣтый Неккеромъ 5 мая національному собранію, обратился въ ничто. Суровая дѣйствительность указывала на колоссальный дефицитъ. И далѣе нельзя было затягивать, потому что первый заемъ, на который попытался Неккеръ, не удался. Теперь этотъ финансистъ явился съ чрезвычайнымъ налогомъ на доходъ, который долженъ былъ принести 400 милліоновъ. Предложеніе было весьма непопулярно; а провалилось оно въ собраніи—и банкротство несомнѣнно. Поэтому-то Мирабо, съ сильною рѣчью, пошелъ напроломъ за министра, котораго вообще презиралъ, — и предложеніе прошло. Собраніе, болѣе озадаченное и оглушенное, чѣмъ убѣжденное, одобрило оратора.

Продолженіе законодательнаго труда выказывало то восторженные мечтанія, то радикальныя пожеланія, но почти ни тѣни обдуманной послѣдовательности, зрѣлыхъ государственныхъ мыслей. Энтузіасты торжествовали при объявленіи человѣческихъ правъ, противъ котораго тщетно возставалъ Мирабо, радывалы — при принятіи однопалатной системы и отсрочивающаго veto короля (9 и 11 сент.). При этомъ Мирабо развилъ въ одной изъ своихъ превосходнѣйшихъ рѣчей, всю свою конституціонную систему и подробно изложилъ тотъ взглядъ на королевское veto, какъ на необходимую защиту противъ тираніи верховнаго собранія, съ которымъ мы уже познакомились раньше ¹⁾.

Между тѣмъ Парижъ сталъ пронастью, которая поглощала государственныя средства Франціи. Все новыя учрежденія стоили милліоновъ, которые страна должна была вынуживать городской общинѣ. Чтобы, при господствующей дороговизнѣ, предохранить парижскую чернь отъ голода, государство должно было заботиться о дешевомъ хлѣбѣ; чтобы доставить заработокъ праздному пролетаріату, оно должно было занимать его безплодными работами. Тысячи людей возились въ грязи, чтобы имъ дали за это поденную плату и возможность слушать клубныя рѣчи.

Какъ Парижъ переросъ національное собраніе, такъ его самого началъ переростать пролетаріатъ, отъ котораго приходилось отдѣлываться ежедневною подачкой на воду, чтобы только онъ

¹⁾ См. стр. 117.

оставался въ хорошемъ расположеніи духа. А подлѣ него мы видимъ смущенное правительство, національное собраніе, обсуждающее основныя права короля, колеблющагося между вялою нерѣшительностью и отвращеніемъ къ новому порядку; наконецъ, дворъ, до того озлобленный и коварный, что его ближайшіе родственники при вѣнскомъ дворѣ выходили изъ себя, замѣчая, какъ безразсудно старается онъ поджигать масла въ огонь.

Король, что бы тамъ ни говорили, былъ занятъ планами о томъ, какъ бы выйти изъ своего тяжелого положенія. Онъ замышлялъ бѣжать къ восточнымъ границамъ, напр. въ Мецъ, собрать тамъ вокругъ себя остатокъ вѣрныхъ войскъ и выступить противъ мятежа съ дѣйствительною силой. Но всей вѣроятности, онъ не понималъ, что въ сущности его намѣреніе было ничто иное, какъ повтореніе неудачи, постигшей его въ іюнѣ и іюль.

Единственно, что совершило доселѣ законодательство непосредственно для народа, были постановленія 4 августа, и король сдѣлалъ страшную ошибку, лишь отчасти утвердивъ ихъ въ своемъ первомъ отвѣтѣ (18 сент.) и вполне принявъ ихъ потомъ, уступая насилію.

Итакъ, дворъ и національное собраніе озлоблены другъ противъ друга; народъ почти выросъ изъ-подъ опеки ихъ обоихъ и слѣдуетъ за новыми вождами; провинція въ дикомъ броженіи; въ столицѣ голодная толпа; въ государствѣ ни закона, ни порядка; въ обществѣ ни тѣни личной и имущественной безопасности, ничего положительнаго, кромѣ параграфовъ бумажной конституціи. Въ этомъ печальномъ состояніи обстоятельство, при всеобщемъ смущеніи и безпомощности, не было лишнею значенія и извѣстный киръ лейбъ-гвардіи 1 октября. Въ подобныхъ случаяхъ, всякій вздоръ можетъ имѣть великія послѣдствія, подобно тому, какъ довольно одной искры, чтобы взорвать на воздухъ пороховой погребъ.

Въ Версалѣ былъ введенъ новый полкъ, фландрскій, составленный исключительно изъ иностранцевъ. Лейбъ-гвардія, древній аристократическій остатокъ королевской гвардіи, встрѣтила его роскошнымъ пиромъ. Въ сущности тутъ не было ничего опаснаго. Разгоряченные виномъ, гости начали, за полными бовалами, нападать на національное собраніе и лѣтъ дерзкія итеси. Въ хмѣлю и тутъ не было ничего страшнаго. Но придворное дворянство не могло не обратить и эту безобидную исторію въ выходку въ пользу королевской власти.

Король возвращался съ охоты, безъ всякаго предчувствія о томъ, что происходило и къ какой роли онъ предназначается. Излишнее усердіе друзей должно было повредить ему и здѣсь.

Онъ согласился явиться на пиръ и пришелъ какъ разъ въ ту минуту, когда придворныя дамы раздавали бѣлыя кокарды, причемъ трехцвѣтныя исчезали. Появленіе короля довело энтузіазмъ до полнаго опьяненія. Офицеры торжественно пріѣтствовали его и, съ обнаженными саблями, клялись ему въ вѣрности подъ звуки извѣстной пѣсни: „O, Richard, mon roi!“ Король стоялъ совершенно ошеломленный, а королева, сама неполнѣ посвященная въ дѣло, обращалась съ ободрительными словами то къ тому, то къ другому изъ пирующихъ. Теперь все приняло совсѣмъ другой видъ. Теперь революціонная печать могла настроиться на тонъ, который уже давно былъ ей знакомъ. „Между тѣмъ, какъ Парижъ голодаетъ, заговорила она, въ Версалѣ совершаются оргіи: заговоръ противъ народа очевиденъ“, и т. д. При дворѣ есть революціонный языкъ, точно также, какъ и officialный: это въ порядкѣ вещей. Но тутъ важно было то, что онъ подаетъ готовую мину.

До сихъ поръ я вовсе не упоминалъ о герцогѣ Орлеанскомъ, который, въ прежнихъ описаніяхъ этой эпохи, выставляется главнымъ зачинщикомъ всѣхъ слѣдующихъ происшествій. Говорю лишь теперь о немъ съ намѣреніемъ ввести его значеніе въ должныя скромныя границы. Въ сужденіяхъ объ этомъ человѣкѣ мы часто встрѣчаемся съ тѣмъ мелочнымъ взглядомъ на вещи, по которому причины великихъ событий всемірной истории кроются въ нѣсколькихъ бочкахъ дарового пива и вина, въ клубныхъ рѣчахъ, да въ продажныхъ женщинахъ. Герцогъ Орлеанскій, конечно, не безгавный всѣмъ этимъ, имѣлъ значеніе только по деньгамъ, бывшимъ въ его распоряженіи: къ политической роли онъ никогда не проявлялъ способностей. Трусливый, перфшительный, къ тому же развратникъ до мозга костей, истощенный безграничнымъ распутствомъ, онъ не обладалъ нисколько тѣми задатками, изъ которыхъ вырабатываются Кромвели и Цезари ¹⁾.

¹⁾ Самый полный матеріалъ для его обвиненія представляетъ сочиненіе Du coin'a: Etudes révolutionnaires; Philippe d'Orléans Egalité, Paris, 1845. Самъ по себѣ ненавистный Орлеанамъ (р. 20), авторъ перебралъ всѣ отдѣльныя моменты жизни герцога, разумеется, воспользовавшись тутъ и всѣми, бросающими на него тѣнь, событіями и предположеніями, такъ что должно посоветовать осторожно употреблять эту книгу (много важныхъ возраженій въ пользу герцога представляетъ Гарр. См. Tilly, p. 427—435). Онъ говоритъ сперва о безлутной четѣ, которая называла его своимъ сыномъ; затѣмъ описываетъ самого сына, его хвастовство развратомъ и открытія сношенія съ публичными женщинами. Въ этомъ погибши всѣ его благородныя порывы. „Его невинѣйшими удовольствіями были охота, собаки, лошади, сани, кареты, трубы, шумъ. Онъ искавалъ умственныхъ занятій; князя лугала его“. Прибавимъ къ этому весьма расстрапенныя слухи о его трусливости и весьма вѣрные факты о грязныхъ средствахъ, которыми онъ старался помочь своимъ разстроеннымъ финансамъ, именно о преобразованіи Мале-Роая. Популяр-

Всякій, кто получалъ отъ него деньги, смѣялся надъ нимъ, какъ только повертывалъ къ нему спину; работать на него никто и не думалъ. Даже на Мирабо указывали, какъ на его работника, на что тотъ отвѣчалъ: „Я и герцогъ Орлеанскій! Да этотъ малый не годился бы мнѣ и въ лакеи“.

Но герцогъ забралъ себѣ въ голову устроить въ королевствѣ какое-то генераль-лейтенантство. „Король, разсчитывалъ онъ, такъ или иначе сойдетъ съ мѣста, и тогда мой часъ пришелъ: я стану опекуномъ, регентомъ или королемъ“. Такъ думалъ онъ, и гдѣ только ни начиналось самое грязное волненіе, онъ уже былъ тутъ съ своею помощью. Но партіи у него не было. Если что-нибудь съ виду и намекало на партію, то это были господа съ такими же пустыми головами, какъ у него, но, конечно, съ большимъ запасомъ денегъ.

Рѣшительно видное положеніе занялъ Лафайетъ, на мгновеніе самый могущественный человѣкъ во Франціи. Онъ самъ думалъ, что останется такимъ навсегда. Но въ революціямъ болѣе, чѣмъ во всякому другому времени, прилагается мысль о быстромъ исчезновеніи славы міра сего. Онъ стоялъ, въ полномъ цвѣтѣ своей славы и своего вліянія, во главѣ парижской національной гвардіи. Трудно сказать—30, 50 или 80 тысячъ непосредственно подчинялись ему; но несомнѣнно, что это была единственная сила, вообще имѣвшая тогда какое-либо значеніе, между тѣмъ какъ старая армія разложилась отъ безчиства. Совершенно неслѣно заподозривать этого человѣка въ Кромвелевскихъ замыслахъ, какъ дѣлали безразсудныя придворныя роялисты. Въ немъ не было ничего подобнаго. Но, тѣмъ не менѣе, его положеніе возлагало на него гораздо болѣе отвѣтственности, чѣмъ онъ самъ думалъ. Онъ не былъ заговорщикомъ въ обширномъ смыслѣ этого слова. Это была одна изъ тѣхъ натуръ, въ политической совѣсти которыхъ уживаются рядомъ и желаніе невиннѣйшимъ образомъ играть съ заговоромъ, вызывать духъ мятежа, и твердое намѣреніе быстро подавлять его. Неможно революціи, чтобы увротить дворъ и дворянство,—это казалось ему благодѣтельнымъ средствомъ здравой агитаціи. Вѣдь было же для него „возстаніе священнымъ человѣческимъ правомъ!“¹⁾

вын и осмѣиваемый до извѣстной парламентской сцены, онъ сталъ послѣ нея политической личностью.

¹⁾ Много его ненапечатанныхъ писемъ отъ 1789 г. приводитъ Mortimer-Tegnaux (I, 419 sq.). Они адресованы къ Латуръ-Мобуру и выставляютъ Лафайета гораздо болѣе умѣреннымъ и безопаснымъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ (р. 424—426). Онъ сходится съ Мунье и раздоритъ съ Дюлономъ. Онъ пишетъ далѣ (р. 430): „Не допускайте, чтобы была устроена одна палата, или чтобы сепать

Собственно говоря, у него не было честолюбія, великихъ политическихъ плановъ. Онъ работалъ по мелочамъ, изо дня въ день, и былъ одинаково доступенъ всякому сильному воодушевленію. Съ той минуты, когда онъ увлеклся „праздникомъ братства“, до того дня, когда онъ обнималъ Людовика-Филиппа, какъ мѣшанскаго короля, онъ былъ для людей, подобныхъ Бонапарту, тѣмъ, что послѣдній называлъ un naïf. На нашемъ бѣдномъ языкѣ это значитъ „простофиля“ (Einfaltspinsel).

Люди съ такимъ кипучимъ, пламеннымъ характеромъ не очень подходятъ къ строгой муштровкѣ замкнутыхъ партій,—и Лафайетъ довольно часто нарушалъ связи съ партіями, къ которымъ онъ принадлежалъ. Впрочемъ, въ немъ безспорно все-таки было много крупныхъ качествъ человѣка партіи первой руки. Онъ въ высшей степени обладалъ тѣмъ, на что указалъ Мирабо въ своемъ отзвѣвѣ о Робеспьерѣ: „Не смѣйтесь надъ нимъ! Онъ вѣрить въ то, что говоритъ“. Это былъ фанатикъ своихъ убѣжденій. Онъ былъ въ состояніи идти по самымъ труднымъ путямъ, если дѣло шло о проведеніи его ученія. Это-то и возстановило такъ сильно Наполеона противъ него. Въ глазахъ Бонапарта глупецъ былъ тотъ, кто одинъ, вопреки милліонамъ, сопротивлялся консульству. А между тѣмъ, пророчество глупца сбылось.

Къ тому же, съ именемъ Лафайета была связана слава сѣвероамериканской войны. Онъ рисковалъ для отечества необъятнымъ имуществомъ. Онъ не зналъ ни расчетливости, ни скуности. Мило, привлекательно было все его существо. Онъ всегда оставался рипаремъ, что не мѣшало ему быть и другомъ блузника, хотя, правда, не въ такой степени, чтобы сойти съ лошади и взять его подъ руку. Наконецъ, въ то время онъ блисталъ цвѣтущею юностью и силой. Онъ несомнѣнно былъ способенъ воодушевить народъ въ пользу королевской власти, если бы былъ королемъ.

Въ 1830 году онъ былъ въ состояніи сдержать революцію, а ему было тогда 70 лѣтъ. Представимъ же себѣ молодого Лафайета,

былъ одинаковаго состава съ палатою представителей. Для сената требуется побольше постыдства, важности, отлиція. Америка, послѣ десяти лѣтъ опытовъ, была вынуждена признать эту истину. Не допускайте, чтобы королевскія права были уменьшены болѣе, чѣмъ сколько намъ нужно, особенно относительно арміи и иностранной политики“. По его мнѣнію, король можетъ отказывать въ утвержденіи закона въ теченіе двухъ сроковъ законодательнаго собранія, да и въ третьемъ онъ долженъ согласиться на него лишь въ томъ случаѣ, когда законъ принимается двумя третями собранія безъ измѣній. Мало того. Король и тогда можетъ еще объявить: „Конституція въ опасности“, и созвать конвентъ. „Вы видите, что, не нападая на принципъ народной воли, королю можно дать нѣчто гораздо болѣе сильное, чѣмъ абсолютное veto, которымъ онъ вовсе не пользуется“.

не отягченнаго никакимъ горькимъ воспоминаіемъ, юношески пламеннаго, воодушевленнаго челоуѣка, въ которомъ сливались черты стараго французскаго дворянина съ чертами свободномыслящаго француза новаго времени!

Съ герцогомъ Орлеанскимъ ему нечего было дѣлать. Онъ былъ его личнымъ врагомъ, и уже при выборѣ въ начальники національной гвардіи онъ сталъ попережъ его плановъ. При всемъ своемъ крайнемъ недовольствіи поведеніемъ короля и двора, онъ отнюдь не желалъ самъ воспуться трона. Въ своихъ неясныхъ мысляхъ онъ придумалъ себѣ, вмѣсто трона, нѣчто въ родѣ наслѣдственнаго президентства. Опаснѣе его программы были его оптимизмъ, которимъ такъ легко и такъ часто злоупотребляли, да его самообольщеніе насчетъ послѣдствій его доброжелательныхъ предложеній.

Утромъ 5 октября на Гревской площади стекались женщины, дѣти, праздношатающіеся, сперва дюжинами, потомъ сотнями, тысячами. Толпа кричала противъ ростовщиковъ, съ ревомъ требовала хлѣба, направилась къ булочнымъ и, наконецъ, къ ратушѣ. Врядъ-ли когда-нибудь можно будетъ рѣшить, дѣйствительно-ли голодъ вызвалъ крикъ о хлѣбѣ, или это былъ откуда-нибудь дальшій сигналъ. Да это и не важно.

Другая толпа двигалась въ то же время отъ Пале-Рояля; и мы, конечно, не ошибемся, если примемъ, что здѣсь толчекъ исходилъ изъ главной квартиры герцога Орлеанскаго. Тутъ уже толковали: „аристократы виноваты въ томъ, что мы нищенствуемъ и голодаемъ: за это ихъ слѣдуетъ проучить“.

Такъ собирались скопища въ различныхъ частяхъ города, — всѣ съ требоваіемъ хлѣба.

Мѣро парижскаго состоятельнаго населенія не было еще тропуто этимъ движеніемъ. Мало того. Національная гвардія, собравшаяся такъ быстро и въ такомъ большомъ числѣ, какъ только можно было ожидать, немедленно выстроилась противъ мятежнаго сброда. И Лафайетъ явился во-время на мѣсто. Здѣсь онъ совершаетъ первый поступокъ, бросающій яркій свѣтъ на его отношеніе къ дѣлу: онъ посылаетъ въ Версаль сказать министрамъ, что грозитъ походъ парижанъ на Версаль и что пусть перепекутъ правительство и собраніе въ Парижъ. Такимъ образомъ, это роковое слово вышло не изъ толпы, а отъ самого Лафайета.

Буря принимала гигантскіе размѣры. Вскорѣ къ толпѣ присоединились и конейшники. И вотъ, послѣ долгаго ожиданія, Лафайетъ объявилъ, что онъ долженъ стать во главѣ движенія, чтобы не допустить его исказиться. Это могло быть и справедливо. Но наводитъ сомнѣніе то обстоятельство, что онъ уже съ утра проронилъ

слово: „Походъ на Версаль“, которое теперь стало лозунгомъ массъ. Онъ именно любилъ кокетничать съ мятежомъ и выпутываться своимъ двуязычіемъ изъ затрудненій, проистекающихъ отсюда ¹⁾).

Около полудня, на Версаль катился потокъ изъ тысячи головъ, все возрастающій на пути, подобно лавѣ. Впереди шли женщины подъ предводительствомъ Мальяра; за ними палероальское общество, пролетаріатъ предмѣстій и, наконецъ, національная гвардія съ Лафайетомъ. Все шествіе состояло болѣе, чѣмъ изъ ста тысячъ. Парижъ двигался на Версаль.

Национальному собранію, которое именно тогда старалось вынудить у короля безусловное утвержденіе человѣческихъ правъ и конституціи, пришлось выдержать первый натискъ. Вотъ ужъ переполнены трибуны; вотъ масса ворвалась и въ залу совѣщаній. Прежде всего Мирабо долженъ былъ оглушить ее своимъ громовымъ голосомъ, чтобы возстановить хотя самый необходимый порядокъ. Затѣмъ среди шума зарождается мысль о денуціи въ королю. Женщины отпраляются въ королю, требуютъ у него хлѣба и свободы. Тотъ весьма дружелюбно бесѣдуетъ съ ними, и парижанки въ полнѣйшемъ восторгѣ отъ его пріема.

Поздно вечеромъ самъ Лафайетъ пришелъ во дворецъ, и всѣ его входы были заняты стражей. Всякая вспышка должна быть подавлена, и Лафайетъ неутомимъ на своемъ посту. Здѣсь его не можетъ коснуться ни малѣйшій упрекъ. Все время онъ на ногахъ, охраняя неприкосновенность національнаго собранія и дворца, защищая ихъ величества.

Въ два часа утра, Лафайетъ прилежъ отдохнуть, врядъ-ли съ цѣлью дать волю мятежу, какъ толковала придворная знать: въ такомъ случаѣ, ему незачѣмъ было выбиваться изъ силъ, чтобы подавлять его до этой минуты.

Орлеанская партія, на зарѣ, подала свой сигналъ. Ея клеветы бросились во дворецъ. Здѣсь стояли лейбъ-гвардейцы съ истинно-королевскимъ приказаніемъ не употреблять оружія и все-таки защищать короля. На нихъ накинута масса. Передніе часовые были отчасти переранены, отчасти избиты. Теперь осаждающіе взошли вверхъ по лѣстницамъ. Национальная гвардія была отведена, Лафайетъ смалъ: представлялся прекрасный случай совершить преступленіе, убійство; а на это-то и рассчитывали.

Сохранилась записочка герцога отъ 6-го октября, въ которой сказано: „простофиля еще живъ (le marmot vit encore), его слѣдовало бы тотчасъ же умертвить“.

Шайка убійцъ преслѣдовала по пятамъ короля и королеву, ко-

¹⁾ См. объ этомъ у Зибеля (I, гл. 8). О.

торая скрылась въ своей комнатѣ. Тутъ подошѣлъ Лафайеть и прогналъ толпу.

Спасеніе висѣло на волосѣ: не можетъ быть и мысли о томъ, что Лафайету хотѣлось разыграть роль спасителя, что лишь для этого онъ и далъ волю шайкамъ.

Герцогъ проигралъ. „Постарайтесь видѣться съ банкиромъ, писалъ онъ 6 октября одному изъ своихъ повѣренныхъ. Пусть онъ не выдастъ суммы: деньги не заслужены“.

Теперь изъ тысячи устъ раздался крикъ: „Въ Парижъ!“ — и дворъ уступилъ. Когда на площади дворца собралась толпа и потребовала короля, онъ появился на балконѣ, съ національною кокардой, и былъ привѣтствуемъ оглушительнымъ „Vive le roi!“ Лафайеть вывелъ и королеву. Онъ поцѣловалъ ея руку въ знакъ примиренія съ народомъ, и тѣ же самыя, которые только-что вопили: „Долой королеву!“, кричали теперь: „Vive la reine!“ Лафайеть обнялъ затѣмъ одного изъ лейбъ-гвардейцевъ, которыхъ только-что хотѣли умертвить — и народъ снова разразился привѣтствіями.

Король уѣхалъ. Герцога же Орлеанскаго Лафайеть велѣлъ призвать въ себѣ, какъ школьника, и приказалъ ему оставить Францію. Тотъ повиновался; и только въ конвентѣ снова выпрыгнулъ онъ, чтобы подать голосъ за смерть Людовика XVI.

Совѣтуя королю и собранію переѣхать въ Парижъ, Лафайеть имѣлъ въ виду освободить правительство отъ придворныхъ вліяній и поставить его подъ свое собственное руководство. Это намѣреніе приписываетъ ему Пеккеръ, конечно, не безъ основанія.

Когда послѣдовали этому совѣту, произошелъ весьма значительный переворотъ въ дѣлахъ. Вѣдь это впервые исполнилась воля всемогущаго народа, еще дотолѣ не выступавшая рѣшительно, — парижское уличное населеніе. Королевская власть и собраніе подчинились верховной волѣ парижскихъ сходокъ на дворцовой площади Версаля. То была побѣда, которую эта сила, конечно, не забыла, которою она не преминула воспользоваться. Поэтому 5-ое октября было днемъ, когда власть перешла отъ доселѣ всемогущаго національнаго собранія къ части парижскаго населенія, вождь которой еще никому не былъ извѣстенъ. Теперь во главѣ ея стоялъ еще Лафайеть, по завтра могъ стать Петіонъ, послѣ завтра Дантонъ, а тамъ Робеспьеръ. Однимъ могучимъ порывомъ приблизилась страшная опасность: столица и ея массы черни, руководимыя неуловимыми вождями и незримыми побужденіями, завладѣютъ участію Франціи.

Судьба, посланная сентябрьскіе дни 1792 года, терроръ 1793 и наконецъ цезаризмъ, нанесла свой первый тяжелый ударъ. Парижъ открыто и безвозвратно взошелъ на тронъ старой монархіи.

Одна часть собранія ѣхала въ Парижъ съ тяжестью на душѣ; другая совсѣмъ отчаявалась въ будущемъ. Эта послѣдняя, въ своемъ крайнемъ ожесточеніи, послѣдовала примѣру стараго дворянства. Мори и Казалесь, Мунье и Лалли-Толандаль признали все потеряннымъ и удалились. Среднее сословіе стало переселяться, какъ нѣкогда камарилья Артуа и Полиньяковъ. Никогда не должно въ дни волненій стремиться играть роль посредствомъ исчезновенія. Это было слишкомъ рано, какъ вскорѣ должны были признаться сами бѣжавшіе. Мори и Казалесь, поэтому, вскорѣ воротились назадъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

НОВОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО. БОРЬБА КОНСТИТУЦИОННАГО БОЛЬШИНСТВА СЪ МОНАРХИСТАМИ И ДЕМОКРАТАМИ. СЪ ОКТЯБРЯ 1789 ДО АПРѢЛЯ 1791 ГОДА.

ГЛАВА VII.

Мирабо и королевская власть въ октябрѣ и ноябрѣ 1789 г.

Пято не сознавалъ яснѣе Мирабо, къ какой пропасти стремились дѣла со времени октябрскихъ событій. Онъ именно теперь и началъ заботиться, помышлять серьезнѣе, чѣмъ когда-либо, о возобновленіи власти.

Вполнѣ извращенный, слѣпой духъ партій того времени, проявлявшійся въ цѣлой литературѣ клеветъ и доносовъ на Мирабо, обвинилъ его, между прочимъ, и въ томъ, будто онъ, вмѣстѣ съ герцогомъ Орлеанскимъ, подготовилъ событія 5-го и 6-го октября. Но онъ самъ горячо отрицаетъ, какъ личную обиду, всякое подозрѣніе въ тѣсныхъ политическихъ связяхъ съ герцогомъ. А слѣдствіе, параженное потомъ надъ этимъ мнимымъ заговоромъ, окончилось въ 1790 году его полнымъ оправданіемъ. Вопросъ теперь совершенно рѣшенъ, въ особенности послѣ разоблаченій, заключающихся въ перепискѣ Мирабо съ графомъ Ла-Маркомъ, изданной Бакуромъ ¹⁾.

Истинная роль и направленіе Мирабо теперь были уже совершенно противоположны всему прежнему. Онъ велъ осаду старой правительственной формы, поджигалъ мѣшковатое національное

¹⁾ Paris. 1851, 3 v. См. I, 112 и слѣд.

собрание и увлекать его шагъ за шагомъ. Когда феодальная монархія сразу рухнула въ юнѣ и июлѣ, рѣдко кто могъ сказать съ большимъ правомъ, чѣмъ онъ, что это была его вина или заслуга. Какъ въ этомъ, такъ и въ дальнѣйшихъ случаяхъ, его программу былъ разрывъ съ феодальнымъ государствомъ и обществомъ, которыя своимъ туноуміемъ и упрямствомъ довели королевскую власть до этой пропасти, но въ то же время и возстановленіе обновленнаго государства въ видѣ конституціонной монархіи. Это онъ довольно часто высказывалъ въ своихъ рѣчахъ, а еще чаще въ разговорахъ съ близкими людьми. Онъ былъ слишкомъ трезвымъ знатокомъ людей, слишкомъ далекъ отъ увлеченія теоріей и отъ доктринерскаго недантизма, чтобы воображать, будто это общество, въ томъ видѣ, въ какомъ засталъ его 1789 годъ, можетъ послужить содержаніемъ для демократической республики. Его образовали жизнь и свѣтъ. Его не коснулись сотни заблужденій, владѣвшихъ лучшими изъ окружавшихъ его головъ. Его не смущала никакая неясная мечта. Онъ принималъ общество такимъ, какимъ оно было, какимъ оставила его старая Франція, ибо какихъ-нибудь два мѣсяца свободы не могли же вполне преобразовать его.

Онъ желалъ парламентской монархіи, въ которой представители націи обладали бы законодательною властью въ такихъ размѣрахъ, какихъ не давала тогда ни одна конституція въ мірѣ, но въ которой, съ другой стороны, король, сдерживаемый конституціонными рамками, былъ бы также надѣленъ сильными правами и не стѣнялся бы въ своихъ самыхъ необходимыхъ дѣйствіяхъ. Его государственнаго порядка нельзя было найти ни въ учебникѣ, ни въ любомъ сочиненіи Монтескье и Руссо. Онъ стоялъ на почвѣ потребностей Франціи и очищенной программы революціи.

Убѣжденіе, что благо Франціи заключается въ своевременномъ припятіи такого образа правленія и что этотъ оборотъ долженъ совершиться теперь или никогда, вкоренилось въ немъ въ послѣдніе дни. Никто не переселялся изъ Версаля въ Парижъ съ болѣе серьезными заботами. Онъ предчувствовалъ, что будутъ, предвидѣлъ, какъ подѣйствуютъ своимъ неудовимымъ, незамѣтнымъ вліяніемъ столица, агитація клубовъ, безсиліе собранія. Уже въ Версалѣ ему не легко было проводить свои важныя мысли, хотя тамъ его злѣйшимъ врагомъ было лишь его собственное прошлое. Каково же теперь?

Въ то время жилъ во Франціи знатный бельгіецъ, состоявшій въ близкихъ связяхъ со дворомъ и уже давно коротко знакомый съ Мирабо, графъ Ла-Маркъ, впоследствии принцъ Арембергъ. Изъ писемъ и бесѣдъ этого господина почерпнаемъ мы самыя точныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Мирабо ко двору, о чемъ доселѣ

даже лучшіе свидѣтели не могли сообщить ничего, кромѣ слуховъ и неопредѣленныхъ намековъ. Уже въ іюнѣ Мирабо сообщаетъ Ла-Марку: „государственный корабль подвергается страшнѣйшей бурѣ, а у руля нѣтъ никого“. Немного позже въ немъ уже зарождаются, раньше чѣмъ въ комъ-либо, самыя мрачныя предчувствія объ участи короля и королевы. Теперь, въ октябрѣ, онъ высказываетъ желаніе самъ взяться за дѣло и склонить дворъ къ своей спасительной министерской программѣ.

Десять дней спустя послѣ описанныхъ происшествій, онъ написалъ докладную записку, помѣченную 15-мъ октября, для передачи королю. Этотъ документъ достаточно важенъ, чтобы сообщить его здѣсь въ главныхъ чертахъ: имъ отрывается цѣлый длинный рядъ бумагъ того же содержанія.

Записка начинается описаніемъ страшныхъ опасностей, которыми подвергло намѣренія и даже личную безопасность короля переселеніе въ Парижъ. Это—перифраза восклицанія, съ которымъ онъ обратился къ королю 5-го числа: „Ваше величество! Если вы отправитесь въ Парижъ, ваша корона потеряна“. „Столичная чернь, говоритъ онъ, разъ возбужденная, непреодолима. Приближается зима: можетъ случиться недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ; можетъ разразиться банкротство. Что станется въ три мѣсяца съ Парижемъ?“ Затѣмъ онъ оплакиваетъ ненаходчивость министровъ и быстрое паденіе собранія. Онъ находитъ, что „собраніе далеко выбито изъ колеи своихъ собственныхъ убѣждений злополучною неотмѣняемостью, въ которую оно облекло свои первые законы“. Затѣмъ онъ указываетъ, „какъ на единственное средство спасти государство и зарождающуюся конституцію,— на необходимость такого положенія короля, чтобы онъ могъ немедленно вступить въ союзъ съ своимъ народомъ“. О деспотизмѣ революціоннаго Парижа онъ замѣчаетъ: „Парижъ уже давно поглощаетъ всѣ доходы королевства. Парижъ—гнѣздо фискальной системы, которая такъ омерзительна провинціямъ. Парижъ создалъ государственныя долги. Парижъ похоронилъ своимъ пагубнымъ ажіотажемъ общественныя кредиты и омрачилъ честь націи. Неужели же и національное собраніе должно имѣть въ виду только этотъ городъ и губить страну въ угоду ему?“

Тутъ Мирабо переходитъ къ средствамъ спасти короля и собраніе отъ гнета парижанъ и освободить исполнительную и законодательную власти. Онъ рѣшительно возстаетъ противъ всякой мысли о бѣгствѣ къ границѣ: „Удалиться въ Мецъ или въ какое-нибудь другое пограничное мѣсто значитъ объявить войну націи и отказаться отъ трона. Король, въ эту минуту единственная защита своего народа, не долженъ бѣжать предъ своимъ на-

родомъ. Пусть онъ возьметъ его въ судьи своего поведенія и своихъ убѣжденій, но не разрываетъ однимъ ударомъ всѣхъ связей, соединяющихъ его съ ними, не возбуждаетъ противъ себя всевозможныхъ подозрѣній. Онъ не долженъ ставить себя въ положение—возвратиться въ лоно своего государства не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ или съ выпрошенною у чужеземцевъ помощію. И кто можетъ разсчитать, до какой степени въ состояніи разъяриться французская нація, когда она увидитъ, что ея король вмѣшалъ ей, чтобы присоединиться къ ональнымъ и на са-мого себя навлечь опалу?».

Итакъ, не должно бросаться къ границѣ, къ эмигрантамъ, но точно также не должно стремиться и внутрь страны, чтобы, напримѣръ, поднять дворянство. Слѣдуетъ упорно держаться 4-го августа и быть какъ можно дальше отъ всякаго смѣшенія королевской власти съ феодализмомъ.

Въ заключеніе Мирабо развиваетъ свои собственныя предложенія.

Король долженъ, принявши нѣкоторыя предосторожности для безопасности на улицѣ, оставить дворецъ среди бѣлаго дня и отправиться въ Руанъ, главный городъ Нормандіи,—той провинціи, которая съ самаго начала объявила себя за новыя государственныя идеи и своимъ чувствомъ законности представляетъ прочную опору конституціонной монархіи,—предположеніе, которое впоследствии вполне оправдалось. Оттуда онъ долженъ обнародовать манифестъ, заявляя въ немъ слѣдующее: Шнѣ ограничили свободу рѣшеній короля и тѣмъ дали поводъ недовольнымъ отказывать въ повиновеніи постановленіямъ національнаго собранія. Но это можетъ повредить революціи, въ которой король принимаетъ не менѣе участія, чѣмъ самые горячіе друзья свободы. Онъ желаетъ быть неразлучнымъ съ своимъ народомъ, что доказываетъ выборъ Руана: онъ, первый изъ королей, носившихъ его имя, возвращаетъ націи ея полныя права. Изъ постановленій національнаго собранія одни онъ принимаетъ немедленно и безусловно, другія же ему желательно подвергнуть вновь свободному обсужденію націи, не нарушая ихъ временной силы. Онъ призываетъ національное собраніе къ себѣ, чтобы оно свободно продолжало свои работы; потомъ соберетъ національный конвентъ (convention nationale) для провѣрки, измѣненія и утвержденія, труда перваго національнаго собранія. Всего важнѣе упроченіе государственнаго долга и устраненіе парламентовъ, равно какъ и привилегированныхъ корпорацій. Король желаетъ самъ себя ограничить, довольствоваться самымъ скромнымъ содержаніемъ: роскошь должна исчезнуть у трона и при дворѣ. „Если, заключивъ свою записку Мирабо, этотъ перепоротъ произойдетъ быстро, то нація

соберется вокругъ своего короля, потому что и она уже пресытилась внезапными лихорадочными волненіями. По король, съ своей стороны, долженъ упорно уклоняться отъ всякаго плана, основной мыслию котораго не были бы миръ и счастье государства, нераздѣльность монархіи и народа“.

Не легко было указать такой путь королю, у котораго никогда не хватало силъ ни на добро, ни на зло, и который съ 5-го и 6-го октября былъ совершенно надломленъ. Требовалось еще болѣе мужества дѣлать подобныя предложенія передъ лицомъ націи. Ну, какъ попытка не удался? Она и не удалась. Но, конечно, стоило сдѣлать ее, потому что эта минута была наканунѣ перелома въ революціи.

Не явись теперь твердаго порядка, который даровалъ бы націи новую свободу въ прочныхъ формахъ,—и слѣдовало опасаться, что исполнятся самыя мрачныя предчувствія Мирабо, какъ они дѣйствительно и исполнялись всецѣло. Мирабо старался изо всѣхъ силъ, на словахъ и на бумагѣ, внушить королю любовь и уваженіе къ революціи. Онъ говорилъ его доверенному: „Представьте же королю, что такое Франція теперь и чѣмъ она была прежде. Пятнадцать лѣтъ тщетно добивался онъ преобразованій, совершенныхъ націей въ одну ночь. Но революція была бы напрасна, еслибы король открыто и честно не примкнулъ къ этимъ преобразованіямъ. Есть ли veto, или нѣтъ, одна или двѣ палаты — для массъ это все равно; но имъ дороги свобода собственности, свобода труда, свобода совѣсти, равенство передъ закономъ“.

Это, дѣйствительно, и были плодотворныя идеи движенія. Кто спасетъ ихъ, тому и будетъ принадлежать нація. И это случилось вносѣдствіи съ великимъ полководцемъ, котораго воодушевленно подняли на щитъ не за его побѣды, но за то, что онъ обезпечилъ народу безсмертное достояніе 1789 года.

Мирабо стоитъ теперь на узкомъ рубежѣ. Изъ грознаго агитатора и трибуна нарождается совѣтникъ гибнущей монархіи. Онъ напалъ на престолъ, когда тотъ еще жаловалъ милостями и почестями; онъ сталъ на его сторону, когда тотъ уже не могъ ничего дать. Онъ сдѣлалъ это не ради династїи, которой ничѣмъ не былъ обязанъ, но изъ любви къ отечеству и изъ законнаго честолюбія занять мѣсто, въ которому чувствовалъ себя призваннымъ.

Двѣ важныя мѣры, принятія подъ вліяніемъ Мирабо, приводятся въ исполненіе въ первые же дни послѣ переселенія въ Парижъ.

Возмутительное убійство одного булочника (Франсуа), котораго обвиняли за слишкомъ дурной хлѣбъ, напомнило о самомъ боль-

номъ мѣстѣ парижскихъ порядковъ. Это не должно было продолжаться. Мирабо сговорился съ Лафайетомъ,—и былъ проведенъ законъ о мятежѣ, который возлагалъ на общинный совѣтъ отвѣтственность за общественный порядокъ и спокойствіе и уполномочивалъ его, послѣ троекратнаго предостереженія, употреблять силу противъ мятежныхъ скопищъ.

Второю мѣрой было облегченіе финансовой нужды чрезвычайнымъ способомъ. Со времени довлѣда Талейрана (19 октября) всѣ свѣклись съ мыслию, что необходимо объявить церковныя и имущества достояніемъ націи. При этомъ часть ихъ громадныхъ доходовъ должна была пойти на содержаніе государствомъ церковныхъ должностей, а самыя имущества послужили бы залогомъ для государственнаго долга Франціи, который, такимъ образомъ, превратился бы въ гипотечный.

Совершись это, и, по разсчету Мирабо, кредитъ снова оживился бы, ибо государственнымъ заимодавцамъ дали бы ручательство, на которое они могли положиться, и явилась бы возможность восстановить равновѣсіе между приходомъ и расходомъ, котораго не знала Франція уже цѣлыя десятилѣтія. Стоимость церковныхъ имуществъ (200 милліоновъ) была болѣе чѣмъ достаточна для покрытія государственныхъ долговъ. Вопросъ заключался только въ томъ, какъ вынести эти имущества на рынокъ, не давая имъ пойти за безцѣнокъ? Понали на мысль выпустить бумажныя деньги, ассигнаты, которымъ церковныя имущества служили бы залогомъ, и предоставить завѣдываніе государственнымъ долгомъ особому учрежденію ¹⁾.

При этомъ, конечно, въ финансовомъ хозяйствѣ вступали на скользкій путь. Но Мирабо предполагалъ тутъ и сильное управленіе твердой, способной руки, которой слѣдовало передать такое обоюдоострое оружіе. Онъ тѣмъ болѣе возлагалъ надежды на эту руку, что имѣлъ въ виду не чью иную, кромѣ своей собственной.

Планъ былъ поставленъ на очередь въ концѣ октября и началу ноября. Вопросъ о томъ, оставаться ли духовенству богатымъ, или погнѣбить Франціи, былъ рѣшенъ въ духѣ Талейрана и Мирабо, несмотря на противныя рѣчи со стороны духовенства. Въ самомъ началѣ принціпъ былъ одобренъ огромнымъ большинствомъ, и заимодавцамъ французскаго государства доставлялся, такимъ образомъ, безцѣнный залогъ.

Но истинную помощь оказало бы все это только тогда, когда во главѣ государства стояла бы твердая, хорошо направленная

1) Зибель, I, 4 глава. О.

правительственная власть. Мирабо считалъ себя способнымъ образовать подобную власть; и, насколько простирается наше знаніе людей, которыхъ могла выставить тогда Франція, онъ, дѣйствительно, болѣе всѣхъ былъ призванъ къ этому дѣлу.

Онъ переговорилъ объ этомъ съ Лафайетомъ и другими, которыхъ нельзя было обойти. Они, казалось, не противились этому.

Прежде всего, предполагалось побудить министровъ лично присутствовать въ собраніи и принимать хотя совѣщательное участіе въ преніяхъ. Въ конституціонномъ государствѣ ничего не можетъ быть естественнѣе. Съ духомъ парламентаризма совершенно несовмѣстимо постоянное противорѣчіе между министерствомъ и представителями народа. Правительство исходитъ изъ парламента: оно въ нѣкоторомъ родѣ его исполнительный комитетъ, избранный большинствомъ. Поэтому въ Англіи издавна министры были въ то же время вождями партій. Но для французовъ того времени это было еще новостью. Они думали, что правительство и народное представительство суть противоположности, и что естественное отношеніе послѣдняго въ первому, какъ и теперь еще нерѣдко думаютъ, это—„патріотическое недовѣріе“. У насъ еще многіе считаютъ особенною мудростью вообще представляться гордою защитой правительства, но при случаѣ подставлять ему погу, чтобы доказать собственную независимость. Точно такъ было и въ описываемое время во Франціи, гдѣ два учрежденія постоянно чувствовали себя въ открытой или тайной борьбѣ другъ съ другомъ: правительство радовалось каждой ошибкѣ собранія, и наоборотъ.

Это должно было послужить камнемъ преткновенія и для Мирабо.

6-го ноября онъ выступилъ съ рѣчью, которая главнымъ образомъ была посвящена бѣдственному положенію парижскаго населенія и финансовъ государства. Для обсужденія этого вопроса онъ предложилъ устроить чрезвычайныя комиссіи, а для облегченія согласнаго дѣйствія министровъ и національнаго собранія даровать первымъ совѣщательный голосъ въ преніяхъ послѣдняго.

Теперь въ собраніи всѣ содрогнулись. „Онъ хочетъ быть министромъ“, подумали противники, и они были правы: таково, дѣйствительно, было его намѣреніе. У иныхъ, можетъ быть, повелѣнулось честное, цѣломудренное отвращеніе къ его репутации; но большинство все-таки испугалось его внушительныхъ дарованій. Плохое министерство было такъ удобно. И если были люди, которые видѣли въ продолженіи дефицита залогъ свободы, то были

и такіе, которые опасались за значеніе національнаго собранія при сильномъ, гениальномъ министрѣ.

Дѣло было отложено. На слѣдующее утро всѣ собрались съ силами.

Лафайетъ перемѣнилъ свое рѣшеніе. Онъ опасался, дѣйствуя заодно съ Мирабо, лишиться популярности, и хотя самъ не говорилъ противъ мнѣнія, которое онъ только-что отстаивалъ, но за него дѣйствовали друзья. 7-го ноября, послѣ долгихъ преній, которыя обнаружили господствующее настроеніе, депутатъ Блинъ, только этимъ и прославившійся, ошеломилъ всѣхъ своимъ предложеніемъ, чтобы въ эту сессію никто изъ членовъ національнаго собранія не вступалъ въ министерство.

Тогда Мирабо началъ свою мастерскую рѣчь.

„Я не могу допустить, чтобы виновникъ этого предложенія серьезно рѣшилъ, что собранные здѣсь избранныки націи не могутъ составить хорошаго министерства; что королю, когда онъ въ затруднительныхъ случаяхъ пуждается въ совѣтѣ націи, должно быть предоставлено избирать въ совѣтодатели кого угодно, только не гражданина, облеченнаго довѣріемъ націи; что постановленіе, открывающее каждому гражданину, смотря по его достоинствамъ и талантамъ, доступъ ко всякой должности и ко всякому сану, не должно быть примѣнимо лишь къ этому собранію, созданному по волѣ народа.

„Конечно, онъ думалъ ипаче. Предложеніе должно имѣть какую-нибудь тайную причину. Очевидно, оно направлено не противъ этого собранія, а противъ его отдѣльныхъ членовъ. Оно можетъ относиться только къ двоимъ: къ самому, сдѣлавшему это предложеніе, и ко мнѣ. Первый, можетъ быть, въ своей безграпичной скромности и робости, испугался, что на его долю можетъ выпастъ величественное доказательство довѣрія со стороны королевскаго величества, и желалъ открыть себѣ выходъ, предложивъ исключеніе всѣхъ.

„Чтобы предупредить великую несправедливость, которая, такимъ образомъ, будетъ панесена этому собранію, я предлагаю такую прибавку: примѣнить требуемое исключеніе къ одному графу Мирабо, депутату отъ Э“.

Но и это не помогло. Предложеніе депутата Блина было принято, и это постановленіе убило возможность парламентской монархіи. Чтѣ послѣ этого было еще возможно, должно было показать ближайшее будущее.

Государственное устройство 1789—1790 годовъ.

Слѣдующія затѣмъ работы національнаго собранія, съ ноября 1789 до сентября 1790 года, представляютъ связное цѣлое. И какъ бы строго мы ни судили его слабости и недостатки, это цѣлое имѣетъ всемірно-историческое значеніе. Что было создано въ эти мѣсяцы, то надолго сохранило за собою рѣшительное вліаніе — не потому, чтобы Франція созрѣла для осуществленія конституціоннаго идеала, но потому, что она собрала, въ этой великой картіи новаго государственнаго устройства, умственный трудъ вѣка на политическомъ поприщѣ. Въ частностяхъ можно и должно было произвести измѣненія и ограниченія, что, дѣйствительно, и случилось не разъ, именно въ пользу монархической власти; но общее содержаніе было таково, что должно было служить программой для всякой подобной конституціи. Переберите все конституціи, дарованныя въ Испаніи, Германіи, Бельгіи, Голландіи, даже въ Южной и Центральной Америкѣ: вездѣ въ основѣ лежатъ одни общія начала, и они выработаны конституціей 1789—1790 годовъ. Да, рѣшенія учредительнаго собранія обошли весь свѣтъ.

Самыя важныя изъ нихъ касались гражданскихъ и избирательныхъ правъ, организаціи народнаго представительства, раздѣленія государственной области, устройства общинъ и судовъ, отношенія церкви къ государству.

Въ преніяхъ объ этихъ предметахъ заключается все, что вообще здѣсь можетъ быть спорнаго. И съ какой стороны ни поглядѣть на вытекшія отсюда рѣшенія, нельзя отрицать, что самыя совѣщанія служатъ неисчерпаемымъ источникомъ самыхъ многостороннихъ точекъ зрѣнія и сужденій. Здѣсь обнаружилось все богатство политическихъ и юридическихъ свѣдѣній и талантовъ, заключавшееся въ собраніи.

Гражданскія и избирательныя права.

Прежде всего, какъ главное основное положеніе, было постановлено, что первое примѣненіе дѣйствительнаго гражданскаго права, именно права подавать голосъ и выбирать въ первоначальныхъ собраніяхъ (*assemblées primaires*), должно принадлежать каждому Французу, который достигъ 25-лѣтняго возраста, не находится въ услуженіи, не обанкротился, не менѣе года живетъ въ своемъ округѣ и платитъ прямой налогъ, равный трехдневной заработной платѣ.

Такимъ образомъ, опредѣленіе гражданскихъ правъ тотчасъ же началось съ различія между дѣйствительными (активными) и страдательными (пассивными) гражданами, которыхъ раздѣляли доходы и имущество. Правда, эту границу можно было легко переступить, увеличивъ немного свои заработки; но все-таки она выражала неравенство, а между тѣмъ чело-вѣческія права выставляли всеобщее равенство.

То было очевидное противорѣчіе, которое не ускользнуло отъ радикаловъ. Обнаружились слѣдствія, которыя совершенно упустили изъ виду благонамѣренные фанатики чело-вѣческихъ правъ, тогда какъ лѣвая сторона, ревностно поддерживавшая ихъ въ августѣ, уже тогда очень хорошо знала, къ чему она стремилась.

Гораздо серьезнѣе, чѣмъ на слова аббата Грегуара, требовавшаго избирательнаго права для каждаго „хорошаго гражданина, имѣющаго здравый смыслъ и французское сердце“, слѣдуетъ смотрѣть на рядъ умозаключеній, приведенныхъ уже 22 октября Робеспьеромъ. Вотъ они. „Конституція опредѣляетъ, что верховная власть пребываетъ въ народѣ (онъ говоритъ *peuple*, а не *nation*), во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ народа (*dans tous les individus du peuple*). Слѣдовательно, каждая личность имѣетъ право принимать участіе въ обязательномъ для нея законѣ и въ управленіи общественными дѣлами, которыя суть ея дѣла. Въ противномъ случаѣ, неправда, что всѣ люди равноправны, что каждый чело-вѣкъ гражданинъ“.

Эти возраженія провалились, вслѣдствіе рѣшенія большинства. Но логическій выводъ, вытекающій изъ „Объявленія чело-вѣческихъ правъ“, не былъ этимъ опровергнутъ.

Избиратели первоначальныхъ собраній выбираютъ избирателей департаментскихъ собраній, а право быть избраннымъ въ это собраніе обусловливается налогомъ, равнымъ 6-тидневной ¹⁾ заработной платѣ. Этотъ цепъ былъ призракомъ. На дѣлѣ само собою разумѣлось, что первоначальные избиратели будутъ выбирать въ департаментскія собранія только людей состоятельныхъ.

Департаментскіе выборщики, которыхъ приходилось по одному на 100—150 дѣйствительныхъ гражданъ, избирали депутатовъ въ національное собраніе. Чтобы быть депутатомъ, необходимо было платить налогъ въ размѣрѣ серебряной марки и владѣть какою-нибудь поземельною собственностью.

Кромѣ этого, постепенно возвышающагося, цепза, всѣ остальные различія были уничтожены. Прежде всего, было выставлено

¹⁾ Тутъ память измѣнила профессору, а Онгенъ не исправилъ его ошибки: требовался налогъ, равный шести дневной заработной платѣ. *Ред.*

великое начало, котораго, кажется, нельзя было здѣсь ожидать, — равенство вѣроисповѣданій. Теперь уже не существовало различія между католиками и протестантами. Даже евреямъ было обѣщано и черезъ годъ, дѣйствительно, даровано равное съ другими гражданами положеніе.

Раздѣленіе государственной области. Общины.

Старая Франція была странно сгруппирована. Были провинціи съ историческими правами и древними конституціями, которыя гордо выставляли, порой даже противъ короля, свои „капитуляціи“ и еле понимали говоръ своихъ сосѣдей. Подлѣ этого историческаго раздѣленія шло нестрое государственное: губерніи, генеральства, округи, *baillages*, *sénéchaussés* и т. д. Все это взаимно перекрещивалось самымъ произвольнымъ и безтолковымъ образомъ и составляло чудовищный хаосъ самыхъ разнохарактерныхъ управленій.

Национальное собраніе было на волосъ отъ искушенія вырвать все это съ корнемъ и насильственнымъ переворотомъ очистить поле дѣйствія. Не спрашивая о томъ, что изъ завѣщаннаго достойно сохраненія, что нѣтъ, оно готово было прямо сказать: „все старое должно погибнуть; нѣчто совершенно новое должно возникнуть“.

Мирабо въ высшей степени глубокомысленно возражалъ противъ стремленій къ безусловному сглаживанью. Вотъ его слова:

„Я предпочелъ бы математическому, такъ сказать, идеальному дѣленію—реальное, сообразное съ матеріальными потребностями, съ особенностями мѣстностей и съ обстоятельствами. Это дѣленіе имѣло бы въ виду не только создать представительство, соответственное численности населенія, но также сблизить правительство съ подданными и съ условіями страны и въ болѣе значительной степени вызвать соревнованіе съ нимъ гражданъ. Словомъ, оно тотчасъ же подняло бы уровень просвѣщенія и трудолюбія, т. е. истинной силы и истиннаго могущества ¹⁾. Цѣль общества не въ томъ, чтобы правленіе было легко, но въ томъ, чтобы оно было справедливо и просвѣщено...“

„Я очень хорошо знаю, что (идя по другому, не по моему пути) не раздробятъ домовъ и деревушекъ, но зато разединятъ

¹⁾ ... de rapprocher l'administration des hommes et des choses et d'y admettre un plus grand concours des citoyens; ce qui augmenterait sur le champ les lumières et les soins, c'est-à-dire la véritable force et la véritable puissance.

еще менѣе разъединимое, порвутъ всѣ связи, которыя такъ давно коренятся въ нравахъ, привычкахъ, обычаяхъ, въ общности труда и языка. Я понимаю только одно дѣленіе, — дѣленіе не королевства, но провинцій. А при введеніи такого дѣленія приходится дѣйствовать не на гладкой поверхности, ибо природа не одинаково создала все населеніе, которое, въ свою очередь, порождаетъ національное богатство“.

Собраніе порѣшило иначе. Оно раздѣлило страну не по различію или сходству исконныхъ условій жизни, какъ хотѣлъ Мирабо, а чисто внѣшнимъ образомъ, по сѣти географическихъ границъ — рѣкъ, возвышенностей, горныхъ хребтовъ, долинъ, болотистыхъ и песчаныхъ мѣстностей. И, вотъ, получились 83 департамента, которые разрушили повсюду древніе историческіе округа и перерѣзали всѣ жилы провинціальной жизни.

83 департамента распадались на 574 округа, 4.760 кантоповъ и 44.000 муниципалитетовъ (общинъ).

Этимъ раздѣленіемъ все-таки достигли, можетъ быть, большаго, чѣмъ желали. Въ самостоятельной жизни каждой провинціи стараго строя было много темныхъ сторонъ; въ особенности внутреннія таможи и отдѣльные суды были несовмѣстимы ни съ какою формой дѣйствительнаго государственнаго единства. Но когда уничтожили эти наросты, провинціальный духъ сохранялъ еще много здоровыхъ свойствъ, которыя не заслуживали подобной участи. Свобода французскаго народа, можетъ быть, вовсе не выиграла отъ того, что провинціи были совершенно лишены самобытной жизни, что все ихъ существованіе сдѣлалось лишь отраженіемъ столицы, что всякое своеобразное политическое и умственное образованіе въ странѣ было подавлено, и все было поглощено неизмѣримымъ парижскимъ однообразіемъ.

У насъ, въ Германіи, съ трудомъ можно представить себѣ подобную форму государственнаго единства; и, конечно, она въ очень многихъ отношеніяхъ противорѣчила бы духу нѣмцевъ. Но и Франціи, можетъ быть, приходилось сожалѣть о томъ, что отъ ея провинціального духа осталось слишкомъ мало, что области обратились въ одни географическія понятія, что сокрушилось самобытное существованіе корпорацій.

Намъ, по крайней мѣрѣ, кажется, что во Франціи дѣйствительная государственная свобода немислима до тѣхъ норъ, пока отъ централизаціи не сдѣлаютъ значительнаго шага назадъ, къ децентрализаціи; пока не дадутъ провинціямъ больше жизни и самостоятельности, чѣмъ сколько имъ было предоставлено съ 1789 г. Иначе парижскіе клубы или парижскіе гарнизоны всегда будутъ предписывать законы Франціи. Это была одна изъ причинъ, почему

Мирабо не одобрилъ принципа новаго раздѣленія. Съ удивительнымъ ясновидѣніемъ указывалъ онъ на опасности этого нововведенія, хотя онъ и не былъ другомъ стараго. Но съ этимъ отдѣломъ конституціи случилось то же, что и со многими другими. Страхъ передъ одною крайностью, которой желали избѣжать, зная ея вредъ, заставилъ впасть въ противоположную крайность, вреда которой не понимали. Своимъ виновникамъ это произведеніе могло казаться образцовымъ, потому что оно шло впередъ съ безукорыненной вѣрностью, именно такъ, какъ они желали. Но, можетъ быть, слѣдуетъ сожалѣть, что они такъ желали.

Итакъ, департаментскіе избиратели выбираютъ депутатовъ. Одна большая избирательная коллегія назначаетъ всѣхъ представителей департаментовъ въ національное собраніе. Число ихъ сообразуется съ величиной области, съ численностью населенія и съ суммой податей. Общее число депутатовъ должно простираться до 745 человѣкъ.

Тѣ же избиратели избираютъ 36 чиновниковъ, которые, вмѣстѣ съ исполнительнымъ комитетомъ, должны управлять департаментомъ, въ качествѣ совѣтательной коллегіи, и, далѣе, 42 окружныхъ чиновника, которые точно также завѣдываютъ округомъ. Въ общипахъ старшины, меры, procureur, procureur syndique и т. д. избираются дѣйствительными гражданами на два года.

Парижъ получаетъ особенное устройство. Онъ раздѣляется на 48 частей (sections) съ 16 администраторами, снабжается муниципальнымъ совѣтомъ изъ 32 и генеральнымъ совѣтомъ—изъ 96 членовъ; а во главѣ всего ставится меръ. Последній занималъ чрезвычайно высокое положеніе и могъ стать могущественнѣе самого короля Франціи. Впослѣдствіи совершенно отступили отъ этого и раздѣлили Парижъ на нѣсколько мерствъ.

Такимъ образомъ, вся Франція распалась на безконечное множество избирательныхъ округовъ, которые составляли какъ бы маленькія самостоятельныя республики; а во главѣ стоялъ монархъ, который по избирался и не имѣлъ никакого вліянія на назначеніе низшихъ органовъ правленія. На долю монархіи выпало слишкомъ мало. Она сама явилась во главѣ государства выборныхъ чиновниковъ, какъ какое-то противорѣчіе или роскошь. Монархія, при такомъ количествѣ демократіи, была отчасти излишня, отчасти опасна.

Но избирали ужъ слишкомъ много. Не должно забывать, что и самаго лучшаго можетъ быть слишкомъ много. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ передъ нами народъ, который былъ лишенъ доселѣ самыхъ почетныхъ правъ въ управленіи собственными дѣлами, а теперь вдругъ былъ втянутъ въ безпрестанные выборы. Вѣчно занятый выборомъ своихъ представителей, онъ вскорѣ могъ получить отвра-

женіе къ нему. Въ такомъ случаѣ было бы достаточно ничтожнаго, но бодрого меньшинства, чтобы, среди усталаго народа, по своему направлять выборы, которые выражали бы настроеніе лишь маленькой партіи. А, можетъ быть, затѣмъ пришло бы время, когда нація вообще пресытилась бы этимъ пустымъ зрѣлищемъ и стала бы жаждать сильнаго правительства. Эту жажду возбудило правленіе якобинцевъ, а утолило ее консульство. Такимъ образомъ, изъ этого свободѣйшаго общиннаго устройства вытекла Бонапартовская система префектуръ, самый деспотическій порядокъ въ мірѣ.

Всѣ были утомлены и загнаны; всѣ были рады какой-нибудь правящей силѣ. Вѣдь уже опытъ доказалъ, что коснись только серьезно его гражданскихъ обязанностей—и „мирный гражданинъ“ словойно удаляется отъ всего, предоставляя дѣла или самимъ себѣ, или, скорѣе, тѣмъ, кто стоитъ ближе къ нимъ. Онъ охотно пользуется правами, но неохотно исполняетъ обязанности. И вотъ, награда достается тому, кто дѣйствуетъ, когда другіе спятъ.

Итакъ, все упомянутое было мертвой буквой по отношенію къ тогдашнему устройству Франціи. По относительно всей великой организаціи будущаго это были труды первой важности: то были подготовительныя работы для полнаго обсужденія всѣхъ главныхъ вопросовъ. Весьма часто справедливость на сторонѣ меньшинства. Она легко можетъ быть отвергнута большинствомъ; но не такъ-то легко оставить ее безъ вниманія.

Судоустройство.

Старыя французскіе суды, какъ мы уже видѣли, представляли такой же дикій хаосъ, какъ и общественное управленіе. Оттого-то и здѣсь собраніе руководилось мыслию произвести самыя коренныя преобразованія и съ поумолимою послѣдовательностью вывести все изъ одного начала. Постѣ устраненія простыми декретами парламентовъ, слѣдовало прежде всего создать единую систему судовъ, съ простыми, ясными ступенями и съ правильнымъ разграниченіемъ ихъ вѣдомствъ. Затѣмъ нужно было учредить, для техническихъ вопросовъ, суды изъ специалистовъ (например, торговые), а для мелкихъ дѣлъ—простой, независимый, денежный судъ изъ мировыхъ судей въ каждомъ кантонѣ. Надъ ними требовалось поставить рядъ высшихъ судовъ, вплоть до кассаціоннаго, который долженъ слѣдить за соблюденіемъ формальностей въ приговорахъ.

Въ уголовныхъ дѣлахъ были введены присяжные для рѣшенія вопроса о фактѣ преступленія. Многие ораторы

требовали присяжныхъ и для гражданскихъ дѣлъ. Шарль Ламетъ полагалъ, что и въ гражданскомъ процессѣ нельзя добиться справедливости безъ присяжныхъ. Это все равно, какъ если бы сказалъ народу: „Мы охотно дадимъ тебѣ право защищать твою жизнь, но твое имущество такая вещь, что города не намѣрены предоставлять ее сельскому населенію“. Робеспьеръ замѣтилъ, что различіе между вопросами о фактѣ и о правѣ здѣсь такъ же умѣстно, какъ и въ уголовныхъ процессахъ: „Факты—говорилъ онъ—всегда останутся фактами. При каждой продажѣ ставится вопросъ о фактѣ: состоялась-ли продажа?“

Лишь незначительное большинство отклонило распространеніе суда присяжныхъ на гражданскія дѣла.

Почти вся пынѣвшая система судовъ съ присяжными поконится на основахъ законодательства этого времени. Съ юридической точки зрѣнія, можно еще сомнѣваться въ вѣрности такого способа приговора. Но дѣло въ томъ, что это—болѣе политическій, чѣмъ юридическій вопросъ. Во-первыхъ, судъ присяжныхъ популяренъ, пользуется въ народѣ наибольшимъ довѣріемъ. Во-вторыхъ, въ природѣ вещей, чтобы народъ, которому предоставлены все гражданскія права, не былъ лишенъ и самаго высшаго изъ нихъ,—права на жизнь и смерть гражданина.

Въ вопросѣ о судахъ національное собраніе выказалось во всемъ своимъ блескѣ. Здѣсь всего яснѣе выступила его техническая подготовка. Здѣсь засѣдали извѣстнѣйшіе судьи, знаменитѣйшіе адвокаты, важнѣйшіе правовѣды Франціи. Творцы славнѣйшаго Code civil по большей части принадлежали къ этому собранію, а въ ихъ трудѣ доселѣ измѣнены лишь частности.

Отношеніе государства къ церкви.

Для рѣшенія церковнаго вопроса было чрезвычайно важно, что громадное большинство націи принадлежало къ одной церкви. Уже не очень многочисленные протестанты, терпимые до 1789 г. лишь по милости короля (пантскій эдиктъ все еще не былъ постановленъ), получили полное равенство правъ, т. е. больше, чѣмъ давалъ имъ пантскій эдиктъ. Евреи пользовались такимъ же положеніемъ. За исключеніемъ этихъ частичекъ, все остальное французское населеніе, милліоны, принадлежали къ католической церкви. Оттого-то опредѣленіе отношеній государства къ церкви было здѣсь гораздо легче, чѣмъ гдѣ-либо, хотя тутъ именно и заключается тотъ пунктъ, надъ которымъ собраніе всего больше домало голову и потерпѣло очевиднѣйшую неудачу. Правда, подобно

вопросы вообще нелегки даже и въ наше время. Но все-таки тогда обошлись съ ними не такъ, какъ слѣдуетъ государственнымъ мужамъ.

Я не изъ тѣхъ, что думаютъ, будто въ вопросахъ государственнаго права и государственнаго устройства каноническое право есть высшій авторитетъ. Но я и не поклонникъ *Constitution civile du clergé* 1790 года, по которому государство хотѣло вмѣшиваться во всѣ духовныя дѣла и бюрократически заправлять ими. Здѣсь мы снова встрѣчаемся съ вліяніемъ крайностей стараго порядка на основателей новаго. Здѣсь взяли верхъ негодование на безграничное всемогущество римской церкви, да яansenистская и вольтерьянскія злоба на чрезмѣрныя притязанія вурii. Оттого-то здѣсь ~~еще~~ больше, чѣмъ вообще слѣдуетъ въ конституціонномъ государствѣ.

Главнѣйшіе пункты новаго церковнаго устройства были слѣдующіе:

1) Каждый департаментъ составляетъ епархію (*diocèse*). Всѣ остальные епархіи уничтожаются. Вся епархіальная система издавна была подъ вѣдѣніемъ вурii: теперь столь же односторонне ударились въ другую крайность и узаконили полную революцію.

2) Каждому духовному лицу воспрещается признавать власть епископа или митрополита, мѣстопребываніе котораго находится внѣ французской страны и французскаго государства.

3) Въ каждой епархіи находится только одна семинарія для образованія духовенства, состоящая въ исключительномъ завѣдываніи государства.

4) Всѣ титулы, должности, санъ и церковныя доходы, прямо не именованныя въ этой конституціи, теряютъ свое значеніе.

5) Со дня обнародованія этого постановленія приходскія мѣста и епископскія кафедръ будутъ заниматься только по выборамъ дѣйствительныхъ гражданъ простымъ большинствомъ голосовъ.

6) Утвержденный въ своемъ санѣ епископъ не долженъ давать никакой иной присяги, кромѣ той, что онъ исповѣдуетъ католическую и апостольскую религію.

Это противорѣчило всѣмъ другимъ присягамъ, доселѣ обычнымъ у духовенства, и потому смущало его совѣсть.

7) Новый епископъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ обращаться къ папѣ за утвержденіемъ. Слѣдуетъ только просто сообщить папѣ объ этомъ, въ знакъ единства вѣры и церкви.

Государственная власть выступила здѣсь изъ своихъ границъ, что могло быть весьма опаснымъ для нея. Что если французскій народъ настроенъ католически и церковно гораздо болѣе, чѣмъ разсчитывали члены національнаго собранія?

Какъ ни были распространены яansenизмъ и вольтерьянизмъ, массы все-таки придерживались вѣры отцовъ. Здѣсь коренилась сила церкви, и касаться ея было крайне опаснымъ предпріятіемъ. Если свобода должна имѣть значеніе, то именно здѣсь, въ драгоценной области совѣсти.

Ни одно изъ постановленій собранія не встрѣтило такого сопротивленія, какъ это, и не отъ подстрекательства духовенства, которыя, разумѣется, не замедлили появиться, а потому, что были глубоко оскорблены извѣстныя чувства, которыя не затронетъ ни одно благоразумное законодательство. Собраніе зашло слишкомъ далеко. Оно установило даже присягу конституціи, вызвавшую безконечный рядъ сопротивленій, за которыя духовенство подверглось преслѣдованіямъ. Плодомъ этого была междоусобная война. Безъ распаденія священниковъ на присяжныхъ и неприсяжныхъ, безъ раскола въ католическомъ населеніи, западъ и югъ Франціи не взволновались бы до такой степени, какъ это случилось: именно, въ Вандей не возникло бы междоусобной войны. Такъ мстило за себя уклоненіе отъ начала свободы.

Нѣтъ нужды распространяться вообще о значеніи этихъ трудовъ національнаго собранія. Довольно сказать, что въ нихъ, можетъ быть, коренилась будущность цѣлой части Свѣта.

Жаль только, что въ самой-то Франціи было дано мало времени, чтобы эти зародыши пустили корни.

Повсюду основы государственнаго порядка были слишкомъ подорваны прежде и расшатаны теперь, чтобы питать надежду, будто для возстановленія государства достаточно клочка бумаги, на которомъ написана, пожалуй, и драгоценная конституція. Такъ несея корабль, по волѣ бури, въ неизвѣстную даль. А его экипажъ мирно работалъ надъ начертаніемъ конституціи, достоинства которой нельзя отрицать, по которой все-таки врядъ ли было достаточно, чтобы ввести этотъ корабль въ пристань.

Клубы и печать. Вопросъ о войнѣ.

Ни въ чемъ не проявилось такъ поразительно роковое значеніе переѣзда правительства и собранія въ Парижъ, какъ въ поведеніи клубовъ и печати ¹⁾. Ихъ вліяніе такъ разрослось, что

¹⁾ Вотъ намѣтка Гейссера, въ его выпискахъ изъ Монитѣра: „Насколько измѣнилось положеніе дѣлъ въ началѣ 1790 года, видно уже изъ бѣглаго взгляда на Монитѣръ. Большую часть этой газеты наполняютъ теперь отчеты о насѣданіяхъ municipalitѣ, comitѣ de police, Chatcleet, comitѣ de recherches. Выѣстъ съ тѣмъ, толкамъ въ клубахъ, наиримѣръ, въ кордельерскомъ и

они могли даже препятствовать упроченію власти болѣе замкнутой и энергичной партіи, чѣмъ большинство національнаго собранія.

Въ сущности свобода печати появилась уже на первой недѣлѣ мая 1789 г. Неудачная попытка подавить мысль Мирабо о государственныхъ чинахъ была послѣднимъ вздохомъ старой цензуры. Но въ описываемое время не было уже, съ другой стороны, и законнаго порядка въ дѣлахъ печати. Ни одинъ разумный человекъ не станетъ оспаривать, что въ свободномъ государствѣ должна быть и свободная печать; но никто также не станетъ отрицать, что этой свободѣ, какъ и всякой другой, должны быть положены свои границы. Въ національномъ собраніи никто не сомнѣвался, что воровство, разбой должны быть караемы, какъ преступленія, несмотря на человѣческія права. Но никто не спрашивалъ: не бываетъ-ли преступленій и въ печати? Слѣдуетъ-ли оставлять безъ наказанія самую явную, позорную клевету, самый наглый призывъ къ убійству, мятежу и насилію? При такой неурядицѣ въ печати, возникаетъ тотъ грязный родъ литературы, который обдуманно возбуждаетъ низкія страсти грубѣйшей черни, постоянною подозрительностью и безстыдною клеветой заглушаетъ высшихъ и доноситъ низшимъ. Объ опасностяхъ подобной распушенности часто думаютъ слишкомъ снисходительно. Воображаютъ, будто на человека съ самостоятельнымъ умомъ голая ложь и злоба не имѣютъ вліянія. Но при этомъ забываютъ, что въ подобныя времена не разсудительный человекъ рѣшаетъ все, а тотъ, кто управляетъ страстями; что тутъ въ массахъ возникаетъ неизмѣримое уваженіе ко всему печатному, вовсе неизвѣстное имъ въ дни мира.

якобинскомъ, придано больше значенія, чѣмъ національному собранію. Парижъ все болѣе и болѣе становится средоточіемъ и рычагомъ всего движенія. А Мониторъ еще доныо умѣренная газета. Въ немъ (№ 23) весьма мѣтко сказано объ „Ami du peuple“: „Кто бы могъ подумать, что „Ami du peuple“ распространяетъ въ лучшемъ обществѣ; что его авторъ и ризаніи и боецъ извѣстныхъ аристократовъ, употребляющихъ его съ тѣмъ, чтобы онъ сѣялъ поусюду волненія, возмущая своего друга, народъ, противъ всякаго рода администраціи“? Къ началу этого года относится и выходъ нѣмецкихъ князей, пострадавшихъ отъ 4 августа. Въ № 53 Мониторъ есть статья, въ отдѣлѣ „Allemagne“, съ весьма замѣчательнымъ заключеніемъ. Вотъ что было сказано тутъ по поводу помощи, которую просилъ у Нѣмецкой имперіи архіепископъ страсбургскій, въ вѣстивъ ея члена: „Кому не откажутъ въ этой помощи. Даже можетъ случиться, какъ говорить вездѣ и громко, что его требованіе, вмѣстѣ съ жалобами другихъ имперскихъ князей, имѣющихъ владѣнія въ Эльзасѣ, приведетъ къ соединенію этой страны съ Германіей, отъ которой она была оторвана честолюбіемъ и къ которой должна теперь снова принадлежать по основамъ международнаго права“.

Оттого-то люди, въ родѣ Марата, производили впечатлѣніе и приобрѣли вліяніе, хотя только и дѣлали, что неутомимо клеветали да втаптывали все въ грязь. Газетка Марата „Ami du peuple“ имѣла самое видное значеніе. Она ежедневно наполнялась самыми преступными подстрекательствами: вмѣсто свѣдѣній—клеветами, вмѣсто сужденій—плевками. Она вызывала такія страсти, какъ ненависть, месть, кровожадность. Вотъ ея политика. Такою-то ежедневною нищей были вскормлены шайки 1793 года. Въ этой-то школѣ образовались головорѣзы времени гильотины.

Приведемъ два-три мѣста изъ этой газеты. Въ одной изъ передовыхъ статей за іюль 1790 г. (№ 198) говорится: „Поставьте въ Тюльерійскомъ саду 800 висѣлицъ: пусть на нихъ болтаются всѣ измѣнники отечества, съ проклятымъ Рикетти во главѣ. Тутъ же рядомъ разложите большой костеръ, чтобы изжарить на немъ министровъ съ ихъ сообщниками“. Образованный человекъ скажетъ, пожалуй, при этомъ: „слишкомъ грубы выраженія. Они сами произносятъ себѣ приговоръ и производятъ поэтому обратное дѣйствіе“. Но онъ забываетъ о звѣрской сторонѣ въ людяхъ; онъ забываетъ, на что она способна въ подобныя времена.

Въ другомъ № сказано: „Назначьте военнаго трибуна; вооружите его лишь на три дня государственною властью; подчинитесь ему съ тѣмъ, чтобы онъ отрубилъ преступныя головы всѣмъ, кто, вотъ уже 15 мѣсцевъ, въ заговорѣ противъ васъ. Прежде всего однако бѣгите въ С.-Клу; приведите короля съ дофиномъ въ свои стѣны; арестуйте австріячку; возьмите въ плѣнъ ея зятя, мера, генерала, и закуйте въ кандалы министровъ“, и т. д.

Уже по заглавію цѣлаго ряда передовыхъ статей можно судить о духѣ газетки. Тамъ надъ статьями встрѣчается: Настоятельная потребность всеобщаго мятежа. Необходимость всеобщаго возстанія. Кабать. Неизбѣжная междоусобная война, предсказанная сто разъ въ продолженіе 15 мѣсцевъ „Другомъ народа“.

Все это непрерывно проповѣдывалось 365 дней въ году. Наконецъ, чернь стала думать: „А, вѣдь, что-нибудь да такъ“, въ особенности, когда ей доказывали, что въ ея голодѣ виноваты измѣнники. Наконецъ, она стала считать Марата непризнаннымъ величіемъ. Зло теперь уже такъ сильно расплодилось, что ограничить его можно было только цѣной свободы.

То же самое было и съ клубами.

Въ маѣ 1789 г. тамъ и сямъ уже возникла мысль устроить политическій клубъ. „Клубъ,—сказалъ Мирабо,—это—мѣсто, гдѣ одинъ значить то же, что сотня“. Назначеніемъ тогдашнихъ клубовъ, какъ и всегда, было собирать подъ одно знамя единомыш-

ленниковъ, еще незнакомыхъ другъ съ другомъ. Образование подобныхъ обществъ всегда бываетъ неизбѣжною необходимостью. Но не слѣдуетъ допускать ихъ перевѣса надъ парламентомъ: это—уже извращеніе дѣла. Впрочемъ естественно, что въ собраніи 1200 человекъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, 800 всегда находились налицо, приверженцы одинаковыхъ или сходныхъ мнѣній сходились для правильныхъ совѣщаній и уговоровъ. Именно бретонскіе депутаты подали тутъ первый примѣръ. Къ нимъ вначалѣ приходили люди всѣхъ оттѣнковъ. Почти всѣ отдѣлы партій, отъ Балли и Мунье до Барнава и Петіона, собирались въ бретонскомъ клубѣ. Такъ было, пока національное собраніе оставалось въ Версалѣ. Дѣло пошло иначе, когда клубъ переселился, вмѣстѣ съ нимъ, въ Парижъ. Этотъ кружокъ—еще не позднѣйшій явобинскій клубъ. Онъ проходилъ среднюю ступень конституціоннаго направленія, хотя и былъ уже на пути къ той цѣли.

Кружокъ, подобно національному собранію, началъ засѣданія со всѣми внѣшними принадлежностями парламентаризма,—съ председательствомъ, бюро, протоколами, длинными совѣщаніями, буйными слушателями, подачею голосовъ и постановленіями. Вскорѣ дѣятельность парижскаго населенія и рѣшительное вліяніе на него сосредоточились въ Явобинскомъ монастырѣ, гдѣ происходили клубныя засѣданія въ парламентской формѣ. Наконецъ, кружокъ начинаетъ превращаться въ нѣчто, вовсе несвойственное политическимъ клубамъ. Онъ—уже не разговорная зала, гдѣ уясняются вопросы дня, распространяется вѣрный взглядъ на извѣстныя политическія дѣла, по средоточіе цѣлой сѣти побочныхъ обществъ по всей Франціи, которыя, получая сигналы изъ парижской первоначальной ложи, передавали ихъ дальше. Изъ него выходили приказы насчетъ бурныхъ адресовъ, мятежей и всякихъ шумныхъ заявленій. Изъ противонарламента онъ сдѣлался, наконецъ, противоправительствомъ.

Но національное собраніе, по силамъ внѣ его и противная ему породила ту власть, которой, казалось, принадлежало ближайшее будущее. Какъ въ дѣлахъ печати перешли изъ самаго недостойнаго стѣпенія къ самой неограниченной распущенности, такъ и въ кружкахъ, доселѣ вовсе неизвѣстныхъ во Франціи, тотчасъ же ударились въ неурядицу. Уже поэтому съ каждымъ днемъ становилось все сомнительнѣе, удастся-ли еще во Франціи провести ту статью новой конституціи, которая ограничивала свободу законнымъ порядкомъ. У этой статьи все болѣе и болѣе отнимали почву, которая уже была поколеблена, отчасти по винѣ національнаго собранія, отчасти помимо него.

Значительная доля вины въ этомъ ходѣ дѣлъ лежитъ на роя-

листахъ, которые, будучи не въ силахъ предотвратить новую конституцію, работали въ интересахъ радикаловъ, стараясь сдѣлать ее несостоятельною. Они ликовали при всякомъ волненіи, возникавшемъ во Франціи противъ новаго порядка. Мятежи въ Марселѣ, Монпелье, Валансѣ, Тулузѣ, Монтобанѣ и Пизѣ, возмущеніе солдатъ въ Панси, матросскій бунтъ въ Брестѣ, возстаніе священниковъ въ Жалѣ,—все это было желанно для нихъ. „Чѣмъ безумнѣе, тѣмъ лучше; такъ и придетъ наше время“. Они ошиблись: ихъ время не пришло. Если въ растерзанной Франціи было въ чемъ-нибудь полное единство, такъ это въ отвращеніи къ рожденію стараго порядка.

Въ маѣ того же года снова происходили важныя пренія о правѣ войны и мира, т. е. о существенной статьѣ королевскихъ преимуществъ. Лѣвая сторона хотѣла и это право исключительно предоставить постоянному національному собранію. Между тѣмъ, Мирабо рѣшительнѣе, чѣмъ въ вопросѣ о veto, ратовалъ теперь въ пользу правительства за смѣшанное пользованіе этимъ правомъ. Это было одно изъ самыхъ великихъ политическихъ преній, когда-либо происходившихъ, и двѣ рѣчи Мирабо принадлежатъ къ самымъ значительнымъ государственнымъ рѣчамъ, когда-либо произнесеннымъ. Онѣ—настоящій образчикъ спокойнаго, обдуманнаго, всесторонняго изложенія политическаго вопроса первой важности.

Вопреки Барнаву, самому видному оратору изъ противниковъ Мирабо, послѣднему удалось провести окончательное рѣшеніе въ своемъ духѣ. По его предложенію, было постановлено: правомъ войны и мира сообща располагаютъ король и собраніе, такъ какъ это—собственность націи, въ которой они оба принадлежатъ.

Праздникъ федераціи.

Эта побѣда ободрила тѣхъ, которые все еще надѣялись на мирный исходъ существующихъ внутреннихъ и возникающихъ внѣшнихъ безпорядковъ. Этой же сторонѣ принадлежала мысль сдѣлать всеобщимъ празднествомъ примиренія и союза (*fête de la Fédération*) годовщину разрушенія Бастиліи (14 іюля)¹⁾,

И не придаю большаго значенія такимъ выходкамъ, какъ праздникъ федераціи (14 іюля 1790 года), тѣмъ болѣе у народа, который въ своихъ впечатлѣніяхъ такъ быстро переходитъ изъ одной

¹⁾ Это засѣданіе очень живо и увлекательно изображено у Феррьера: *Mém.*, II, 92 и слѣд.

крайности въ другую. Но все-таки это была торжественная минута: нація, послѣ ужасныхъ событій истекшаго года, праздновала, во вдохновенномъ братскомъ союзѣ, паденіе своихъ среднихъ вѣбовъ и зарю новыхъ дней.

Бесъма легко представить себѣ умиленіе и воодушевленіе Лафайета, когда безконечныя оглушительныя ликованія встрѣтили тысячи депутатовъ, высланныхъ Франціей отъ Капала до Пиренеевъ для участія въ торжествѣ, когда весь народъ добровольно слился съ этими депутатами, чтобы воздвигнуть алтарь отечества и принести присягу новой Франціи!

Если въ этомъ празднествѣ былъ смыслъ, то такой: разрывъ съ стариной совершился навѣки; возвратъ невозможенъ. Другой вопросъ—было-ли столь же искренне и всеобщее прійятствіе новому порядку, созданному національнымъ собраніемъ? Могли-ли творцы конституціи принимать восторгъ союзниковъ (fédérés) за вдохновенное заявленіе въ пользу ея? Это было по меньшей мѣрѣ сомнительно. Тѣмъ не менѣе демократическая печать боялась этого. Марать и Демунъ прямо высказывали свое отвращеніе въ празднику и гремѣли противъ идолопоклонства передъ монархомъ и Лафайетомъ. Они дѣйствительно думали, будто 14 іюля — торжество конституціонной монархіи, созданной національнымъ собраніемъ.

Мирабо, который, какъ въ собраніи, такъ и внѣ его, постоянно относился вполне независимо ко всему его окружающему, былъ одинаково чуждъ надеждамъ однихъ и опасеніямъ другихъ.

Кончина Мирабо.

Во все послѣднее время Мирабо мрачно смотрѣлъ на вещи. Въ мартѣ 1790 года вернулся изъ Бельгіи Ла-Маръ. Какимъ онъ засталъ Мирабо, пусть расскажетъ самъ:

„Я пашель, что онъ еще вѣсѣмъ подоволепъ, еще больше палъ духомъ, чѣмъ при моемъ отъѣздѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что никогда безъ внутренней борьбы не приступаетъ теперь къ общественнымъ дѣламъ и очень рѣдко уже появляется на трибунѣ. Обратите особенное вниманіе на причины такого паденія духа. То были: зрѣлище текущихъ общественныхъ дѣлъ, ежедневно возрастающее волженіе умовъ, очевидныя усилія неистовой и безумной неурядицы, ослабленіе всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ орудій власти, вѣчное колебаніе короля, неповоротливость и педовкость его мипистровъ.“

Мирабо уже не въбрилъ въ счастливый исходъ. Его мрачное настроеніе довершалось сознаниемъ, что онъ лично увлеченъ на путь не только безплодный, но и пагубный для его имени и его политической чести. Поэтому его собственное положеніе стало безнадежнымъ.

Въ ноябрѣ онъ попробовалъ самъ взять въ руки министерство. Постановленіе собранія 7 ноября разрушило это навсегда. Съ тѣхъ поръ ему было необходимо отказаться отъ руководства правительствомъ или собраніемъ, хотя онъ еще считалъ его нужнымъ, чтобы, въ качествѣ парламентскаго министра, направлять дѣла по своему желанію.

Онъ все болѣе и болѣе отстраняется. Собраніе начинаетъ ускользать отъ него. Король не довѣряетъ ему. Къ этому-то, конечно, времени и относятся многочисленныя мѣтнія, написанныя имъ для двора. Всѣ они мастерски отдѣланы и различно развиваютъ тему записки 15 октября. Но его самоувѣренность исчезла и уже не возвращалась.

Его состояніе, разстроенное съ давнихъ поръ, было безотраднo и тенеръ. Вѣчная нужда въ деньгахъ была такъ же велика, какъ и его потребности. Сначала онъ занялъ у Ла-Марка; потомъ при дворѣ нашли, что такой человѣкъ заслуживаетъ хоть сколько-нибудь денегъ,—и Мирабо сталъ получать отъ короля плату.

Онъ не продалъ своихъ убѣжденій. Онъ не доступалъ и не говорилъ противъ совѣсти, ради презрѣннаго метала. Убѣжденія, высказываемыя имъ въ своихъ мѣтніяхъ, находили мало сочувствія при дворѣ. Но все-таки онъ принималъ плату за свои услуги, и это было несмыслимымъ пятномъ.

Поэтому его положеніе относительно короля и собранія стало непрочною. Если когда-либо дойдетъ до собранія слухъ, что онъ пишетъ королю мѣтнія,—все-равно, какого бы содержанія они были,—и получаетъ за это сотни тысячъ франковъ, его замучать угрызения совѣсти, а значеніе его въ собраніи исчезнетъ. На этотъ счетъ первые представители французскаго народа были цѣломудреннѣе и строже многихъ послѣдующихъ.

И въ отношеніи къ нему двора онъ не былъ уже такимъ, какимъ долженъ былъ быть, съ тѣхъ поръ, какъ на его безкорыстныя пѣли пала, хотя и самая легкая, тѣнь. „Этому человѣку, думали здѣсь, платятъ за совѣты; его можно приобрести деньгами“. Этимъ и тутъ было все сказано. Кажется, одна Марія-Антуанета поняла и оцѣнила его лучше. Она не считала его, какъ другіе, лишь наемною силой.

Во всякомъ случаѣ, вѣрное, завидное положеніе, завоеванное имъ въ собраніи, несмотря на его прошедшее, исчезло. Его кре-

дить у обѣихъ сторонъ былъ потерянъ. Ла-Маркъ часто слышалъ, какъ онъ восклицалъ трогательнымъ голосомъ: „Сколько вреда отъ моей безнравственной пошлости общественному дѣлу“ ¹⁾! Къ грѣхамъ юности прибавился еще одинъ, болѣе тяжкій, чѣмъ всѣ остальные.

Это-то мало-по-малу и подточило жизнь великаго человѣка, еще не сломенную столькими страданіями и такимъ безграничнымъ распутствомъ.

Мирабо вносилъ Прометеевскую пытку. Онъ чувствовалъ, что нѣтъ конца хаосу. Онъ видѣлъ, какъ глубже и глубже все погружалось въ бездну неурядицы. И при этомъ сознавать, что осужденъ на бездѣйствіе, такъ какъ дворъ и собраніе одинаково скользнули отъ него! Единственный человѣкъ, о которомъ можно было спросить, въ состояннн-ли онъ укротить революцію, долженъ былъ пасть, переживши самого себя.

Въ одномъ изъ засѣданій въ національномъ собраніи пронеслась молва: Мирабо проданъ двору. Изъ рукъ въ руки сталъ переходить памфлетъ подъ заглавіемъ: „Государственная измѣна графа Мирабо разоблачена!“

Въ своей второй рѣчи о правѣ короля на войну и миръ Мирабо коснулся этого. Когда одинъ изъ его друзей показалъ ему памфлетъ, онъ сказалъ: „Знаю, знаю! Или унесутъ меня отсюда въ триумфъ, или растерзаютъ“. Въ такомъ тонѣ было и его возраженіе.

„Странное безуміе, сказалъ онъ, и печальное ослѣпленіе— стравлять людей, которыхъ должна дружить и соединять одна цѣль!... Вотъ меня недавно еще хотѣли пронести въ триумфъ по улицамъ, а теперь на этихъ же улицахъ кричатъ: „Великая измѣна графа Мирабо!...“ Я и безъ этого урока знаю, какъ мало шаговъ между Капитоліемъ и Тарпейскою скалою. Но не такъ-то легко сломить того, кто ратуетъ за разумъ и отечество...“ При этихъ словахъ онъ, по увѣренію Феррьера, бросилъ гордый взглядъ на Ламетовъ.

„Кто сознаетъ, что много сдѣлалъ для отечества и все еще служить ему съ пользою; кто не услаждается суетною извѣстностью и пренебрегаетъ успѣхомъ дня ради истинной славы; кто желаетъ говорить правду, трудиться для общаго блага, не обращая вниманія на судъ измѣнчивой толпы,—тотъ въ самомъ себѣ носитъ награду за свои труды и опасности; тотъ ждетъ лишь отъ времени, этого неподкупнаго судьи, одной жатвы, ирельцающей его—безсмертія своего имени“...

„Среди тѣхъ, которые, какъ и я, думаютъ, что истина не въ

¹⁾ Bacourt, I, 109.

крайностяхъ, вы найдете всѣхъ, кто въ началѣ этой революціи искоренилъ не одинъ предразсудокъ, пренебрегъ не одну опасность, уничтожилъ не одно сопротивленіе и воспламенилъ этотъ живой духъ въ пѣдрахъ третьяго сословія. Все это—люди, одни имена которыхъ обезоруживаютъ клевету. Незапятнанные и неустрашимые до могилы, они будутъ гордиться любовью друзей и ненавистью враговъ“.

А его настроеніе все-таки было безнадежно и отчаянно. Онъ уже не вѣрилъ въ свое собственное мужество.

Видъ собранія его имѣло еще чарующую силу. Когда онъ внезапно умеръ, всѣмъ показалось, что рушился послѣдній столпъ, на который опиралась возможность новаго порядка.

Уже съ самаго начала въ національномъ собраніи часто случались съ Мирабо припадки болѣзни, которая и прежде грозила свести въ могилу это богатирское тѣло. Онъ же не берегся. По цѣлымъ днямъ до поздняго вечера бывалъ онъ въ собраніи. Остатокъ ночи проводилъ въ кутежахъ съ друзьями, или за рабочимъ столомъ. Немногіе могутъ перенести такой образъ жизни. Вдругъ его поразила страшная боль въ брюшной полости. Посторонніе узнали объ этомъ, когда его положеніе было уже безнадежнымъ. Самъ же онъ съ самаго начала предчувствовалъ свою кончину. Любопытны его послѣднія минуты. Ужасныя страданія смѣняются свѣтлыми мгновеніями, въ которыя онъ совершенно объективно отосится къ судьбѣ отечества и къ своему собственному положенію. Въ одну изъ такихъ минутъ онъ сказалъ: „Я уношу съ собой траурное одѣяніе монархіи. Доскутъя ея раздѣлять между собою митежники“.

Мирабо умиралъ, какъ жилъ: съ полнымъ чувствомъ собственного достоинства, съ сознаниемъ, что цѣлый міръ взираетъ на него. Услыхавъ пушечный выстрѣлъ, онъ спросилъ: „развѣ уже погребаютъ Ахилла?“ Когда одинъ изъ друзей приподнял его, онъ сказалъ: „Хорошо, поддержи только голову. О! если бы я могъ завѣщать ее тебѣ!“

Такъ скончался онъ утромъ 2 апрѣля 1791 г. √

Никто лучше отчета Монитѣра не передаетъ впечатлѣнія, произведеннаго смертью этого человѣка. Когда въ вечернемъ засѣданіи 2 апрѣля президентъ (Троппе), только-что извѣщавшій о смерти Мирабо, прервалъ очередныя дѣла словами: „Я долженъ въ настоящую минуту выполнить чрезвычайно прискорбную обязанность“,—поднялся глухой шумъ, охватившій скоро всю залу. Затѣмъ послышалось: „Ахъ, онъ умеръ!“

У его могилы еще на одно мгновеніе соединились всѣ партіи. Наперерывъ одна передъ другой, старались онѣ сдѣлать ему са-

мыя блестящія похороны, когда-либо виданныя во Франціи. Еще прежде высказанная мысль о созданіи Пантеона осуществилась теперь, и Мирабо освятить зданіе. Никогда не воздавалось генію болѣе великихъ почестей.

Умѣренные роялисты видѣли, что вмѣстѣ съ нимъ умерла ихъ послѣдняя надежда. Демократы съ трудомъ скрывали свою радость: его смерть равнялась для нихъ огромному успѣху. Но наружно и они участвовали въ скорби.

2-е апрѣля было эпохой въ исторіи описываемаго переворота. Повторяемъ, революція и порожденное ею собраніе произвели на свѣтъ только одного человѣка, о которомъ можно было спросить: былъ-ли онъ въ состояніи ввести революцію въ должныя границы? Это былъ Мирабо.

Смертью этого человѣка завершилась эта сторона ея развитія. Съ этихъ поръ дивія волны качаютъ корабль изъ стороны въ сторону ¹⁾.

1887

¹⁾ Чрезвычайно любопытныя документы, относящіяся къ послѣднимъ днямъ жизни Мирабо, именно его работы въ общемъ совѣтѣ (conseil général) и въ директоріи парижскаго департамента, см. Ad. Schmid: Tableaux de la révolution française. Leipzig, 1867, I, 10 слѣд.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

БѢГСТВО КОРОЛЯ.—БОРЬБА ЗА СОХРАНЕНІЕ МОНАРХІИ.—СЪ АПРѢЛЯ
ДО ОКТЯБРЯ 1791 ГОДА.

Г Л А В А VIII.

Революція и монархическая Европа.—Восточныя державы.—
Рейхенбахскій договоръ ¹⁾.

Со смертью Мирабо при дворѣ исчезло послѣднее противодѣйствіе плану бѣгства за границу.

Чаша вѣсовъ колебалась одно мгновеніе. Съ одной стороны, дѣлалось все, чтобы склонить короля къ бѣгству. Его братья, эмигранты, остатки придворнаго дворянства неутомимо работали надъ этимъ, да и самъ король въ глубинѣ души былъ согласенъ съ ними. Съ другой стороны, видимъ только колеблющуюся нерѣшимость да все слабѣющую надежду монарха на менѣе опасный исходъ.

У него не хватило отваги упрямно противостать бурѣ. Только вліяніе Мирабо могло еще удержать его отъ исполненія плана. На его свѣжей могилѣ эта мысль созрѣла. Пока жилъ великій ораторъ, Людовикъ рассчитывалъ хоть на какую-нибудь поддержку; когда же тотъ умеръ, онъ почувствовалъ себя вполне покинутымъ.

Уже въ апрѣлѣ схватились за планъ серьезнѣе, чѣмъ когда-либо; и если его осуществленіе протянулось до іюля, то виной тому были только трудности исполненія.

Удача или неудача бѣгства существенно зависѣла отъ положенія дѣлъ въ Европѣ и отъ отношеній, въ которыя станутъ старыя восточныя монархіи къ королевской власти, угрожаемой въ лицѣ Людовика.

На нихъ-то мы и должны бросить здѣсь взглядъ.

¹⁾ Ср. Пауассе: Deutsche Geschichte, I.

Когда вспыхнула революція во Франціи, сѣверъ и востокъ Европы были также въ сильномъ броженіи.

Революцій, въ смыслѣ французской, тамъ не было. Много нужно было времени, чтобы такія государства, какъ Австрія и Пруссія, послѣ цѣлыхъ годовъ несчастныхъ войнъ, пали подъ ударами, и то не революціи, а побѣдоносныхъ героевъ и войскъ, возникшихъ изъ нея.

Собственно не опасныя идеи 1789 года поколебали ихъ. Онѣ повредили развѣ только мелкимъ сосѣдямъ Франціи—Итали, Бельгій, Голландіи, прирейнской Германіи, гдѣ были тѣ же условія и то же настроеніе, какъ и во Франціи предъ революціей. Духовныя владѣнія по нѣмецкому Рейну, множество которыхъ вполнѣдствіи Кюстинъ подавилъ однимъ натискомъ гусаръ, и вообще вся буча мелкихъ государствъ нособѣдству съ Франціей и могли бояться революціонной пропаганды: старыхъ же восточныхъ монархій она не коснулась непосредственно.

Единственною великою державой на востокѣ, точно сознававшею свои желанія и съ постоянною послѣдовательностью державшеюся ясною, опредѣленною политикой, была Россія ¹⁾.

У императрицы Екатерины II уже возникалъ замыселъ покончить съ Османскимъ царствомъ; потомъ она бросила его, чтобы раздѣлаться съ Польшею; но вполнѣ онъ никогда не выходилъ у

¹⁾ Мы оставляемъ въ цѣлости взглядъ на внѣшнюю политику Россіи, приведенный въ лекціяхъ Гейссера, какъ обращенъ возрѣвшій нѣмецкой исторической науки относительно этого вопроса. Замѣтимъ только, что этотъ взглядъ страдаетъ отсутствіемъ спокойствія и объективности, которое особенно бросается въ глаза въ такой серьезной наукѣ, какъ нѣмецкая. Кому не извѣстно, что внѣшняя политика всѣхъ безъ исключенія европейскихъ государствъ чрезвычайно послѣдовательна и „ясна, опредѣлена“? Поэтому-то и говорятъ: „сиди же, напримѣръ, восточныхъ державъ“. Ужь, конечно, не землемѣре, не жадность къ „добычѣ“ того или другаго правителя двигаютъ тутъ арміями и дипломатами, а болѣе глубокія и сокровенныя пружины исторической жизни народовъ. Съ точки зрѣнія этихъ пружинъ, занимающій насъ вопросъ очень простъ.

Чтобы стать одною изъ великихъ державъ, Пруссіи необходимо было присоединить къ себѣ хотя часть Рѣчи Посполитой. Вотъ свидѣтельство самаго нѣмецкаго историка (Зибель, I, 2 кн., I гл.) о необходимости вражды между Пруссіей и Польшею: „Здѣсь вражда лежала въ природѣ вещей. Кто бы не пожалѣлъ объ этомъ! Но какъ далеко можетъ простираться чловѣческое сожалѣніе въ дѣлахъ націй? Покуда Польша существовала, она должна была помшлять о томъ, чтобы опять сдѣлать Кенигсбергъ польскимъ, а Данцигъ католическимъ; покуда Бранденбургъ оставался нѣмецкимъ и евангелическимъ, его главною задачей было, освободивъ западную Пруссію, соединить марку и герцогство въ одно государство“.

Фридрихъ II, будучи еще наследнымъ принцемъ, поднималъ мысль о раздѣлѣ Польши, старую мысль, съ которою историкъ встрѣчается еще въ XVI вѣкѣ. Екатерина II не соглашается, и Пруссія обращается съ своимъ про-

нея изъ головы. Фридрихъ Великій вырвалъ у нея тогда изъ рукъ добычу, и она не могла этого простить ни ему, ни Пруссіи.

Она думала теперь разойтись съ Пруссіей и вступить въ союзъ съ Австріей

Раздѣлъ же Турціи касался всего ближе Австріи. Ни одному государству такъ не угрожала новая Византійская имперія подъ властью русскаго великаго князя. Замкнутая Россіей съ востока, отрѣзанная отъ устьевъ Дуная, Австрія чувствовала бы, будто у нея перевязали главныя жилы. Ея существованіе подверглось бы смертельной опасности.

Но тутъ возникло поразительное явленіе. Іосифъ II вдругъ сообщилъ совершенно новое направленіе австрійской политикѣ, которая, при всемъ своемъ непостоянствѣ въ другихъ вопросахъ, въ этомъ до сихъ поръ оставалась вѣрна себѣ. Съ безцѣльною неугомонною поспѣшностью хватаясь разомъ за самыя разнообразныя дѣла, жаждая, во что бы то ни стало, увеличить свою державу, онъ вдругъ пересталъ трудиться надъ объединеніемъ австрійской монархіи и охотно согласился на планъ Екатерины. Благодаря такой перемѣлѣ, императрицѣ удалось уладить сближеніе съ Австріей; а это упрочивало за нею ея османскую добычу. Въ маѣ 1787 года состоялось всеміро-историческое свиданіе Іосифа съ императрицею. Его программой было: раздѣлъ Турціи между Россіей и Австріей.

Фридриха II уже не было. вмѣстѣ съ нимъ сошелъ въ могилу неуспѣшнѣйшій стражъ европейскаго равновѣсія. Англія страдала внутренними смутами, причинившими ей потерю Сѣверной Америки, отъ которыхъ только-что началъ избавлять ее Питтъ Младшій. Франція, по всѣмъ признакамъ, шла навстрѣчу своему революціонному перелому. Итакъ, изъ большихъ монархій Европы, повидимому, нова нечего было бояться ни одной.

ектомъ къ Австріи. Въ то же время Франція, поддерживая Польшу, заставляла Турцію объявить войну Россіи. Такъ совершился первый раздѣлъ Польши и наша первая (при Екатеринѣ II) турецкая война. Русскіе дѣйствовали, по мѣткому выраженію императрицы, какъ Римляне: спрашивали не о числѣ враговъ, а объ ихъ мѣстоурейбываніи. Затѣмъ лугешествуеъ Екатерина по повопріобрѣтвенному краю; къ пей является Іосифъ II, и уже не въ первый разъ. Онъ жадеетъ союза съ нею, потому что ему хотѣлось приобрѣсти Баварію, чему мѣшала Фридрихъ II. Этотъ союзъ, конечно, немедленно вызвалъ отпоръ себѣ: Пруссія заодно съ Англіей заставила Турцію снова объявить войну Россіи. Ограничиваемся этими голыми, общезвѣстными фактами. Подробности см. въ сочиненіяхъ. 1) Das russisch-österreichische Bündniss von 1781, въ «Historische Zeitschrift» за 1876. 2) Введеніе къ I тому «Дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I.» въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», т. 70-й.

Гед.

Воображали, будто, при громадномъ преимуществѣ двухъ большихъ войскъ въ численности и военномъ искусствѣ, ничего не стоитъ вторгнуться въ сѣверныя провинціи Турціи, взволновать христіанское населеніе, перешагнуть черезъ Балканы и въ Константинополь повелѣтъ возродиться Византійской имперіи.

Но первый походъ вовсе не оправдалъ этихъ расчетовъ.

Оправдалась скорѣе старая истина, что такія большія государства, какъ Турція, несмотря на свою внутреннюю неизлечимую болѣзнь, необыкновенно живучи. Великая Римская имперія, смерть которой предсказывалъ Тацитъ, просуществовала еще цѣлыя столѣтія. Это было до того массивное зданіе, что даже одно вторженіе въ него было чрезвычайно утомительнымъ и мѣшкотнымъ дѣломъ.

Кромѣ того, турецкое населеніе составляло, внутри Европейской Турціи, какъ бы большой военный лагерь готовыхъ къ бою воиновъ, вовсе не настолько отжившихъ, чтобы не отразить силой всякаго врага, когда въ нихъ пробудится старшій фанатизмъ. Въ сущности, тутъ народъ былъ ничто иное, какъ войско, которое, разумѣется, дурно управляло милліонами подданныхъ, но имѣло за собой преимущество воздержности и тѣлесной силы; къ тому же оно было доступно увлеченію религіознымъ энтузіазмомъ.

Походомъ 1788 года не достигли никакихъ, заслуживающихъ упоминанія, результатовъ; нелѣпаго же и неумѣстнаго было не мало. Разъ даже случилось, что войско Юсифа въ одной стычкѣ съ Турками бѣжало въ паническомъ страхѣ предъ презираемымъ врагомъ.

Только въ 1789 году, когда исчезло разъединеніе въ военныхъ дѣйствіяхъ союзниковъ, когда Суворовъ приобрѣлъ рѣшительное вліяніе, война измѣнилась ¹⁾. Одержанныя тогда побѣды означали новый оборотъ войны, но далеко еще не разложеніе Турціи.

¹⁾ Обращаемъ вниманіе читателя на эту весьма поучительную страницу: она хорошо доказываетъ, какъ мститъ за себя ложное, пенаучное отношеніе къ научному вопросу. Итакъ, оказывается, что держава, мечтавшая „въ Константинополѣ повелѣтъ возродиться Византійской имперіи“, въ первый годъ войны (1787) была чуть не побита турками, „имѣвшими за собою преимущество воздержности (Nüchternheit) и тѣлесной силы (körperliche Tüchtigkeit)“. Однажды даже „войско Юсифа“ бѣжало предъ врагомъ. И только „когда Суворовъ приобрѣлъ рѣшительное вліяніе“, война приняла другой оборотъ. И эта путаница въ изложеніи, и эта тѣлесная сила многоженцевъ турокъ явились у Гейссера оттого, что ему не хотѣлось признать слѣдующаго факта: русскіе были отлично, Суворовъ побѣждалъ уже въ 1787 году; и если имъ что-нибудь мѣшало, то это-жалкое состояніе ихъ союзника, котораго имъ приходилось спасать. Признаться въ этомъ не было бы дурно. У австрійцевъ были доказательства ихъ доблести: въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ, при своемъ Суворовѣ, Евгеніи Савойскомъ, они отлично побивали этихъ „воздержныхъ“ турокъ, которыхъ дотогѣ еще никто не билъ серьезно. *Ред.*

Тутъ преемникъ Фридриха II слова вспомнилъ преданіе политики великаго короля; но, конечно, онъ не могъ управлять ею такъ мастерски, какъ тотъ. У министра Герцберга была мысль, что Пруссія должна сохранивъ за собою, какъ священное наслѣдіе, роль рѣшительницы судебъ Европы (*L'arbitre des destinées de l'Europe*). Удачно осуществивъ эту мысль относительно Голландіи, онъ намѣревался примѣнить ее и къ Россіи съ Австріей.

Онъ выдумалъ свой собственный планъ, какъ разрѣшить досточный вопросъ. Правда, опять все сводилось къ раздѣлу Турціи, но, по крайней мѣрѣ, Россіи не доставалось львиной части, Австрія же основательно округлялась съ востока; даже и сама Турція, по мнѣнію Герцберга, получила цѣнное вознагражденіе за свои уступки.

Относительно Австріи онъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду границу Пассаровицкаго мира ¹⁾, а слѣдовательно, земли по нижнему Дунаю. Пограничная линія Молдавіи и Валахіи съ Бѣлградомъ обезопасила бы Австрію со стороны Дуная. Тогда, думалъ онъ, при продолжительныхъ раздорахъ съ Россіей, Австрія должна будетъ, для сохраненія собственнаго существованія, стать пограничнымъ стражемъ съ этой стороны: она будетъ удовлетворена и не потерпитъ русскихъ захватовъ.

Россіи предполагалось уступить, по международному праву, Крымъ, Очаковъ и Бессарабію. Турція же за такія добровольныя жертвы и уступки, избавившія ее отъ большихъ потерь, должна была получить международное ручательство въ неприкосновенности своихъ остальныхъ частей и вступить, какъ необходимый членъ, въ кругъ европейскихъ державъ, которыя перестанутъ обращаться съ нею, точно съ выскочкой, безъ права затесавшимся въ ихъ среду.

За расширеніе съ юго-востока Австрія должна была возвратить Польшу свою добычу 1772 года,—Галицію; Польша же, за такое приращеніе,—уступить Пруссіи Данцигъ, Торнъ и воеводство Познаньское и Калишское

Эту-то увеличенную Польшу Герцбергъ представлялъ себѣ промежуточнымъ государствомъ между Россіей и Пруссіей, которое будетъ въ тѣсномъ союзѣ съ послѣднею ²⁾.

¹⁾ Пассаровицкій миръ 1718 года, благодаря талантамъ Евгенія Савойскаго, былъ вторымъ виолонъ невыгоднымъ для Османліевъ миромъ во всей исторіи европейской Турціи (первымъ былъ карловицкій миръ 1699 г.). На основаніи его, Порта уступала Австріи Темешваръ, Бѣлградъ, Малуя Валахію (до р. Аялты) и значительную часть Босніи и Сербіи. *Ред.*

²⁾ Послѣдняя фраза, равно какъ и замыселъ Герцберга изложены здѣсь не совсемъ точно. Вотъ слова Зибеля (I, 2 кн., 2 гл.), особенно авторитетнаго въ вопросахъ вѣщей политики вѣмецкихъ государствъ описываемой эпохи:

Россіи при этомъ нарочно предоставлялось всего меньше выгодъ, такъ какъ Герцбергъ въ своемъ планѣ именно старался поставить двойное, даже тройное препятствіе расширенію Россіи. Его цѣлью было отдалить Австрію отъ Россіи, сблизивъ ее съ Пруссіей, Польшу же со Швеціей и Даніей собрать подъ прусскимъ знаменемъ.

Такія намѣренія породили соглашеніе Пруссіи съ Турціей, чтó уже было почти наступательнымъ движеніемъ обоихъ государствъ противъ Россіи и Австріи, а въ 1790 г. повело въ формальному союзу между Пруссіей и Турціей, основанному на значительно измѣненной програмѣ Герцберга.

Извѣстіе объ условіяхъ договора, вынужденныхъ турками у прусскаго посланника, привело Герцберга въ сильное затрудненіе. Но, чтó сдѣлано, то сдѣлано: отречься отъ договора было опасно. Къ тому же убѣдились, что политикой однихъ заявленій и вооруженнаго посредничества не осуществить столь обширныхъ плановъ, какъ Герцберговскіе. Тутъ восторжествовало самое смѣлое мнѣніе. Въ союзѣ съ Турціей на югѣ, Польшей на востокѣ, Швеціей, Даніей и Англіей на сѣверѣ и западѣ, задумали начать громадную войну противъ Россіи и Австріи въ случаѣ, если бы онѣ не послушались угрозы. Надѣялись, что съ Австріей, гдѣ къ тому же все было въ броженіи, справиться весьма легко.

Таково было положеніе дѣлъ въ февралѣ 1790 года.

Иосифъ II, который прошлый годъ снова бросился въ войну и въ лагерной жизни обоихъ походовъ приобрѣлъ зародыши смерти, до такой степени не понималъ опасности своего положенія, что уже при самомъ концѣ ожидалъ величайшихъ успѣховъ отъ своего предприятія.

Революція дальняго Запада пока еще не вліяла непосредственно на политическую игру восточной Европы. Взаимная связь проявилась однако вскорѣ другимъ путемъ.

Въ Венгріи подготовлялось возстаніе, въ Бельгіи оно было въ полномъ ходу, и ни одна провинція не была совершенно спокойна. Пылкій король хотѣлъ измѣнить уже слишкомъ многое. Онъ поло-

„Герцбергъ хотѣлъ внушить Польшѣ и Турціи довѣріе къ Пруссіи и этимъ поддержать ихъ вражду къ императорскимъ дворамъ: съ этою цѣлью онъ ревностно помогалъ имъ, разжигалъ въ туркахъ воинственный духъ и содѣйствовалъ нѣкоторымъ черембашамъ въ польской конституціи, которыя были въ то же время и ударами для русскаго вліянія. Но дальше онъ не желалъ идти въ этомъ; полное возстановленіе Польши казалось ему не въ интересѣ Пруссіи, и онъ отговаривалъ здѣсь, какъ и въ Портѣ, заключеніе формальнаго союза, такъ какъ оба государства и безъ того неизбѣжно должны были искать защиты у Пруссіи, слѣдовательно, всякій договоръ связалъ бы только руки Пруссіи“.

Ред.

жительно перевернулъ государство и затѣмъ бросился въ громадную войну, а между тѣмъ у него повсюду колебалась почва подъ ногами. Быть-можетъ, и безъ того воляи скоро поглотили бы его; а тутъ еще грозная война съ Пруссіей.

Но вдругъ онъ умеръ въ февралѣ 1790 г. Несмотря на громадное значеніе и вліяніе, которое имѣла и могла еще имѣть его жизнь для этого государства, въ данную минуту монархія находилась въ такомъ запутанномъ положеніи, что, лишь благодаря смерти Иосифа II, австрійскіе политики могли выйти изъ него не совѣтъ съ позоромъ.

Чего не могъ сдѣлать самъ императоръ для предотвращенія кризиса, то было легко его преемнику.

Иосифу II наследовалъ братъ его, Леопольдъ II, великій герцогъ тосканскій. Онъ пріѣхалъ изъ государства, которое, по образованію и гуманнымъ законамъ, значительно опередило остальные итальянскія владѣнія. У Леопольда былъ развитой умъ и гибкій характеръ. Онъ обладалъ большою проицательностію и зпаніемъ обстоятельствъ. Свободный отъ доктринерскаго упрямства своего брата, хитрый итальянецъ, онъ проникся духомъ флорентійской дипломатіи.

Онъ началъ съ соглашеній внутри и извнѣ: помирился съ бельгійцами, уступилъ дворянству и духовенству въ мелочахъ, старался успокоить Венгрію, а въ особенноти прилично свернуть на другую дорогу во внѣшнихъ затрудненіяхъ.

Тутъ происходитъ первое сближеніе съ Пруссіей. Между тѣмъ какъ Иосифъ II на первую жалобу пруссаковъ послалъ дерзкій отвѣтъ, теперь къ Фридриху-Вильгельму II приходили уступчивыя, мягкія посланія. А онъ былъ такъ доступенъ подобному сближенію!

Лѣтомъ 1790 года произошли въ Рейхенбахѣ переговоры, возобновившіе миръ между Пруссіей и Австріей. Однако въ основу ихъ не былъ взятъ Герцбергговскій планъ, въ которому Фридрихъ-Вильгельмъ вначалѣ обнаружилъ пламенное рвеніе. Его замѣнило status quo, на которое согласился король въ послѣднюю минуту, увѣрившись, что это великодушно.

Австрійская дипломатія одержала первую значительную побѣду надъ государствомъ Фридриха Великаго съ помощью, правда, неожиданнаго союзника,—французской революціи, которая тутъ впервые вліяла на восточныя дѣла.

Пока еще нельзя было предвидѣть, что она выйдетъ изъ своихъ предѣловъ и затонитъ сосѣднія земли; но, по своимъ свойствамъ, она уже начала возбуждать опасенія.

Европейскимъ престоломъ грозила опасность; и это, очевидно,

подѣйствовало на Фридриха-Вильгельма II. За два года до революціи онъ, частью изъ собственныхъ династическихъ интересовъ, частью изъ желанія стать палладиномъ монархической власти, съ блистательнымъ успѣхомъ заявилъ значеніе прусскаго вмѣшательства въ одной распрѣ Оранскаго дома съ Голландскою республикой. У него и теперь мелькнула мысль о чемъ-то подобномъ. Это способствовало больше, чѣмъ думали, ускоренію переворота въ восточной политикѣ.

Отъ этого было еще далеко до коалиціи противъ Франціи. Однако, еслибы противники соединились, частью подъ гнетомъ принятыхъ рѣшеній, частью изъ опасенія революціоннаго духа, то это стало бы первымъ шагомъ къ ней.

Въ маѣ 1791 у Герцберга отнимается руководство внѣшней политикой Пруссіи и готовится болѣе тѣсное сближеніе съ Австріей. Оно коренится въ той идеѣ, что монархическій интересъ теперь важнѣе всего, что доселѣ разъединяло эти два государства.

Эта идея чрезвычайно ревностно поддерживается Екатериною II. Императрица страстно проповѣдуетъ крестовый походъ противъ революціи.

Хотя она не пожертвуетъ ни человѣкомъ, ни рублемъ для великаго дѣла; но для нея важно именно тутъ запутать Австрію и Пруссію съ тѣмъ, чтобъ онѣ бросили мысль о вмѣшательствѣ въ ея турецкіе планы.

Между тѣмъ въ пониманіи положенія дѣлъ Австрія и Пруссія сильно расходились.

Фридрихъ-Вильгельмъ II думалъ, какъ Іосифъ II: „Мое назначеніе—быть ролястомъ (*c'est mon métier d'être royaliste*)“. Онъ изъ-за принципа не допустилъ бы революцію восторжествовать надъ монархическимъ порядкомъ.

Леопольдъ II смотрѣлъ на дѣло иначе. Онъ боялся внѣшней войны на западѣ: вѣдь онъ только-что съ опасностью и трудомъ спасъ свое глубоко потрясенное государство. Да и въ самой революціи онъ относился самостоятельнѣе и хладнокровнѣе, чѣмъ Фридрихъ Вильгельмъ II. Въ Берлинѣ работали эмигранты, іезуиты, піетисты, ослѣпленію которыхъ не противопоставлялось здраваго обсужденія. Совѣтъ не то было въ Вѣнѣ.

Можетъ быть, Леопольдъ II придавалъ слишкомъ мало значенія революціи, думая съ Питтомъ, что можно и должно предоставить изверженіе вудкана самому себѣ; но, во всякомъ случаѣ, онъ не ошибался насчетъ средствъ стараго монархизма въ борьбѣ съ этимъ революціоннымъ движеніемъ. Недавно намъ стало доступно множество писемъ, которыми онъ обмѣнивался съ короле-

вой Маріей-Антуанетой. Изъ нихъ видно, что онъ совершенно иначе смотрѣлъ на дѣло, чѣмъ было принято смотрѣть въ старыхъ монархическихъ кружкахъ. Онъ совѣтуетъ терпѣливо выждать, склониться подъ ураганомъ, съ условіемъ тотчасъ же по прекращеніи перваго смятенія потребовать назадъ старыя права. Онъ предостерегаетъ сестру совѣтомъ, во что бы то ни стало, держаться дальше отъ стараго придворнаго дворянства. По собственному опыту, говоритъ онъ, ему знакома эта мнимая опора престола. Въ Бельгіи и Венгріи дворяне стояли во главѣ возмущенія: и во Франціи не можетъ быть иначе. Поэтому-то онъ заклинаетъ Марію-Антуанету не связываться съ естественными врагами престола.

Съ этой стороны, стало-быть, не поощряли къ продолженію рокового пути, начатаго несчастною королевскою четой по смерти Мирабо.

Бѣгство короля ¹⁾.

Планъ бѣгства, даже при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, не представлялъ ничего хорошаго впереди. Если бы даже королю удалось уйти за бельгійскую границу, то тамъ ни Бельгія, ни остальная Европа не готовили для него никакой защиты. Во всякомъ случаѣ, онъ могъ ожидать запоздалой помощи лишь издалека, отъ одного прусскаго короля. Ближайшій же его родственникъ, его шурина, императоръ Леопольдъ, не былъ расположенъ помочь ему изъ политическихъ видовъ. Итакъ, даже при удачномъ бѣгствѣ, онъ оставался между небомъ и землей, не лучше всякаго другого эмигранта.

Поэтому принятое имъ рѣшеніе заслуживало въ эту минуту двойного сожалѣнія.

Опасность, которою, по словамъ Мирабо, бѣгство грозило королю внутри государства, была неопровержима. Съ той минуты, какъ онъ бѣжалъ за границу, безвозвратно разрѣшился вопросъ о соединеніи королевской власти въ эмиграціи,—и тогда и ту, и другую ожидали одинаковая участь и одинаковыя несчастія. Надо еще прибавить, что въ минуту бѣгства Людовика за границей не было готово ни одного батальона, на помощь котораго онъ рассчитывалъ. Итакъ, ближайшимъ слѣдствіемъ смерти Мирабо было устраненіе послѣдняго вліянія, не допускавшаго короля идти по стопамъ эмигрантовъ.

¹⁾ Choiseul: Relations du départ de Louis XVI. Paris 1822.

Спринятое въ Лондѣ бѣгство было дѣломъ рѣшеннымъ еще въ апрѣлѣ.

Это можно было угадать уже 18 апрѣля по одному необыкновенному случаю. Король дѣлалъ довольно шумные сборы къ пѣздѣ въ С.-Клу. Объ этомъ узнали. У дворца собрались толпы народа и объявили манифесту, который съ семействомъ сидѣлъ уже въ каретѣ, что не позволять ему ѣхать: это, толковали, означало бы бѣгство.

Король остался. Онъ жаловался національному собранію на сдѣланную ему несправедливость и спросилъ: развѣ онъ даже не свободенъ? Національное собраніе учтиво возразило, что, конечно, свобода его несомнѣнна, но ради всеобщаго спокойствія желательно, чтобъ онъ отказался пока отъ своего намѣренія.

Тутъ король отвѣтилъ, что съ удовольствіемъ отказывается отъ него и радуется своей свободѣ. Въ пылкихъ выраженіяхъ онъ увѣрялъ національное собраніе, что раздѣляетъ его мнѣнія.

Объ стороны разыгрывали комедію.

Были уже набросаны все подробности плана къ бѣгству. Въ томъ видѣ, какъ былъ онъ задуманъ, планъ не могъ удался. Въ лучшемъ случаѣ, король сохранялъ жизнь, какъ эмигрантъ, но лишался королевства; а при неудачѣ, и его жизнь, и его корона подвергались опасности.

Какъ и все, что ни предпринималъ король въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, это дѣло, подобно мелкимъ придворнымъ интригамъ, было начато недовко, неискусно и легкомысленно. Почти три мѣсяца шли приготовленія. Король былъ неопытенъ, какъ ребенокъ. Онъ нивогда не выѣзжалъ изъ Парижа и Версаля и почти не зналъ своей страны. Ему, какъ малолѣтнему, расписали, куда и по какимъ дорогамъ ѣхать.

Руководителями плана были тѣ же самые придворные, которые известны намъ, какъ роковые инушители не какихъ-нибудь преступныхъ, ужасныхъ рѣшеній, но той вѣтренности, того игриваго легкомыслія, съ которымъ велись при дворѣ государственныя дѣла. То были графъ Ферселъ, одна изъ самыхъ несправедливыхъ личностей при дворѣ, да придворные кавалеры и дамы. Каждый практичный человекъ, каждый кондукторъ или почтосодержатель принесъ бы здѣсь гораздо больше пользы.

Прежде всего, соорудили громадную, тяжеловѣсную карету. Уже по одной своей странной формѣ она бросалась каждому въ глаза. Долго и серьезно перебирали затѣмъ, кому, по этикету, ѣхать съ королемъ. Между самими приближенными участниками бѣгства былъ прежній гвардейскій офицеръ, обязанный, въ крайнемъ случаѣ, защищать короля шпагой.

Но одна придворная дама, никогда не повидавшая королевской четы, упорно отстаивала свое старое право. И не только сдѣлали по ея желанію, но даже, въ угоду ей, отсрочили самую поѣздку на 24 часа.

Сперва думали посадить на козлы двухъ-трехъ дюжихъ парней, знавшихъ всѣ пути и проселки, страну и ея населеніе; но потомъ, вмѣсто нихъ, взяли двухъ переряженныхъ придворныхъ.

Съ 18 апрѣля короля и его свиту караулили чрезвычайно строго. Для Лафайета, котораго Маратъ каждый день упрекалъ, будто онъ хочетъ спасти короля и убѣжать съ нимъ, стало вопросомъ чести не дать Людовику ускользнуть. Въ вечеръ, назначенный къ поѣзду (20—21 іюня), онъ, съ своею командой, также былъ у дворца. Тутъ мимо него незамѣтно проныгнула королева съ своею невѣсткой.

Судя по изумительно неловкимъ приготовленіямъ, короля, вѣроятно, узнали уже на первыхъ верстахъ по дорогѣ въ Шампань. И чудовищная карета, и диковинная свита, и хорошо всѣмъ знакомое лицо короля, то — и — дѣло высовывавшееся изъ любопытства, — сколько поводовъ къ открытію тайны! Въ иныхъ мѣстахъ его, вѣроятно, и узнали, но оставили въ покоѣ. Всеобщее ожесточеніе еще не распространилось такъ далеко отъ Парижа; уваженіе къ монарху не ослабло еще до того, чтобы задержать его безъ особаго повода.

Удача бѣгства существенно зависѣла отъ своевременной военной помощи, которою распоряжался дѣятельный солдатъ по природѣ, генераль Булье.

Булье, тотъ самый отважный рубака, что потопилъ въ крови наційскій мятежъ швейцарцевъ, сдѣлалъ всѣ пужныя распоряженія. Но отсрочка отъѣзда на цѣлый день все переиутала. Разставленные по дорогѣ до Шалона верховые патрули разъѣзжали взадъ и впередъ, тревожно всматриваясь въ даль. Это привлекло всеобщее вниманіе и возбудило подозрѣніе.

Несмотря однако на такую неостижимую оплошность, король спокойно доѣхалъ до С.-Менгу. Соблюди онъ лишь самую обыкновенную предосторожность, необходимую въ его положеніи, — и черезъ нѣсколько станиій онъ былъ бы уже въ Мецѣ или Монмеди. Но онъ не позаботился объ этомъ. Напротивъ, онъ самъ создалъ себѣ препятствіе, разрушившее весь планъ.

Онъ подолгу останавливался и не только высовывался изъ кареты, но даже выходилъ на дорогу и разговаривалъ съ окружающими его. Одинъ изъ нихъ, почтмейстеръ Друэ, узналъ его по изображенію, которое дѣлалось на каждой ассигнаціи, на каждой монетѣ.

Друзъ былъ членомъ большого парижскаго клуба, идеи котораго проникли въ самыя темныя уголки Франціи. Это былъ фанатикъ-якобинецъ. Онъ-то рѣшается на свой страхъ распорядиться арестомъ короля. Его поддерживаетъ лишь одинъ знакомый; но онъ приступаетъ въ дѣлу.

Военныя мѣры для защиты короля положительно нигдѣ не соотвѣтствовали цѣли. Всѣ распоряженія прямо возбуждали лишь опасное вниманіе и не оказывали серьезнаго сопротивленія національной гвардіи и тому вооруженному сброду, который въ большомъ числѣ встрѣчался теперь до послѣдней деревушки. Къ тому же почти во всѣхъ полкахъ у солдатъ было дурное, ненадежное настроеніе духа.

Въ С.-Менгу нашелся, въ послѣднюю минуту, отрядъ, офицеры котораго были не прочь сопровождать короля; но солдаты отказывались отъ этого. Теперь оставалась одна надежда на полкъ ибмецкой конницы, подъ предводительствомъ Булье. На тотъ можно было положиться; но онъ не являлся.

Такъ прибылъ король въ Варенъ ¹⁾. Въ ту же ночь явился сюда и Друзъ съ своимъ другомъ. Пока король съ королевой блуждаютъ шотьямахъ, отыскивая подставныхъ лошадей, пока офицеры маленькаго отряда ожидаютъ короля по ту сторону рѣки, протекающей черезъ Варенъ, и, такъ какъ его все ибтъ, обыскиваютъ одинъ домъ за другимъ, оба якобинца изъ Менгу поднимаютъ на ноги всѣхъ своихъ единомышленниковъ. На шумъ являюся мѣстные власти. Вотъ, королевская карета, перепряженная, наконецъ, показывается на мосту; Друзъ съ своими сообщниками загоразиваетъ ей дорогу. Варенскій полицеймейстеръ являюся въ королю и объявляеть, что не пустить его дальше.

Теперь Людовику оставалось лишь два исхода: или съ горстью вѣрныхъ солдатъ прорубиться съвозъ сбѣжавшую толпу, или же, воспользовавшись остаткомъ уваженія къ себѣ, приказать чиновнику не задерживать своего короля. Ни то, ни другое не было лишено надежды на успѣхъ. Конница Булье могла появиться каждую минуту и придать вѣсу, какъ силѣ, такъ и повелѣнію.

Вмѣсто того, король пустился упрашивать, умаливать. Онъ представлялъ этимъ жестокосердымъ людямъ свое крайнее положеніе, какъ несчастнаго отца семейства. То былъ самый вѣрный путь ободрить людей, которые, быть-можетъ, не вполне еще собрались съ духомъ.

Утромъ пріѣхалъ адъютантъ Лафайета съ приказомъ вернуть въ Парижъ короля и его семейство, гдѣ бы ихъ ни встрѣтили. А

¹⁾ Ancelon: Louis XVI à Varennes. Paris. 1866.

часа черезъ полтора послѣ начала обратнаго путешествія, явился Булье, и ему сказали, что слишкомъ поздно, что уже все разстроено.

Національное собраніе узнало о бѣгствѣ короля ночью, не раньше 11 часовъ, 21 іюня. Оно, по словамъ Монитѣра, „въ глубокомъ молчаніи“ выслушало отъ своего предсѣдателя, генера Богарне, извѣстіе о „похищеніи короля врагами общественнаго блага“. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ первое мгновеніе поднялся страшный шумъ, утихшій лишь мало-по-малу. Тутъ выяснилась роль большинства въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ. Поставовили не касаться „бѣгства“ короля, а говорить лишь объ его „похищеніи“ (enlèvement).

Король, по неосторожности, оставилъ національному собранію прокламацію, въ которой весьма горько упрекалъ его и оправдывалъ свое бѣгство. Тутъ было высказано много основательнаго, хотя все подходило скорѣе къ влудамъ и ихъ дѣятельности, чѣмъ къ монархическому большинству собранія. И во всякомъ случаѣ, все плохо гармонировало, какъ съ покорнымъ тономъ, какимъ въ послѣднее время Людовикъ говорилъ съ собраніемъ, такъ и съ увѣреніями Лафайета, будто король и не помышляетъ о бѣгствѣ.

Этотъ документъ былъ сообщенъ къ концу засѣданія. Но онъ не нарушилъ спокойствія собранія, не желавшаго уничтожить королевскую власть. Принявъ нѣсколько предохранительныхъ мѣръ, собраніе перешло къ очереднымъ дѣламъ. Робеспьеръ тутъ не выдержалъ: „Я могу,—воскликнулъ онъ,—лишь выразить мое изумленіе тому, что довольствуются столь мягкими мѣрами“.

Поздно вечеромъ 22 числа курьеръ сообщилъ объ арестѣ короля. Собраніе объявило измѣнниками тѣхъ, кто склонилъ короля къ бѣгству, и рѣшило позаботиться, чтобы, по возвращеніи Людовика, никто не нарушилъ дѣломъ должнаго уваженія къ его величеству.

Когда затѣмъ, вечеромъ 23 числа, Друэ представилъ свой докладъ, національное собраніе приняло 6 статей объ отсрочкѣ (suspension) королевской власти. Вотъ онѣ. 1) Какъ только король прійдетъ въ Тюльери, къ нему немедленно приставить стражу, подъ начальствомъ генераль-комманданта національной гвардіи, обязанную заботиться о безопасности Людовика XVI и отвѣчать за его личность. 2) Дофину дать гувернера. 3) Зачинщиковъ бѣгства подвергнуть суду. 4) Королеву также окружить стражей. 5) Рѣшенія національнаго собранія не пуждаются пока въ королевскомъ одобреніи. 6) Министры продолжаютъ пользоваться исполнительною властью, но подъ страхомъ отвѣтственности.

Для строгаго соблюденія одобренной большинствомъ тактики внутри собранія и для примѣненія ея извѣщъ, оно назначило тронхъ депутатовъ, чтобы встрѣтить короля и препроводить его въ Парижъ.

Это были: Латуръ-Мобуръ, единомышленникъ Лафайета, старинный дворянинъ, какъ и тотъ, знакомый съ придворными пріемами. Затѣмъ Барнавъ, краснорѣчивый ораторъ лѣвой стороны, не разъ схватывавшійся съ Мирабо въ жаркихъ ссорахъ. По смерти послѣдняго, онъ, однако, поколебался въ своихъ демократическихъ воззрѣніяхъ и постепенно пришелъ къ его убѣжденію, что во Франціи положительно нѣтъ задатковъ республики и что стройное правленіе возможно лишь при конституціонной монархіи. Наконецъ, Петіонъ, впоследствии жирондистъ и парижскій меръ. То былъ грубый человекъ. Въ своемъ жесткомъ, суровомъ республиканизмѣ онъ пренебрегалъ даже вѣжными знаками уваженія къ королю.

Эти три депутата и привезли назадъ короля.

Въ Парижѣ приняли всѣ мѣры предосторожности, чтобы предупредить какое бы то ни было оскорбленіе королевскаго семейства и затрудненіе поѣзда. Войска и національная гвардія стояли густыми шпалерами при появленіи кареты. Мрачнымъ молчаніемъ встрѣтили короля и проводили въ Тюльери. Нѣкоторые свидѣтели увѣряютъ, будто въ предмѣстьяхъ привѣтствовали ему былъ яростный ревъ; но при этомъ однако не пытались остановить поѣздъ.

Король, слѣдовательно, вернулся, и предсказаніе Мирабо сбылось. Если и до бѣгства 20 іюня было трудно спасти монархію, то теперь это стало почти невысказано. Французы были изумительно единодушны въ своемъ враждебномъ настроеніи къ королю. Это поразило даже самого Людовика XVI. До бѣгства было хотя человѣческое состраданіе къ его бѣдствіямъ: теперь исчезло и оно. На вопросъ король сказалъ, что во время поѣздки самъ убѣдился въ пародномъ желаніи новой конституціи и въ безвозвратномъ приговорѣ общественнаго мнѣнія старому порядку. Поэтому-то онъ ни на минуту не задумывается безусловно принять новую конституцію. Въ мгновеніе, когда онъ говорилъ это, онъ, разумѣется, такъ и думалъ. Но его слова опирались на фактъ, смыслъ котораго всего яснѣе обнаруживался, какъ сопровождавшими его обстоятельствами, такъ и цѣлымъ потокомъ адресовъ, ежедневныхъ приходившихъ теперь изъ провинцій.

Дѣло короля передъ судомъ національнаго собранія и клубовъ.

Съ того времени, какъ привезли короля и отсрочили его власть, демократическая партія дѣлала въ Парижѣ то же, что

крестьяне въ деревняхъ, по которымъ проѣзжалъ Людовикъ на возвратномъ пути. Она забила въ пабать въ печати и вооружилась въ клубахъ.

Уже 1 іюля Малуэ въ сильнѣйшемъ волненіи возшелъ на трибуну и воскликнулъ: «Въ дверяхъ національнаго собранія, на каждомъ нашемъ шагѣ, на вашихъ глазахъ, самымъ грубымъ образомъ оскорбляютъ конституцію и общественный порядокъ. Съ умысломъ, не только крамольнымъ, но, во всемъ признакамъ, преступнымъ, внушаютъ народу уничтожить королевскую власть». Онъ совѣтуетъ преслѣдовать злодѣевъ. Центръ и правая сторона соглашаются съ нимъ. Но крайняя лѣвая, именно гг. Шабру, Дильонъ и Шанелье, отстраняютъ эту мѣру. При страшной суматохѣ въ залѣ и на галлереяхъ принимается рѣшеніе перейти къ очереднымъ дѣламъ.

Если послѣдніе ораторы говорили еще довольно двусмысленно о сохраненіи монархіи, то получавшіеся изъ провинцій адресы и заявленія вполнѣ ясно обнаруживали, что тамъ готовы скорѣе пожертвовать королемъ, чѣмъ новымъ порядкомъ. Провинціалы не боялись говорить безъ всякихъ обиняковъ объ отреченіи Людовика.

У монархическаго большинства въ собраніи исчезла почва подъ ногами. Его лишили послѣдняго значенія возни якобинцевъ, которымъ ошибки короля послужили оружіемъ къ сокрушенію однимъ и тѣмъ же ударомъ и королевской власти, и собранія.

Въ какомъ духѣ уже теперь разсуждали о королевскомъ вопросѣ, видно изъ рѣчи, сказанной Бриссо 10 іюля въ якобинскомъ клубѣ. Она полна того „республиканскаго“ пыла (verve républicaine), который особенно проявлялся у Верньо и Сень-Жюста въ 1793 году. Когда же въ ней говорится объ иностранныхъ державахъ, намъ слышится Демулень. Ораторъ самымъ рѣшительнымъ образомъ ратуетъ противъ неприкосновенности королевской власти и рекомендуетъ (что весьма характеристично) іезуитское ученіе Маріаны ¹⁾ объ умерщвленіи тирановъ. Обрисовемъ эту рѣчь двумя-тремя выдержками.

„Египтяне же думали, будто королевская власть—существенная принадлежность правленія. Желая, однако, избавиться отъ зла, сопряженнаго съ существованіемъ живыхъ королей, они замѣнили ихъ камнемъ, который и ставили на престоль, въ качествѣ мертваго короля. Шейхи владѣли на него алкоранъ съ саблѣй и оставались республиканцами. Если камень и алкоранъ

¹⁾ Іоаннъ Маріана, испанскій іезуитъ, учитель испанскаго короля, Филиппа III, прославлялъ Жака Клемана, убійцу Генриха III. *Ред.*

не чувствуютъ наказанія, то вѣдь они и не могутъ провиниться. Они не составляютъ заговоръ противъ правъ націи... Объявленіе человѣческихъ правъ требуетъ равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Стало-быть, равенства нѣтъ съ той минуты, какъ одинъ человѣкъ становится выше закона. А всѣ статьи объявленія правъ незамѣтно улечиваются съ того мгновенія, какъ одна изъ нихъ дерзко поправа ногами. Верховенство націи никого не признаетъ господиномъ надъ собою. Стало-быть, если одинъ человѣкъ пользуется привилегіей безнаказанно вступать въ заговоръ противъ націи, ясно, что это привилегированное существо—верховная власть, а нація—его раба. Я могу считать его лишь Богомъ, а гражданъ—25-тью милліонами головъ скота или невольниковъ“. Какъ говоритъ ораторъ объ иностранныхъ державахъ, видно изъ слѣдующихъ словъ о Пруссіи и о Нѣмецкой имперіи. „Боятся-ли намъ Пруссія? Если инквизиція овладѣваетъ престоломъ, она распатываетъ и подрываетъ его. А прусскій король—ничто иное, какъ великій инквизиторъ. То сластолюбецъ, то иллюминатъ, то безразсудно смѣлый, то слабый, этотъ государь играетъ роль и судьи Европы, и игрушки своихъ враговъ... Говорить ли мнѣ о нѣмецкомъ союзѣ (*l'igne germanique*), этомъ пустомъ призракѣ; объ этихъ мелкихъ государствахъ, которыя осмѣливаются укрывать нашихъ бѣглецовъ? Имѣй наше министерство малѣйшее понятіе о величіи нашей революціи,—оно однимъ своимъ словомъ обратило бы въ пачто этихъ темныхъ тираловъ, народы которыхъ освободятся при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ“.

14, 15 и 16 іюля шли препія о жизненномъ вопросѣ монархіи и конституціи, о безотвѣтственности и неприкосновенности короля.

Всѣ эти препія доказали, что республиканская партія въ національномъ собраніи, при единодушій противниковъ, еще очень слаба; но что она не пренебрегаетъ никакими средствами,—ни крикомъ, ни шумомъ, ни подготовленнымъ терроризмомъ на галлерейхъ, наполнявшихся подкупленною сволочью. Всѣми этими мѣрами республиканцы прерывали спокойное обсужденіе дѣлъ и старались овладѣть рѣшеніями собранія.

Отсюда-то проистекалъ совершенно противоположный пріемъ одной и той же рѣчи въ залѣ и на галлерейхъ. Когда такіе господа, какъ Вадье, употребляли подобныя выраженія: „Считатель-ли кто-нибудь изъ насъ возможнымъ, чтобы коропованный разбойникъ безнаказанно убивалъ, опустошалъ все огнемъ и мечемъ и призывалъ въ отечество иностранныхъ наемниковъ?“ ихъ прерывали въ залѣ крики даже лѣвой стороны, а на галлерейхъ имъ отчаянно аплодировали. Но словамъ Монитѣра, рѣчь Гуниля,

страстнаго королевскаго защитника, сильно нападавшаго на якобинцевъ, иногда даже поименно, была одобрена большинствомъ собранія, тогда какъ большинство галлерей только промолчало.

Изъ всѣхъ обвинителей короля самую важную рѣчь сказалъ Робеспьеръ. Вообще, идея у него была та же, что и въ клубной рѣчи Бриссо 10 іюля. Но при этомъ Робеспьеръ въ весьма замѣчательныхъ словахъ отклонялъ отъ себя упрекъ въ республиканизмъ. „Пускай,—сказалъ онъ,—кто хочетъ обвиняетъ меня въ республиканизмъ. Объявляю: я ненавижу всякое правленіе съ господствомъ мелкихъ партій. Что пользы сбросить иго одного деспота, чтобы поднасть подъ иго другого? Когда Англія освободилась отъ ига одного изъ своихъ королей, это повело лишь къ наложенію на нее еще позорнѣйшаго ига со стороны небольшого числа ея согражданъ. Но, признаюсь, между нами я вовсе не вижу могучаго генія для роли какого-нибудь Cromwell... Нужно успокоить націю насчетъ того, что она не подвергнется черезчуръ долго олигархическому правленію“.

Король, конечно, немало мѣшалъ своимъ защитникамъ. Даже Грегуаръ выступилъ съ вопросомъ: „Положимъ, король согласится, присягнуть; по какую цѣлу придавать намъ его клятвѣмъ?“

Наконецъ, умѣренные монархисты лѣвой стороны овладѣваютъ словомъ. Даже Дюнонъ и новообращенный Барнавъ защищаютъ короля. На рѣчь Барнава со всѣхъ сторонъ смилуются одобренія. Онъ, между прочимъ, сказалъ: „Вы не знаете, что если нація въ минуту страсти низвергнетъ королевскую власть, то въ слѣдующее мгновеніе, подчиняясь другой страсти, уничтожитъ и республику, чтобы воздвигнуть тиранію“. Барнавъ очень вѣрно ставитъ, какъ единственный существенный вопросъ, слѣдующій: „Копчигь памъ революцію, или пачать ея спова?... Пора ей прекратиться. Пачатая и признанная къ чести націи, она должна остановиться въ минуту достиженія своей цѣли, въ минуту свободы націи и равенства всѣхъ французовъ. Желать большаго, значить желать конца нашей свободы и пачала нашихъ провинностей“.

Что большинство подастъ голосъ за безответственность и неприкосновенность короля, это было уже несомнѣнно.

Припятое рѣшеніе совсемъ умалчивало объ обвиненіи Людовика XVI; оно ввело лишь три постановленія, по которымъ на будущее время король свергался съ престола за подобныя преступки.

Этотъ вопросъ послужилъ къ распаденію якобинскаго клуба. Конституціоналисты вышли изъ него и собрались въ монастырѣ

Фельяновъ ¹⁾. Впрочемъ, этимъ не подорвалась власть клуба. Напротивъ, онъ освободился теперь отъ балласта умѣренной партіи; и въ немъ выступила наружу, безъ примѣси и исключительно, вся сила анархистовъ. Изъ этого кружка вышли потомъ все самые яростные вожди верховной демократіи.

Но предстоящее окончаніе конституціи и спасеніе ея высшаго пачала, неприкосновенности короля, стоило еще кровавой уличной сцены.

Клубы подняли въ предмѣстьяхъ свою постоянную лейбъ-гвардію. Рѣшили обнародовать на Марсовомъ полѣ, 17 іюля, бурный адресъ, въ родѣ того, который появился 15 числа за подписью „le peuple“ и громилъ „клятвеннопреступнаго короля“. Этотъ адресъ, подписанный цѣлыми толпами, должны были вручить королю сами подписчики. Толпы, на которыхъ разсчитывали, признавались достаточно способными уяснить основы дѣла! Правдивѣннмъ виновникомъ похода былъ Робеспьеръ, — умный человекъ, обыкновенно устранившійся, когда дѣло доходило до кулаковъ; видимыми предводителями были Мальяръ, Журданъ („Couppe-tête, голова-рѣзъ“) и Сантеръ.

Адресъ былъ подписанъ въ воскресенье, 17 іюля, при громадномъ стеченіи народа. Издатели сочиненія *Histoire parlementaire* видѣли оригиналъ его, гдѣ пашли около 6.000 подписей женщинъ, дѣтей и умѣвшихъ поставить лишь +, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и такія имена, какъ Шометъ, Мальяръ, Геберъ, Ганрио и другіе.

Самый походъ не состоялся. Если клубные трибуны, Мараты и Демулени, по цѣлымъ днямъ подучали и подстрекали народъ, то и полиція не оставалась праздною. Муниципальный корпусъ ²⁾

¹⁾ *Feuillants*—такъ называлось общество цистерціанскихъ монаховъ, основанное въ 1577 году для самаго строгаго исполненія устава св. Бенедикта. Въ Парижѣ, въ церкви монастыря Фельяновъ, въ 1791 г. стали собираться друзья Лафайета, это ядро умѣренной партіи. *Ред.*

²⁾ Въ самомъ началѣ революціи, какъ только были изгнаны чиновники стараго правительтва, въ большихъ городахъ самовольно образовались и народныя совѣты (*conseils du peuple*) изъ избирательныхъ собраній. Затѣмъ въ Парижѣ потребовалась болѣе правильная администрація, — и явилось (въ іюнѣ 1789 г.) собраніе представителей парижской общины (*Assemblée des représentans de la Commune de Paris*). Оно состояло изъ 120 (потомъ изъ 300) депутатовъ отъ избирателей города Парижа, по два на каждый изъ 60 дистриктовъ столицы, и изъ выборнаго мера. Но и это собраніе не устранило анархіи. Тогда (въ іюнѣ 1790 г.) возникъ законъ объ окончательномъ устройствѣ парижской общины. Исполнительною властью сталъ муниципалитетъ (*conseil municipal*), образовавшійся изъ одного мера, 16 администраторовъ, 32 общинныхъ совѣтниковъ и проч. Городъ былъ раздѣленъ въ это же время на 48 частей (*section*), изъ которыхъ каждая составляла „цер-

опредѣлили принять мѣры для охраненія безопасности и порядка. Здѣсь, какъ и въ комитетахъ національнаго собранія, Фельяны имѣли еще перевѣсъ,—и 16 числа послѣднее приняло рѣшеніе, придавшее вѣсу дѣйствіямъ муниципальнаго корпуса. Военный законъ, уполномочивавшій парижскую общину, по троекратномъ бесплодномъ предостереженіи, силой разсѣивать сборища, давалъ законное средство раздавить возстаніе въ зародышѣ.

Подписчики адреса 17-го іюля знали объ этомъ. Но они не боялись. Лафайетъ и Балли, разсуждали они, не осмѣлятся сдѣлать что-нибудь въ этомъ родѣ.

Собрали національную гвардію, забили по всѣмъ улицамъ генеральный маршъ, на ратушѣ вывѣсили красное знамя. Собравшимся на Марсовомъ полѣ толпамъ, которыя утромъ, на строгія увѣщанія Лафайета, отвѣчали ружейными выстрѣлами, прочли вечеромъ законъ о мятежѣ и предлагали добровольно разойтись. Когда это не подѣйствовало, послѣдовали неожиданныя выстрѣлы. Нѣсколько ихъ было достаточно, чтобы разсѣять массы.

Это не была „кровавая бойня“, какъ выражалась демократическая печать. Если и лилась кровь, то все больше кровь любовныхъ и запоспыхъ зрителей, между тѣмъ какъ зачинщики или вовсе не показывались, или же ускользнули во-время. Впрочемъ, у пораженной партіи были основательныя причины представлять дѣло въ возможно черномъ цвѣтѣ. Лафайетъ, лично подвергавшійся чрезвычайной опасности, былъ настолько великодушенъ, что отпустилъ одного изъ самыхъ главныхъ мятежниковъ, напавшаго на него свое оружіе и понавпагоса ему въ руки.

Фельяны поздравляли себя съ мнимо-рѣшительною побѣдой. 18 іюля слушали въ національномъ собраніи докладъ мера, поведеніе котораго одобрили. При этомъ, безъ долгихъ обсужденій, приняли постановленіе противъ мятежныхъ замисловъ, возмутительныхъ памфлетовъ и сборищъ, чому Петіонъ не посмѣлъ противиться энергично. Ближайшимъ слѣдствіемъ было кратковременное молчаніе анархистской партіи. Между тѣмъ какъ туловище якобинскаго клуба приседало въ собраніе даже адресъ съ извиненіями, Марать, казалось, исчезъ безслѣдно, съ своимъ „Другомъ Парода“. Франція дни два должна была обходиться безъ этой загородной газетки. Революціонеры боялись послѣдствій побѣды 17 іюля, опасались, какъ бы не приободрилось національное собраніе,

воначальное собраніе“, участвовавшее въ выборѣ упомянутыхъ лицъ. Меръ съ 16 администраторами образовывали собственное правленіе (bureau) столяды, а 22 общинныхъ совѣтника—муниципальный совѣтъ (conseil municipal). Для полицейскаго управленія подавъ мера находились полицейскіе комиссары, по одному изъ каждой части. *Ред.*

не закрыло клубовъ яacobинцевъ и кордельеровъ и не уничтожило этимъ гнѣзда возстаній. Но они были несправедливы къ фельянамъ. Послѣдніе, словно изнеможенные, переводили духъ послѣ этого доказательства своей энергіи. Имъ казалось, будто они уже довольно сдѣлали, приобрѣта пока спокойствіе. Дня черезъ два снова появились демократическія газеты; онѣ осмѣивали враговъ, которые убили двухъ-трехъ невинныхъ, всѣмъ же извѣстныхъ зачинщиковъ оставили въ покоѣ. Демуденъ издалъ яростный памфлетъ противъ Лафайета, Балби и фельяновъ. Въ немъ самымъ невиннымъ упрекомъ было, будто они затѣяли всю эту исторію для обпародованія закона о мятежахъ.

Какъ бы то ни было, главная задача была рѣшена: неприкосновенность короля достигнута и жизненный вопросъ конституціи оконченъ въ духѣ монархическаго большинства.

Пересмотръ и завершеніе конституціи.

Національное собраніе рѣшило теперь снова пересмотрѣть конституцію и выбросить потомъ постановленія, несогласныя съ основами конституціонной монархіи.

Различныя попытки демократовъ провести-таки поправки въ своемъ духѣ не удалось: но и большинство остановилось на полдорогѣ. Послѣ кое-какихъ измѣненій въ законахъ о выборахъ и печати, въ главномъ остались при томъ, что уже Мирабо называлъ слабою стороною новаго порядка. Оставили именно однопалатную систему и отсрочивающее veto.

Въ концѣ августа конституція была готова. 4 сентября короля освободили отъ ареста, и 60 депутатовъ національнаго собранія вручили ему документъ¹⁾. Плапъ собранія былъ—вполнѣ возвратить монарху его права, какъ только онъ присягнетъ конституціи, и затѣмъ открыть опредѣленное правленіе.

Король заявилъ депутации, принесшей ему документъ, что проситъ времени на размышленіе. Потомъ отпривилъ въ собраніе полное признательности письмо: въ немъ онъ соглашался принять конституцію. 14 сентября онъ самъ явился въ собраніе и принесъ присягу. При этомъ онъ просилъ амнистіи за все прошлое. Его отпустили съ восторженнымъ „vive le roi!“—и всѣ были въ уноеніи отъ радости.

¹⁾ Перепечатано въ Hist. parlementaire, XI, 404 sqq. Тамъ же, см. и критику конституціи М а л у е съ конституціонно-монархической точки зрѣнія.

Прежде, чѣмъ послѣдовало принятіе конституціи, при дворѣ случилось кое-что, плохо согласовавшееся съ этою сценой.

Изъ записокъ придворныхъ мы знаемъ, какихъ тяжелыхъ страданій стоило рѣшиться на этотъ шагъ. Король говорилъ неправду, когда писалъ, въ упомянутомъ письмѣ, о своемъ радостномъ согласіи. Въ дѣйствительности, онъ видѣлъ въ этомъ чрезвычайно тяжкія оковы, которымъ подчинился, послѣ долгаго сопротивленія, словно смертному приговору. Во дворцѣ по цѣлымъ днямъ совѣщались о „да“ или „нѣтъ“, и, можетъ быть, рѣшеніе послѣдней минуты зависѣло лишь отъ благоразумныхъ совѣтовъ императора Леопольда, настаивавшаго на принятіи конституціи.

Король шелъ въ собраніе, какъ идутъ на судъ.

Радостно, съ мужествомъ и спокойствіемъ чистой совѣсти взошелъ онъ 21 января 1793 года на эшафотъ: въ немъ непримѣтно было волненія. Теперь же онъ вышелъ изъ дворца въ слезахъ, въ глубокомъ душевномъ потрясеніи, будто готовился къ смерти. Такъ было за вудисами.

30 сентября 1791-года національное собраніе закрыло свои засѣданія. Съ послѣдовавшимъ затѣмъ законодательнымъ собраніемъ начинался правильный ходъ новаго парламентскаго правленія. Во главѣ трудовъ учредительнаго собранія стоятъ человѣческія права. За ними слѣдуютъ основныя мысли 4 августа ¹⁾. Затѣмъ идутъ общія права: допущеніе во всѣмъ должностямъ, одинакія повинности и наказанія, свобода совѣсти и печати, право сходовъ и просьбъ, самоуправленіе общинъ, свобода торговли, покровительство личной свободѣ, уничтоженіе приказовъ объ арестѣ, неприкосновенность тайны писемъ, отдѣленіе судебнаго вѣдомства отъ администраціи, избраніе чиповниковъ и приходскихъ священниковъ, образованіе, попеченіе о бѣдныхъ и сиротахъ, общее право (*code des lois civiles communes*):

Далѣе: постановленія о департаментахъ и правахъ гражданъ, о поселеніяхъ и гражданскомъ бракѣ, объ общинныхъ владѣніяхъ. Наконецъ, законы о правительственныхъ органахъ, о постоянной на-

¹⁾ «Нѣтъ болѣе ни дворянства, ни перства, ни наслѣдственныхъ привилегій, ни различія въ чинахъ, ни феодальнаго правленія, ни вотчиннаго суда, ни какихъ-либо титуловъ, званій и протекавшихъ отсюда преимуществъ, никакихъ ордеповъ и т. д.

Нѣтъ болѣе ни продажности, ни наслѣдственности публичныхъ должностей. Нѣтъ болѣе никакой привилегіи, никакого исключенія изъ общихъ правъ всѣхъ французовъ въ пользу какой бы то ни было части націи или отдѣльнаго лица.

Нѣтъ болѣе ни цеховъ, ни ремесленныхъ корпорацій.

Законы не признаютъ болѣе ни религиозныхъ обѣтовъ, ни какихъ-либо другихъ обязательствъ, противныхъ естественнымъ правамъ или конституціи.

латѣ, обновляющейся каждые два года (une législature), о числѣ депутатовъ, о порядкѣ и правѣ избранія; опредѣленія о королевской власти и регентствѣ, объ отвѣтственныхъ министрахъ, о способѣ переговоровъ короля съ собраніемъ, о veto, объ исполнительной власти и управленіи, о судѣ, и т. д.

Вотъ остовъ всемірно-исторической конституціи, великія основы которой до настоящаго времени управляли политическою жизнью большинства цивилизованныхъ народовъ.

Начиная съ 1812 года, все конституціонное движеніе въ Испаніи и Италіи, въ Германіи и Бельгіи, даже въ самой Центральной и Южной Америкѣ, коренится въ этой конституціи. Едва-ли возможно указать на какую-нибудь важную мысль въ политическомъ развитіи послѣднихъ десятилѣтій, которая не заключалась бы въ ней. До сихъ поръ міръ не повиновалъ еще пути, указаннаго ею, еще не возвысились надъ требованіями, съ которыми она обращается къ народамъ.

Но, разумѣется, примѣненіе изложенныхъ въ этой конституціи идей вовсе не принесло плодовъ для тогдашняго французскаго народа.

Не будемъ судить теперь слишкомъ строго. То было время, подобное которому едва-ли найдется въ исторіи. Рушится съ оглушительнымъ шумомъ монархія, какой свѣтъ не видалъ прежде, и такъ внезапно, что все приходитъ въ ужасъ. На этихъ-то развалинахъ порядка, безъ преданій, безъ органовъ власти, безъ закона, безъ послушанія, безъ политической подготовки народа и его представителей, это собраніе должно было создать новое государство. Истиннѣ, этому собранію слѣдовало быть болѣе великимъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности: представлялась гигантская задача, не подъ силу никакому собранію.

Почать этого необычнаго времени лежитъ и на его созданіяхъ.

Иначе и быть не могло. Пренія и постановленія собранія неизбежно должны были всегда отличаться характеромъ опытовъ. Гдѣ все такъ незакончено и неподготовлено, тамъ не явится стройному созданію. Собранію приходилось бороться съ непримиримыми крайностями. Оно колебалось между демократическими желаніями и страхомъ предъ монархіей. При этомъ и демократы, и роялисты, равно не признававшіе конституціи, панперерывъ старались разрушить или сдѣлать несостоятельнымъ все, вызванное на свѣтъ съ такимъ трудомъ.

Чтобы конституція пустила корни, ничего не было лучше, какъ составить новое собраніе главнымъ образомъ изъ ея авторовъ. Поэтому былъ желателенъ переходъ большинства членовъ

прежняго собранія въ новое. Рѣши національное собраніе составить часть законодательнаго собранія изъ учредительнаго,—и, какъ бы тамъ ни заговорили объ ограниченіи права избранія, то былъ бы политическій шагъ, предотвратившій бы, вѣроятно, невыразимыя бѣдствія.

Такъ поступилъ въ послѣдствіи конвентъ. Когда же парижское населеніе приготовило противъ него бурный протестъ, Бонапартъ „картечью вымелъ улицы“. Одного, во всякомъ случаѣ, не слѣдовало бы дѣлать собранію ни теперь, ни послѣ—выключать членовъ учредительнаго собранія изъ выборовъ въ законодательное.

Но именно это и постановило оно, по предложенію Робеспьера (21 мая). Нація рѣшаетъ совершенно объективно: выборъ остается свободнымъ, лишь бы онъ не падалъ на депутатовъ 1789 г. Это было вовсе не политично. Конституція еще только клочекъ бумаги, а уже удаляютъ тѣхъ, которые одни любили этотъ трудъ и понимали дѣло, тѣхъ, для кого весь интересъ заключался въ его осуществленіи.

Въ числѣ этихъ 1200 исключенныхъ были чуть-ли не всѣ политическіе умы тогдашней Франціи. Откуда явится сію же минуту государственнымъ людямъ на смѣну имъ въ дѣлѣ, стоявшемъ уже столь страшныхъ трудовъ? Пусть даже *homines novi*, за которыхъ приходилось теперь схватиться, и немного уступали бы своимъ предшественникамъ по политическимъ способностямъ: благоговѣнія къ наслѣдію учредительнаго собранія отъ нихъ, разумеется, нечего было ожидать. Было бы уже хорошо, если бы вновь избранные считали конституцію 1791 г. почти принятою точкой зрѣнія и видѣли въ ней по крайней мѣрѣ педурпую переходную ступень и больше ничего).

ГЛАВА IX.

Иностранныя державы. Конгрессъ въ Пильницѣ (Августъ. 1790 годъ ¹⁾).

Между тѣмъ за границей не оставались праздными. Извѣстія о подготовлявшихся тамъ событіяхъ не разъ омрачали настроеніе Франціи, хотя ихъ непосредственное вліяніе преднамѣренно весьма преувеличивалось.

¹⁾ Считаемо необходимымъ обратить здѣсь вниманіе читателя на точку зрѣнія, съ которой смотритъ Гейссеръ на европейскую, особенно нѣмецкую дипломатію описываемой эпохи. Это—вопросъ весьма важный уже потому, что онъ, несмотря на свою важность, а, можетъ быть, именно вслѣдствіе этого,

Императоръ Леопольдъ II явно старался избавиться отъ всякаго затрудненія, неизбѣжнаго для него при вмѣшательствѣ во французскія дѣла. Въ 1791 году онъ отправился въ Италію, въ свои наслѣдственные земли. Тогда произошла сцена 18 апрѣля, доказавшая, что Людовикъ XVI—иллѣнникъ парижанъ. Тутъ король послалъ графа Альфонса Дюрфора къ своему царственному шурина въ Италію для побужденія его къ дѣятельному сопротивленію революціи.

Императоръ поступилъ уклончиво. Онъ отвѣчалъ очень ласково, остерегался однако положительныхъ обѣщаній. Когда же теперь совершенно неожиданно явился самъ графъ Артуа, младшій братъ короля, и развилъ передъ императоромъ готовый планъ европейскаго вторженія во Францію, настроеніе его обнаружилось еще яснѣе.

Онъ заявилъ, что воплѣтъ раздѣляетъ принципъ, но, вмѣсто немедленнаго вторженія, соглашался лишь на пограничныя демонстраціи, а вмѣсто дѣйствій въ одиночку предлагалъ европейскій

доселѣ еще не рѣшенъ окончательно въ наукѣ. Столь великія европейскія событія, какъ зарожденіе революціонной войны и начало паденія Польши, стали обсуждаться на ученымъ образомъ лишь въ наши дни. Подъ словомъ «научный» мы разумѣемъ изслѣдованіе дѣла по архивнымъ источникамъ—единственный и воплѣтъ вѣрный путь къ истинѣ въ этомъ случаѣ. Любопытно, что наиболѣе заинтересованными тутъ націи, французская и польская, всего менѣе принимаютъ участія въ этой работѣ. Честь починна здѣсь принадлежитъ вѣмцамъ и намъ, благодаря просвѣщенному взгляду на науку прусскаго и русскаго правительствъ. Австрія сильно отстала отъ нихъ; она доселѣ держитъ замѣчательный вѣнскій архивъ подъ семью печатями и лишь изъ приличія стала выдать изъ него, въ послѣдніе 2—3 года, ничтожныя крохи на просмотръ ничтожнымъ историкамъ, въ родѣ «вонгерскаго дворянина» Вивенно, автора «Герцога Альбрехта фонъ-Саксенъ-Тешенъ». Русская наука много помогла въ разъясненіи темнаго вопроса въ лицѣ Смита, Милутина и Соловьева, на труды которыхъ вѣмцы тотчасъ же обратили должное вниманіе.

Несомнѣнно ладно идетъ дѣло у нихъ самихъ. Политическія современныя тенденціи, къ сожалѣнію столь свойственныя вѣмцамъ историкамъ, не мало подбавляютъ темноты къ неяснымъ вопросамъ. «Малогерманскій» историкъ горячится въ спорѣ съ «великогерманскимъ», и наоборотъ. Вотъ почему, въ послѣднее время, въ вѣмцовой исторической наукѣ идетъ сильная борьба по вопросамъ, о которыхъ мы говоримъ. Гейссеръ и Зибель, съ одной стороны, Германъ (Russ. Gesch. и Vorsch. zur deutsch. Gesch.)—съ другой, вотъ главные бойцы на этомъ полѣ. Послѣднимъ актомъ въ этой борьбѣ должно считать появившуюся въ 1868 году книжку Зибеля: «Oesterreich und Deutschland im Revolutionskrieg», служащую дополнительнымъ выпускомъ къ его «Исторіи революціонной эпохи». Она вызвана давно ожидаемыми вѣнскими документами, которыми вѣсколько попользовались вышеупомянутый Vivienot и Hüffer (Oesterreich und Preussen gegenüber der französis. Revolution). Въ послѣднее время много сдѣлали, въ этомъ вопросѣ, и французская наука, особенно въ лицѣ Сореля (Европа и французская революція). *Ред.*

конгрессъ, отъ рѣшенія котораго зависѣла бы вся политика относительно Франціи.

Послѣ второй, болѣе настоятельной просьбы, императоръ рѣшился на первый шагъ: онъ обѣщаль стѣннуть на защиту короля всѣ войска, какія только у него были въ Бельгіи. Но тутъ пришло извѣстіе о бѣгствѣ и арестѣ Людовика.

Теперь неотступно просили Леопольда, какъ монарха, какъ шурина Людовика, не ограничиваться обѣщаніями, а сдѣлать что-нибудь серьезное. И вотъ онъ, 6 іюля, отправилъ изъ Падуй окружное посланіе къ монархамъ Европы. Въ немъ онъ предлагалъ имъ единодушно объявить дѣло короля Франціи своимъ собственнымъ, настаивать на свободѣ и личной безопасности Людовика и всѣ новыя законы признать дѣйствительными лишь съ добровольнаго согласія короля; въ противномъ случаѣ, вмѣшаться въ дѣло съ оружіемъ въ рукахъ.

Вотъ первый промахъ, въ который удалось вовлечь Леопольда II. Подобное заявленіе имѣло смыслъ лишь при 200.000 солдатъ, готовыхъ, въ случаѣ нужды, придать ему вѣсъ. Слова же безъ дѣлъ, угрозы безъ штыковъ были не опасны.

Между тѣмъ во Франціи все оставалось попрежнему. Для новаго толчка нужно было опять случиться чему-нибудь.

Фридрихъ-Вильгельмъ II настаивалъ на свиданіи. Въ высшихъ берлинскихъ кружкахъ не могли дожидаться открытія крестоваго похода въ Парижъ. Императрица Екатерина II усиленно раздувала огонь, надѣясь пожаромъ на западѣ надѣлать хлопотъ своему безпокойному сосѣду ¹⁾. Медленно согласился Леопольдъ. Въ послѣдніе дни августа 1791 года съѣхались монархи въ Пльницѣ, оба въ сопровожденіи лишь самыхъ близкихъ своихъ поваренныхъ.

¹⁾ Занять войною западныя державы, дѣйствительно, входило въ планы Екатерины, что доказываютъ ея собственныя слова, которыя мы находимъ въ запискахъ ея секретаря, Храповицкаго: «Въ воскресенье, при разборѣ Московской почты, сказано мнѣ: „И ломаю себѣ голову, чтобъ подвинуть Вѣвскій и Берлинскій дворы въ дѣла французскія. Пруссійскій бы пошелъ, но останавливается Вѣвскій“. Написали записку къ вице-канцлеру: „Они меня не понимаютъ; виновата ли я? Есть причины, которыя нельзя открывать; я хочу вынять ихъ, чтобъ пользоваться свободой дѣйствія; у меня много предпріятій неоконченныхъ, и надобно, чтобъ они были заняты и мнѣ не мѣшали“.

Но, кромѣ того, дѣйствуя противъ революціи, Екатерина имѣла въ виду и другую цѣль. Она охотно приняла предложеніе Австріи и Пруссіи составить коалицію противъ Франціи и назначила большую сумму денегъ для вспоможенія братьямъ Людовика XVI и эмигрантамъ, чтобъ оградить безопасность престоловъ отъ революціоннаго движенія и пропаганды. Лучшимъ средствомъ для этого она считала возбужденіе внутренняго антиреволюціоннаго движенія во Франціи, во главѣ котораго должны были стоять братья короля. Опиорю

Имъ было весьма неприятно появленіе непрошеннаго Артуа, съ Калономъ и Булье.

Плодомъ этого свиданія былъ планъ манифеста. Вполнѣ еще не рѣшено, обѣли стороны и какъ подписали его. Въ сущности оба монарха объявили графу Артуа, что, считая судьбу короля Франціи предметомъ общаго интереса всѣхъ монарховъ, они надѣются, что и остальные державы заодно съ ними употребятъ самыя дѣйствительныя средства къ возвращенію королю полной свободы. Они же, между тѣмъ, готовы принять надлежащія мѣры, чтобы поставить свои войска на походную погу.

Вскорѣ затѣмъ австрійскій дворъ началъ отрицать обязательность этого заявленія. Вообще нѣтъ сомнѣнія, что обѣщанія Леопольда не удовлетворяли широкимъ требованіямъ Артуа, будь даже общародованное заявленіе болѣе опредѣленно.

Но этотъ документъ явился въ свѣтъ. Заключавшаяся въ немъ угроза была осязательна; и ее довольно живо оцѣнили во Франціи. Для якобинцевъ она представляла превосходное орудіе, для приверженцевъ королевской власти—страшное затрудненіе.

Еще и теперь мы встрѣчаемъ во многихъ книгахъ увѣренія, будто нильницкое заявленіе вызвало революціонную войну. Это совершенно несправедливо. Войну начали якобинцы, потому что они желали ея и нуждались въ пей.

Правда, однако, что этимъ обѣщаніемъ державы открыли весьма неблагоприятную политику. Было чрезвычайно бессмысленно раздражать революцію и французскій народъ угрозой вооруженнаго вмѣшательства и затѣмъ все-таки ничего не сдѣлать для подтвержденія этой угрозы. Выставъ обѣ державы тотчасъ же 200.000 человекъ на Рейнѣ, ихъ поступокъ имѣлъ бы смыслъ; теперь же онъ лишь подливалъ масла въ огонь. Этимъ впервые поселили во французахъ то глубокое недовѣріе къ реставраціонной политикѣ Европы, безъ котораго якобинцамъ врядъ-ли было возможно завладѣть кормиломъ правленія.

Сначала нильницкая угроза вовсе не имѣла непосредственнаго результата. Національное собраніе закончило свою работу, король примирился съ нимъ. И, мѣсяць спустя послѣ нильницкаго свиданія, императоръ Леопольдъ II былъ безконечно радъ, что счастливо достигнуто завершеніе конституціи, что король, которому

имъ должны были служить не иноземныя войска, а многочисленныя французы, недовольныя революціей или ея крайностями. Сосредоточивъ ихъ около себя, принцы должны были обѣщать забыть прошлое, успокоить противниковъ,—словомъ, дѣйствовать подобно знаменитому предку ихъ, Генриху IV. Тогда Екатерина не сомнѣвалась въ успѣхъ, ибо Франція, по ея убѣжденію, была страшно монархическая (С о л о в ъ в ѣ: Исторія паденія Польши, стр. 251—252). *Гед.*

онъ самъ постоянно совѣтовалъ уступить, опять въ спосномъ положеніи, а онъ самъ, вслѣдствіе этого, освобожденъ отъ тягостныхъ пыльныхъ обязательствъ. }

Пруссія и Польша въ 1791 — 1792 годахъ. (По бумагамъ берлинскаго архива ¹⁾).

Къ оконченной въ Польшѣ конституціи 3 мая 1791 года берлинскій дворъ относится съ положительнымъ сочувствіемъ, поздравляетъ съ нею поляковъ и совѣтуетъ курфюрсту саксонскому принять ее.

Такъ продолжается дѣломъ 1791 г., хотя теперь польскія дѣла и уступаютъ французскимъ, по интересу. Лишь на одномъ все еще настаиваютъ: чтобы не вступилъ на престолъ, черезъ бракъ или какимъ бы то ни было способомъ, принцъ одной изъ сосѣднихъ династій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно желаютъ покончить дѣло. Высказывается, напримѣръ, опасеніе (министерская нота отъ 6-го іюня), какъ бы медленность саксонскаго курфюрста не послужила въ пользу русской партіи.

Положеніе Россіи въ этомъ вопросѣ съ самаго начала не было загадкой ни для Берлина, ни для Варшавы ²⁾. Что оно можетъ быть только враждебно, это считали рѣшительнымъ, какъ здѣсь, такъ и тамъ. Поэтому поляки домогаются склонить Пруссію къ дѣятельному одобренію новаго порядка вещей. Гольцу формально предлагаютъ (денежа отъ 3-го августа), не заявить-ли Пруссія на

¹⁾ Отрывокъ изъ бумагъ, оставшихся по смерти Гейсера. Ср. Sybel, I, кн. 2, гл. 6. О.

²⁾ Взглядъ Россіи на польское дѣло и на связь его съ германскимъ ясно высказался въ собственноручной запискѣ Екатерины II конца 1791 года. Тутъ сказано: „Заклучивъ трактатъ съ республикой, гарантировавъ раста со п ч е п т а (ограничительныя условія) испѣшняго короля, нарушенныя конституціей 8-го мая, я не соглашусь ни на что изъ этого новаго порядка вещей, при утвержденіи котораго не только не обратили никакого вниманія на Россію, но осмѣлили ее оскорбленіями, вадирили ее ежеминутно. Но если другіе не хотять знать Россію, то слѣдуетъ ли изъ этого, что Россія также должна забыть собственные интересы? Я дамъ знать господамъ членамъ иностранной коллегіи, что мы можемъ сдѣлать все, что намъ угодно, въ Польшѣ, потому что противорѣчивая полуволи дворовъ вѣнскаго и берлинскаго противопоставятъ намъ только вѣчу писанной бумаги, и мы покончимъ наши дѣла сами. Я высказываюсь враждебно только въ тѣмъ, которые хотять меня испугать. Екатерина II часто приводила въ трепеть враговъ своихъ, но не знаю, чтобы враги Леопольда II когда-нибудь его трусили“. (Соловьевъ, Исторія паденія Польши, стр. 269). Ред.

сеймъ опредѣленно о своемъ желаніи во всякое время и по всякому поводу стоять за новую конституцію? Но въ Берлинѣ вовсе не намѣрены заходить такъ далеко (нота отъ 22-го августа), думая, что и сдѣланнаго достаточно.

Увѣренность во враждебности Россіи росла съ каждымъ днемъ. Въ Варшавѣ не только заявляли Пруссіи и Австріи свои притязанія, но почти съ увѣренностью высказывали надежду, что обѣ державы заступятся за польское дѣло; утѣшались какими-то розовыми грезами, которыя омрачились лишь послѣ отрицательнаго отвѣта саксонскаго курфюрста (въ октябрѣ).

Ожиданія, возложенныя на Пруссію и заявленныя, какъ въ Варшавѣ, такъ и посланникомъ въ Вѣнѣ, сдѣлались мало-по-малу тягостными въ Берлинѣ. Въ министерской нотѣ отъ 22-го ноября сказано, что нельзя принимать за обезпеченіе новой польской конституціи любовь, оказанную курфюрсту саксонскому: „большая разниа между простымъ выраженіемъ вѣжливости или участія и обязательствомъ, которое такъ охотно навязываютъ намъ, по котораго мы никогда и не помышляли принимать на себя“.

Вѣнскій кабинетъ выказалъ еще въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ подобное же мнѣніе: „Я все болѣе убѣждаюсь,—заявилъ Кауницъ (23 ноября),—что относительно поляковъ, коихъ легкомысліе, непоследовательность и ненадежность обнаруживались столь часто, самое лучшее—предоставить ихъ собственной судьбѣ. Пусть, какъ хотятъ, распутываютъ это дѣло“ ¹⁾. Австрійскій первый министръ видѣлъ въ требованіи поляковъ обезпечить имъ помощь безсоставное домогательство, послѣ того какъ они сами все затѣяли и не разъ обнаружили злыя намѣренія. Обои́мъ дворамъ оставалось держаться полпѣйшаго нейтралитета во всѣхъ внутреннихъ вопросахъ Польши, что было въ то же время лучшимъ отпоромъ русскимъ притязаніямъ.

¹⁾ Види въяскаго кабинета на Польшу еще лучше и полнѣе высказались въ письмѣ Кауница къ Кобенциу въ Петербургъ отъ 12-го ноября 1791 года. Тамъ сказано между прочимъ: „Оба императорскіе двора должны немедленно и откровенно объясниться насчетъ польскаго дѣла. Еще 23 мая мы сообщали петербургскому кабинету наши идеи и просили дать намъ знать объ идеяхъ императрицы. Не разъ вашему превосходительству былъ обѣщанъ отвѣтъ. Медленность въ исполненіи этого обѣщанія ставитъ насъ въ затруднительное положеніе.... У Австріи и Россіи одни виды насчетъ Польши; обѣ должны желать, чтобы Пруссія не увеличивалась насчетъ Польши и чтобы Польша не усиливалась и не стала опасною сосѣдкой, тогда какъ Пруссія желаетъ слабости Польши съ единственною цѣлью распространить свои владѣнія на ея счетъ“. Изъ сказаннаго выводятся слѣдующія заключенія: 1) Дальнѣйшій раздѣлъ Польши можетъ быть выгоденъ только одной Пруссіи, вначить, болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ обоимъ императорскимъ дворамъ. 2) Необходимо помогать ограниченію королевской власти въ Польшѣ и вообще поддерживать

Съ этимъ, очевидно равнодушнымъ, воззрѣнiемъ совпадали, какъ утрата надежды на мирную развязку у людей, близко стоявшихъ въ событіямъ, такъ и паденіе кредита патріотовъ. Это доказываютъ донесенія Голца (начиная съ осени) и еще болѣе Люкезини, который, тотчасъ же по прибытіи въ Варшаву (17 декабря), пишетъ: „Эта конституція несокрушима лишь до тѣхъ поръ, пока не вздумаютъ вмѣшаться сосѣднія державы“. На это министерство отвѣчаетъ ему 23-го декабря: „Вы знаете нашъ взглядъ на это. Намъ не слѣдуетъ дѣятельно выступать ни за, ни противъ. Мы должны оставаться пассивными, въ надеждѣ, что новый порядокъ вещей, установленный революціей 3 мая, рухнетъ самъ собою“.

Съ этимъ согласны донесенія Люкезини, одинаково ярко изображающія какъ затруднительное положеніе новой конституціи, такъ и грозящую Пруссіи опасность, если она слишкомъ горячо вмѣшается въ дѣло. Такой поступокъ лишь помогъ бы Россіи привлечь къ себѣ всѣхъ недовольныхъ и чрезъ это пріобрѣсти еще большіе вліянія ¹⁾.

Уже по этимъ заявленіямъ можно судить, какъ незамѣтно намѣнилось настроеніе. Вопреки прежнимъ поздравленіямъ и дружескимъ увѣреніямъ, все опредѣленнѣе выступаетъ желаніе отвязаться и, мало-по-малу, даже злорадство при неудачѣ, грозящей конституціи.

Въ нотѣ 9-го января 1792 года говорится: „Союзъ (между Пруссіей и Австріей) вовсе не касается конституціи, тогда еще не существовавшей и составленной безъ малѣйшаго совѣщанія со мною (съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ II). Объ учрежденіи ея я узналъ лишь послѣ ея обнародованія. И тѣмъ менѣе могу вмѣшиваться по поводу этой конституціи и ея сохраненія, что это касается чисто

духъ независимости въ польской шляхтѣ. 3) Не менѣе однако необходимо, въ будущемъ, положить конецъ этому крайнему безпорядку: ничто такъ не выгодно для прусскихъ плановъ, какъ эти частые выборы королей да легкость, съ какою мѣняются конституціи, благодаря страшной несправильности въ управленіи и сеймахъ. 4) Паслѣдственный король польскій будетъ всегда искреннѣе предавъ обомъ императорскимъ дворамъ, чѣмъ король избирательный. 5) Легче будетъ обомъ дворамъ императорскимъ пренятствовать улучшенію состоянія Польши, ибо и Пруссія никогда не позаботится объ этомъ улучшеніи (Соловьевъ: Исторія паденія Польши, стр. 255—257). Ред.

¹⁾ Дешеша отъ 21-го декабря. Plus il est probable que la nouvelle constitution ne se consolidera point par l'acceptation de l'Electeur de Saxe, moins me semble-t-il prudent, de m'éloigner de tous les mécontents qui, abandonnés par la Prusse, se livreraient exclusivement à la Russie et l'aideraient à regagner par là un pouvoir illimité en Pologne.

Подобная же дешеша отъ 23-го декабря; согласная съ нею министерская нота отъ 21 декабря.

внутреннихъ дѣлъ республики, въ устройствѣ которыхъ я не принималъ, да и не приму участія“.

При такихъ обстоятельствахъ начинаетъ дѣйствовать Россія. Съ начала 1792 г. получались извѣстія о неудовольствіи Россіи на Австрію за ея поведеніе, какъ въ польскихъ, такъ и во французскихъ дѣлахъ. Теперь изъ Берлина пришло въ Петербургъ и Варшаву такое объясненіе. При гарантіи въ 1790 году польской территоріи, имѣлось въ виду лишь устраненіе исключительнаго вліянія какой-либо иностранной державы. Министерство совѣтовало тогда королю оставаться вначалѣ пассивнымъ, пока точно неизвѣстны намѣренія Россіи. Впрочемъ, можно было и признать польскую конституцію, подъ условіемъ будущихъ въ ней измѣненій, которыя удерживали бы поляковъ въ политическомъ ничтожествѣ (*nullité politique*). Донесенія изъ Варшавы съ каждымъ днемъ становились все холоднѣе и равнодушнѣе въ внутреннимъ дѣламъ Польши. Прусскіе политики какъ-то безучастно смотрѣли на происшествія Россіи и на соглашеніе Ржевускаго съ Потоцкимъ ¹⁾. „Императрица, для ниспроверженія конституціи,—писалъ Люкезини 1-го февраля, не нападетъ на поляковъ открыто, а станетъ дѣйствовать путемъ подкуповъ, постарается создать свою партію, образовать конфедераціи“.

Когда, одновременно съ этимъ (7-го февраля), былъ заключенъ австрійско-прусскій союзный договоръ ²⁾, предложеніе Австріи опредѣленнѣе указывало на конституцію 3 мая, требуя отъ Пруссіи гарантіи „свободной“ конституціи Польши. Такое выраженіе встрѣтило однако въ Пруссіи рѣшительное сопротивленіе ³⁾. Наконецъ, согласились въ словахъ. Поставили: „Какой бы то ни было ⁴⁾ свободной конституціи Польши ⁵⁾“.

¹⁾ Генералъ коронной артиллеріи, Феликсъ Потоцкій, и гетманъ польный хорунжий, Ржевускій, были главными вождями недовольныхъ майскою конституціей. Они уже съ осени 1791 года начали заискивать помощь Россіи: ѣздили къ Потемкину въ Молдавію, обращались съ просьбами къ Безбородко въ Иссахъ. Третій изъ сообщниковъ, великій гетманъ Браницкій, поѣхалъ даже въ Россію, подъ предлогомъ полученія тамъ какого-то наслѣдства. Въ мартѣ 1792 года въ Петербургѣ явились и Потоцкій съ Ржевускимъ. *Ред.*

²⁾ См. еще *Articles séparés* въ *Suppl. II. 178 sqq.*

³⁾ Прусскій король стоялъ на своемъ и доказывалъ, что прочная наслѣдственная монархія въ Польшѣ опасна для Пруссіи. Онъ исполнитъ, что обещалъ въ 1790 году, сохранить польскую независимость; но майскую конституцію Польша устроила впоследствии, самовольно, за его спиной; ради нея онъ не шевельнетъ пальцемъ. Это различіе онъ велѣлъ немедленно объявить самой Варшавѣ. *Ред.*

⁴⁾ *«le maintien d'une libre constitution de la Pologne»* (Соловьевъ: *Ист. пах. Пол.*, стр. 260. *Sybel: Hist. Zeitschr.*, X, 430). *Ред.*

⁵⁾ Министерская нота отъ 3-го февраля: *«Ce qui rend la stipulation absolu-*

Въ эту минуту домогательства Россіи стали яснѣе. „Наконецъ, у меня болѣе точныя свѣдѣнія о здѣшнихъ видахъ на Польшу“, пишетъ изъ Петербурга Гольцъ отъ 3-го февраля. Онъ видѣлъ собственноручную записку императрицы къ Зубову, въ которой она говорила: „Какъ только кончатъ съ турками, Рейнинъ отправится къ арміи и введетъ въ Польшу 130.000 человекъ. Въ случаѣ сопротивленія Австріи и Пруссіи, я предложу имъ вознагражденіе или раздѣлъ ¹⁾“.

Посланникъ доносилъ объ этомъ, какъ о глубочайшей тайнѣ; также принялъ извѣстіе и въ Берлинѣ. „Вы первый,—отвѣчали оттуда,—сообщаете мнѣ прамыя извѣстія. Мы свято сохранимъ тайну. По тѣмъ важнѣе возможно лучше изслѣдовать зрѣлость и развитіе плана“. Между тѣмъ, прошло нѣсколько недѣль. Гольцъ не узналъ ничего болѣе положительнаго. Не раньше послѣднихъ чиселъ этого мѣсяца Остерманъ открыто обратился къ нему. Въ своей потѣ отъ 29-го февраля Гольцъ говоритъ: „Дѣло необыкновенно важно, ибо, при упроченіи конституціи 1791 года, Польша, въ соединеніи съ Саксоніей, составитъ первоклассное государство, которое еще больше будетъ тяготѣть надъ Пруссіей, чѣмъ падъ Россіей“. Хотя Россія пока и не высказывала собственныхъ желаній, Гольцъ полагалъ однако, что она добивается территориальнаго соединенія съ Очаковымъ. Во всякомъ случаѣ, по замѣчанію Остер-

ment générale et adaptée à toute constitution que l'on voudrait, selon les circonstances, regarder comme libres.

¹⁾ Несомнѣнно, что Россія стала дѣйствовать въ это время быстрѣе относительно польскаго вопроса. 17-го февраля было сказано Гольцу въ Петербургѣ: „Теперь, когда насталъ миръ съ Портой, императрица, не теряя времени, поспѣваетъ этою счастливою минутой, чтобъ возложить свой образъ мыслей относительно событій въ Польшѣ. Если дѣло 3-го мая прошлаго года должно остаться и крѣпнуть, то вѣтъ сомнѣнія, что Польша, въ соединеніи съ Саксоніей и при помощи новой организаціи, сдѣлается опасною или, по крайней мѣрѣ, неудобною сосѣдкой. Правда, Россія тутъ будетъ обязана только наблюдать за безопасностію своихъ границъ; но Пруссія, кромѣ того, должна имѣть въ виду еще Германію, гдѣ Саксонія, благодаря соединенію своему съ Польшею, непремѣнно усилитъ свое вліяніе и, быть-можетъ, получитъ перевѣсъ. Обо всемъ этомъ Россія и Пруссія должны серьезно подумать и согласиться, какъ можно скорѣе, насчетъ мѣръ, которыя онѣ должны принять, дабы уладить дѣла соотвѣтственно своимъ интересамъ“.

И когда изъ Берлина дали знать, что тамъ думаютъ отложить внимательство въ польскія дѣла до окончанія дѣлъ французскихъ, вице-канцлеръ Остерманъ замѣтилъ русскому агенту при прусскомъ дворѣ: „Вразумляйте, что чѣмъ болѣе дадутъ времени поному порядку вещей утвердиться въ Польшѣ, тѣмъ труднѣе будетъ послѣ его искоренять, тогда какъ теперь для этого потребуются очень небольшія усилія, которыя нисколько не могутъ ослабить вооруженій противъ Франціи“. (Соловьевъ: Ист. пад. Пол., стр. 261). *Ред.*

мана, необходимо строго хранить тайну. „Рѣчь идетъ лишь о насъ троицхъ, такъ что намъ нѣтъ дѣла до остальныхъ“.

„Россия, стало-быть, близка къ мысли о новомъ раздѣлѣ“,—было первою догадкой въ Берлинѣ. Конечно, это—самое дѣйствительное средство ограничить могущество польскаго государства (секретное письмо министерству отъ 12-го марта). Затрудненіе представлялось лишь относительно вознагражденія Австріи. Собственные виды на приобрѣтеніе лѣваго берега Вислы были сильнымъ соблазномъ. Прежнія привѣтствія и обѣщанія, поздравленія и совѣты, которыми встрѣтили нѣкогда созданіе 3-го мая, были вполне забыты. Развѣ еще договоръ связывалъ съ Австріей. Съ нею союзъ уже заключили, а съ Россіей готовили. Нашли, впрочемъ, невыгоднымъ и союзъ 1790 года, хотя заключенный и при другихъ условіяхъ, но представлявшій нѣкоторыя препятствія раздѣлу (нота отъ 13-го марта).

Между тѣмъ Россія продолжала дѣйствовать. Въ первыхъ числахъ марта, на вопросъ Гольца, какъ идутъ сношенія съ Вѣной, Марковъ отвѣчалъ (денеша Гольца отъ 2-го марта), что ей кое-что открыто, но осторожно, ибо Австріи это не такъ касается, какъ Россіи и Пруссіи. Кобенцлю же (т. е. Австріи) Марковъ старался не подать и виду объ особыхъ переговорахъ съ Гольцемъ.

Затѣмъ настала очередь высказаться и Австріи. „Для Австріи и Пруссіи,—говорится въ одной запискѣ, составленной Шиндльманомъ,—одинако важно, чтобы въ Польшѣ царствовали спокойствіе и порядокъ. Противъ ея соединенія съ Саксоніей ничего не имѣется. Для предупрежденія всякой опасности, можно измѣнить отдѣльные пункты конституціи и ограничить силу войскъ. Въ такомъ-то измѣненномъ видѣ, Пруссія и Австрія могли бы гарантировать эту конституцію“.

Это предложеніе встрѣтило въ Берлинѣ положительный отказъ. „Нѣтъ ничего опаснѣе,—говорили тамъ,—продолжительнаго соединенія Польши съ Саксоніей. Не будь убѣжденія въ чувствѣ законности Австріи, подобное предложеніе привело бы въ тунивъ“. Взгляды, слѣдовательно, еще черезчуръ расходились; было еще далеко до возможности соглашенія. Россія была недовольна Австріей. Пруссія считала сперва дѣло повинутымъ, но Россія не переставала приманивать ее. „Когда мы станемъ единодушны,—говорилъ Остерманъ Гольцу (нота отъ 27-го марта),—и къ намъ вернется, какъ я надѣюсь, старое взаимное довѣріе, тогда не будетъ затрудненій ни для васъ, ни для насъ“.

Затѣмъ въ такомъ духѣ и поступаютъ. Австрія держится въ сторонѣ и жалѣеть объ отклоненіи предложеннаго ею исхода. Кауницъ вѣрно замѣтилъ, что это послужитъ лишь къ тому, чтобы

отвлечь отъ французскихъ дѣлъ. Но Россія идетъ-себѣ впередъ, показывается Австріи недружелюбный видъ и настаиваетъ у Пруссіи на отвѣтъ¹⁾.

Пруссія, съ своей стороны, справедливо сознавая, что безъ Австріи все-таки ничего нельзя сдѣлать, старается сдерживаться, чтобы не показалось, будто ее такъ легко увлечъ русскими предложениями. „Слишкомъ большая податливость,—думаютъ въ Берлинѣ,—можетъ лишь увеличить претензіи Россіи²⁾: стало бытъ, лучше пусть въ намъ придутъ, чѣмъ мы сами пойдемъ на встрѣчу“.

Своего посланника въ Варшавѣ, Люкезини, Пруссія увѣдомила объ этомъ положеніи дѣлъ и предписала ему отвѣчать уклончиво на извѣстные вопросы. Когда, въ это время (въ апрѣлѣ), польскій посланникъ въ Берлинѣ обратилъ вниманіе на русскіе планы и искалъ аудіенціи у короля, послѣдній извинился военными занятіями. Тѣмъ же духомъ было проинвнуто данное Люкезини порученіе искусно избѣгать въ Варшавѣ каждаго шага, который могъ бы безъ всякой нужды поставить прусское правительство въ неловкое положеніе.

Желаніе поляковъ получить отъ Пруссіи войско и генерала (Калкрейта) для войны съ Россіей, конечно, не встрѣтило сочувствія. Мало того: изъ дипломатической переписки становится съ каждымъ днемъ очевиднѣе, что Пруссія не расположена ко всему, касающемуся новаго устройства Польши.

¹⁾ Не должно упускать изъ виду, что во всей исторіи втораго польскаго раздѣла Пруссія столько же подстрекала Россію, сколько Россія—Пруссію. Такъ и въ этомъ случаѣ, „настаиванья“ шли съ обѣихъ сторонъ. Шуленбургъ, управлявшій вѣдѣніями Пруссіи, говоритъ нашему агенту въ Берлинѣ 24-го апрѣля (8 мая), что король никоимъ образомъ не будетъ препятствовать дѣйствіямъ ея императорскаго величества въ Польшѣ; желательно одно,—чтобы въ Петербургъ вошли въ подробности насчетъ того, что намѣрены дѣлать, открылась искренне, потому что тутъ множество предметовъ, заслуживающихъ внимательнаго обсужденія... Необходимо сосѣднимъ державамъ условиться, какъ дѣйствовать въ томъ случаѣ, если поляки рѣшатся на отчаянныя средства, вапримѣръ, вздумаютъ отдаться одному изъ сосѣдей, на что, разумѣется, другіе сосѣди никакъ не могутъ согласиться. Шуленбургъ говорилъ также, что было бы очень хорошо, еслибы „вашъ дворъ изъявилъ желаніе, чтобы для заключенія союза отправленъ былъ въ Петербургъ Вишофсведеръ: поощреніи въ томъ порученіемъ и обласканный у васъ, онъ сдѣлается вашимъ“.

Это значило, что въ Берлинѣ хотѣли соединить дѣла польскія съ французскими, т.-е. за французскую войну получить вознагражденіе насчетъ Польши, и послали въ Петербургъ предложить эту мысль, какъ будто идущую изъ Петербурга (Соловьевъ: Истор. пад. Польши, стр. 272—274). *Ред.*

²⁾ Именно такъ писало прусское министерство отъ 22 апрѣля: „Pour peu qu'on fit soupçonner de pareils desseins, la Russie ne manquerait pas d'en tirer ses avantages et nous la verrions bientôt hausser son ton et ses prétentions. Dans ces sortes de matières il vaut toujours mieux voir venir que de faire les premières avances“.

Еще не прошло и года съ тѣхъ поръ, какъ радостно привѣтствовали новую конституцію. Теперь же вдругъ нашли, что польскій сеймъ, какъ нельзя болѣе, похожъ на парижское революціонное собраніе, и что тутъ конецъ будетъ такой же, какъ и тамъ (нота отъ 27-го апрѣля и подобная же—отъ 22-го).

Каждый шагъ поляковъ считали достойнымъ порицанія и въ то же время были готовы извинить всякую грубость и угрозу со стороны Россіи; приняли видъ, будто и не думаютъ, что цѣли этой державы враждебны.

До какой степени полно было измѣненіе прусскаго взгляда, доказываютъ размышленія въ родѣ слѣдующаго: „Россія всегда будетъ имѣть въ Польшѣ извѣстное, нѣсколько преобладающее вліяніе; но это вліяніе будетъ менѣе противорѣчить интересамъ Пруссіи, чѣмъ новая конституція Польши съ наследственной монархіей. Опытъ доказалъ, что, когда въ этой странѣ мы дѣлили вліяніе съ Россіей, намъ было лучше; а со времени нашего союза съ Польшей мы должны были терпѣть отъ самаго нашего дорогого союзника противорѣчія и непріятности, которыхъ никогда не сдѣлала бы намъ Россія“.

Между тѣмъ дѣло приближалось къ развязкѣ. Россія не переставала представлять Пруссіи, какъ важны быстрота соглашенія и общность дѣйствій. «Если Пруссія, говорилъ Остермаль, рѣшится на сильное содѣйствіе, то дѣло пойдетъ столь же быстро, какъ и рѣшительно“. На заднемъ планѣ стояло тогда быстрое вступленіе русскихъ войскъ, чтобы „поддержать благонамѣренную партію и возстановить старый порядокъ“.

Пруссія сожалѣла (нота отъ 21-го апрѣля и 4-го мая), что Россія не условилась съ нею и съ Австріей до пачала войны. Общая декларация трехъ державъ непремѣнно имѣла бы желанный успѣхъ. Очевидно, что Пруссію все-таки еще тревожили обязательства, данныя ею Польшѣ; къ тому же возникло опасеніе, что „можетъ быть, Россія дѣйствуетъ вовсе не такъ безкорыстно, какъ говоритъ“.

Чувствовали себя стѣсненными. Если Россія въ самомъ дѣлѣ исполнитъ свою угрозу, во второй половинѣ мая двинетъ войска, то нужно бы по крайней мѣрѣ попытаться предложить какую-нибудь конвенцію, въ силу которой Россія не дѣлала бы въ Польшѣ никакихъ распоряженій безъ единодушнаго согласія (concert intime) трехъ державъ (министерская депеша отъ 18-го мая). Между тѣмъ Россія не переставала настаивать, требовала, чтобы Пруссія издала такой же манифестъ, какъ и она, и т. д. Австрія медлила, Россія раздражалась этимъ. „Не могу, заявляла она (депеша Гольца 1-го мая), пристать къ прусско-австрійскому договору относи-

тельно Польши, но желаю заключить съ Пруссіей особый трактатъ“.

Тутъ естественно родился вопросъ: какъ отнесется Россія въ французской войнѣ?

Россія не скупилась тогда на обѣщанія. Она хотѣла отпратить на Рейнъ 15.000 человекъ, но требовала при этомъ (ночь отъ 25-го мая), чтобы во главѣ ихъ были поставлены эмигранты, чего одинаково не желали ни Австрія, ни Пруссія.

Затѣмъ Россія вдругъ предложила союзъ съ Австріей и Пруссіей, цѣлью котораго должна быть безкорыстная и великодушная помощь Людовику XVI. „Нужно будетъ, заявляла она, увѣрять; что тутъ именно не имѣется въ виду завоеваній; но, тѣмъ не менѣе, во всякомъ случаѣ, нужно, настаивать на вознагражденіи за военныя издержки“.

Между тѣмъ въ Польшѣ все приближалось къ кровавой развязкѣ. Польша потребовала теперь у Пруссіи помощи по договору, но, естественно, ей было отказано наотрѣзъ. О 15.000, которыя Россія хотѣла выставить противъ Франціи, послѣ польской катастрофы не было уже и рѣчи.

Въ это время Австріи и Пруссіи удалось сговориться. Австрія покинула свою прежнюю точку зрѣнія; Пруссія снова заявила, что безъ согласія Австріи ничего не можетъ сдѣлать. И вотъ (въ среднѣ іюня) Россія было представлено общее заявленіе такого рода: Россія должна склонить вождей конфедераціи обратиться, по поводу возстановленія старой конституціи, также къ Австріи и Пруссіи; тогда всѣ три двора заключатъ между собою конвенцію въ этомъ смыслѣ.

Австрія, казалось, теперь уже не противилась пріобрѣтеніямъ Пруссіи въ Польшѣ; рѣшеніе своихъ собственныхъ намѣреній она, конечно, удерживала за собой ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, не было сомнѣнія, что она не забудетъ о себѣ. Судя по тайнымъ сообщеніямъ Шнильмана, казалось дѣломъ рѣшеннымъ, что императоръ согласенъ на округленіе Пруссіи на счетъ Польши, предполагая, что онъ будетъ вознагражденъ съ какой-нибудь другой стороны. Относительно Россіи австрійское министерство (докладъ Шуленбурга 3-го іюня) оставалось при мнѣніи, что было бы лучше, если бы она сама шла навстрѣчу. Высказаться Пруссіи первой казалось ему очень опаснымъ, ибо Россія могла бы воспользоваться этимъ въ

¹⁾ Въ одномъ письмѣ Фридриха-Вильгельма II къ Шуленбургу отъ 28-го іюля сказано: „Хотѣлось бы мнѣ знать, за что вѣзаться, чтобы достигнуть главной цѣли—пріобрѣтеній въ Польшѣ. Я вижу, что вѣнскій дворъ не прочь отъ этого; онъ пойдетъ на это дѣло тѣмъ болѣе, что его собственные интересы выигрываютъ при исполненіи моихъ намѣреній“.

Польшѣ такъ, что подчинила бы себѣ всю страну; а это было бы крайне пагубно для Пруссіи.

Когда Гаугвицъ отправлялся, въ концѣ мая, въ Вѣну и съ нимъ разсуждали о польскомъ вопросѣ, ему объяснили, что если у Россіи есть проекты раздѣла, то въ Берлинѣ не имѣется причины противорѣчить имъ; напротивъ, это сочли бы тамъ легкимъ путемъ вознаградить прусскаго короля; но такъ какъ въ Вѣнѣ все еще желаютъ сохранить настоящее положеніе дѣлъ, то необходима большая осторожность (депеша Манштейна отъ 9-го мая).

23-го мая Гаугвицъ прибылъ въ Вѣну. И онъ нашелъ, что Австріи не противны намѣренія Пруссіи.

Онъ увидѣлъ (судя по его корреспонденціи), что не только послѣдній союзъ, которому Австрія придаетъ столько значенія, располагаетъ вѣнсскій кабинетъ въ пользу приобретенной Пруссіи въ Польшѣ, но также и надежда на собственную выгоду. Австрія могла бы тогда искать себѣ вознагражденія со стороны Франціи. У Кобенца проскользнуло даже весьма поправившееся Гаугвицу признаніе, что всего болѣе сюда подходят Фландрія и Генегау, не только въ виду простого увеличенія земель, но еще и потому, что этимъ доставлялась лучшая опора остальнымъ бельгійскимъ владѣніямъ Австріи. Къ тому же приращеніе Пруссіи насчетъ Польши и Австріи насчетъ Франціи, очевидно, послужило бы самою прочной основой для увѣковѣченія счастливаго союза обоихъ дворовъ.

Гаугвицъ былъ убѣжденъ тогда, что проектъ баварскаго обмѣна земель вполнѣ оставленъ ¹⁾. Прусское министерство не придерживалось такого оптимистическаго взгляда. Оно считало далеко не легкою задачей—въ одно и то же время и сговориться съ Австріей, и выждать первыхъ шаговъ со стороны Россіи, чтобы своими предложеніями не развить въ ней высокомерія. „Можете быть увѣрены,—писало министерство Гаугвицу отъ 13-го іюня,—что если Австрія теперь (au ris-aller) и удовольствуется приобритеніемъ въ Бельгійи, то все-таки мысль объ обмѣнѣ, облегченномъ усиленіемъ насчетъ Франціи, навсегда останется ея любимымъ планомъ. Эта держава отступается отъ нея лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда представляются непреодолимая препятствія“.

Первый фальшивый тонъ въ молодомъ союзѣ произошелъ отъ этого польскаго вопроса. Кобенцель выразился въ разговорѣ, что

¹⁾ „Я думаю, пишетъ онъ отъ 6-го іюня, что уже нѣтъ болѣе вопроса объ обмѣнѣ на Баварію. Кажется, повидя, наконецъ, невозможность этого проекта. И онъ будетъ покинутъ навсегда, если австрійскому дому удастся получить значительное приращеніе со стороны Фландріи“.

въ Вѣнѣ говорятъ, будто австрійцы дали провести себя пруссакамъ. Прусское министерство замѣтило на это (18-го іюня): „Въ Берлинѣ думаютъ, что Австрія тащитъ Пруссію на буксиръ; но не должно приписывать никакого значенія таковой политической болтовнѣ (bavardage politique)“. Впрочемъ, вообще въ описываемое время рѣшительнымъ стремленіемъ прусской политики было, прежде всего, оставаться въ добромъ согласіи съ Австріей и, насколько возможно, дѣйствовать заодно съ нею въ предложеніяхъ, которыя слѣдовало представить въ Петербургъ. Вотъ собственно-ручное письмо Фридриха-Вильгельма II (отъ 4-го іюля) въ этомъ смыслѣ: „Прежде всего мы не должны письменно заявлять ничего рѣшительнаго о нашихъ намѣреніяхъ. Слѣдуетъ всячески довести Россію до того, чтобы она дала намъ желательное объясненіе. Далѣе, необходимо дѣйствовать относительно вѣнскаго двора со всевозможною осторожностью, чтобы, въ теченіе этихъ переговоровъ, не возбудить въ немъ ни малѣйшаго подозрѣнія“.

По Россія высказывалась, въ первый разъ, лишь общими мѣстами. Она признавала право Австріи на вознагражденіе и ясно давала замѣтить, что не желала бы взвалить эту тяжесть на Францію. Все само собою сводилось къ вознагражденію насчетъ Польши. Что и Австрія согласится, въ этомъ тогда не сомнѣвался прусскій кабинетъ. А между тѣмъ снова появлялся на свѣтѣ проектъ баварскаго обмѣна земель. Разумовскій самъ поднялъ въ Вѣнѣ этотъ вопросъ и получилъ въ отвѣтъ отъ Шнильмана: „Минута еще не совсѣмъ удобна“.

ditto.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ. НОВАЯ БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦИОННУЮ
МОНАРХІЮ ДО ПАДЕНІЯ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ. СЪ ОКТЯБРЯ 1791-го
ДО АВГУСТА 1792-ГОДА.

ГЛАВА X.

Характеристика новаго собранія. Жиронда. Дворъ.

Въ концѣ сентября собрались уполномоченные новаго законодательнаго національнаго собранія.

Изъ 745 его членовъ значительная часть состояла изъ неопредѣленныхъ, неизвѣстныхъ личностей. Изъ всѣхъ политическихъ собраній Франціи въ этомъ было больше всего темныхъ именъ. Въ учредительномъ собраніи великихъ, блестящихъ талантовъ было въ изобиліи; ими не былъ бѣденъ и позднѣйшій конвентъ. Законодательное же собраніе состояло главнымъ образомъ изъ незначительныхъ личностей.

Нигдѣ не было такого обилія, какъ здѣсь, самыхъ молодыхъ людей съ узкими взглядами, безъ всякой значительной политической подготовки ¹⁾). Но зато всѣ наличные таланты въ новомъ собраніи принадлежали въ одному направленію. За немногими исключеніями, большинство значительныхъ ораторовъ вышло изъ одной партіи, которая смотрѣла на конституцію 1791 года, какъ на рѣшенный вопросъ. Ихъ называли уже теперь жирондистами ²⁾),

¹⁾ Pontécoulant (Mém. I, 117) замѣчаетъ, что въ этомъ собраніи были большею частью пролетаріи. „На 500 членовъ едва ли насчитывалась сотня земельныхъ собственниковъ; все остальное состояло изъ адвокатовъ да лицъ, принадлежащихъ ко всякаго рода ученыхъ, артистическимъ или промышленнымъ профессіямъ“.

²⁾ Въ книгѣ Гаде (Guadet; Les girondins. 1862. 2 vls.), вообще лишеной значенія и критики, на черномъ планѣ находится описание Бордо, города купцовъ и законниковъ, искусства и науки. Далѣе такъ говорится о физионо-

по избирательному округу (и мѣсту жительства главнѣйшихъ ихъ вождей. Это имя осталось и за тѣми, которые принадлежали не къ департаменту Жиронды, а къ другимъ провинціямъ.

Во всякомъ случаѣ, эта партія, по своему составу, сильно отличалась южнымъ характеромъ. Ея члены вообще обладали южно-французскою лихорадочною живостію и страстностію, самородной прелестью рѣчи; полнотою кипучаго, богатаго фантазіей красно-рѣчія и необыкновенной мѣткостію ѣдлага остроумія. Все это были люди съ болѣе риторическими, чѣмъ государственными способностями, а по своему призванію—вунцы, адвокаты, судьи, писатели.

Ихъ выслало не умѣренное среднее сословіе 1789 года, которое старалось прекратить революцію, а новый средний классъ, который не довольствовался первою революціей и горѣлъ нетерпѣніемъ разрушить до основанія послѣдніе остатки стараго порядка.

Всѣ члены жиронды были демократическіе доктринеры. Ихъ демократія была теоретическимъ идеаломъ, политическимъ порядкомъ, гдѣ владыка—разумъ, философы—цари и цари—философы.

Въ ихъ представленіяхъ господствовали преданія Америки, античнаго міра и Руссо,—преданія, лишенные всякой связи съ дѣйствительностію, всякой почвы въ настоящемъ положеніи Франціи. Они работали въ политикѣ чувствомъ и фантазіей, были пар-

мія его населенія: „Тутъ вы услышите краткую, звучную, гармоническую, по природѣ ораторскую, рѣчь. Бордосецъ восторгенъ, откровененъ, благороденъ, но легкомысленъ, непостояненъ, насмѣшливъ. Онъ серьезенъ въ дѣлахъ, но дѣлаетъ ихъ смѣясь. Онъ способенъ на великое, но легко теряетъ бодрость“.

Затѣмъ (I, 20) описывается пѣтъ бордоской адвокатуры 1789 года: Вернье, сынъ адвоката въ Лиможѣ, рано замѣченный Тюрго и нашедшій въ немъ поддержку, Гаде и Жансонне.

Дѣятельность упомянутыхъ лицъ съ 1789 года изложена здѣсь же (I, 85, 88, 94 вѣд.).

Они съ жаромъ кинулись въ революцію, заняли общественныя мѣста и выдвинулись, какъ ораторы, но отстаивали еще монархическіе взгляды. (См. окружное посланіе Вернье къ Обществу друзей конституціи, I 101). Гаде полагаетъ, что перемѣна этого убѣжденія началась съ бѣгства короля; по крайней мѣрѣ, тутъ были сдѣланы поступки и заявленія, въ которыхъ очень трудно было найти слѣды монархизма (I, 104).

Впечатлѣніе, которое производили эти люди, передаетъ Рейнгардъ, ѣздившій съ ними въ сент. 1791 года изъ Бордо въ Парижъ. „Это, говоритъ онъ, очаровательная молодежь, полная энергіи и прелести, необыкновенно пылкая и безгранично преданная идеямъ“. Будущій дипломатъ замѣтилъ въ нихъ большую неопытность и легкомысліе; онъ нашелъ, что они слишкомъ подчинены адвокатскимъ привычкамъ. И, тѣмъ не мене, онъ былъ до такой степени очарованъ ими, что не отходилъ отъ нихъ. „Съ этихъ поръ, говоритъ онъ, Франція сдѣлалась моимъ отечествомъ, и я навсегда остался въ ней“. Подобное же впечатлѣніе произведено было ими и въ Парижѣ, судя по описанію г-жи Роландъ (Mém. I, 115 в., 175 в.).

ветными демократами, дрожавшими передъ тѣми элементами, которые служатъ необходимымъ рычагомъ при созиданіи дѣйствительной демократіи. Какъ они представляли себѣ весь ходъ дѣлъ, требовалось довести монархію до такой точки развитія, на которой она пала бы сама собой безъ шума и на ея мѣстѣ внезапно возникла бы готовая демократія, какъ Паллада изъ головы Зевса. Они думали, что въ одинъ прекрасный день лягутъ спать монархистами, а на слѣдующее утро, проснувшись, найдутъ идеальную республику. Они совершенно забывали слова Фридриха Великаго, что „люди—проклятое отродье“.

Оттого-то они и не были вліятельными совѣтодателями на улицѣ, среди господъ, проводившихъ свою политику посредствомъ кулаковъ; и, съ другой стороны, они не умѣли беззавѣтно хвататься за всякіе способы, которыми нужно дѣйствовать въ подобныхъ случаяхъ. Они трепетали передъ силами и средствами этого рода, а дѣйствовать энергически мѣшало имъ колебаніе изъ стороны въ сторону. И вотъ, въ рѣшительную минуту они всегда представляли горсть офицеровъ, покинутыхъ своимъ войскомъ на произволъ судьбы.

Никогда не перестанутъ вспоминать съ участіемъ блестящихъ, пылкихъ ораторовъ, этихъ Верньо, Гаде, Бриссо, Жансонне, Барбару и т. д.: вѣдь въ исторіи революціи это были послѣдніе представители разума, смѣненные владычествомъ кулака и ужаса! Но, какъ въ государственнѣмъ людямъ, въ нимъ должно относиться съ строгимъ судомъ.

Этимъ остроумнымъ импровизаторамъ недостаетъ свѣтлаго, яснаго взгляда на дѣйствительное положеніе вещей и хладнокровнаго, спокойнаго присутствія духа въ рѣшительную минуту. Они являютъ удивительное искусство, какъ агитаторы; они умѣютъ, какъ никакая другая партія, увлекать умы пылкими рѣчами. Но у нихъ нѣтъ способности охватывать однимъ взглядомъ всю ширь своихъ дѣйствій съ ихъ послѣдствіями; и еще менѣе обладали они мощью владѣть возбужденными силами. ✕

Такимъ образомъ, они какъ будто для того и были созданы, чтобы совершенно похоронить новую конституцію, которая и безъ того не имѣла прочнаго устоя ни вверху, ни внизу, и вызвать новую революцію, которая, наконецъ, должна была поглотить ихъ самихъ. Ихъ главною виной было то, что законодательное собраніе, какъ уже было замѣчено, вмѣсто созиданія законовъ, въ сущности занималось лишь разрушеніемъ ихъ.

Новое собраніе состояло изъ столь неопытныхъ и неиспытанныхъ элементовъ, что весьма скоро большинство очутилось на сторонѣ единственной партіи, обладавшей талантомъ и агитатор-

свою силой, т. е. жиронды. Среди новичковъ въ дѣлѣ политики всегда пріобрѣтаютъ большинство тѣ, которые умѣютъ пылко и краснорѣчиво высказывать взгляды, каковы бы они тамъ ни были; а на это жирондисты были мастера въ высшей степени. Роялистическій взглядъ представляла партія, гораздо болѣе слабая, и по таланту, и по числу. Сюда принадлежали люди, которыхъ мы видимъ впоследствии, во времена бонапартизма и бурбонизма, въ рядахъ конституціонной оппозиціи. Теперь на долю имъ выпала неблагодарная роль противостоятъ дикому напору жирондистовъ. Это были почтенные люди, дѣльные чиновники; но ни одинъ изъ нихъ не былъ въ состояніи схватиться съ Верньо на ораторской трибунѣ.

Между этими двумя крайностями находились еще разрозненные элементы, которые лишь впоследствии достигли значенія. Такими были: первый изъ Дантоповскаго кружка, Лакруа, грязный, развратный калуцинъ Шабо и сентиментальный, цвѣтистый ораторъ терроризма, Кутонъ.

Всѣ безразличные члены собранія, для которыхъ роялисты были слишкомъ консервативны, а Лакруа, Кутонъ и Шабо слишкомъ радикальны, пристали къ жирондѣ и были точно созданы для того, чтобы образовать армию ея великихъ ораторовъ. Такимъ образомъ, почти все исходило отъ Бриссо, Верньо, Гаде. Они предсѣдательствуютъ, дѣлаютъ предложенія, проводятъ постановленія. Они поэтому оказываютъ самую существенную услугу собранію и несутъ на себѣ самую существенную отвѣтственность за его поступки.

Уже 5-го октября обнаружился господствующій духъ этого собранія въ постановленіи уничтожить титулы „Sire“ и „Majesté“ и не давать королю, когда онъ является въ собраніе, мѣста выше президентскаго.

Эти постановленія, глубоко оскорбившія короля, были на другой же день уничтожены: такъ открылась дѣятельность законодательнаго собранія.

Рядомъ съ тѣмъ, что возбудило эту маленькую стычку, стояли на очереди неотложные вопросы, которыхъ нельзя было обойти и которые сами по себѣ должны были послужить воспламенительнымъ снарядомъ въ борьбѣ между собраніемъ и королевскою властью.

Законодательное собраніе было выбрано и составлено среди волненія, возбужденнаго нильницкимъ манифестомъ. Жиронда явилась съ предвзятою идеей, — если изъ-за границы угрожаютъ революціи, двинуть туда собственные войска. вмѣстѣ съ нею, большинство народа желало покончить распрю съ иностранными державами, въ случаѣ пужды, даже силой оружія.

А съ другой стороны, стоялъ король, который, хотя и не былъ въ заговорѣ съ Европой, какъ распускали слухи, но сердцемъ и симпатіями все-таки склонялся къ ней. Онъ порицалъ безразсудные поступки эмигрантовъ, но письменно обращался къ иностраннымъ державамъ съ просьбой помочь какъ-нибудь, дипломатическимъ или инымъ путемъ, и вывести его изъ плачевнаго положенія. Онъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ въ иностранной политикѣ и оставался равнодушнѣе къ внутреннимъ событіямъ. Конституція казалась ему тяжкими узами, церковный порядокъ—покушеніемъ на свободу его собственной совѣсти. Не правда-ли, достаточно причинъ для того, чтобы натынутость отношений съ обѣихъ сторонъ съ самаго начала привела къ взрыву?

Если вообще, при такихъ обстоятельствахъ, мыслимо было какое-нибудь правительство, то его можно было составить только изъ большинства парламента. Но король не могъ рѣшиться на это; а среди тѣхъ членовъ собранія, которые ближе другихъ стояли къ трону, не было никого, кто бы внушилъ ему подобную мысль.

Обѣ стороны, казалось, молча соглашались другъ съ другомъ въ отвращеніи къ парламентскому правленію. Жирондисты еще не помышляли о своемъ собственномъ министерствѣ. Для большей части положеніе постоянной оппозиціи и удобнаго недовѣрія было гораздо пріятнѣе и желательнѣе, чѣмъ многотрудное, скучное дѣло управленія или поддержка министерства, выбраннаго изъ ихъ собственной среды. А король, въ негодованіи на отвратительную конституцію, находилъ единственное утѣшеніе въ министерствѣ, которое было, въ этомъ отношеніи, одного мѣтна съ нимъ.

И дѣйствительно, ближайшій повѣренный короля, морской министръ, Бертранъ де-Мольвилъ, ненавидѣлъ революцію, какъ только могъ ненавидѣть ее ожесточенный эмигрантъ и закоренѣлый роялистъ стараго закала.

Такимъ образомъ, правительство и собраніе, монархисты и демократы, работаютъ непрерывно другъ передъ другомъ надъ разрушеніемъ конституціи, прежде чѣмъ она начала жить.

Постановленія противъ священниковъ и эмигрантовъ.

Въ первые же мѣсяцы, на передній планъ выступаютъ слѣдующіе вопросы, какъ самые насущные: отношеніе къ неприятымъ священникамъ, къ эмиграціи и къ Европѣ.

Этими вопросами было рѣшено паденіе французской монархіи и была воспламенена великая европейская война.

Вопросъ о неприсяжныхъ священникахъ былъ однимъ изъ самыхъ печальныхъ наслѣдій учредительнаго собранія. Первою ошибкой было самое изданіе закона, который не могъ быть принятъ въ этомъ видѣ духовенствомъ. Второю, еще болѣе важною, ошибкой было то, что не остановились при первыхъ препятствіяхъ, а, напротивъ, пошли дальше, потребовали отъ всѣхъ духовныхъ лицъ присяги этому „гражданскому устройству духовенства“ (*constitution civile du clergé*). Эта присяга прямо противорѣчила той, которую давали священники при вступленіи въ свою должность. Поэтому отъ нея отказались многіе, вообще приверженные къ революціи. Это должно было послужить урокомъ и предостереженіемъ. Извнѣ было уже столько затрудненій, что не слѣдовало возбуждать въ народѣ еще сомнѣніе въ безопасности самой религіи.

Но сдѣлали наоборотъ. Приступили къ отрѣшенію неприсяжныхъ священниковъ отъ должностей, и этимъ сѣяли сѣмена междоусобной войны.

Это рѣшеніе всего тягостнѣе подѣйствовало на массу приходскихъ священниковъ, потому что оно прямо касалось ихъ существованія. Высшія духовныя лица могли прожить, даже и потерявши свои мѣста; бѣдные же священники должны были выбирать между голодомъ и влѣтвопреступленіемъ. А между тѣмъ, приходскіе священники всего менѣе заслужили это отъ революціи, потому что, въ первую критическую минуту, они первые подали въ учредительномъ собраніи знакъ къ отпаденію отъ высшей аристократіи. За это-то крайніе и говорили имъ теперь съ насмѣшкой: „Вотъ вамъ награда за измѣну духовному сословію!“

Эти-то лица теперь преслѣдовать и притѣснять было несправедливо. Къ тому же тутъ затрогивали элементы, болѣе могущественные, чѣмъ богатый высшій классъ духовенства.

Приходскій священникъ былъ тѣсно связанъ съ народомъ. Крестьянинъ бился за вѣру, которой, онъ видѣлъ, угрожали въ лицѣ священниковъ. Это было опаснымъ рычагомъ сопротивленія. Дѣйствительное настроеніе духа на югѣ и западѣ Франціи было далеко не таково, какъ представляло его себѣ національное собраніе.

Когда требуемая присяга была отвергнута, приступили къ карательнымъ мѣрамъ. Но присяга тѣмъ не менѣе оставалась отвергнутой, и во всѣмъ прежнимъ причинамъ раздора присоединилась еще повад.

Здѣсь замѣшался и личный элементъ. Король не принадлежалъ къ тѣмъ натурамъ, которыя полагаютъ свое существованіе въ политическомъ верховномъ правѣ. Онъ давалъ снимать съ себя по

частямъ свою верховную власть, переносилъ разграбленіе своего достоинства, какъ несчастіе, которое должно переносить, и не питалъ той глубокой злобы, которую чувствовали бы многіе на его мѣстѣ. Совершенно инымъ былъ онъ въ дѣлахъ религіи. Онъ былъ воспитанъ строго вѣрующимъ и до ханжества преданнымъ церкви отцомъ въ полной противоположности съ дикимъ разгуломъ двора его дѣда. Людовикъ XVI былъ благочестивъ до суевѣрія. Это была единственная сторона его природы, гдѣ онъ удерживалъ за собой нѣкоторую самостоятельность; и ее не слѣдовало затрагивать.

Ничто такъ не отвратило короля отъ революціи и отъ новаго порядка, какъ сознаніе, что хотѣтъ насиловать его совѣсть. Человѣкъ, постоянно принимавшій причастіе отъ неприсяжнаго священника, не зналъ уступчивости въ этомъ вопросѣ.

Вмѣстѣ съ вопросомъ объ эмигрантахъ, къ которому мы сейчасъ перейдемъ, расколъ въ церкви былъ важнѣйшимъ предметомъ первыхъ совѣщаній законодательнаго собранія и единственнымъ, относительно котораго голоса здѣсь раздѣлились.

Подъ впечатлѣніемъ священническихъ волненій въ Вандеѣ и въ департаментахъ Майены и Луары. въ ноябрѣ въ собраніи снова возникаетъ вопросъ: слѣдуетъ-ли идти еще далѣе, или склониться къ уступчивости, чтобы загладить сдѣланную ошибку? Последняго нельзя было ожидать при господствующемъ духѣ въ собраніи; но все-таки не было недостатка и въ голосахъ, взывавшихъ къ пощадѣ.

При бурныхъ одобреніяхъ большинства палаты и слушателей на галереяхъ, держалъ Инаръ (Isnard), 14-го ноября, свою рѣчь, по обновленію, пылею, неправильную, но полную мыслей и геніальнаго полета. Приведемъ изъ нея нѣсколько мѣстъ.

«Религію, — сказалъ онъ, — должно считать однимъ изъ тѣхъ орудій, которыми можно принести наиболѣе вреда. Поэтому слѣдуетъ съ двойной строгостью поступать съ тѣмъ, кто пользуется ею, точно такъ же, какъ поджигателей наказываютъ строже, чѣмъ воровъ. Я утверждаю, что тутъ лишь одинъ вѣрный путь къ цѣли, это — изгнаніе изъ королевства. Развѣ вы не видите, что это — единственное средство разрушить вліяніе этихъ духовныхъ возней? Развѣ вы не видите, что священника слѣдуетъ отдалить отъ народа, котораго онъ вводитъ въ соблазнъ? И если мнѣ дозволятъ употребить болѣе грубое выраженіе, я скажу, что этихъ проваженныхъ слѣдуетъ отправить въ лазареты Рима и Италіи. Развѣ вы не знаете, что одинъ священникъ можетъ причинить вамъ большаго вреда, чѣмъ враги? И это такъ и должно быть, потому что священникъ никогда не бываетъ полузлодѣемъ: какъ только онъ пере-

стаетъ быть добродѣтельнымъ, тотчасъ же становится самымъ страшнымъ врагомъ въ мірѣ“.

Тутъ слѣдуетъ поношеніе за поношеніемъ въ томъ же тонѣ. Затѣмъ ораторъ спрашиваетъ:

„Вы были свидѣтелями послѣднихъ несчастій въ Брабантѣ и неужели вы думаете, что революція, вырвавшая у деспотизма его скипетръ, у аристократіи ея бичъ, у дворянства его пьедесталъ, у фанатизма его талисманъ,—что революція, выкупившая у духовенства его золотыя горы, разорвавшая столько монашескихъ рясъ, сбившая столько священническихъ шляпъ и діадемъ,—неужели вы думаете, говорю я, что такая революція не возбудила бы противъ себя враговъ?“

Послѣ подобныхъ разсужденій требуетъ онъ строгихъ мѣръ; потомъ высказываетъ всю свою политическую мораль въ слѣдующихъ короткихъ словахъ:

„Въ великія минуты, когда требуется великая рѣшительность, всякая осторожность ничто иное, какъ слабость. Нужно отрѣзать зараженный членъ, чтобы сохранить все тѣло здоровымъ. Мой единственный законъ—общее благо, въ которому я пылаю страстью“.

Рѣшеніе большинства отвергло крайнее предложеніе, но и болѣе мягкій декретъ, принятый 29-го ноября, былъ еще достаточно суровъ, чтобы дать новую пищу междоусобной войнѣ „за короля и религію“.

Вотъ сущность этого декрета:

„Въ теченіе 8-ми дней, всѣмъ духовнымъ лицамъ надлежитъ явиться въ муниципалитетъ для принесенія установленной присяги.“

„Но истеченіи этого срока, всѣ муниципалитеты должны прислать списки духовныхъ лицъ и отмѣтить тѣхъ изъ нихъ, которые не принесли присяги.“

„Присягнувшіе освобождаются отъ дальнѣйшихъ формальностей. Неприсяжные же не будутъ уже получать содержанія и пи копійки изъ государственнаго казначейства. (Этимъ уничтожилось постановленіе учредительнаго собранія, по которому этимъ лицамъ назначалась пенсія изъ государственнаго казначейства).“

„Кромѣ того, на неприсяжныхъ должно смотрѣть, какъ на злодѣйныхъ въ возмущеніи противъ законовъ и въ злоумышленіи (mauvaises intentions) противъ отечества; поэтому полиціи дозволяется, въ минуту возмущенія безпорядковъ, удалять каждаго изъ нихъ изъ его мѣсто жительства.“

„Прекословящіе должны быть заключаемы, но не болѣе, какъ на одинъ годъ. Каждый же, кто будетъ обвиненъ въ открытомъ неповиновеніи законамъ или властямъ, будетъ наказуемъ двухъ-годичнымъ заточеніемъ (détention)“.

Уже это должно было повести къ разрыву между королемъ и собраніемъ. Первому приходилось воспользоваться своимъ правомъ запрета, и онъ, съ свойственной ему рѣшимостью, готовъ былъ скорѣе отречься отъ престола, чѣмъ лишиться защиты духовныхъ, на которыхъ онъ смотрѣлъ, какъ на мучениковъ.

Такимъ образомъ, послѣдовала отмена декрета въ конституціонной формѣ („король разсмотритъ, le roi examine“). И хотя это случилось въ минуту, когда вниманіе всѣхъ было поглощено великими внѣшними вопросами, тѣмъ не менѣе войну слѣдовало уже считать объявленной.

Съ той и съ другой стороны вспыхнула ненависть. Во дворцѣ говорили: „Съ этимъ собраніемъ никакой миръ невозможенъ!“ Въ собраніи слышалось: „Во дворцѣ раздуваютъ возстаніе!“ Вражда вскорѣ стала неугасимой.

Столь же мучителенъ былъ другой вопросъ—отношеніе къ эмигрантамъ.

Послѣ осады Бастиліи часть стараго придворнаго дворянства, самые ярые приверженцы прежняго порядка, зачинщики неудачнаго переворота 11-го іюля, Артуа, Полиньяки, Конде, Бретейли, бѣжали. Тогда это было для ихъ собственнаго дѣла политической ошибкой, такъ какъ опасности, которую они воображали себѣ, еще не существовало; а теперь это стало для короля неизлечимымъ источникомъ затрудненій и непріятностей.

Чѣмъ смутнѣе становились дѣла во Франціи, тѣмъ въ большемъ числѣ собирались бѣглецы, которые, подъ защитой Евронны, хотѣли поджидать лучшихъ дней. Конечно, долго пришлось имъ ждать возврата времени (которое такъ и не настало), когда высокое дворянство могло требовать, чтобъ его не беспокоили замодавцы, и претендовало на право плевать въ театрѣ изъ первыхъ ложъ на каналій въ нартерѣ.

За границей нетерпѣливые эмигранты, точно сговорившись, вели себя такъ, чтобы, съ одной стороны, раздуть вражду противъ себя дома, съ другой—до основанія подорвать довѣріе къ тому порядку, мучениками котораго они хотѣли прослыть.

Во всей краѣ выказали они прирепскимъ дворямъ свое благоправіе, свое уваженіе къ закону и къ приличію, свой гражданскій смыслъ, такъ что вскорѣ повсюду заговорили: „такъ это-то люди старой Франціи! Ну, теперь намъ понятна революція!“ Вся милая раснущенность правовъ, все бездѣльное вѣтряничанье, которыми они такъ обезславили себя дома, не прерывались и здѣсь, такъ что даже самимъ ихъ царственнымъ покровителямъ стало мерзко. А все, что они продѣлывали тутъ, сверхъ того, было размалевано яacobинскою печатію въ ужасное пугало.

1. Сверхъ
21.

канье штыковъ, шумъ оружія на Рейнѣ“—было неумолкаемымъ крикомъ партіи войны.

А на дѣлѣ все ограничивалось смѣшной комедіей. Собирались снарядить противъ революціи крестовое воинство. Составили корпусъ въ сотню людей по образцу старшихъ швейцарскихъ полковъ. И не было-то среди офицеровъ ни одного, кто не считываль бы у себя 16-ти предковъ. Между эмигрантами царствовало великое различіе. Настоящимъ эмигрантомъ никакъ не признавали господина, который удепетнулъ не тотчасъ при началѣ переворота. Кто имѣлъ несчастіе нѣсколько встовать подъ своимъ знаменемъ, тотъ уже считался полукобинцемъ. Когда храбрый рыцарственный Казалесь, до самаго конца не покидавшій своего короля, прибылъ въ Кобленцъ, отъ него отстранились: его образъ мыслей былъ, видите-ли, зловреденъ.

Эта игра въ солдатики была тѣмъ смѣшнѣе, чѣмъ глупнѣе она велась. Французамъ не было причины опасаться вторженія отсюда. Но, тѣмъ не менѣе, они имѣли право требовать, чтобы сосѣдніе князья не терпѣли враждебныхъ заявленій по границамъ Франціи, не говоря уже о содѣйствіи и помощи имъ, которую оказываль, напримѣръ, курфюрстъ трирскій.

Эти происшествія ежедневно доставляли новую пищу газетамъ Демудепа и Марата. Каждый смѣшной, паншечный манифестъ, каждый надменный протестъ, исходившій изъ Кобленца, служилъ ихъ дѣламъ, поддерживалъ волненіе и увеличивалъ ненависть къ королю, который все сильнѣе и сильнѣе подпадалъ подозрѣнію въ соучастіи съ эмигрантами.

Въ самомъ собраніи за разработку этого вопроса принялась жиронда. Въ борьбѣ за него пріобрѣтаютъ рыцарскія шпоры самые вліятельные ея ораторы, Бриссо, Верніо, Шаръ. И вся ихъ политика все тѣснѣе и открытѣе сдѣлается съ наступательною войной революціи противъ монархической Европы.

Уже на послѣдней недѣлѣ октября выступили противъ эмигрантовъ съ значительными рѣчами Бриссо, Кондорсо и Верніо. Послѣдній произнесъ 22 октября слѣдующую угрозу:

„Скоро увидятъ, какъ эти высокомерные нищія, которые не могли перенести климата страны равенства, ваплатать позоромъ и нищетою за свое высокомеріе и обратить свои полные слезъ взоры на кипучее ими отечество. А если жажда мести, преодолевъ раскаяніе, топчетъ ихъ съ оружіемъ въ рукахъ на почву Франціи, и иностранныя державы оставятъ ихъ безъ помощи, то что такое будутъ они, какъ не жалкіе пигмеи, дерзающіе ворчить изъ себя титановъ въ борьбѣ съ небомъ?“

На возраженіе, что прежде, чѣмъ дѣйствовать, нужно имѣть основательныя доказательства мнимыхъ фактовъ, онъ отвѣчаетъ, какъ истый жирондистъ: „О, какъ жаль, что вы, съ вашею рѣчью, не были въ римскомъ сенатѣ, когда Цицеронъ разоблачалъ заговоръ Катилины! Вы и отъ него потребовали бы основательныхъ доказательствъ. Миѣ думается, что онъ замолчалъ бы отъ стыда. И Римъ былъ бы разграбленъ, и на его развалинахъ царствовали бы вы съ шайкой Катилины!“

Въ припринпѣ, собраніе ни въ одномъ еще вопросѣ не было такъ единодушно, какъ въ этомъ. Но чѣмъ именно пужно было рѣшить дѣло, это все еще оставалось неяснымъ, несмотря на разные ловкіе приемы жирондистскихъ ораторовъ.

Накопецъ, 8-го ноября было внесено предложеніе, которое на слѣдующій день привело къ рѣшительному постановленію.

Когда дождичикъ Дюкастель высказалъ сперва положеніе, что, по праву личной свободы, никому не долженъ быть возбраненъ выѣздъ за границу, въ галлеряхъ поднялся ропотъ. Но когда онъ продолжалъ: „если же эти бѣглецы-сограждане собираются на границѣ подъ предводительствомъ враговъ отечества и вымаливаютъ помощи у иностранныхъ державъ, то они—бунтовщики и заговорщики противъ отечества“,—со всѣхъ сторонъ посыпались одобренія ¹⁾.

Вотъ главныя статьи постановленія 19-го ноября:

1) Французы, находящіеся за границами королевства, съ настоящей минуты объявляются за подданные въ разговорѣ противъ Франціи.

2) Если къ 1-му января слѣдующаго года они не переставутъ

¹⁾ Характеристичны, какъ для національнаго собранія, такъ и для эмигрантовъ, слѣдующіе документы:

1) Национальное собраніе графу Прованскому:

„Людовикъ—Юсифъ—Станиславъ—Ксалерій, французскій принцъ!

„Въ силу французской конституціи (ч. III, гл. II, отд. III, ст. I), національное собраніе требуетъ, чтобы вы возвратились въ предѣлы королевства въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, считая съ настоящаго дня. Въ противномъ случаѣ, и по истеченіи указаннаго срока, вы теряете ваше временное право на регентство“.

2) Графъ Прованскій національному собранію (Кобленцъ, 6 сентября):

„Госнода люди (геня) французскаго собранія, именующаго себя національнымъ!

„Въ силу части I, гл. I, отд. I, ст. I не апающихъ давности законовъ, адранаго смысла, разсудокъ требуетъ, чтобы вы опомнились (испереводимая игра словъ: rentrer en vous même) въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, считая съ настоящаго дня. Въ противномъ случаѣ, и по истеченіи указаннаго срока, вы будете признаны отрекшимися отъ нашего права считаться разумными существами и будете признаны бѣшеными дураками, достойными дома умалишенныхъ“ (См. Hist. parlem. XII, 231).

составлять скопищъ, то будутъ объявлены виновными въ заговоръ, подвергнутся соотвѣтственному преслѣдованію и смертной казни.

3) Что касается французскихъ принцевъ и лицъ, занимавшихъ во время бѣгства общественныя должности, то они, если не вернутся въ означенному сроку, будутъ признаны виновными въ томъ же преступленіи и подвергнутся тѣмъ же наказаніямъ.

Это постановленіе можно было упрекнуть въ томъ, что оповоевало съ вѣтранными мельницами, дѣлало огромныя усилія противъ того, чтѣ вовсе не было опасно. Но въ одномъ отношеніи собраніе было право.

Дѣло въ томъ, что у Людовика XVI былъ одинъ только сынъ, слабенькое дитя, рано замученное до смерти. Каждый день могло случиться, что умретъ или дофинъ, или король. Въ обоихъ случаяхъ братья короля стояли ближе всѣхъ или къ самой коронѣ, или къ регентству. Графъ Прованскій или графъ Артуа становились тогда регентами или королями. Если эти господа желали обезпечить за собою право наследства, имъ слѣдовало оставаться во Франціи и отнюдь не вступать въ заговоръ съ ея врагами.

Поэтому-то королю не слѣдовало бы тутъ отказывать въ своемъ утвержденіи. Постановленіе противъ духовенства было покушеніемъ на свободу его совѣсти: здѣсь его отказъ объяснялся весьма уважительными причинами. Въ дѣлѣ же эмигрантовъ все было до такой степени ясно, что даже и онъ могъ бы видѣть, насколько достойны наказанія его братья. Вѣдь этимъ онъ не причинилъ бы имъ вреда: съ запретомъ или безъ запрета короля, они во всякомъ случаѣ оставались бы за границей. Себѣ же самому онъ нанесъ тяжелый ударъ, навлекая на себя подозрѣніе въ томъ, что укрывается подъ одну съ ними крышей. Доселѣ во многихъ книгахъ высказывается это подозрѣніе. У насъ нѣтъ доказательствъ въ пользу него; напротивъ, скорѣе у насъ есть много свидѣтельствъ противнаго. Но, тѣмъ не менѣе, король возбудилъ подозрѣніе въ томъ, что онъ втихомолку одобрялъ поведеніе эмигрантовъ.

Неудовольствіе, возбужденное въ національномъ собраніи этимъ запретомъ короля, не могло быть устранено его увѣреніемъ, что онъ смотритъ на всѣ эти возни, нарушающія спокойствіе государства, „не только съ прискорбіемъ, но и съ неодобреніемъ“. Подозрѣніе не разсѣялось и послѣ двухъ писемъ короля къ его братьямъ, въ которыхъ онъ доказывалъ имъ, что „революція задерживалась, конституція готова, Франція жаждетъ ее, и онъ ставитъ придержать ея“, и высказывалъ надежду, что своею дальнѣйшею враждой къ отечеству они вынудятъ его одобрить строгія мѣры, которыхъ доселѣ онъ не хотѣлъ утверждать.

Послѣ этихъ приложений на дѣлѣ права запрета въ вопросахъ объ эмигрантахъ и священникахъ, большинству собранія стало ясно, что нужно выбрать одно изъ двухъ: или подчинить короля своей власти, или же дѣйствовать помимо него. Правда, тутъ еще не подымается ни одинъ голосъ противъ поведенія короля; но демократическая печать (*Annales françaises, Patriote français, Révolutions de Paris*) уже страшно бушевала; и на порогѣ національнаго собранія явилась даже депутація отъ секцій Парижа, чтобы протестовать противъ права запрета.

Вскорѣ то же самое должно было разразиться и въ собраніи. Толчкомъ къ этому неизбежно служили отношенія къ Европѣ. Чѣмъ запутаннѣе становились они, тѣмъ большую силу приобретали доводы тѣхъ, которые хотѣли, во что бы то ни стало, разнуздать силы націи. А это именно и было содержаніемъ программы жиронды, политика которой нѣсколько колебалась лишь между двумя путями—между изложениемъ короля и господствомъ надъ нимъ посредствомъ жирондистскаго министерства.

Но прежде, чѣмъ окончательно рѣшить это дѣло, на первый планъ выступилъ другой вопросъ, тѣсно связанный съ эмиграціей. Мы говоримъ объ отношеніяхъ къ Нѣмецкой имперіи, въ которой наши себѣ убѣжище эмигранты, быть можетъ, игравшіе въ ея плапахъ лишь роль подставныхъ фигурантовъ. ■

ГЛАВА XIX.

Жалобы Нѣмецкой Имперіи ¹⁾.

До 1789 года значительная часть нѣмецкихъ имперскихъ князей, именно на западѣ Германіи, владѣла землями на почвѣ Франціи и законно пользовалась довольно важными ленными правами. Вестфальскій миръ не нарушилъ этихъ правъ. Напротивъ, онъ прямо постановилъ, что французскій король не получаетъ иныхъ верховныхъ правъ на Эльзасъ и Лотарингію, кромѣ тѣхъ, которыми дотолѣ пользовался австрійскій домъ, и что права, присущія имперскимъ князьямъ въ Лотарингіи и Эльзасѣ, во Франкѣ-Контѣ и Люксамбургѣ, должны оставаться неизмѣнными.

Такимъ образомъ, перемѣна верховной власти не воспудась исключительныхъ правъ каждаго леннаго владѣльца. Но строго формальному закону, они не могли быть измѣнены и въ буду-

¹⁾ Ср. Haussier: Deutsche Geschichte, I.

щемъ, какой бы внутренній переворотъ ни произошелъ во французскомъ государствѣ.

Съ теченіемъ времени, французскіе короли старались завладѣть частью этихъ правъ, а нѣмецкіе князья, покинутые своею имперіей, должны были уступать во многихъ отношеніяхъ. Но за потерю нѣкоторыхъ правъ, доставшихся признанной ими французской власти, послѣдняя торжественно обезпечила за могущественными имперскими чинами пользованіе остальными. Сюда отнесли именно финансовыя преимущества (десятины, оброки, налоги), вотчинные суды и управы. Такъ было въ Страсбургѣ, Шпейерѣ, Вюртембергѣ, Пфальцъ-Цвейбрюкенѣ, въ курфюршествахъ Трирскомъ и др.

Вдругъ настала ночь съ 4-го на 5-е августа, которая однимъ постановленіемъ уничтожала всѣ феодальныя повинности, отчасти вовсе безъ вознагражденія, отчасти на условіяхъ выкупа; и этимъ она лишь открывала цѣлый рядъ другихъ, еще болѣе рѣшительныхъ мѣръ. Это было ударомъ не только для французскаго дворянства, но также и для имперскихъ князей и рыцарей. Стало быть, дѣло имѣло международный характеръ.

Французское національное собраніе могло отнимать права и доходы у французскихъ землевладѣльцевъ, но не у иностранныхъ князей, на сторонѣ которыхъ была, сверхъ того, буква извѣстныхъ договоровъ съ французскою королевскою властью. Вначалѣ такъ мало сомнѣвались въ этомъ, что всѣ признавали справедливымъ вознаградить нѣмецкихъ князей.

За первымъ шагомъ 4-го августа вскорѣ послѣдовалъ новый. Въ ноябрѣ 1789 года отмѣняется церковная десятина; далѣе церковныя имущества объявляются національными; уничтожается всякая подсудность чужеземной духовной власти; наконецъ, разрушается весь старшій церковный порядокъ.

Связь и раздѣленіе рейпскихъ епископствъ вели свое начало еще съ того времени, когда вся эта страна представляла одню франко-каролингское государство. Триръ, Майнцъ, Кельнъ простирали свою власть на значительную часть французскихъ владѣній; точно также Шпейеръ и Вормсъ. Оттого-то уничтоженіе десятины и церковныхъ имуществъ было для этихъ полуфранцузскихъ, полунѣмецкихъ духовныхъ княжествъ, равно какъ и для орденовъ, имѣвшихъ тутъ свои владѣнія, ужаснымъ, почти смертельнымъ ударомъ. А новое епархіальное дѣленіе, введенное „гражданскимъ устройствомъ духовенства“ (constitution civile du clergé), было просто гибелью именно для самыхъ важныхъ изъ нихъ.

Нарушеніе права, на что жаловались потерпѣвшіе отъ этого, было очевидно; но столь же очевидно было и невыгодное поло-

женіе, въ которомъ они очутились бы, если бы потребовали удовлетворенія или даже и отмены поваго закона. Тутъ противъ нихъ была бы не только великая нація, которая именно теперь была единодушнѣе, чѣмъ когда-либо, но и собственные подданные, которымъ національное собраніе обезпечивало всевозможныя льготы; а за нихъ, кромѣ формальнаго права, была бы одна Швецкая имперія,—та самая имперія, высшій правительственный органъ которой именно тогда былъ погруженъ въ мучительнѣйшія размышленія о томъ, дѣйствительно-ли подрачникъ Шнейдеръ виноватъ въ негодности эдакия камергерихта въ Вецларѣ?

Въ теченіе революціи вскорѣ оказалось, что эти слабые западно-германскіе князья не въ состояніи оказать ей сопротивленіе и что если они вообще желали получить какое-нибудь удовлетвореніе, то должны были приступить къ дѣлу, не медля ни минуты: иначе имъ не досталось бы ничего.

Касательно вопроса о вознагражденіи, въ 1789 и 1790 годахъ шли безконечная перениска и переговоры между Франціей и Швецкою имперіей.

Ближайшіе къ Франціи имперскіе округа вступились за своихъ духовныхъ князей, права которыхъ неоспоримо доказывались документами, и обратились съ жалобой къ имперскому сейму (въ началѣ 1790 года).

Первое заявленіе французскаго національнаго собранія признавало, что это—исключительный случай; и хотя оно настаивало на томъ, что единство націи распространяется на все, по все-таки подавало надежду на вознагражденіе „владѣльцевъ извѣстныхъ леновъ въ Эльзасѣ“. Само собою разумѣется, что размѣръ этого вознагражденія долженъ былъ зависѣть отъ благоусмотрѣнія національнаго собранія, а не отъ соглашенія между обѣими сторонами.

Этимъ же общимъ смысломъ отличались и утѣренія, которыя передавалъ западно-германскимъ дворамъ французскій уполномоченный Терпанъ лѣтомъ 1790 года.

Отсюда проистекали и нежеланіе этихъ дворовъ вообще вступать въ переговоры, въ крайнемъ случаѣ обѣщаніе вознагражденія ассигнатами, и ихъ надежда на имперскій сеймъ.

Сеймъ, съ его мѣлкотнымъ теченіемъ дѣлъ, лишь въ январѣ 1791 г. удоеужился заняться этимъ вопросомъ, когда исполненіе революціонныхъ декретовъ было уже въ полномъ ходу. Французское правительство все еще было готово на соглашеніе; но духовные князья и слышать не хотѣли о выкупи ихъ правъ и ожидали отъ имперіи энергическаго заступничества.

При преніяхъ, возбужденныхъ, наконецъ, 9-го мая докладомъ по-

сланника майнцаго курфюрста, тотчасъ оказалось, что настроеніе цылихъ духовныхъ князей далеко не преобладаетъ въ Германіи. Послѣдніе, какъ водится, весьма много шумѣли. Одни требовали немедленной союзной помощи, другіе—чѣго-то въ родѣ континентальной системы противъ товаровъ и внигъ революціонной Франціи. Иные требовали отобранія Эльзаса, Лотарингіи и Бургундіи, другіе—объявленія войны. Бряцанье оружія долетало именно съ той стороны, откуда внослѣдствіи всю рѣшительно армаду отиравили вверхъ по Рейну на одномъ кораблѣ.

Пруссія, Баварія и Австрія высказались, напротивъ, очень умѣренно, и при ихъ вліяніи удалось провести, въ іюлѣ, опредѣленіе, которое уполномочивало пока одного императора обратиться къ французскому королевскому двору съ дружественными представленіями.

Не мало труда стоило создать, наконецъ, это опредѣленіе, и что же? Вдругъ ночью съ 12 на 13-е іюля эстафета приходитъ отъ императора. Леопольдъ II приказываетъ пріостановить эльзасское дѣло, ибо со времени бѣгства и ареста Людовика XVI куда и адресовать жалобъ сейма.

Императоръ до послѣдняго мгновенія дѣлалъ все, чтобы затянуть и заглушить дѣло, и такъ продолжалось до 10-го декабря, когда мнѣніе имперскихъ чиновъ было высочайше утверждено и могло получить ходъ.

Такъ или рядомъ, одинъ подлѣ другого, два, сами по себѣ различныя, вопроса. Сначала Нѣмецкая имперія имѣла право жаловаться, и Франція была вполне согласна, что ей слѣдуетъ уступить. Объ этомъ ведутъ мирные переговоры и Нѣмецкая имперія не желаетъ войны. Но мало по-малу роли измѣняются. Франція жалуется на Германію за эмигрантовъ, объявляетъ себя стороною, находящеюся въ опасности, подвергнувшеюся пападепію, и правильно готовится къ поипѣ.

Жиронда и война.

Разногласіе между Франціей и Нѣмецкою имперіей находилось въ состояніи спокойныхъ переговоровъ.

Ни бурнымъ натискамъ духовныхъ князей, ни пазойливымъ настояніямъ эмигрантовъ не удалось вовлечь главныя державы имперія въ истинно враждебныя дѣйствія. Такое же разочарованіе, какое испыталъ графъ Артуа въ Нильпицѣ, постигло и рейнскихъ курфюрстовъ въ Регенсбургѣ. Если тамъ не пошли дальне

словъ, то здѣсь и въ словахъ остановились на самихъ скромныхъ рѣшеніяхъ.

Правда, военныя приготовленія на Рейнѣ были довольно шумны; но нельзя было серьезно опасаться нападенія на Францію со стороны горсти эмигрантовъ и епископскихъ солдатъ. Словомъ, не могло быть и рѣчи объ опасности, которая принудила бы Францію къ войнѣ. А если доселѣ нерѣшительныя, колеблющіяся отношенія получали воинственный характеръ, то лишь потому, что во Франціи желали войны и пуждались въ ней. Здѣсь съ умысломъ, чтобъ имѣть хорошій предлогъ, преувеличивали дѣло до такой степени, что недалекіе и несвѣдущіе начали думать о какой-то дѣйствительной опасности.

Жирондисты сами не подали ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ томъ, что война казалась имъ неизбѣжною и спасительною необходимою, за которую слѣдовало взяться, даже если бы вовсе не было на свѣтѣ никакихъ эмигрантовъ и духовныхъ впазей.

Внутренней потребности войны никто не объяснилъ такъ отчетливо, какъ Бриссо въ одной рѣчи, произнесенной имъ 16-го декабря 1791 года въ якобинскомъ клубѣ.

„Вотъ уже полгода,—говорилъ онъ,—или, вѣрнѣе, съ самаго начала революціи, обдумывалъ я политику, за которую намѣренъ стоять теперь; и въ силу, какъ размышленія, такъ и фактовъ, пришолъ къ убѣжденію, что народу, достигшему свободы послѣ 10-лѣтняго рабства, необходима война.

„Намъ нужна война, чтобы прочно утвердить свободу; намъ нужна война, чтобы исцѣлить ее отъ пороковъ деспотизма; намъ нужна война, чтобы удалить людей, которые могли бы погубить ее. Благословляйте Небо за то, что оно само помогло вамъ въ этомъ и дало случай прочтѣе утвердить вашу конституцію“.

Тутъ ораторъ говоритъ о наказаніи бунтовщиковъ, съ которыми всѣ дружественныя сношенія послужили лишь къ позору, и взмывать къ войнѣ противъ „горсти заговорщиковъ“, къ сильному удару противъ аристократическаго гнѣзда въ Кобленцѣ. Все это сопровождается тономъ, въ которомъ нѣтъ и признака чувства дѣйствительной опасности. Въ сущности, вотъ сильнѣйшее доказательство Бриссо: „Вы должны будете краснѣть передъ всею Европой, если и дальше позволите издѣваться надъ собою столь презрѣннымъ врагамъ“.

Уже 29-го ноября дипломатическая коммиссія потребовала, чтобы съ упрямыми бѣглецами и ихъ покровителями поступили, наконецъ, безъ дальнихъ размышленій. Золотыхъ дѣлъ мастеръ Ипаръ, одаренный отъ природы изумительнымъ краснорѣчіемъ,

но лишенный образования, въ пламенной рѣчи развилъ всё основанія будущей политики.

Онъ требовалъ войны, чтобы Франціи выказаться въ новомъ величіи. „Французскій народъ,—воселикнулъ онъ,—готовъ сдѣлаться первымъ народомъ въ мірѣ. Рабъ, онъ былъ неустрашимъ и гордъ: неужели, свободный, онъ долженъ быть трусливъ и слабъ? Обращаться со всеми народами, какъ съ братьями, никого не оскорблять, но и не терпѣть ни отъ кого обидъ, обнажать мечъ лишь за справедливость и вкладывать его въ ножны лишь послѣ побѣды,—словомъ, быть постоянно готовымъ сражаться и умирать за свободу,—вотъ характеръ французскаго народа!“

Народъ, совершившій такую революцію, непреодолимъ; побѣда, конечно, всегда останется за нимъ. „Знамя свободы есть знамя побѣды. Мгновеніе, въ которое народъ воодушевляется ею, есть мгновеніе тысячей пожертвованій, мгновеніе отрѣшенія отъ всѣхъ интересовъ и страшнаго взрыва воинственнаго гнѣда“.

Въ подобной войнѣ у французовъ будетъ сильное оружіе—пропаганда революціонныхъ идей. „Скажемъ Европѣ, что если дворы объявятъ войну народамъ, то мы воспламенимъ войну народовъ противъ дворовъ... Скажемъ ей, что 10 милліоновъ французовъ, кипящихъ любовью къ свободѣ, вооруженныхъ мечемъ, перомъ, разумомъ, краспорѣчіемъ, способны одни, если ихъ вызовутъ, преобразовать лицо земли и привести въ трепетъ всѣхъ тирановъ на ихъ престолахъ“.

Такимъ-то рѣчами оглашался Парижъ въ то время, когда вся Европа была еще вполнѣ спокойна. Въ ту минуту, когда ни одно сосѣднее государство не думало серьезно о войнѣ, тамъ уже бросали перчатку старымъ державамъ цѣлой части свѣта.

И эти ораторы увлекали не одну жиронду. И болѣе разсудительные члены правой стороны уже не были въ состояніи владѣть собой. Имъ всемъ были свойственны старая французская страсть къ войнѣ, старое стремленіе къ завоеваніямъ и славѣ, которыя всегда цѣпились у этого народа выше, чѣмъ утомительное и модленное дѣло упроченія тихаго гражданскаго счастья.

Даже и дворъ былъ до того увлеченъ этимъ шапоромъ, что уволилъ тогдашняго военнаго министра, который, по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, былъ скорѣе мирнымъ министромъ, и поставилъ на его мѣсто графа Л. Нарбона.

Нарбонъ былъ типомъ старофранцузскаго рыцаря изъ сочувствующей Америкѣ школы Лафайета. По своей подвижности и привлекательности, онъ былъ какъ бы созданъ для того, чтобы вести дѣла съ этимъ собраніемъ. Кромѣ того, какъ политикъ, дѣйствующій подъ влияніемъ чувства, онъ болѣе всѣхъ былъ способенъ

списывать доверіе большинства, руководимаго тѣми же побужденіями. Это—тотъ самый Нарбонъ, переговоры котораго съ Наполеономъ въ 1812 и 1813 годахъ возбуждали такой большой интересъ: онъ находился тогда на сторонѣ императора и погибъ потомъ въ Торгау, при тяжелой осадѣ. Новый министръ былъ исполнѣ настроенъ на одинъ лады съ жирондистскою партіей войны.

Въ теченіе послѣднихъ недѣль 1791 года во Франціи все работало въ пользу войны. Въ пѣдрахъ революціи все сильнѣе и сильнѣе пробуждалась та страсть къ пропагандѣ, которая вообще была ея главною, отличительною чертой. Въ самомъ народѣ проснулись воинственныя преданія, управлявшія имъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. А партія, стремившаяся къ власти, видѣла въ войнѣ лучшее средство преодолѣть тысячи внутреннихъ препятствій, быстро завладѣть кормиломъ правленія и влить свѣжую жизнь въ государственнй строй. Войны желали даже умѣренныя, ибо они ожидали отъ нея искорененія печистыхъ элементовъ и устраненія внутреннихъ затрудненій, которыхъ ничѣмъ больше нельзя было уничтожить. Войны желали также и тѣ, которымъ революція становилась уже неприятною: они надѣялись, что, благодаря ей, установится дисциплина и порядокъ, появятся диктаторы и энергическіе люди, которые положатъ конецъ безумствамъ крикуновъ и подстрекателей.

Только одна партія не желала войны. То былъ Робеспьеръ съ своею свитой, который въ послѣдствіи извлекъ себѣ изъ нея главную выгоду. Онъ открещался отъ войны и боялся ея по тѣмъ же причинамъ, по которымъ внутренніе враги революціи желали ея. Онъ предвидѣлъ то, что ускользнуло тогда отъ взгляда многихъ изъ его же единомышленниковъ,—именно, что война выдвинетъ солдатъ и похоронитъ клубы съ ихъ героями, создастъ диктаторовъ, а не трибуновъ, рабство, а не свободу.

Робеспьеръ былъ правъ. Но прошелъ не одинъ годъ, пока всѣ увидѣли, что его пророчество исполняется. Тогда его не понимали и жадно ухватились за поводъ къ войнѣ.

Пригрозивъ съ 14-го декабря духовнымъ князьямъ 150,000-ной арміей, съ первыхъ же дней 1792-го года открыли рѣшительныя наступательныя дѣйствія противъ форпостовъ старой Европы.

Уже 1-го января прошло постановленіе илчать обвиненіе противъ „мятежниковъ“.

Наирасно умѣренныя стараются на время пріостановить дѣло. Жиронда и якобинцы заставляютъ признать обвиненными братьевъ короля, Конде, Калона, Лаввиля и младшаго Мирабо. Тотчасъ же приступаютъ и къ устройству верховнаго государственнаго судища (*haute cour nationale*).

Сравнительно съ этою тактикой, которая поспѣшно напоситъ теперь ударъ за ударомъ, образъ дѣйствій императора Леопольда, самаго холоднаго и безстрастнаго дипломата въ мѣрѣ, разумѣется, производитъ довольно слабое впечатлѣніе. Какъ бы долго онъ ни жилъ, онъ не былъ бы въ состояніи усмирить бурю. На это не хватало у него ни средствъ, ни глубокомыслія.

Человѣкъ съ тонкимъ умомъ, онъ весьма вѣрно судилъ о многомъ въ частности; но ему не доставало полнаго пониманія всемірно-историческаго величія, коренившагося въ революціи. Онъ думалъ, что ее можно ограничить однимъ мѣстомъ, задержать плотиною; что стоитъ окружить ее кордономъ—и она перегоритъ сама собою. Это-то и было страшнымъ заблужденіемъ.

21-го декабря 1791-го года, въ одной нотѣ, которая еще вполне вытескала изъ мысли покончить все мирными переговорами, онъ толковалъ о „соглашеніи государей для сохраненія спокойствія и престоловъ“ и тѣмъ указывалъ на рѣшеніе французскаго вопроса европейскимъ конгрессомъ.

Вообще, это было не болѣе, какъ крайнее средство дипломатіи, очутившейся передъ неразрѣшимымъ вопросомъ. А со стороны Леопольда это было просто противоположное вызова. Здѣсь точно такъ же, какъ въ Нильницѣ, онъ скорѣе указывалъ на Европу съ тѣмъ, чтобы уклониться отъ дѣйствія въ одиночку.

Этотъ намекъ дошелъ до національнаго собранія. Точно искра въ порохъ, внезапно явилось тутъ это роковое слово о конгрессѣ государей,—явилось въ январѣ 1792-го года, именно въ тѣ дни, когда уже не разъ грозили монархической Европѣ войной народы и ублаживали мечтой о союзѣ съ жаждущими свободы націями свою собственную смущенную политику, которая повсюду между старыми государствами видѣла однихъ враговъ, нигдѣ не встрѣчая помощниковъ. Со страстью памали здѣсь на это слово, и справедливо. Здѣсь я не набросилъ бы на французовъ и тѣни упрека.

Всякая ревнивая къ своей чести нація съ негодованіемъ отвергнетъ такого рода постороннее вмѣшательство въ ея собственныя дѣла. А народъ, который возмущается при малѣйшей попыткѣ оскорбить его тонкое чувство чести, долженъ служить скорѣе примѣромъ, достойнымъ подражанія, чѣмъ предостереженіемъ.

Это было лучшимъ средствомъ собрать все партіи подъ одно знамя. И жирондисты не преминули воспользоваться случаемъ.

По предложенію Гаде, 14-го января было постановлено: „Национальное собраніе объявляетъ безчестнымъ измѣнникомъ отечеству и государственнымъ преступникомъ всякаго, въ качествѣ-ли агента исполнительной власти, или просто, какъ фран-

пузь, приметъ какое-либо участіе въ конгрессѣ, цѣлью коего будетъ измѣнить французскую конституцію и устроить соглашеніе между французскою націей и состоящими въ заговорѣ противъ нея мятежниками, или сдѣлаю съ впазыми въ Эльзасѣ“.

Увлеченное воодушевленіемъ, собраніе встаетъ и влается: „Конституція или смерть!“

Постановленіе рѣшено тотчасъ же передать королю, приглашая послѣдняго немедленно сообщить его всѣмъ державамъ съ присовокупленіемъ, что Франція сочтетъ своимъ врагомъ всякаго европейскаго государя, который вздумаетъ поднять руку на французскую конституцію.

Заявленіе императора Леопольда, что онъ потребовалъ отъ курфюрста Трирскаго разоруженія эмигрантовъ, но въ то же время приказалъ генералу Бендеру въ Люксембургѣ отражать съ оружіемъ въ рукахъ всякое нарушеніе границъ имперіи, вызвало новую страшную бурю, хотя, между тѣмъ, шумъ оружія въ Трирѣ дѣйствительно замолкъ. 17-го января выступилъ Бриссо съ длиною рѣчью, въ которой, между прочимъ, говорилъ:

„Маска, наконецъ, спала; вашъ истинный врагъ узнавъ. Приказъ къ генералу Бендеру вскрываетъ его имя. Это—императоръ. Курфюрсты были лишь его пугалами, а эмигранты—орудіями въ его рукахъ. Вы можете теперь презирать эмигрантовъ; верховное судилище отметитъ за націю этимъ мятежнымъ прищамъ-попрошайкамъ. Кромвель принудилъ Францію и Голландію прогнать Карла II. Подобное преслѣдованіе было бы слишкомъ большою честью для прищень. Бросьте на ихъ имущества, а владѣльцевъ предоставьте ихъ собственному ничтожеству. Курфюрсты недостойны болѣе вашего гнѣва: страхъ уже повергъ ихъ къ нашимъ ногамъ. Вашъ истинный врагъ—императоръ“.

Теперь вопросъ о войнѣ былъ рѣшенъ. Какъ бы тонко и искусно ни соткала теперь императоръ дипломатическую ткань, было уже поздно.

25-го января дѣло дошло до рѣшительнаго постановленія. Король долженъ былъ обратиться къ императору съ требованіемъ полнаго, недвусмысленнаго отвѣта, и въ такой формѣ, которая не уступала объявленію войны.

Декретъ гласилъ: „Особенною депутаціей пригласить короля объявить императору, что отнынѣ онъ можетъ вести съ нимъ переговоры лишь отъ имени французской націи... Король долженъ обратиться къ императору съ запросомъ: желаетъ-ли онъ, какъ глава австрійскаго дома, оставаться другомъ французскаго народа? и указать ему, что съ этого дня до 15-го февраля всякій уклончивый, замедляющій отвѣтъ будетъ считаться объявленіемъ войны...“

Король долженъ безостановочно принимать самыя сильныя мѣры для приведенія границъ въ оборонительное положеніе⁴.

Итакъ, всего, что дѣлалось доселѣ, было еще недостаточно: императору прямо приставляли пистолетъ къ груди.

Теперь Леопольдъ заключилъ, 7-го февраля, оборонительный союзъ съ Пруссіей и отправилъ, 17-го числа, во Францію заявленіе, въ которомъ было указано, какъ онъ, только онъ одинъ, успѣшно противился доселѣ требованіямъ войны съ Франціей и какъ весь военный шумъ слѣдуетъ считать лишь дѣломъ якобинцевъ, въ которомъ благоразумное большинство націи вовсе не принимаетъ участія. Самъ же онъ и теперь не вышелъ бы изъ своего сдержаннаго положенія. Кауницъ въ особо-приложенной бумагѣ прибавилъ къ этому безжалостное, но исторически вѣрное описаніе образа дѣйствій якобинцевъ.

Слѣдуя извѣстной легендѣ, списавшей себѣ столько довѣрія, по которой иностранныя державы, и въ особенности императоръ, вызвали Францію на необходимую оборону¹⁾, нужно думать, что эта нота съ ея злыми выходками должна была окончателно вывести французовъ изъ територіи. Но изъ „Монитера“ мы узнаемъ совсѣмъ противное. Министръ прочитываетъ ее и, послѣ пезначительныхъ упрековъ за злыя выходки, высказываетъ свою живѣйшую радость по поводу „мирныхъ и дружественныхъ заявленій императора“. И съ нимъ соглашается собраніе, вопреки ропоту якобинцевъ на набросанную тамъ мѣткую характеристику ихъ.

Нота была прочитана 1-го марта. Въ тотъ же день умеръ императоръ Леопольдъ II, вѣроятно, отъ слишкомъ большого количества наркотическихъ лекарствъ, принятыхъ имъ противъ легкаго недорожья.

Этотъ внезапную смертью уничтожалась самая важная преграда къ войнѣ. Правда, Леопольдъ II уже не могъ остановить войны; но, во всякомъ случаѣ, онъ велъ бы ее хитрѣе и благоразумнѣе, чѣмъ Францъ II, политическій абсолютистъ, который совсѣмъ находился въ рукахъ эмигрантовъ и былъ фанатически преданъ идѣѣ престоловаго похода.

¹⁾ Упомянутая здѣсь легенда пущена въ ходъ французскими историками, не справляющимися съ архивами. Зиберъ (въ его Исторіи револ. эпохи) принадлежитъ честь полнаго опроверженія этой сказки, на основаніи документовъ, хронологіи и пониманія замысловъ жиронды. Ред.

Министерство жирондистовъ. Дюмурье. Объявленіе войны и вторженіе въ Бельгію.

Военная тревога въ національномъ собраніи была политическимъ маневромъ жирондистовъ. Пламенная, бурная рѣчи Бриссо, Гаде, Жансонне, Вернио были точно также погоней за министерствами изъ рядовъ ихъ партіи. Положеніе дѣлъ той минуты было непрочное; долженъ былъ послѣдовать переворотъ: и вотъ, жиронда видитъ въ войнѣ лучшее средство произвести его въ своемъ духѣ.

Поэтому постановленія послѣднихъ дней были ничѣмъ инымъ, какъ побѣдами, которыя приближали эту партію къ власти и подрывали министерство.

Теперь должно было произойти рѣшительное нападеніе на министерство. Правительство, которое, подобно этому, во всѣхъ главнѣйшихъ вопросахъ идетъ въ разрѣзъ съ большинствомъ, немисливо долгое время. Впрочемъ, если нельзя отрицать, что нѣкоторые изъ членовъ этого министерства, какъ, напримѣръ, Мольвиль, были вполнѣ преданы политикѣ иностранныхъ державъ и эмигрантовъ, то нельзя было также сказать этого обо всѣхъ. Безъ дальнихъ размышленій окрестить его всего именемъ „комитета измѣнъ отечеству“ было чисто якобинскимъ преувеличеніемъ.

Столь дурными не были даже министры, которые дѣйствительно ненавидѣли революцію. Содержать одну-другую газетку, при случаѣ послать въ собраніе пару-другую пасмныхъ крикуновъ, чтобы они тамъ пошумѣли за роялистовъ, или поинтриговать втихомолку, чтобы главныя общественныя должности въ Парижѣ достались въ руки Петіона, Дантона и другихъ господъ, популярности которыхъ надѣялись кунить ¹⁾—вотъ государственныя преступленія, въ которыхъ можно было обвинить министровъ. Но во всякомъ случаѣ всѣ они, кромѣ Нарбона, не чувствовали охоты къ войнѣ.

Шатко стало и положеніе короля, какъ ни былъ онъ правъ въ своихъ жалобахъ на то, что другіе никогда не соблюдали конституціи, которой онъ долженъ былъ слѣдовать. Кризисъ такъ усилился, что онъ долженъ былъ или идти за большинствомъ націи, или погибнуть. Если только онъ не встрепенется и, вопреки своимъ свойствамъ, не станетъ смѣло и рѣшительно во главѣ дви-

¹⁾ Такъ прямо увѣрлетъ Barante: Convention nationale, I, 23. Подобное же рассказываетъ Mortimer-Ternaux: Hist. de la terreur, I, 20.

женія, то ему сдѣлаться его первою жертвою. Сцѣпленіемъ обстоятельствъ его судьба была предначертана безвозвратно.

Жиронда, заодно съ якобинскимъ клубомъ, постановила устроить нападеніе на министерство. По дипломатическая коммиссія не выказывала склонности къ подобному шагу. Она полагала, что министерство не прекращало своихъ усилій въ пользу сохраненія мира; что нѣтъ поводовъ къ войнѣ, а, стало быть, и къ обвиненію министровъ.

Такимъ образомъ, въ самомъ собраніи нельзя было надѣяться имѣть усилій; безъ давленія извнѣ не было возможности сдѣлать шага впередъ.

Съ начала марта въ якобинскомъ клубѣ заговаривали объ обвиненіи министерства. Затѣмъ недѣли полторы уламывали національное собраніе, и 10-го числа взошелъ на трибуну Бриссо, чтобы обвинить министра иностранныхъ дѣлъ, Дедессара, въ измѣнѣ отечеству.

Онъ произнесъ ловкую ябедническую рѣчь, въ которой правда и ложь, основательныя жалобы и косвенныя, бездоказательныя обвинения были сплетены въ одно эффектное цѣлое.

Было справедливо, что поступки министерства были часто несообразны и противны конституціи; что оно выказывало противодѣйствіе и вражду всѣмъ мѣрамъ собранія; что оно постоянно придерживалось въ своихъ потахъ умѣреннаго, мирнаго тона, котораго вовсе нельзя было согласовать съ рѣчами жирондистовъ и лишь съ трудомъ можно было привести въ связь съ постановленіями собранія.

Пожалуй, это были ошибки, но ужъ никакъ не преступленія, именемъ которыхъ хотѣли теперь заклеймить ихъ. Напрасно умѣреннѣе выставляли это на видъ, напрасно пытались они разобрать живую сказку Бриссо и избличить ее ея самою: они были заглушены шумомъ на галереяхъ, и обвиненіе было принято при бурномъ одобреніи послѣднихъ.

Немало содѣйствовала этому и рѣчь Вернію, который употребилъ тутъ знаменитую фразу Мирабо:

„Позвольте мнѣ,—замѣтилъ онъ,—высказать одно соображеніе. Когда въ учредительномъ собраніи предложили ограничить деспотизмъ христіанской церкви, Мирабо сказалъ: „Съ трибуны, откуда я говорю вамъ, видно окно, изъ котораго рука одного французскаго монарха, вооруженная противъ своихъ же подданныхъ проклятыми сектантами, смѣшивавшими священнѣйшіе религиозные интересы съ своими личными замыслами, дала выстрѣлъ изъ ружья, послужившій сигналомъ къ Варооломеевой ночи“. Такъ воскликну и я теперь: съ этой трибуны, откуда я обращаюсь къ вамъ, ви-

день дворець, гдѣ изверги-совѣтники вводятъ въ заблужденіе и сбиваютъ съ долгаго пути короля, дарованнаго намъ конституціей, вуютъ оковы, въ которыя хотятъ заковать насъ, и ставятъ западни, чтобы поймать насъ для австрійскаго дома. Я вижу окна дворца, гдѣ возбуждается противореволюція, гдѣ измышляются средства снова повергнуть насъ во все ужасы рабства, проведя предварительно чрезъ весь хаосъ апархіи, черезъ всю сумятицу междоусобной войны“.

Обвиненіемъ Делессара министерство было низвергнуто.

Поздненько! Вѣроятно, этимъ министрамъ была суждена роль могильщиковъ монархіи: если королю приходилось выбирать себѣ министровъ въ силу такихъ обстоятельствъ, ему слѣдовало считать себя уже наполовину лишеннымъ престола.

Новое министерство состояло большею частью изъ парламентскихъ именъ собранія. Кромѣ Дюмурье, все это были жирондисты, но не ихъ настоящіе ораторы, а силы менѣ важныя, люди второго разряда.

Великіе ораторы остались все въ собраніи. Отсюда и острота, что это—министерство госпожи Роланъ. Роланъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, былъ ничтожнымъ мужемъ молодой женщины съ замѣчательными качествами и съ могущественнымъ вліяніемъ. Ея записки ¹⁾ принадлежатъ къ числу немногихъ нелживыхъ книгъ объ этомъ времени. Въ нихъ отражается чистая, незапятнанная душа писательницы, но также и поразительный фанатизмъ, котораго она была исполнена, доставившій ей видное мѣсто между личностями революціи.

Г-жа Роланъ одинъ изъ типовъ французскаго общества. Простепькая, незатѣйливая мѣщаночка, образованная не по своему сословію, вскормленная съ раннихъ дѣтъ идеями Руссо и ему подобныхъ писателей, но вовсе не синій чулокъ, одаренная талантомъ, умомъ, способностью писать и играть роль въ свѣтѣ, выросла она на узкой, шаткой границѣ, отдѣляющей женщину отъ мужчины въ юбкѣ. Она представляла типъ, какъ той части третьяго сословія, которая была пропитана идеями Руссо, такъ и того сорта французскихъ дамъ, который дѣйствовалъ въ политикѣ посредствомъ чувства и мечталъ о возможности создать путемъ спокойнаго органическаго развитія *Platonis respublicam in Romuli faece* (Платонову республику на Ромуловыхъ дрожжахъ).

На анафотѣ она воскликнула со скорбью: „Боже, какія преступленія совершаютъ во имя свободы!“ Что она поняла это

¹⁾ Mémoires de Madame Roland. 2 т. Новое изданіе Добана 1864 г.

только на эшафотѣ, въ этомъ-то и заключалось роковое въ ея жизни.

Ее называютъ единственнымъ мужчиной, котораго выставила жиронда. И недаромъ. Въ самомъ дѣлѣ, знаменательно для этой партіи, что женщина была и ея лучшею головой и, въ лицѣ Шарлоты Корде, ея мстителемъ ¹⁾).

Единственный изъ новыхъ министровъ, самъ по себѣ что-нибудь значившій, обладавшій знаніемъ дѣла и людей, былъ министръ иностранныхъ дѣлъ, Дюмурье.

Дюмурье принадлежалъ къ числу людей, которымъ не благоприятствуютъ вѣщія обстоятельства, которымъ поэтому придется талантомъ брать съ бою извѣстное положеніе въ жизни, причемъ они по необходимости забываютъ черезчуръ совѣстливую разборчивость въ средствахъ.

Происходя изъ мелкаго старо-французскаго дворянства, бѣдный, безъ доходовъ, безъ положенія въ свѣтѣ, безъ могущественныхъ покровителей, онъ рано былъ принужденъ исвать, гдѣ бы то ни было, средствъ къ жизни. Будь у него терпѣніе и непреклонная стойкость въ работѣ, при его неоспоримыхъ дарованіяхъ, отъ него не ускользнула бы почетная, быть можетъ, даже великая будущность; но онъ былъ пеносостояпенъ, жаденъ до удовольствій, измѣнчивъ. При старомъ правительствѣ служилъ онъ полусолдатомъ, полудипломатомъ: въ качествѣ послѣдняго, ему приходилось исполнять несовѣмъ почетныя порученія. Какъ только настала революція, онъ тотчасъ смекнулъ, что съ монархіей ужъ не составитъ себѣ счастья,—и вотъ онъ революціонеръ.

Сначала онъ былъ вполнѣ конституціоналистомъ, потомъ конституціоналистомъ на самыхъ широкихъ основаніяхъ, наконецъ, сумѣлъ представиться демократомъ ²⁾. Въ описываемыя послѣднія

¹⁾ Cp. Dauban: Etude sur m-me Roland et son temps. Paris. 1864. Ред.

²⁾ Этотъ человекъ всего лучше и правнѣе характеризуетъ себя самъ. Стоять только прочесть въ его Запискахъ, какъ онъ, одаренный талантомъ и ловкостью, будучи заброшенъ въ 1790-мъ и 1791-мъ годахъ въ Парижъ, умѣлъ подлаживаться къ обстоятельствамъ. То онъ съ Мирабо, то съ республиканцами; то онъ въ якобинскомъ клубѣ, то посылаетъ увѣрить короля въ своей преданности. Онъ готовъ въ услугамъ всѣхъ и хвастается своими заслугами. Знаменательно, какъ онъ говоритъ о своемъ обращеніи съ якобинцами:

„Его долгое отсутствіе вычеркнуло его изъ этого общества. Побудительною причиною возвратиться было слѣдующее: общество якобинцевъ въ Парижѣ имѣло связи болѣе чѣмъ съ двумя тысячами обществъ въ провинціяхъ; въ пяти департаментахъ, въ которыхъ ему предстояло начальствовать, ихъ было тридцать или сорокъ, и, вдобавовъ, весьма восламеняющихся (sulfureusos). Если бы онъ только былъ якобинцемъ по принципу, но при этомъ не казался еще таковымъ, то тамъ смотрѣли бы на него, какъ на аристократа, и, стало быть, онъ былъ бы далеко не полезенъ своему отечеству

педѣли шель онъ рука въ руку съ якобинцами, сыналъ ихъ отборными словами, но при этомъ былъ холоденъ до глубины души, и поэтому жирондисты оставались рѣшительно немонятными ему. Толпа причисляла его къ жирондистамъ, но эта была ошибка.

Онъ видѣлъ быструю гибель короля видѣлъ невозможность поддержать всѣми покинутаго герцога Орлеанскаго и не памфрелся ни пасть съ первымъ, ни подняться за второго. По у герцога былъ 18-лѣтній сынъ, ловкій, многообѣщавшій юноша. Въ ужасномъ обществѣ отца и его приближенныхъ онъ выросъ настолько нравственнымъ, что его частная жизнь была безупречна. Людовикъ-Филиппъ, король-гражданинъ 1830 года, былъ, какъ мнѣ кажется, кандидатомъ Дюмурье, который и ввелъ его въ красной шапкѣ въ якобинскій клубъ.

Все министерство 10-го марта относились къ королю какъ-то сурово, холодно и подозрительно. Людовикъ сошелся скоро едва ли не съ однимъ только Дюмурье. Этотъ и здѣсь служилъ нашимъ и нашимъ.

Можно было ожидать, что новое министерство, чѣмъ скорѣе, тѣмъ охотнѣе, объявитъ войну.

Вступленіе Дюмурье тотчасъ же ознаменовалось двумя потами отъ 18-го и 27-го марта, необыкновенными по своей формѣ и изложенію.

Кратко, дерзкимъ и вызывающимъ тономъ, какъ обыкновенно говорилось въ клубахъ и какъ самъ Дюмурье выражался иногда среди якобинцевъ, требовали онъ отъ вѣнскаго двора положительнаго объясненія: разорветъ-ли онъ для удовлетворенія Франціи заключенные противъ нея договоры и отзоветъ-ли немедленно свои войска, или нѣтъ? Въ послѣднемъ случаѣ война—рѣшенное дѣло. Въ отвѣтъ на это Австрія, съ своей стороны, требовала вознагражденія нѣмецкихъ имперскихъ князей, удовлетворенія папъ за Авиньонъ и подавленія Франціей у себя дома всего, что могло потревожить другія государства.

и королю. Онъ привалъ предосторожность увѣдомить Людовика XVI о своемъ поступкѣ и о своихъ побудительныхъ причинахъ" (II, 104).

Выжидать, пользоваться минутой, non sibi res, se rebus submittere (не подчинять себя обстоятельствамъ, а самому подчиняться имъ) — вотъ его жизненная философія. Самое приличное для него имя—интриганъ.

Мѣтко говорить о немъ г-жа Ролапъ: „Мнѣ казалось, что я нашла въ немъ очень умнаго повѣсу, смѣлаго рыцаря, который смѣялся пады всѣмъ, кромѣ своихъ собственныхъ интересовъ и славы. Это былъ прилежный и храбрый малый, хорошій генералъ, ловкій лстецъ. Онъ прекрасно писалъ, легко выражался и былъ способенъ на великія предпріятія. Ему доставало только характера, соответственнаго его уму, или болѣе хладнокровной головы, чтобы преслѣдовать замышляемые имъ планы“. (I, 861 и 870; Ср. также стр. 383).

Это равнялось разрыву. 20-го апрѣля король прибылъ въ національное собраніе, прочелъ докладъ своего министерства, гдѣ развивались причины объявленной войны, и потребовалъ у членовъ согласія. Онъ читалъ бумагу дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ, со слезами на глазахъ, словно собственный смертный приговоръ, и такое чувство было вполнѣ основательно.

Докладъ приняли съ восторгомъ. Никто не подумалъ передать этотъ важный вопросъ на разсмотрѣніе особой комиссіи, безъ чего въ подобныхъ собраніяхъ идутъ плохо даже незначительныя дѣла. Не подвергли и краткому предварительному обсужденію рѣшенія, благодаря коему Еврона цѣлыхъ 22 года была затоплена кровью.

Жиронда, съ Бриссо и Гаде во главѣ, вела пренія съ поразительною быстротой. Требовался возможно скорый, безвозвратный разрывъ. Большинствомъ, близкимъ къ единогласію, рѣшили войну. Только семь голосовъ (въ томъ числѣ Теодоръ Ламетъ) были противъ. Даже массы фольяповъ и роялистовъ подали голосъ за войну. Въ заключеніе Верньо сказалъ еще превосходную рѣчь. Онъ напомнилъ о клятвѣ 14-го января, о клятвахъ: „Конституція или смерть!“

„Найдется-ли ледяное сердце, которое не затрепетало бы въ столь возвышенную минуту? Найдется-ли каменная душа, которая (смѣю такъ выразиться) не воспарила бы къ небу съ кликами всеобщей радости? Найдется-ли безчувственный, который не созналъ бы, какъ растетъ все его существо, какъ, при шумѣ благороднаго одушевленія, расширяются его силы до сверхчеловѣческой мощи? Такъ что же! Представимъ Франціи, представимъ Европѣ величественное зрѣлище одного изъ такихъ національныхъ торжествъ. Воскресимъ энергію, передъ которою падаютъ въ развалинахъ Бастиліи. Сообщимъ новый полетъ тому пылкому чувству, чтѣ привязываетъ насъ къ свободѣ и отечеству. Да огласится всѣ части нашего государства восклицаніемъ: „Жить свободными, или умереть! Вся конституція безъ урѣзокъ или смерти!“¹⁾

Манифестъ о войнѣ, представленный Жансонне въ концѣ заведенія и припятый безъ преній, оканчивался слѣдующими словами:

„Національное собраніе объявляетъ:

„Французская нація, вѣрная правилу, освященному ея конституціей, не начинать войны съ завосательною цѣлью и никогда не обращать своего оружія противъ свободы какого-либо народа, берется за мечъ лишь въ защиту собственной независимости. Не-

¹⁾ Недовольные голоса, съ крикомъ „Point de serment!“, отвергавшіе предложеніе понаго празднества конституціи, принадлежали, разумѣется, членамъ, поминавшимъ яснѣе жирондистовъ эту монархическую конституцію. О.

избѣжная для нея война—не борьба одной націи съ другою, а законная оборона свободнаго народа отъ несправедливаго нападенія одного изъ государей.

„Французы никогда не смѣшиваютъ своихъ братьевъ съ своими истинными врагами. Они сдѣлаютъ все, чтобы смягчить бичъ войны, пощадить, сохранить собственность и обратить все неразлучныя съ войной бѣдствія на головы заговорщиковъ противъ ихъ свободы.

„Они заранѣе признаютъ своими всехъ иностранцевъ, которые отречутся отъ дѣла враговъ Франціи, станутъ подъ ея знамена и посвятятъ свои силы на защиту ея свободы. Они употребятъ даже все доступныя имъ средства, чтобы пріютить ихъ во Франціи».

Примѣръ 20-го апрѣля не единственный въ исторіи.

Великое рѣшеніе громадной войны съ Карфагеномъ, выбившее Римъ изъ старой колеи для преобразованія его въ новую всемирную державу, было принято не отцами республики,—сенатъ ни чего не постопалялъ,—а собравшимся на сходку народомъ при такомъ же норовѣ страсти, при такой же жаждѣ военныхъ предпріятій.

Впрочемъ, здѣсь есть и большая разница. Тогдашній Римъ зналъ, съ чѣмъ начать и вести войну. Онъ былъ первою державой на материкѣ Италіи, величайшимъ военнымъ государствомъ на западѣ Стараго свѣта. Положеніе Франціи было не столь благоприятно. Здѣсь рѣшились на войну, не зная на какія средства вести ее.

Французскіе историки стараются проворно скользнуть по этому вопросу. Они не прочь увѣрить насъ, будто одинъ патріотическій энтузіазмъ своими чарами вызвалъ тѣ войска, что стали впоследствии ужасомъ Европы. Никто не оспариваетъ значенія его для войны. Но для нея, кромѣ того, нужны самыя матеріальныя вещи: порохъ и свинець, ружья и пушки, провіантъ и деньги, техническія познанія и надежная дисциплина. Этого-то здѣсь прежде всего положительно недоставало, и тутъ не могло помочь одно воодушевленіе.

Прошло цѣлыхъ два года, пока Франція не приобрѣла всего нужнаго для войны, пока у нея не образовались хорошее войско и способные генералы. До тѣхъ поръ ее каждую минуту могла постичь страшная катастрофа.

Старое войско совершенно разстроилось. Правительство дало безрочный отпускъ тысячамъ офицеровъ; оно дозволило имъ дезертировать за границу, не замѣнивъ ихъ новыми. Рядовые вполнѣ предались революціонному своеволію. Но ранѣе 1795-го и 1796-го годовъ солдаты стали настоящими демократическими солдатами.

Только тогда они внѣ службъ пользовались свободой въ избирательности и знать не хотѣли никакихъ мундировъ; а на службѣ всѣмъ, пренебрегшій разъ своею обязанностью, считался измѣнникомъ.

Отъ этого пока были еще очень далеки. Организованный мятежъ принадлежалъ еще къ неотъемлемымъ человѣческимъ правамъ солдата. Весьма характеристичны для духа господствующихъ партій, особенно для якобинцевъ, желавшихъ возмущеніемъ арміи предупредить появленіе деспотизма штыка, позорныя празднества, которыми всѣ влуды и даже само національное собраніе встрѣчали, на пути изъ Баньо въ Парижъ, словно спасителей государства, врагольныхъ швейцарцевъ изъ Панси, только что освобожденныхъ отъ заслуженной каторги. У депутата Гувьона сердце надрывалось отъ стыда. Его братъ былъ въ числѣ убитыхъ швейцарцами въ Панси. Гувьонъ не хотѣлъ больше засѣдать въ собраніи, которое чтило убійцъ: онъ вышелъ, отправился въ армію и тамъ нашелъ смерть ¹⁾.

По недостатку въ запасахъ оружія, аммуниціи и военныхъ снарядовъ ясно видно, что Франція въ военномъ отношеніи была еще совершенно та же, что въ семилѣтнюю войну. Самый тяжелый упрекъ въ этомъ падаетъ на правительство, которое привело все въ упадокъ. Легко зарождалось подозрѣніе, не парочпо-ли оно пренебрегло обороной страны, чтобы предать ее, беззащитную и безоружную, иностранцамъ.

Французскіе историки любятъ сводить и по вопросу о постыдномъ началѣ войны, перевернувшей потомъ всю Европу.

20-го апрѣля объявили войну, намѣреваясь тотчасъ же вторгнуться въ ближайшую сосѣднюю провинцію, Бельгію ²⁾. Бельгія поссорилась съ Австріей. Дюмурье зналъ объ ихъ разладѣ и надѣялся, что враговъ Австріи примутъ съ распростертыми объятіями: солдаты разбѣгутся, не желая бороться противъ революціи, а народъ съ восторгомъ применеть къ своимъ избавителямъ. Правда, здѣсь во вліятельныхъ кругахъ господствовало недовольство, но именно по той причинѣ, по которой революція была имъ еще ненавистнѣе австрійцевъ: были затронуты старыя привилегіи церкви и дворянства. Это-то Дюмурье совершенно и упустилъ изъ виду, рассчитывая въ нѣсколько дней однимъ геройскимъ натискомъ захватить эту провинцію и присоединить ее къ Франціи.

¹⁾ Barante: Convention nationale, I, 40 sqq. — Mortimer-Ternaux: La terreur, I, 60 sqq.

²⁾ Bourgoin: Histoire de la diplomatie de l'Europe pendant la révolution française. Paris, 1865—1867. II. 1. — Renouard: Der französ. Revolutionskrieg. Cassel. 1865. O.

Изъ трехъ армій, съ конца 1791-го года выставленныхъ Франціей на сѣверной и восточной границахъ (Люкнеръ въ Эльзасѣ, Рошамбо во Фландріи и Лафайетъ близъ Меца), вторженіе должна была сдѣлать послѣдняя, центральная.

„Тутъ дѣло идетъ о революціи,—сказалъ королю Рошамбо при распредѣленіи команды,—а въ этомъ Лафайетъ смыслить больше моего“.

Лафайету приказано было съ 10,000 человекъ проникнуть изъ Живе ¹⁾ въ Намюръ, здѣсь стянуть къ себѣ остальные свободные полки его арміи и съ ними (почти 25,000) идти на Брюссель или Лютихъ. Въ подтвержденіе ему велѣли отрядить Рошамбо, не пользовавшемуся большимъ довѣріемъ, три колонны, подъ предводительствомъ генераловъ: Бирона (10,000 чел.), Теобальда Дильона (4,000) и Карля (1,200). Казалось, этихъ 40,000 человекъ было довольно для успѣшнаго сопротивленія много-много 30,000-мъ австрійцевъ.

Начинать дѣйствія назначали не позже 29-го и 30-го апрѣля.

Чрезвычайно плачевенъ исходъ этого смѣлаго плана.

29-го апрѣля Лафайетъ былъ на пути къ Живе, Биронъ къ Монсу, Дильонъ къ Турне. Войска послѣдняго разбѣжались, едва завидя небольшіе отряды непріятели, и въ дикомъ безпорядкѣ устремились въ Лиль, гдѣ съ крикомъ: „Нэмъна! Нэмъна!“ бросились на своего генерала, изрубили его, потомъ еще одного слящепника и офицера, да вздернули на фопари нѣсколько плѣнныхъ австрійцевъ ²⁾.

Биронъ останоился у Монса, гдѣ окончили 3,000 австрійцевъ подъ предводительствомъ Больѣ. Ночью, при приближеніи австрійской копницы, его войска обнаружили уже такое расположеніе къ наникѣ, что олъ назначилъ на утро отступленіе. Оно и началось.

¹⁾ Givet (по мѣстному говору собственно Chivet) маленькій городокъ, играющій важную роль въ системѣ укрѣпленій Шарльмона,—города, лежащаго на лѣвомъ берегу Мааса (близъ Рокруа, въ Арденск. департ.) Онъ раздѣляется на двѣ части. Petit Givet на правой сторонѣ Мааса и соединенный съ нимъ мостикомъ Grand Givet на лѣвой. Въмѣстѣ съ цитаделью Шарльмона и съ усыпанныю рavelинами и шпетами возвышенностью Mont d'Haigя на правомъ берегу Мааса, Живе представляетъ одну изъ сильнѣйшихъ естественныхъ крѣпостей въ мирѣ. Весь этотъ рядъ укрѣпленій, охватывающій Шарльмонъ, устроенъ Людовикомъ XIV. Наипрасно блокировали его конныя войска въ эпоху революціи и Наполеона. Онъ достался лишь русскимъ по второму парижскому миру и былъ очищенъ ими не ранѣе 1818 г., согласно съ опредѣленіемъ вѣнскаго конгресса. Ред.

²⁾ Гейссеръ почерпнулъ извѣстіе объ этихъ плѣнныхъ изъ французскихъ источниковъ. Оно невѣрно: по Зибелю, пользовавшемуся документами у австрійцевъ, въ этотъ день не было захвачено въ плѣнъ ни одного солдата. О.

Но при Киврепѣ ¹⁾ на французовъ напали австрійская конница и пѣхота. Теперь весь полкъ винулся въ полнѣйшемъ разстройствѣ къ Валансьену. Здѣсь бѣглецы намѣревались, по примѣру своихъ лильскихъ товарищей, саблями изрубить „измѣнниковъ“, т. е. Рошамбо, генераловъ и офицеровъ. На основаніи этого рокового извѣстія, Лафайетъ остановился въ Живе, куда пришелъ форсированнымъ маршемъ. Все было кончено ²⁾.

При обсужденіи этихъ событій въ національномъ собраніи 3-го мая, доискались и до настоящей причины бѣдствія. Беньо сообщилъ одно мѣсто изъ памфлета Марата, поразительно разоблачавшее лильскія происшествія: „Вотъ уже болѣе шести мѣсяцевъ, говорилось тамъ, какъ я предсказывалъ, что наши генералы, все отличные придворные лакеи, измѣнятъ націю и покинутъ границы. Надѣюсь, армія раскроетъ глаза и пойметъ, что ея первая задача—изрубить въ куски своихъ генераловъ“.

Будь справедливо, какъ тысячу разъ объявляла якобинская печать, будто французская граница окружена шестипой вражескихъ штыковъ, что бы стоило теперь непріятелю штургнуть черезъ открытыя границы и уничтожить армію, которая ни разу не устояла даже передъ эскадрономъ австрійцевъ? Но и непріятель залюбезничалъ вооруженіемъ. Итакъ, эта первая невзгода, которая легко могла обратиться въ роковую для французовъ, прошла безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Все кончилось фактическимъ перемиріемъ. Но при возобновленіи военной опасности положеніе стало опять довольно критическимъ. Новое войско все еще не являлось. Францію спасли не военные устройства (оно зародилось не ранѣе 1793 г.) и не энтузіазмъ—его не было и слѣдовъ,—а пелѣная и безсовѣтная политика первой коалиціи.

Теперь проходитъ почти три мѣсяца, пока иностранныя державы въ состояніи подойти съ своими войсками къ границамъ Франціи. Въ то мгновеніе, какъ союзники приближаются къ первымъ ея вѣрностямъ, опрокидывается тронъ Людовика. Стало быть, все случившееся въ этотъ промежутокъ времени во Франціи существенно не зависитъ отъ вѣршихъ дѣлъ. Непріятельскій напоръ развѣ ускорилъ катастрофу, но не создалъ ея, ибо она стала неизбежною съ самаго начала. Паденіе короля было неминуемо, какъ только онъ не отдался на волю потока, наводившаго теперь Францію.

¹⁾ Quiévrain — мѣстечко на самой границѣ Франціи и Бельгіи, по дорогѣ изъ Валансьена въ Моусь. Ред.

²⁾ Основанное на документахъ описаніе этихъ событій находится у Зибеля, I, 849 яд. (3-е изд.).

Тутъ вина была съ обѣихъ сторонъ. Не сходящая у вѣхъ съ языка привязанность къ конституціи была столь же сильна во дворцѣ, какъ и въ собраніи. И здѣсь, и тамъ въ ея толкованіи видѣли вопросъ о собственномъ господствѣ и не могли любить формы, которая именно это господство и оставляла все еще сомнительнымъ и спорнымъ.

ГЛАВА XII.

Нападеніе жиронды на тронъ. 20-е іюня.

Едва объявили войну нѣмецкому императору, какъ начали открыто нападать на самый тронъ, все еще маскируясь словами: „конституція и свобода“.

О тогдашнемъ настроеніи короля рассказываютъ сами его приверженцы. Насколько его пассивность допускала чувства ненависти и ожесточенія, они были направлены на новый порядокъ. Въ глубинѣ души ему были противны и національное собраніе, и конституція, и вся его надежда была устремлена на вѣнскую помощь.

Новое министерство образовалось изъ членовъ жиронды, по большей части принадлежавшихъ къ якобинскому кругу. Отношеніе короля къ большинству, изъ котораго оно вышло, не измѣнилось вслѣдствіе этого. Людовикъ не можетъ рѣшиться управлять съ людьми этого большинства, не довѣряетъ имъ, считая ихъ скорѣе тюремщиками, чѣмъ совѣтниками. Скоро обпаружилось, что онъ не слѣдуетъ совѣтамъ министерства. Правда, официально и формально король обращается къ нему, но въ такой формѣ, которая доказываетъ, что онъ видитъ въ немъ лишь свои оковы.

Довѣренными у него были теперь собственно Барнавъ, Дюпонъ, Ламетъ. Они стояли къ нему въ тѣхъ же отношеніяхъ, что и Мирабо подъ конецъ своей жизни.

Для прекращенія всей путаницы, при дворѣ ждали съ плохо скрытымъ томленіемъ сильнаго панора извѣстия. Лица, составлявшія по этому настроенію одно цѣлое, съ королемъ и королевой во главѣ, назывались якобинскою печатью „австрійскимъ комитетомъ“. Но ничего подобнаго не было. Справедливо одно: король не слѣдовалъ внушеніямъ министерства. За кулисами стояли люди, у которыхъ на каждый министерскій совѣтъ готовъ былъ противоположный. И весь этотъ кружокъ ожидалъ, разумѣется, своего

освобожденія отъ переворота, который могли произвести иностранныя державы.

Съ 18-го мая 1793 г. въ національномъ собраніи неоднократно толкуютъ объ этомъ „австрійскомъ комитетѣ“. По поводу весьма смутныхъ и неопредѣленныхъ обвиненій слышатся уже страшныя слова Фоше: „Здѣсь дѣло вовсе не въ нравственномъ достоинствѣ доносовъ, а въ ихъ пользѣ для общественнаго блага“.

Оправдательное королевское письмо открыто выставляютъ нарушениемъ конституціи, и жирондисты всегда стоятъ на первомъ планѣ въ этихъ, все болѣе и болѣе рѣшительныхъ нападеніяхъ, составляющихъ введеніе къ сценамъ 20-го іюня и 10-го августа.

Король дошелъ уже до того, что, гдѣ ни показывался публично, толпы народа преслѣдовали его громкими криками и самой плодотворною бранью.

Другимъ орудіемъ для обвиненія двора послужилъ составъ конституціонной гвардіи.

По уничтоженіи революціоннымъ потокомъ въ октябрѣ 1789 г. старой королевской гвардіи, увидѣли необходимость дать королю вооруженную охрану другого рода. Образовали новую лейбъ-гвардію, частью изъ старыхъ линейныхъ войскъ, частью изъ національныхъ гвардейцевъ помоложе: численность и составъ этого полка опредѣлялись конституціей.

И тутъ вина въ раздорѣ была обоюдная. Для возрастающаго большинства собранія вообще всякая королевская гвардія была помѣхой; дворъ же не щадилъ ничего, чтобы обратить эту гвардію въ безусловно преданный себѣ полкъ. Въ нее включили множество постороннихъ, се усилили лицами, которыя казались двору надежнѣе. Къ національнымъ гвардейцамъ изъ мѣщанъ примѣшали представителей стараго дворянства, пандейцевъ, эмигрантовъ, заклятыхъ противниковъ конституціи. Съ той поры въ полку возникли неудовольствія, и онъ еще болѣе сталъ постоянною мишенью для тѣхъ, кому всякая королевская гвардія была бльзомъ на глазу.

Въ безсмѣнномъ засѣданіи 28-го мая выступилъ Базиръ, желая въ качествѣ обвинителя поднять вопросъ о противномъ конституціи составѣ королевской гвардіи. По его словамъ, при дополненіи ся не соблюдали должныхъ условій, даже открыто нарушили ихъ. Въместо честныхъ людей втиснули въ нее „прежнихъ тѣлохранителей (gardes du corps), молодыхъ сомниаристовъ, лишь для мундира сбросившихъ съ себя духовное одѣяніе, прамыхъ выходцевъ изъ Кобленца“, и т. п.

Онъ такъ ловко счумѣлъ перемѣшать дерзкіе вымыслы съ

фактами, подтверждаемыми мемуарами Кампановъ, что распущеніе гвардіи можетъ показаться чуть не необходимостью.

Къ этому Кутонъ присоединяетъ съ якобинскою манерою еще болѣе ненавистныя обвиненія, именно доказываетъ, что во дворцѣ радовались неудачамъ французской арміи на сѣверо-восточной границѣ. Гдѣ недостаточно грубаго тона клеветы подобныхъ господъ, тамъ на помощь союзникамъ является ораторское искусство разныхъ Гаде и Верньо.

„Что имя, спрашиваетъ Верньо, непрерывно призываютъ, или, лучше, поминутно носятъ при извѣстныхъ вамъ постыдныхъ оргіяхъ? Имя короля. Что имя произносятъ или позорятъ при тайныхъ козняхъ, затѣваемыхъ для нарушенія спокойствія и усиленія волненій? Имя короля. Что имя призывается при издѣваніяхъ надъ конституціей, при заявленіяхъ ненависти къ свободѣ и закону? И какую любовь выставляютъ предлогомъ къ сопротивленію всему? Любовь къ королю“, и т. д.

И вотъ, восстанавливается распустить находящуюся налицо гвардію и немедленно возобновить ее на законныхъ условіяхъ: а пока должность при королѣ отправлять парижской національной гвардіи.

Задняя мысль ясна. Король потерялъ послѣдній оплотъ, сколько нибудь охранявшій его. У него отнималось всякое оружіе, всякая защита. Это было еще однимъ важнымъ шагомъ ближе къ идеалу жиронды, къ положенію, въ которомъ королевская власть сама себя уничтожаетъ ¹⁾.

¹⁾ Вотъ замѣтки Гейссера, объясняющія положеніе жирондистовъ въ маѣ 1792 года.

Издателя Hist. parlem. (XIV, 230 вѣр.) доказали, какъ жирондисты въ маѣ 1792 г. постоянно колебались между фельянами и якобинцами и старались лавировать при подачѣ голосовъ. О положеніи партій тамъ говорится (стр. 232): „Жирондисты называли себя патриотами, фельяны умѣренными, а монтаньяровъ бѣшеными. Brissot (Patriote français отъ 18-го мая) такъ опредѣляетъ эти три названія:

„Патріотъ—другъ народа и конституція“.

„Умѣренный—ложный другъ конституціи и врагъ народа“.

„Бѣшенный—ложный другъ народа и врагъ конституціи“.

„Въ полемикѣ жирондисты называли „Comité Autrichien“ предводителей умѣренныхъ, а „трибуналы или заговорщиками“,—предводителей бѣшенныхъ. Фельяны и монтаньяры нападали лишь на одного врага и на одно имя; первые боролись съ а н а р х и с т а м и, вторые съ и н т р и г а н а м и“.

Чѣмъ больше, такимъ образомъ, жирондистовъ раздѣляютъ партіи, тѣмъ рѣшительнѣе собирается оной Робеспьера илотная фаланга позвѣвшихъ террористовъ. Съ своею „чистою добродѣтелью“, неподкупностью, холодною послѣдовательностью и своими вкрадчивыми доносами оны уже и теперь умѣютъ подрывать почву подъ жирондистской партией. Замѣчательнымъ доказательствомъ этому служатъ одна статья въ его Défenseur de la constitution подъ названіемъ: „Главные причины нашихъ бѣдствій (Hist parlem.

За обезоруженіемъ короля слѣдовало вооруженіе жирондистскихъ якобинцевъ.

6-го іюня рѣшено, по предложенію, за два дня явившемуся отъ военнаго министра Сервана, учредить постоянное войско изъ 20,000 человекъ, т. е. изъ 20,000 якобинцевъ. Оно составлялось посредствомъ набора по пяти вооруженныхъ изъ каждаго кантона государства. Въ годовщину разрушенія Бастили въ первый разъ повобранцы должны были стать подъ ружье, чтобы затѣмъ расположиться лагеремъ подъ Парижемъ. Одинокіе голоса, предсказывавшіе ужасную опасность такого постановленія для самихъ его виновниковъ, были заглушены бурей одобреній, приѣтствовавшихъ съ галлерей эту мысль.

Подъ предлогомъ заботы о лучшей защитѣ короля и столицы создали войско, готовое въ дни крови рѣшительно дѣйствовать заодно съ якобинцами.

Понятно, что король наложилъ свой запретъ на этотъ послѣдній законъ. У него отняли гвардію и, вмѣсто вознагражденія за нее, созвали со всей Франціи въ Парижъ 20,000 человекъ якобинской молодежи.

И второго декрета, еще болѣе усилившаго наказаніе неприкаянныхъ священниковъ, изгонявшаго ихъ, онъ не принялъ, подобно первому, отмѣченному уже его запретомъ.

Тутъ министры Серванъ, Роланъ и Клавьеръ подали въ отставку. Ей этому нельзя было придаться: министры отождествлялись съ упомянутыми декретами. Король отставилъ ихъ: это—его право.

Теперь однако началась недостойная, преступная интрига. Ужъ, разумѣется, если у короля и было еще какое-нибудь право, такъ

XIV, 397 вѣд.)⁴. Тутъ сначала идутъ общія замѣчанія, совершенно въ Робеспьеровскомъ притворно-лицемерномъ духѣ, именно противъ двора, упрекаемого за всѣ бѣдствія. Онъ будто бы создалъ партіи, которыя теперь медленно дѣйствуютъ въ реакціонномъ духѣ. „Между тѣмъ какъ одни открыто защищаютъ основы конституціи, другіе словно держатся срединъ между нею и свободой, третьи придаютъ своимъ мнѣніямъ отчетливый оттѣнокъ патріотизма и называютъ себя защитниками народныхъ нравъ, но эти господа незамѣтно идутъ извѣстными тропами въ общей дѣлѣ всѣхъ враговъ конституціи“, и проч. Затѣмъ, послѣ многихъ второстепенныхъ замѣчаній, статья возвращается къ учрежденію собранію, будто и тамъ всего больше надѣлала вреда подобная партія. Наконецъ, послѣ долгихъ приготовленій, она говоритъ совершенно прямо: „Самые извѣстные вожди партіи заговорщиковъ, о которой я намѣренъ говорить, гг. Бриссо и Кондорсе. За этими именами слѣдуютъ имена многихъ депутатовъ изъ Бордо, гг. Гаде, Верньо, Жансонне... И сейчасъ набросаю вѣрную исторію ихъ политическаго поведенія“. Тутъ приводится множество обвиненій. Самое важное — подача голосовъ въ различныхъ случаяхъ, при которыхъ жирондисты явились или друзьями порядка, или прямо шли заодно съ фельянами.

это увольнять своих советниковъ, замѣняя ихъ по своему выбору другими. Оттого-то было бы нежелательно безсовестною дерзостью самимъ министрамъ ставить ему это въ преступленіе.

А здѣсь именно такъ и случилось.

Привели въ дѣйствіе хорошо организованную машину клубовъ. Якобинская печать неистовствовала противъ короля. Прежній министръ внутреннихъ дѣлъ, Фуланъ, обнародовалъ въ національномъ собраніи свое письмо къ королю отъ 10-го іюня. Оно было наполнено безстыднѣйшими обвиненіями, которыя въ каждомъ монархическомъ государствѣ подняли бы противъ автора процесъ объ оскорбленіи величества. Обнародованіе, кромѣ того, нарушало общанную тайну. Пустили въ ходъ то же самое, что впоследствии низвергло самую жиронду.

Теперь людямъ второго и третьяго сорта показалось, что ихъ часъ насталъ. Въ собраніи съ восторгомъ встрѣчаютъ отставленныхъ министровъ. Тѣ самые, кому ничего не могло быть пріятнѣе увольненія королемъ жирондистовъ, обѣсились и неистовствовали по поводу противоконституціонной министерской перемѣны. И всякому, кто за послѣднее время едва сдерживалъ свое нетерпѣніе, теперь, наконецъ, показалось, что близка минута, общавшая послѣднимъ натискомъ опрокинуть этотъ тронъ. Въ Тюльерійскомъ саду уже прочли пѣльмъ тысячамъ народа брошюрку, угрожающую смертью „чудовищу“ Людовику XVI.

За два дня до мятежа, 18-го іюня, Лафайетъ, какъ всегда вредившій королевской власти при своемъ желаніи служить ей, прислалъ національному собранію письмо, гдѣ въ длинной, уверительной проповѣди рѣзко излагалъ свое мнѣніе.

Въ этомъ письмѣ такъ превосходно высказывалось собранію множество неоспоримыхъ истинъ, что его, несмотря на частыя и сильныя выходы противъ якобинцевъ, приняли съ полнымъ одобреніемъ. Тѣмъ не менѣе, было прямо противно конституціи, чтобы генераль, какъ Лафайетъ, говорилъ такимъ топомъ съ законодательнымъ собраніемъ. На это совершенно вѣрно указалъ впоследствии Верньо.

Письмо изображаетъ состояніе Франціи и вытекающія отсюда обязанности національнаго собранія. „Положеніе сомнительно. Франціи угрожаетъ опасность извнѣ и волненіе внутри. Пока иностранные дворы заявляютъ возмутительное намѣреніе посягнуть на наше національное величіе и становятся врагами Франціи, ея *внутренніе враги*, въ упоеніи фанатизмомъ или тщеславіемъ, ищутъ призрачныя надежды, да еще мучатъ насъ своимъ вызывающимъ педоброжелательствомъ.

„Вы обязаны подавить ихъ. Это до тѣхъ только поръ въ вашей власти, пока вы вѣрны конституціи и закону“.

Винютивъ всякаго нарушенія спокойствія и всего несчастія—я в о б и н ц и. Ихъ слѣдуетъ преодолѣть. „Можете ли вы не видѣть, что шайка,—во избѣжаніе неясности назову ее по имени—шайка я в о б и н ц е в ъ произвела всѣ эти безпорядки? Оттого-то я громко обвиняю ее. Организованная словно государство въ государствѣ, предводимая въ столицѣ и въ побочныхъ кружкахъ нѣтъ ея какими-то честолюбцами, эта секта образуетъ отдѣльное общество среди французскаго народа. Она вырываетъ у него власть, угнетая его представителей и уполномоченныхъ.“

„Тамъ, въ ея публичныхъ засѣданіяхъ, вѣрность закону называется аристократизмомъ, а его нарушеніе—любовью къ отечеству. Тамъ дьявольскимъ одобреніемъ встрѣчаютъ убійцъ и преступниковъ“.

Эти анархисты лѣвой стороны ничто иное, какъ сообщники реакціонныхъ заговорщиковъ правой.

„Что за поразительное сходство въ языкѣ между сектантами аристократіи и тѣми, которые присвоиваютъ себѣ имя патриотовъ! Всѣмъ имъ хочется ниспровергнуть наши законы. Всѣ они наслаждаются волненіемъ, встаютъ противъ властей, учрежденныхъ пародомъ, ненавидятъ національную гвардію, проповѣдуютъ арміи неповиновеніе, посягаютъ то на добродѣль, то на умъ“.

Тутъ идетъ длинное мѣсто рго до то, гдѣ онъ говоритъ собранію, кто и что онъ такое. Онъ становится какъ бы страницей всеобщей исторіи, перечисляя всѣ свои подвиги ради свободы и въ Америкѣ. куда онъ отправился, узнавъ отъ посланниковъ, что дѣло свободы проиграно, и во Франціи, гдѣ онъ, 11-го іюня 1789 года, предлагая объявленіе человѣческихъ правъ, осмѣлился сказать: „Чтобы быть свободной, націи достаточно пожелать этого“.

Все, что ли говорилъ „солдатъ свободы“, довольно справедливо. Но тѣмъ не менѣе письмо это вообще было огромною ошибкой. Разумѣется, онъ отважился на то, на что теперь во всей Франціи уже ни у кого не хватало духу. Но онъ сдѣлалъ это слишкомъ поздно, чтобы принести пользу, зато довольно своевременно, чтобы нанести послѣдній ударъ своему дѣлу.

Лафайетъ вызвалъ яковинцевъ на смертный бой, и они не сдѣлали слова руки. Вечеромъ, во время своего засѣданія, клубъ снова огласился страшными угрозами противъ генерала, который самъ себя изблжилъ, какъ новыи Монкъ. Перчатка была поднята.

10-го іюня сообщили собранію, что король наложилъ свой запретъ на декретъ противъ священниковъ и на наборъ 20,000 федератовъ. Въ тотъ же день началась по предметямъ та без-

покойная хлещотливость, которая обмановенно предшествуетъ ближнему взрыву.

Революціонныя звѣзды второй и третьей величины думали, что довольно сказано пустыхъ словъ и настало время дѣйствовать. Во всякой революціи есть такіе второстепенные дѣятели. Они не способны на великія роли, за то положительно необходимы для руководства мятежемъ, для устройства бурныхъ просьбъ и важныхъ волненій. По парижскимъ предмѣстьямъ не было недостатка въ подобныхъ силахъ.

Пивоваръ Сантеръ, требовавшій въ послѣдствіи прощенія надога съ огромнаго количества пива, раздареннаго имъ революціонерамъ въ 1789 и 1790 годахъ, мясникъ Лежандръ, водотыхъ дѣлъ мастеръ и потомъ генераль Россиньоль, обѣдѣвшіе дворяне, въ родѣ сумасшедшаго мареза С. Гюрюжъ и поляка Лазовскаго, многообѣщавшіе бандиты, въ родѣ Александра и Фурнье,—вотъ люди, которыхъ заставляли дѣлать то, за что не желали отвѣчать сами, которыхъ выдвигали впередъ, при неудачѣ отрекаясь отъ нихъ, а при успѣхѣ пожиная плоды ихъ преступленій. Этому кружку надоѣло положеніе Франціи, и, раздраженный полумѣтрами, онъ сталъ думать: „Надо намъ взяться за дѣло: одинъ толчекъ—и королевская власть рухнетъ“¹⁾.

Съ начала іюня въ предмѣстьѣ С.-Антуанъ находился избранный кружокъ „мирныхъ гражданъ“, какъ они называли себя, собиравшійся въ церкви Воспитательнаго Дома „для назиданія въ своихъ правахъ и обязанностяхъ“. Тамъ стояла кафедра Сантера и его друзей. Тамъ же было и гнѣздо заговора, который 20-го іюня устроилъ свою первую значительную демонстрацію, и виновники коего не пуждались ни въ министерской перемѣлѣ 12-го, ни въ запретѣ 19-го числа, чтобы понять свои желанія.

Городскія власти во-время получили достовѣрное извѣстіе о томъ, что 20-го іюля, будучи демонстрація со стороны массы. Департаментская директорія не щадила труда для побужденія мера къ энергическимъ мѣрамъ противъ нея. Но меръ, Петионъ, нарочно оставался въ полномъ бездѣйствіи. Также рѣшилось поступить и національное собраніе. Вечеромъ 19-го іюня депутація марсельскихъ гражданъ подала ему просьбу, въ которой говорилось: „Накопецъ, наступилъ день народной мести. Левъ, обыкновенно великодушный, теперь же черезчуръ раздраженный, поднимется съ своего логовища и устремится на стаю своихъ враговъ“. При неистовомъ одобреніи лѣвой стороны постановили, несмотря

¹⁾ Для всего послѣдующаго см. Mortimer-Ternaux. I, 180 sqq., и Sybel. I. 366 sqq. O.

на возраженіе негодующей правой, напечатать этотъ документъ и разослать по 83-мъ департаментамъ. По прочтеніи предложеній директоріи насчетъ сохраненія спокойствія и порядка, собраніе молча, перешло къ очереднымъ дѣламъ!

Итакъ, предметамъ ничто не препятствовало посѣтить, въ праздникъ воспоминанія засѣданія въ мясной залѣ, національное собраніе, равно какъ и „господина и госпожу veto“.

20-го іюня къ полудню жители предметій появились близъ Тюлерійскаго сада. То было 30—40 тысячъ конейщиковъ и другихъ вооруженныхъ. Ихъ окружало и тѣснило пропасть безоружныхъ ротозѣевъ и праздношатающихся, женщинъ и дѣтей.

Національное собраніе знало о приближеніи вооруженныхъ просителей. Ему пришлось обсудить свое поведеніе на случай, если масса потребуетъ доступа въ его святилище и чести засѣдать въ немъ. Совѣщанія были въ полномъ ходу, какъ вдругъ на улицѣ поднялся шумъ и въ то же время председателю подали бумагу отъ пивовара Сантера. Онъ требовалъ, отъ имени предметія С.-Антуапъ, допустить его со свитой къ рѣшетѣ въ залѣ. Тутъ возникаютъ горячія пренія. Между тѣмъ какъ одинъ сообщаетъ, что просителей на улицѣ 800 вооруженныхъ человекъ, другой замѣчаетъ лѣвой сторопѣ, требующей допущенія: „Исно—вы призвали конейщиковъ и теперь не отдѣляетесь отъ нихъ“. Въ ту минуту, какъ споры становятся все горячѣе, масса на улицѣ реветъ отъ нетерпѣнія. Она вдругъ появляется въ залѣ у рѣшетки, не дожидаясь ничего разрѣшенія. Удастся однако увѣщаніями принудить ворвавшихся выйти на время, пока не окончилось совѣщаніе. Когда, вслѣдъ ватѣмъ, были открыты двери, одинъ изъ ораторовъ прочелъ длинную, напыщенную рѣчь, гдѣ на каждомъ словѣ упоминались Катилина и другіе герои древности. Королю въ ужасныхъ выраженіяхъ угрожалось смертію. „Заговоръ открытъ. Часъ насталъ. Пасажденное нами дерево свободы мирно зазеленѣть. Возможна-ли для короля другая воля, кромѣ воли закона? У народа также есть воля. Его голова больше вѣситъ, чѣмъ головы вѣпчаныхъ деспотовъ. Эта голова — родословное древо націй, и передъ коренастымъ дубомъ должна склониться слабая трость“.

И вотъ начинается торжественное шествіе патриотовъ изъ предметій. С. Гюрюжъ и Сантеръ стоятъ у трибуны и командуютъ львинымъ голосомъ. При барабанномъ боѣ, пѣніи и дивныхъ восклицаніяхъ маршируетъ и танцуетъ масса черезъ весь залъ. Въ толпѣ, нестрѣбующей разнообразнымъ оружіемъ, виднѣются невинныя шалуны и дѣти, которыхъ танцили матери за собой.

Церемонія длилась цѣлый часъ. Когда послѣдній изъ ея уча-

стниковъ повинулъ залъ, Сантеръ и С. Гюрюжъ посиѣшили во главу своихъ колоннъ, чтобы предводительствовать во второмъ визитѣ, сдѣланномъ въ Тюкелери дворцу.

Тамъ, частію въ саду, частію по близости, стояло 22 батальона національной гвардіи, такъ что входы во все рѣшительно королевскіе покои были защищены отъ всякаго нападенія. Но начальникъ гвардіи поступалъ, какъ Петіонъ. Онъ не двинулся съ мѣста и исчезъ при первой возможности.

Толпа осаждаеть главные ворота дворца. Городскіе офицеры отбиваютъ ее; но при объявленіи, что „право просьбы священно“, пропускаютъ къ королю черезъ боковой входъ нѣсколькихъ вооруженныхъ. Такимъ образомъ ворота открываются изнутри, и масса устремляется во дворецъ.

Въ залѣ l'Oeil de Bœuf находился король съ тремя изъ своихъ министровъ и многими волонтерами національной гвардіи. Въ то время, какъ наружная дверь задрожала подъ ударами топороль и ружейныхъ прикладовъ, которыми напиралаящая толпа пробивала себѣ входъ, во внутреннюю дверь, на помощь королю, вошло нѣсколько національныхъ гвардейцевъ, готовыхъ защищать его отъ всякаго насилія. Когда ворвалась чернь и стала грозить этому слабому отряду пиками, саблями, штыками, онъ геройски прикрылъ собою короля. Втиснутые въ оконную нишу, осажденные видѣли, какъ залу быстро наводняла дикая толпа, непрерывно кричавшая съ грозными жестами: „Долой господина Veto! Къ чорту Veto! Пусть онъ опять возьметъ министровъ-патріотовъ! Безъ того мы не уйдемъ!“

Король и кучка его защитниковъ служили въ трехчасовой неописанной суматохѣ примѣромъ непоколебимаго, изумительнаго хладнокровія.

Когда, въ минуту затишья, мясникъ Лежандръ бросилъ королю въ лицо безстыдное оскорбленіе, тотъ возразилъ съ полнымъ достоинствомъ спокойствіемъ: „Я буду поступать согласно съ конституціей и рѣшеніями національнаго собранія“.

„Долой короля!“ заревѣли изъ толпы. На короля нахлобучивается красная шапка, причеиъ раздается: „Да здравствуетъ нація!“ и даже: „Да здравствуетъ король!“ Эта сцена длилась часъ. Король только-что опорожнилъ за благоденствіе парижскаго народа стаканъ, поданный изнеможену монарху какимъ-то національнымъ гвардейцемъ, какъ Верньо и Инаръ, съ двумя депутатами правой стороны, пробрались къ нему. Однако и ихъ усиліямъ не удалось разсѣять толпу. Часъ спустя, явился, наконецъ, Петіонъ. Онъ извинялся, будто дѣйствительно и вѣрно не зналъ ничего о происходившемъ во дворцѣ. Онъ не смелъ пужнымъ прика-

зять молчать одному юношѣ, закричавшему королю: „Утвержденіе декретовъ, ихъ исполненіе, или смерть вамъ!“

Почти три часа волны потока то нахлынутъ, то отольютъ. Наконецъ, онъ началъ стекать. Пароля: „Бей короля!“ не дали. Причина того, что его не импровизовали, разумѣется, лишь въ твердости короля и его приближенныхъ, обезоружившей трусливую чернь.

Между тѣмъ, королева съ дофиномъ вынесла въ совѣщательной залѣ подобное же испытаніе. Въ этотъ день и она ни на мгновеніе не измѣнила своему достоинству. Не одна изъ страшныхъ рыбныхъ торговыхъ, подступавшихъ къ ней съ ругательствами, чувствовала себя побѣжденною величіемъ, съ которымъ Марія-Антуанета обращалась къ нимъ. Одна изъ нихъ осмѣлилась королеву свирѣпыми проклятіями и бранью, но такъ была потрясена ея гордымъ выраженіемъ, что со слезами просила прощенія. Даже у пивовара Сантера смягчилось сердце. Онъ самъ спялъ съ дофина красную шальку, такъ валь въ ней „слишкомъ жарко“ бѣдняжкѣ.

Не раньше половины девятого, вечеромъ, свидѣлась, по очищеніи всѣхъ покоевъ, несчастная королевская чета. Людовикъ и Марія-Антуанета въ слезахъ бросились другъ другу въ объятія.

Въ числѣ тысячи любопытныхъ, глазѣвшихъ на суматоху въ Тюлери, находился одинъ молодой артиллерійскій капитанъ. Скрестивъ на груди руки, ходилъ онъ нетерпѣливо взадъ и впередъ съ двумя своими товарищами. То былъ Бонапартъ. Онъ не понималъ снисхожденія короля и думалъ: „Будь у меня хоть 3—4 пушки, я разъялъ бы всѣхъ этихъ каналій!“

Разумѣется, легко было съ небольшими усиліями избавиться отъ сводочи. Но если бы и случилось такъ, все-таки королевская власть была уже погибшей.

К. Г. Д.

Впечатлѣніе происшествій 20-го іюня. Лафайетъ въ Парижѣ.

20-е іюня кончилось, какъ мальчишеская выходка. Если не дошли до преступленія, то и не достигли никакого политическаго результата. Достаточно повода, чтобы всякій, сколько-нибудь дорожившій еще внѣшней благопристойностью, отказался отъ дѣла. Тѣмъ болѣе жиронда. Для отреченія отъ мятежниковъ 20-го числа ей стоило схватиться лишь за побѣдоносныя возстанія.

Всѣхъ же другихъ отрезвило впечатлѣніе дня. И въ столицѣ, и по провинціямъ зашевелились искропніе приверженцы консти-

туции: Поднялась буря адресовъ въ пользу королевской власти и законнаго порядка. Проявлялось порой страстное негодование на возмутительныя, недостойныя сцены того дня. Устыдились, что во всемъ Парижѣ не нашлось и 200 смѣльчаковъ для защиты безоружнаго короля отъ пьяной шайки.

Будь возможно спасеніе монархіи, настроеніе слѣдующихъ за 20-мъ числомъ дней отрывало въ этомъ отношеніи самую отрадную перспективу. Уличный скандалъ снова повернулъ общественное мнѣніе въ пользу короля. Теперь осмѣлились выступить тѣ, кому пришлось по душѣ письмо Лафайета, кто ненавидѣлъ правленіе влюбовъ. Замѣтили пронасть, до которой дошли. Между тѣмъ, какъ шло слѣдствіе надъ забывшимъ свой долгъ Петіономъ и его сообщниками, а вкруги лучшихъ парижскихъ гражданъ обходилъ энергичный протестъ противъ нарушенія законовъ 20-го іюня, быстро покрытый 20,000 подписей, въ національномъ собраніи выступилъ противъ якобинцевъ якобинецъ же: Дельфо торжественно отрекся отъ влѣба, въ которому доселѣ принадлежалъ. Онъ потребовалъ, при безпрерывныхъ яростныхъ возраженіяхъ лѣвой стороны, смертнаго приговора „чудовищу“, 200-мъ патріотическимъ обществамъ, которыя, руководя Парижемъ, покрыли все государство сѣтью организованнаго возмущенія.

И Лафайету не было покоя въ его лагерѣ у Ванз. На этотъ разъ онъ не послалъ письма, а самъ пріѣхалъ въ Парижъ въ сопровожденіи лишь одного адъютанта. Это было уже немного больше, чѣмъ можно было вообще ожидать отъ него, но для дѣла все-таки мало. Чтобы раздавить якобинцевъ, ему не слѣдовало пріѣзжать одному. А онъ именно считалъ себя цѣлою арміей.

Съ дерзкою отвагой пренебрегая угрозами своихъ глубоко-раздраженныхъ противниковъ, онъ обнаружилъ всю свойственную ему неустрашимую рыцарственность. Лично это было смѣло и доблестно, и превосходно доказывало, на что способенъ отдѣльный храбрый человекъ. Для спасенія же королевской власти и уничтоженія якобинцевъ, которымъ онъ поклялся смертью, ему слѣдовало привести армію или преобразовать національную гвардію, во всякомъ случаѣ не терять ни минуты.

Вмѣсто своихъ полковъ, онъ привезъ національному собранію, въ величайшему усвоенію струсившихъ-было якобинцевъ, только адресъ отъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Отъ ихъ имени онъ потребовалъ наказанія мятежниковъ и уничтоженія поджигавшей ихъ секты террористовъ.

Пріемъ, оказанный Лафайету, былъ ободрителенъ. Несмотря на нападенія жиронды и якобинцевъ, удалось говорить оратору правой стороны. Въ длинномъ напегирикѣ прославляя онъ Лафайета,

какъ „первенца французской свободы“. Однако положеніе было не таково, чтобы подобные отдѣльные случаи значили что-нибудь. То, что недавно затѣяли и выполнили глупо и поребячески, могло повториться уже какъ преступленіе, съ большою ловкостью и усилѣхомъ.

Когда Лафайетъ прибылъ въ Тюлери, національные гвардейцы привѣтствовали его съ полнымъ воодушевленіемъ, но король принялъ равнодушно и холодно. Обмѣнявшись немногими, довольно незначительными словами, генераль откланялся. По удаленіи его, сестра короля воскликнула: „Забудемъ прошлое, бросимся въ объятія единственнаго человѣка, который можетъ спасти насъ!“ Королева возразила на это: „Лучше погибнуть, чѣмъ быть обязаннымъ спасеніемъ Лафайету съ конституціоналистами“.

Въ національномъ собраніи спосный, въ Тюлери дурной пріемъ—вотъ пока весь результатъ смѣлаго путешествія, за которое такъ легко было заплатить жизнью. Когда теперь Лафайетъ устроилъ сходку для всѣхъ своихъ приверженцевъ, чтобы вечеромъ 29 числа напасть врасплохъ на якобинскій клубъ, большинство не пришло, — и опъ увидѣлъ себя повинутымъ. И болѣе отважныхъ конституціоналистовъ парализовало именно убѣжденіе, что дворъ неисправимъ, что всякая удачная мѣра въ его пользу облегчаетъ побѣду эмигрантамъ. Даже самъ Лафайетъ какъ-то чувствовалъ, что не легко было удержать разъ начавшуюся реакцію. Въ сущности объ это разбились и другіе планы, предложенные королю однимъ изъ его министровъ, причемъ Лафайету выпадала также главная роль. Хотѣли съ помощью національной гвардіи разогнать якобинскій клубъ и сдѣлать безвредными его вождей. Затѣмъ, подъ прикрытіемъ арміи, отвезти короля въ Компьентъ. На границахъ собрать войска для отраженія непріятеля. Политику великихъ державъ обезоружить объявленіемъ: „Вы намъ не нужны. Мы сами справились съ анархіей“. Такимъ образомъ постараться достигнуть полнаго мира.

Планъ начертали правильно и въ широкихъ размѣрахъ. Но для его успѣха нужно было, чтобы монархъ и монархисты были совѣмъ другими людьми и чтобы кромѣ смѣлой рѣшимости, не достававшей ни королю, ни Лафайету, между обоими существовало довѣріе. Его же никогда не было, да и не могло возникнуть, пока при слабомъ государѣ послѣднее рѣшеніе принадлежало королевѣ.

Итакъ, Лафайетъ только погромѣлъ саблей, да представилъ совершенно бесполезное доказательство своего личнаго мужества.

Якобинцы разразились язвительными лякованіями, когда 30-го

іюня „генераль конституціи“ уѣхалъ изъ Парижа, послѣ 48-ми часового пребыванія въ немъ. Сначала они запрятались-было, думая, что онъ придетъ съ 3 или 4 полками, къ которымъ тотчасъ присоединилась бы большая часть національной гвардіи, для нанесенія имъ рѣшительнаго удара. Когда же онъ ничего не сдѣлалъ, къ нимъ быстро вернулась прежняя дерзость. Они даже предупредили нападеніе.

И все-таки, при рѣшительности и мужествѣ, какъ легко еще было сдѣлать что-нибудь! Два раза предлагали въ національномъ собраніи объявить подсудимымъ вѣроломнаго генерала, и два раза предложеніе это было отвергнуто большинствомъ двухъ третей.

Здѣсь, слѣдовательно, можно было чего-нибудь достигнуть, стоило лишь захотѣть. Но уже пропало даромъ 12 дней послѣ 20-го іюня, и жирюда, съ своей стороны, пошла впередъ рѣшительнымъ шагомъ.

Планы спасенія. Верньо и „Отечество въ опасности“.

2-го іюля повторили въ другой формѣ отвергнутое сперва королемъ рѣшеніе 8-го іюня, относительно устройства подъ Парижемъ якобинскаго лагеря. Теперь опустили только слова: „союзники (fedérés)“, и король согласился. На другой день Верньо взошелъ на трибуну и произнесъ свою извѣстную знаменитую рѣчь на тему: „Отечество въ опасности!“

Національное собраніе находилось подъ впечатлѣніемъ тяжелыхъ слуховъ, что маршалъ Люкперъ принужденъ былъ отступить съ вѣрною арміей въ Лилъ и Валансьенъ и жажечъ при этомъ предмѣстья Куртре. Ораторъ съ этого и началъ.

„Мы ожидаемъ извѣстія о побѣдоносномъ наступленіи, а вмѣсто того узнаемъ о малодушномъ бѣгствѣ. Покидаются выгодныя позиціи. Театръ войны переносится изъ сосѣдней земли въ наши собственныя владѣнія. А несчастнымъ бельгійцамъ остается на память о насъ лишь пламя пожара, свѣтившее намъ при отступленіи. При этомъ надвигаются пруссаки и австрійцы. Первые уже ближе къ нашимъ границамъ, чѣмъ бы намъ слѣдовало думать по успокоительнымъ увѣреніямъ нашихъ министровъ.

„Между тѣмъ какъ вышнія дѣла сложились такъ, что малѣйшее замедленіе, ничтожнѣйшій промахъ могутъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія, внутри Франціи зрѣетъ противореволюція. Дворянство и священники возстаютъ открыто. И все это, дѣйствительно или только по виду, совершается во имя короля.

„Во имя короля французскіе припцы вызвали противъ Франціи всѣ европейскіе дворы. Изъ мести за королевское достоинство создали Пильницкій договоръ. Ради защиты короля сѣбшать отряды старыхъ тѣлохранителей (gardes du corps) въ Германію подъ знамя возстанія. Чтобы помочь королю, эмигранты выпрашиваютъ себѣ, какъ милостыни, мѣста въ австрійскихъ войскахъ и ополчаются на терзаніе нѣдръ своего отечества. Для присоединенія къ этимъ страпствующимъ рыцарямъ королевскихъ привиллегій дезертируютъ съ своихъ постовъ, при видѣ врага, другіе странствующие рыцари, исполненные чувства чести и деликатности. Они попираютъ ногами присягу, обкрадываютъ кассы, подкупаютъ солдатъ. Такимъ образомъ слава для нихъ въ трусости и влѣтвоступленіи, въ дезертиствѣ, въ воровствѣ и убійствѣ! Для блеска престола ведетъ съ нами войну венгро-богемскій король, подвигается къ границамъ прусскій. Во имя короля нападаютъ на свободу. Если бы удалось уничтожить ее, быстро растерзали бы государство, чтобы его лоскутками вознаградить союзныя державы за издержки. Словомъ, единственная причина, единственный предлогъ для всѣхъ бѣдствій и страданій, обрушившихся на насъ и еще угрожающихъ намъ въ будущемъ,—имя короля“.

Тутъ ораторъ останавливается. Словъ, что у него на языкѣ, онъ не произноситъ. Онъ не дѣлаетъ вывода, неизбежно вытекающаго изъ посылковъ. Онъ облекаетъ его въ длинный рядъ гипотезъ, набросанныхъ и сгруппированныхъ съ удивительнымъ искусствомъ.

„Предположимъ, что противъ 100,000 австрійцевъ и 100,000 пруссаковъ мы выставимъ лишь отряды въ 10—20,000 человекъ. Предположимъ, что мѣры, самыя необходимыя для защиты страны, принимаютъ слишкомъ тихо, медленно, что изъ двухъ генераловъ, руководящихъ отраженіемъ непріятеля, одинъ подозрителенъ; другой принужденъ не побѣждать. Предположимъ, наконецъ, что Франція плаваетъ въ крови, падъ нами господствуютъ иностранцы, конституція ниспровергнута, противореволуція въ полномъ ходу. И при всемъ этомъ король говоритъ въ свое оправданіе: „Я не сообщникъ тѣхъ, которые возвратили мнѣ мои права. Я не нарушилъ точныхъ требованій конституціи (въ частностяхъ это случается)“.

„Нація тогда была бы вправѣ отвѣтить своему королю: „О, король! Ты, навѣрное, думаешь, подобно тирану Лизандру, что истина не дороже лжи, и что взрослыхъ морочатъ клятвами, какъ дѣтей забавляютъ игрушками. Ты прикидывался любящимъ законы только ради спасенія власти, служившей тебѣ для сопро-

тивленія имъ. Ты принялъ конституцію лишь потому, что не желалъ быть низверженнымъ съ престола, на которомъ оставался для ея разрушенія. Ты внушилъ довѣріе націи, чтобы только она не мѣшала успѣху твоего вѣроломства. И ты хочешь провести насъ теперь лицемѣрными клятвами?.. Пѣтъ, пѣтъ! Ты, котораго не могло тронуть великодушіе французовъ, ты, который способенъ чувствовать братолюбіе деспота, ты не выполнилъ своихъ конституціонныхъ обѣтовъ! Ты уже ничто для этой конституціи, позорно нарушенной тобою; ты уже ничто для народа, которому такъ трусливо измѣнилъ“!

Буря неистовыхъ одобреній прервала здѣсь оратора, какъ прерывала почти на каждомъ значительномъ мѣстѣ его рѣчи.

Предложеніе его клонилось къ объявленію отечества въ опасности, т. е. всей Франціи въ осадномъ положеніи и подъ диктатурой національнаго собранія.

Въ заключеніе Верньо напомнилъ собранію о послѣднемъ средствѣ, если бы все другое не удалось, средствѣ, которое по крайней мѣрѣ упрочило бы за нимъ безсмертіе въ потомствѣ. „Оно достойно возвышеннаго призванія, выполняемаго вами, достойно народа, вами представляемаго. Подражайте доблестнымъ спартамцамъ, что пожертвовали собою у Фермопилъ, почтеннымъ сенаторамъ, что неподвижно ожидали смерти отъ руки дикихъ враговъ! Пѣтъ, вамъ незачѣмъ молиться, чтобы изъ вашего праха возникли мстители за васъ! Въ тотъ день, какъ земля обогрится вашею кровью, навѣки исчезнетъ предъ всемогуществомъ націи и народнои ненависти тиранія вмѣстѣ съ своей славой, своими дворцами, своими защитниками и льстецами! И если бы ваши послѣднія минуты и поумрачились скорбію о томъ, что вы не осчастливили своего отечества, вы унесете съ собою, по крайней мѣрѣ, то утѣшеніе, что ваша смерть ускорила наденіе притѣснителей народа, ваше самопожертвованіе спасло свободу“.

Все, что можно было сказать противъ этого предложенія въ защиту корбля, министровъ и генераловъ, высказалъ тогда Дюма въ рѣчи, часто прерывавшейся ропотомъ и шиваньемъ. Онъ разбивалъ обвиненія и предупреждалъ жиронду отъ страстей, которыя она намѣревалась разнуздать, напрасно надѣясь потомъ опять сдержать ихъ.

Предложеніе Верньо прошло. 4-го іюля постановили:

„Національное собраніе вправѣ, безъ соизволенія короля, объявить отечество въ опасности.“

„Какъ только президентъ произнесетъ торжественныя слова: „Граждане! Отечество въ опасности! во всемъ королевствѣ соберутся безмѣнно законныя власти, созовутъ всѣхъ національныхъ

гвардейцевъ, граждане представляютъ все имѣющееся у нихъ оружіе и боевыя снаряды.

„Всякій французъ и иностранецъ, живущій во Франціи или путешествующій по ней, обязанъ носить трехцвѣтную кокарду. Каждый, сколько-нибудь уличенный въ возмущеніи, преслѣдуется правильнымъ судомъ и наказывается смертью“.

Чтобы напустить на Францію ураганъ, жиронда открыла всѣ Золотыя мѣха.

Между тѣмъ, дворъ и приближенные короля представляли картину неописанной безпомощности и замѣшательства. Тамъ настроеніе мѣнялось, по крайней мѣрѣ, разъ въ день. Никто не былъ увѣренъ, что не бросать въ полдень того, что было почти рѣшено утромъ, и стануть на другой день опять серьезно думать о повинномъ. Король то готовъ согласиться на спасительныя планы, набросанныя Лафайетомъ, Далли и Монселемъ, то снова отступаетъ передъ смѣлостью рѣшенія, предаваясь крайней слабости. Такъ колеблются изъ стороны въ сторону и, наконецъ, останавливаются на опаснѣйшемъ изъ всѣхъ рѣшеній: не дѣлать ничего самимъ, а на поступки собранія отвѣчать просто „да“ и „аминь“, пока не явятся на помощь пруссаки.

Это похоже на утонающаго при кораблекрушеніи. Ему совѣтуютъ то, другое для спасенія: войти въ лодку и смѣло пуститься по волнамъ, ухватиться за канатъ или обломокъ дерева и попытаться переплыть. Но онъ ничего не дѣлаетъ, а стремглавъ бросается въ воду, чтобы не утонуть.

10-го іюля король оочпачательно отказался отъ плановъ бѣгства своихъ министровъ и далъ отставку послѣднимъ, согласно съ ихъ желаніями.

Теперь у вождей жиронды страннымъ образомъ снова возникла мысль еще разъ управлять королемъ посредствомъ своего министерства. Они мало-по-малу убѣдились, что стоявшіе за ними господа—Робеспьеръ и Дантонъ на первомъ, Колло д'Ербуа съ Маратомъ на второмъ, Саптеръ и Лежандръ на третьемъ планѣ—измышляютъ ударъ, который хватитъ даже дальше ихъ и ихъ цѣлей. Изумительная предупредительность короля въ послѣдніе дни представлялась имъ какъ бы сигналомъ, а возраставшій въ влудбахъ раздоръ съ самою крайнею лѣвою стороною настоятельно указывалъ имъ на необходимость согласенія.

И вотъ, Верньо, Гаде, Жансоне дѣлаютъ королю черезъ посредниковъ различныя предложенія. Идутъ переговоры. Относящіяся къ этому бумаги найдены впоследствии въ Тюлери. Въ нихъ нѣтъ ничего преступнаго. Онѣ именно касаются жирондистскаго министерства и, конечно, раскрываютъ дальнѣйшія планы партіи:

Переговоры не имѣли успѣха. Жирондисты требовали чего-то въ родѣ отреченія короля въ пользу его министровъ; а король и теперь не могъ рѣшиться ни на какое парламентское правленіе.

Послѣдовательность требовала, разъ протянувъ руку собранію, идти съ его большинствомъ и изъ него составить министерство. Но непослѣдовательность въ натурѣ слабыхъ. Король больше, чѣмъ когда-либо, приблизился къ собранію, и все-таки не хотѣлъ подчиняться результатамъ такого поступка.

Итакъ, опъ оттолкнулъ жиронду. То было прощаніемъ навѣки. Партія еще разъ покалебалась между мирнымъ и насильственнымъ подчиненіемъ правительства. Первое не удалось: теперь началась открытая борьба для выполненія второго. Переворотъ произошелъ быстро. Вѣдь ужъ и безъ того мимолетная перемяна въ отношеніяхъ жиронды къ королю возбудила подозрѣніе къ ней въ явобинцахъ и не разъ навлекала на нее упрекъ въ измѣнѣ.

Паденіе королевской власти ¹⁾. Прелюдіи къ сверженію короля.

Съ послѣднихъ чиселъ іюля о сверженіи короля уже вездѣ говорятъ вполне открыто. 23-го іюля въ національномъ собраніи прочли лакопическій адресъ: „Законодатели! Людовикъ XVI измѣнилъ націи, закону и своей присягѣ. Народъ обладаетъ верховною властью; вы, его представители, произнесите приговоръ о сверженіи, и Франція спасена!“ Почти каждое утро въ Тюлерійскомъ саду прибывали афишу со словами: „Гнивъ народа виситъ на нитѣхъ, а королевская корона—на волосѣхъ“.

Вечеромъ 20-го іюля въ явобинскомъ клубѣ Робеспьеръ произнесъ рѣчь, вполне раскрывшую программу терроризма наканунѣ его первой рѣшительной побѣды.

„Серьезная болѣзнь, — сказала опъ, — требуетъ сильныхъ лекарствъ. Подумьры дѣлають ее лишь неизлечимѣ. Страданія Франціи превзошли всѣ мѣры.

„Гдѣ же корень этихъ страданій?

„Въ исполнительной власти и въ законодательномъ собраніи, въ исполнительной власти, желающей погубить государство, въ законодательномъ собраніи, которое не можетъ или не хочетъ его спасти.

„Гдѣ же единственная помощь?

„Въ измѣненіи исполнительной власти. Сверженіе короля—

¹⁾ Mortimer-Ternaux. II, livr. V, VI, VII. O.

первое, самое доступное средство, но его недостаточно. Что пользы, если исчезнет призракъ, называемый королемъ, а деспотизмъ останется?

„По лишеніи Людовика XVI трона, въ чьи руки перейдетъ королевская власть? Въ руки ли регента или другого короля, или какой-нибудь корпораціи? Что выиграетъ свобода, если интрига и честолюбіе удержатъ за собой бразды правленія? О, черезчуръ благородный и легковѣрный народъ! Берегись новаго обмана. Смотри, не таится ли въ сверженіи короля новой западни, если только оно не будетъ соединено съ другими болѣе рѣшительными мѣрами?

„Но не перейдетъ ли власть въ руки законодательнаго собранія? Тогда у насъ будетъ только другое названіе для той же самой вещи. Я вижу въ этомъ сліяніи всѣхъ властей лишь самый невыносимый деспотизмъ. Одна-ли у него голова, 700-ли,—онъ все-таки деспотизмъ. Я не знаю ничего ужаснѣе идеи безграницной власти, перенесенной на многочисленное собраніе, стоящее выше законовъ, хотя бы то было общество однихъ мудрецовъ“.

Взвѣсивъ королевской власти и законодательнаго собранія Робеспьеръ требуетъ національнаго конвента. Онъ не смущается грубымъ противорѣчіемъ, что и это—сліяніе властей и лишь другое имя для самаго страшнаго деспотизма.

Подоблаго же мнѣнія держались въ это время и жирондисты. И они желали свергнуть короля и законодательное собраніе, но вполнѣ полюбовно и мирно, безъ кровавыхъ и грязныхъ средствъ дюжинныхъ демагоговъ. И они прибѣгли къ возстанію, но, какъ совершенно искренно говоритъ Барбару, одинъ изъ самыхъ респектныхъ зачинщиковъ ¹⁾,—„это возстаніе ради свободы должно быть величественно, какъ она сама, священо, какъ добываемыя имъ права, и достойно послужить образцомъ для всѣхъ народовъ, которымъ, для уничтоженія цѣпей, стоитъ лишь взстать на своихъ тирановъ“. Разумѣется, для этого слѣдовало точно выполнить ихъ предписанія. И тогда не тепла бы кровь, пролитая 10-го августа. „Республику основали бы безъ болѣзненныхъ конвульсій и безъ рѣзни. И мы не сдѣлались бы презрѣнными въ глазахъ всѣхъ націй, какъ пожирасные язвой владичества черпи“.

Каковы же орудія, которыми жиронда и особенно Барбару на-мѣревались произвести безкровный государственный переворотъ? 2-го іюля изъ Марсели пустились въ путь 500 бандитовъ, чтобы, въ качествѣ „марсельскихъ федератовъ“, предложить свои услуги якобинскому клубу въ Парижѣ. Ядро этого сброда, со-

¹⁾ Mémoires, p. 51.

браннаго южными яacobинскими влудами, выставила марсельская гавань. Въ ней, какъ во всякомъ значительномъ приморскомъ городѣ, сходилоcь отребье черни съ цѣлаго полмира.

Вступленіемъ этой шайки въ предметѣе С.-Антуанъ думали воспользоваться для большаго, торжественнаго возстанія, съ цѣлью низложить или устранить на время короля. Барбару условился съ Сантеромъ и Фурнье въ планѣ до мелочей. Осуществивъ онъ, и, по мнѣнію Барбару, 30-го іюля однимъ хорошо нанесеннымъ ударомъ, безъ шума, будетъ уничтоженъ король вмѣстѣ съ національнымъ собраніемъ, переворотъ совершится безболѣзненно, безъ капли крови. Но уже самое начало было неудачно. Вмѣсто 40,000 человекъ, съ которыми Сантеръ хотѣлъ присоединиться въ предметѣи С.-Антуанъ въ южнымъ соратникамъ, тамъ оазалось всего 200 федератовъ изъ департаментовъ, да гореть парижскихъ частей множество мирно гуляющихъ не безъ ужаса смотрѣло на сновавшихъ мимо нихъ страшныхъ, конфискованныхъ гостей.

Конечно, день не могъ обойтись безъ геройскаго подвига.

Послѣ полудня, марсельцы сидѣли въ кабацѣ въ Елисейскихъ поляхъ. Въ одномъ ресторанѣ, неподалеку оттуда, обѣдалъ гренадерскій батальонъ національной гвардіи. Чернь и демагоги ненавидѣли гвардейцевъ за то, что они во многихъ случаяхъ выказали строго-конституціонный образъ мыслей. Когда они вышли изъ ресторана, чернь бросала въ нихъ грязью и камнями и по данному знаку марсельцы кинулись на нихъ съ саблями. Одного изрубилъ въ куски; многихъ другихъ или тяжело, или смертельно ранили. Когда депутация отъ пострадавшихъ потребовала удовлетворенія у національнаго собранія, оно перешло къ очереднымъ дѣламъ. Вотъ намекъ на услуги доброму дѣлу, которыхъ можно было ожидать отъ марсельцевъ! Вотъ намекъ на тотъ строгій порядокъ, который думала соблюдать при этомъ жиронда!

Съ первыхъ дней августа все ведетъ къ кровавому перелому. Многое скончилось теперь.

Приближающимся къ границѣ врагамъ предшествуетъ безумный манифестъ герцога Брауншвейгскаго. По словамъ Дюма, одного изъ самыхъ преданныхъ монархистовъ въ національномъ собраніи, этимъ манифестомъ бѣжавшіе принцы совершили истинное „братоубійство“ надъ Людовикомъ XVI и его семействомъ ¹⁾. На посланіе, въ которомъ король торжественно отрекается передъ національнымъ собраніемъ отъ всякаго соучастія въ дѣлѣ, отвѣ-

¹⁾ Mortimer-Ternaux (II, 164, примѣч.) обнародовалъ два дотолѣ неопубликованныхъ письма королевы о поступкѣ обоихъ ея деверей. О.

чаютъ уже яростными нападками. Отъ секцій столицы, изъ которыхъ Петіонъ съ Манюелемъ импровизовали въ ратушѣ, подъ именемъ „центрального корреспонденціоннаго бюро“, новый революціонный комитетъ худшаго сорта, приходятъ адресъ за адресомъ. Они, одинъ сильнѣе другого, требуютъ отрѣшѣнія короля. Между тѣмъ террористы частію не допускаютъ противозаявленій, частію дѣлаютъ ихъ подозрительными. 8-го августа возникаетъ, наконецъ, въ національномъ собраніи второе обвиненіе противъ Лафайета. Правда, его снова оправдываютъ еще болѣе значительнымъ большинствомъ, чѣмъ прежде; но когда собраніе расходилось, толпа самымъ возмутительнымъ образомъ угрожала противнымъ ей депутатамъ и мучила ихъ.

Но мнѣнію самыхъ отчаянныхъ зачинщиковъ, возстанію слѣдовало разразиться не далѣе вечера этого дня, но болѣе умѣренные настояли на прибавлѣ еще одного дня для подготовленія.

10-е августа. Плѣненіе короля. Бѣгство Лафайета.

Заправленіе планомъ находилось въ рукахъ множества людей, собиравшихся теперь для послѣднихъ переговоровъ въ мрачномъ и грязномъ кабакѣ одного предмѣстья. На этотъ разъ принимали участіе: Робеспьеръ, Далтонъ, Бильо-Варенъ, Маратъ, Демупенъ. Имѣлось въ виду не повтореніе мальчишества 20-го іюля и не „величественное возстаніе“, задуманное Барбару 30-го числа, а серьезное нападеніе на короля и полное ниспроверженіе существующихъ властей. Если бы пожелали новую форму правленія назвать республикой, Робеспьеръ по имѣлъ бы ничего противъ этого. Въ едичкахъ онъ былъ терпимъ.

Съ 8 августа все было въ ходу. Военныя силы были собраны. Роли распределены: Выполнишіе теперь изъ своихъ притонныхъ предводители выбраны.

Во дворцѣ видѣли приближеніе бѣды и въ свою очередь стали вооружаться. Здѣсь могли разсчитывать никакъ не больше, чѣмъ на 2,000 національныхъ гвардейцевъ изъ прилежащихъ къ дворцу округовъ. Это были люди изъ зажиточнаго средняго сословія (haute finance), изъ кунечества и богатаго промышленнаго класса. Если они и не были вполнѣ монархистами, то во всякомъ случаѣ они были противниками порядка вещей, задуманнаго обитателями предмѣстій съ ихъ демагогами. Далѣе разсчитывали на 900 человекъ конныхъ жандармовъ и на одну батарею. Съ увѣренностью можно было положиться на 950 пвейцарцевъ.

Во главѣ этого, нѣсколько нестраго поеннаго корпуса стоялъ главнокомандующій національною гвардіей, Мандатъ, старшій отважный солдатъ и надежный патріотъ. Искренно вѣрный присягѣ и конституціи, онъ рѣшился до послѣдней капли крови защищать короля и его жилище. Онъ былъ полонъ надеждъ и думалъ, что съ 3—4 тысячами человѣкъ дворець устоитъ противъ всякаго нападенія.

Услыхавъ 9-го августа о рѣшительныхъ приготовленіяхъ къ возмущенію, онъ начерталъ такой планъ. Прежде, чѣмъ колонна, спускающаяся изъ предмѣстья С.-Антуанъ, соединится съ колопной изъ предмѣстья С.-Марсо, онъ со своими войсками, удачно расположенными по сю сторону моста, ударитъ на нее съ фронта, съ тыла и съ фланговъ, разсѣтетъ ее и, такимъ образомъ, тотчасъ парализуетъ возстаніе.

Далеко не въ такомъ самоувѣренномъ настроеніи были сами мятежники.

9-го августа секціи были еще различнаго мнѣнія. Правда, въ *Quinze Vingts* (С.-Антуанъ) послѣдовалъ вызовъ; но онъ не встрѣтилъ ожидаемаго отголоска. Всѣ другія секціи, за исключеніемъ пяти или шести, отнеслись въ нему или нерѣшительно, или прямо враждебно. Даже въ 11 часовъ стоявшіе особнякомъ дѣятели въ *Quinze Vingts* принуждены были, вмѣсто собственнаго рѣшенія, довольствоваться отправкой трехъ уполномоченныхъ въ ратушу для дальнѣйшихъ постановленій сообщая съ комиссарами другихъ секцій.

Въ это время меръ *Петіонъ* находился во дворцѣ. Онъ увѣрялъ короля, что волненіе велико, но имъ все сдѣлано для защиты ихъ величествъ. Онъ съумѣлъ ускользнуть отъ тягостнаго разговора съ честнымъ Мандатомъ. Тотъ спросилъ: зачѣмъ полиція раздаетъ марсельцамъ патроны и отказываетъ въ нихъ національной гвардіи? „Какая здѣсь духота!“ сказалъ онъ Редереру и исчезъ въ паркъ, чтобы вздохнуть чистымъ воздухомъ.

Въ полночь начался набатный бой на трехъ колокольныхъ въ центрѣ Парижа. Заиграли генераль-маршъ, и легіоны собрались—одни для мятежа, другіе для обороны. Тутъ ихъ увѣщевалъ предводитель, тамъ подстрекали демагоги. Въ одно и то же время ихъ располагали къ повиновенію и къ непослушанію.

Съ 3-хъ часовъ постепенно собираются представители секцій, или, вѣрнѣе, 70—80 неизвѣстныхъ особъ, дерзающихъ засѣдать и рѣшать отъ имени секцій. Между ними нѣтъ ни одного изъ знатныхъ демагоговъ. Мараты, Робеспьеры, Бильо, Фабри, д'Еглантинны лежатъ въ своихъ берлогахъ, пережидая, пока утихнетъ бунъ.

Теперь въ ратушѣ засѣдаютъ рядомъ два общинные совѣта:

туловище законнаго общиннаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ якобинскаго профессора Кузэна, и революціонный комитетъ секцій, подъ предсѣдательствомъ нѣкоего Гюгенена (Huguenin). Этотъ послѣдній такъ же, какъ и его сотоварищи, былъ до той поры совершенно неизвѣстенъ. Весьма скоро затѣмъ, его, вмѣстѣ съ сообщниками, судили за разныя низости и преступленія. Онъ-то и заправлялъ дѣйствіями въ страшную ночь съ 9-го на 10-е августа.

Его первою цѣлью было устранить генераль-коменданта Мандата. Настоящій общинный совѣтъ подалъ ему въ этомъ дружескую, сосѣдскую помощь. Но настоянію секціоннаго комитета, Кузэнъ, какъ представитель мера, отправляетъ къ генераль-коменданту одинокій приказъ за другимъ тотчасъ явиться въ ратушу. Мандатъ, подчиненный меру, счелъ законнымъ повиноваться, наконецъ, приказу.

Послѣ 5-ти часовъ утра покинулъ онъ Тюлери и отправился въ ратушу. Тутъ общинный совѣтъ накинулся на него съ вопросами и упреками. Онъ обвинялъ Мандата во всеобщемъ волненіи, такъ какъ онъ своевластно принялъ вызывающія военныя мѣры.

Мандатъ ссылается на приказанія мера и на свою большую отвѣтственность и хочетъ удалиться. Тутъ его схватываютъ и тащатъ къ Гюгенену. Послѣдній подвергаетъ его новому допросу и, наконецъ, даетъ ему подписать приказъ, по которому половина его войска отзывается отъ Тюлери. Мандатъ хладнокровно отказывается, и Гюгененъ велитъ арестовать его.

Противъ такого незаконнаго присвоенія власти протестуетъ другой, сосѣдній общинный совѣтъ. Но секціи объявляютъ, что верховный народъ при возмущеніи стигиваетъ къ себѣ всю власть. Въ силу народнои верховности, онѣ постановляютъ отрѣшеніе отъ должности усердныхъ городскихъ чиновниковъ и немедленно выгоняютъ отцовъ города изъ ихъ залы. Мандата рѣшаются отвести въ аббатство, послѣ получасоваго илѣна въ ратушѣ; но едва онъ вступитъ на большую лѣстницу, какъ позади его раздается пистолетный выстрѣлъ, который владеть его на мѣстѣ.

Теперь настала часть отвести мера въ безопасное мѣсто, подъ видомъ ареста. Петіонъ, гуляя въ Тюльрійскомъ паркѣ, чтобы освѣжиться, сообщилъ черезъ своихъ друзей національному собранію, будто его взяли подъ стражу во дворцѣ и грозятъ ему смертью. Собраніе поспѣшило вытребовать его въ свой залъ и этимъ избавить отъ мнимой опасности. Затѣмъ секціи спарядили 600 человекъ, чтобы не выпускать его изъ-подъ домашняго ареста. А онъ немедленно далъ знать всѣмъ властямъ о своемъ арестѣ, указывая, что „высшею властью“ онъ освобождается отъ всякой отвѣтственности.

Смерть Мандата рѣшила судьбу дворца не въ военномъ, а въ нравственномъ отношеніи.

Энергическій главнокомандующій могъ заставить шаткихъ солдатъ исполнять свои обязанности. Когда же въ самомъ началѣ его не стало и на мѣсто его не явилось сильнаго преемника, открылся свободный путь всякому поподзновенію къ измѣнѣ и бѣгству. Жандармы уже во всеуслышаніе объявляли, что ни за что не станутъ стрѣлять въ народъ. Національные гвардейцы были нѣсколько въ лучшемъ настроеніи, но имъ недоставало единства и довѣрія въ себѣ. Безусловно надежны были одни швейцарцы. Съ ними еще можно было отважиться на борьбу, чтобы, въ крайнемъ случаѣ, лечь подъ развалинами дворца. Но король въ подобныхъ обстоятельствахъ рассуждалъ не какъ король, а какъ заботливый отецъ мѣщанскаго семейства, которому безопасность близкихъ дороже всего.

Чувствуя необходимость сдѣлать что-нибудь для воодушевленія солдатъ, королю посовѣтовали показаться передъ войсками. Когда онъ появился на балконѣ, выходившемъ на площадь Карусель, его привѣтствовало оглушительное „Vive le roi!“ Со двора, впризу, онъ слышитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ національной гвардіи противный крикъ: „Vive la nation!“ тогда какъ другіе совѣтъ молчатъ. А проходящій мимо сада батальонъ обитателей предместьей реветъ даже: „Да здравствуютъ сапюлоты! Долой Veto! Долой короля!“

Между тѣмъ, садъ и площадь Карусель наполняются мятежниками. Толпа собирается уже у большихъ воротъ, ведущихъ во дворецъ. Она требуетъ доступа къ „измѣнникамъ“ внутри дворца. Редереръ пытается успокоить ее добрымъ словомъ и удалитъ. Но это не удается ему, и онъ совѣтуетъ королю бѣжать съ семействомъ въ нѣдра національнаго собранія.

Король колеблется. Королева положительно сопротивляется ¹⁾. Она, казалось, рѣшилась мужественно встрѣтить врага. Редереръ увѣряетъ, что нельзя терять ни минуты, что въ крайнемъ случаѣ принуждены будутъ „вытащить“ ее. И только когда онъ повялся, что своею головой отвѣчаетъ за жизнь короля, она сдается. Съ королемою, ведя за руку принца, вступаетъ она на тяжелый путь черезъ улицы въ національное собраніе.

Дѣйствовалъ-ли тутъ Редереръ по расчету, доказать трудно. Вѣрно одно. Бѣгство изъ дворца, по признанію самихъ мятежниковъ, было военною ошибкой, такъ какъ одни храбрые швейцарцы больше чѣмъ превосходили плохо вооруженную толпу на площади

¹⁾ Объ ея славномъ поведеніи см. Pontécoulant: Mém. I, 114

Карусель. Далѣе вѣрно, что поданный Редереромъ совѣтъ былъ совершенно въ духѣ жирондистовъ, съ которыми онъ его обдумывалъ. Такой совѣтъ вполне удовлетворялъ сантиментальному расположенію къ кровопролитію и мелочному эгоистическому желанію держать въ своихъ рукахъ дорогихъ заложниковъ въ то время, когда тамъ, на улицѣ, идетъ кровавый бой.

Часовъ въ 8 или въ половинѣ 9-го совершило королевское семейство рововой путь въ Salle du Manège.

Удаленіе короля произвело замѣтное разстройство между оставшимися, еще довольно многочисленными, національными гвардейцами. „Къ чему драться?“ — говорятъ одни. „Пойдемъ домой защищать свои семьи!“ — замѣчаютъ другіе. И такимъ образомъ многіе уходятъ: нынѣ присоединяются къ мятежникамъ.

Въ то время, какъ защитники короля опрастываютъ часть Тюлерійскаго двора, выходящую на площадь Карусель, передъ дворцомъ, на улицѣ, все сгущается шумная толпа. Сначала тутъ были лишь женщины да дѣти. Сантеръ приближался съ своею колоной очень медленно. Вообще онъ не обнаруживалъ расположенія стать во главѣ атаки. Онъ отправился въ ратушу, велѣлъ тамъ секціямъ провозгласить себя генераль-командантомъ національной гвардіи и объявилъ о своемъ намѣреніи руководить нападеніемъ отсюда, гдѣ драгоцѣнная жизнь главнокомандующаго находится въ меньшей опасности.

Въ 8 часовъ передъ дворцомъ появилась первая колонна мятежниковъ подъ предводительствомъ Вестермала и Лефрана (Lefranc). Король только что оставилъ дворецъ, и большинство національных гвардейцевъ едва очистило передній дворъ, какъ бунтовщики ударили въ ворота, требуя, чтобъ ихъпустили. Бывшіе на дворѣ канонеры заставляють королевскихъ привратниковъ отворить. Обѣ половины распахнулись. Толпа врывается. Измѣнившіе національно гвардейцы, канонеры и жаңдармы встрѣчаютъ ее съ распростертыми объятіями.

Одни швейцарцы, въ числѣ еще 750-ти человекъ, да 100 национальных гвардейцевъ удаляются въ комнаты. Офицеры обсуждаютъ, польза-ли съ честью спасти жизнь ихъ храбрыхъ солдатъ. У большой лѣстницы, въ передней, идутъ переговоры. Мятежники требуютъ сдачи, швейцарцы — честнаго отступленія съ оружіемъ. Вдругъ пистолетный выстрѣлъ. Часовые дѣлають залпъ по толпѣ въ передней, и она разсѣивается въ дикомъ бѣгствѣ. Дворъ очищается въ одно мгновение; а такъ какъ швейцарцы стрѣляютъ и изъ оконъ, и потомъ дѣлають вылазку, то вскорѣ пустѣють и площадь Карусель. Между тѣмъ, какъ одни съ страшнымъ ревомъ:

„Убийство! Памѣна!“ убѣгаютъ въ отдаленнѣйшія улицы, другіе продолжаютъ на безопасномъ разстояніи стрѣлять по Тюлери. Но съ обѣихъ сторонъ уже мало потерь.

Въ это время королевское семейство сидѣло въ ложѣ стенографовъ въ національномъ собраніи. Оно достигло его при ругательствахъ и проклятіяхъ неистовой черни, которая только что варварски убила двухъ-трехъ несчастныхъ роялистовъ и вслухъ грозила тою же участью и королевѣ.

„Я пришелъ сюда, — сказалъ Людовикъ XVI представителямъ націи, — для предупрежденія великаго преступленія. Я думаю, что нигдѣ мнѣ не безопасно такъ, какъ среди васъ“.

Единственное оставленное для него мѣстечко въ залѣ было что-то въ родѣ кѣтки, футовъ 12 въ ширину и 6 въ вышину, за президентскимъ кресломъ. И отсюда-то услышалъ несчастный монархъ пальбу, поднявшуюся въ борьбѣ его швейцарцевъ съ мятежниками. Первымъ его дѣломъ было отправить одного изъ сопровождавшихъ его приближенныхъ къ швейцарцамъ съ приказомъ немедленно прервать огонь, очистить дворецъ и возвратиться въ казармы.

Три четверти часа, отъ 10½ до 11¼ длился бой, когда королевскій посланецъ достигъ полка швейцарцевъ, только что сдѣлавшихъ вылазку, и передалъ ему повелѣніе короля. Его тотчасъ исполнили. Огонь прекратился. Швейцарцы собрались, какъ можно скорѣе, и покинули дворецъ.

Нѣсколько минутъ спустя по удаленіи послѣдняго швейцарскаго полка, прибыли мятежники, и не подозрѣвавшіе причины, прекратившей борьбу. Они приблизились къ большой лѣстницѣ, гдѣ незадолго передъ этимъ происходила кровавая сцена, и вступили въ пустой дворецъ, не завоеванный, и добровольно покинутый защитниками, по приказанію самого владѣльца¹⁾.

Удалявшіеся швейцарцы, сильно обстрѣливаемые скрытыми врагами, раздѣлились въ Тюлерійскомъ саду на дрѣ колонны. Одна направилась къ Salle du Manège, гдѣ по повелѣнію короля и сложила оружіе, другая попала по дорогѣ къ площади Людовика XV въ перекрестный огонь національныхъ гвардейцевъ, жандармовъ и черни, гдѣ почти до послѣдняго человѣка была уничтожена съ безпримѣрною жестокостью.

Тѣмъ временемъ во дворцѣ свирѣпствовали убійство и пожаръ,

¹⁾ Рядомъ съ этимъ фактомъ, противорѣчащимъ прежнимъ рассказамъ, Мортимеръ особенно выставляетъ на видъ, что мятежниковъ было лишь 100 человекъ и ранено 60, а не 5,000, или 3,500, какъ старались увѣрить всѣхъ

опустошеніе и грабежъ. Чувствительному Барбару пришлось смотрѣть, какъ та самая сволочь, которая передъ этимъ трусливо разбѣжалась, проявляла теперь настоящее геройство въ рѣзнѣ оставшихся раненыхъ, беззащитныхъ женщинъ и служителей, въ грабежѣ и раззореніи сокровищъ дворца.

Такимъ образомъ, тронъ опростался. Не то, чтобы его защитники пали отъ песокрушимой храбрости героевъ 10 августа: монархія покинула сама себя. Въ крайнемъ случаѣ, она могла бы совершить здѣсь блестящія поминки по себѣ. Она могла пасть съ оружіемъ въ рукахъ и вызвать удивленіе даже у враговъ. Но Людовикъ XVI не чувствовалъ желанія къ этому. Онъ рѣшился скорѣе переносить позоръ за позоромъ, постепенно унижаться и терять собственное достоинство, чѣмъ хотя на мгновенье испытать что-либо подобное. Какъ долженъ былъ отупѣть человѣкъ, предпочитавшій эту жизнь рыцарской смерти въ собственномъ дворцѣ.

И вотъ, въ стенографической ложѣ національнаго собранія онъ 16 часовъ слушалъ, какъ рѣшалась гибель его короны. Онъ сидѣлъ спокойный и невозмутимый, какъ будто это вовсе и не касалось его, когда Верньо выступилъ съ рядомъ предложеній, которыя вслѣдъ затѣмъ и были приняты.

„Въ уваженіе того, сказалъ онъ:

„Что отечество дошло до крайней опасности, а священнѣйшая обязанность законодательнаго корпуса измѣривать всѣ средства для его спасенія,

„Что эта опасность преимущественно происходитъ отъ всеобщаго недовѣрія къ поведенію главы исполнительной власти въ войнѣ, предпринятой отъ ея имени противъ конституціи и независимости націи,

„Что это недовѣріе вызвало въ различныхъ частяхъ государства требованіе о возвращеніи дарованной Людовику XVI власти,

„Что національное собраніе не желаетъ однако увеличивать свою власть злоупотребленіемъ и не можетъ согласовать конституціонной присяги съ своимъ твердымъ памѣреніемъ спасти свободу иначе, какъ воззваніемъ къ верховенству націи,—

„Національное собраніе постановляетъ:

„Французскій народъ приглашается къ образованію національнаго конвента; о родѣ и времени выборовъ будутъ сдѣланы предложенія чрезвычайною комиссіей.

„Глава исполнительной власти предварительно приостанавливается въ отиравленіяхъ своей должности ¹⁾ до тѣхъ поръ, пока національный конвентъ не

¹⁾ Le chef du pouvoir exécutif est provisoirement suspendu de ses fonctions. *Ред.*

переговорить о мѣрахъ, необходимыхъ, по его мнѣнію, для обезпеченія личной безопасности и господства свободы и равенства.

„Чрезвычайная коммиссія должна въ этотъ же день представить предложенія объ образованіи новаго министерства, объ избраніи воспитателя для королевскаго принца, о назначеніи временнаго содержанія королевскому семейству, вмѣсто росписи государственныхъ расходовъ на него, взносъ вторыхъ приостанавливается.

„До возстановленія спокойствія въ Парижѣ, король и его семейство должны оставаться въ стѣнахъ законодательнаго корпуса; департаментъ въ этотъ же день приготовить для нихъ помещеніе въ Люксамбургѣ. Они становятся подъ защиту гражданъ и закона.

„Каждый чиновникъ, каждый солдатъ, унтеръ-офицеръ, офицеръ, какого бы чина онъ ни былъ, равно какъ и всякій армейскій генералъ, покидающій свой постъ въ эти дни волненія, объявляется безчестнымъ и измѣнникомъ отечеству“.

Вмѣсто приостановки власти короля, якобинцы партіи Горы тотчасъ потребовали его сверженія. Исключая этого пункта, Верньо въ своихъ предложеніяхъ въ сущности лишь формулировалъ ихъ программу. Вѣдь они же собственно и были побѣдителями 10 августа!

Это тотчасъ обнаружилось въ новомъ министерствѣ.

Жирондѣ хотѣлось вполнѣ овладѣть имъ. Она потребовала простого возстановленія министерства Ролана. Но это удалось ей лишь отчасти. Дантонъ сталъ министромъ юстиціи.

Во время возстанія на площади Карусель, Дантонъ, по крайней мѣрѣ, дѣйствовалъ; его душевный другъ, Вестерманъ, вель во дворцу толпы. А жиронда сидѣла или спокойно дома, или въ безопасности въ національномъ собраніи. Поэтому ей пришлось тотчасъ подѣлиться торжествомъ дня и приять чествованія, не имѣвшаго ничего общаго съ ея ораторами, съ ея идеалами.

Вскорѣ открылось, что министры только фигуранты, но не ораторы собранія, какъ прежде, а одного своего сослуживца, съ дерзкою энергіей не отступавшаго даже передъ преступленіемъ,—фигуранты Дантона. Особенно Роланъ видѣлъ, какъ официально злоупотребляли его поднисью. Ему пришлось публично отречься отъ назначенія департаментскихъ комиссаровъ изъ кружка патриотовъ „ратуши“, отправленныхъ отъ его имени.

Дантонъ управлялъ Франціей. Жирондистскіе ораторы стояли въ тѣни. Этой партіи, занятой позоромъ, ничего болѣе не оставалось, какъ безсильно ломать себѣ руки. Рѣдко Пемезида такъ

быстро и безошадно карала партію, которая играла въ республику и монархію и не желала серьезно ни той, ни другой.

Франція приняла извѣстія о событіяхъ и постановленіяхъ 10 августа какъ бы въ тупомъ ошеломленіи, въ оцѣненѣлой безпомощности. Молчаніе департаментовъ послѣ этого дня изумительно рѣзко отѣнялось отъ послѣднихъ оживленныхъ адресовъ, приходившихъ передъ тѣмъ въ Парижъ. Лишь въ побочныхъ клубахъ проявлялось, тамъ и сямъ, подстроенное одобреніе. Масса населенія встрѣчала новыя событія въ безнадежномъ отчаяніи. Въ нѣкоторыхъ возникла даже мысль о сопротивленіи. Но ничего серьезнаго не было сдѣлано. Да и какъ и быть не могло. Нація была безъ предводителей, департаменты и провинціи безъ средоточія, и Парижъ дѣлалъ все. Не менѣе 72 департаментовъ были противъ событій 1793 года; по одинъ департаментъ побѣдилъ ихъ всѣхъ. Только здѣсь знали, чего хотѣли, и для осуществленія своихъ цѣлей не пренебрегали никакимъ средствомъ. Всѣмъ другимъ не доставало программы и особенно оружія для отраженія великихъ нѣмецкихъ державъ при такомъ королѣ, какъ Людовикъ XVI. Это послѣднее обстоятельство, наконецъ, рѣшило дѣло.

Была сдѣлана лишь одна мужественная попытка законнаго сопротивленія парижскимъ демагогамъ. Но ея судьба показала шаткость всего подобнаго.

Лафайетъ побудилъ въ Седанѣ, гдѣ онъ стоялъ лагеремъ, общиппня и оружныя власти къ рѣшительному протесту противъ переворота 10 августа. Онъ довелъ дѣло до того, что три департаментскіе комиссара, прибывшіе утромъ 14 августа, были немедленно арестованы и заключены въ вѣрность. Въ то же время онъ привелъ своихъ солдатъ ко вторичной присягѣ въ вѣрности конституціи 1791 года, націи, закону и королю, и потребовалъ того же отъ подчиненныхъ ему генераловъ. Но едва негодующее національное собраніе приняло рѣшеніе противъ возмущившихся властей и мятежнаго генерала, какъ онъ уже не могъ ручаться даже за свою жизнь. Генеральный совѣтъ энескаго департамента, весьма живо высказавшійся около 20 іюля въ одномъ адресѣ, исполнѣ измѣнился. Онъ приказалъ всѣмъ національнымъ гвердейцамъ схватить генерала, гдѣ бы они его ни встрѣтили. Генералы Дилбонъ и Люкперъ измѣнили ему. Въ его собственномъ войскѣ началось броженіе. Одни желали его смерти, другіе готовы были биться за него до послѣдней крайности. Тутъ-то онъ рѣшился бѣжать. Съ 21 офицеромъ, все это его единомышленники и друзья, переступилъ онъ границу и попалъ въ Рошфоръ въ руки перодовыхъ австрійскихъ постовъ. Съ нимъ и его тремя ближайшими друзьями, бывшими съ нимъ въ національномъ собраніи (Алекс. Ламетомъ,

Датуръ-Мобуромъ, Бюро де Пюзи), поступили, какъ съ государственными преступниками, съ рѣдкою жестокостью. Ихъ таскали по прусскимъ и австрійскимъ государственнымъ тюрьмамъ. Изъ послѣдней, въ Ольмицѣ, они были освобождены Бонапартомъ лишь по миру въ Кампоформіо.

Costa #

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНВЕНТЪ. БОРЬБА МЕЖДУ ЖИРОНДОЙ И ЯКОБИНАМИ: КАЗНЬ КОРОЛЯ. НИЗВЕРЖЕНІЕ ЖИРОНДЫ. СЪ АВГУСТА 1792 ДО 31 МАЯ 1793 ГОДА.

ГЛАВА XIII.

Господство общиннаго совѣта.

Побѣдителями 10-го августа были: революціонный общинный совѣтъ, занявшій ночью, при оглушительномъ боѣ набата, позицію въ ратушѣ, и стоявшій въ первомъ ряду за нимъ дерзкій демагогъ, Жоржъ Дантонъ.

Національное собраніе согласилось—чувствуя-ли свое безсиліе, или ошеломленное событіями—признать этотъ, никѣмъ не уполномоченный, комитетъ временнымъ представителемъ осиротѣвшей исполнительной власти, все, что онъ ни сдѣлаетъ, считать хорошимъ, все, чего онъ ни захочетъ, поспѣшно утверждать.

Такъ 10-го же августа было рѣшено: при выборахъ въ конвентъ уничтожается всякій цензъ: каждый двадцатипятилѣтній французъ, прожившій годъ на одномъ мѣстѣ и пронитывающійся трудомъ, получаетъ право голоса; немедленно должно устроить подъ стѣнами Парижа укрѣпленный лагерь для федератовъ и выдать храбрымъ воинамъ, а также и марсельцамъ, оказавшимъ 10-го августа столь важныя услуги, на путевныя издержки и поденную плату. Позаботились также и объ увѣковѣченіи геройскихъ подвиговъ, поручили секретарямъ собрать всѣ „actes de vertu, ознаменовавшіе собою достопамятный день“. Особенному же комитету безопасности дано было право арестовать каждаго, чьи поступки онъ найдеть пужнымъ разслѣдовать въ интересахъ отечества и т. д.

11-го числа начинаютъ уже обрисовываться черты будущей Франціи. О республикѣ нова еще не говорятъ; но всѣ картины, бюсты, памятники и статуи, напоминающія о монархіи, исчезаютъ съ большимъ или меньшимъ шумомъ. Исчезаетъ также и послѣдняя тѣнь уваженія къ королевскому семейству, такъ какъ національное собраніе опредѣляетъ, по шумному настоянію общиннаго совѣта, отправить царственныхъ узниковъ, вмѣсто Люксамбурга, въ двѣ комнаты на башнѣ Тампля.

Въ тотъ же день начинается устройство террора. Еще наканунѣ однимъ почеркомъ пера были отставлены отъ должности по всему государству избранные, согласно съ конституціей, мировые судьи, по подозрѣнію въ роялистическомъ образѣ мыслей. Теперь всѣ общинныя власти призываются закономъ къ аресту и осужденію „подозрительныхъ“, а каждый активный гражданинъ—къ ихъ преслѣдованію.

Стало уже недостаточно военного суда для „преступниковъ 10-го августа“, т. е. для защитниковъ дворца. Робеспьеръ съ братіей требуютъ быстраго, чрезвычайнаго суда для всѣхъ заговорщиковъ, даже и для такихъ, „которые не участвовали въ защитѣ, но могли бы участвовать“; если же національное собраніе не тотчасъ придетъ къ настоящему рѣшенію, то они угрожали пабатоми, генералмаршемъ и вторымъ возстаніемъ. Такъ возникаетъ 17—18 августа первый революціонный трибуналъ. Въ нѣсколько часовъ креатуры ратуши импровизовали во всѣхъ секціяхъ выборы посредствомъ комедіи, во вкусѣ той, которой самъ общинный совѣтъ обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ. Отъ этого суда нельзя ожидать ни пощады, ни проволочекъ; но Маратъ находитъ излишнюю даже и тѣнь дѣлопроизводства. Онъ открыто проповѣдуетъ убійство заключенныхъ въ аббатствѣ: „Что за глупость начинать ихъ процессъ! Ихъ процессъ конченъ“.

Между тѣмъ комитетъ безопасности устраиваетъ преслѣдованіе противъ подозрительныхъ. Парижъ становится похожимъ на осажденный городъ. Запираются всѣ ворота. Прекращается всякое сообщеніе съ ближайшими окрестностями. На улицахъ неистовствуетъ толпа наемныхъ шпіоновъ. Рядомъ съ ними дѣйствуетъ войско „патріотовъ“, добровольно исполняющихъ обязанности доносчиковъ. Домашніе обыски и аресты служатъ средствомъ къ добыванію насущнаго хлѣба. Вотъ первые слѣды свободы, завоеванной 10-го августа!

Національное собраніе также вовлекается въ это движеніе. При тщетномъ сопротивленіи умѣренныхъ, оно рѣшаетъ всѣхъ неприсяжныхъ священниковъ, которые въ продолженіе двухъ недѣль не оставятъ добровольно королевства, отравить въ Гвіану. А между

тѣмъ несчастнымъ, которые до истеченія законнаго срока требуютъ паспортовъ для добровольнаго изгнанія, комитетъ безопасности отказываетъ; мало того, онъ бросаетъ ихъ въ тюрьмы, гдѣ потомъ они были перебиты сентябрьскими убійцами.

Лишь съ большимъ трудомъ собраніе отвергло два варварскіе предложенія: одно — „поступить съ женами и дѣтьми эмигрантовъ, какъ съ заложниками націи“; другое — собрать войско изъ 1,200 волонтеровъ для умерщвленія князей и генераловъ, враждебныхъ революціи.

Парижъ управлялся немногими комитетами безъ истинныхъ руководителей; улицы были осаждены страшнымъ пролетаріатомъ; Францію мучили комиссары съ неограниченною властью; а между тѣмъ съ границъ долетали вѣсти, одна другой мрачнѣе. Врагъ окружилъ Лонгви и Тионвиль; а Франція могла выставить противъ испитанныхъ прусской и австрійской армій лишь слабое, плохо вооруженное войско, да къ тому же на западѣ у нея показались первые признаки междоусобной войны.

Якобинцы обнаруживаютъ теперь въ собраніи и внѣ его дикорядочную дѣятельность, чтобы пабратъ войско, достать оружіе и военные снаряды, занастись провіантомъ, павербовать волонтеровъ и добыть денегъ. О послѣднемъ они заботились не только для войны, но и для пролетаріата столицы и департаментовъ.

Въ концѣ августа были отобраны имѣнія у эмигрантовъ и предложены благонамѣреннымъ покупателямъ на условіяхъ, равнавшихся даровой уступкѣ, т. е. ограбленію владѣльцевъ¹⁾. Феодальныя права не были отмѣнены законнымъ образомъ, а были просто уничтожены. Общій доходъ отъ этого громаднаго грабежа доходилъ, по крайней мѣрѣ, до 6,000 милл.

Гнетъ внѣшней опасности, хотя довольно слабо, но еще соединяетъ общинный совѣтъ и національное собраніе, между которыми рано или поздно долженъ произойти разрывъ. При извѣстін о сдачѣ Лонгви національное собраніе постановляетъ, въ духѣ самаго дикаго якобинства, что должно казнить каждаго гражданина, который въ осажденномъ городѣ говоритъ о сдачѣ, что, какъ

¹⁾ Вотъ пояснительныя подробности, заключающіяся въ трудѣ Зибеля I), кн. 4, гл. 2): „Въ концѣ мѣсяца національное собраніе дошло до обширныхъ конфискацій. Первая изъ нихъ касалась эмигрантовъ. Ихъ имѣнія находились подъ секвестромъ съ мѣсяца; теперь велѣно было продавать ихъ, и именно, чтобы облегчить санкюлотамъ приобрѣтеніе, по жребію; отъ двухъ до трехъ аэровъ, и не за капиталъ, а за ежегодную ренту. Кредиторы эмигрантовъ должны были быть удовлетворены, насколько позволяла покупная цѣна; покушникъ могъ выгнать арендаторовъ, если договоръ былъ заключенъ еще старымъ владѣльцемъ. Словомъ, тутъ были на-лицо всѣ опредѣленія, составляющія самую всестороннюю и рѣзкую характеристику грабежа“. Ред.

только Лонгви попадетъ опять въ руки французскихъ войскъ, его надо срѣчь до основанія, а всѣхъ жителей объявить безчестными и лишенными гражданскихъ правъ.

Уже и тутъ, въ собраніи, заботились о томъ, какъ бы избавиться отъ общиннаго совѣта. Въ секціяхъ же, мнимое могущество которыхъ такъ безпримѣрно злоупотреблялось здѣсь въ теченіе двухъ недѣль, его значеніе было уже подкочано съ успѣхомъ. Ратушники знали это и рѣшились предупредить своихъ враговъ. Требовалось дѣло, которое развязало бы имъ руки и внутри, и вѣнъ государства. И у нихъ былъ годный на это человекъ, Жоржъ Дантонъ.

Жоржъ Дантонъ и сентябрскія убійства ¹⁾.

Дантонъ передъ заговоромъ 10-го августа появлялся постоянно на второмъ или третьемъ планѣ. При первыхъ попыткахъ организовать парижскую демократію, онъ стоитъ рядомъ съ Камилломъ Демуленомъ. Послѣ бѣгства короля, когда дѣло шло о томъ, чтобы уничтожить его безответственность, Дантонъ выдвигается на Марсовомъ полѣ; а когда, позднѣе, перѣшительность національнаго собранія и колебаніе жиронды отклонили этотъ вопросъ, онъ далѣе, вмѣстѣ съ Робеспьеромъ, Маратомъ и другими, толчекъ къ событіямъ 10-го августа, которыя и привели его въ министерство.

Онъ былъ изумительно щедро одаренъ природой. По выдвинуло его въ глазахъ всего міра его поведеніе. Въ началѣ революціи онъ былъ безвѣстнымъ адвокатишкой, который, при глубокомъ отвращеніи къ постоянному труду и при безграничномъ развратѣ, быстро расточалъ свой крошечный заработокъ. Это былъ *bon vivant*, который вдругъ могъ проявить баснословную энергію и затѣмъ впасть въ полную спячку.

Ему было 30 лѣтъ, когда онъ кипуче въ потокъ революціи. Это былъ истый питомецъ общества Людовика XV, прошедшій чрезъ весь развратъ частной жизни, чрезъ всѣ оргіи того времени, почти всѣмъ пресмыщенный и отупѣвшій для всего, кромѣ наслажденій. Безъ вѣры въ идеалы, безъ энтузіазма въ какомъ бы то ни было нравственномъ правиламъ, но одаренный удивительными способностями, онъ казался созданнымъ именно для такого времени.

Рано обратилъ онъ на-себя вниманіе Мирабо, который здѣсь обнаружилъ свою поразительную проицательность, предсказавъ

¹⁾ Bougeart: Danton, Bruxelles, 1861. — Robinet: Danton. Paris, 1865
Оба сочиненія—анологич. О.

замѣчательную будущность человѣку, который былъ тогда не больше, какъ развращенный, плохой адвокатъ. Впрочемъ никто лучше его и не могъ понять Дантона.

Это богатирское тѣло, крѣпкое еще, несмотря на все распутство, эти вздерошенные волосы, громадный голосъ, сверкающій взоръ, подавляющее краснорѣчіе — все напоминало Мирабо. Дантонъ и былъ въ извѣстной степени Мирабо низшихъ слоевъ общества, великій трибунъ улицъ и баррикадъ. Гдѣ недостаточно было тонкаго краснорѣчія и діалектики, тамъ раздавалось его слово.

У него была смѣлость, у него было мужество, презиравшее смерть, которое его противники отрицали въ немъ, но которое онъ доказывалъ, какъ только могъ доказывать сластолюбецъ. Дантонъ не боялся массъ, а это много значить. Всѣ остальные террористы страшились ихъ, онъ лишь презиралъ ихъ. Онъ управлялъ ими, какъ своимъ орудіемъ, и давалъ имъ чувствовать это. Даже когда чернь у подножія его эшафота осыпала его проклятіями, у него нашлись одни ругательства для нея.

Это не то, что Робеспьеръ. Подстрекнувъ своихъ агентовъ, онъ потомъ, когда миша уже совсѣмъ готова, не станеть выбирать себѣ безопаснаго мѣстечка, гдѣ бы выждать конца взрыва. Онъ всюду былъ самъ, гдѣ нужно было драться.

У него не было нѣжнаго раздумья жирондистскихъ ораторовъ, которые, во все не желая возстанія, съ удовольствіемъ пожали бы его плоды. Онъ могъ спросить ихъ: гдѣ были вы 10-го августа, когда мы одерживали побѣду?

Массы повиновались ему, потому что боялись его. Ужъ умирая подъ гильотиной, онъ своимъ львинимъ голосомъ закричалъ ревущему народу: „Молчать!“ — и крикуны смолкли.

Характеръ Дантона, конечно, обьясняетъ ужасъ, охватывавшій жиронду при одномъ его имени. Однако отъ природы онъ не былъ кровожаденъ и свирѣтъ. У него была даже своего рода мягкая *bonhomie*, столь свойственная чувственнымъ людямъ. Онъ могъ устроить сентябрскія убійства и въ то же время подать знакъ нѣкоторымъ изъ своихъ знаменитыхъ противниковъ, чтобы они постарались какъ-нибудь убраться. Онъ не желалъ крови отдѣльныхъ личностей и не былъ мстителемъ, какъ Робеспьеръ.

Но онъ извѣдалъ безупутную жизнь и достаточно прочитался пороками прошлаго, чтобы смущаться предъ какимъ бы то ни было средствомъ. Онъ не хотѣлъ убивать отдѣльныхъ лицъ, но предъ убійствомъ массъ не отступалъ съ ужасомъ. У него политическо не было политической совѣсти. Онъ, не стѣдясь, вы-

сказывалъ то, что другіе облевали въ цвѣтистое краснорѣчіе. У него послѣ убійства доставало духу сказать: „Да, я убилъ!“

Да, человѣкъ, искавшій въ революціи не свободы и рѣспублики, а только власти и наслажденій, превосходившій всѣхъ отчаянною дерзостью своихъ поступковъ, могъ внушать ужасъ, если подумать, что въ его рукахъ находилась судьба Франціи.

Франція пренебрегла въ свое время правленіемъ Мирабо. Теперь она управлялась Дантономъ, и новый регентъ, прежде всего облекшійся судебною властью, немедленно ознаменовалъ начало новой свободы страшнымъ торжествомъ, носившимъ на себѣ отпечатокъ его личности, отъ котораго онъ никогда не отрезался: онъ произвелъ сентябрьскія убійства.

Мрачными предвѣстниками сентябрьскихъ ужасовъ были домашніе обыски, которые національное собраніе принуждено было разрѣшить ему.

Въ этотъ день онъ сказалъ замѣчательную рѣчь, въ качествѣ „народнаго, революціоннаго министра“:

„Врагъ угрожаетъ государству, но пока онъ взялъ еще только Лонгви. Если бы комиссары собранія въ своемъ заблужденіи не противорѣчили мѣрамъ исполнительной власти (т. е. комитету возстапія въ ратушѣ), то армія Келлермана тотчасъ же соединилась бы съ арміей Дюмурье. Вы видите, что наша опасность выходитъ изъ ряда вонъ. Пусть же національное собраніе покажетъ себя достойнымъ націи. Судорожнымъ движеніемъ (une convulsion) мы низвергли деспотизмъ; могучимъ движеніемъ оборонительной силы націи мы должны отбросить деспотовъ. До сихъ поръ мы вели Лафайетовскую, призрачную войну; теперь же должны пачать страшныя военныя дѣйствія. Пора сказать народу, что онъ долженъ всею своею массою кинуться на врага“.

Тутъ естественно ожидается совѣтовъ насчетъ того, какимъ же образомъ въ самый короткій срокъ отправить на границы, на встрѣчу врагу, всѣхъ французовъ, способныхъ носить оружіе, обучивъ и вооруживъ ихъ какъ можно лучше? Но, вмѣсто того, рѣчь идетъ только о комиссарахъ исполнительнаго комитета, къ которымъ національное собраніе должно присоединить еще своихъ, чтобы пастирать общественное мнѣніе (exercer l'influence de l'opinion) въ департаментахъ и объявлять муниципалитетамъ, что каждому изъ нихъ будетъ дано право (sera autorisé) выставить лучшихъ изъ ихъ хорошо вооруженныхъ воиновъ.

Затѣмъ слѣдуетъ самое важное мѣсто въ рѣчи, гдѣ открывается, что не внѣшній, а внутренній врагъ—истинный предметъ доклада: „До сихъ поръ запирали ворота столицы—и хорошо дѣлали: весьма важно овладѣть измѣнниками. Но теперь

необходимо завтра же схватить ихъ, хотя бы ихъ было цѣлыхъ 30,000, чтобы Парижъ могъ снова вступить въ открытыя сношенія со всею Франціей.

„Общинному совѣту предоставляется право хватать всѣхъ подозрительныхъ; но французскій народъ съ завтрашняго же дня долженъ быть въ состояніи защищать васъ и входить въ сношенія съ парижанами“¹⁾.

„Мы требуемъ отъ васъ полномочія начать домашніе обыски (*visites domiciliaires*). Въ Парижѣ навѣрно есть 80,000 годныхъ ружей. Такъ вотъ всякій, у кого есть оружіе, пусть спѣшитъ къ границамъ. Какъ народы, завоевавъ свободу, упрочивали ее? Они спѣшили на встрѣчу врагу, а не давали ему приблизиться. Что сказала бы Франція, если бы Парижъ рѣдумалъ ожидать нашествія врага въ туномъ остолебѣніи? Французскій народъ захотѣлъ быть свободнымъ—и будетъ свободенъ. Вскорѣ здѣсь соберутся многочисленныя военныя силы. Вскорѣ отдадутъ все необходимое въ распоряженіе общиннаго совѣта съ обязательствомъ вознаграждать собственниковъ. Все принадлежитъ отечеству, когда отечество въ опасности“.

Поиски за 80,000 ружей были, разумѣется, только наглымъ предлогомъ. Въ дѣйствительности ихъ нашлось всего какихъ-нибудь 2,000, чтб. конечно, хорошо было извѣстно. Тутъ дѣло шло объ уничтоженіи права домашнего очага, неприкосновенности лица и имущества, объ организаціи войны противъ подозрительныхъ.

Национальное собраніе совершенно растерялось. Какъ будто и вправду дѣло шло о спасеніи угрожаемаго отечества чрезвычайными мѣрами; оно приняло безъ преній рѣшеніе, по которому весь власъ собственниковъ оказывался внѣ закона, а разбойничьи шайки Дантона, Марата и Робеспьера становились господами Франціи.

Было опредѣлено: „Во всѣхъ общинахъ Франціи общиннымъ чиновникамъ и ихъ делегатамъ приступить къ домашнимъ обыскамъ, чтобы въ точности узнать, сколько у гражданъ военныхъ снарядовъ и оружія, сколько лошадей, илуговъ и телѣгъ (!). У подозрительныхъ отнять оружіе и отдать его защитникамъ отечества и равенства“.

Ружей, какъ уже сказано, нашлось до смѣшного мало. Но зато сколько открыто „подозрительныхъ“! Какой ужасъ распространился повсюду отъ домашнихъ обысковъ!

¹⁾ Этихъ словъ нѣтъ въ текстѣ изданія *Histoire parlementaire*. Мы находимъ ихъ у *Mortim.-Ternaux*, III, 134. О.

29-го августа началось исполненіе этихъ первыхъ подготовительныхъ мѣръ правленія террористовъ.

Съ 4-хъ часовъ пополудни оцѣпляются городскія улицы, запираются лавки и дома. Ни одинъ экипажъ, ни одинъ пѣшеходъ не смѣютъ показаться. Всѣ, съ женами и дѣтьми, сидятъ дома, и кто не принадлежитъ къ господствующему цвѣту, тотъ едва смѣетъ дышать. Съ 10-ти часовъ вечера комиссары начинаютъ свой обходъ по домамъ. По 30-ти комиссаровъ въ каждой изъ 48 частей гигантскаго города пускаются въ путь съ ужасающею одно-временностью. Ихъ сопровождаютъ „делегаты“ и копейщики предмѣстій, обязанные забирать ружья и „подозрительныхъ“. Арестуются цѣлыя массы. Изъ приводимыхъ цифръ самая низкая 3,000, высшая—8,000 человекъ.

До вечера 31-го августа продолжался домашній обыскъ со всѣми его ужасами. Кто не ускользалъ въ суматохѣ, того тотчасъ же сажали въ тюрьму, гдѣ онъ могъ считать себя погибшимъ.

Бурному комитету возстанія въ ратушѣ уже нечего было бояться роялистовъ внѣ національнаго собранія. Но послѣднее ревностнѣе, чѣмъ когда-либо, работало именно теперь надъ его гибелью,— работало, конечно, съ весьма позорнымъ результатомъ.

На первую попытку устранить комитетъ онъ отвѣчалъ дерзкимъ постановленіемъ, которое „именемъ отечества“ провозглашало его несмѣняемымъ и неприкосновеннымъ. Жившееся затѣмъ, по предложенію Гаде, рѣшеніе національнаго собранія распустить общинный совѣтъ и замѣнить его въ 24 часа дѣйствительными представителями секцій точно также не имѣло другихъ послѣдствій, кромѣ еще болѣе чувствительнаго пораженія собранія. Является депутація, въ которую втиснули собственно заброшеннаго уже Петіона, и вручаетъ составленный Робеспьеромъ безстыдный адресъ, гдѣ, между прочимъ, говорится: „Мы арестовали мятежныхъ священниковъ, сообразно съ вашими рѣшеніями, велѣли посадить ихъ въ тюрьмы, и чрезъ нѣсколько дней почва свободы будетъ очищена отъ ихъ присутствія“. Не успѣла еще коммиссія по этому адресу приготовить свой отчетъ, какъ Тюрье, за которымъ стоялъ Дантопъ, уже внесъ проектъ закона, утверждавшій за шайкой мятежниковъ всю захваченную ею власть. И національное собраніе приняло этотъ проектъ (2-го сентября).

Этимъ было обещано убійство массъ. Для него выбрали воскресенье 2-го сентября, прежде чѣмъ его виновники могли узнать, какъ сильно помогутъ имъ военныя событія на границахъ.

Извѣстіе: „напали на Вердюнъ!“ послужило основаніемъ и предлогомъ для самыхъ чрезвычайныхъ мѣръ.

„Вердюнь,—такъ представлялъ въ ратушѣ дѣло Манюэль,—единственная крѣпость, которая могла бы остановить пруссаковъ на пути къ Парижу. Гарнизонъ, несмотря на всю свою храбрость, не будетъ въ состояніи отстоять ее; стало быть, она почти уже потеряна, и Парижъ открытъ пруссакамъ!“

Этого было достаточно, чтобы комитетъ всеобщей охраны ¹⁾ созвалъ на Марсово поле всѣхъ способныхъ носить оружіе и боемъ въ набатъ, трескомъ барабановъ, громомъ пушекъ привелъ городъ въ то лихорадочное состояніе страха и возбужденія, которое было такъ благопріятно для его дѣйствительныхъ плановъ.

Национальное собраніе приняло съ восторгомъ заявленіе ратуши. Всѣ раздоры были забыты, и Верньо, великій ораторъ жиронды, которая вчера только готова была умертвить заставшіи тамъ комитетъ, заявилъ ему, что признаетъ его спасителемъ государства.

„Сегодня,—сказалъ онъ,—Парижъ долженъ показать себя во всемъ своемъ величіи. Я снова узнаю его мужество въ принятыхъ имъ рѣшеніяхъ, и теперь можно сказать: отечество спасено!“

При громкомъ одобреніи галлерей, онъ требуетъ, чтобы національное собраніе преобразовалось въ большой военный комитетъ и вмѣстѣ съ ратушей само подало примѣръ, „какъ рыть могилу врагу“.

И Дантонъ бросился на трибуну и воскликнулъ: „Все въ движеніи, все трепещетъ, все горитъ желаніемъ борьбы... Одна часть народа носитъ къ границѣ, другая будетъ рыть шанцы, третья—защищать наши города... Парижъ станетъ поддерживать эти великія усилія. Коммиссары городской общины торжественно пригласятъ гражданъ вооружиться и выступить на защиту отечества... Набатъ, въ который станутъ бить, не сигналъ къ тревогѣ, но самое нападеніе на враговъ отечества... Чтобы ихъ побѣдить, милости-

¹⁾ Комитетъ всеобщей охраны. *Comité de surveillance générale*, былъ однимъ изъ нѣсколькихъ комитетовъ, на которые распался около того времени общинный совѣтъ. Это устройство совѣта было устроено Дантономъ и Маратомъ для того, чтобы правильнѣе и сильнѣе организовать ихъ исполнительную власть, принадлежавшую собственно ратушѣ, соперничавшей съ нѣкимъ національнымъ собраніемъ. Оно послужило образцомъ для тѣхъ комитетовъ, которые управляли всѣми дѣлами конвента. Въ описываемую минуту комитетъ всеобщей охраны только-что зарождался, существовалъ почти только по имени. Но весьма скоро онъ сталъ во главѣ всѣхъ остальныхъ комитетовъ и началъ играть весьма важную роль, напоминающую знаменитое гнѣздо тиранства, славившееся во время конвента подъ именемъ комитета общаго блага (*comité de salut public*). Онъ состоялъ изъ ничтожнаго числа клеветовъ Дантона и Марата. *Ред.*

вые государи, намъ нужна смѣлость, смѣлость и смѣлость, и Франція спасена ¹⁾“.

Среди такихъ-то проявленій диваго, фанатическаго патріотизма, Дантонъ могъ надѣяться вырвать у національнаго собранія полномочіе, которое облекало формальною диктатурой его и патріотовъ ратуши. Онъ потребовалъ смертной казни для всѣхъ, кто откажется или самъ выступить на бой, или выдать свое оружіе благонамѣреннымъ защитникамъ отечества. Онъ потребовалъ смертной казни для каждаго, кто окажетъ малѣйшее непослушаніе или сопротивленіе приказаніямъ и мѣрамъ исполнительнаго комитета, и получилъ согласіе на все. То было уполномоченіе на убійства 2—3-го сентября.

Чего же онъ хотѣлъ этимъ достигнуть?

У Марата, Робеспьера и другихъ дѣло шло о томъ, чтобы однимъ и тѣмъ же ударомъ поразить своихъ личныхъ враговъ и, посредствомъ терроризма, управлять выборами въ конвентъ. Дантонъ же дѣйствовалъ не столько изъ личной мстительности и разсчитаннаго честолюбія. Ему не было дѣла до отдѣльныхъ личностей: еще утромъ 2-го сентября онъ помогъ спастись нѣкоторымъ изъ своихъ противниковъ. У него все происходило скорѣе изъ диваго, преступнаго фанатизма, который, не вида возврата для себя самого, хотѣлъ, посредствомъ великой гнусности, сдѣлать невозможнымъ этотъ возвратъ и для націи. Чѣмъ больше соучастниковъ, тѣмъ меньше перебѣжчиковъ; чѣмъ сильнѣе ужасъ, тѣмъ вѣрнѣе покорность столици. Широкая кровавая полоса должна была отдѣлить новую Францію отъ старой, революцію отъ ея противниковъ, которые все еще вѣрили, что дѣла могутъ принять другой оборотъ ²⁾.

Всего добросовѣстнѣе развилъ онъ свой взглядъ въ рѣчи, сказанной имъ 30 августа въ совѣтѣ министровъ: „Въ этомъ состояніи слабости, мы, республиканцы, подвержены двойному огню: непріятельскому внѣ государства и роялистскому внутри его. Въ Парижѣ тайно пребываетъ роялистическая директорія, и она поддерживаетъ сношенія съ прусскимъ войскомъ. Сказать вамъ, гдѣ она собирается и кто къ ней принадлежитъ, невозможно. Чтобы ее разстроить, пужно напугать роялистовъ (il faut faire peur aux

¹⁾ „Le Toesin qu'on va sonner n'est point un signal d'alarme, c'est la charge sur les ennemis de la patrie... Pour les vaincre, messieurs, il nous faut de l'audace, encore de l'audace, toujours de l'audace et la France est sauvée“.

²⁾ Издатель книги: Souvenirs de Pontécoulant (I, 116), говоритъ: On voulait enchaîner le peuple par une épouvantable solidarité et en l'entraînant dans un crime inouï le rendre plus docile à tout ce qu'on allait exiger de lui. „Ex crimine maxima peccandi necessitas“, a dit Tacite.

royalistes)". Тутъ онъ сдѣлалъ движеніе, которое привело въ ужасъ слушателей ¹⁾.

Прежде чѣмъ выступить къ границамъ, навстрѣчу вѣшному врагу, нужно раздѣлаться съ внутреннимъ врагомъ въ тылу: таковъ былъ лозунгъ комиссіи безопасности и ея министра, Дантона.

Часа въ 2 или 3 пополудни шайки изъ ратуши бросились на свои беззащитныя жертвы по темницамъ. Началось съ 22 священниковъ въ депо меріи. Марсельцы притащили ихъ въ аббатство и убили одного за другимъ. Послѣ священниковъ, настала очередь пѣнныхъ швейцарцевъ и королевскихъ гвердейцевъ. Такимъ образомъ, убійство прошло по всѣмъ тюрьмамъ. У кармелитовъ и бернардиновъ, въ Лафорсѣ, въ Шателе, въ Консьержери, въ Бисетрѣ, въ Сальпетриерѣ кровь льется рѣвой. Ровно два дня и двѣ ночи идетъ страшная рѣзня. 187 „патріотовъ“, этихъ палачей, не больше, казнили отъ 1,300 до 1,500 невинныхъ ²⁾.

Не стану вдаваться въ подробности этихъ кровавыхъ сценъ. Предоставляю ихъ любителямъ ужаснаго.

Пабатный бой Дантона раздавался не только для столицы, но и для провинцій. Во многихъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Лионѣ, Орлеанѣ, Реймсѣ и Мо, дѣйствительно происходили подобныя же сцены. Но всегда требовалось присутствіе парижскихъ комиссаровъ, федератовъ и балдитовъ, чтобы пустить въ ходъ такія преступленія. Впрочемъ и имъ по большей части не удавалось даже провести выборы въ конвентъ въ духъ своей партіи. Запуганное среднее сословіе допускало ужасы, остановить которые оно было не въ силахъ. Но при выборахъ въ конвентъ оно произнесло свой обвинительный приговоръ сентябрьскимъ убійцамъ.

¹⁾ Variante: Convent. nationale, I, 247. Ср. упоминаемый у Зибеля (I, 492) манифестъ Дантона, который приглашалъ „гражданъ снова взяться за оружіе, чтобы кровь всѣхъ измѣнниковъ была первою жертвою свободѣ, чтобы, при выступленіи противъ врага, падали не оставалось никого, кто могъ бы обезпокоить“ друзей свободы. Любопытно, что этотъ манифестъ былъ присоединенъ къ подобному же циркуляру комитета всеобщей охраны, который здѣсь уже названъ знаменитымъ впоследствии именемъ „комитета общаго блага“ Ред.

²⁾ Зибель (I, 484) не рѣшается точно опредѣлить число погибшихъ. Вотъ его слова: „Шелья опредѣлитъ въ точности всего числа убитыхъ. Современныя разсказчики говорятъ о восьми, десяти, даже о пятнадцати тысячахъ мертвыхъ; историки-демократы нашего времени едва допускаютъ тысячу, ибо списки обѣихъ главныхъ тюремъ показываютъ лишь 811 убитыхъ. Но выводъ невѣренъ уже потому, что множество арестованныхъ, при бурномъ движеніи послѣднихъ дней, вовсе не было занесено въ списки. Изъ другихъ современныхъ списковъ, по одному оказывается 1414 убитыхъ, по другому 1316, по третьему 1,005; прибавьте къ этому, кромѣ того, больше 1,000 убитыхъ въ Бисетрѣ“. Ред.

Военныя событія въ Шампани (Августъ и сентябрь 1792 г. ¹⁾).

Въ дни сентябрьскихъ убійствъ союзники имѣли успѣхъ въ Шампани въ первый и послѣдній разъ.

Революціонный лагерь представляетъ довольно отвратительное зрѣлище. По тутъ, рядомъ съ кровавыми ужасами парижскихъ уличныхъ демагоговъ, замѣтно воинственное воодушевленіе французской націи, которому мы не можемъ отказать въ своемъ уваженіи, даже въ восхищеніи. Поэтому-то общее впечатлѣніе событій во Франціи гораздо лучше, чѣмъ то, которое мы выносимъ изъ лагера союзниковъ. Здѣсь все такъ жалко и ничтожно.

Если бы Марія-Терезія и Фридрихъ Великій подняли все противъ революціи, пустили бы въ ходъ всѣ рычаги дѣйствія, чтобы лучше погибнуть съ честью, чѣмъ подчиняться якобинцамъ, это было бы понятно, по крайней мѣрѣ, съ монархической точки зрѣнія. Но что значилъ походъ, предпринятый этимъ лѣтомъ противъ якобинцевъ, этого нельзя понять ни съ какой точки зрѣнія.

Изъ вораха писемъ и документовъ каждому становится черезчуръ ясною тайна похода. Мы видимъ, отчего всѣ дѣйствія союзниковъ такъ безотрадны и жалки въ борьбѣ съ разстроенною Франціей, съ этой недисциплинированной толпой, которая едва заслуживала названія войска,—словомъ, въ борьбѣ съ врагомъ, который, по всѣмъ разчетамъ, былъ теперь слабѣе, нежели когда-либо прежде и послѣ. Среди прусскихъ государственныхъ мужей и полководцевъ также рѣдко можно было встрѣтить людей съ рыцарскимъ, средневѣковымъ настроеніемъ Фридриха-Вильгельма II, какъ и съ реакціоннымъ фанатизмомъ Франца II. Такіе царедворцы, какъ Бишофсвердеръ, обогатившійся опытомъ въ „картофельной войнѣ“ ¹⁾, могли, разумѣется, гордо разсуждать: „Къ чему новушать столько лошадей? Комедія не протянется долго: къ осени мы вернемся домой“. Но въ лагерѣ смотрѣли на дѣло совершенно иначе. Государственные люди школы Фридриха Великаго не хотѣли и слышать о войнѣ, которая, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, не доставила бы никакой выгоды на западѣ, а на востокѣ, по всей вѣроятности, принесла бы много вреда.

Особенно предводитель союзнаго войска, герцогъ Карлъ-Вильгельмъ-Фердинандъ Брауншвейгскій, котораго сами французы хо-

¹⁾ Sybel, I, 502 sqq.—Pauzever, I, 320 sqq.—Reynouard.

²⁾ Такъ называется, въ насмѣшку, война между Пруссіей и Австріей за баварское паслѣдство (1778—1779), въ которой было пролито гораздо болѣе чернилъ, чѣмъ крови. *Ред.*

тѣли баснословно почитать за его военный талантъ, предложивъ ему начальство надъ своими войсками, смотрѣлъ на войну съ революціей вовсе не какъ на военную прогулку, о которой неумолимо говорили эмигранты. Онъ придавалъ неизмѣримое значеніе силѣ революціоннаго воодушевленія. Это-то съ самаго начала и подѣяло всю его вѣру въ себя. А онъ и безъ того былъ крайне нерѣшительнъ и остороженъ. У него было очень мало энергіи и присутствія духа.

Къ этому присоединилось ложное положеніе короля относительно войска. Съ 1640 года прусскіе монархи лично предводительствовали своими войсками, и притомъ съ высокимъ отличіемъ. Это наложило свой отпечатокъ на государство и сообщило прусскому военному дѣлу своеобразный полетъ. Теперь же король только по имени стоялъ во главѣ войска, такъ какъ онъ весьма основательно не полагался на свое предводительство. Герцогъ Брауншвейгскій всегда былъ при немъ, какъ менторъ, и почти никогда не сходился съ нимъ въ мнѣніяхъ. Если король былъ слишкомъ смѣлъ, то герцогъ былъ ужъ черезчуръ робокъ и неповоротливъ. Въ этомъ заключалась самая важная причина апархіи въ главной квартирѣ, гдѣ постоянно возникали только полумѣры и гдѣ никто не былъ ни вполне отвѣтственъ, ни вполне независимъ.

Притомъ обѣ союзницы, Австрія и Пруссія, оставляли за собой нерѣшеннымъ чрезвычайно важный вопросъ. Подготавлился новый раздѣлъ Польши, и отъ одной Россіи зависѣло па-значить, когда долженъ наступить кризисъ для всей этой путаницы.

Между тѣмъ какъ на западѣ, по большей мѣрѣ, можно было достигнуть лишь возстановленія чужого трона, на востокѣ могли послѣдовать удары, ближе всего касавшіеся собственныхъ престоловъ. При договорѣ, который заключили обѣ нѣмецкія державы противъ Франціи, одна изъ нихъ бросала косвенные взгляды на Великую Польшу, другая—на Баварію. Поэтому-то ни одна и не могла отдаться всю душой войнѣ; и первая неудача войскъ на западѣ, а дипломатовъ на востокѣ поселила раздоръ между ними.

14 іюля 1792 года короновался во Франкфуртѣ новый императоръ Францъ II. Здѣсь и на слѣдующемъ затѣмъ княжескомъ сеймѣ въ Майнцѣ, происходили послѣдніе переговоры о войнѣ. Сюда явился также посланный отъ Людовика XVI, женевецъ Малле-дю-Панъ, чтобы именемъ своего монарха предостеречь нѣмецкія державы отъ глупостей, въ которыя могли вовлечь ихъ эмигранты и за которыя пришлось бы заплатить никому другому, кромѣ королевскаго семейства.

Онъ просилъ манифеста, который сдѣлалъ бы строгое различіе

между націей и террористами и не угрожать бы первой возстановленіемъ стараго порядка вещей, что неизбѣжно бросило бы ее въ объятія якобинцевъ.

Особенно же онъ убѣждалъ союзниковъ, изъ любви къ королю и патриотамъ, не выказывать никакого сочувствія эмигрантамъ. Въ такомъ случаѣ оставалось только одно: вмѣшаться, но зато самымъ серьезнымъ образомъ, въ дѣла терроризма.

Его совѣты были напрасны.

Манифестъ 25 іюля, составленный какимъ-то маркизомъ Лимономъ въ духѣ самыхъ ожесточенныхъ эмигрантовъ и въ несчастную минуту подписанный герцогомъ Брауншвейгскимъ, доказалъ, что здѣсь не могли оцѣнить этихъ разумныхъ предложеній.

Манифестъ угрожалъ всей французской націи ни болѣе, ни менѣе, какъ истребленіемъ всѣхъ мѣстечекъ, городовъ и деревень, съ Парижемъ на первомъ планѣ, если, хотя въ чемъ-нибудь, не будетъ оказано должнаго благоговѣнія къ королю и его семейству. Эти угрозы казались тѣмъ болѣе вздорными, что лучшее время къ нападенію, въ маѣ, послѣ позорныхъ апрѣльскихъ событій, было уже унущено, и всѣ нерасположенные къ войнѣ, съ герцогомъ во главѣ, могли сообразить теперь, что военныя силы, на которыя приходилось разсчитывать, далеко меньше условленныхъ. Австрія обѣщала болѣе 100,000 человекъ, а въ дѣйствительности на верхнемъ Рейнѣ и въ Нидерландахъ у нея было всего какихъ-нибудь 70,000. Стало быть, вмѣсто необходимыхъ для завоеванія Франціи 110,000, теперь, при самыхъ лучшихъ условіяхъ, имѣлось подъ рукой всего 80,000 съ чѣмъ-нибудь.

Этого было слишкомъ мало для такого времени, когда нельзя было оставлять крѣпостей въ тылу; а за отчисленіемъ войска (какъ обыкновенно дѣлалось) для прикрытія границъ отъ Брюсселя до Страсбурга и для наблюденія за крѣпостями, осталась бы боевая армія всего въ 50,000 человекъ.

Непріятель не мѣшалъ наступленію на Францію, начавшемуся изъ Кобленца въ послѣдніе дни іюля, и, тѣмъ не менѣе, оно совершалось чрезвычайно медленно. Причиною первой 8-ми дневной остановки у Трира и Конца (5—12 августа) была неповоротливость въ багажной и провіантской части. Мука, изъ которой въ Шампани несли хлѣбъ для прусской арміи, молотась въ Магдебургѣ: тогдашнее господство мелкихъ государствъ въ Германіи не дозволяло поступать иначе, а правильная реквизиціонная система еще не была извѣстна. Другая, 4-хъ дневная, остановка у Монфора (14—18 августа) произошла отъ тяжелыхъ сомнѣній, вызванныхъ извѣстіемъ о событіяхъ 10 августа и о плѣненіи короля, котораго хотѣли освободить.

Въ мрачномъ, далеко не бодромъ настроеніи духа перешли 10 числа границу. Здѣсь одинъ случай освѣжительно подѣйствовалъ на войска. Толпа непріятеля, столкнувшись съ прусскимъ авангардомъ, разбѣжалась при первомъ выстрѣлѣ и открыла свободный проходъ въ Лонгви. Между населеніемъ нашлись такіе, что ликовали, избавившись отъ якобинцевъ; но не было ни одного, кто бы поблагодарилъ за это пруссаковъ или французскихъ принцевъ, бывшихъ въ ихъ свитѣ.

Крѣпостью Лонгви овладѣли 23 августа, Верденомъ—2 сентября. Оба города были въ плохомъ состояніи, а населеніе послѣдняго съ роялистическимъ образомъ мыслей. Ни одинъ благоразумный человекъ не могъ еще заключить по этимъ легкимъ уснѣхамъ, что вѣрны рассказы эмигрантовъ о восторженной встрѣчѣ освободителей. Гораздо сильнѣе подѣйствовало на солдатъ то обстоятельство, что застрѣлился комендантъ Вердена, Боренеръ, принужденный жителями къ сдачѣ города, а удалявшійся гарнизонъ кричалъ пруссакамъ: „*A revoir aux champs de Chalons!*“

Герцогъ вовсе не скрывалъ своей досады на эмигрантовъ, розказнямъ которыхъ не вѣрили пруссаки. Онъ теперь совершенно серьезно вернулъ въ своей прежней мысли — ограничиться въ этомъ первомъ походѣ Маасомъ и взятіемъ крѣпостей и по этой рѣшѣ заложить прочный фундаментъ для второго, основательнѣе рассчитаннаго похода. Правильно-ли это было съ военной точки зрѣнія, это еще не рѣшено специалистами. Но въ политическомъ отношеніи тутъ, навѣрное, была сдѣлана ошибка, такъ какъ нужно было во время нанести быстрый, смертельный ударъ извѣстной партіи, изъ рукъ которой хотѣли вырвать жертву.

Такая методическая война была просто невозможна для короля Фридриха-Вильгельма II. Онъ настаивалъ на дальнѣйшемъ наступленіи, и герцогъ, по своему обыкновенію, уступилъ, т. е. смолчалъ, по рѣшился такъ исполнить желаніе короля, чтобы все-таки остаться правымъ.

Пруссаки ничего не знали объ ужасномъ разстройствѣ французскаго лагеря. А здѣсь еще страдали отъ тяжелыхъ послѣдствій 19 августа, когда непріятель вступилъ уже на почву Франціи. Здѣсь господствовала анархія между предводителями, что и не могло быть иначе, благодаря событіямъ до бѣгства Лафайета и послѣ него. Здѣсь недоставало дисциплины у солдатъ: загадочнымъ образомъ пропали цѣлыя тысячи, которыя по необходимости приходилось замѣнять совершенно необученными волонтерами ¹⁾.

¹⁾ Между волонтерами 1792 г. и ихъ выборными офицерами было много позднѣйшихъ героев Наполеоновскаго времени: Гувьонъ, С. Сиръ, Журданъ.

Прибавьте къ этому самое жалкое вооруженіе и продовольствіе, недостатокъ во всемъ и безпорядокъ повсюду.

Единство въ предводительствѣ явилось не раньше 18 августа, когда во главѣ сѣверной арміи сталъ Дюмурье, умѣвшій ловко ладить съ якобинцами. Но у него, вмѣстѣ съ Келлерманомъ (смѣнившимся стараго Лювнера), было въ распоряженіи всего 60,000 человекъ далеко не равнаго достоинства. Какъ офицеръ, новый главнокомандующій былъ мужественъ, талантливъ и предприимчивъ; но какъ предводитель, онъ строилъ лишь воздушные замки. Въ ту минуту, когда линія по Маасу отчасти была уже потеряна, а отчасти близка къ гибели, онъ все еще носился съ своими старыми завоевательными планами относительно Бельгіи. Уже военный министръ Серванъ принужденъ былъ указать ему, что развязка кампаніи — въ Аргонскомъ лѣсу. Разумѣется, это не мѣшало ему впоследствии приписать себѣ честь открытія этихъ, какъ онъ выражался, „Оермониль Франціи“ ¹⁾.

Герцогъ Брауншвейгскій стоялъ на 6 миль ближе къ Аргонскому лѣсу ²⁾, чѣмъ Дюмурье. Оладѣй онъ во-время проходами на высотахъ между Верденомъ и С. Менху (Menhoult),—и, какъ увѣряютъ знатоки, Франція очутилась бы въ отчаянномъ положеніи; но онъ побоялся непослѣдовательности въ своемъ строго методическомъ образѣ дѣйствій и далъ французамъ возможность подождать ему навстрѣчу.

4 сентября Дюмурье, отправившись изъ Седана, достигъ Аргонскаго прохода въ Гранпире, а на другой день Дильонъ изъ Менху дошелъ до прохода въ Илетѣ (Islettes). Дюмурье торжествовалъ: въ своемъ воображеніи онъ уже гнался по пятамъ за бѣгущими пруссаками и совершенно упустилъ изъ виду, что собственно только теперь предстоитъ развязка.

Герцогъ допустилъ врага обойти съ сѣверо-запада свою позицію у Гранпире. 12 сентября пруссаки, подъ предводительствомъ Калькрейта, подали руку австрійскому корпусу Клерфе при Бривне, на сѣверѣ отъ Гранпире. Счастливый патискъ австрійцевъ на лѣсной проходъ Croix aux bois 13 числа открылъ путь въ тылъ

Ланъ, Декурбъ, Массена, Моро, Мортъе, Удино, Сугамъ. Mortimer-Ternaux, t. I, III.

¹⁾ Mémoires, II, 391 sqq.

²⁾ Въ Шампани, между Марпой и Маасомъ, лежитъ горная и гліссистая мѣстность, весьма важная въ стратегическомъ отношеніи, именуемая Аргонскимъ лѣсомъ. Центръ ея составляетъ С. Менху. Близъ этого городка, къ юго-западу, находится Вальми; а къ сѣверо-востоку идутъ по одной линіи Гранпире и Седанъ. Эта линія, упирающаяся въ Маасъ близъ бельгійской границы, прорѣзывается двумя цѣлыми горныхъ отроговъ. Къ востоку отъ нея, за Маасомъ, подлѣ самой Бельгіи, расположенъ Лонгви. Гед.

Французскаго лагеря при Гранпре, и послѣдній не могъ удержаться. Въ ночь съ 14-го на 15-е онъ былъ очищенъ.

Отступленіе Дюмуре изъ этого лагеря неизбежно перешло бы въ катастрофу, если бы, не говоря уже про 2 эскадрона прусскихъ гусаръ, которыхъ было достаточно, чтобы разбить дѣльныя тысячи непріятели, пустили въ дружное преслѣдованіе хотя одну пѣхоту авангарда. Въ такомъ случаѣ, Дюмуре пришлось бы весьма плохо. Но герцогъ опять не допустилъ до битвы. Онъ былъ слишкомъ занятъ печеніемъ хлѣбовъ для своихъ солдатъ, и потому Дюмуре невредимо ускользнулъ въ С. Менху.

Тутъ онъ устроилъ новый лагерь и, подъ прикрытіемъ Дильона, стоявшаго у Илетскаго прохода, стянулъ къ себѣ боевыя силы Берноввиля и Келлермана. Уже 19 сентября у него стояло въ довольно выгодной позиціи 60,000 человекъ, противъ которыхъ пруссаки могли выставить только 39 или 40 тысячъ.

Герцогъ придумалъ подробный, методическій маневръ, какъ — по выбить, а вытѣснить французовъ изъ этой позиціи. Но король, подъ вліяніемъ ложнаго извѣстія о намѣреніи французовъ уйти въ Шалонъ, потребовалъ немедленнаго нападенія, опасаясь, какъ бы они опять не ускользнули. Хотя прусская армія была и не велика, за нею нечего было бояться, такъ какъ, сравнительно съ разнымъ сбродомъ непріятельской толпы, не бывшей еще ни разу въ дѣлѣ, перевѣсъ, разумѣется, былъ бы на сторонѣ ея старыхъ, опытныхъ солдатъ, жившихъ преданіями великаго прошлаго.

Итакъ, утромъ 20 сентября было сдѣлано нападеніе на высоты Вальми, гдѣ Келлерманъ расположился довольно далеко отъ Дюмуре.

Войска были въ восторгѣ, что наконецъ-то дѣло дошло до боя. На артиллерійскій огонь непріятели, привѣтствовавшій нападающихъ, пруссаки отвѣчали такъ дружно, что въ одну минуту разсыпали французскую колоппу, выступившую подъ начальствомъ Шазо. Во время канонады у Келлермана взорвало 2 пороховыхъ ящика, что произвело неписанное смятеніе. Паническій страхъ охватилъ молодыхъ солдатъ, и, если бы теперь ударить въ штыки, пораженіе французовъ было бы неизбежно. Съ этимъ согласны всѣ ихъ собственныя генералы.

Въ 11 часовъ сформировались прусскія наступательныя колоппы. Жаждавшіе битвы солдаты нетерпѣливо ждали сигнала въ нападенію. Но его не послѣдовало. Въ этотъ послѣдній моментъ герцогъ восторжествовалъ надъ королемъ. Дѣло ограничилось одною сильной канонадой, стоившей больше крови, чѣмъ требуется въ правильномъ штурмѣ. Молодымъ офицерамъ, готовымъ съ досады

переломать свои пшеницы, оставалось довольствоваться утѣшеніемъ Гёте: они были свидѣтелями всемірно-историческаго дня.

Вечеромъ обѣ стороны стояли тамъ же, гдѣ и утромъ. Пруссаки считали это позоромъ, французы — знаменитою побѣдой: вѣдь, въ первый еще разъ не разбѣжались ихъ молодые солдаты. Жалкая утренняя робость была забыта: ее смѣнила надменная самоувѣренность побѣдителей.

Такой случай, какъ только-что упущенный, больше не повторился для пруссаковъ. У нихъ не было недостатка въ средствахъ отважиться на новый смѣлый ударъ, который могъ бы значительно поправить ихъ ошибку; но это пужло было сдѣлать немедленно, не то весь походъ пропалъ.

Дюмурье именно опасался чего-нибудь подобнаго и съумѣлъ спастись. Онъ вступилъ въ переговоры. Онъ надѣялся черезъ нѣсколько дней усилить свое войско до 80,000 человекъ и рѣшился посредствомъ переговоровъ достигнуть необходимаго для этого перемирія.

Въ прусскомъ лагерѣ, среди самыхъ близкихъ въ королю лицъ, еще до начала враждебныхъ дѣйствій, всего болѣе было распространено убѣжденіе, что какой-угодно миръ лучше войны съ такою союзницею, какъ Австрія. Теперь, когда исчезли уже всѣ иллюзіи, оно выступило еще сильнѣе. Дюмурье узналъ объ этомъ и тутъ-то сталъ ковать свою интригу. Цѣлымъ толпамъ солдатъ изъ Лотарингіи и Эльзаса наказано было увѣрять передовые прусскіе посты, что Франція любитъ Пруссію и ненавидитъ Австрію. Самъ же Дюмурье опутывалъ въ это время довѣреннаго короля, полковника Маппейла, лестью и разными приманками и, наконецъ, открыто выступилъ съ прямымъ предложеніемъ французско-прусскаго союза (27 сентября).

Тѣмъ временемъ парижскій конвентъ провозгласилъ республику. Прусскій король видѣлъ, что паденіемъ монархіи, которую онъ хотѣлъ спасти, уничтожалась всякая возможность мирнаго посредничества, да, кромѣ того, его возмущала одна мысль о разрывѣ съ Австріей, которую старались внушить ему. Переговоры были рѣзко прерваны, и въ новомъ манифестѣ отъ 28 сентября герцогъ принужденъ былъ говорить съ якобинцами тѣмъ же тономъ, какъ и 24 іюля.

А между тѣмъ 8 дней прошло въ бездѣйствіи. Дюмурье укрѣпилъ свою позицію, значительно усилилъ войско, тогда какъ союзники пострадали отъ голода, непогоды, различныхъ лишеній и потеряли большой уронъ въ людяхъ отъ злокачественнаго поноса ¹⁾).

¹⁾ „Прусскій король попался въ ловушку и умираетъ съ голоду“, писалъ Дюмурье къ Бирону отъ 25 сентября.

Кампанія была проиграна. Измученные, упавшіе духомъ солдаты начали 29 сентября отступать по плохимъ дорогамъ и труднымъ проходамъ, которые часто на нѣсколько часовъ загромождались багажемъ и телѣгами.

Отступление было бы въ высшей степени опасно, если бы непріятель вздумалъ серьезно помѣшать ему, т. е. въ большихъ размѣрахъ повторить то, что уже въ послѣдніе дни съ успѣхомъ было испробовано отдѣльными партіями мародеровъ. Но, вмѣсто того, французы теперь опять принялись за переговоры, а въ прусскомъ лагерѣ схватились за это съ вѣрнымъ инстинктомъ.

Въ теченіе всего отступленія не переставали переговариваться съ комиссарами конвента объ отдѣльномъ французско-прусскомъ мирѣ. Хотя изъ этого ничего не вышло, но крайней мѣрѣ прусскій уполномоченный, Калкрейтъ, имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ союзныя войска отступали преспокойно, точно на маневрахъ.

Такимъ образомъ, черезъ проходы благополучно достигли до самаго Мааса. Но военная хитрость все-таки не имѣла полного успѣха. Герцогъ Брауншвейгскій радовался, добравшись до линіи Мааса, которую онъ и хотѣлъ удержать за собой, думая въ будущемъ году, съ помощью Австріи, возобновить оттуда борьбу, какъ вдругъ, въ началѣ октября, корпусъ князя Гогенлоэ былъ отозванъ изъ союзной арміи. При вѣнскомъ дворѣ проснулось старое подозрѣніе къ пруссакамъ, при первомъ извѣстіи о ихъ переговорахъ съ французами. Съ удаленіемъ Гогенлоэ уже не хватало силъ удержать за собою даже и то, что герцогъ въ крайнемъ случаѣ считалъ необходимымъ базисомъ для новаго похода. Къ этому присоединились тревожныя слухи о вторженіи Кюстина во владѣнія духовныхъ курфюретовъ, безотрадное положеніе коихъ было вѣкъ достаточно извѣстно.

Итакъ, пужено было совѣтъ уйти изъ Франціи; и съ этихъ поръ ослабѣвшій союзъ обоихъ государствъ поддерживался лишь общимъ долгомъ чести охранять нѣмецкія государства отъ нападенія санжюлотовъ.

ГЛАВА XIV.

Національный конвентъ. Выборы. Уничтоженіе монархіи (21 сентября). Первая борьба между жирондой и партіей горы.

Подъ впечатлѣніемъ сентябрьскихъ ужасовъ, въ законодательномъ національномъ собраніи совершился замѣчательный переворотъ. Жиронда начинаетъ поворачивать назадъ. Она болѣе и бо-

дѣе открыто отрекается отъ обогранныхъ кровью демагоговъ ратуши и увлекаетъ большинство собранія въ рѣшенія, которыя, разумѣется, не имѣли дальнѣйшаго успѣха, но тѣмъ не менѣе весьма характеристичны для паступившаго настроенія. О страшныхъ сентябрьскихъ дняхъ уже никто не говоритъ; но зато много разсуждаютъ о поправныхъ тогда священныхъ правахъ, которыя на будущее время должны быть охранены отъ повторенія подобныхъ оскорбленій.

Министръ Роланъ кается въ томъ, что дозволилъ Дантону страшно злоупотребить своимъ именемъ при назначеніи департаментскихъ комиссаровъ. Верньо, Керсентъ, Мезюе возстаютъ противъ терроризма ратуши и ея бандитовъ, которые совершаютъ во Франціи грабежи и убійства и покрываютъ позоромъ передъ всею Европой святое дѣло свободы.

„Пора,—воскликаетъ Верньо,—разорвать эти позорныя оковы и раздавить эту новую тираннію! Пусть погибнетъ національное собраніе, пусть угаснетъ самое воспоминаніе объ его имени, если мы спесемъ оскорбленіе, которое кладетъ пятно на имя французовъ!“

Увлеченное собраніе повторяетъ объѣтъ великаго оратора и тотчасъ же единодушно издаетъ рядъ постановленій противъ произвола комиссаровъ и парижской ратуши.

Затѣмъ, 20 сентября, объявляется декретъ о возстановленіи порядка и о личной безопасности гражданъ въ Парижѣ.

Одною статьею этотъ декретъ уничтожаетъ комитетъ возстанія въ ратушѣ и постановляетъ въ теченіе трехъ дней произвести новыя выборы въ муниципалитетъ и генеральный городской совѣтъ. Двумя другими статьями даетъ, въ первый разъ въ исторіи Франціи, ясныя и твердыя предписанія къ охраненію права домашняго очага и личной свободы.

Теперь домашній очагъ каждаго гражданина становится неприкосновеннымъ въ ночное время. Нарушить это не смѣютъ даже во имя закона. Отъ захода солнца до разсвѣта ни въ одномъ домѣ не можетъ быть произведенъ обыскъ, за исключеніемъ того случая, когда преслѣдуется только-что захваченный на дѣлѣ преступникъ. Иначе каждый гражданинъ, чей домашній очагъ будетъ оскорбленъ, вправе сопротивляться, подобному насилію, всѣми доступными ему средствами; а виновники такого беззаконія преслѣдуются публичнымъ обвинителемъ, какъ посягатели на личную свободу.

Стало быть, теперь собраніе сознало, что оно сдѣлало, позволивъ Дантону вырвать у него страшное подпомощіе на розыскъ ружей по домамъ. Но запоздалое постановленіе на бумагѣ, дол-

женствовавшее поправить эту ошибку, было его лебединою пѣснейю. На слѣдующій день составился національный конвентъ 1).

Выборы въ конвентъ вообще доставили поразительную побѣду умѣреннымъ партіямъ и въ особенности жирондѣ. Это немало помогло рѣшимости послѣдней смѣлѣе держаться того положенія, въ которомъ мы видѣли ее въ послѣдніе дни сентября.

Изъ членовъ законодательнаго собранія перешло въ конвентъ не менѣе 181 и даже изъ учредительнаго собранія поступило 77. Несмотря на гнѣтъ, производимый на массы двойнымъ страхомъ непріятельскаго вторженія и сентябрьскихъ убійствъ, все-таки преобладающее большинство въ департаментахъ избрало частію жирондистовъ, частію стоявшихъ въ нимъ всего ближе „дивихъ“. За исключеніемъ Парижа, одинъ сѣверовостокъ могъ представить главнымъ образомъ якобинскіе выборы; но и здѣсь былъ необходимъ крайній терроризмъ для доставленія побѣды „патріотамъ“.

Даже и въ Парижѣ якобинцы знали, что произойди, согласно съ закопомъ, тайные выборы по запискамъ,—пораженіе ихъ неизбежно. Поэтому секція рѣшила просто подавать голоса публично и словесно²⁾.

Но даже и теперь не довѣряли избирателямъ. Подачу голосовъ назначили въ якобинской залѣ, въ присутствіи верховнаго народа, готоваго броситься съ кулаками на всякаго подозрительнаго. Если же и тутъ проскользнулъ бы какъ-нибудь непріятный выборъ, секція удерживали за собою право исключить неправившагося имъ кандидата.

Такимъ образомъ, при инициативѣ Колло и Робеспьера, выбрали въ конвентъ парижскихъ террористовъ. Но одному знаку Робеспьера, депутатомъ Парижа сталъ также его младшій братъ, проживавшій въ Аррасѣ въ полной безвѣстности.

Терроръ, стало-быть, все-таки не произвелъ должнаго дѣйствія. Франція протестовала противъ сентябрьскихъ героевъ и осудила бы ихъ, не будь террора, пренебрегавшаго всякимъ закономъ и стыдомъ.

Конвентъ до нѣкоторой степени обязался передъ своими избирателями уже съ самаго начала разойтись съ сентябрьскими убій-

¹⁾ *Vagante: Convention nationale, I—V.—Mortimer-Ternaux, IV, V (доходитъ до казни короля).—Louvet: Mémoires.—Guadet: Les Girondins.—Alagu: Les Girondins par Guadet. Bord. 1863.*

²⁾ То же произошло въ Мо, и именно на другой день послѣ умерщвленія убійцами семи священниковъ. Вообще „патріоты“ провели своихъ депутатовъ еще въ 10 департаментахъ.

У Зибеля (I, кн. 4, гл. 3) приведены поразительные факты изъ исторіи выборовъ въ конвентъ, доказывающіе враждебное чувство, которое питали провинціи Франціи къ якобинцамъ. *Ред.*

цами. По этому-то вопросу и происходит тотчас же раздѣленіе партій. Жиронда принимаетъ на себя, во имя общественной совѣсти, роль обвинительницы. Она защищаетъ отвращеніе провинцій въ деспотизму парижскихъ демагоговъ и стоитъ теперь, какъ консервативная правая сторона, противъ анархической лѣвой. За нее огромное большинство; но ей, съ одними своими словами, не угнаться за дерзкими поступками живого меньшинства.

Первые выборы, предпріятыя собраніемъ для своего устройства, обнаружили тотчасъ перевѣсъ умѣренныхъ. Въ предсѣдатели почти единогласно выбрали Петіона, а въ секретари Кондорсе, Бриссо, Верньо, Ласурса, Рабо, С. Этьена и Камю.

При началѣ преній, 21 сентября, посыпались самыя разнообразныя предложенія, относившіяся частью въ новой конституціи, частью въ управленію. И среди нихъ Колло д'Эрбуа напоминаетъ, что слѣдуетъ безотлагательно принять рѣшеніе, о которомъ до сихъ поръ еще никто не говорилъ. Именно онъ предлагаетъ уничтожить королевскую власть.

Со всѣхъ сторонъ единогласное одобреніе.

Бинель думаетъ, что теперь собственно уже вовсе не пужно такого постановленія. Базиръ находитъ, что по крайней мѣрѣ приличіе требуетъ обсудить его, чтобы не показалось, будто это собраніе „въ мигу энтузіазма“ увлекается не довольно взвѣшенными рѣшеніями.

Епископъ Грегуаръ отдѣливаетъ ихъ обоихъ. Первому онъ замѣчаетъ: „Хотя каждому извѣстно, что искони всѣ династіи были ничто иное, какъ порода лютыхъ звѣрей, питающихся человѣческимъ мясомъ, а потому никто не станеть ихъ защищать, все-таки полезно торжественнымъ закономъ уничтожить магическую силу, лежащую въ талисманѣ королевской власти“.

Второму онъ возражаетъ такъ: „Къ чему совѣщанія, если всѣ согласны? Короли въ нравственномъ мірѣ то же, что чудовища въ природѣ. Дворы—лабораторія преступленій и вертежъ тирановъ. Исторія королей—новѣсть о страданіяхъ народа“.

Затѣмъ никто не желаетъ говорить.

Въ глубокомъ молчаніи отбираются голоса и при всеобщемъ восторгѣ объявляется:

„Национальный конвентъ постановляетъ уничтоженіе королевской власти во Франціи“.

Это былъ первый и послѣдній случай единомыслія въ собраніи. Когда, 23 сентября, министры Роланъ и Камбонъ докладывали о положеніи государства и одинъ требовалъ строгихъ мѣръ про-

тивъ распространяющейся анархіи, а другой—помощи въ финансовой нуждѣ ¹⁾), былъ поданъ сигналъ къ борьбѣ.

На другой день она открылась.

Керсенъ сказалъ: „Пора воздвигнуть эшафоты для убійцъ и ихъ руководителей. Пора отомстить за человѣческія права, оскорбленныя всѣмъ, что происходитъ во Франціи. Чтобы здѣсь возстать противъ убійцъ, быть можетъ, нужно больше мужества, чѣмъ думаютъ. Но хотя бы мнѣ суждено было пасть подъ ихъ винжалами, я хочу быть достойнымъ довѣрія моихъ согражданъ“.

При оглушительномъ одобреніи значительнаго большинства, онъ требуетъ немедленнаго учрежденія комитета для разслѣдованія положенія государства и столицы и для предложенія мѣръ противъ разбойниковъ и убійцъ.

Патріоты ратуши, Тальенъ, Сержанъ, Фабръ, Колло, напрасно хлопочать объ отсрочкѣ: всеобщее негодованіе слишкомъ велико.

Особенно глубокое впечатлѣніе произвели слова стараго республиканца, Бюзона. Прежде онъ подавалъ голосъ съ Робеспьеромъ, а теперь говорилъ: „Мое сердце всегда принадлежало республикѣ. Въ 1791 году, когда дрожали при одномъ ея имени, я былъ здѣсь на своемъ мѣстѣ и подавалъ за нее голосъ. Но это республиканское сердце неспособно смиряться передъ угрозами и насиліемъ людей, цѣли и намѣренія которыхъ мнѣ неизвѣстны. Неужели думаютъ, что мы можемъ сдѣлаться рабами какихъ-нибудь парижскихъ депутатовъ?“

По его предложенію, почти единогласно рѣшаютъ назначить 6 комиссаровъ съ тѣмъ, чтобы они: 1) немедленно представили отчетъ о состояніи государства и города и сдѣлали предложенія: 2) о законѣ противъ виновниковъ убійствъ и 3) о наборѣ конвентскаго войска изъ 83-хъ департаментовъ.

Вооружившаяся между тѣмъ партія горы нападаетъ, на другой день, на это рѣшеніе, какъ на первый шагъ въ диктатурѣ или триумvirату.

Жиронда сбрасываетъ обвиненіе на вассѣдающихъ въ ратушѣ. Ласурезъ объявляетъ о своемъ презрѣніи къ деспотизму Парижа падъ Франціей. Столица не должна сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ былъ въ римскомъ государствѣ древній Римъ; она должна составлять $\frac{1}{3}$ часть націи—и ничего болѣе. Барбару открыто выступаетъ противъ Робеспьера: „Да,—говоритъ опъ,—здѣсь есть партія, стремящаяся къ диктатурѣ. Это—партія Робеспьера. Его-то я и обвиняю“.

¹⁾ Изъ 2,700 милл. ассигнатовъ, выпущенныхъ въ теченіе двухъ лѣтъ—оставалось еще 24 милл. Расходы были непомерны, а подати уже не уплачивались.

Дантонъ и Робеспьеръ впервые выступаютъ противъ обвинителей.

Дантонъ уже не говоритъ съ своею прежнею увѣренностью. Онъ почти отстаетъ отъ своихъ сообщниковъ и приближается къ точкѣ зрѣнія большинства. По его мнѣнью, между демократами собственно только одному можно приписать деспотическое вліяніе, именно Марату, за его сочиненія. Къ его дикости не должно однако относиться слишкомъ строго, такъ какъ она съ нимъ самимъ сыграла плохую шутку. Лично у него, Дантона, нѣтъ ничего общаго съ Маратомъ; напротивъ, уже нѣсколько разъ доходило между ними до стычекъ, что можетъ засвидѣтельствовать Петіонъ.

Робеспьеръ произноситъ одну изъ своихъ невыносимо скучныхъ рѣчей и цѣлѣй часъ утомляетъ собраніе исчисленіемъ всѣхъ подвиговъ, которыми онъ тогда-то и тогда-то спасъ государство. Сущности обвиненій онъ вовсе не касается.

Послѣ многихъ напрасныхъ усилій, удается, наконецъ, говорить Марату.

Собраніе даетъ почувствовать страшному человѣку, возлѣ котораго никто не хочетъ сидѣть, свое полное отвращеніе.

При первомъ его восклицаніи: „Я хочу говорить для обвиненія самого себя!“ слышится со всѣхъ сторонъ: „Долой, долой его!“ А когда онъ началъ свою рѣчь: „У меня въ этомъ собраніи много личныхъ враговъ“, его прерываютъ крикомъ: „Мы всѣ, мы всѣ!“ Въ отвѣтъ на это, Маратъ презрительно оскаливаетъ зубы. Онъ объявляетъ, что ни у Дантона, ни у Робеспьера, ни у кого не было мысли о триумviratѣ или диктатурѣ. Онъ одинъ думалъ объ этомъ, какъ объ единственномъ средствѣ спасти отечество. И народъ отдалъ ему справедливость, когда, ставши самъ диктаторомъ, сумѣлъ избавиться отъ измѣнниковъ ¹⁾. Уже пролилась кровь 100,000 гражданъ, и еще прольется кровь 100,000, потому что не послушались его во-время, не назначили диктаторомъ смѣлаго, способнаго человѣка, чтобы однимъ здоровымъ кровопусканіемъ освободить народъ отъ его враговъ.

„Вотъ мои убѣжденія. Я ихъ напечаталъ, подписалъ свое имя— и не краснѣю. Если вы еще не возвысились настолько, чтобы понять меня, тѣмъ хуже для васъ.“

¹⁾ «Lorsque les autorités constituées ne servaient plus qu'à enchaîner la liberté, qu'à protéger les complots, qu'à égorger les patriotes avec l'arme de la loi, me ferez vous un crime d'avoir provoqué sur la tête des traitres la hache vengeresse du peuple? Non; si vous me l'imputiez à crime, le peuple vous dementirait. Car, obéissant à ma voix, il a senti que le moyen que je proposais était le seul qui pût sauver la patrie; et, devenu dictateur lui-même, il a su se débarrasser des ses traitres». *Ред.*

„Меня хотятъ обвинить въ честолюбивыхъ планахъ? Я не унижусь до оправданія. Смотрите на меня и судите меня. Пожелай я продать свое молчаніе, получить мѣсто, у меня не было бы недостатка въ милостяхъ двора. А какова моя судьба? Я самъ забился въ коцуну, осудилъ себя на нищету и на всевозможныя опасности. Книжки 20,000 убійцъ носились надо мной, а я, лежа уже на плахѣ, проповѣдовалъ истину“. Собраніе содрогнулось отъ отвращенія и презрѣнія, когда Маратъ оставилъ трибуну.

Слѣдовавшій за нимъ Верньо сказалъ, что для представителя народа—несчастье говорить послѣ человѣка, который все запятналъ клеветой, желчью и кровью. Онъ прочелъ циркуляръ комитета безопасности, которымъ Робеспьеръ осудилъ на смерть отъ руки убійцъ его, вмѣстѣ съ Дюко, Бриссо, Гаде, Кондорсе, Ласурсомъ и др., какъ наемниковъ герцога Брауншвейгскаго, и затѣмъ поджигательную статью Марата. По окончаніи ея, кто-то вскрипнулъ: „Изверга слѣдуетъ отдать подъ судъ!“ между тѣмъ какъ другіе кричали: „Въ аббатство, въ аббатство его!“

Маратъ проситъ не раздражаться противъ него. Онъ читаетъ другую, краткую статью и вынимаетъ изъ кармана пистолетъ и грозитъ тотчасъ раздробить себѣ черепъ, если составятъ противъ него обвинительный декретъ. Затѣмъ опять преспокойно прячетъ смертоносное оружіе и говоритъ: „Я останусь среди васъ, чтобы показать презрѣніе къ вашей ярости“.

Утомленное скандаломъ собраніе переходитъ къ очереднымъ дѣламъ.

Партіи помѣрились силами. Талантъ, большинство, достоинство и патриотизмъ были на сторонѣ жиронды. Лишь 50 голосовъ принадлежали лѣвой сторонѣ, поведеніе которой было заключено всеобщимъ отвращеніемъ. Но это меньшинство была живая секта, съ политѣйшимъ единодушіемъ, съ строжайшею дисциплиной, съ крайней безпощадностью и дерзостью. А большинство, несомнѣнное, безъ единства во главѣ и въ частяхъ, постоянно довольное парламентскими побѣдами, достигало, пожалуй, отдѣльных смѣлыхъ постановленій, но никогда не дѣйствовало рѣшительно. Оно, такимъ образомъ, упускало изъ своихъ рукъ, одну за другой, всѣ выгоды своего положенія.

Рѣшенія 24 сентября, вызвавшія такое сильное ожесточеніе партіи горн,—это былъ лишь разбѣгъ, за которымъ не послѣдовало прыжка. Дѣло не дошло ни до смѣлаго шага противъ ратуши, хотя теперь даже и предметъ С. Антуаль было противъ установившейся анархіи, ни до образованія настоящаго парламентскаго войска. Захваченная врасплохъ жиронда выпускаетъ изъ рукъ (15 октября) и военный законъ. Когда, вскорѣ затѣмъ, Барбару,

разумѣтся, безъ предварительнаго совѣщанія, вносить множество предложеній касательно отсрочки конвента въ извѣстныхъ случаяхъ (*lorsque la représentation nationale aura été avilie*), образованія конвентскаго войска, наказанія заговорщиковъ, уничтоженія муниципалитетовъ и секцій, какъ постоянного учрежденія, партія распадается. Ея члены борются между собой, кто за предложенія, кто противъ нихъ, и даже подписываютъ оправдательный приговоръ парижской общинѣ. Тутъ уже начинается роль Барера, который безцвѣтными предложеніями посредничества отнимаетъ силу у плановъ жиронды.

При такомъ составѣ партіи, даже обвиненіе противъ Робеспьера, принятое сперва очень шумно, могло имѣть лишь жалкій исходъ.

Когда, 29 октября, читался докладъ Ролана о сентябрьскихъ злодѣяніяхъ парижской общины, обо всѣхъ ея убійствахъ и грабежахъ, а Луве горячо палалъ лично на Робеспьера, послѣдній какъ-будто растерялся, и дѣло его казалось проиграннымъ. Онъ просто искривился подъ тяжестью обрушившихся на него обвиненій. Но ему даютъ время опомниться и созвать своихъ приверженцевъ. Якобинскій клубъ точитъ оружіе. 5 ноября послѣдовалъ его отвѣтъ, и положеніе дѣла стало уже совсѣмъ иное. Въ немъ самомъ возрастаетъ смѣлость, но мѣръ сознанія этой перемѣны и безпомощности противниковъ. Наконецъ, даже и онъ получаетъ оправдательный приговоръ¹⁾.

Теперь Колло д'Эрбуа могъ съ торжествомъ воскликнуть въ якобинскомъ клубѣ: „Шамъ больше позачѣмъ скрывать, что ужасное событіе 2 сентября есть великій членъ символа вѣры нашей свободы!“

Виповники сентябрьскихъ ужасовъ выиграли процессъ въ національномъ конвентѣ. Противники ихъ сдѣлали все, чтобы до крайности раздражить ихъ словами, и ничего, чтобы дѣйствительно наказать ихъ или залугать, ничего, для собственной защиты отъ ихъ ярости.

При слѣдующемъ, болѣе важномъ, вопросѣ это рѣшительно отозвалось на судьбѣ самой этой партіи.

Дѣло короля. Юридическій вопросъ.

Вопросъ, что́ станется съ королемъ, былъ для конвента великимъ жизненнымъ вопросомъ. Въ дѣлѣ Людовика XVI заключался

¹⁾ Mort.-Ternaux, IV, 291—340.

терроризмъ и всемірная война. Съ его ходомъ и окончаніемъ необходимо совпадали всѣ важнѣйшія слѣдствія, въ которыхъ могли придти какъ внутреннія, такъ и внѣшнія дѣла Франціи. Поэтому оно представляло великій историческій интересъ.

Все, что касается чисто человѣческихъ симпатій и антипатій, мы оставимъ тутъ въ сторонѣ и обратимъ исключительное вниманіе на политическую и юридическую сторону вопроса.

Совершенно помимо ненависти и расположенія къ особѣ короля и къ его достоинству, по закону его нельзя было ни судить, ни казнить. На всѣ сомнительные случаи было обращено вниманіе, частью въ постановленіяхъ національнаго собранія, частью въ конституціи. И самъ король своимъ поведеніемъ сдѣлалъ все, чтобы была взвѣшена всякая возможность столкновенія.

Рядомъ съ конституціей, въ 1791 году обнародовали постановленіе о безусловномъ прощеніи за все прошлое. Слѣдовательно, если до 1791 года король и совершилъ какія-нибудь преступленія, то всѣ они подпали подъ амнистію; тѣмъ болѣе, что вѣдь тогда онъ былъ еще абсолютнымъ, неограниченнымъ королемъ.

Съ сентября 1791 года конституція такъ опредѣлила положеніе короля, что за каждый сколько-нибудь преступный шагъ отвѣчаютъ лишь его совѣтники, а онъ самъ неприкосновененъ.

Позаботились и объ единственномъ случаѣ, когда примѣненіе этого правила могло стать опаснымъ. Постановили: „Если король и его совѣтники употребятъ враждебныя мѣры противъ націи, призовутъ иностранное войско, то король лишается престола, а на его совѣтниковъ падаетъ вся тяжесть закона“.

Теперь рѣчь шла только объ одномъ этомъ случаѣ. Самая большая вина короля заключалась въ сношеніяхъ съ иностранцами. И будь она доказана, наказаніе за нее было только одно,—лишеніе трона, т. е. то, которое теперь уже постигло короля. Не насилуя закона, невозможно было коснуться еще и его особы и жизни.

Разумѣется, многіе уже высказывали мнѣніе, что тутъ вообще слѣдуетъ оставить въ сторонѣ право и судъ, предоставивъ рѣшеніе лишь важнѣйшему изъ всѣхъ законовъ, закону общественнаго блага. Молодая республика, угрожаемая внутренними и внѣшними врагами, не достигнетъ мирнаго процвѣтанія, пока развѣивается знамя всѣхъ ея противниковъ. Она лишь тогда вздохнетъ свободно, когда разобьется послѣдній сосудъ монархіи. Но даже и съ чисто политической точки зрѣнія такая исключительная мѣра вовсе не была способна упрочить республику и изгнать собственно королевскую власть.

Это уже было доказано Англійей. Тамъ также казнили короля, и при совершенно другихъ, отягчающихъ обстоятельствахъ; а

королевская власть все-таки возродилась сильнѣе, чѣмъ прежде. Карль I боролся съ многолѣтнимъ конституціоннымъ порядкомъ, въ прочности котораго никто не сомнѣвался, какъ бы ни смотрѣли на его значеніе. Онъ попытался искоренить этотъ установившійся порядокъ въ 11 лѣтъ правленія безъ парламента. Онъ нарушилъ конституцію, которой присягалъ: въ открытой борьбѣ съ нею развилъ самыя опасныя способности—умъ, беспощадную энергію и тонкую хитрость; потомъ попалъ въ руки тѣхъ, кого хотѣлъ уничтожить съ оружіемъ въ рукахъ. Освободить такого монарха значило доставить лагерю противниковъ чрезвычайно опасную силу.

Къ тому же то было XVII столѣтіе. Тогда въ вопросахъ человѣческой жизни были далеко не чувствительны. Въ XVIII же вѣкѣ образованный міръ бредилъ любовью къ людямъ и человѣческому достоинству. Словомъ, то было иное время, иной человѣкъ, иное юридическое положеніе. И, тѣмъ не менѣе, даже въ Англіи ничто такъ не способствовало новому подъему королевской власти, какъ уголовный судъ надъ Карломъ I. Такое искупленіе заставило забыть о грѣхахъ и ошибкахъ этого короля. Тотчасъ же въ странѣ какъ бы возродилось монархическое настроеніе, и 11-лѣтняя дѣятельность Кромвеля была Сизифовой работой падеъ погибелью королевской власти, которая, вскорѣ по его смерти, возвратилась въ лицѣ недостойнаго сына того же Карла. Безъ крайней нужды никогда не слѣдуетъ создавать мучениковъ партій. Мученичество—сѣмя обращенія. Кровь мучениковъ не разъ подымала глубоко нависія партіи.

Во Франціи, съ одной стороны, хорошо сознавали, что, по буквѣ и ясному смыслу конституціи, вполнѣ безспорна невозможность судить короля. Съ другой стороны, не могли отдѣлаться отъ мысли, что нѣтъ иного средства разъ и навсегда уничтожить опасности, представляемая королевскою властью, и упрочить республику.

Этой мысли не могла поколебать даже огромная разница въ характерахъ Людовика XVI и Карла I, хотя ее положительно слѣдовало припятъ въ расчетъ. Карль I возбуждалъ ипогда ненависть и во всякомъ случаѣ—опасенія; Людовикъ же XVI вовсе нѣтъ. Все его прошлое—безотрадная картина некоролевской слабости. Онъ заслуживалъ лишь сожалѣнія да глубокаго состраданія. Онъ былъ такъ униженъ, что уже ничто, кромѣ мученической смерти, не могло поднять уваженія къ нему. И вотъ, настала часъ, когда изъ 25 милліоновъ—24 почувствовали это чисто-человѣческое соболѣзнованіе о судьбѣ монарха.

Первое заявленіе, прямо указывавшее на судъ короля, принадлежало жирондѣ, не желавшей упустить почина въ этомъ дѣлѣ.

Валазе, который, 4 мѣсяца спустя послѣ казни короля, лишилъ себя жизни, выступилъ 6 ноября съ первымъ обвиненіемъ противъ Людовика. Онъ прочелъ длинный, напыщенный докладъ. Въ пошлой формѣ, съ плутовскими приѣмами, подогрѣвалъ онъ все, что газеты давно уже пережевали до тошноты. Его обвинительный актъ — тряпье, плохая журнальная статья, и больше ничего.

Что касается стили доклада, то довольно одной выдержки: „Въ чемъ не виноватъ онъ? Передъ вами преступникъ въ свалкѣ со всемъ человѣчествомъ. Да, я обвиняю его, какъ лихимца почасті хлѣба, сахара и кофе!“

Точно такъ же, какъ Валазе, говорили уличные демагоги самаго низшаго полета. Образчикъ того, какъ лучшія головы старались тутъ выпутаться изъ юридическихъ затрудненій, представилъ на другой день Мелле (Mailhé) въ своей рѣчи.

Первый вопросъ: „Можно ли судить короля за проступки, совершенные имъ на конституціонномъ тронѣ?“ по мнѣнію оратора, не требуетъ отъ французовъ ни объясненій, ни отвѣта. Здѣсь онъ просто рѣшается утвердительно огромнымъ большинствомъ націи. Объясненія предназначаются лишь для незначительнаго количества тѣхъ, кого еще мучитъ сомнѣніями конституціонная совѣсть. Они предназначаются также и для другихъ націй, которыя подвластны еще королямъ и должны поучиться у французовъ, какъ обращаться съ ними. Они предназначаются наконецъ „для всего человѣческаго рода, который взираетъ на васъ, колеблясь между желаніемъ и страхомъ наказать своихъ тирановъ, и, быть можетъ, рѣшится на это только по вашему примѣру“.

Мелле не уклоняется отъ юридическаго вопроса. Онъ приводитъ даже статьи конституціи, въ самомъ крайнемъ случаѣ угрожающія королю только лишеніемъ престола; но онъ находитъ, что въ этомъ-то конституція и несправедлива и, съ высшей точки зрѣнія, не имѣетъ значенія.

„Развѣ неприкосновенность короля, — спрашиваетъ онъ, — значитъ, что ему дозволяется безнаказанно предаваться самымъ дикимъ страстямъ, если только онъ умѣетъ искусно избѣгать подводнаго камня, — сверженія съ престола? Развѣ она значитъ, что король долженъ употреблять свою конституціонную власть для уничтоженія конституціи? Тайно призвавъ въ страну орды иностранцевъ себѣ на помощь, лишивъ жизни тысячи гражданъ и потому все-таки потернѣвъ неудачу въ борьбѣ противъ свободы, можетъ ли онъ искупить все это потерей скипетра, непавишняго

ему, потому что онъ не желѣзный? Столько времени предаваемая, столько времени угнетаемая нація не вправѣ-ли страшно отмстить въ минуту своего пробужденія и подать всему міру великій примѣръ?“

Иначе, конституція поставила бы отдѣльное лицо выше закона. Но это еще Руссо провозгласилъ преступленіемъ. Слѣдовательно, конституція неправа. Сверженіе короля—не наказаніе, какъ говорятъ его защитники. Оно было бы наказаніемъ, если бы сохранилась конституція; но нація измѣнила ее, въ силу своего неотъемлемого права на самоопредѣленіе. „Король существовалъ лишь по милости монархической конституціи. Первый порывъ націи къ республиканской конституціи уничтожилъ и короля“. Остался лишь преступникъ, и передъ нимъ стоитъ верховная нація.

Ея право судить короля вытекаетъ изъ сущности общественнаго договора, посадившаго его на престолъ. Поэтому оно выше и священнѣе всякаго письменнаго закона. А призванный судебный комитетъ этой націи—**к о н в е н т ъ**.

„Развѣ вы не видите, какъ народы земного шара, какъ всѣ существующія и будущія поколѣнія тѣснятся вокругъ васъ, ожидая въ нетерпѣливомъ безмолвіи приговора, который показалъ бы имъ: можетъ ли когда-нибудь призванный исполнитель законовъ стать независимымъ отъ творцовъ закона? Дастъ-ли королевская неприкосновенность право безнаказанно душить гражданъ и общество? И что такое монархъ? Богъ ли, карающую десницу коего благословляютъ, или человекъ, наказуемый за преступленія?“

Обратившись въ судью Карла I, англійскій парламентъ, дѣйствительно, превысилъ свою власть. По тогдашнимъ законамъ Англій, палата общинъ была лишь одною изъ трехъ конституціонныхъ властей. Она не могла ни судить короля, ни дозволять суда надъ нимъ. Ей слѣдовало дѣйствовать, какъ законодательному собранію: она должна была пригласить англійскую націю къ образованію конвента. Сдѣлай она это, и пробилъ бы послѣдній часъ королевской власти въ Англій. Не то во Франціи. Тутъ республику вполне представляетъ конвентъ, пользующійся, во имя націи, всеми верховными правами.

Въ заключеніе ораторъ напоминаетъ о словахъ Монтескье: „У самыхъ свободныхъ народовъ встрѣчается необходимость накинуть покровъ на свободу, словно на изображенія боговъ... Въ государствахъ, всего больше дорожащихъ свободой, есть законы, оскорбляющіе ее относительно отдѣльнаго лица“.

Такъ думала и говорила жиронда, желавшая лишь судить, а не убивать короля. Но она доводила дѣло прямо до царевубійства и не имѣла духу сказать открыто, что именно задумала. Такъ

поступаютъ лицемѣры и софисты, для которыхъ нѣтъ достаточно строгаго осужденія. Жиронда играла всѣми тѣми фразами, которыя въ другихъ устахъ стали ужаснѣйшею истиной для нея самой. Поэтому она и заслужила исполнѣ участь, постигнушую ее впоследствии. Ея точка зрѣнія неопредѣлена здѣсь, какъ и вездѣ, что вытекало не столько изъ легкамыслія и заблужденія отдѣльных лицъ, сколько изъ неясности и противорѣчій въ ея взглядѣ вообще.

Идеальная республика, которой первоначально желали жирондисты, была сама по себѣ бессмыслица. Дѣйствительная же, созданная къ ихъ ужасу, съ ихъ же помощью, переросла ихъ. Какъ оппозиція патрному трону, они чувствовали подъ собою почву; но какъ оппозиція силамъ, ими самими вызваннымъ, они утратили устойчивость. Изъ всѣхъ ихъ смутныхъ понятій ни одно не имѣло такихъ роковыхъ послѣдствій, какъ то, которое заключалось въ дѣлѣ короля.

Они дѣлаютъ все возможное, чтобы достигнуть суда надъ королемъ. При этомъ большинство изъ нихъ памѣрено держать его, какъ заложника, между трономъ и эшафотомъ, поступать съ нимъ, какъ со средствомъ для переговоровъ, какъ съ добычей. Но вотъ партія горы говоритъ, наконецъ: „Ну, убьемъ его!“ и они отступаютъ съ тренетомъ: такъ далеки были они отъ этого!

Въ засѣданіи 13 ноября Мориссонъ и Фоме выступили за короля.

Первый строго держится юридической почвы, конституціи 1791 года. Онъ опровергаетъ всѣ мнимыя основанія, которыя старались вывести изъ естественнаго права необходимой обороны. „Развѣ мы въ борьбѣ? Итъ; тотъ, въ кого мѣтять, теперь обезоруженъ, беззащитенъ, лишенъ всякой возможности вредить. Никого нельзя осудить иначе, какъ въ силу уже существующаго закона. Пока мы не покажутъ буквально подходящаго текста закона, противъ котораго провинился Людовикъ, я буду говорить: вы не можете судить его“.

Фоме совѣтуетъ щадить дни короля, имѣя въ виду цѣлесобразность.

„Пусть его живеть, какъ ходячее свидѣтельство проклятія, которому обречена королевская власть. Пока идея монархіи повоюетъ на его главѣ, аристократы не сгруппируются вокругъ него: они непавидятъ и презираютъ его за слабость. Но если мы повлечемъ его на мѣсто казни, то дадимъ заговорщикамъ новое орудіе въ руки“.

Не такъ, какъ жирондисты, высказывается 3 декабря Робеспьеръ. Безъ двумысленности, безъ увертокъ, объявляетъ онъ, съ

достойнымъ признанія прямодушіемъ: „Собраніе безъ своего вѣдома уклонилось отъ истиннаго вопроса. Тутъ нѣтъ никакого судебного дѣла: Людовикъ — не подсудимый, а вы — не судьи. Вы — государственные люди, представители націи, и не можете быть ничѣмъ инымъ. Ваше дѣло не произноситъ судебный приговоръ въ пользу или противъ извѣстнаго человѣка, а принять мѣры ради общественнаго блага, выполнить роль національнаго провидѣнія ¹⁾. Людовикъ долженъ умереть, чтобы жила республика“.

Это было логически-ясно обдуманно и честно высказано. Что толковать о правосудіи, когда собираешься совершить юридическое убійство! *Salus publica suprema lex esto* ²⁾, — такова мысль всѣхъ вообще, желавшихъ судить короля. Одни лицемѣры могли скрывать это, одни тупоголовые могли не понимать этого.

За Робеспьеромъ другой изъ партіи горы разсказалъ исторію о морскомъ путешествіи. Въ ней вѣроломный капитанъ удичается въ желаніи предать свой экипажъ корсарамъ.

„Французъ! — воскликнулъ ораторъ. Этотъ вѣроломный капитанъ сотвалъ свою измѣну при договорѣ въ Пильницѣ. Онъ на вашу гибель вступилъ въ заговоръ съ вѣнскимъ дворомъ. Онъ содержалъ въ Кобленцѣ враждебную революціи армію и до признанія конституціи, и во время этого признанія, и послѣ него. Я требую казни измѣнника — капитана, Людовика XVI!“

Собраніе не возвысилось до кровавой логики Робеспьера, чтобы точчасъ же нанести ударъ открытою силой. Оно рѣшило разыграть съ Людовикомъ, передъ конвентомъ, комедію судебного процесса.

Перемѣна въ жирондѣ. Допросъ.

Въ поярскихъ рѣчахъ жирондистовъ очертилась партія безъ программы, безъ вождей, безъ связи. Одни, дѣйствительно, думаютъ о казни, другіе говорятъ о кротости, третьи строго держатся законной почвы. Впачалѣ тутъ все хаосъ. Лишь постепенно выясняются взгляды, упрочивается направленіе партіи. Ораторы горы слишкомъ осязательно раскрыли, куда стремится ихъ политика, чрезчуръ ясно доказали, что смерть короля — не конецъ, а начало новаго безконечнаго кровопролитія, что эта новая фаза революціи поглотитъ и жиронду.

¹⁾ Une mesure de salut public à prendre, un acte de providence nationale à exercer.

²⁾ «Общественное благо — верховный законъ». Ред.

И, вотъ, жиронда начала въ глубокой тайнѣ осторожно приостанавливаться и измѣняться, все болѣе и болѣе убѣждаясь, что спасеніе короля—ея собственное спасеніе. Этотъ переворотъ чрезвычайно замѣчательнъ. Цѣлый ноябрь старались раздуть ненависть къ „тирану“ и доказать право націи на судъ надъ нимъ; а теперь вдругъ потребовали, чтобы его хотя и привлекли въ суду, но не осуждали.

Тутъ имѣли вліяніе какъ внутреннія, такъ и внѣшнія дѣла.

Когда яacobинцы партіи горы увидѣли, что пренія затягиваются и грозятъ стать нескончаемыми, они пустили въ ходъ свою старую, обычную пружину.

Появились бурныя петиціи, требовавшія скорой расправы съ королемъ и угрожавшія, въ противномъ случаѣ, возстаніемъ народа во всемъ его величіи. Старое оружіе, которое жиронда употребляла нѣкогда противъ короля, обратилось теперь противъ нея самой. Не было недостатка въ подозрѣніяхъ, клеветахъ, угрозахъ медлителямъ-измѣнникамъ.

Уже это давало матеріалъ для размышленія. А тутъ послѣдовали указанія и извѣстїи, положившія конецъ колебанію жирондистовъ, не оставившія имъ выбора. Въ ихъ планы вовсе не входила безконечно продолжительная война. Благодаря послѣднимъ усиліямъ на востокъ и сѣверъ, они могли теперь прекратить ее не только съ чѣстью, но еще съ пріобрѣтеніемъ вѣска для округленія своихъ границъ. Они намѣревались согласиться на приличный миръ, чтобы заключить союзъ, если возможно, съ какимъ-нибудь не абсолютнымъ государствомъ.

Стало-быть, въ ихъ планы входилъ союзъ съ Англіей. Они уже толкнулись съ нимъ тогда не только къ министрамъ, но и къ выдающимся вождямъ нижней палаты.

Фоксъ и другіе знаменитые политики Великобританіи, порою бравшіе подъ свое покровительство революцію противъ фанатическихъ выходовъ Борка, шли въ этомъ случаѣ имъ навстрѣчу. Однако они рѣшительно объявили, что, если король будетъ умерщвленъ, имъ невозможно будетъ хоть сколько-нибудь дѣйствовать заодно съ ними.

Такимъ образомъ, смерть короля равнялась для жирондистовъ всемірной войнѣ извѣстїи и господству террора внутри. Ни того, ни другого они никогда не желали и не могли желать. Имъ оставалось измѣниться. Сначала имъ такъ правились мысли обойтись съ жизнью своего короля, какъ нѣкогда шотландцы обошлись съ жизнью Карла I. Эта мечта теперь исчезла. Оставалось: или, или...

Такъ-то дошли вожди жиронды до рѣшенія соединить свою

судьбу съ судьбою короля. Конечно, не имъ, столь страстно до сихъ поръ нападавшимъ на короля за его преступленія, было предлагать теперь вопросъ о его безнаказанности. Они напали поэтому на слѣдующій выходъ: конвентъ судить короля, а приговоръ конвента судить нація, спрошенная въ первоначальныхъ собраніяхъ. Отъ конвента жиронда ожидала осужденія, а отъ націи—оправданія короля даже въ томъ случаѣ, если бы она сама подала голосъ за смерть. Этимъ надѣялись, по крайней мѣрѣ, выиграть время и больше прежняго восстановить свою власть внутри страны. Противъ этого нельзя было ничего возразить и съ точки зрѣнія Руссо ¹⁾. Дѣло вступаетъ поэтому, съ 10 декабря, въ новую стадію. Жиронда все больше и больше становится на сторону защитниковъ короля. Но ея единственный успѣхъ—начало борьбы съ партией горы, борьбы, которая не спасла короля и, сверхъ того, окончилась ея собственною гибелью.

Уже первая, хорошо подготовленная попытка Гаде (10-го декабря) окольными путями, какъ контрабанду, провести принципъ „воззванія къ первоначальнымъ собраніямъ“ (*appel aux assemblées primaires*) поднимаетъ бурю среди партіи горы, предъ которой отступаетъ жиронда.

Вечеромъ того же дня Линде предлагаетъ обвиненіе Людовика Капета. На другой день, незадолго до появленія короля у рѣшетки собранія, Барбару прочитываетъ точный реестръ (*acte énonciatif*) всѣхъ преступленій и предательствъ „последняго короля французовъ“.

Много открытій ожидали обвинители отъ бумагъ потайнаго желѣзнаго шкафа, о которомъ въ послѣднее время сообщилъ министръ Роланъ. Но не оказалось ничего, что могло бы поразить насъ. Письма королевскихъ братьевъ, черновые отвѣты на нихъ не обнаружили ничего поваго. Новостью было лишь разъясненіе отношеній Мирабо ко двору. Вслѣдствіе этого, собраніе рѣшило выбросить его статую изъ Пантеона въ клоаку. Отсюда само собою вытекало позднѣйшее перенесеніе статуи Марата изъ клоаки въ Пантеонъ.

Матеріалъ для обвиненій, конечно, почерпали изъ условной басни (*fable convenue*), въ которую якобинцы передѣляли французскую исторію, начиная съ мая 1789 года. Въ ней каждая по-

¹⁾ По словамъ Гаде (II, 98), его дядя сказалъ своей женѣ: „Я сдѣлаю все возможное для спасенія жизни Людовику XVI. Онъ наша послѣдняя защита. Его голова увлечетъ въ своемъ паденіи и наши. Но для этого у насъ лишь одно средство,—воззваніе къ народу. Если оправдаемъ короля лишь, червь у насъ на глазахъ задушитъ его“.

литическая ошибка короля влеймилась именемъ государственнаго преступленія, каждое его двусмысленное колебаніе называлось черною измѣной, а всѣ несчастія французской арміи и всѣ низости демагоговъ вмѣнялись ему въ личную вину.

Ничего не забыли. 20-го іюня 1789 года король хотѣлъ помѣшать засѣданію общинъ. 23-го происходило королевское засѣданіе, въ которомъ онъ приказалъ голосовать по сословіямъ. 11-го іюля онъ создалъ извѣстное реакціонное министерство и не тотчасъ утвердилъ постановленія 4-го августа. Привлекъ къ себѣ на службу Мирабо. Пытался убѣжать. Молчалъ о пильницкихъ объясненіяхъ и ничего не дѣлалъ при возмущеніяхъ въ Арль, Нимъ, Жюли, Монтбанъ. Помощь эмигрантамъ, связи съ братьями, нерадѣніе объ арміи, флотѣ и колоніяхъ, враждебныя дѣйствія его дипломатическихъ агентовъ, запретъ на постановленіе о священникахъ, образованіе королевской гвардіи, сохраненіе швейцарцевъ, оборона 10-го августа,—вотъ списовъ преступленій, составленный противъ него послѣ пятидѣльныхъ работъ.

По прочтеніи обвинительнаго акта (11-го декабря) Лежандръ изложилъ церемоніаль, съ которымъ судъ долженъ принять обвиняемаго: „Пусть подсудимый содрогнется отъ гробоваго молчанія“!

Король явился не сейчасъ. Чтобы наполнить промежутокъ, Маноэль предложилъ: „Такъ какъ не должно казаться, будто конвентъ занимается однимъ королемъ, то пусть онъ обсудитъ пока законъ противъ эмигрантовъ“. Уже готовы были приняты за дѣло, какъ вошелъ Сантеръ и доложилъ, что Людовикъ Канетъ у двери въ залу.

При глубокой тишинѣ вошелъ король. Всклоченная борода, блѣдныя, впалыя щеки, безпорядокъ въ одеждѣ свидѣтельствовали, что передъ конвентомъ былъ преступникъ, которому не очень хорошо жилось въ Тамплѣ. Предсѣдательствовалъ въ палатѣ Бареръ, бывшій въ 1789 году конституціоналистомъ. Онъ прошелъ всѣ оттѣпки измѣнчиваго времени. Вчерашній жирондистъ, онъ собирался теперь перейти въ партію горы. Его блестящій талантъ говорить и писать дѣлалъ его драгоцѣннымъ для всѣхъ партій. За умъше, съ какимъ онъ облакалъ нотомъ въ цвѣтистыя рѣчи всѣ кровавыя распріяженія терроризма, Боркъ прозвалъ его „Анакрепомъ гильотины“. И сегодня у него не было недостатка въ умѣстныхъ выраженіяхъ, когда онъ обращалъ вниманіе собранія на появленіе „бывшаго (ci-devant) короля“. „Европа смотритъ на васъ,—сказалъ онъ,—исторія записываетъ ваши мысли и дѣла“.

„Людовикъ!—обратился къ королю Бареръ.—Французская нація обвиняетъ васъ. Вамъ прочтутъ изложеніе преступковъ, въ которыхъ вы участвуете. Можете сѣсть“.

Обвинительный актъ читается статья за статьей. При каждой изъ нихъ подсудимый приглашается возражать на обвиненіе. Обыкновенно и самому дюжинному преступнику сообщаютъ за много дней до допроса, въ чемъ его обвиняютъ, чтобъ онъ приготовился къ защитѣ. Королю же приходилось импровизировать свое оправданіе. Людовикъ XVI сдѣлалъ это вполне спокойно и съ холоднымъ присутствіемъ духа. Вообще онъ уничтожилъ обвиненіе въ двухъ словахъ. Во всемъ предшествующемъ конституціи онъ совершенно вѣрно ссылаясь на право своей, тогда еще неограниченной, верховной власти надъ государствомъ и войскомъ, во всемъ послѣдующемъ—на отвѣтственность своихъ министровъ.

Ни разу въ жизни онъ не владѣлъ собою лучше, чѣмъ теперь. То было, свойственное ему, пассивное мужество, вытекавшее изъ его чистой совѣсти и набожности. Въ эту-то минуту онъ былъ всего больше королемъ.

По окончаніи допроса, королю дозволили выбрать себѣ защитника. Онъ указалъ на двухъ извѣстныхъ адвокатовъ. Тарже и Тронше. Первый отказался въ героическомъ посланіи, подписанномъ: „Республиканецъ Тарже“. Другой же согласился. Съ нимъ вмѣстѣ выступилъ неожиданно, какъ волонтеръ, бывший сослуживецъ Тюрго, старый великодушный Малербъ. Въ письмѣ къ президенту¹⁾ онъ просилъ чести „защитать того, кто былъ его господиномъ, кто два раза призывалъ его въ совѣтники, когда этой должности еще всѣ добивались“.

Тронше и Малербъ, оба пожилые, избрали себѣ въ помощники и ораторы молодого, даровитого адвоката Десеца (Désèze) изъ Бордо.

Онъ говорилъ 26-го декабря.

Его защитительная рѣчь вытегла изъ одной опредѣленной мысли, которая и проведена въ ней съ юридическимъ совершенствомъ. Въ первой, общей части доказывается невозможность судить короля. Затѣмъ, одно за другимъ, опровергается каждое отдѣльное обвиненіе. Ораторъ заслужилъ славу, которую онъ впоследствии приобрѣлъ за свою смѣлость.

Въ собраніи, чуть не воплію подчиненномъ грубому терроризму массъ, онъ подалъ примѣръ чрезвычайнаго мужества. Но самая рѣчь, при всемъ своемъ юридическомъ достоинствѣ, была холодна и суха. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, она была лишена вдохновенія, а, главное, она была слишкомъ мало рассчитана на настроеніе тѣхъ, кого, быть можетъ, была надежда расположить къ оправданію.

¹⁾ Это письмо напечатано въ Мониторѣ, въ № 350.

Въ рыцарскомъ прямушин, разумѣется, не было недостатка въ этой рѣчи. „Граждане, — такъ закончилъ Десеэзъ ея первую половину, — я хочу говорить съ вами съ откровенностью свободного человѣка. Я ищу между вами судей, и нахожу лишь обвинителей. Вы хотите произнести свое сужденіе о Людовикѣ, а у васъ уже готовъ приговоръ ему. Людовикъ, стало-быть, единственный французъ, для котораго не существуетъ ни закона, ни защитительной формы суда? У него нѣтъ ни правъ гражданина, ни преимуществъ короля? Его не уважаютъ ни въ прежнемъ, ни въ новомъ положеніи? Что за неслыханная, что за непостижимая судьба!“

Входя въ частности, ораторъ останавливается на поведеніи короля 10 августа. Одною только упрека Людовикъ XVI никогда не могъ простить своимъ обвинителямъ, — упрека въ пролитіи крови гражданъ. На это-то особенно и обратилъ вниманіе Десеэзъ.

„Короля обвиняютъ въ кровопролитіи 10-го августа! Но всему міру извѣстно и никѣмъ не опровергнуто, что у этого возстанія, давно подготовленнаго; были свои агенты, свои учредители, свой кабинетъ и своя директорія. А въ залѣ, гдѣ я говорю, оспариваютъ другъ у друга славу этого дня!“

„Вы упрекаете въ кровопролитіи того, кто въ этотъ день затѣмъ только и пришелъ въ національное собраніе, чтобы не дать крови проливаться; того, кто во всю свою жизнь не издалъ ни одного кроваваго повелѣнія; кто 6 октября запретилъ своимъ собственнымъ гвардейцамъ защищаться въ Версалѣ; кто въ Варенѣ поспѣшилъ сдать въ плѣнъ, чтобы только не подвергать опасности жизнь хоть одного человѣка; кто 20-го іюня отвергъ всякую, предлагаемую ему, помощь, чтобы остаться одному среди народа; кому, наконецъ, ничего не можетъ быть больнѣе, какъ невольной и противъ желанія стать печальнымъ новодомъ къ кровавой катастрофѣ... Развѣ вы не чувствуете состраданія, жалости къ королю, несчастью котораго теперь уже безгражданно? Француз! Помолодившая васъ революція пробудила въ васъ великія добродѣтели. Но берегитесь, какъ бы она не ослабила въ вашей душѣ человѣчности, этой одной добродѣтели, безъ которой всѣ другія ложь и призракъ!“

„Вслушайте варапѣ приговоръ исторіи. Она скажетъ: 20-ти лѣтъ вступилъ Людовикъ XVI на престолъ, на которомъ въ теченіе 20-ти лѣтъ служилъ примѣромъ нравственной чистоты. Онъ не принесъ съ собою порочной наклонности или пагубной страсти. Онъ былъ бережливъ, строгъ, справедливъ. Онъ всегда являлся другомъ народа. Народъ желалъ уничтоженія тагоснаго налога, — и онъ уничтожилъ его. Народъ требовалъ отмѣны крѣпостнаго состоянія, — и онъ отмѣнилъ его въ своихъ владѣніяхъ.“

Народъ требоваль реформъ и свободы—и онъ далъ ихъ ему, и самъ шелъ ему навстрѣчу съ жертвами. Граждане, я не доканчиваю. Я останавливаюсь передъ приговоромъ исторіи. Подумайте! Вѣдь она разбереть вашъ судъ; а ея приговоръ будетъ приговоромъ цѣлыхъ вѣковъ“.

Вы видите, у Десеэа не было недостатка ни въ силѣ краснорѣчія, что тогда не было рѣдкостью, ни въ той мужественной правдивости, которую обладали очень немногіе. По его защита была неудачна въ самомъ своемъ основаніи. Какъ ни мѣтка была юридическая часть въ безпристрастныхъ глазахъ законовѣдовъ, какъ ни горячо обращался ораторъ къ сердцамъ судей, онъ ничего не могъ сдѣлать: онъ вовсе не коснулся политической стороны вопроса, а тутъ-то собственно и таилась слабая струнка собранія.

Ему слѣдовало обратиться къ тѣмъ государственнымъ людямъ, которые честно думали, будто дорога къ свободѣ идетъ черезъ трупъ короля. Ему слѣдовало показать воображающимъ, будто изъ двухъ золъ выбираютъ меньшее, что въ сущности они выбираютъ большее, подводя нерѣшительныхъ и непроницательныхъ къ пропасти, къ которой сами беззаботно спѣшатъ. А это-то онъ совершенно и упустилъ изъ виду.

Пораженіе жиронды. Казнь.

На другой день начались настоящія пренія. Они уже вертѣлись не на вилѣ короля, не на компетентности собранія (то и другое считалось рѣшеннымъ), а все на воззваніи къ народу (*appel au peuple*), т. е. на существованіи жиронды и горы. Этими совѣщаніями наполнены послѣдніе декабрскіе дни.

Въ преніяхъ 27 декабря всего важнѣе были рѣчи двухъ ораторовъ, С. Жюста и Салля (Salles).

Первый, изъ партіи горы, трезво и холодно, съ неподвижною и безошадною манерой Робеспьера, выставлялъ на видъ, что теперь оправданіе короля было бы собственнымъ самоосужденіемъ, а воззваніе къ народу возстановленіемъ монархіи. Второй, со стороны жиронды, въ этотъ разъ впервые выступилъ съ большою рѣчью. Онъ занялся тою стороною вопроса, которую Десеэзъ совершенно упустилъ изъ виду. Пророчески предсказывалъ онъ послѣдствія царубійства. По его мнѣнію, мысль будто оно утвердитъ республику,—заблужденіе. Напротивъ, королевская власть выйдетъ обповденною изъ крови Людовика XVI; а пація будетъ ввергнута въ войну со всею Европой. Ответственность за подобное рѣшеніе

должна лежать на одномъ народѣ, въ его совокупности; отсюда-то и вытекаетъ необходимость воззванія къ народу. Замѣчательно, что воззваніе обѣ стороны считаютъ оправданіемъ короля. Такъ сильно чувствовали въ Парижѣ, что въ департаментахъ совсѣмъ другое настроеніе.

Эти двѣ рѣчи заключали въ себѣ все, что можно было сказать о смерти короля и обѣ ея политическихъ послѣдствіяхъ.

Въ ближайшихъ затѣмъ преніяхъ члены жиронды и горы уже вступили въ бой одинъ на одинъ. Это отразилось именно въ рѣчи Робеспьера 28-го и въ отвѣтѣ Верньо 31-го декабря.

Робеспьеръ не преминулъ замѣтить предварительно, что онъ, лишь сѣрѣя сердце и съ большимъ усиленіемъ надъ собою, произноситъ приговоръ Людовику: долгъ передъ отечествомъ требуетъ-де жертвы отъ его человѣколюбія.

„Я раздѣляю, сказалъ онъ, съ слабѣйшимъ изъ насъ всѣ его личныя чувства въ отношеніи къ судьбѣ обвиняемаго. Неумолимый, когда приходится воплію отвлеченно изыскивать мѣры строгости, которыя долженъ употребить правосудный законъ противъ враговъ человѣчества, я однако почувствовалъ, какъ, при видѣ подсудимаго во всемъ его униженіи передъ верховною властью народа, поколебалась въ моей душѣ республиканская добродѣтель. У ненависти къ тиранамъ и у любви къ человѣчеству—одинъ источникъ въ сердцѣ честнаго человѣка, любящаго свое отечество. Но, сограждане, послѣднее испытаніе преданности, которою представители народа обязаны своему отечеству, состоитъ въ пожертвованіи этими первыми движеніями естественной чувствительности благу великаго народа и угнетеннаго человѣчества. Сограждане! Слабость чувства, жертвующая невинностью преступленію, есть жестокость; кротость, примиряющаяся съ тираніей, есть варварство.

„Поэтому призываю васъ къ охрапленію высшаго интереса общественнаго блага. Что принуждаетъ васъ заниматься Людовикомъ? Не желаніе мести, недостойное націи, а необходимость наказаніемъ тирана сѣрѣнить общественную свободу и спокоевіе“.

Робеспьеру каждая проволочка процесса, каждая отсрочка приговора кажется попыткой окольнымъ путемъ возстановить тиранію, и самую опасную попытку онъ видитъ въ воззваніи къ народу. Воззваніе къ народу для него равняется неиспроверженію республики. Спросить народъ обѣ его мнѣніи въ первоначальныхъ собраніяхъ—значитъ всѣ собранія въ каптонахъ страны и въ городскихъ севдяхъ превратить въ столько же поприщъ бурныхъ преній за и противъ Людовика, за и противъ королевской власти.

Туда вотрутся умѣренные, фельяны, аристократы. Опять соберутся роялисты, враги свободы. Они подучатъ народъ и, быть-можетъ, одержатъ побѣду. А это означало бы объявленіе междоусобной войны.

Далѣе у Робеспьера идутъ самыя ядовитыя выходки противъ жирондистовъ. Ихъ политика наглядно очерчена въ слѣдующемъ изображеніи.

Тогда они имѣли бы случай, подъ покровительствомъ закона, защищать короля отерты. „А кто же краснорѣчивѣе, хитрѣе, неистощимѣе на средства интригановъ, чѣмъ эти честные люди, т. е. плуты старого и новаго правленія? Съ какимъ искусствомъ стануть они сперва декламировать противъ короля, чтобы потомъ рѣшить въ его пользу! Съ какимъ краснорѣчіемъ провозгласятъ сначала верховность народа, права человечества, чтобы возстановить затѣмъ роялизмъ!“

Въ заключеніе, онъ опять чрезвычайно язвительно бичуетъ жирондистовъ, объявляя, что, послѣ короля, они всѣхъ виновнѣе.

31 декабря отвѣчалъ Верньо. Онъ произнесъ самую большую и самую сильную изъ своихъ рѣчей; и все-таки это было лишь роскошное надгробное слово его партіи.

Повидимому, рѣчь начинается сплювной и чисто-теоретически изложеніемъ логической точки зрѣнія, изъ которой вытекаетъ воззваніе къ народу. Изъ ученія самихъ якобинцевъ о верховности народа выводитъ ораторъ слѣдующія положенія:

„Всякое дѣйствіе, исходящее отъ представителей націи и не подвергнутое ея формальному или безмолвному утвержденію, — посягательство на ея верховность.

„Только народъ, обѣщавшій Людовику неприкосновенность, можетъ объявить о своемъ желаніи примѣнить здѣсь свое право наказывать, отъ котораго онъ отрескъ.“

Устранивъ всѣ сомнѣнія въ удобоисполнимости такого освѣдомленія, онъ оканчиваетъ часть своей рѣчи, посвященную судьбѣ Людовика, и открываетъ нападеніе на гору. Великій ораторъ наносилъ, дѣйствительно, сокрушительные удары террористамъ. Насъ глубоко поражаетъ сравненіе этого предсказанія кровавыхъ послѣдствій царубійства съ ужасами, буквально осуществившимися впоследствии.

Клеветы Робеспьера не удивляютъ оратора. „Есть люди, каждое дыханіе которыхъ, по самой ихъ природѣ, — ложь, равно какъ ядъ змѣй, которыя, по натурѣ своей, живутъ только для его выдѣленія“.

Они предвѣщаютъ междоусобную войну, избіеніе гражданъ. „Я удивляюсь проницательности этихъ пророковъ. Въ самомъ

дѣлѣ, не кажется ли вамъ весьма труднымъ предсказать о пожарѣ дома, когда вы сами подносите факель, чтобы его зажечь? Кто это желаетъ междуусобной войны? Не они ли сами, эти господа, которые ищутъ помощи противъ народныхъ представителей въ винжалахъ убійцъ, а противъ законовъ—въ возмущеніи; которые учатъ, будто истина всегда у меньшинства и Катилина правъ, замѣнивъ въ государствѣ свободу тираніей; которые проповѣдуютъ разложеніе общества и поносятъ измѣнникомъ каждаго, кто не возвысился до уличнаго разбоя и убійства?

Показавъ затѣмъ, что ничто такъ не способно толкнуть обѣ великія державы, Испанію и Англію, въ лагерь противниковъ республики, какъ убійство короля, и что всемірная война, которая вспыхнетъ тогда, окончательно ввергнетъ страну въ нищету и бѣдствія, Верньо возвращается къ продѣлкамъ якобинцевъ, желающихъ теперь умертвить короля, чтобы потомъ повлечь на эшафотъ и самый конвентъ.

„Развѣ вы не слышали, какъ тамъ и самъ, разъяренный народъ кричитъ: „Дорогъ ли хлѣбъ—въ этомъ виноватъ Тамплъ; мало ли денегъ, терпятъ ли наши войска нужду—виноватъ Тамплъ; видимъ ли мы каждый день печальное зрѣлище нищеты—виноватъ Тамплъ?“ Кто намъ поручится, что, по смерти Людовика, тѣ же люди не станутъ кричать: „Дорогъ ли хлѣбъ—виноватъ конвентъ; мало ли денегъ—виноватъ конвентъ; терпятъ ли наши войска пужду—виноватъ конвентъ; тащится ли, еле-еле подвигаясь, правительственная машина—виноватъ конвентъ, обязанный управлять ею; возрастаютъ ли бѣдствія войны, вслѣдствіе заявленій Англій и Испаніи—виноватъ конвентъ, вызвавшій эти заявленія носительною казнью Людовика“?

Въ концѣ Верньо говоритъ, впрочемъ, что каковъ бы ни былъ приговоръ конвента, онъ считаетъ измѣнникомъ всякаго, кто ему не подчинится. Этимъ объясняется его позднѣйшая подача голоса за смерть короля, когда провалилось „воззваніе къ народу“.

Въ теоріи, расчетъ жирондистскихъ предводителей былъ вѣренъ. Многочисленный средній классъ французской націи, къ которому намѣревалась обратиться жиронда, хотя и не былъ столь республиканскихъ убѣжденій, какъ она, однако нисколько не уступалъ ей въ ненависти къ терроризму якобинцевъ, совершенно открыто поговаривавшихъ уже о новомъ избіеніи дѣлныхъ массъ и о грабежѣ богатыхъ въ пользу бѣдныхъ. Сомнительно одно: было ли вообще какое-нибудь средство обуздать этотъ терроризмъ, когда уже дали ему такъ усилиться?

Печать Марата уже неистовствовала противъ измѣнниковъ, которыхъ приходилось силой припуждать къ исполненію ихъ

обязанностей. Наемная сволочь принялась уже мучить нелюбимых депутатов. Въ постоянныхъ засѣданіяхъ секцій уже опять возникъ не меньше прежняго революціонныхъ судовъ для подозрительныхъ и измѣнниковъ; и уже опять начались домашніе обыски и аресты въ такихъ размѣрахъ, что за послѣдніе дни 1792 года изъ Парижа бѣжало не менѣе 14.000 человекъ.

Таковы-то были средства для пріобрѣтенія большинства, котораго нельзя было достигнуть мирнымъ путемъ. Единственная защита жиронды, 5.000 человекъ федератовъ, до сихъ поръ находившихся преимущественно подъ вліяніемъ Барбару, были уже ненадежны. Согласіе новаго военнаго министра, Папа, на выдачу стоявшихъ въ С. Дени 132 пушекъ и на вооруженіе ими секцій ускорило ихъ отпаденіе. Когда, такимъ образомъ, конвентъ, 14 января, приступилъ къ рѣшительному совѣщанію, онъ походилъ уже на осажденную крѣпость, у воротъ которой господствуетъ мятежь, а въ ней самой—ужась и измѣна.

Послѣ долгихъ и жаркихъ преній, согласились въ трехъ слѣдующихъ вопросахъ, которые рѣшили, по порядку, подвергнуть голосованію:

- 1) Виновенъ-ли Людовикъ въ заговорѣ противъ свободы націй и въ посягательствѣ на всеобщую безопасность государства?
- 2) Подвергнется-ли приговоръ, каковъ бы онъ ни былъ, утвержденію народа?
- 3) Какое должно быть наказаніе?

Голосованіе началось въ засѣданіи 15 января. Предсѣдательствовалъ Верньо.

По первому вопросу жиронда сама отпала у себя возможность дать уклончивый отвѣтъ: 683 депутата объявили поэтому— „виновенъ“; 15 поступили такъ же, съ прибавленіемъ: „какъ законодателя, а не какъ судьи (comme législateurs et non comme juges)“; 13 (въ томъ числѣ Мориссонъ, ораторъ 13 ноября) отказались подать голосъ, не желая присвоить себѣ права судей.

Когда и герцогъ Орлеанскій, теперь гражданинъ Egalité, произнесъ свое „oui“, въ собраніи поднялся ропотъ.

Судьбу второго вопроса можно было уже предвидѣть въ послѣдніе дни. Отпаденія уже пачались. Такіе люди, какъ Шейсъ, Парръ, Бареръ, еще прежде повернули слегка влѣво. А это были вожди цѣлаго отряда, послѣдовавшаго теперь за ними. 424 голоса противъ 283 отвергли „воззваніе къ народу“. Между отвергнувшими было много самихъ близкихъ друзей Верньо. Голосованіе по третьему вопросу рѣшилось отложить до 16 января. Засѣданіе 15 числа окончилось въ 10 часовъ вечера при сильномъ шумѣ.

На другое утро оно тотчасъ же открылось безпорядочными

сценами съ чернью. Всѣ входы въ залъ были осаждены надежными друзьями якобинцевъ. „Благонамѣренныхъ“ встрѣчали ревомъ одобренія, „подозрительныхъ“—ругательствами и толчками.

При входѣ въ залъ, каждый депутатъ протискивался черезъ густыя шпалеры дикихъ, отчаянныхъ молодцовъ, чрезвычайно осазательно заявлявшихъ свой образъ мыслей.

Подача голосовъ по третьему вопросу, все равно что уже рѣшенному вторымъ, шла не такъ прилично, какъ обыкновенно намъ описываютъ ¹⁾.

Во время безконечной переклички, причемъ каждый изъ 721 присутствующихъ поочередно всходилъ на трибуну, чтобы въ длинной или короткой рѣчи объяснить свое голосованіе, вездѣ по залу стояли и сидѣли болтающія группы; иные растягивались на своихъ скамьяхъ, пока эзекуторъ не произносилъ ихъ именъ. Они лорнировали галлерей, гдѣ пестрая компанія пролетаріевъ и надшихъ женщинъ развлекалась водкой, чокаясь стаканами за смерть Людовика, сопровождая каждый смертный приговоръ неприличнымъ одобреніемъ, а каждое неугодное ей мнѣніе разбойничьимъ ревомъ.

Робесьеръ и тутъ произнесъ длинную рѣчь. Ему, разумѣется, пришлось оправдываться въ противорѣчій. Въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ, нѣкогда голосовавшій за уничтоженіе смертной казни, предлагаетъ теперь смерть короля? Задача довольно трудная. Въ немногихъ словахъ ея, конечно, не разрѣшишь.

Когда Филиппъ Egalité прочелъ по измятой бумагѣ: „Единственно по чувству долга и по убѣжденію, что всякій, посягающій или имѣющій посягнуть на верховность народа, заслуживаетъ казни, подаю я голосъ за смерть“,—почти вся зала почувствовала отвращеніе.

Перекличка началась 16 января въ 8 часовъ вечера, продолжалась цѣлую ночь и слѣдующій день и кончилась вечеромъ 17 числа въ ту же пору. Въ концѣ обнаружилось, что изъ 721 присутствующихъ 2 подали голосъ за заключеніе въ цѣняхъ, 26 за отсрочку наказанія, 46 за смертную казнь, но съ примѣненіемъ ея по заключеніи мира, 286 за заточеніе и изгнаніе (*détention et bannissement à la paix*) и лишь 361 безусловно за смерть. Слѣдовательно, судьба короля была рѣшена большинствомъ только одного голоса ²⁾. На слѣдующее же утро, большинствомъ 380-ти голосовъ

¹⁾ Вѣрно рассказываетъ Mortimer-Ternaux (V, 438 sqq.), Ср. Sibel, II, 82.

²⁾ Mort. Ternaux (V, 515) представляетъ статистику позднѣйшей судьбы парубѣвъ. По ней, 31 человекъ умерли на эшафотѣ, 18 насильственною смертью другихъ родовъ, 121 запыли при Наполеонѣ разными правительственными мѣста, отъ министерствъ до визшихъ.

противъ 310, была отвергнута отерочка казни, требуемая со многихъ сторонъ,—и процессъ Людовика XVI окончился ¹⁾).

Людовикъ XVI не ждалъ другого исхода. Уже послѣ извѣстнаго допроса онъ набросалъ свои послѣднія распоряженія. Когда теперь старикъ Малербъ со слезами сообщилъ ему рѣшеніе, онъ ни на мгновеніе не потерялъ присутствія духа. Итъ овладѣло то пассивное настроеніе, которому не сравниться съ мужественнымъ героизмомъ, не боящимся смерти. Онъ не зналъ чувства гнѣва, ожесточенія, при которомъ тягостна кончина. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на жертву, которой необходимо настъ; а его религиозность убѣдила его, что эта жертва безпорочна. Этого для него было достаточно, чтобы умереть спокойно.

Не упустили ничего, чтобы отравить осужденному послѣднія минуты. Жестокую разлуку съ семьей, грубость палачей на его послѣднемъ пути порицали впоследствии даже его враги, какъ бесполезное варварство. ~~Въ 1793 г.~~ *Въ 1793 г.*

Утромъ 21 января его вывели. Горѣдъ былъ пустъ, лавки заперты. Общественныя власти напрасно употребляли все усилія, чтобы разставить сколько-нибудь крикуновъ для возгласа: „Долой короля!“ Темногіе слышавшіеся голоса были, очевидно, подкуплены. Сами граждане оставались вдали. Ни въ окнахъ, ни на улицахъ почти никто не показывался. Все было тихо.


Такъ взвели его на эшафотъ. О его послѣднихъ минутахъ у насъ есть показаніе Самсона ²⁾), палача, казнившаго всѣхъ значительныхъ особъ до Робеспьера. Взойдя на эшафотъ, Людовикъ хотѣлъ говорить. Когда ему представили невозможность этого, онъ далъ отвести себя на мѣсто, гдѣ его привязали. Тамъ онъ громкимъ голосомъ воскликнулъ: „Народъ, я умираю певиннымъ!“ Затѣмъ, обратившись къ своимъ палачамъ, сказалъ: „Госнода, я невиненъ во всемъ, въ чемъ меня обвиняють. Я желаю, чтобы моя кровь упрочила счастье французовъ“.

Приготовленія къ смерти,—связываніе рукъ, обрѣзаніе волосъ и обнаженіе верхней части тѣла,—онъ, по увѣренію того же свидѣтеля, перенесъ съ хладнокровіемъ и твердостью, изумившими палача и его помощниковъ. „Я увѣренъ,—прибавляетъ Самсонъ,—

¹⁾ Въ прошломъ году, въ Брюсселѣ, появилось собраніе документовъ, относящихся къ процессу Людовика XVI и Маріи Антуанетты, изданное барономъ Кетхендорфомъ, подъ названіемъ: Archives judiciaires, Recueil complet des Discussions législatives et des Débats, résultant des grands procès politiques jugés en France de 1792 à 1840. *Ред.*

²⁾ Въ письмѣ къ редактору журнала Thermomètre, отъ 20 февраля 1793 г.

что эту твердость онъ почерпнулъ изъ правилъ набожности, которыми никто глубже его не былъ проникнутъ. То былъ самый великій, самый бодрый его день“.

~~X~~ *data.* 

ГЛАВА XV.

Война съ зимы 1792 г. до весны 1793 года. Жемапъ, Франкфуртъ. Майнцъ. Неервинденъ.

Партіи, подавшія въ процессѣ короля другъ другу руку съ весьма неодинаковыми чувствами, ни одному изъ всѣхъ своихъ лицемѣрныхъ основаній не придавали столь большого вѣса, какъ слѣдующему: „Король—средоточіе всѣхъ домашнихъ и внѣшнихъ заговоровъ противъ революціи. Онъ подстрекаетъ къ междоусобной войнѣ въ странѣ и ко вторженію извнѣ. Устранивъ его, мы приобрѣтаемъ спокойствіе внутри и миръ на нашихъ границахъ“. Эти основанія осудила исторія. Они не упрочили, а подкололи на цѣлыя десятилѣтія то, чего хотѣли достигнуть такимъ способомъ. Въмѣсто гражданскаго мира, начался кровавый терроризмъ, первою жертвою котораго сдѣлалась жиронда; вмѣсто примиренія съ Европой, явилась всемірная война, безконечно-долгая и стойившая безчисленныхъ жертвъ.

Уже 30 января министру иностранныхъ дѣлъ пришлось сообщить конвенту, что англійское правительство, при извѣстии о смерти короля, немедленно приказало французскому посланнику до 1 февраля оставить королевство. Конвентъ отвѣчалъ на это объявленіемъ войны Англійи и Голландіи. И у Бриссо, докладчика по всѣмъ дѣламъ, касавшимся пропагандной войны, не было недостатка во фразахъ, съ которыми изумительно разнилось дѣйствительное состояніе тогдашняго военнаго управленія. „Вамъ предстоитъ,—сказалъ онъ,—борьба на сушѣ и на морѣ со всею Европой, или, по крайней мѣрѣ, со всѣми тиранами Европы. Пусть купецъ забудетъ свою торговлю для занятій только однимъ каперствомъ; пусть капиталистъ принесетъ, наконецъ, въ жертву свое состояніе, чтобы поддержать наши ассигнаты и помочь при недостаткѣ въ паличныхъ деньгахъ; пусть землевладѣлецъ и крестьянинъ откажутся отъ всякой прибыли и привезутъ свой излишекъ на наши рынки... Вся Франція должна превратиться въ одинъ лагерь. Ей слѣдуетъ приготовиться къ случайностямъ, рѣшиться на лишенія. Близка минута, когда будетъ преступленіемъ

имѣть двѣ пары платья, если будетъ нагъ хотя одинъ изъ нашихъ братьевъ—солдатъ“.

Въ то время, какъ національный конвентъ угощался такими пустыми рѣчами, сѣверное войско, съ которымъ надлежало завоевать Голландію, именно по винѣ войнолюбивыхъ якобинцевъ, находилось въ состояніи неописаннаго пренебреженія. Дюмурье завоевалъ Бельгію битвой при Жемапѣ (6 ноября 1792 г.), эту первую истинную побѣдой, одержанною революціонными войсками въ открытомъ полѣ. Этотъ геройскій подвигъ тѣмъ болѣе дѣлалъ чести ему и его войскамъ, что новое военное управленіе министра Паша (съ 19 октября) передало всё дѣла подонкамъ якобинской партіи, которая оставила армію на произволь судьбы, безъ хлѣба, безъ денегъ, безъ всякаго попеченія. Послѣ побѣды стало еще хуже, насколько это было возможно. Итакъ, оказалось невозможнымъ воспользоваться успѣхомъ. Мало того. Дѣла французовъ весьма скоро готовы были принять чрезвычайно опасный оборотъ. Коммиссары конвента опустошали и грабили освобожденную страну самымъ безстыднымъ образомъ. Войска, не получая изъ Франціи ни платья, ни продовольствія, по необходимости начали точно также распорядиться самовластно. Это возмущало населеніе, сѣяло страшную ненависть даже тамъ, гдѣ сочувствовали революціи, и разрушало всё планы Дюмурье на мирный исходъ дѣлъ въ Бельгіи.

Армія, предназначенная для завоеванія Голландіи, зимовала въ Люттихѣ. Тутъ солдаты нуждались во всемъ: въ соломѣ, хлѣбѣ и аммуниціи. Тутъ цѣлые батальоны ходили босикомъ, а рядовые арміи и національной гвардіи дезертировали цѣлыми толпами. Дюмурье же, явившись въ Парижъ для жалобъ на такое безпримѣрное положеніе, едва осмѣливался показываться въ публикѣ, боясь быть разорваннымъ шайками Марата и Робеспьера. Онъ ничего не достигъ, кромѣ перемѣны въ военномъ министерствѣ. Тутъ же послѣдовали: новый выпускъ ассигнатовъ, новыя постановленія, уничтожавшія всякую дисциплину въ войскѣ, да распоряженія для новаго набора 300,000 человекъ.

Между тѣмъ положеніе французской арміи на Рейнѣ исполнѣе измѣнилось. Левый берегъ Рейна былъ отданъ въ октябрѣ санкюлотамъ Кюстина при обстоятельствахъ, чрезвычайно характеристичныхъ для крайняго разстройства, какъ духовныхъ владѣній, такъ и мелкихъ свѣтскихъ государствъ, но положительно ничего не рѣшавшихъ въ военномъ отношеніи. Эти легкія побѣды падъ убѣжавшими князьями, падъ такою крѣпостью, какъ немедленно сдавшійся Майнцъ (21 октября), падъ народонаселеніемъ, которое отчасти привѣтствовало якобинство, отчасти молча спосило

его,—не заслуживали восторга, встрѣчавшаго ихъ со стороны французовъ. Первая же битва во всемъ походѣ, побѣдоносное нападеніе, во Франкфуртѣ (2 декабря 1792 г.), пруссаковъ и гессенцевъ на четыре французскіе батальона, выставила въ самомъ лучшемъ свѣтѣ доброту и качество нѣмецкихъ войскъ. Правдивое впечатлѣніе этой побѣды поправило многія погрѣшности непростительной вялости похода въ Шампани.

Въ концѣ года французовъ оттиснули съ праваго берега Рейна. Обложеніемъ Кастеля подготовилась осада Майнца. Въ коалиціи тоже пробудилась новая жизнь съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь повончили со всѣми романическими иллюзіями и сошлись на почвѣ трезвой политики интересовъ.

Еще въ декабрѣ 1792 года Австрія признала замыслы Пруссіи относительно Польши. За это Пруссія обѣщала поддерживать ея баварскіе планы насчетъ обмѣна или уступки земель и особенно энергично помогать въ дальнѣйшей войнѣ съ Франціей. Оттого-то эта война и принимаетъ, съ начала 1793 года, вполнѣ новый видъ. Коалиція вывела въ поле не 100,000, какъ въ 1792 г., а 220,000 человекъ. Хотя она далеко не могла преодолѣть всѣхъ препятствій, неразлучныхъ со всякою коалиціонною войною, однако въ первую половину 1793 года самое положеніе враждебной арміи и политики представляло ей множество благоприятныхъ условій, которыми она тотчасъ воспользовалась съ успѣхомъ.

Уже въ первыхъ числахъ марта былъ освобожденъ отъ осады Мاستрихтъ, и линія по Маасу вполнѣ очистилась отъ французскихъ войскъ. Судя по способу отступленія французовъ, потерявшихъ тутъ 12,000 дезертировъ и 100 пушекъ, при болѣе быстромъ наступленіи австрійцевъ—французовъ постигла бы катастрофа. Не ранѣе 13 марта прибылъ къ своему бельгійскому войску Дюмурье, только-что совершившій вторженіе въ Голландію. Взглянувъ на ходъ дѣлъ, онъ тотчасъ же убѣдился, что быстрое рѣшеніе на полѣ битвы—единственное средство остановить распространеніе деморализаціи. И вотъ, 16 числа, онъ выступилъ по дорогѣ въ Люттихъ и удачно сразился съ австрійскимъ авангардомъ. Это снова ободрило его солдатъ, упавшихъ духомъ. Но 18 марта его на голову разбили главныя силы австрійцевъ, послѣ многочасовой жаркой битвы при Шеервиденѣ. Его правое крыло было совершенно разсѣяно. Въ дикомъ безпорядкѣ устремились бѣглецы къ французской границѣ. Лишь осторожность и медленность принца Кобургскаго помѣшали перейти пораженію въ полное истребленіе. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого удара была перемѣна въ Дюмурье. Онъ зналъ, что явобинцы никогда

не простать ему этого пораженія, и задумаль теперь быстрымъ скачкомъ въ коалиціонный лагерь спасти самого себя, королевство и всѣхъ тайныхъ враговъ террора.

Мы вернемся къ этому событію въ томъ мѣстѣ, гдѣ будемъ говорить о вытекшемъ изъ него внутреннемъ переворотѣ во Франціи.

Сближеніе между Дантономъ и жирондой. Революціонный судъ 10-го марта.

За предсмертною борьбой королевской власти настаетъ, въ слѣдующихъ мѣсяцахъ, послѣднее сопротивленіе жиронды. Уже въ время преній о „воззваніи къ народу“ якобинцы открыто обвиняли ея вождей въ государственной измѣнѣ, и въ клубахъ главные крикуны возвѣщали имъ участь короля. Въ самомъ конвентѣ ихъ дѣло далеко еще не было проиграно. На ихъ сторонѣ все еще было огромное большинство. И поднимись они, наконецъ, съ единодушїемъ и энергіей, за ними непременно осталось бы, по крайней мѣрѣ, руководство собранїемъ. Но для этого имъ слѣдовало быть не тѣми, какими они были всегда. Они только жалуются да упрекаютъ, но не представляютъ ни одной сильной мѣры, ни одного умѣстнаго предложенія для улучшенія обстоятельства. Съ ораторскою пышностью, съ полнымъ парламентскимъ формализмомъ, разыгрываютъ они роль огорченныхъ и обвинителей, съ негодованїемъ отвращающихся отъ пошлостей уличныхъ демагоговъ. Въ нравственномъ отношеніи, это могло быть совершенно основательно; но въ политическомъ-то, это вовсе не было средствомъ возстановить свою славу и вырвать дѣло изъ рукъ своихъ противниковъ. Единственнымъ положительнымъ дѣйствїемъ жирондистовъ былъ проектъ конституціи, обнаружившїй всю ихъ неспособность. Докладчикомъ комиссіи, надъ которой они вполне господствовали, былъ доктринеръ Бондорсе. Онъ сопоставлялъ политическія дѣла, какъ числа, не заботясь о существующихъ отношенїяхъ. Изъ его рукъ вышла новая конституція, съ которой и на одинъ день нельзя было возстановить истиннаго порядка. Въ ней не было ничего, кромѣ выборовъ и выборныхъ властей, ничего, кромѣ свободы и основныхъ правъ. Это произведеніе осуждало само себя. Даже и въ спокойныя времена непримѣнимо что-либо подобное, не говоря уже про такія обстоятельства, какъ тогдашнія.

Такимъ образомъ, все предвѣщало близкій кризисъ, неизбѣж-

пый при первомъ вѣншемъ толчѣ. На дѣлѣ, помимо конституціонной комиссіи, въ Парижѣ уже развивалась, въ общихъ очертаніяхъ, ядро новаго правительства для всей Франціи, принявшаго потомъ свою страшную законченную форму. Въ клубахъ и секціяхъ замѣчается усиленная дѣятельность. Исполнительный органъ тѣхъ и другихъ, городской совѣтъ, издаетъ свои приказы, словно нѣтъ конвента. Сегодня появляется одинъ бурный адресъ, завтра—другой. Правда, его требованія пока еще отвергаются; но зато ихъ общій мотивъ теперь уже выясняется во всемъ своемъ ужасѣ. Это—междоусобная война бѣдныхъ съ богатыми, возстаніе пролетаріевъ противъ класса собственниковъ. Незаслуженная нужда бѣдныхъ, преступное ростовщичество богатыхъ—вотъ ходячія слова дня. Въ дѣйствительности было не совѣмъ такъ. Государство давало милліоны на прокормленіе „благонамѣренныхъ“ праздношатающихся и вовсе не защищало собственниковъ, предоставленныхъ организованному грабжу и воровству. Нищеты, которая могла бы оправдать всякое насиліе противъ собственности, вовсе не было, или, по крайней мѣрѣ, она тотчасъ же исчезла бы при желаніи арміи и пролетаріата работать, а не грабить. Съ тѣхъ поръ какъ война, и именно послѣдній наборъ, такъ страшно понизила число рабочихъ рукъ, а государство истратило громадныя суммы, чтобы поддержать въ Парижѣ и въ департаментахъ дешевую среднюю цѣну на хлѣбъ, заработная плата возвысилась, а цѣны на хлѣбъ пали больше, чѣмъ когда-либо ¹⁾.

Весь шумъ, слѣдовательно, былъ сочиненъ. Это было орудіе политическихъ цѣлей террористовъ. Теорія, по которой они присваивали себѣ право на чужую собственность, видна изъ рѣчи Робеспьера передъ конвентомъ. Въ ней уже выступаетъ коммунизмъ, хотя пока, правда, съ нѣкоторой застѣнчивостію. „Первый социальный законъ, говорится въ ней,—тотъ, который упрочиваетъ за всѣми членами общества возможность существованія. Всѣ другіе законы подчинены ему. Для жизни-то прежде всего и служить всякая собственность. Собственность никогда не должна быть въ противорѣчій съ достаточнымъ содержаніемъ человѣка, столь же священнымъ, какъ и сама жизнь. Все, необходимое для поддержанія жизни, составляетъ совокупную собственность цѣлаго общества. Только излишекъ противъ этого необходимаго есть личная собственность, которая и представляется людямъ для наживы“.

Проведя черту между „потребностью“ и „излишкомъ“, какъ

¹⁾ Sybel, II, 244 sq.

его понимала толпа, приходили въ возможно-ничтожному тахишму цѣнъ, какого и требовали пролетаріи на хлѣбъ, свѣчи и сахаръ, а прачки—на мыло. При несогласіи же добровольно сдѣлать эту операцію, оставалось лишь, по совѣту Марата, взяться за браваду,—вламываться въ лавки и вѣшать ростовщиковъ.

Такое нападеніе на торговцевъ произошло 25 февраля. Шайки женщинъ и переодѣтыхъ мужчинъ врываются въ различныя лавки и магазины, забирали провизію, одежду, цѣнныя вещи,—все, что ли попадалось подъ руку, и такъ до вечера обшаривали улицы за улицей. Одни благонамѣренныя якобинцы избѣжали контрибуціи: у подоозрительнаго же средняго сословія разграбили 1,200 домовъ.

При такихъ происшествіяхъ возникаетъ, въ грубыхъ чертахъ, своего рода свобода, разумѣется не жирондистская,—свобода разбойничьихъ вторженій и воровства. Подобныхъ безпорядковъ нельзя было отвратить такимъ проектомъ конституціи, какъ созданный теперь жирондистами.

Въ первыхъ числахъ марта вернулся изъ Бельгіи Дантонъ и, въ качествѣ комиссара конвента, подтвердилъ всѣ полученныя еще до него мрачныя извѣстія о положеніи французской арміи на Маасѣ. 30 ноября его послали, съ тремя другими депутатами, его единоплеменниками, въ Бельгію, для приготовления новой провинціи къ присоединенію.

Надѣленный неограниченнымъ полномочіемъ декретомъ 15 декабря¹⁾, онъ, съ своими товарищами, распорядился тамъ, какъ въ завоеванной странѣ. Здѣсь дѣлали то, къ чему въ теченіе мѣсяцевъ привыкли дома. Возмущали чернь противъ собственниковъ, грабили государство, общины, церкви. Подопки якобинцевъ, какъ саранча, нанали на страну и припались, во имя свободы, такъ хозяйничать, что Дюмурье пришелъ въ отчаяніе, а благоразумные жители Бельгіи были возмущены до глубины души. Дантонъ съ друзьями ничему не давалъ снуска. Странныя суммы исчезли въ ихъ рукахъ. Такъ вернулся Дантонъ, занятный, правда, не кровью, а незаконнымъ обогащеніемъ. Въ его жизни прибавился лишній шагъ, отрѣзавшій ему всякій возвратъ и лишившій его довѣрія честныхъ политиковъ.

Въ эту минуту онъ стоялъ между партіями, боровшимися за власть. Онъ смѣялся надъ глупостью жиронды, которая только и умѣла что пускать, для препровожденія времени, мыльные пузыри политическихъ отвлеченностей. Онъ видѣлъ спасеніе Франціи лишь въ суровой диктатурѣ, но не желалъ, чтобы она, какъ безпорядочное самоуправство безпорядочныхъ властей, принадлежала убій-

¹⁾ См. Mortimer-Ternaux. V, 66.

цамъ и грабителямъ Марата, равно какъ и клубамъ Робеспьера. Онъ требовалъ диктатуры конвента. Это тотчасъ и стало цѣлью перваго предложенія, внесеннаго имъ въ собраніе по возвращеніи. Это средство ручалось ему, по крайней мѣрѣ, въ одномъ: въ соединеніи національныхъ силъ противъ иностранцевъ. Какъ вообще ни ничтожна его политическая проницательность, какъ ни полонъ у него недостатокъ того, что мы называемъ совѣстью,—у него былъ тотъ грубый патріотизмъ, которому спасеніе родной земли дороже всего. А этого-то, казалось ему, можно было достигнуть лишь необыкновенными средствами. И дѣйствительно, изъ всѣхъ предложеній, мѣра, представленная имъ въ ту минуту, была единственною плодотворною политическою мыслью. Разумѣется, людямъ „свободы“ постыдно было сознаться, что теперь дошли уже до необходимости диктатуры.

Дантонъ сказалъ въ одной рѣчи (10-го марта): „Изложенныя вамъ общія соображенія вѣрны. Но теперь дѣло не столько въ изслѣдованіи причинъ ударовъ судьбы, могущихъ на васъ обрушиться, сколько въ быстромъ и надлежащемъ отпорѣ имъ. Когда домъ въ пламени, какое мнѣ дѣло до мошенниковъ, расхищающихъ мебель? Я тушу огонь“.

Затѣмъ онъ развиваетъ планъ возмущенія Голландіи, гдѣ слѣдуетъ пустить въ ходъ замыслы Дюмурье (о которомъ онъ отлично отзывался), хорошо направленныя, но плохо поддержанныя. Далѣе онъ говоритъ:

„Для выполнения этого требовался характеръ, а, сказать правду, его-то и не доставало. Страсти въ сторону. Онѣ всѣ вполне мнѣ чужды, исключая той, которая относится къ общественному благу. При гораздо болѣе трудныхъ обстоятельствахъ, когда врагъ стоялъ у воротъ Парижа, я сказалъ тогдашнимъ правителямъ: „Ваши совѣщанія жалки. Я знать ничего не хочу, кромѣ врага. Побьемъ его! Всѣхъ васъ, утомляющихъ меня своими личными ссорами, вмѣсто того, чтобы трудиться для блага республики, всѣхъ васъ я презираю, какъ измѣнниковъ отечества. Я всѣхъ васъ ставлю на одну доску!“ Я сказалъ имъ: „Что мнѣ до моей славы! Была бы свобода Франціи, а тамъ пусть позорятъ мое имя! Что же, пусть меня клеймятъ именемъ кровопійцы! Давайте, если нужно, пить кровь враговъ человечества! Возьмемъ съ бою, завоюемъ свободу!“ Положеніе націи ужасно, жестоко. Деньги, находящіяся въ обращеніи, уже расходятся съ своею номинальною цѣною. Дневной заработокъ рабочаго уже не удовлетворяетъ его потребностей. Нужно сильное лекарство. Завоюемъ Голландію, поскресимъ республиканскую партію въ Англіи, поднимемъ на ноги Францію,—и мы пойдёмъ, покрытые славой, навстрѣчу потомству. Прочь пре-

пирательства на словахъ, прочь неприязнь, — и отечество спасено!“

Жиронда видѣла, каково ея положеніе. Если она вообще желала что-нибудь значить, она должна была принять мысли Дантона, побрататься съ нимъ и, опираясь на его сильную руку, съ помощью его еще неослабѣвшей популярности, захватить ходъ дѣлъ въ свои руки. Этого и онъ хотѣлъ. Онъ чувствовалъ глубокое отвращеніе къ людямъ съ Робеспьеровской лицемѣрной добродѣтелью. Въ жирондѣ онъ видѣлъ превосходные таланты, которымъ недоставало лишь одинаго вождя. И онъ не преслѣдовалъ ихъ мелочною завистью, какъ Робеспьеръ. Но именно въ томъ, что эта партія и этотъ вождь нуждались другъ въ другѣ, и обрисовалась, со всею силой, горькая участь жирондистовъ.

Имъ, такъ давно привыкшимъ считать себя первыми, пришлось теперь затереться въ свиту Дантона! Сколько разъ проваливали они сентябрскія убійства, какъ начало всѣхъ бѣдствій, а теперь надо было протянуть руку сентябровскому убійцѣ! Будь у жирондистовъ болѣе политическаго смысла, они не отступили бы въ ужасѣ предъ этимъ союзомъ. Они, большею частью по собственной винѣ, были въ такомъ положеніи, когда уже спрашиваешь не о томъ, съ кѣмъ идешь, а лишь о томъ, противъ кого. Но тутъ у нихъ возникають нравственныя сомнѣнія относительно возможности союза съ сентябрскимъ убійцей, съ грабителемъ Бельгіи. Они забывали при этомъ, сколько уже проглотили пилюль безъ всякой для себя пользы. А вотъ теперь, когда дѣло шло, быть можетъ, о ихъ существованіи, они колебались. Они открыто высказали Дантону свои сомнѣнія. Тотъ возразилъ: „Вы — упрямые дураки! Вы увлекаете меня и себя къ гибели!“ Мысль не осуществилась тотчасъ, но она и не была еще покинута, когда Робеспьеръ состригаль плапъ, который долженъ былъ значительно приблизить дѣло къ его идеалу республики.

Онъ хотѣлъ прежній комитетъ надзора или всеобщей охраны ¹⁾ преобразовать въ правительственное учрежденіе, въ которомъ соединялись бы нити внутренней и внѣшней политики. Онъ не сомнѣвался, что ему удастся снодна замѣститъ его своими приверженцами.

Рядомъ съ этимъ комитетомъ общаго блага является революціонный судъ (tribunal révolutionnaire). Независимый отъ конвента и свободный отъ всѣхъ законныхъ формальностей, онъ распоряжается жизнью и смертью политическихъ преступниковъ, безъ присяжныхъ, безъ слѣдствія, чисто по произволу судей.

¹⁾ См. стр. 282.

Комитетъ клуба, тиранившій Францію, да исключительный судъ, предававшій палачу всѣхъ его враговъ,—вотъ существенныя пружины въ планѣ Робеспьера.

На пути къ этой цѣли Робеспьеръ одержалъ большую побѣду 9-го марта. По предложенію Дантона, слѣдовало отправить въ департаменты, въ качествѣ комиссаровъ, 82 депутата, чтобы сдѣлать сборъ съ богатыхъ на военныя потребности и ускорить новый наборъ молодыхъ солдатъ, происходившій до той поры чрезвычайно вяло. Робеспьеръ съ своими приверженцами устроилъ такъ, что этихъ комиссаровъ выбрали исключительно изъ среды самыхъ дѣлихъ и надежныхъ ихъ партизановъ.

Эти вѣстники горы внесли ужасъ въ провинціи и заранѣе убили тамъ всякое сопротивленіе событіямъ, которыя затѣвались тогда въ Парижѣ.

10 марта, въ конвентѣ начались пренія о революціонномъ судѣ. Въ клубѣ совершенно открыто высказали, чего тутъ хотѣли достигнуть. Имѣли въ виду смертный приговоръ всей жирондѣ или посредствомъ конвента, или и безъ него. Жиронда сама не придавала другого смысла предложенію, внесенному теперь депутатомъ Лигде. По прочтеніи его, Верньо воскликнулъ: „Лучше умереть, чѣмъ установить инквизицію, которая была бы въ тысячу разъ ужаснѣе венеціанской!“

При несогласіи и разъединеніи, царствовавшихъ въ жирондѣ, ей не удалось отклонить самый судъ; но она, по крайней мѣрѣ, вырвала у него опасное оружіе, направленное противъ конвента, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ нея. Неожиданно для себя самой, она приобрѣла большинство въ пользу требованія, чтобы о фактѣ преступленія судили и р и с я ж н ы е, назначаемые конвентомъ, и притомъ выбираемые изъ всѣхъ департаментовъ. Робеспьеру съ горой хотѣлось суда, наполненнаго ихъ парижскими патриотами, который, какъ Дамокловъ мечъ, висѣлъ бы надъ самимъ конвентомъ. Это устранили. Судей, присяжныхъ и обвинителей назначалъ конвентъ ¹⁾. Ни одно судопроизводство не происходило безъ его предварительнаго разсмотрѣнія. Этимъ гора лишилась всякаго односторонняго распоряженія обоюдоострымъ оружіемъ. Въ главномъ, тутъ и Дантонъ стоялъ на сторонѣ жиронды. Онъ говорилъ за судъ, но желалъ, чтобы онъ не былъ орудіемъ горы, чтобы онъ стоялъ въ тѣсной связи съ сильною правительственною властью, которую онъ съ жирондой намѣревался образовать изъ конвента.

„Нѣтъ ничего труднѣе,—сказалъ онъ,—какъ опредѣлить понятіе

¹⁾ См. Hist. parlem. 25, 59, sqq.

политическаго преступленія. По тѣмъ необходимѣ, чтобы чрезвычайные законы приводили въ страхъ мятежниковъ и рука правосудія настигала этихъ виновныхъ не хуже, чѣмъ обыкновенныхъ преступниковъ. Здѣсь благо народа требуетъ сильныхъ средствъ и ужасныхъ мѣръ. Я не вижу ничего средняго между обычными формами и революціоннымъ судомъ“. Затѣмъ Дантонъ обращается къ событіямъ кровавыхъ сентябрьскихъ дней, ужасы которыхъ заставили вздохнуть „каждаго добраго гражданина“, и говоритъ: „Будь тогда чрезвычайный судъ для политическихъ преступниковъ, народъ не дошелъ бы до такого страшнаго собственнаго суда. Да послужатъ намъ урокомъ ошибки нашихъ предшественниковъ. Сдѣлаемъ то, чего не сдѣлало законодательное собраніе. Будемъ страшны, чтобы избавить народъ отъ необходимости быть страшнымъ. Устроимъ судъ не возможно лучшей (этого нельзя), но возможно менѣе дурной! Да обрушится мечъ закона на головы всѣхъ его враговъ! Когда окончится великое дѣло, я призову васъ къ оружію. Сначала судъ, затѣмъ новая исполнительная власть, снабженная всѣмъ необходимымъ, чтобы быть сильною и дѣятельною. Тотъ и другая — сегодня же, а завтра — маршъ на врага!“

Рѣшеніе 10 марта — общая побѣда Дантона и жиронды. Последнія событія были какъ бы подготовкой къ союзу, въ которомъ Дантонъ становится головой и рукой, а жиронда — туловищемъ и органомъ слова. Одно нападеніе горы, въ конвентѣ, было отбито; а другое, внѣ его, прошло въ уличныхъ беспорядкахъ. Еще въ ночь съ 9 на 10 марта пустилась въ путь толпа патриотовъ низшаго разряда, съ Фурнье и Лазовскимъ во главѣ, намѣреваясь разломать типографскіе станки жирондистовъ и, если можно, убить одного или нѣсколькихъ изъ ихъ предводителей. Дѣйствительно, разорили двѣ типографіи, но дальше не пошли. Какъ при этихъ происшествіяхъ, раннимъ утромъ, такъ и при шумныхъ сходкахъ, въ продолженіе дня, дѣло не доходило до кровавыхъ сценъ. Страшнымъ образомъ, вину въ этомъ нарушеніи споконейства приписали Дантону. Но это было немисливо въ ту минуту, когда онъ готовился заключить союзъ съ жирондой.

Отъ этого союза зависѣлъ срокъ существованія жиронды и избавленія Франціи отъ правленія чистаго террора. Жиронда преодолѣла кое-въ-чемъ свое отвращеніе къ Дантону, и съ половины марта зарождается соглашеніе между ними. Жирондѣ это стоило большой жертвы, но она ее принесла. Составляли сходки, старались простить и забыть и условились дѣйствовать сообща.

Первымъ плодомъ соглашенія были выборы въ новый 25-членный комитетъ общаго блага, который долженъ былъ по-

служить началомъ правленія конвента. Робеспьеръ провелъ лишь одного кандидата; Дантонъ съ жирондой — всѣхъ своихъ. И все-таки этотъ миръ былъ непрочень. Жиронда не могла оставаться вѣрной новому настроенію. Оскорбленное чувство собственного достоинства, досада на паденіе, отвращеніе къ человѣку, которому она, отвернувшись, протягивала руку, — все содѣйствовало тому, чтобы этотъ союзъ казался ей страшными узами. Первый неожиданный случай снова пробудить дремлющія противоположности и больше, чѣмъ когда-либо, разъединить примирившихся по необходимости.

Измѣна Дюмурье. Разрывъ между Дантономъ и жирондой.

18 марта послѣдовало пораженіе при Неервинденѣ ¹⁾. Дюмурье очутился въ самомъ затруднительномъ положеніи. Съ якобинцами онъ разсорился съ тѣхъ поръ, какъ они возмутили Бельгію и разстроили его войска. Пораженіе 18 марта околчательно отрѣзало ему всякій возвратъ къ нимъ. Въ конвентѣ у него нѣтъ почвы подъ ногами: онъ ни жирондистъ, ни дантонистъ. Все, что эта партія до сихъ поръ сдѣлала для него, теперь также пропало, послѣ Неервиндена. Свои отношенія къ господствующимъ партіямъ онъ понималъ совершенно вѣрно. Однако, какъ ни былъ онъ уменъ, онъ слишкомъ низко ставилъ могущество революціи, важное при всей ея внутренней неурядицѣ, и слишкомъ высоко — своєю властью надъ войскомъ. Онъ, который сначала носилъ якобинскую шапку, а потомъ безмолвствовалъ при смерти короля, вообразилъ, что теперь настала минута для роялистическаго предпріятія и для противореволюціи.

Войско почти ускользнуло у него изъ рукъ. Съ страшнымъ крикомъ: „Измѣна!“ оно бросилось къ французской границѣ. Дюмурье обратился теперь въ австрійскій лагерь и протянулъ руку врагамъ революціи для восстановленія во Франціи порядка и конституціонной королевской власти. Австрійцы все еще представляли себѣ Дюмурье геросомъ-побѣдителемъ, во главѣ вѣрнаго, преданнаго ему войска, и согласились съ большими надеждами. Дюмурье обѣщалъ, если его оставить въ покоѣ (отъ всякой непосредственной помощи онъ отказывался), разогнать конвентъ, освободить заключенныхъ въ Тамплѣ и провозгласить королемъ сына Людовика XVI, съ конституціей 1791 года.

¹⁾ См. стр. 325.

Трудно повѣрить, чтобы онъ серьезно думалъ о Людовикѣ XVII. До сихъ поръ онъ съ явнымъ умысломъ, постоянно и вездѣ про- славлялъ и хвалилъ молодого Эгалите, герцога шартрскаго, выставяя его, гдѣ только можно, въ яркомъ свѣтѣ. По моему, нѣтъ сомнѣнія ¹⁾, что это былъ его настоящей кандидатъ на престолъ. Принцъ, способный, талантливый юноша, достаточно извѣдалъ революцію, чтобы понимать ее, и все-таки не запятналъ себя ни однимъ поступкомъ, который помѣшалъ бы ему вступи- ть въ ряды европейскихъ монарховъ. Изъ Бурбоновъ онъ былъ способенъ всехъ примирить новымъ порядкомъ вещей со старымъ. Во всякомъ другомъ положеніи, подобный планъ не былъ бы безнадеженъ; но въ теперешнемъ онъ рѣшительно не годился.

Въ Парижѣ отчасти знали, отчасти вѣрно предчувствовали намѣренія Дюмуре. Вечеромъ, 26 марта, съ нимъ встрѣтились три комиссара отъ конвента, которымъ онъ открыто изложилъ свои планы. Были сказаны запальчивыя слова насчетъ конвента и якобинцевъ, а на другой день Дюмуре сдѣлалъ рѣшительный шагъ. Онъ подписалъ съ союзниками договоръ, по которому онъ, между тѣмъ какъ австрійцы пока не двигаются впередъ, направляется, во главѣ своего войска, въ Парижъ и въ пухъ и прахъ разбиваетъ тамошнее правительство, чтобы затѣмъ тотчасъ же установить новый порядокъ. Лишь въ крайней нуждѣ обратится онъ къ дѣятельной помощи австрійской арміи.

Именно теперь прибылъ военный министръ съ четырьмя ком- миссарами конвента, чтобы пригласить Дюмуре въ Парижъ къ отвѣту, или, въ случаѣ его отказа, схватить его.

Дюмуре велѣлъ схватить ихъ и выдать австрійцамъ. Теперь все зависѣло отъ войскъ, а они покинули своего генерала. Націо- нальная гвардія открыто взбунтовалась. Неправдливая ее армія не осмѣлилась слѣдовать за нимъ. Такимъ образомъ, съ нимъ случилось еще худшее, чѣмъ съ Лафайетомъ. Тотъ могъ, по крайней мѣрѣ, съ честью сложить съ себя команду и перейти границу, напутствуемый любовью своихъ войскъ. А Дюмуре солдаты отказывались повиноваться, какъ измѣннику. Едва

¹⁾ Зибель (II, кн. VI, гл. VI) держится противнаго мнѣнія. Онъ говоритъ, по поводу переговоровъ Дюмуре съ австрійцами: „Эти переговоры, при которыхъ присутствовалъ Людовикъ-Филиппъ шартрскій, показываютъ, что Дюмуре не думалъ о возстановленіи Орлеанскаго дома; ясно также, что такой планъ съ самаго начала не могъ разчитываться на содѣйствіе союзниковъ. Дюмуре высказалъ всю правду тремъ комиссарамъ, которыхъ снова припаялъ, поздно вечеромъ, въ Турпе, и отнесся къ намеку на орлеанистскіе планы, какъ къ недоброй клеветѣ. Вообще онъ былъ въ настроеніи человека, слышавшаго за собой всѣ мосты и пашедшаго полную безопасность въ своемъ рѣшеніи“. Ред.

увѣренный въ своей жизни, бѣжалъ онъ къ австрійцамъ 4 апрѣля.

Этотъ исходъ былъ важнымъ оборотомъ дѣлъ для Франціи въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ. Въ политическомъ—теперь у противниковъ террора исчезъ послѣдній внѣшній оплотъ; въ военномъ—границы Франціи были открыты врагу съ тѣхъ поръ, какъ раздробили армію, завоеваншую Бельгію.

Прежде самыхъ событій, въ Парижѣ распространилась молва о нихъ. Она пала искрой среди тамошняго чрезвычайнаго возбужденія. Еще до ареста комиссаровъ отпаденіе Дюмурье считалось несомнѣннымъ фактомъ. Донесеніе трехъ первыхъ комиссаровъ, которымъ Дюмурье открылъ свою душу, произвело, въ засѣданіи конвента 1-го апрѣля, дѣйствіе бомбы. Великимъ событіемъ бурныхъ совѣщаній было обвиненіе жирондой Дантона въ сообщничествѣ и измѣнѣ, а съ его стороны—запальчивый вызовъ прежнихъ союзниковъ на борьбу. Ослѣпленные своею ненавистью къ Дантону, послѣдніе видѣли во всемъ, что ни случилось въ войскѣ и въ Бельгіи, послѣ его прибытія туда, лишь одну интригу, одинъ мрачный заговоръ противъ республики. Дантонъ, вѣдь, говорилъ о диктатурѣ: следовательно, онъ думалъ о возстановленіи королевской власти. Онъ все еще старался, во что бы то ни стало, поддержать измѣнника Дюмурье, когда другіе давно уже нанали на слѣдъ его плановъ: стало-быть, онъ замышлялъ, съ помощью генерала и его войскъ, испровергнуть республику. Съ подобными соображеніями взошелъ Ласурсъ на трибуну. Онъ намѣревался изложить по „формальное обвиненіе“, а только рядъ „предположеній“. Вотъ ихъ результатъ. Тройка,—Дюмурье, Дантонъ и Лакруа, сговорились въ Бельгіи совершить, съ помощью штыковъ, государственный переворотъ и посадить на тронъ одного изъ Орлеановъ. Ласурсъ заключилъ такъ: „Народъ желаетъ правосудія. Онъ довольно посмотрѣлся на Канитолій и на тронъ: теперь ему хочется видѣть Тарпейскую скалу и эпафоть“. Такъ ослѣпила ненависть жиронду, что она вѣрила подобнымъ бабыимъ сказкамъ и изъ-за нихъ разрывала только-что заключенный миръ.

Дантонъ, какъ подстрѣленный вепрь, взбѣшенный, кипящій яростью, бросился на трибуну. Онъ протянулъ этимъ людямъ руку, хотѣлъ спасти ихъ отъ гибели,—и вотъ, они готовы предать его гильотинѣ, какъ государственнаго преступника!

Обратясь къ кривой дѣвой на горѣ, онъ началъ: „Долгое время казалось мнѣ необходимымъ, ради моего труднаго призванія, обуздывать мою буйную натуру. Вы за это обвинили меня въ слабости. Вы правы. Я сознаюсь въ этомъ передъ цѣлою Фран-

цій. Тѣ самыя, которые желали избавить тирана отъ меча правосудія (сильныя перерывы оратора), теперь настолько безстыдны, что выступаютъ моими обвинителями“. Тутъ начинается возраженіе, полное сокрушительныхъ нападокъ на жиронду. Въ заключеніе онъ говоритъ: „Я окопался въ крѣпости разума; сдѣлаю вылазку съ оружіемъ правды и обращу въ прахъ злодѣевъ, желающихъ меня обвинить!“

Якобинцы затренили отъ удовольствія и злорадства. Дантонъ опять ихъ. Это отреченіе, въ гнѣвъ и страсти, означаетъ ихъ побѣду. Дантонъ, какъ и жиронда, дѣйствовалъ скорѣе по страсти, чѣмъ по зрѣлому обсужденію. Онъ зналъ, что пробьетъ и его часть, и ради себя самого добивался союза съ жирондой. Но онъ былъ занальчиваго, кипучаго темперамента. Размышленіе явилось у него слишкомъ поздно. Такимъ образомъ, отпаденіе Дюмурье разрушило непродолжительный, ложный миръ между Дантономъ и жирондой. Дантону однако не хотѣлось вести борьбу съ этою партіей. Онъ даже и теперь старался еще сблизиться съ нею. Но это было невозможно. Для него едва-ли оставался возвратъ, а для жиронды его вовсе не существовало. Якобинцы считали теперь свою побѣду несомнѣнною. Въ ближайшихъ къ этому рововому засѣданію недѣляхъ, отъ 1 апрѣля до конца мая, заключается развязка. Происходитъ открытый кулачный бой пролетаріата съ послѣдними остатками законнаго порядка и съ представителями страпы. Жирондисты до конца оставались мужественны и послѣдовательны, хотя и не обнаружили ни малѣйшей способности къ энергичной революціонной тактикѣ. Страданія, испытанія ими въ эту послѣднюю минуту ихъ политическаго существованія, разумѣется, и были причиною, почему позднѣйшіе историки относились къ нимъ стольнисходительно. Послѣ нихъ наступаетъ долгая, страшная почъ ужаснаго деспотизма. Они—послѣдніе смѣлые, но несчастные борборники умѣренной свободы. Поэтому и забываютъ, что они пали жертвой тѣхъ же самыхъ мѣръ, которые сами употребляли нѣкогда противъ королевской власти.

Послѣдняя борьба жиронды. Конвентскіе комиссары ¹⁾.

Послѣ сцены 1-го апрѣля и лишь черезъ три дня послѣдовавшей за нею катастрофы Дюмурье, нетерпѣливымъ, разбалмошнымъ главамъ горы показалось, что пора изгнать изъ конвента жи-

¹⁾ О событіяхъ въ апрѣлѣ и маѣ 1793 года находимъ нѣсколько новыхъ подробностей у Шмидта: *Tableaux de la révol. française*, p. 117—379. O.

ронду и, если можно, взвести ее на эшафотъ. Пустили въ ходъ извѣстную, хорошо организованную махинацію, въ видѣ бурныхъ петицій. Опять пришли патриоты секцій и улицъ и представили конвенту свои обвиненія. И здѣсь жиронда поплатилась за старый грѣхъ. Сколько разъ позволяла она толпѣ врывать въ собраніе и шумѣть при совѣщаніяхъ, пока находила это полезнымъ для своей борьбы съ королевскою властью! Теперь это обоюдоострое оружіе обратилось на нее самое. Изъ множества тогдашнихъ адресовъ два особенно замѣчательны по своей дерзости. 10 апрѣля секція хлѣбныхъ амбаровъ внесла адресъ, служившій выраженіемъ образа мыслей всѣхъ парижскихъ секцій. Онъ начинался объявленіемъ, что народъ усталъ смотрѣть, какъ всѣ его справедливыя просьбы тлѣютъ въ пыли комитетовъ, и заключался требованіемъ приговорить къ смерти Ролана съ партіей и изгнать изъ конвента всѣхъ подозрительныхъ депутатовъ, т. е. всю жиронду.

По этому поводу подпалась сильная буря. Робеспьеръ ¹⁾ произнесъ одну изъ своихъ образцовыхъ рѣчей, просто переполненную ядовитыми клеветами. Верно отвѣчалъ ему блестящею импровизаціей ²⁾, начинавшеюся словами: „Осмѣлюсь отвѣчать Робеспьеру, которому хочется вѣроломнымъ романомъ, искусно обработаннымъ въ тиши кабинета, и холоднымъ остроуміемъ пробудить новые раздоры въ конвентѣ. Осмѣлюсь отвѣчать безъ приготовления. Я могу обойтись безъ искусства, безъ котораго онъ безсиленъ. Мнѣ достаточно моего сердца... Я говорю не ради себя. Я знаю, что въ революціяхъ обыкновенно поднимаются грязныя подонки народа и, достигнувъ поверхности, какъ бы господствуютъ надъ честными людьми. Ради себя я могъ бы переждать, пока снова не исчезнетъ это преходящее междуцарствіе; но я долженъ говорить для вразумленія Франціи, вводимой въ заблужденіе“. И вотъ, Верньо, импровизируя, опровергаетъ съ двадцати точекъ зрѣнія всѣ обвиненія Робеспьера. При оглушительномъ одобреніи большинства, онъ заканчиваетъ: „Да будетъ это послѣдній день, тераемый нами въ неприличныхъ препіяхъ!“

Этотъ штурмъ отбитъ. Пять дней спустя, начался новый, посылыше. Парижская община прислала, 15 апрѣля, адресъ, совершенно открыто обвинявшій жиронду въ государственной измѣнѣ республикѣ и въ сообществѣ съ Дюмурье. Онъ требовалъ исключить и предать оналѣ 22 депутата партіи „за нарушеніе ими закона своихъ избирателей“ ³⁾.

¹⁾ Histoire parl. 25, 337 sqq.

²⁾ Тамъ же, 362 sqq.

³⁾ Между упомянутыми были: Brissot, Guadet, Vergniaud, Gensonné, Grangeneuve, Buzot, Barbaroux, Pétion, Lanjuinais, Lasourcé (Hist. parlem. 26, 7).

Списокъ, само собою разумѣется, составили не анонимные подписчики, не умѣвшіе нападать столь вѣрно, а главная якобинская ложа, намѣревавшаяся однимъ ударомъ снять голову съ партіи, сломивъ всю ея ораторскую силу. Однако даже и по отнятіи этихъ 22 головъ оставалось довольно большое туловище. 72 другихъ депутата имѣли въ послѣдствіи недешевое мужество пристать по одиночкѣ ко всему, что дѣлали и говорили эти 22.

Предложеніе, заключавшееся въ этомъ адресѣ, было пока еще немного сильно. Требовалось побольше подготовли для осуществленія подобнаго шага. И на этотъ разъ жирондѣ удалось еще устранить адресъ, какъ недостойный націи и ея представителей (постановленіе 20 апрѣля).

Между тѣмъ, жиронда сдѣлала, съ своей стороны, первое нападеніе на Марата, друга народа. За безумный адресъ, въ которомъ онъ призывалъ гражданъ къ оружію противъ конвента, постановили арестовать его и допросить передъ революціоннымъ судомъ. Это походило на побѣду жиронды; но это лишь такъ казалось: въ дѣйствительности такой поступокъ былъ совершенно неполитиченъ. При лучшихъ условіяхъ, напали все-таки лишь въ одну голову изъ цѣлой партіи, хотя и въ самую безстыдную, однако не въ самую опасную. Марать былъ самъ по себѣ вполне вѣроустанавливающимъ субъектомъ, выдававшимся лишь по своей наглости: онъ безстыдно трубилъ о томъ, что другіе обыкновенно говорятъ развѣ уже съ глазу на глазъ. Его, достойной проклятія, печати дозволяли усилиться и неистовствовать, пока еще легко было подавить ее. Хотя бы теперь и удалось заставить молчать одного, вмѣсто него тотчасъ явился бы другой: еще много было такихъ грязныхъ молодцовъ изъ клоаки революціи. Пока жиронда не схватитъ за голову самого Робеспьера, напрасны всѣ ея жалобы на второстепенныя креатуры, всѣ ея преслѣдованія Марата.

Жирондѣ пришлось именно теперь потернѣть отъ Марата самое чувствительное пораженіе. Революціонный судъ единогласно оправдалъ его. Граждане и гражданки, ждавшіе на улицѣ приговора, на своихъ плечахъ понесли Марата, увѣчанаго дубовою зеленью, обратно въ конвентъ (24 апрѣля). Тутъ ужъ и Дантонъ подумалъ: „Что лишнее, то лишнее!“

Между тѣмъ какъ въ Парижѣ жиронда истоичалась въ норияхъ, которые отчасти еле-еле отсрочивали ея наденіе, отчасти оканчивались ея открытымъ пораженіемъ, въ столицу хозяйничали, повсюду распространяя страхъ, 82 комиссара изъ конвента. Уже нѣсколько недѣль были они на своихъ мѣстахъ, съ фанатическимъ рвеніемъ раздувая борьбу пролетаріевъ съ собственни-

ками и внося ужасъ и анархію въ каждый городъ, въ каждую деревню.

Изъ рекрутъ, набранныхъ ими съ грубымъ насиліемъ по селамъ и городамъ, среди сыновей средняго сословія, комитетъ общаго блага образовалъ, съ неутомимой дѣятельностью, войско на защиту границъ. Изъ черни, снабженной ими оружіемъ и подстрекаемой противъ богатыхъ, они составили лейбъ-гвардію своей партіи. Всѣ сопротивлявшіеся или негодные для обѣихъ цѣлей лишались покровительства закона. Ихъ арестовывали толпами и заточали. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль бросили въ тюрьму въ отдѣльныхъ департаментахъ, произвольно, безъ тѣни законныхъ причинъ, 3 или 4 тысячи человекъ. Конtribusiа съ богатыхъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, уничтоженіе всѣхъ законныхъ властей, устройство руководимыхъ изъ Парижа, какъ изъ центра, верховныхъ конвентовъ черни по образцу парижской ратуши, словомъ, безграницный постоянный терроризмъ,—вотъ плоды дѣятельности коммиссаровъ.

Эта обширная побѣда Робеспьера внѣ Парижа сильно воздѣйствовала на все еще неуясненное положеніе столицы. Здѣшніе комитеты начали дѣйствовать такъ же, какъ развѣтвленія якобинскаго клуба по провинціямъ. Тутъ было еще много жирондистовъ, но они лѣпиво и равнодушно оставляли дѣла идти своимъ путемъ. Почва, на которой теперь завоевывалось рѣшеніе, была не въ ихъ вкусъ. Имъ не хотѣлось сойти на арену уличныхъ демагоговъ. Они презирали чернь, господствовавшую теперь. Они не желали употреблять уловокъ, которыми тутъ только и можно было дѣйствовать. Ихъ владѣніемъ была ораторская трибуна. Здѣсь ихъ никто еще не превосходилъ. И что такое всѣ обточенные сочиненія Робеспьера противъ одной импровизированной рѣчи Верньо? Что такое Мараты и Даптоны передъ полетомъ и благородствомъ жирондистскихъ ораторовъ? Но, вѣдь, они только ораторы и ничего больше. Высказавъ основательно свое мнѣніе въ конвентѣ, они, довольные и гордые, отираются въ Пале-Рояль, гдѣ наслаждаются взаимнымъ удивленіемъ передъ своею виртуозностью. Произнесетъ Верньо одну изъ своихъ великихъ рѣчей—и идетъ отдохнуть въ кругу знакомаго ему семейства, налить тамъ съ дѣтьми, шутить съ дамами: и допoleonъ-предоленъ. Что рѣчи слѣдуетъ сопровождать дѣлами, которыя не достигаются парламентскими побѣдами, этого жирондисты никогда не понимали. Эта дѣтская наивность, эта вѣра во всемогущество своихъ рѣчей, эта робость передъ возбужденіемъ рѣшительнаго дѣла, не покинули ихъ и теперь, когда для нихъ вопросъ шель о жизни и смерти.

Оттого-то пока они могли отразить на нѣкоторое время грозившій имъ великій ударъ, въ частностяхъ они претерпѣвали поражение за поражениемъ. Ихъ кампанія почти уже была проиграна, прежде чѣмъ дѣло дошло до дѣйствительной главной битвы. Прощель рядъ декретовъ, которыхъ имъ не слѣдовало пропускать. Они или вяло боролись съ ними, или, какъ настоящія дѣти природы въ политикѣ, слишкомъ поздно обращали на нихъ вниманіе. уже почувствовавъ на себѣ заключавшійся въ нихъ ядъ.

Высшія цѣны и принудительный заемъ. Предложеніе Гаде 18-го мая.

Стариннымъ любимымъ желаніемъ патріотовъ въ клубахъ и въ предмѣстьяхъ было установленіе высшихъ цѣнъ (maximum), и прежде всего на хлѣбъ. Ни одинъ изъ безчисленныхъ бурныхъ адресовъ не обходился безъ этого требованія народа. Въ этихъ кружкахъ не произносилось ни одной рѣчи, не расходилось ни одного собранія безъ того, чтобы головы не разгорячались по этому поводу. Конвентъ до сихъ поръ постоянно отвергалъ эти предложенія. Теперь, 2 мая, они прошли: 8.000 обитателей предмѣстій устроили грубую демонстрацію, не преминувшую произвести свое впечатлѣніе. Приняли высшую, или, вѣрнѣе, низшую (minimum) цѣну на хлѣбъ. Ею едва покрывались издержки производства. Этимъ страшно ограбили земледѣльческую часть населенія.

Другою любимою мечтой въ томъ же родѣ была контрибуція съ богатыхъ, подъ именемъ принудительнаго займа, для военныхъ цѣлей. Тутъ Монпелье подалъ нешуточный примѣръ, вынудивъ 5. милліоновъ! Парижъ не хотѣлъ отстать и обложилъ подобною податью, въ 12 милліоновъ, богатыхъ парижанъ. Впрочемъ, адъсь терроризмъ сокрушился о непредвидѣнное препятствіе. Мирные граждане воспротивились грабежу и сбросили съ себя въ севціяхъ прежнюю робость, думая теперь: „лучше ужасный конецъ, чѣмъ ужасъ безъ конца“. То же сообщалось въ энергическихъ заявленіяхъ изъ Бордо, Марсели, Ліона и Руана. Возрастающее неудовольствіе поднялось въ Парижѣ и въ его противъ озадаченныхъ якобинцевъ и въ пользу покинутой жиронды, которая теперь снова ободрилась и собралась съ послѣдними слабѣющими силами, чтобы нанести ударъ якобинцамъ. Замѣчательно, что жиронда еще въ послѣднихъ числахъ апрѣля и въ началѣ мая получила предложенія отъ Далтона. Онъ готовъ былъ поправить

слѣдствія своей рѣчи 1-го апрѣля и опять работать вмѣстѣ съ нею. Но жирондисты ужъ больше не связывались съ нимъ.

18-го мая въ конвентѣ послѣдовалъ ударъ, хорошо задуманный, но слишкомъ дурно подготовленный, какъ и все, предпринимаемое жирондой. Въ началѣ засѣданія, Гаде, осязательно параллелью послѣдней судьбы Длиннаго парламента ¹⁾, показалъ, куда ведетъ насильственное возмущеніе меньшинства противъ большинства въ собраніяхъ. Онъ представлялъ, какъ 50—60 „патріотовъ“ раг excellence сначала „очистили“ парламентъ отъ большинства своихъ 150 противниковъ, а потомъ сами были разогнаны Кромвелемъ, который на одного кричалъ: „ты воръ!“ на другого: „ты пьяница!“ и т. д., пока, наконецъ, не послалъ всѣхъ ихъ во-свосяси.

Послѣ сильной перебранки изъ-за введенія въ конвентѣ хорошей полиціи для защиты отъ черни его совѣщаній и членовъ, Гаде выступилъ съ предложеніемъ, которое должно было поразить зло въ корнѣ: „Надо,—сказалъ онъ,—имѣть мужество зондировать всю глубину парша. Зло заключается въ анархіи, въ возмущеніи властей противъ конвента,—властей, столь же алчныхъ до денегъ, какъ и до господства. Предлагаю поэтому три слѣдующія мѣры:

„1) Парижскія власти отмѣняются. Городской совѣтъ предвѣрительно, и именно въ ближайшіе 24 часа, замѣняется начальниками секцій.

„2) Лица, долженствующія замѣнять конвентъ, собираются въ самый короткій срокъ въ Буржъ съ тѣмъ, чтобы образовать тамъ національное собраніе, укрытое отъ парижскихъ насилій, и сосредоточить тамъ республиканскую власть, какъ только они узнаютъ что произошло покушеніе на свободу конвента“ ²⁾.

¹⁾ Въ исторіи Англій Длиннымъ называется тотъ парламентъ, который, во время первой революціи, просуществовалъ пять лѣтъ (1640—1653). Здѣсь, когда революція, съ Оливеромъ Кромвелемъ во главѣ, одолѣла старый порядокъ вещей, крайняя пуританская партія, индепенденты, дѣйствительно, самовольно распорядилась съ большинствомъ, состоявшимъ изъ пресвитеріанъ. Они выгнали изъ залы засѣданій 81 члена противной стороны, вслѣдствіе чего длинный парламентъ получилъ новое названіе гудовища (Rump). Въ 1658 г., въ разгаръ своей славы и силы, Кромвель разогналъ штыками и вѣсть общинный парламентъ; а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, былъ введенъ протекторатъ. Ред.

²⁾ У Гейссера (стр. 412) эта статья предложенія Гаде изложена слишкомъ обще и далеко отъ подлинныхъ словъ Гаде. Она даже была бы совсѣмъ непонятна читателю, если бы мы ограничились переводомъ словъ Гейссера. Вотъ почему мы перевели съ подлинныхъ словъ Гаде,—пріемъ, къ которому мы были вынуждены прибѣгнуть и въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ.

При чрезвычайномъ движеніи, при громкомъ одобреніи съ правой и сильнымъ ронотѣ съ лѣвой стороны, выслушиваются эти предложенія. Колло д'Эрбуа восклицаетъ въ это время: „Теперь заговоръ открытъ!“ Гаде прибавляетъ:

„3) Эти постановленія рассылаются по департаментамъ съ чрезвычайными гонцами.

„По принятіи этихъ мѣръ,—завключаетъ онъ,—мы станемъ работать съ душевныхъ спокойствіемъ людей, отнесшихъ въ безопасное мѣсто довѣренную имъ святыню“.

То было сильное средство, спасительное дѣло, какъ для жиронды, такъ и для Франціи. Парижъ терялъ начальниковъ охлократіи, сидѣвшихъ въ конвентѣ. Господствующая чернь теряла, вмѣстѣ съ своими властями, органы, посредствомъ которыхъ она силой и страхомъ подавляла населеніе. Противоконвентъ въ ратушѣ становился недействительнымъ, и на его мѣсто созывались законные представители общины, удаленные терроризмомъ клубовъ. Здѣсь попали въ сердце терроризма. А въ Буржѣ конвентъ приобѣталъ не только независимость отъ тираніи массъ, но и руководство юзрастающей оппозиціей якобинцамъ, зашевелившимся по департаментамъ.

Въ первое мгновеніе собраніе увлеклось предложеніемъ. Большинство рукоплескало одобрительно, между тѣмъ какъ лѣвая сторона ронтала, а галлерея угрожала. Воспользуясь свѣжимъ рвеніемъ правой стороны, очевиднымъ изумленіемъ горы, неподготовившейся къ чему-либо подобному, прими и осуществи немедленно предложеніе,—и оставалась бы еще надежда на счастливый исходъ.

Тутъ выступилъ Бареръ, „Анакреонъ гильотины“, по выраженію Борка. Онъ желалъ лишить жиронду, къ которой все еще его причисляли, ея послѣдняго убѣжища. Это—одна изъ тѣхъ презрѣнныхъ натуръ, которая способна плыть по всякому теченію, которая послѣдовательна лишь въ постоянной и равномерной безхарактерности. Бареръ прошелъ всѣ фазы, съ роялиста до республикальца-фанатика, и теперь готовился вступить въ послѣднюю, оставшуюся ему. Онъ-то и отклонилъ искусною уловкой мечъ, поднятый надъ головой горы.

Въ вроткой рѣчи, нивого не упрекая, объявляетъ онъ себя противникомъ предложенія Гаде, которое однако совѣтуетъ не отвергать, а замѣнить мѣтѣ рѣзкимъ и все-таки дѣйствительнымъ. Пусть поведеніе столь сильно обвиняемаго городского совѣта будетъ разслѣдовано комитетомъ изъ 12 членовъ, которые сдѣлаютъ затѣмъ дальнѣйшія предложенія. Словомъ, дѣло откладывалось для болѣе зрѣлаго обсужденія. Такъ осторожны не были

при рѣшеніи войны, въ процессѣ короля и въ другихъ роковыхъ вопросахъ...

За Барера, само собой разумѣется, были все яковинцы; но къ нимъ присоединились еще и многіе нерѣшительные изъ умѣренныхъ, предпочитавшіе, при всехъ обстоятельствахъ, менѣе крутой путь. Такимъ образомъ, его предложеніе приняли, то-есть, все равно, что отвергли мѣры Гаде. //

Комитетъ двѣнадцати образовался. Его задачей было разслѣдовать все дѣйствія парижскаго общиннаго совѣта за послѣдній мѣсяцъ, развѣдать обо всехъ заговорахъ противъ свободы, собрать улики и схватить виновныхъ. Для этого онъ имѣлъ право обращаться за необходимыми справками къ министрамъ внутреннихъ и вѣнскихъ дѣлъ и къ членамъ комитета общаго блага.

Такимъ образомъ, еще разъ возникъ комитетъ, и опять выборы пали на жирондистовъ. Разумѣется, тутъ не было вождей партіи: тутъ засѣдали лица второго разряда. Но все-таки это былъ органъ жиронды, работавшій въ ея духѣ. Яковинцы, напротивъ, выиграли время, то-есть, въ этомъ случаѣ—все.

Даже полунобѣда, доставшаяся жирондѣ, благодаря этому комитету, тотчасъ же поставила ее въ иное положеніе. Двѣнадцать работали съ большою энергіей. Они, по закону, господствовали надъ обстоятельствами. Они могли испровергнуть революціонныя власти, произвести, какъ въ ратушѣ, такъ и въ секціяхъ, полный переворотъ. Въ ихъ рукахъ было совершить всякій государственный переворотъ въ интересъ своей партіи. Они и не замедлили воспользоваться этимъ полномочіемъ, сообразно съ планомъ. Они отравились въ ратушу, разсмотрѣли бумаги, оставили нѣсколько яковинскихъ чиновниковъ, выступили противъ секцій, приостановили 2—3 изъ самыхъ яростныхъ газетъ; арестовали кое-кого изъ извѣстнѣйшихъ зачинщиковъ по предметамъ, какъ Гебера, Варле. Это безпримѣрно ожесточило противниковъ. Теперь и здѣсь уже больше не медлили съ послѣднимъ, крайнимъ средствомъ. Въ первые же дни по утверженіи двѣнадцати, не было сомнѣнія въ рѣшимости яковинцевъ на безнашадное насиліе противъ своихъ враговъ. Патриоты ратуши протестовали въ конвентѣ, прежде всего, противъ притѣсненія, испытаннаго „превосходнымъ гражданиномъ“, Геберомъ. Они сдѣлали это такимъ тономъ, что президентъ Инарѣ воскликнулъ въ негодованіи: „Парижу слѣдуетъ уважать народное предствительство! Если обезчестятъ конвентъ, если, среди одного изъ вѣчно повторяющихся волненій, о которыхъ власти никогда ничего не сообщаютъ конвенту, наложить руку на народныхъ представителей, то... объявляю это отъ имени всей

Франці (тутъ поднялся неописанный шумъ)... то погибнетъ Парижъ, и скоро пришлось бы разыскивать по берегамъ Сены, стоялъ-ли тамъ когда-нибудь этотъ городъ!" (25 мая).

Ипнаръ угрожалъ наступленіемъ провинцій на Парижъ и его демагоговъ.

Каково было настроеніе въ Бордо и Ліонѣ, въ Руанѣ и Марсели, какъ рассуждало здѣсь городское, а въ Вандеѣ и Бретани сельское населеніе,—все это отлично знали въ Парижѣ. Если бы только дали время этимъ врагамъ, терроризму въ столицѣ настала бы скорый конецъ. 12 лѣтъ тому назадъ мы сами видѣли, какъ городское среднее сословіе въ провинціи приняло подобное же положеніе относительно побѣдоносной революціи въ Парижѣ ¹⁾. Угроза Ипнара пробудила тѣ самыя чувства, съ какими тогдашніе парижскіе демагоги относились къ собранію палаты, какъ къ неминувому протесту департаментовъ противъ хозяйничанья столицы. Она удвоила страстную торопливость враговъ жиронды и поэтому была чрезвычайно пагубна для нея.

26 мая произошло въ различныхъ неудачныхъ покушеніяхъ на якобинскія демонстраціи. Въ конвентѣ все было спокойно. Но зато тѣмъ шумѣе было въ якобинскомъ клубѣ, гдѣ Робеспьеръ употреблялъ всѣ усилія, чтобы поддержать бодрость въ своихъ товарищахъ. Но уже на другой день все пошло совершенно иначе. „Взрывъ готовъ произойти“, послалъ сказать конвенту мэръ въ самомъ началѣ засѣданія. Маратъ открылъ нападеніе на комитетъ двѣнадцати словами, изъ которыхъ было видно, что созрѣли внѣшнія приготвленія въ сильному гнету надъ собраніемъ. Одна секція, у которой арестовали начальника, потребовала, чтобы комитетъ предсталъ предъ революціоннымъ трибуналомъ. „Прошло время жалобъ. Говоримъ вамъ, спасите республику, если не хотите, чтобы мы сами спасли ее“.

Въ отвѣтъ на это президентъ сказалъ: „Собраніе прощаетъ вашу поспѣшность по вашей молодости. Знайте, что, заползетъ-ли тиранія въ подвалъ, раскинется-ли по площади, на тропѣ ли она, или на ораторской трибунѣ клуба, владѣть-ли она скинотромъ или винжаломъ, поситъ-ли она на головѣ корону или шапку,—все-таки она тиранія и всегда будетъ тираніей“.

Во время неистоваго шума, разразившагося по поводу этихъ словъ, на улицѣ явились предвѣстники нападенія челобитчиковъ, тотчасъ затѣмъ наводнившихъ конвентъ.

Противъ толпы неистоваго народа, желавшаго ворваться въ

¹⁾ Гейссеръ намекаетъ на февральскую революцію. Припомнимъ, что его лекціи, печатаемыя нами, были читаны въ 1860 году. Р е д.

заль, стояла у входовъ въ собраніе національная гвардія трехъ секцій, преданная жирондѣ. Пренія въ конвентѣ уже готовы были перейти въ открытый кулачный бой горы съ жирондой, какъ вдругъ появилась толпа въ 3 или 4 тысячи патриотовъ, овладѣвшая однимъ входомъ. Она широкимъ потокомъ разлилась теперь по лавкамъ конвента. О преніяхъ и голосованіи не могло быть и рѣчи. Инаръ оставилъ президентское мѣсто. Его занялъ одинъ изъ самыхъ яростныхъ горцевъ, Геро-де-Семель. Онъ обратился къ ораторамъ челобитчиковъ, требовавшихъ освобожденія арестованныхъ и распущенія комитета двѣнадцати, съ знаменитымъ изреченіемъ: „Граждане! Сила разума и сила народа—одно и то же“¹⁾. При его предсѣдательствѣ были постановлены, не конвентомъ—онъ былъ потопленъ,—а горой съ собравшеюся въ конвентѣ чернью, освобожденіе арестованныхъ и распущеніе комитета двѣнадцати.

Это было немного грубо. Такъ нагло не могли умертвить жиронду. На другое утро она въ полномъ составѣ явилась въ конвентъ и потребовала вторичной подачи голосовъ по рѣшенію, насильственно исторгнутому у собранія, когда его осадила сводочъ изъ предмѣстій. Его, дѣйствительно, отмѣнили 280 голосами противъ 230. Но новымъ арестомъ освобожденныхъ все-таки не осмѣлились распорядиться: остались при дальнѣйшемъ существованіи комитета и „предварительномъ“ освобожденіи арестованныхъ. Этотъ оборотъ дѣлъ былъ возможенъ лишь въ отсутствіи помощниковъ, призванныхъ накупшъ горой. А для горы такой результатъ былъ лишь поощреніемъ къ избѣжанію дальнѣйшихъ оппобокъ отъ медленности.

31-е мая и 2-е іюня. Паденіе жиронды.

Все болѣе и болѣе грозное движеніе по провинціямъ, ихъ очевидное желаніе идти въ Парижъ, возрастающее безпокойство и распадѣніе въ секціяхъ.—все это не дозволяло уже мѣшкать. Теперь и Дайтонъ принялъ окончательное рѣшеніе. Онъ еще нѣсколько разъ протягивалъ руку жирондистамъ: „Да будетъ миръ между нами!“ сказалъ онъ Верньо. Но тотъ возразилъ: „Лучше открытая война, чѣмъ худой миръ“. А на извѣстіе о кровавыхъ планахъ

¹⁾ Эту замѣчательную фразу (la force de la raison et la force du peuple sont la même chose) студенты записали невѣрно (Die Gewalt und die Vernunft des Volks sind eins und dasselbe), а Онкевъ пропустилъ ее неисправленно, какъ и нѣсколько другихъ погрѣшностей въ запискахъ студентовъ. Ред.

враговъ—Верньо отвѣчалъ: „Лучше быть убитымъ, чѣмъ самому убивать“.

Каково было теперь положеніе людей въ родѣ Дантона, это онъ самъ высказалъ весьма рѣзко, съ своею обычною грубостью ¹⁾. „Мнѣ хорошо извѣстно, заявилъ онъ, что въ собраніи мы—меньшинство. За насъ лишь толпа нищихъ, которые патріотствуютъ только тогда, когда пьяны. Мы—ничто иное, какъ горсть престофилей. Маратъ—лающий песъ, Лежандръ годенъ развѣ въ мясники. Остальные только и могутъ, что подавать голоса посредствомъ вставанья или сидѣнья. По таланту, мы гораздо ниже жирондистовъ. Но преодолѣй они насъ,—и намъ вмѣнять въ преступленіе сентябрскіе дни, убійство Капета и 10-е августа. Поэтому—маршъ на нихъ! Это—краснобай, которые все совѣщаются и ходятъ оцуюю въ потьмахъ. У насъ больше отважности, чѣмъ у нихъ, да еще въ нашемъ распоряженіи сволочь“ ²⁾.

Такъ началось, въ ночь съ 30 на 31 мая, великое возстаніе противъ конвента. Оно открылось бурными заявленіями противъ комитета двѣнадцати и завершило свое торжество, 2 іюня, арестомъ жирондистскихъ ораторовъ.

Рано утромъ 31 мая собрался конвентъ, при громѣ пушекъ и боѣ въ набатъ. Главные жирондистскіе ораторы явились вооруженными. Они на все рѣшились. Пришли челобитчики. Дантонъ защищаетъ ихъ дѣло. Гаде оспариваетъ и въ высшей степени раздражаетъ якобинцевъ. О комитетѣ двѣнадцати уже не было и рѣчи. Трибуны пействовствовали и шумѣли. Когда возбужденіе и смятеніе достигли надлежащей степени, явилась торжественная депутация изъ всѣхъ революціонныхъ городскихъ властей. Она прочла тему возстанія, какъ ее изложилъ Дантонъ въ одномъ адресѣ. Она объявляла мечь народа не одному комитету двѣнадцати, а всей партіи, предводители которой были именованы: „Нора, говорилось тутъ, прекратить борьбу патріотовъ съ безум-

¹⁾ Barante. III, 133.

²⁾ Barante (II, 477 sqq.) передаетъ, конечно по разсказамъ Людовика-Филиппа, анекдотъ, повзвывающій, какъ ничтожна была лбра Дантона въ республику. Дантонъ сдѣлалъ министерское предостереженіе прицу, ноосторожно выравившемуся въ Парижѣ о сентябрскихъ убійствахъ. „Молодой человекъ—замѣтилъ онъ.—Вы говорите о томъ, чего не знаете. Это я далъ приказъ 2-го сентября, и долженъ былъ такъ сдѣлать. Я привелъ въ ужасъ это парижское население, которое готово было кричать: „Да здравствуютъ пруссаки!“... Я спасъ республику: Франція должна мнѣ быть благодарна, а вы, можетъ быть, больше, чѣмъ кто-либо“. Герцогъ Шартрскій выразилъ удивленіе при этихъ словахъ. Дантонъ продолжалъ: „Кто знаетъ, что можетъ случиться? Эта страна не создана для республики. Придетъ время, она закричитъ: „Да здравствуетъ король!“ Это можетъ насъ касаться; и то, что я сдѣлалъ, послужитъ къ очищенію вамъ пути, къ устраненію препятствій“.

цами, осаждающими ихъ безирестанно. Разумъ народа возмущенъ такимъ упорнымъ сопротивленіемъ. Его величественный гнѣвъ готовъ вспыхнуть. Пусть трепещутъ его враги! Вся вселенная содрогнется отъ его мести⁴.

Вечеръ наступилъ при сечахъ неописаннаго смятенія. Наконецъ, около 10 часовъ, закрылось засѣданіе постановленіемъ, по которому уничтожался комитетъ двѣнадцати и захватывались его бумаги.

Это было не то, чего желали челобитчики. Пока еще свободны предводители жиронды, они не могли легко дышать. Дѣло шло о новомъ возмущеніи, которое не остановилось бы на просьбахъ и постановленіяхъ.

1-го іюня комитетъ возстанія началъ многочисленными арестами приводить въ порядокъ мятежныя секціи. Въ полной тайнѣ привлечь онъ, на помощь себѣ противъ конвента, своихъ сосѣдей, — 12,000 человекъ, назначавшихся къ походу въ Вандею.

Утромъ 2 іюня Марать самъ подалъ съ башни ратуши сигналъ къ набатному бою. Поднялись предмѣстья. 40,000 человекъ шли на конвентъ. Его, словно крѣпость, осадили прибывшія ночью войска, которыми, именемъ комитетовъ возстанія, командовалъ Анріо. Намѣревались склонить къ отреченію жиронду, какъ партию, и въ то же время арестовать ея вождей. Нѣкоторые якобинцы находили опаснымъ разсѣять конвентъ открытымъ насиліемъ. Это могло бы повести къ страшному отпору со стороны департаментовъ, а его безъ нужды не желали вызывать.

Первое, что въ засѣданіи того дня услыхалъ собранный въ довольно большомъ числѣ конвентъ, были извѣстія о серьезномъ возстаніи въ департаментахъ Арденъ и Лозеръ, о кровавомъ мятелѣ въ Ліонѣ, кончившемся пораженіемъ террористовъ, и о новыхъ событіяхъ междоусобной войны въ Вандеѣ. Затѣмъ слѣдовали уже не пренія, а рядъ сценъ бѣшеныхъ страстей. Ругались и проклинали; угрожали кулаками и пистолетами. Ораторская трибуна нѣсколько разъ чуть не обагрилась кровью. Въ одну изъ немногихъ минутъ затишья, Бареръ, по уговору съ Дантономъ, внесъ предложеніе, приглашавшее депутатовъ, обвиненныхъ нидрижскимъ департаментомъ, добровольно сложить съ себя на время свои полномочія. Лишь Ипаръ и еще трое согласились на это. Остальные заявили желаніе остаться на своихъ мѣстахъ. Большинство изъ осажденныхъ, въ томъ числѣ Лаважюне, Барбару, вели себя съ рѣдкимъ мужествомъ. И Верньо, несмотря на мягкость своей натуры, явился героемъ больше, чѣмъ когда-либо. Все, что умъ, остроуміе, мужество и правдивое превосходство могутъ сдѣлать съ грубыми массами, было исполнено жирондистами 2 іюня.

Это былъ ихъ славный день. На протестъ жиронды, что конвентъ несвободенъ, Бареръ предложилъ самому собранію испитать это. Въ торжественномъ шествіи, конвентъ отправился вонъ. Но съ нимъ случилось то же, что съ Людовикомъ XVI 18 апрѣля 1791 г., когда онъ собрался ѣхать въ С. Клу. Конвентъ узналъ, что находится въ плѣну у подвунленной сволочи. Грозно свомандовалъ Аврїо своимъ пушкарямъ и тѣмъ прогналъ его назадъ въ зданіе.

Такъ-то, окруженная пушками и штыками гора составила списокъ депутатовъ, которыхъ слѣдовало арестовать прежде всѣхъ. Запуганное, дрожащее отъ страха большинство согласилось на это предложеніе.

Конвентъ распорядился домашнимъ арестомъ депутатовъ: Жансонне, Верньо, Бриссо, Гаде, Горса, Цетіона, Саля, Шамбона, Барбару, Бюзо, Виротто, Рабо, Ласурса, Ланжюине, Гранжнева, Лесажа, Луве, Валазе, Дульсе, Лидона, Легарди, всѣхъ членовъ комитета двѣнадцати, исключая Фонфреда и С. Мартена, и министровъ Клавьера и Лебрепа,—всего 32 человекъ.

Эта мѣра имѣла еще видъ кротости и снисходительности. Не было назначено ни процесса, ни тюрьмы: ограничились домашнимъ арестомъ. Парижскій департаментъ изъявилъ готовность извѣстнымъ числомъ заложниковъ поручиться за жизнь обезоруженныхъ. Эту важущуюся снисходительность вынудилъ у яковинцевъ Дантонъ. Ему хотѣлось устранить жиронду, но крови ея онъ не требовалъ. Спрашивалось только; надолго-ли уцѣлѣетъ онъ самъ послѣ того, какъ уничтожено послѣднее препятствіе къ организаціи террора?

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

ТЕРРОРЪ ВЪ БОРЬБѢ СЪ МЕЖДОУСОБИЕМЪ И ЕВРОПОЙ. РАЗЛОЖЕНІЕ РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ ПАРТІЙ ДО 9 ТЕРМИДОРА. СЪ ПОНЯ 1793-го ДО 27 ПОЛЯ 1794 ГОДА.

ГЛАВА XVI.

Опасное положеніе Франціи внутри и извнѣ при началѣ террора. Спасеніе, благодаря слабости коалиціи.

Пока засѣдалъ конвентъ, нація почти ни о чемъ не слыхала, кромѣ парламентскихъ волненій, безплодныхъ преній, ожесточеннаго раздора партій, безстыдныхъ петицій и нескончаемыхъ комитетовъ. Въ продолженіе цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ ничего не сдѣлали для организаціи разстроенаго государства, для вооруженія угрожаемаго иностранцами народа. Франція была теперь въ такомъ положеніи, въ какомъ никогда еще не бывала. Въ ту самую минуту, когда едва не весь западъ государства стоялъ подъ ружьемъ въ открытомъ возмущеніи противъ якобинцевъ, когда главныя города самыхъ значительныхъ департаментовъ возстали противъ парижскаго ига, война на границѣ принимаетъ самый благопріятный для враговъ оборотъ. Союзники не только возвратили себѣ потерянное, Бельгію, прирейнскія земли и крѣпость Майнцъ, но, завоевавъ, въ первой половинѣ іюля, Конде, а во второй—Валансьенъ, вырвали и самыя важныя звенья изъ сѣверо-восточной цѣпи французскихъ крѣпостей. Дорога въ Парижъ была открыта военной силѣ въ 200,000 человекъ, а противъ нея стоялъ крайне разъединенный народъ, терзающій самъ себя, да войско безъ оружія, безъ продовольствія, безъ офицеровъ и безъ дисциплины. Такое безпримѣрное состояніе было дѣломъ партіи, управлявшей тогда Франціей. Франція, разумѣется, была спасена на

этотъ разъ, какъ и въ 1792 г., но не терроромъ, который привелъ ее на край ужасной катастрофы, а слабостью коалиціи. Эта послѣдняя уступила безпримѣрно благоприятное положеніе, потому что уже ни одна держава не была предана войнѣ всѣмъ сердцемъ. Пруссія и Австрія горѣли нетерпѣніемъ повинуть войну: первая, чтобы схватить польскую добычу, а вторая, чтобы не отстать отъ земельного барышничества и, въ случаѣ неудачи баварскихъ проектовъ, хоть помѣшать Пруссіи увеличиться. У каждой стороны были свои собственные заднія мысли, а потому онѣ и не двигались съ мѣста. Въ угоду англичанамъ рѣшились, наконецъ, вмѣсто Парижа, идти на Дюнкирхенъ и обложить эту, столь важную для англичавъ, крѣпость. Такимъ образомъ, Франціи дали три мѣсяца на вооруженіе. Будь единство въ коалиціи достаточно способный, энергическій предводитель во главѣ ея войскъ, положеніе Франціи стало бы по-истинѣ отчаяннымъ. Въ эту минуту неслыханнаго несогласія, откуда было ей взять воодушевленіе и самопожертвованіе для отраженія врага? Почти всѣ департаменты видѣли въ новомъ правленіи посягательство на все, что было имъ дорого и свято, и въ побѣдѣ этой партіи надъ единственнымъ врагомъ, превосходившимъ ее по вѣншей силѣ — уничтоженіе послѣдняго пренятствія, которое сколько-нибудь сдерживало еще войну всѣхъ противъ всѣхъ.

Французы, частью по незнанію, частью по духу партій, ни слова не говорятъ обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ. У нихъ вовсе не упоминается о польскихъ дѣлахъ, имѣвшихъ рѣшительное значеніе для всего хода войны. А между тѣмъ на нихъ долгое время покоилась вся наша нѣмецкая политика, что можно доказать теперь документами. Вы найдете это частью у Зибеля, частью въ моей „Нѣмецкой исторіи“. Документы по этимъ дѣламъ представляютъ не только самый рѣзкій приговоръ близорукой политикѣ нашихъ великихъ державъ, но и ясное опроверженіе сказки о томъ, будто терроръ спасъ Францію отъ величайшей опасности въ ея жизни. Французы охотно рассказываютъ, будто до описываемой минуты война лишь потому была такъ несчастлива, что терроръ не стоялъ еще у кормила правленія; а какъ только снали съ него узы, онъ точно волшебнымъ мановеніемъ извлекъ изъ земли войска, офицеровъ, оружіе и запасы. Передъ этимъ колоссальнымъ эпгузіалмомъ къ свободѣ инопатрици и сложили-де оружіе.

Это совершенно должно. Невозможнаго не сдѣлать никакому эпгузізму, хотя бы надъ нимъ и висѣлъ бичъ террора. Съ тѣхъ поръ прошло еще три мѣсяца, прежде чѣмъ французскому войску пришлось похвалиться побѣдой. И эти три мѣсяца подарила Фран-

ціи коалиція. Энтузіазмъ французскихъ арміи на первый разъ былъ еще таковъ, что восточная армія считала своихъ дезертировъ не тысячами, а десятками тысячъ.

Вотъ тогда только, послѣ этихъ трехъ мѣсяцевъ, благодаря упущенію времени державами старой Европы, могло подготовиться то великое потрясеніе, котораго не избѣжало ни одно государство съ старымъ порядкомъ вещей. Такъ и слѣдовало. Надо было перервать до основанія и перетряхнуть старый государственный строй, чтобы на его развалинахъ образовать новый.

Гражданская война. Департаменты. Возстаніе въ Вандеѣ.

За дѣло, погибшее въ Парижѣ 2-го іюня, схватились въ заднихъ и центральныхъ департаментахъ. Все среднее сословіе по городамъ, все, что принадлежало къ зажиточному классу, сходилось съ жирондой въ страшномъ отвращеніи къ новому правительству, исполненному безграничнаго насилія противъ жизни и собственности мирныхъ гражданъ. Города—Бордо, Реннъ, Монпелье, Эвре, Канъ, Лиможъ, Тулуза, Марсель, Пимъ, Гренобль, Лионъ, вступили за жиронду. Конвентъ осаждали адресами, дышавшими однимъ чувствомъ къ „горсти несчастивыхъ злодѣевъ“. Въ нихъ довольно недвусмысленно грозили походомъ на Парижъ. „Какая, говорили граждане Ренна, обязанность народа въ теперешнемъ положеніи? Возстать одинъ за другимъ, идти въ Парижъ, не для покоренія его, а для подкрѣпленія тысячей гражданъ, ожидающихся тамъ лишь нашего прибытія, чтобы свергнуть порабощеніе и возвратить народнымъ представителямъ ихъ достоинство и свободу“.

Эта оппозиція всего серьезнѣе проявилась въ Лионѣ. Здѣсь, кромѣ кое-какихъ связей съ эмигрантами, основавшимися прежде всего въ Туринѣ, умы высшихъ классовъ богатаго кунечества были, по чувству самосохраненія, настроены въ пользу законнаго порядка. Но, рядомъ съ этимъ, тутъ была и масса рабочаго населенія, вдвойнѣ доступная соблазнительному ученію якобинцевъ. Съ 10 августа, а еще больше съ сентябрьскихъ убійствъ, городъ этотъ находился въ страшномъ броженіи. Здѣсь шла рѣчь не о политическихъ задачахъ. Тутъ жизни и собственности зажиточныхъ прямо угрожала война пролетаріевъ. И тутъ появился Марать, въ лицѣ нѣкоего Шалье, организовавшего революціонный общинный совѣтъ и революціонную армію. Но въ здѣшнихъ сек-

ціяхъ господствовали другой духъ рѣшимости и энергіи, чѣмъ въ парижскихъ.

Когда, 29 мая, дѣло дошло до борьбы вокругъ ратуши, — мятежниковъ побѣдили; Шалле былъ схваченъ и потомъ казненъ. Этотъ исходъ прямо совпалъ съ низверженіемъ жиронды въ Парижѣ. Второй городъ Франціи стоялъ, торжествуя, на сторонѣ побѣжденныхъ 2 іюня.

Все это, разумѣется, казалось страшнѣе, чѣмъ было въ дѣйствительности. Вообще у всѣхъ этихъ элементовъ сопротивления было лишь опасеніе за кровь и семью, за жизнь и имущество. Тутъ не было никакой политической мысли и, прежде всего, никакого единства въ руководствѣ. Что во время этого движенія вожди жирондистовъ, которыхъ иностранцы сто разъ увѣряли, будто Франція отомститъ за нихъ ихъ врагамъ, сидѣли подъ арестомъ (впрочемъ легкимъ), это ничего не значило. Они не были способны доставить этому движенію то, чего ему недоставало, — единства и вождей. Они не были людьми дѣла, людьми беззавѣтной, отважной рѣшимости. Имъ во всѣхъ обстоятельствахъ приходилось подчиняться меньшинству, знавшему, что не побѣди оно, и эшафотъ — его вѣрный удѣлъ. Ненависть, разумѣется, была неописанная, если такъ оборонялись старые города, Тулуза и Марсель, если Тулонъ охотнѣе отворилъ свои ворота англичанамъ, чѣмъ посланцамъ поваго правительства. Но отъ этого было еще далеко до похода на Парижъ. Что тутъ требовалось, это испыталъ въ Нормандіи, въ своему горькому разочарованію, старый генераль-роялистъ, Вимифенъ.

Въ ту самую минуту, когда союзники стояли уже на французской землѣ, англичане намѣревались овладѣть Тулономъ, а большіе южные и центральные города съ силой отчаянія припимались за оборону противъ якобинцевъ, — яркое пламя охватило, на западѣ, старую католическую и королевскую Францію.

То, что въ другихъ мѣстахъ раздражало мирныхъ гражданъ противъ парижскихъ террористовъ, не имѣло ничего общаго съ роялизмомъ и еще менѣе съ противореволюціей, хотя якобинцы постоянно кричали объ этомъ.

Въ Вандейѣ же открыто поднялась противореволюція. Также и въ Бретани. Здѣсь изъ этого развилась мѣстная война роялистовъ-поселянъ съ республиканцами-горожанами.

Въ Вандейцахъ ¹⁾ текла преимущественно старокатолическая

¹⁾ *Guerraes des Vendéens. 1824, 4 vis.* Здѣсь, на стр. 9 — 64 I-го тома, находится превосходное введеніе о прежнемъ состояніи этой мѣстности. — См. также мемуары: Turgeau, Bonchamps, La Roche-Jaquelin, Carnot.

кровь. Ихъ едва затронуло умственное развитіе остальной Франціи. Въ этой мѣстности было мало городовъ. Въ уединенныхъ же деревушкахъ, на отдаленныхъ фермахъ, плохо соединенныхъ галльскими дорогами, жило населеніе, ничего не знавшее о большомъ свѣтѣ. Все, что въ другихъ мѣстахъ волновало и потрясало людей, не проникло въ этотъ уголокъ. Здѣсь земледѣльцы были еще неизмѣнно преданы помѣщикамъ, которые не были кровопійцами, а жили съ своими крестьянами за-просто и справедливо. Тѣ и другіе одинаково строго держались старой католической вѣры. Церковно-служитель въ Вандеѣ былъ далекъ отъ высшаго чиновнаго духовенства, отъ теократической надменности владыкъ остальной Франціи. Онъ не имѣлъ ничего общаго съ пресловутыми аббѣс. Онъ вышелъ изъ крестьянства и остался столь же вѣрнѣй своему происхожденію, какъ и оба другія сословія. Дворянинъ на одномъ и томъ же клочкѣ земли дѣлилъ съ своими крестьянами горе и радость. Священникъ управлялъ совѣстью обоихъ. Всѣ три сословія были счастливы, довольны своимъ положеніемъ и ничего не знали о ненависти и жаднѣ повизны, которая бушевала въ этихъ сферахъ по другимъ мѣстамъ королевства.

Здѣсь не понимали новой Франціи. Здѣсь холодно, даже съ гнѣвомъ, приняла постановленія 4-го и 5-го августа, это „богатое приданое революціи“; а constitution civile du clergé ¹⁾ воспламенила ненависть. Эти люди вообще немного уразумѣли изъ нововведеній; но что у нихъ хотѣли отнять священника, не принявшаго безбожной присяги, похитить сыновей, чтобы втиснуть ихъ въ армію цареубійцъ, это они поняли. Они не хотѣли допустить этого, признавая за собой право и свободу, за которыя и боролись съ одушевленіемъ, даже съ фанатизмомъ.

Но несчастная провинція была одиока. Такъ какъ Франція не могла устроиться подобно Вандеѣ, то именно послѣдней и пришлось погибнуть. Все описанное положеніе дѣлъ было крайне удобно для мало-мальски бдительнаго врага. Но коалиція была не такова. Въ ней у каждой стороны были свои собственныя цѣли: одна осуждала другую на самое постыдное бездѣйствіе.

Рядомъ съ этимъ интересна работа партіи, готовой всѣмъ рисковать, но иррациональной, право, законъ, принципы. Она достигла, но крайней мѣрѣ, одного: нація пришла въ состояніе лихорадочнаго движенія и дѣятельности, чего, конечно, вовсе еще не замѣчалось 2-го іюня. Не въ терроризмъ заключалось спасеніе Франціи, а именно въ томъ, что здѣсь силы не были истощены

¹⁾ См. стр. 170.

вполнѣ въ безплодныхъ раздорахъ. Напротивъ, ихъ собрали для великой цѣли, хотя, конечно, съ несмысланнымъ насиліемъ, съ безиримѣннымъ кровопролитіемъ. Такъ, здѣсь мало-по-малу достигли возможности побѣдить и терроръ.

Переходъ къ единовластию якобинцевъ. Робеспьеръ.

Большое затрудненіе, мѣшавшее побѣдителямъ 2 іюня вполнѣ насладиться успѣхомъ, представлялъ вопросъ: что дѣлать съ тѣми жирондистами, которые пренебрегали побѣгомъ изъ-подъ своего легкаго ареста точно такъ же, какъ и всякимъ соглашеніемъ, и на сторонѣ которыхъ стояло огромное большинство французовъ?

Послѣ того, какъ шайбамъ, которыя въ послѣднемъ возстаніи спасали государство за 40 су на брата, заплатили еще дешевле, это обстоятельство выступило на первый планъ.

6-го іюня, Бареръ, отъ имени комитета общаго блага, представилъ объ этомъ удивительный докладъ, какъ и всѣ его предложенія—вѣрный барометръ господствующаго настроенія. Понимая, что дѣло жиронды еще не потеряно, онъ осуждалъ 2-е іюня, но, не менѣе того чувствуя приближеніе единовластия якобинцевъ, сдѣлалъ такъ, какъ будто это дѣло ихъ вовсе не касалось. Онъ не былъ ни за кого,—ни за жиронду, ни за якобинцевъ. Когда, 8-го іюня, Робеспьеръ воспротивился его предложеніямъ по предѣ тираніи революціонныхъ комитетовъ и въ пользу временнаго покровительства жирондистамъ, онъ тотчасъ взялъ ихъ назадъ. Онъ былъ готовъ перепрыгнуть въ другой лагерь.

Робеспьеръ развивалъ тогда въ своей рѣчи взгляды, которые оправдывали его безграничное господство, какъ неизбежную необходимость, какъ требованіе самосохраненія, въ глазахъ всякаго, кто такъ далеко зашелъ, что ему уже не было возврата. „Повѣрьте, говорилъ онъ, отечество уже не въ силахъ долго переносить путаницы, господствовавшей до сихъ поръ въ нашей средѣ. Извнѣ насъ окружаютъ враждебныя арміи: въ нашихъ пограничныхъ войскахъ мы все еще должны опасаться измѣнниковъ¹⁾. Внутри страны еще не погашено пламя мятежа, и намъ слѣдуетъ позаботиться, чтобы оно не разгорѣлось еще сильнѣй. Дѣйствительно, взгляните на наше внутреннее положеніе. Марсель въ со-

¹⁾ Робеспьеръ подразумѣваетъ здѣсь генераловъ изъ аристократовъ.

стояніи противореволюціи. Бордо на пути къ ней. Въ Ліонѣ аристократія погружаетъ мечъ въ сердце лучшихъ гражданъ... Нужно истребить эту борьбу. Положеніе, въ которомъ находятся большіе города, угрожало овладѣть и Парижемъ. Эти города утопаютъ въ крови добровольнаго возстанія безчисленнаго народа, и Парижъ плавалъ бы въ ней“.

Исно, куда стремится Робесьеръ. Терроръ послѣдовательно доводится до крайности. Жирондистамъ надо пасть. Они теперь то же, чѣмъ былъ нѣкогда въ Тамплѣ король,—заложники противореволюціи. Съ ними падутъ и всѣ ненадежныя, нерѣшительныя и колеблющіяся, и въ первомъ ряду Дантонъ, выказавшій именно въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно подозрительную умѣренность.

Послѣ доклада Барера и печальнаго пріема, встрѣтившаго предложенія комитета общаго блага, на первый планъ выдвигаются личности, работавшія доселѣ главнымъ образомъ за кулисами клубовъ и ратуши. Соціально-демократическая партія, которая съ 1789 г. постоянно появлялась лишь въ свитѣ или въ союзѣ съ какою-нибудь другою, хватается теперь самостоятельно за кормило правленія. Люди, необходимые съ 10-го августа, по своему господству надъ клубами и ратушей, но вовсе не представлявшіе независимой, самобытной силы,—Робесьеръ, С. Жюсть да Кутонъ, задаютъ теперь тонъ, вытолкнувъ жиронду и опередивъ Дантона.

Пришло время, когда требовалось быть либо молотомъ, либо наковальней. Идеаль Робесьера приблизился къ своему осуществленію ¹⁾. 2-е іюня было дѣломъ этого человѣка въ сообществѣ съ другими: то, что предстояло теперь, принадлежало ему одному.

Франція впервые узнала этого человѣка въ 1789 г., какъ оратора крайней лѣвой стороны. Среди блестящихъ талантовъ, среди пламенныхъ патріотовъ перваго собранія, онъ разыгрывалъ роль чудака-святого. Своимъ оригинальнымъ воззрѣніемъ на государство, далеко расхорившимся съ господствовавшими тогда идеями, онъ попеременно возбуждалъ то смѣхъ, то ропотъ. Но для смѣющихся у Мирабо уже тогда готово было слово: „У этого человѣка есть будущее. Онъ вѣритъ въ то, что говоритъ“. Въ немъ не было ничего, что ослѣпляетъ или поддурнаетъ. Его голосъ былъ топокъ и рѣзокъ; его выраженія были лишены теплоты, увлеченія и колорита. Его воззрѣнія постоянно вертѣлись въ одномъ и томъ же тѣсномъ кругу. Онъ дѣлалъ свои предложенія

¹⁾ P a m e l: Histoire de Robespierre 3 vis. Смѣлая апологія. С.

съ сухой монотонностью и поучительнымъ назиданіемъ методиста-проповѣдника, всю мудрость котораго знаешь наизусть, послушавъ его разъ. Отсюда невыносимая скука, за которую столь часто прерывали его. Въ первое время ему почти никогда не давали договорить.

Но онъ оставался вѣренъ себѣ въ своемъ ученіи; неутомимо стоялъ за него даже и тамъ, гдѣ пріобрѣталъ имъ не лавры, а однѣ насмѣшки. Въ учредительномъ собраніи онъ лишь протестовалъ. Съ послѣдовательностью, ни разу не поколебавшеюся, настаивалъ онъ на своей вѣрѣ въ Contrat Social Руссо, которому самъ былъ фанатически преданъ. Міръ узналъ одиноваго чудака по Монитѣру, номѣщавшему цѣлую кучу его протестовъ. Толпа замѣтила челоуѣка, среди постоянныхъ заявленій котораго особенно просто и привлекательно звучало слѣдующее: „Народъ чистъ и хорошъ, но его правители и представители дурны“.

Робеспьеръ всегда оставался одинаковымъ. Правда, онъ съ лицемѣрнымъ, фарисейскимъ самохвальствомъ прославлялъ себя за свое постоянство; но несомнѣнно, что онъ съ необыкновенной ловкостью счумѣлъ пріобрѣсти славу непогрѣшимой вѣрности убѣжденіямъ. А это—сила при всѣхъ обстоятельствахъ, въ особенности же въ подобныя минуты, какъ описываемыя. Какихъ партій и программъ не поглотила уже революція! Какимъ превратностямъ не подвергались видные вожди! Послѣ такого прошлаго, откуда взяться довѣрью къ будущему? Среди демагоговъ, Робеспьеръ былъ единственною, еще не растраченною силой. Перепесясь въ настроеніе господствовавшихъ теперь вужковъ, можно понять, что болѣшимъ довѣріемъ пользовался лишь тотъ, въ чьей жизни замѣчалось доселѣ меньше скачковъ и противорѣчій,—тотъ, кто, хотя бы и не съ особеннымъ остроуміемъ и скромностью, непрерывно держался одного и того же евангелія.

Робеспьеръ неутомимо трудился надъ созданіемъ подобнаго положенія; и метода, которой онъ слѣдовалъ при этомъ, была мастерски разчитана. Уже въ ноябрѣ 1792 года, Patriote français ¹⁾ превосходно изобразилъ его съ этой стороны. „Онъ гремитъ противъ сильныхъ и богатыхъ. Онъ довольствуется немногимъ и не знаетъ физическихъ потребностей. У него только одно призваніе—говорить, и онъ говоритъ безпрестанно. Онъ создастъ собѣ школу, у него есть свои тѣлохранители. Онъ привѣтствуетъ якобинцевъ, когда увѣренъ, что пріобрѣтеть себѣ приверженцевъ среди нихъ. Онъ молчитъ, когда есть опасность пострадать его

¹⁾ Histoire parlement. 21, p. 21.

кредиту. Онъ отказывается отъ мѣстъ, на которыхъ могъ бы служить народу, и выбираетъ такія, гдѣ можетъ господствовать надъ нимъ. Онъ появляется, когда надѣется привлечь вниманіе, и исчезаетъ, когда сцена занята другими. У него всѣ характеристическія черты не основателя религіи, а главы секты. Онъ пріобрѣлъ себѣ славу нравственной строгости, мѣтящей въ святость. Онъ взлѣзаетъ на скамьи, говоритъ о Богѣ и Провидѣніи, называетъ себя покровителемъ бѣдныхъ и угнетенныхъ. Его свита—женщины и нищіе духомъ“.

Никто не зналъ, чтобы за нимъ былъ какой-нибудь особенный порокъ. Онъ казался справедливымъ, неподкупнымъ, простымъ и воздержнымъ,—словомъ, вполне такимъ, какимъ всегда прославлялъ себя.

Французская школа, желающая обоготворить его, какъ удивительную голову, слишкомъ высокаго мнѣнія объ его умственныхъ дарованіяхъ. Онъ—не творческій, виждущій талантъ. Послѣдовательность для него легка, такъ какъ его политика—пустое отрицаніе. Это ясная, логическая голова, но безъ всякой геніальности. Ему недостаетъ и дерзкой отваги истинныхъ демагоговъ. 10-го августа онъ сидѣлъ въ тѣни своей комнаты и въ тихомъ углу пережидалъ всѣ взрывы, имъ подготовленные. При этомъ онъ бездумно, завистливъ, истинно-поблагоденъ. У него ненависть настоящаго пролетарія ко всему выдающемуся, ко всякой аристократіи, и именно къ аристократіи таланта. Между тѣмъ какъ на устахъ у него вѣчно гуманность и добродѣтель, въ сердцѣ у него ядъ и желчь. У него нѣтъ добродушія, свойственнаго Дантопу, при всей его дикости и революціонной страстности.

Но своей натурѣ, Робесьеръ неспособенъ потрясать и увлекать массы: но тѣмъ выше его талантъ въ революціонной организаціи. Съ изумительнымъ мастерствомъ, съ вѣчно-бодрой, неутомимой дѣятельностью, выволавъ онъ себѣ въ полной тиши, въ клубѣ и въ ратушѣ, оружіе для искорененія всякой другой силы. Съ чутьемъ, отъ котораго ничто не ускользаетъ, вывѣдываетъ онъ большія мѣста своихъ враговъ и соперниковъ и, когда настанетъ минута, хладнокровно наноситъ ударъ. Онъ ищетъ власти ради самой власти,—не такъ, какъ Дантонъ, наслажденію и разврату котораго завидовали массы. Его нравственная строгость не такъ безупречна, какъ ее обыкновенно прославляютъ. Званіе его хорошо могли поразсказать и объ „оргіяхъ“ сего сятаго. Но эти вещи дѣйствовали на него иначе, чѣмъ на Дантона. Онъ не социализировалъ его съ пути и нисколько не уменьшали его энергіи. Помѣрно было его хвастовство самимъ собой. Разъ навѣстилъ

его Барбару и пашель его комнату переполненною изображеніями и бюстами Робеспьера всѣхъ сортовъ, положеній и размѣровъ. По его личное самохвальство блѣднѣло передъ тѣмъ тщеславіемъ, съ которымъ онъ лелѣялъ свое прославленіе въ народѣ. Въ тысячѣ оборотовъ ¹⁾ умѣлъ онъ внушать ему, будто въ немъ процвѣтаетъ все доброе и прекрасное, а все, на что народъ смотритъ косо, отравлено и обезсилено.

Этотъ человекъ былъ теперь владыкой минуты. „Не по словамъ, а по дѣламъ слѣдуетъ судить человека“, сказалъ однажды Робеспьеръ. Такъ давайте и мы судить его по его дѣламъ, а не по словамъ!

Первымъ его созданіемъ суждено было быть конституціи, отъ которой онъ ожидалъ чудесъ, если послушать его и посмотреть на его рвеніе. Спокойствіе, миръ, согласіе, законъ и порядокъ вернутся въ растерзанную Францію. Должно замѣтить, что, по устраненіи конституціоннаго проекта жирондиста Кондорсе, поручили Геро де-Сешелю составленіе новаго. Онъ скоро принялся за дѣло, въ какомъ духѣ—видно изъ знаменитаго письма, въ которомъ онъ говоритъ, что послалъ въ бібліотеку и выпросилъ себѣ для изученія произведенія царя Миноса. Еще лучше его серьезное заявленіе: „Я сдѣлаю конституцію до того непримѣнимою, что, быюсъ объ закладъ, она останется ключкомъ бумаги“.

Винюпѣ непримѣнима и была конституція ²⁾, утвержденная 23 іюня, особенно та ея часть, гдѣ Робеспьеръ работалъ всего больше,—именно человѣческія права. Она провозгласила въ теоріи безграничную самопомощь народа противъ всякаго угнетенія. а между тѣмъ никто не поощрялъ ея безбожнѣе, чѣмъ сами законодатели. Якобинцы были чрезвычайно недовольны конституціей. Шабо воскликнулъ въ клубѣ: „Да, вѣдь, тутъ недостаетъ обезпеченія хлѣбомъ тѣхъ, у кого его нѣтъ; недостаетъ упичтоженія бѣдности и нищеты. Конституція говоритъ о социальныхъ, а не объ естественныхъ правахъ. Она предоставляетъ произволу законодателей распределеніе налоговъ и не предписываетъ прогрессивной подати. Она создаетъ колоссальную исполнительную власть, убивающую свободу. а во всякой исполнительной власти заключаются сѣмена королевской власти... Но, скажутъ, коли только одна власть, что руцается тогда за свободу? Отвѣчаю: руцается“

¹⁾ См подборъ фактовъ у Баранта (III, 63), который справедливо говоритъ о Робеспьерѣ: «У него была жилака общихъ мѣстъ» (il avait la verge des lieux communs). О.

²⁾ О ней см. у Баранта (III, 217). О.

гильотина". Таких и подобных заявленія раздавались безпрестанно. Отчего нѣтъ новыхъ конфискацій? спрашивали одни. Почему нѣтъ дальнѣйшихъ мѣръ террора противъ семей эмигрантовъ? говорили другіе. Отчего такъ мало казней? спрашивали третьи. Въ отвѣтъ на эти вопросы, явилось и отступное. Возникли: принудительный заемъ, декретъ противъ ростовщиковъ, лишившій всю торговлю покровительства закона, и мѣра противъ ассигнатовъ времянъ королевства. Эти-то и подобныя вещи потомъ, послѣ термидора, считались толпами мятежниковъ „конституціей 1793 года“.

Организація террора. Подготовка и планъ Робеспьера. Убіеніе Марата 13 іюля.

8-го іюля выступилъ самый близкій повѣренный и товарищъ Робеспьера, Сень-Жюсть, съ удивительнымъ предложеніемъ. Оно открывало прямиа дѣйствія противъ арестованныхъ жирондистовъ, какъ главъ распространеннаго по всей Франціи заговора. Этого длинный чудовищный документъ, еще больше насилующій историческую истину, чѣмъ нѣкогда обвинительный актъ противъ короля, оканчивался такъ: „Изъ всего этого слѣдуетъ: затѣять заговоръ, чтобы помѣнать во Франціи учрежденію республики. Анархія послужила заговорщикамъ предлогомъ для порабощенія народа, разъединенія департаментовъ и вооруженія однихъ противъ другихъ. Попытались посадить на тронъ сына Капета. Козни заговорщиковъ противъ введенія республики удвоились послѣ предложенія французскому народу принять конституцію. На сходкахъ у Валазе составили планъ умертвить часть конвента. Попробовали воспламенить междуусобную войну съ вера съ югомъ Франціи“ и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ самое предложеніе:

1) Конвентъ объявляетъ измѣнниками отечеству Бюзо, Барбару, Горса, Ланжюипе, Сала, Луве, Бергуана, Бирото, Петіона, которые 2-го іюня увлонились отъ издавшихся противъ нихъ декретовъ и возмутились въ департаментахъ Эрв, Кальвадосъ и Ронь-Луарь, съ намѣреніемъ помѣнать учрежденію республики и возстановить королевскую власть.

2) Есть основаніе обвинить Жансонне, Гаде, Верньо, Мольво и Гардъена, какъ сообщниковъ тѣхъ, что бѣжали и стали во главѣ возмущенія.

Этимъ жиронда объявлялась въ опалѣ. Конечно, ничего не

значило, что, 18-го іюля, при дополненіи списка и опредѣленіи настоящей проскрипціи, С. Жюсть прибавилъ нѣсколько фразъ о милосердіи и великодушіи свободы и т. д., чего, повидимому, требовали тогдашія обстоятельства.

Два дня спустя послѣ предложенія С. Жюста, 10 іюля, партія Робеспьера окончательно взяла бразды правленія, когда обновился комитетъ общаго блага. До сихъ поръ онъ состоялъ изъ жирондистовъ и дантонистовъ; теперь въ него вступаютъ только чистокровныя якобинцы. Барера выбрали лишь потому, что не могли обойтись безъ его пера и его дѣятельности, какъ доладчика. Изъ приверженцевъ Дантона попали только Геро де-Сешель; онъ былъ очень гибокъ и не могъ ничего испортить. Зато С. Жюсть, Кутонъ, Р. Линде были ближайшіе сообщники Робеспьера, да при нихъ состояло еще два-три спутника и фигуранта.

Отъ этого времени подготовки, послѣ 31 мая и 2-го іюня 1793 года, до насъ дошелъ чрезвычайно замѣчательный документъ, собственноручно писанный Робеспьеромъ. Въ немъ въ самыхъ точныхъ выраженіяхъ раскрывается весь планъ этого человѣка ¹⁾.

„Если мы въ чемъ пуждаемся, говорится здѣсь, такъ въ единой волѣ. Она можетъ быть или роялистическая, или республиканская. При республиканской, намъ необходимы республиканскіе министры, республиканскіе журналы, республиканскіе депутаты, республиканскій полкъ... Пока государственное тѣло страдаетъ отъ ранъ революціи и разединенія воли, внѣшняя война — смертельный бичъ“.

Здѣсь тотчасъ прорывается инстинктивный страхъ якобинца передъ арміей: ею нельзя управлять посредствомъ клубныхъ рѣчей, а между тѣмъ она необходима для отраженія врага.

„Внутреннія опасности происходятъ отъ средняго сословія (bourgeois). Чтобы одолѣть его, созовемъ народъ. Все было сдѣлано для подчиненія народа игу средняго сословія и для возведенія на эшафотъ защитниковъ республики. Буржуа восторжествовалъ въ Марсели, Бордо, Лионѣ. То же было бы и въ Парижѣ (въ этомъ Робеспьеръ, слѣдовательно, честно сознается), если бы не настоящее возстаніе. Ипѣшнему возстанію слѣдуетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не примутъ мѣръ, необходимыхъ для спасенія республики. Пусть возстаніе по тому же плану распространится изъ края въ край. Санкюлоты получаютъ жалованье и

¹⁾ Hist. Parl. 30, p. 126. Ср. Pontécoulant: Souvenirs (I, 240 sqq.) о разговорѣ Робеспьера съ Бареромъ и Демуленомъ.

останутся дома. Ихъ нужно снабдить оружіемъ, страстью, про-свѣщеніемъ. Падо всевозможными средствами поднять республиканское воодушевленіе. Освободите депутатовъ — и республика погибла. Они сами не перестануть подстрекать департаменты, да и намѣстники ихъ будутъ не лучше. Пусть новые, надежные комиссары паблюдаютъ за Бюстиномъ. Извнѣ полезно заключить союзъ съ мелкими державами. Но это невозможно, поѣа у насъ нѣтъ одной національной воли“.

Затѣмъ, во второй замѣтѣ, слѣдуетъ сопоставленіе данныхъ для дѣйствія.

„Въ чемъ цѣль?— Въ примѣненіи конституціи на пользу народа.

„Ето наши враги?— Порочные и богатые.

„Какія средства употребляются ими?— Клевета и притворство

„Что облегчаетъ имъ употребленіе этихъ средствъ?— Цевѣ-жество санкюлотовъ. Падо, слѣдовательно, просвѣтитъ народъ.

„Что же препятствуетъ этому?— Продажность писателей, кото-рые каждый день обманываютъ его безстыдною ложью.

„Что изъ этого слѣдуетъ?— Падо объявить въ опалѣ писателей, какъ опаснѣйшихъ враговъ отечества, и издать цѣлый потокъ хорошихъ сочиненій.

„Что еще препятствуетъ основанію свободы?— Войны, внѣшняя и междоусобная.

„Что требуется для окончанія первой?— Поставить во главѣ нашихъ храбрецовъ республиканскихъ генераловъ и наказатъ тѣхъ, которые продадутъ насъ.

„Что необходимо для прекращенія второй? Наказатъ измѣн-никовъ и заговорщиковъ, именно виновныхъ депутатовъ и чиновниковъ. Выслать патріотическія войска съ предводителями-патріотами, чтобы низвергнуть аристократовъ въ Ліонѣ, Марсели, Тулонѣ, Вандеѣ, Юрѣ и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ водружено знамя мятежа и роялизма. На злодѣяхъ, что оскорбили свободу и пролили кровь патріотовъ, слѣдуетъ показатъ ужасный примѣръ.

„Итакъ:

„1) Опала недостойнымъ, противореволюціоннымъ писателямъ и распространеніе хорошихъ сочиненій. 2) Наказаніе измѣнниковъ и заговорщиковъ, именно депутатовъ и чиновниковъ. 3) Назначеніе патріотическихъ генераловъ и устраненіе и наказаніе всѣхъ другихъ. 4) Пронитаніе и законы для народа, т. е. *rapem et circenses*“.

Вотъ система Робеспьера. Съ такими идеями припаялъ онъ паслѣдство, въ которомъ нѣкогда было отказано Мирабо. Это — во-

все не печальное убѣжище безпомощнаго отчаянія, необходимое средство для перехода, какъ, пожалуй, иные готовы подумать. Это вытекло изъ плана, съ давнихъ поръ начертаннаго Робеспьеромъ и предназначеннаго, въ его мысли, къ долгому существованію. Тутъ весь Робеспьеръ, полный того закоренѣлаго, безошибочнаго доктринерства, которое, ради логической послѣдовательности, сжимаетъ въ тиски міръ и людей. Онъ находился подъ вліяніемъ ученія Руссо, по которому весь образованный міръ—ничто иное какъ гримаса, все существующее—лишь бездна испорченности. Лучшаго положенія не достигнуть иначе, какъ подвергнувъ до костей хворое тѣло страшной кровавой испаринѣ, для отдѣленія здоровой части отъ больной.

Это ученіе при другихъ обстоятельствахъ имѣло бы развѣ только патологическій интересъ: теперь же оно стало ужасною дѣйствительностью. По мнѣнію Робеспьера, одной трети націи было достаточно для населенія государства идеальнымъ обществомъ. Ея счастье, вонечно, заслуживаетъ, чтобы вырѣзать двѣ другія трети, разбѣденныя ракомъ. Все это онъ, какъ мальчикъ свою азбуку, выучилъ наизусть по Руссо и безсчетное число разъ повторилъ передъ своими приверженцами. Теперь пришло время осуществить идею. А Робеспьеръ именно человѣкъ, который можетъ серьезно отпестись къ подобному ученію. Рядомъ съ безграничнымъ тщеславіемъ, свойственнымъ лишь тѣмъ главамъ сектъ, которыя считаютъ себя полубогами, онъ одержимъ непомѣрной завистью ко всякому достоинству и таланту, недоброжелательствомъ ко всему выдающемуся. И это не даетъ ему покоя ни днемъ, ни ночью. Притомъ онъ холоденъ, безсердеченъ, недоступенъ никакому мягкому ощущенію, въ силу котораго человѣкъ ищетъ себѣ подобнаго. У него вовсе нѣтъ той примирающей, прощающей черты, которая вытекаетъ скорѣе изъ мягкаго, чувственаго темперамента, чѣмъ изъ болѣе благородной природы, и которое мы замѣчаемъ даже у Даптона. Онъ суровъ, свирѣпъ, жестокъ до крайности. Онъ наслаждается удовлетворенною мстительностью. При его пропщривыхъ, лицемѣрныхъ рѣчахъ, переполненныхъ, всѣ до одной, ядовитыми обвиненіями, клеветами и подозрѣніями, припоминается что-то похожее на гіену, которая медленно ходитъ вокругъ своей жертвы и затѣмъ вдругъ устремляется на вѣрную добычу. Кто могъ бы поставить талантъ этого человѣка выше уровня такихъ людей, какъ Мирабо и др. кто могъ бы доказать, что, хотя однажды, его рѣчи о гуманности были серьезны,—тотъ пусть имъ восхищается.

Еще система террора не приведена въ дѣйствіе, еще гильо-

тина не работает по его плану, а въ головѣ Робеспьера все уже готово. Истребленіе средняго сословія, подстрекательство и вооруженіе черни противъ него, остракизмъ противъ всѣхъ враговъ особы Робеспьера и его системы, подкупъ массъ для всякаго злодѣйства,—все это уже совершенно ясно и трезво развито въ указномъ документѣ, относящемся къ іюню и іюлю 1793 года. Тутъ уже не было надежды на отступленіе.

Жирондѣ недоставало генерала, чтобы собрать солдатъ мятежныхъ городовъ и повести ихъ на Парижъ. У нея не было даже и программы, которая соединила бы подъ однимъ знаменемъ нестрые элементы, едва согласные между собой въ своей боязни и ненависти. Разумѣется, чтобы соединить и выстроить противъ Парижа эти столь разнородныя массы и столь противорѣчивые интересы, требовался политическій гелій полководца изъ разряда Мирабо. Само по себѣ, это, конечно, было мыслимо. Въ наши дни, вѣдь, подвигалась же однажды Франція противъ Парижа ¹⁾! Но при описываемыхъ обстоятельствахъ, возсталія вспыхивали въ отдѣльных мѣстахъ и тотчасъ же подавлялись одно за другимъ. Недоставало единодунія въ стремленіяхъ и челоуѣва, который возбуждиль бы или выпудиль его. Дѣло ограничилось лишь рядомъ отдѣльных возмущеній, служившихъ только новымъ рычагомъ и предлогомъ терроризму: въ виду двойной опасности внутри и извнѣ, представлялось неизбѣжной необходимостью употреблять самыя крайнія средства. Изъ каждаго неудачнаго удара, предпринятаго жирондистскимъ кружкомъ, или въ пользу его, якобинство извлекало новую нищу и желанное оправданіе себѣ.

Тотчасъ послѣ обновленія комитета общаго блага, всего дня три спустя, произошелъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые ускорили гибель жиронды: я говорю объ умерщвленіи Марата Шарлотою Корде ²⁾. 11-го іюля она прибыла въ Парижъ, а 13-го была допущена къ Марату. Марать, какъ благонамѣренный республиканецъ, чрезвычайно уютно устроилъ свою жизнь. Въ собственномъ домѣ содержалъ онъ свою любовницу и наслаждался празднествами, пирушками и оргіями. Плоды необузданной свободы только-что начали созрѣвать для него, какъ его поразилъ

¹⁾ Гейссеръ намекаетъ здѣсь на подавленіе февральской революціи и повстаніе Бонапартонской имперіи. Прибавимъ отъ себя, что въ наши дни освобожденіе, и сознательное, французской провинціи отъ Парижа становится все болѣе и болѣе очевиднымъ фактомъ. Ред.

²⁾ *Revue des deux mondes*. Avril 1862.—Ch. Corday: *Oeuvres politiques*. 1863.—Vatel: *Dossiers du procès criminel*. 1862.—Chéron de Villiers: *Charlotte Corday*. 1866.

кинжалъ Шарлоты Корде. Мысль, что этотъ малый, вытщенный изъ клоаки,—центръ якобинской партіи, была основнымъ заблужденіемъ жиронды. Исполненная такого же демократизма, какъ г-жа Ролазъ, эта дѣвушка слышала въ Канѣ ¹⁾ пламенные рѣчи жирондистовъ противъ терроризма Парижа и отправилась туда. Она думала: „надеть Маратъ—жиронда и Франція спасены“. Она не подозрѣвала, что ударъ ея кинжала всего опаснѣе тѣмъ, для спасенія которыхъ она употребила это, по ея мнѣнію, вѣрнѣйшее средство. Что жиронда — шайка убійць, это было до сихъ поръ лишь дерзкою клеветой: теперь же это становилось фактомъ для якобинцевъ.

Дѣло произвело сильное впечатлѣніе. Молодая, цвѣтущая красотой дѣвушка хладнокровно закалываетъ человека, до той минуты никогда ею невиданнаго, и затѣмъ, съ гордымъ, неустрашимымъ видомъ, сознается въ поступкѣ, которымъ она желала отомстить за отечество и свободу, — въ этомъ было что-то, напоминающее величіе античныхъ тираноубійствъ. Якобинцамъ было неприятно впечатлѣніе, произведенное этимъ происшествіемъ. Это доказываетъ ихъ неутомимое стараніе обезславить дѣвушку безупречнаго поведенія. Робеспьеръ же, конечно, былъ доволенъ: онъ избавился отъ непріличнаго союзника ²⁾ и приобрѣлъ новыя основанія для короткой расправы съ жирондой.

Революціонный судъ ³⁾ и терроръ à l'ordre du jour. Докладъ Барера 5-го сентября. Революціонная армія. Законъ противъ подозрительныхъ 17-го сентября.

Революціонный судъ продолжалъ существовать въ своей первоначальной формѣ. Но до сихъ поръ онъ обнаруживалъ не слиш-

¹⁾ Въ описываемое время Шарлота Корде уже нѣсколько лѣтъ проживала въ Канѣ (Саен), главнымъ городѣ нижней Нормандіи и центрѣ жирондистскаго возстанія, у одной своей родственницы, бездѣтной старушки-вдовы. Здѣсь она увлекалась Ж. Ж. Руссо, Реналемъ и Плутархомъ. Здѣсь она присутствовала на сходкахъ такихъ жирондистовъ, какъ Бюзю, Барбару, Періонъ, Горса, Луве и др. Ред.

²⁾ Бюзю (Мет., р. 92) такъ выражается о Маратѣ: „Природа, казалось, создала Марата съ тѣмъ, чтобы въ одномъ лицѣ собрать всѣ людскіе пороки. Онъ безобразенъ, какъ преступленіе, которое сквозятъ черезъ всѣ поры его тѣла, отвратительнаго и сгнявшаго отъ разврата. Это—звѣрь дикій, трусливый и кровожадный и т. д.

³⁾ Campardon: Histoire du tribunal révolutionnaire, 1862. 2 vls. — Vergiat St. Paix: Justice révolutionnaire. 1861.

комъ энергичную дѣятельность. Лишь нѣсколько политическихъ процессовъ было рѣшено тамъ. Тенерь отважились на первую, болѣе серьезную попытку.

Генералу Кюстину, побѣдоносному полководцу 1792 года, не почастивилось въ его дальнѣйшихъ предпріятіяхъ ни на Рейнѣ, ни въ Бельгіи. Тамъ были потерины Франкфуртъ и Майнцъ, тутъ—Конде и Валансьенъ. То были несчастія, въ которыхъ больше всего виноваты якобинцы, умышленно разстраивавшіе армію: тутъ не было и мысли объ измѣнѣ. Кюстинъ, такъ сказать, стремглавъ бросился въ революцію, старался изгладить память о своемъ старомъ дворянствѣ многими истинно якобинскими выходками. И ничто не было ему такъ чуждо, какъ отступленіе передъ непріателемъ. Но въ Парижѣ имъ недовольны. Онъ отвѣчаетъ за несчастіе французскаго оружія: *la responsabilité—c'est la mort* (отвѣтственность, это — смерть), говорили адѣсь. Падо удалить всѣхъ генераловъ стараго времени. Большинство ихъ все-таки было изъ хорошаго дворянства. Какъ истинные солдаты, они, въ глубинѣ души, были враждебны затѣямъ клубовъ и анархіи въ мундирѣ.

Бирона уже 11 іюля отрѣшили отъ должности, и на его мѣсто послали въ Вандею, въ качествѣ перваго убійцы, безбожнаго Росиньоля. На очереди стояли теперь остальные: Кюстинъ, Богарне, Гушаръ, Ла-Марльеръ, Дильонъ, Брюне. На первомъ рѣшились по-пробовать, насколько податлива армія и силенъ революціонный судъ.

Осторожность, необходимая относительно арміи, была причиною, почему процессъ нѣсколько затянулся. Онъ пошелъ быстро, когда явились извѣстія, что войско не встревожится. Послѣ нѣкотораго сопротивленія, согласился на юридическое убійство и революціонный судъ, въ которомъ должность обвинителя исполнялъ Фулье-Танвиль. Такимъ образомъ, Кюстина быстро казнили въ августѣ. Армія безмолвна: можно, стало-быть, идти дальше. Генераловъ, одного за другимъ, привлекаютъ въ революціонный судъ и отправляютъ подъ гильотину. И побѣда не спасала отъ якобинцевъ. Побѣду при Гондскотѣ вмѣнили генералу Гушару въ преступленіе, такъ какъ онъ недостаточпо ею воспользовался, „по довольно перебилъ англичанъ“. „Все, что изъ дворянъ,—говоритъ Бареръ,—въ опалѣ у общественнаго мнѣнія. Все это просто повобранцы-измѣнники“.

Передъ этими удачными ударами, окончательно разрушившими существовавшія арміи, поистинѣ смѣшны громовыя фразы, которыми конвентъ намѣревался выконать изъ земли новыя войска. Едва проектированное поголовное ополченіе (*levée en masse*), о ко-

торомъ Бареръ сѣумѣлъ, въ пошломъ, напыщенномъ докладѣ 23 августа, разсказать чудеса, встрѣтило такое сопротивленіе, что комитетъ отрекся даже отъ мысли о немъ. Мало того. Онъ выставилъ его злопамѣренной выдумкой, которую будто бы аристократы подсунули патриотамъ, желая подвергнуть ихъ ненависти и осмѣянію. Главное мѣсто въ рѣчи Барера можетъ служить образцомъ употребительнаго тогда сумасброднаго слога: „Молодежь будетъ драться: ея обязанностью будетъ побуждать Женатыя будутъ ковать оружіе и примутъ на себя перевозку влады и орудій, а также доставленіе продовольствія. Женщины во время революціи исполнять, наконецъ, свое истинное призваніе: онѣ бросятъ ничтожныя руководѣлыя и станутъ своими пѣанными руками готовить мундиры и палатки воинамъ. Онѣ будутъ гостеприимны и заботливы въ тѣхъ убѣжищахъ, гдѣ защитники отечества окружаются попеченіемъ, необходимымъ при ихъ ранахъ. Дѣти превратятся въ коріюю все полотно: за нихъ, вѣдь, сражаются! Дѣти, эти созданія, которымъ предназначено пожать всѣ плоды революціи, поднимутъ къ небу свои чистыя руки. Назначеніе стариковъ снова будетъ то же, что у древнихъ: они велатъ нести себя въ публичныя мѣста, чтобы воспалять тамъ мужество молодыхъ воиновъ и возвѣщать ненависть къ королямъ и единство республики“, и т. д.

Все это было пустою болтовней въ ту мунуту, когда почти вся Франція открыто возстала противъ правительства, осмѣливагося сказать: „Toute la France doit être debout“ (вся Франція должна подняться на ноги); когда среднее сословіе самыхъ большихъ городовъ вело междоусобную войну съ якобинцами; когда въ Вандей возставшіе крестьяне гнали передъ собой войска конвента; когда, наконецъ, у всѣхъ способныхъ носить оружіе, на югѣ, западѣ и въ центрѣ страны, врагъ былъ передъ глазами.

Комитету пришлось довольствоваться новымъ наборомъ молодыхъ солдатъ; но и тотъ состоялся не ранѣе, какъ послѣ разгрома Ліона ¹⁾.

Въ организациі террора, подвергнутой обсужденію

¹⁾ Барантъ и Мемуары С. Сира. О.

Лионъ, второй городъ Франціи по обширности и богатству, былъ почти буквально уничтоженъ въ ноябрѣ 1794 г. Причина такого варварства изъяснена потомству самимъ конвентомъ. На замѣчаніе, что разрушеніе Ліона нанесетъ смертельную рану всей французской торговлѣ, Геберъ отвѣчалъ: „Промысла и искусства—вообще приращенные яраги свободы. Въ выгодахъ Парижа, не терять подлѣ себя въ французской почвѣ столь важнаго города, какъ Лионъ“. *Ред.*

5 сентября, конвенту посчастливилось болѣе, чѣмъ въ національномъ наборѣ, который, впрочемъ, во всякомъ случаѣ, былъ крайне необходимою мѣрой, въ виду положенія дѣлъ на границахъ.

Докладчикомъ опять Бареръ. На этотъ разъ онъ является истиннымъ Анакреономъ упоенной кровью свободы. Ему удается о самыхъ страшныхъ вещахъ излить цѣлый потокъ легкомысленныхъ выраженій.

„Поставимъ терроръ очереднымъ дѣломъ,—говоритъ онъ, употребляя „великое слово“ парижской общины ¹⁾,— и въ одно мгновеніе исчезнуть роялисты и умѣренные, со всею противореволюціонною шайкой, безпокоющею васъ! Роялистамъ хочется крови? Ладно. Имъ дадутъ крови заговорщиковъ, г-дъ Бриссо, Марій-Антуанетъ. Имъ хочется приготовить потрясеніе? Ладно. Они и вкусятъ его послѣдствія. Прочь незаконныя поступки мести! Это исполнять чрезвычайныя суды... Роялистамъ хочется помѣшать конвенту въ его занятіяхъ? Заговорщики! Смотрите, онъ вмѣшается въ ваши собственныя. Вамъ хочется приготовить погибель горѣ? Ладно. Гора васъ раздавить“.

Согласно съ этимъ, приступаютъ, прежде всего, къ учрежденію революціонной арміи на жалованьи изъ государственной кассы. Она будетъ состоять изъ 6 тысячъ пѣхоты и 1,200 канонировъ. Ея назначеніе—„уничтожать заговорщиковъ противъ революціи вездѣ, гдѣ понадобится придать иѣсь революціоннымъ законамъ и мѣрамъ конвента на пользу общаго блага“.

Одно постановленіе того же дня опредѣляло начать немедленно процессъ Бриссо, Верньо, Жансонне, Клавьера и Лебрена; другое—ежедневно вознаграждать тремя франками членовъ революціонныхъ комитетовъ и 40 су присутствующихъ въ секціяхъ, которыя должны собираться каждый понедѣльникъ и четвергъ. То было, по выраженію Камбона, „содержаніе (liste civile) интригамъ городской общины“.

Такимъ образомъ, создали два постоянныя войска наемниковъ революціи,—одно вооруженное, другое пѣтъ. Къ этому присоединилось въ тотъ же день преобразование революціоннаго суда. Онъ дѣлится на четыре части, каждая изъ 16 членовъ. Дѣло подсудимаго, тотчасъ послѣ допроса, передается, по жребію, въ одну изъ этихъ частей и тамъ быстро рѣшается. Уже со 2-го іюля каждый присяжный получалъ ежедневно 18 фран-

¹⁾ Вотъ фраза Барера: „Les aristocrates de l'intérieur méditent un mouvement. Ils l'auront organisé, régularisé par une armée révolutionnaire qui exécutera enfin ce grand mot qu'on doit à la commune de Paris: Plaçons la terreur à l'ordre du jour!“ Ред.

ковъ. Такая организація оставалось до 22-го преріала (іюня). Членами суда были креатуры Робеспьера и комитетовъ, присяжными— частью фанатики-патріоты, частью благонамѣренные простофили, едва знавшіе грамоту. Судьи и присяжные находились подъ строжайшимъ надзоромъ комитета общаго блага, у котораго были для этого свои шпионы и докладчики. Главнымъ лицомъ въ комедіи процесса былъ обвинитель Фулье-Тенвилъ. Въ началѣ революціи, онъ занималъ купленное мѣсто прокурора въ Шатле ¹⁾ и совершенно обнищалъ. Революція снова подняла его. Она доставила ему карьеру и большой доходъ.

17-го сентября явился страшный законъ о подозрительныхъ.

Подозрительными объявляются:

1) Тѣ, которые оказались приверженцами тираніи, федерализма и врагами свободы, въ силу своего поведенія, своихъ словъ, либо сочиненій ²⁾.

2) Тѣ, которые не докажутъ, какъ предписано закономъ 21 марта, чѣмъ живутъ и какъ исполняютъ свои гражданскія обязанности.

3) Тѣ, кому отказано въ свидѣтельствѣ хорошаго гражданского поведенія (*civismе*).

4) Общественные служители, удаленные отъ должностей либо конвентомъ, либо его комиссарами.

5) Всѣ тѣ старинные дворяне (включая сюда мужей, женъ, отцовъ, матерей, сыновей и дочерей, братьевъ и сестеръ, и агентовъ эмигрантовъ), которые не постоянно являли приверженность революціи.

6) Всякій, кто выселился въ промежутокъ времени отъ 1-го іюля 1789 г. до объявленія закона 1-го апрѣля 1792, хотя бы онъ и вернулся въ срокъ, назначенный этимъ закономъ, или раньше ³⁾.

¹⁾ Châtelet—главное судебное учрежденіе въ Парижѣ, послѣ парламента. Оттого-то оно обыкновенно вступало въ борьбу съ правительствомъ, когда послѣднее успѣвало какъ-нибудь зажать ротъ парламенту. Ред.

²⁾ „...ceux, qui par leur conduite, leurs écrits ou leurs propos“ etc. У Гейссера (р. 445) выражено несовсѣмъ точно. Ред.

³⁾ Вотъ какъ комментировалъ Бареръ этотъ законъ: «Подозрительны дворяне! Подозрительны придворные и законовѣды! Подозрительны священники! Подозрительны банкиры, иностранцы, биржевые игроки! Подозрительны тотъ, кто жалуется на все, совершающееся въ революціи! Подозрительны тотъ, кого опечаливаютъ наши успѣхи:“ Ред.

ГЛАВА XVII.

Начало поры террора ¹⁾. Судъ надъ королевой и жирондистами (октябрь). Терроръ въ департаментахъ.

Война объявлена врагамъ террора. Машина приведена въ дѣйствіе. Работа можетъ начаться. Она открылась судомъ надъ королевой и жирондистами.

Въ тотъ же день, 3-го октября, постановили ихъ обвиненіе или, скорѣе, смертный приговоръ. Но утвержденіи обвинительнаго акта Амара противъ жиронды, выступилъ Бильо-Варенъ: „Остается принять еще одно рѣшеніе. Женщина, позоръ челоѳчества и своего пола, вдова Капета, должна, наконецъ, искупить на эшафотѣ свои злодѣянія“.

14-го октября явилась королева передъ трибуналомъ. Она посѣдѣла въ ту страшную ночь, когда вырвали у нея изъ объятій сына. Стоя теперь эмблемой печали. и все-таки гордая, непреклонная, передъ своими судьями, она производила потрясающее впечатлѣніе на каждаго. Дантонъ и Демуренъ желали, чтобы въ обращеніи съ нею были соблюдены хотя формы приличія; но этого не понимали и не хотѣли креатуры Робеспьера. Марія-Антуанета ни на одно мгновеніе не измѣнила своему достоинству. Съ холоднымъ спокойствіемъ отвѣчала она на вопросы. При грязныхъ же, низкихъ обвиненіяхъ Гебера, которыя заставили бы покраснѣть отъ стыда самую грубую торговку, она отвергивалась съ гордымъ презрѣніемъ. Три дня и три ночи длились пренія. Смертный приговоръ она выслушала, не измѣнившись въ лицѣ. Мужественно и безбоязненно вошла она на кровавые подмостки.

Въ день казни, Бареръ давалъ обѣдъ своимъ добрымъ друзьямъ, Робеспьеру да С. Жюсту. Говорили о процессѣ королевы и объ общемъ положеніи дѣлъ. Робеспьеръ заявилъ безпокойство по поводу большого числа враговъ, которыхъ предстояло казнить республикѣ. Вопли же презрѣнный Бареръ сказалъ: „Всѣ дворяне, всѣ священники, всѣ придворные и даже доктора — существа, несомѣстимыя съ равенствомъ“. С. Жюстъ посоѳтовалъ высылать вонъ цѣлыми массами подозрительныхъ всѣхъ классовъ, а Бареръ прибавилъ: „Можетъ быть, судно республики достигнетъ гавани не иначе, какъ по морю крови“. Робеспьеръ боялся, какъ бы

¹⁾ Thénard: Souvenirs de la terreur à Cambrai. 1860.—Gouvet: Mémoires.—Beugnot: Mémoires. I.

чрезмѣрное кровопролитіе не возмутило человѣческаго чувства. Съ другой стороны, думалъ онъ, ложная снисходительность къ сравнительно-небольшому числу виновныхъ не помѣшала бы мѣрамъ, необходимымъ для блага цѣлаго народа? Но мнѣнію Барера, во всякомъ случаѣ, слѣдовало начать съ членовъ учредительнаго собранія и съ вождей законодательнаго ¹⁾.

Такихъ образомъ, дошли до жирондистовъ.

Едва-ли когда-нибудь обвиненіе, измышленное съ цѣлью политическаго убійства, было такъ недовко, какъ это. Ихъ упрекали не въ томъ, что, какъ политическую ошибку, легко было вмѣнить имъ въ преступленіе, а въ томъ, чему они были чужды больше всѣхъ смертныхъ, — въ роялизмъ. Это было нелѣпо и заслуживало полной ироніи подсудимыхъ. Но, вѣдь, дѣло было не въ судѣ, а въ расправѣ палача. Такъ и поняли обвиненіе. Они не скупидись на выраженія своего неописаннаго презрѣнія къ сволочи, провозгласившей себя судьями надъ ними. Письма Верньо и Бриссо къ комитету общественнаго блага переполнены оскорбительными выходками противъ „трусовъ, продающихъ свою совѣсть и счастье республики ради спасенія популярности, которую они все-таки потеряли“. Они знали, что умрутъ, и во всей силѣ развивали свое аттическое остроуміе, чтобы хотя съ помощью этого оружія какъ можно дороже продать свою жизнь. И такъ были величественны мужество и хладнокровное презрѣніе къ смерти большинства изъ нихъ, что даже во время суда яacobинцы боялись дурного оборота дѣла и нашли пужнымъ, чтобы усилить давленіе на присяжныхъ, сократить охраняющія подсудимаго формы.

Но жирондисты держались ложной системы защиты. Они хвалились всѣми своими дѣяніями, съ сентября 1791 года до января 1793, которыя, по правдѣ, теперь уже не могли прославить ихъ, и отвергали все средства защиты, могшія искупить ихъ прегніе проступки. Декламации противъ „тирановъ“, усилія отстоять свое право на 10 августа представлялись довольно ничтожными послѣ того, какъ созрѣли плоды всѣхъ этихъ бѣдственныхныхъ событій. Слава жирондистовъ состояла въ поведеніи по смерти короля. А на это они, разумѣется, едва-ли могли добросовѣстно сослаться, не сознавшись въ предшествовавшихъ ошибкахъ. Между тѣмъ, задачей ихъ было оправдаться передъ потомствомъ, а не передъ жалкими судьями, сидѣвшими противъ нихъ. Въ остальномъ ихъ вездѣ побивали ихъ собственныя слова, точно такъ же, какъ

¹⁾ Barante III, 367.

самымъ сильнымъ свидѣтелемъ противъ нихъ былъ Пашъ, одна изъ ихъ креатуръ ¹⁾).

Во всѣхъ этихъ процессахъ вовсе нѣтъ того тона холодной, неумолимой неизбѣжности, который, въ нѣкоторомъ смыслѣ, лежитъ даже въ основаніи сентябрьскихъ убійствъ Давтона. Вездѣ чувствуешь скорѣе отвратительную древне-гальскую наглость, беззавѣтную жестокость, *vae victis!* Благороднаго Балъи, 70-лѣтняго старика, влекутъ на Марсово поле. Безчеловѣчная чернь бросаетъ въ него грязью и мучить его до полусмерти, прежде чѣмъ надастъ на него гильотина. То же испытала г-жа Роланъ, умершая съ такимъ же стоическимъ героизмомъ.

Въ обращеніи съ несчастными жертвами вездѣ видна одна и та же животная злость, звѣрская жажда мученій и крови. Фаталисты среди французскихъ историковъ стремятся представить все это нравственной необходимостью. Послушать ихъ, такъ это — жертвы, принесенныя Франціей своей свободѣ. Правда, это повело къ свободѣ, которой они теперь наслаждаются! Но не однимъ народомъ нельзя долго управлять посредствомъ убійствъ. Франція глубоко пала. Съ послѣдней, оставшейся у нея энергіей, она скорѣе бросилась въ объятія имперіи, чѣмъ дозволила дальнѣйшее господство террора.

Однимъ изъ самыхъ страшныхъ свидѣтельствъ рѣзни террористовъ останется навсегда приговоръ истребленія, произнесенный 12 октября конвентомъ надъ побѣжденнымъ, наконецъ, (9 октября) Лиономъ. Вотъ порученія, данныя чрезвычайной комиссіей изъ пяти членовъ для примѣрнаго наказанія реакціонеровъ: „Всѣхъ жителей Лиона обезоружить. Ихъ оружіе передать защитникамъ республики и отчасти лионскимъ патриотамъ, которыхъ притѣсняли богачи и враги революціи“. И здѣсь, стало-быть, прежде всего подняли вооруженный пролетаріатъ, какъ революціонную армію. Далѣе: „Городъ Лионъ разрушить. Всѣ жилища богатыхъ сравнять съ землей. Не оставить ничего, кромѣ дома бѣдняка, хижинъ задумевшихъ патриотовъ, удалій промышленности и памятниковъ, посвященныхъ челоуѣколюбію и общественному просвѣщенію... Имя Лиона вычеркивается изъ ряда республиканскихъ городовъ. Горсть уцѣлѣвшихъ домовъ будетъ впредь называться *villе affranchie* (освобожденный городъ). Среди лионскихъ развалинъ воздвигнуть колонну съ надписью: Лионъ погвадъ

¹⁾ Гаде (племянникъ) подробно описываетъ истинно потрясающія послѣднія судьбы опальныхъ и бѣжавшихъ жирондистовъ (Гаде, Бизо, Барбару, Летиона и др.): II, 376 вѣд., 454 вѣд., 489 вѣд. О его сочиненіи см. *Alary: Les Girondins par Guadet. Bord. 1863.* — Кромѣ самого Гаде, на эшафотъ ввели его престарѣлаго отца, брата, тетку, тестя, шурина и свояченицу.

противъ свободы—и Ліона не стало, которая будетъ свидѣтельствовать передъ потомствомъ о преступленіяхъ и наказаніи роялистовъ этого города“.

Фантазія превратитъ самый цвѣтущій, торговый и промышленный городъ Франціи въ деревню, окруженную грудой развалинъ, казалась слишкомъ безумной даже какому-нибудь Кутону. Онъ оттагивалъ исполненіе приговора. Пришлось, для осуществленія варварства, употребить такихъ людей, какъ развращенный актеръ Колло д'Эрбуа и фанатикъ Фуше. Они исполнили бы порученіе буквально, не будь линейныхъ войскъ, которымъ, наконецъ, надобли рѣзня и грабежъ революціонной арміи: они возмущались открыто и тѣмъ до нѣкоторой степени остановили разрушеніе. Но и то, что уже совершилось, было слишкомъ ужасно. До конца декабря было убито гильотиной и картечью около 6,000 человекъ. Цѣлыя улицы были сравнены съ землей. Системой безграничнаго грабежа и опустошенія было уничтожено на десятки лѣтъ благосостояніе богатаго торговаго мѣста. Позднѣйшія невыразимыя усилія Наполеона какъ бы волшебствомъ вызвать прежнее процвѣтаніе города имѣли мало успѣха.

Обоимъ палачамъ Ліона принадлежитъ извѣстный классическій документъ о цѣли революціи ¹⁾. Онъ начинается замѣчательными словами: „Дѣйствующимъ въ духѣ революціи все позволительно. У республиканца лишь одна опасность—отстать отъ законовъ республики. Предупреждая ихъ, превосходишь ихъ. Воображая, что опередилъ ихъ, часто еще и не догнаешь ихъ“. Въ другомъ мѣстѣ говорится: „Чтобы быть истиннымъ республиканцемъ, каждому гражданину надо пережить революцію въ самомъ себѣ. Его правила, его чувства, поступки, словомъ все пусть измѣнится въ немъ. Васъ притѣсняють—раздавите своихъ притѣснителей. Да не будетъ у васъ иного божества, кромѣ свободы, иной нравственности, кромѣ естественной“.

По этой-то системѣ хозяйничали во всей Франціи. Вездѣ грабежъ шелъ рука-объ-руку съ убійствомъ. Въ каждомъ городѣ былъ свой революціонный комитетъ и революціонная армія для исполненія его приказаній. Этотъ комитетъ получалъ отъ революціоннаго комиссара неограниченное полномочіе. Жизнь и собственность были безправны передъ разнузданной чернью. Ничья жизнь не была безопасна передъ ея кровожадностью, никакая собственность не была обезпечена передъ ея разбойничьимъ вторженіемъ.

„Я дивлюсь вашему затруднительному положенію,—писалъ Фуше шайкѣ преступниковъ, поселенныхъ имъ въ Муленъ, въ каче-

¹⁾ О немъ говорится у Барантъа, III, 408 стр. Зибеля, II, 427. О.

ствѣ революціоннаго комитета.—У васъ недостатокъ въ хлѣбѣ? Поднимите на ноги вашу революціонную армію; пошлите на ашафотъ вашихъ священниковъ и помѣщиковъ, если они сопротивляются поборамъ. У васъ нѣтъ жилищъ? Завладѣйте домами вашихъ илѣнныхъ подозрительныхъ. Короче, идите твердымъ, мужественнымъ шагомъ къ цѣли всеобщаго возрожденія“.

Такъ говорилъ позднѣйшій герцогъ Отранто. Въ то время никто не подозрѣвалъ, что онъ окончитъ свое поприще прославленнымъ оракуломъ европейской дипломатіи, украшенный орденами всѣхъ державъ.

Спеціальностью террористовъ по департаментамъ было фанатическое неистовство противъ католичества. Оно проявлялось въ превращеніи богослуженія, въ преслѣдованіи священниковъ, въ опустошеніи и упрядненіи церквей, въ поруганіи религіозныхъ обрядовъ и празднествъ.

И здѣсь впереди всѣхъ былъ Фуше. Въ Пизардіи Андрэ Дюмонъ хвалился своимъ приказаніемъ арестовать всѣхъ священниковъ, позволявшихъ себѣ праздновать воскресенье. Въ другомъ мѣстѣ, онъ отослалъ на монетный дворъ 400 иконъ и ни въ одной церкви не оставилъ ни куска свинца, мѣди, или серебра.

Циниченъ и наивенъ ихъ способъ сбора контрибуціи. Въ Бефорѣ одинъ облагается 7,000-ми франковъ, какъ *égoïste*, другой 1,000-ю фр., какъ *gentier modéré*. Въ Страсбургѣ съ хлѣбниковъ, этихъ „враговъ человечества“, взымается контрибуція въ 300,000; съ одного аптекаря, за слишкомъ дорогой ремень, взято 15,000 франковъ. Крестьяне въ департаментѣ Нижняго Рейна должны платить 4 милліона за свое желаніе слушать обѣдню только у старыхъ священниковъ. Такимъ образомъ, въ Буржѣ удалось въ два дня выжать два милліона; почти столько же въ Тулузѣ, гдѣ арестовали 1,500 человекъ. Марсель также доставила милліоны; 12,000 человекъ выселилось. И совершенно также поступали вездѣ. Цѣну всей добычи по этой разбойничьей системѣ полагаютъ въ 300—400 милліоновъ, а число всѣхъ арестованныхъ въ 200,000 слишкомъ ¹⁾.

Вопросъ, какъ далеко все это пойдетъ, возможно-ли долго такъ управлять Франціей, началъ теперь беспокоить даже такихъ людей, какъ Дантонъ и Демуленъ. При видѣ этихъ геватомбъ, которыхъ, какъ ежодневной жертвы свободѣ, требовали подонки паціи, возникало раздумье, не уничтожила бы эта политика самое себя. Такимъ образомъ, въ послѣдніе дни 1793 г. принимаются поворачивать назадъ. Это-то и было началомъ разложенія самой

¹⁾ Подробности см. у Зибеля, II, 421. О.

господствующей партіи, которое через $\frac{3}{4}$ года освободило, наконецъ, Францію отъ террора.

А какова была оборона страны отъ непріятеля, которую оправдывались тогда все ужасы и которая даже теперь многимъ французамъ представляется великимъ спасительнымъ дѣломъ террора?

У насъ есть самыя полныя свидѣтельства объ этомъ въ показаніяхъ лицъ, находившихся тогда въ войскѣ. Они единогласно говорятъ, что состояніе армій вопіяло къ небу противъ безмышленнаго хозяйничанья воровъ и мошенниковъ господствовавшей партіи. Все, что, наконецъ, было сдѣлано здѣсь, съ цѣлью внести свѣтъ въ неописанный хаосъ, совершено не терроромъ, а помимо него. Здѣсь было поприще, избранное великимъ организаторомъ, Карно, какъ только онъ вступилъ въ комитетъ общественнаго блага. Хладнокровно, не заботясь о правительствѣ, начинаеть онъ принимать мѣры къ вооруженію и оборонѣ Франціи. До ноября и начала декабря онъ былъ еще далеко не въ силахъ поступать по своему желанію. Правда, комиссары конвента стояли къ границамъ цѣлыя тысячи парода ¹⁾, но большинство ихъ разбѣгалось дорогой. такъ какъ имъ нечѣмъ было жить. Немногіе, доходившіе до мѣста, не находили ни оружія, ни производителей, ни аммуниціи, ни продовольствія. Не будь въ коалиціи правительственнаго разложенія, ея добрыя войска съ небольшими успіями разогнали бы эти толпы. Изъ новобранцевъ въ первые мѣсяцы дезертировало 40,000 человекъ: не было хлѣба для нихъ. Положеніе казалось отчаяннымъ каждому искреннему патріоту и возмутительнымъ каждому честному солдату, только не парижскимъ террористамъ. Они на каждую жалобу, по поводу очевиднаго вреда ихъ правленія, отвѣчали гильотиной.

Во главѣ войскъ, которые, по ихъ милости, гибли въ нищетѣ и своеволіи, они поставили благонамѣреннѣшихъ крикуновъ своего издѣлія. По устраненіи генераловъ-дворянъ, ихъ мѣста заняли не талантливые люди простаго званія, чувствовавшіе въ себѣ призваніе, а крестуры клубовъ, полководцы пикиперовъ, господа, за-

¹⁾ Здѣсь Оукенъ указываетъ на критику, которой подвергъ Зибель (II, 8 кн., 2 гл.) извѣстную биспу республиканцевъ о 14-ти арміяхъ, будто бы выставленныхъ тогда Франціей. Зибель, на основаніи парижскаго военнаго архива, доказываетъ, что: 1) армій было всего 11; 2) тутъ подъ арміями разумѣлись просто отряды тысячъ въ десять; 3) внослдствіи, чтобы пригнать лодж, изъ этихъ же „армій“ и нѣкоторыхъ гарнизоновъ составили 12-ую и 13-ую армію и присоединили существовавшую лишь на словахъ какую-то *armée intermédiaire*. Когда, при признаніи взятія Тулона, все арміи должны были прислать отъ себя депутатовъ, и тутъ оказалось, что двухъ изъ нихъ вовсе нѣтъ, въ программахъ торжества предшшо писали никогда не бывавши *armées du haut Rhin* и *armée révolutionnaire*! Ред.

служившіе рыцарскія ппюры, какъ Росиньоль, при темничныхъ убійствахъ 2 сентября. Во главѣ рейнской арміи стояли люди, забавно неспособные, въ родѣ того господина, который на военномъ совѣтѣ, послѣ глубокаго забытья, проговорилъ: „Надо всегда маршировать прямо сомкнутыми колоннами!“

Прошло много времени, прежде чѣмъ удалились эти господа и выдвинулись способныя личности. Но это было сдѣлано не господствующею партіей, у которой спасеніе отечества никогда не сходило съ языка, а помимо нея.

Первое распаденіе террора на партіи. Преступленія атеистовъ Клотса, Гебера, Шомета. Робеспьеръ противъ Enragés (21 ноября). Постановленіе конвента 6-го декабря.

Когда, въ сентябрѣ, были приняты рѣшенія, ставившія терроръ очереднымъ дѣломъ, господствующая партія казалась совершенно единодушной. Когда падали первыя жертвы, одна изъ ея частей уступила другой. Дантонъ допустилъ, чтобы взошли на эшафотъ жирондисты, во имя которыхъ нѣкогда было подъято знамя междоусобной войны. Зато Робеспьеръ дозволилъ поразить королеву, герцога Орлеанскаго и другихъ. Теперь совершалось то же, что во время проскрипцій Суллы и Антонія съ Октавіемъ, когда дѣлали взаимныя уступки даже въ головахъ казненныхъ.

Первыя серьезныя несогласія между террористами поднялись при вопросѣ объ отношеніяхъ къ христіанству.

Съ тѣмъ, что принадлежитъ къ высшимъ подмосткамъ церкви, къ припатымъ формамъ и обрядамъ, покончили быстро.

Уничтоженіе христіанскаго календаря ¹⁾ и христіанскихъ

1) Съ 22 септ.	до 22 окт.	Vendémiaire.
„ окт.	„ „ нояб.	Brimaire.
„ нояб.	„ „ дек.	Frimaire.
„ декаб.	„ „ янв.	Nivose.
„ „ янв.	„ „ февр.	Ventose.
„ „ февр.	„ „ марта	Pluviose.
„ „ марта	„ „ апр.	Germainal.
„ „ апр.	„ „ мая	Floréal.
„ „ мая	„ „ іюня	Prairial.
„ „ іюня	„ „ іюля	Messidor.
„ „ іюля	„ „ авг.	Thermidor.
„ „ авг.	„ „ септ.	Fru tidor.

Високосные дни называются Sansculottides. Они посвящены національнымъ праздникамъ: fêtes des Vertus, du Génie, du Travail, de l'Opinion, des Récompenses.

именъ не представило затрудненій. Замѣна перваго названіями мѣсяцевъ, заимствованными отъ временъ года, а вторыхъ—именами, взятыми изъ языческой древности, вполнѣ согласовалась съ господствовавшей страстью къ разрыву со всею исторіей. Чувствовали такое полное отчужденіе отъ прежняго развигія, что желали отдѣлаться отъ всякаго символа, напоминающаго его хоть однимъ словомъ или именемъ. Да, вѣдь, это и былъ единственный способъ покончить со стариной! Были бы рады, будь это возможно, однимъ декретомъ вычеркнуть все 17-тивѣковое прошлое. Но это трудно. Болѣе серьезный и глубокий вопросъ поднялся въ ту минуту, когда отдѣльныя личности изъ господствующей партіи начали истреблять послѣдніе остатки католической, или, скорѣе, христіанской религіи. Трудно было сказать, такъ-ли это легко, какъ воображали горячія головы въ клубахъ: допустить-ли масса французскаго народа отнять у себя распятіе и вѣру отцовъ столь же легко, какъ бросили ихъ парижскіе пролетаріи? Разумѣется, это еще не отвѣтъ, если какой-нибудь священникъ попроситъ измѣнить его имя Эразма въ Апостата (отступника) или если санкюоты de la Nièvre принесутъ серебряную утварь „съ престола своего Бога, своего бывшаго Господа“, и потребуютъ уничтожить католическое богослуженіе, замѣнивъ его культомъ нравственности.

Изъ школы матеріалистовъ XVIII вѣка было, разумѣется, немало людей, которые въ своемъ честномъ фанатизмѣ воображали, будто стоитъ вызвать голое безбожіе,—и въ мірѣ положено начало свободѣ. Во всякомъ случаѣ, замѣчательно и поучительно, что приверженцы этой новой секты, въ своей нетерпимости и безумномъ рвеніи къ обращенію, рѣшительно нисколько не уступали старому фанатизму священниковъ и средневѣковому духу преслѣдованія, отъ котораго, казалось, счастливо избавились. Они, скорѣе, далеко превзошли ихъ.

Однимъ изъ такихъ Enragés (бѣшеныхъ), какъ ихъ обыкновенно называли, былъ Анахарсисъ Клотъ. Мы имѣемъ сомнительное счастье быть его соотечественниками. Родомъ онъ изъ Пижперейнскаго Клевен. Онъ рано бросился въ крайнее направленіе, сперва какъ ораторъ челоѣческаго рода (такъ называлъ онъ себя), затѣмъ какъ „личный врагъ Іисуса“. Онъ безумствовалъ, какъ честный глупецъ, какъ ослѣпленный идеологъ. Онъ всею душой предался дѣлу, какъ это и свойственно честной нѣмецкой натурѣ. Онъ еще не представлялъ самаго дурного явленія: онъ, вѣдь, серьезно относился къ вопросу. Но за нимъ стояли другіе, которыхъ обыкновенно называли enfants du peuple (дѣти народа). Это—существа, которыя при всякомъ большомъ потрясеніи вышлестки-

ваются на поверхность, внося въ новое время неурядицу и испорченность старины. Они принадлежали отчасти къ тѣмъ кружкамъ, которые, при Людовикѣ XV, причислялись къ хорошему обществу. Они были вооружены нѣкоторымъ литературнымъ и свѣтскимъ образованіемъ и, какъ полуученные, сильно склонялись къ крайностямъ людей этого сорта. То были Ронсены, Шометы, Моморо, Геберы. Послѣдній — образецъ всего этого типа. У него достало наглости обвинить на судѣ Марію-Антуанету въ кровосмѣшеніи съ собственнымъ сыномъ. Геберъ былъ издателемъ ужаснаго журнала „Reve Duchesne“ и исправлѣйшимъ слугой палачей терроризма; но въ своей частной жизни представлялъ противоположность тому, чего слѣдовало бы ожидать отъ него. Это былъ совершенный джентльменъ, съ утонченнымъ, вкрадчивымъ обращеніемъ, остроумный весельчакъ мягкаго нрава, способный вечеромъ шировать съ тѣми аристократами, на которыхъ довесь утромъ¹⁾.

Верховнымъ жрецомъ религіозной и нравственной анархіи былъ развратный Шометъ. Послѣ очень нечистаго прошлаго, онъ, начиная съ 10-го августа, достигъ нѣкоторой славы, какъ уличный ораторъ и журналистъ, и, наконецъ, важнаго мѣста генеральнаго прокурора въ парижской общинѣ. Вотъ на кого падаетъ отвѣтственность за всѣ безумныя атеистическія предложенія ратуши! Онъ устроилъ дерзкую апотеозу гнуснаго Марата. Онъ организвалъ теперь атеистическіе праздники и публичныя поруганія христіанскаго культа. Ему принадлежить ученіе, выражающееся во фразѣ: „Разводъ—божество, охраняющее бракъ“. „Пастаетъ царство нравственности!“, сказалъ онъ, когда проповѣдовалъ о многоженствѣ. Слѣдующія слова, произнесенныя въ клубѣ, принадлежатъ одному изъ его приверженцевъ: „Пастунитъ время, когда любовь отца къ сыну и дѣтская любовь сына къ отцу будутъ называться, какъ посягательства на естественную свободу людей“.

Опьяненіе этихъ господъ—не единственныи случай сумасшествія. 1 поября одинъ церковнослужитель присылаетъ въ конвертѣ письмо, начинающееся такъ: „Граждане! Я поизъ, я приходскій священникъ, т. е. сумасбродъ“. Вслѣдъ затѣмъ является денуціація отъ парижской общины, подъ предводительствомъ Моморо. Ее сопровождаютъ такъ-называемыи парижскій епископъ съ своими викаріями и много священниковъ. Ораторъ говоритъ: „Руководимые Разумомъ, пришли мы сложить съ себя санъ, данный намъ суевѣріемъ. Этому великому примѣру послѣдуютъ наши товарищи“. Тутъ епископъ подтверждаетъ эти слова, и президентъ поздравляетъ великодушныхъ людей съ жертвой, возложенной ими на алтарь отечества:

¹⁾ Campardon, I, 736

„Вотъ истинное богослуженіе, приличное Высшему Существу! Вы достойны его“. Затѣмъ братскія объятія, при шумномъ восторгѣ. Тутъ и протестантскій пасторъ не отстаетъ въ благородномъ соревнованіи. Дня два спустя, является Сіейсъ, который во все время террора ничего не дѣлалъ, кромѣ того, что „жилъ“. Онъ объявляетъ, что теперь пришло желанное время господства Разума, и онъ никогда не зналъ другого культа, кромѣ свободы и равенства, никогда не держался другой религіи, кромѣ гуманности и любви къ отечеству: вотъ почему онъ точно также оставляетъ свое мѣсто.

Только Грегуаръ, фанатикъ-явсенистъ, громко и торжественно провозглашалъ себя христіаниномъ, какъ прежде, такъ и потомъ. „И не вижу повода,—говорилъ онъ,—отречься отъ того, что считалъ святыней во всю свою жизнь“ Но между духовенствомъ онъ одинъ поступалъ и говорилъ такъ.

Всему этому соотвѣтствовалъ слѣдующій случай въ конвентѣ. Всталъ Дюноаъ и воскликнулъ: „Какъ! Вы воображаете, что опрокинули троны, когда стоятъ еще алтари? Вамъ бы хотѣлось основать французскую республику съ другими алтарями, а не съ алтаремъ отечества, съ другими религіозными символами, а не съ деревьями свободы? Природа и Разумъ — вотъ мои боги. Да, я честно признаюсь: я богоотступникъ“.

Такимъ-то образомъ брали изъ церквей облаченія и священные сосуды и дарили ихъ туземцамъ да развратнымъ женщинамъ. Въ публичныхъ процессіяхъ иногда умышленно позорили все, что въ этой странѣ въ теченіе тысячелѣтій составляло религію и богослуженіе. Все, въ чемъ народъ привыкъ видѣть не вышность, а сущность своей святыни, безбожно попиралось ногами. Это произвело такое впечатлѣніе на массы, какого не ожидали парижане. И въ самомъ дѣлѣ, что же бы осталось, когда бы у нихъ уничтожили все, чему ихъ благочестивая вѣра или суевѣріе придали таинственную, чудесную силу? Когда грабили и низвергали изображения святыхъ, которымъ онѣ молились въ продолженіе столѣтій, когда разбрасывали и оскверняли мощи, у которыхъ онѣ просили исцѣленія отъ своихъ немощей, возникъ вопросъ: „Гдѣ же собственно истина, если уже ея нѣтъ и здѣсь? И кто апостолы этого новаго ученія? Не тѣ-ли самые, что носятся по странѣ, какъ разбойники и поджигатели?“ Много перенесли массы; многое допустили онѣ обратить въ прахъ,—именно все, что напоминало имъ о старомъ проклятомъ времени. По своему христіанству или того, что понималось подъ нимъ, онѣ не хотѣли отдать, тѣмъ болѣе, что почитатели ихъ вѣры были въ то же время низкіе преступники.

Департаменты ясно заявляли это настроеніе. Какъ даже Шаботамъ и Базирамъ было теперь страшно при мысли, не обрушились бы безмѣрные злодѣянія террористовъ на самихъ виновниковъ, такъ же непокойно становилось на душѣ и у руководителей, задумавшихъ управлять Франціей. Они пачали понимать, что это—самоубійство ихъ правленія.

Робеспьеръ до сихъ поръ не вмѣшивался въ дѣло. Его религія была нѣсколько разжиженный отваръ чувствительнаго рационализма Руссо. Что въ правленіи нельзя обойтись безъ религіи, это было ему ясно; но ему казалось столь же естественно—возможно больше разводнять ее, дать ей улетучиться. Онъ не атеистъ, а денетъ, и до нѣкоторой степени строгій. Но христіанство Откровенія и всѣ внѣшнія принадлежності церкви представлялись ему точно такъ же, какъ и атеистамъ, роскошью, ненужнымъ придаткомъ.

Безчинство гебертистовъ пришлось ему не по душѣ. Хотя въ религіозномъ отношеніи онъ былъ достаточно терпимъ, чтобы спокойно смотрѣть на него, пока оно было безвредно, однако онъ не хотѣлъ и не могъ допустить его подрывать въ корнѣ свое правленіе. Онъ видѣлъ, что оскверненіе церкви—не столько преступленіе въ старомъ смыслѣ, сколько ужасная ошибка, отчуждающая отъ него массы. Кромѣ того, онъ пресытился второстепенными орудіями, которыя считали себя теперь столь важными. Они исполнили свою обязанность и пачали мѣшать ему съ тѣхъ поръ, какъ стали распорядиться самовластно. Теперь они для него уже *engagés*, которымъ слѣдуетъ напомнить, что они не безсмертны, показать, что они—лишь передовые посты его войска, уже ненужные ему болѣе.

Такимъ образомъ, 21 ноября Робеспьеръ выступаетъ противъ нихъ съ одной изъ тѣхъ замѣчательныхъ рѣчей¹⁾, которыя онъ обыкновенно произносилъ въ якобинскомъ клубѣ подобно монологамъ: на нихъ никто не отвѣчалъ. Въ ней чрезвычайно ясно отражается его настроеніе.

Онъ спрашиваетъ: „Правда-ли, что фанатизмъ (священниковъ)—главная причина нашихъ страданій? Фанатизмъ! Онъ умираетъ, можно сказать, онъ умеръ“. Затѣмъ онъ нападетъ на людей, до той поры вовсе неизвѣстныхъ въ революціи, которые вдругъ стали изрекать великія слова, которые присвоиваютъ себѣ фальшивую популярность, увлекаютъ самихъ патріотовъ въ ложныя мѣры, поселяя между ними раздоръ. Они во имя свободы нарушаютъ свободу богослуженія и побиваютъ фанатизмъ новымъ фанатиз-

¹⁾ Hist. parlom. 30, 274 sqq.

момъ. Подъ предлогомъ уничтоженія суевѣрія, они изъ самаго атеизма создаютъ своего рода религію. Эти вещи всякій воленъ понимать, какъ ему угодно. Никто не можетъ вмѣнить своему ближнему въ преступленіе, если тотъ иначе думаетъ, чѣмъ онъ. Если бы даже это сдѣлалъ какой-нибудь законодатель или законодательное собраніе, его поступокъ былъ бы безсмысленъ.

„Пусть философъ строитъ свою мораль на иныхъ основаніяхъ, не общепринятыхъ; но насъ да сохранитъ Богъ отъ оскорбленія какъ этого священнаго побужденія, такъ и этого всеобщаго чувства, присущаго народамъ. Гдѣ геній, способный въ настоящую минуту замѣнить своими изобрѣтеніями ту великую идею, которая охраняетъ порядокъ общества и всѣ добродѣтели отдѣльнаго человѣка?“

Робеспьеръ не удовольствовался рѣчью, на которую клубъ осмѣлился отвѣчать повелѣніемъ закрыть всѣ церкви. 6 декабря, по старанію Дантона и Робеспьера, конвентъ постановилъ запретить всѣ враждебныя дѣйствія противъ свободы богослуженія. Тутъ безбожникамъ стало ясно, что они все еще не совсѣмъ угадали желанія Робеспьера. И вотъ, явился Геберъ съ заявленіемъ, что вышло недоразумѣніе, что онъ формально отрекается отъ атеизма, что въ своемъ журналѣ онъ проповѣдуетъ крестьянамъ чтеніе Библии, а на Христа смотритъ, какъ на основателя демократическихъ обществъ.

Противъ Клотса Робеспьеръ выступилъ лично 12 декабря. „Можемъ-ли мы,—сказалъ онъ въ якобинскомъ клубѣ,—видѣть патріота въ нѣмецкомъ баронѣ? Можемъ-ли считать санкюлотомъ человѣка, истребляющаго болѣе 100,000 ливровъ годового дохода? Итъ, французы, будемъ остерегаться иностранцевъ, желающихъ слыть еще лучшими патріотами, чѣмъ сами французы!“ Тутъ идетъ рядъ обвиненій противъ бѣднаго Клотса. Его упрекаютъ за его „orateur du genre humain“. Онъ-де пренебрегъ званіемъ гражданина Франціи и, вмѣсто того, захотѣлъ называться гражданиномъ міра. „Если бы онъ былъ хорошій французъ, да развѣ пожелалъ бы онъ, чтобы мы отважились на завоеваніе вселенной?“ А затѣмъ говорится объ его атеизмѣ, размножающемъ по всему свѣту враговъ Франціи, и, наконецъ, о его прусскомъ происхожденіи. „Парижъ кишитъ иностранцами, англичанами и австрійцами. Они сидятъ среди насъ, вмѣстѣ съ агентами Фридриха-Вильгельма... Клотъ пруссакъ... Я обрисовалъ вамъ его политическое прошлое... Произнесите приговоръ“.

Клотса вытолкнули изъ якобинскаго клуба. Это былъ первый шагъ къ гильотинѣ. Его единомышленники вскорѣ послѣдовали за нимъ тою же дорогой. Начались „очищенія“ клуба.

То былъ первый глубокой и важный раздоръ въ принципахъ между мастеромъ партіи и его работниками, которые, по его порученію, отваживались на самыя грязныя, самыя насильственные дѣла. О нихъ, разумѣется, можно было думать, что когда-нибудь они, пожалуй, сдѣлаютъ противъ него то, что такъ часто исполняли на службѣ у него.

Въ ту самую минуту, какъ возникъ серьезный разладъ между элементами, дотолѣ тѣсно связанными, сюда присоединился еще новый разрывъ съ другой стороны.

Перемѣна въ Дантонѣ и его первое столкновение съ Робеспьеромъ. *Le Vieux Cordelier* Демулена.

Дантонъ вернулся въ Парижъ. Со времени исключенія его изъ комитета общественнаго блага, у него не было ни официальнаго положенія, ни вліянія. Лишь изрѣдка слышались еще въ конвентѣ его громовыя рѣчи; но одобреніе ихъ становилось все слабѣе и слабѣе. Ими пресытились, да и ему надоѣлъ конвентъ. И вотъ, опъ уѣхалъ на свою родину, въ Арсисъ-сюр-Объ, женился на молодой красивой дѣвушкѣ и, казалось, намѣревался устроить себѣ тихую жизнь. Медовый мѣсяцъ переживалъ онъ въ счастливомъ уединеніи, веселый и довольный, словно вездѣ была весна. Опъ старался забыть о шумѣ вокругъ него и о крови, приставшей къ его рукамъ. Нѣкогда онъ одинъ, и прежде всѣхъ, провозгласилъ терроръ, безъ личной ненависти къ отдѣльнымъ лицамъ. „Примиритесь для великихъ насильственныхъ мѣръ! Дерзайте (*audace*), дерзайте, дерзайте!“ прокричалъ онъ съ безсовѣстностью практическаго человѣка, который думаетъ: когда нація разъединена до самой глубины, денартаметы возмутились противъ столицы, враги стоятъ на границахъ, тогда печего скунуться па кровь, тогда нужно схватить національную силу желѣзной рукой и раздавить все, что не поворачитса само. Дантонъ желалъ, исполнѣ желалъ этого, по больше ничего.

Ему были противны правильныя убійства безъ конца, подстереженіе талантовъ Франціи, одичалое бандитство. Хотя опъ и не любилъ Барнава, по разъ ему и нѣкоторымъ другимъ подалъ знакъ бѣжать отъ собственныхъ убійцъ. Теперь они сдѣлались первыми жертвами гильотины. А тутъ еще свирѣпствуетъ гнусная рѣзня въ Лионѣ, Аррасѣ, Юрѣ, Марсели, Тулонѣ, и т. д. Эти оргіи кровожадности были несправедливы ему. Къ тому же опъ не шутилъ,

когда сказать однажды: „Пусть клеймятъ позоромъ мое имя, лишь бы страна была свободна, т. е. независима отъ иностранцевъ“. А террористы оказались такъ ужасно неспособными къ веденію войны. Съ этимъ чувствомъ огорченія вернулся Дантонъ въ Парижъ. Ему все было отвратительно: и кровавая анархія комитетовъ, и диктатура глубоко презираемаго имъ Робеспьера, и собственное прошлое, возставившее передъ нимъ во всемъ ужасѣ этого настоящаго. Онъ былъ принужденъ сказать себѣ, что самъ указалъ тотъ путь, по которому теперь шли. Онъ содрогнулся передъ цѣлью, осуществленною не такъ, какъ онъ желалъ.

Поэтому-то интересны его первыя слова, сказанныя 26 ноября:

„Народъ желаетъ оставить терроръ очереднымъ дѣломъ. Но онъ точно также желаетъ, чтобы терроръ служилъ своей истинной цѣли, т. е. дѣйствовалъ противъ аристократовъ, эгоистовъ, заговорщиковъ, иностранныхъ вѣроломныхъ друзей. Народъ не хочетъ, чтобы и тотъ дрожалъ, кого природа не щедро надѣлила силой, но его своими средствами, какъ бы слабы опіи ни были, стремится служить отечеству“¹⁾... Слѣдующее затѣмъ изложеніе направлено преимущественно противъ гебертистовъ. Среди ужасной рѣзни цѣлыхъ недѣль, Дантонъ произнесъ предостереженіе своимъ могучимъ голосомъ. Уже привыкли къ ежедневному стуку смертоносной машины, словно иначе и быть не могло,—и вотъ, самъ сентябрскій убійца взываетъ къ кротости. Это озаботило Робеспьера больше, чѣмъ всѣ безчестія Клотсовъ и Геберовъ. Последніе были лишь орудіями: ихъ можно было отбросить. Теперь же рука сильнаго человѣка грозила переворотомъ. Съ нимъ слѣдовало обойтись осторожно: тамъ, на улицахъ, Дантона знали лучше, чѣмъ Робеспьера, который всегда показывался лишь въ четырехъ стѣнахъ совѣщательныхъ залъ. За этого противника надо было приняться искусно, тихонько. Робеспьеръ и сумѣлъ чрезвычайно осторожной рѣчью ослабить (25 декабря) въ яacobинскомъ клубѣ первое обвиненіе противъ Дантона. Но въ то же время онъ ясно высказалъ свое мнѣніе объ немъ.

Но и Демуленъ, съ другими друзьями Дантона, въ свою очередь, почувствовали необходимость положить предѣлъ ужаснымъ продолжавшимъ послѣднихъ недѣль. Та же сильная ненависть къ старому порядку вещей, которая руководила Дантономъ, привела Демулена, не столь порочнаго какъ онъ, къ крайней лѣвой сторонѣ движенія. Но теперь онъ увидѣлъ, что его идеалы лежатъ погнанные въ грязи. Онъ вздохнулъ свободно при возвращеніи Дан-

¹⁾ Дальнѣйшія слова все еще пропитаны духомъ террора. Ихъ цѣлью было уничтожить подозрительность горы. 0.

тона и, какъ записной журналистъ, быстро нашелъ лучшее средство вернуться на прежнюю дорогу. Дѣло было такъ.

За нѣсколько недѣль до бури противъ атеистовъ, Шометь издалъ, помѣченное 10-мъ октября, опредѣленіе слова Suspect (подозрительный). Его припаяли вездѣ, какъ достовѣрное объясненіе этого понятія. Вотъ оно. „Подозрителемъ тотъ, кто въ собраніяхъ народа старается искусственными рѣчами, бурнымъ крикомъ и ропотомъ сдержатъ его энергію; кто искусствѣе, чѣмъ эти собранія, и съ притворнымъ сожалѣніемъ ведетъ тайственные рѣчи о страданіяхъ республики; кто, смотря по событіямъ, мѣняетъ поведеніе и слова; кто, безмолствуя при преступленіяхъ роялистовъ и федералистовъ, усиленно ругаетъ противъ небольшихъ ошибокъ патриотовъ; кто, желая слыть республиканцемъ, выказываетъ заученную строгость и непреклонность, но тотчасъ же уступаетъ, какъ только дѣло пойдетъ объ умѣренномъ или аристократѣ; кто жалѣетъ корыстолюбивыхъ отступниковъ и кушцовъ, противъ которыхъ законъ былъ принужденъ принять строгія мѣры; кто не принималъ участія ни въ чемъ, касающемся революціи; кто равнодушно отнесся къ республиканской конституціи и обнаружилъ неосновательныя опасенія за ея существованіе; кто хотя бы и ничего не сдѣлалъ противъ свободы, но ничего также и въ пользу нея; кто не посѣщалъ секцій и отговаривался занятіями“, и т. д.

Противъ всѣхъ этихъ продѣлокъ ¹⁾ Демудепъ сталъ издавать теперь журналъ, который называлъ *Le Vieux Cordelier*, связывая его этимъ именемъ съ бывшимъ клубомъ, въ которому онъ принадлежалъ вмѣстѣ съ Дантономъ. Журналъ этотъ былъ полонъ ума, остротъ, ядовитой сатиры, и надѣлалъ чрезвычайно много шума. Изъ всѣхъ ежедневныхъ газетъ его справедливо нашли достойнымъ влючить въ литературные памятники революціи.

Первый номеръ (январь 1794 г.) требовалъ, указывая на Англію, возвращенія поиррапаго права свободной печати. „Годъ тому назадъ, мы смѣялись надъ мнимой свободой англичанъ, не дающей имъ неограниченной свободы печати. Каково же теперь положеніе Франціи, сравнительно съ Англіей? Гдѣ французскій журналистъ, который осмѣлился бы говорить о глухостяхъ нашихъ комитетовъ, генераловъ и якоинцевъ такъ, какъ *Morning Chronicle* Питта? Неужели я, французъ, Камиль Демудепъ, не могу быть такъ же свободенъ, какъ англійскій журналистъ?“

¹⁾ По мнѣнію Забѣла (II, 451), эти продѣлки относятся къ числу маневровъ, которые употреблялъ тогда Робеспьеръ, чтобы окончательно уничтожить въ общественномъ мнѣніи ратушу, уже подчиненную имъ (4 декабря) комитету и затѣмъ побитую въ лицѣ гебертистовъ. О.

Второй номеръ направленъ противъ атеистовъ. Третій осмѣиваетъ извѣстное ученіе о понятіи *Suspect*, извѣтливо пародируя выдержки изъ Тацита. Тутъ говорится: „Популярень-ли гражданинъ,—онъ соперникъ государя, способный возбудить междоусобную войну (*si studia civium in se verteret et si multi idem audeant, bellum esse*): онъ подозрителенъ. Наоборотъ. Избѣгаешь ли онъ популярности и сидитъ въ углу у своего очага,—уже это уединеніе бросается въ глаза и привлекаетъ вниманіе другихъ (*quanto metu occultior, tanto fama adeptus*): онъ подозрителенъ. Богатъ ты,—угрожаетъ опасность, какъ бы ты не поддупилъ своими деньгами народъ (*augi vim atque opes Plauti principi infensas*): ты подозрителенъ. Бѣденъ,—никто столь не предприимчивъ, какъ немущій (*Syllam inopem, unde praecipuam audaciam*): ты подозрителенъ. Ты философъ, ораторъ, или поэтъ,—блескъ твоего имени опасенъ (*Virginium et Rufum claritudo nominis*): ты подозрителенъ“, и т. д. ¹⁾.

То былъ ударъ кинжала не массамъ,—имъ недоступна странная иронія Тацита,—а предводителямъ. И такіе удары наносилъ своимъ перомъ человекъ, который когда-то пламенно восхвалялъ владѣтельство террора и прошелъ, хотя лично незанятнанный, черезъ рядъ ужасныхъ дѣлъ. Впечатлѣніе отъ этого журнала должно было внести расколъ въ господствующую партію.

Низверженіе и казнь гебертистовъ и дантонистовъ (мартъ и апрѣль 1794 года).

Самымъ большимъ мѣстомъ парижскаго правительства было, какъ мы уже видѣли, управленіе арміями. Пока длился терроръ, дѣятельность правительства существенно проявлялась въ выталкиваніи старыхъ генераловъ, въ многочисленныхъ отставкахъ подозрительныхъ офицеровъ, которыхъ можно было назвать истинными гениями сравнительно съ ихъ преемниками, избранными изъ сора влюбовъ. Всѣ способные судить свидѣтели, безъ различія политическаго цвѣта партій, говорятъ одинаково о томъ, какъ эти послѣдніе, съ свитой подлыхъ доносчиковъ столицы, хозяйничали въ войскѣ. Только послѣ самыхъ горькихъ опытовъ, которыхъ, наконецъ, не могъ уже перетолковать предразсудокъ оружья, была введена постепенно другая система: таланты стали выдвигаться,

¹⁾ Барантъ (IV, 71—89) подробно говорятъ объ этомъ журналѣ и объ оказанномъ ему приѣмѣ. О.

а неспособные фигуранты отходить на задній планъ. Теперь во главѣ войскъ появились очень молодые, неопытные, но даровитые вожди. Уже самымъ принятіемъ начальства они представляли немаловажное доказательство своей храбрости: всякое предводительство было опаснымъ дѣломъ, малѣйшая неудача считалась преступленіемъ, заслуживающимъ смерть. 17-ти и 22-лѣтніе юноши, за которыхъ пришлось теперь ухватиться, относились къ этому легче разсудительныхъ мужей. Такъ-то образовали извѣстную Мозель-рейнскую армію, подъ предводительствомъ генерала Гоша (Гоше, род. 1768 г.),—юноши, окруженнаго такимъ же молодымъ генеральнымъ штабомъ. Этому даровитому вождю, которому на этотъ разъ подчинили Пиннегрю, удалось, 26 декабря, взять приступомъ Вейссенбургскую линію и отбросить за Рейнъ императорскую армію, бывшую подъ начальствомъ Вурмзера. Въ то же время достигли важнаго успѣха на югѣ: другой молоденькій предводитель, Бонапартъ, взялъ Тулонъ.

Поворотъ въ судьбѣ французскаго оружія, начавшійся въ сентябрѣ и въ октябрѣ (1793 г.) успѣхами на сѣверѣ, при Хондскотѣ (предводительствовалъ Гушаръ) и при Ваттиньи (Журданъ), получилъ къ концу года блестящее завершеніе на востокѣ и югѣ.

Но въ Вандей ни на шагъ не подвинулись впередъ. Тутъ противъ самаго храбраго и ожесточеннаго врага стояли самыя жалкіе и безголовые предводители. Росиньоли и Лешели не умѣли ни одерживать побѣдъ, ни возстановлять мира. Они считали себя палачами и поджигателями въ опустошительной войнѣ. Въ своихъ донесеніяхъ они сообщали лишь о дѣяніяхъ трусливой мести въ мѣстностяхъ, повинутыхъ воинственнымъ врагомъ. Они расписывали только, какъ несчастная провинція дымятся кровью, покрыта трупами, походитъ на тлѣющую гору пенла, — „поразительный примѣръ національнаго правосудія“. Чтобы нанести, наконецъ, сильный ударъ, туда отправили, съ тремя другими войсками, армію, столь храбро сражавшуюся при Майнцѣ. Въ лицѣ Клебера, Марсо, Вестермана, явились свѣжіе элементы въ этой жалкой работѣ, по вмѣстѣ съ тѣмъ и свидѣтели страшныхъ злодѣяній, обвинители совершавшихъ ихъ вождей. А этого до сихъ поръ никто не осмѣливался вывести на свѣтъ Божій. Общій другъ Вестермана и Даптона, членъ конвента, Филиппо, принесъ въ Парижъ извѣстіе о вандейскихъ дѣлахъ. Онъ сообщилъ о позорномъ управленіи и злоупотребленіи войсками, о варварскомъ раззореніи страны. Онъ безпрестанно описывалъ ужасные поступки генераловъ, ихъ корыстолюбіе и неспособность, ихъ трусливыя, грубыя убійства беззащитныхъ, между тѣмъ какъ на полѣ битвы они предоставляли дѣлать все другимъ.

Эти жалобы и ихъ опроверженіе волновали всѣ парижскіе кружки, начиная съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1793 года. Добрые друзья Росинболей и Лешелей не давали, разумѣется, пасть своимъ любимцамъ; и вотъ, въ якобинскомъ клубѣ разразилась буря среди дантонистовъ и гебертистовъ. Ей суждено было окончиться кровавою катастрофой. Это вывело Робеспьера изъ большаго затрудненія. Ему хотѣлось избавиться отъ обоихъ противниковъ. Ихъ поединокъ какъ нельзя лучше помогаль его плану.

Бареръ, который сталъ теперь подлѣе и презрѣннѣе, чѣмъ когда-либо, неутомимо мѣняя цвѣта, смотря по состоянію дѣлъ, представляетъ, въ одинъ прекрасный день, докладъ, гдѣ, между прочимъ, говорится: «Объявляю открыто и рѣшительно, что нѣкоторые писатели неумышленно и невольно только и дѣлаютъ, что способствуютъ разжиганію революціонныхъ страстей и оживленію правъ королевской власти», и т. д. Это было первымъ знакомъ того, что печать Демулена начала уже не нравиться во вліятельныхъ сферахъ; а ему самому этимъ давалось понять, что пора или преклониться, или приготовиться къ исключенію. Но Демулень не понялъ, или не хотѣлъ понять намека. Его газетка продолжала появляться черезъ каждые пять дней, и въ ней онъ даже самъ началъ на Барера.

25-го декабря явился Робеспьеръ съ рѣчью, которая, по обыкновенію, начиналась общими разсужденіями и оканчивалась спеціальнымъ обвиненіемъ. О преніяхъ по такимъ заявленіямъ уже печего было и толковать. Конвентъ сталъ нѣмымъ. Робеспьеръ съ С. Жюстомъ одни произносили монологи, которые спокойно выслушивались всѣми и молча принимались.

Въ настоящемъ случаѣ, Робеспьеръ говорилъ сперва о теоріи революціоннаго правленія, а затѣмъ выступилъ противъ дантонистовъ и гебертистовъ. „Приходится направлять корабль между двумя подводными камнями. Одинъ называется слабостью, другой неистовствомъ. Съ одной стороны модерантизмъ, съ другой — излишество. Модерантизмъ такъ же относится къ умѣренности, какъ импотенція къ цѣломудрію, а излишество столь же похоже на анергію, какъ водянка на здоровье. Обѣ крайности ведутъ къ одной и той же цѣли“. Затѣмъ Робеспьеръ показалъ совершенно ясно, что подъ модерантизмомъ онъ подразумѣваетъ Дантона и Демулена съ приверженцами, а подъ излишествомъ — Гебера, Клотса и атеистовъ.

И вотъ, когда поднялся споръ между дантонистами и гебертистами, онъ вмѣшался въ него, но не какъ союзникъ тѣхъ или другихъ, а какъ судья ихъ всѣхъ. Только съ дантонистами онъ больше, чѣмъ съ другими, находилъ нужной нѣкоторую осторожность. „Объ-

являю, — говорилъ онъ въ одной рѣчи, — истиннымъ монтанья-рамъ, что побѣда въ ихъ рукахъ и что осталось лишь раздавить двухъ-трехъ змѣй“. Но когда, нѣсколько дней спустя, одинъ господинъ (Фабръ д'Эглантинъ) воскликнулъ въ якобинскомъ клубѣ: „На гильотину!“ Робеспьеръ приказалъ выгнать нескромнаго крикуна. Еще рано было.

Рѣчь Робеспьера, 5-го февраля, „объ основаніяхъ политической нравственности“ была новымъ шагомъ на начатомъ пути. И здѣсь общія разсужденія сходятся въ одномъ остріѣ, направляемомъ противъ враговъ направо и налево. „Мы желаемъ порядка вещей, гдѣ скрываются всѣ низкія и жестокія страсти, а всѣ благородныя и благодѣтельные свойства возбуждаются закономъ. Мы хотимъ изгнать изъ нашей страны эгоизмъ—нравственностью. привичку—убѣжденіями, моду—господствомъ разума“, и т. д. Основной законъ новой формы государства — добродѣтель, когда оно наслаждается миромъ, и страхъ врагамъ *citra* и *ultra* (внутреннимъ и внѣшнимъ), когда оно борется за свое существованіе. Тутъ слѣдуютъ обычные обвиненія, и самыя сильныя изъ нихъ противъ гебертистовъ. Въ этомъ же смыслѣ говорилъ 26-го февраля С. Жю стъ. „Я безпощаденъ къ врагамъ моей страны. Я знаю только справедливость. Справедливость же—не мягкость, а строгость. Во Франціи есть политическая секта, играющая во всѣ масти. Говорятъ ей о страхѣ, она желаетъ мягкости; становятся мягкими, она прославляетъ страхъ. Ей хочется блаженствовать и наслаждаться. Тотъ, кто совершаетъ революцію вполовину, самъ себѣ роетъ могилу“.

Такимъ образомъ, разладъ медленно и постепенно доходитъ до явнаго разрыва. Горячія сцены и враждебныя выходы смѣняются моментами обманчиваго примиренія, при которомъ нѣтъ недостатка въ обѣтахъ и Іудиныхъ поцѣлуяхъ. Слѣдовало обезопасить себя отъ Дантона, такъ какъ онъ дивій, страшный человекъ. Какъ онъ уже ни изолированъ, но, въ крайности, онъ можетъ отважиться на что-нибудь и произвести на массы свое чарующее дѣйствіе. Если бы Дантонъ рѣшился на открытый поединокъ съ Робеспьеромъ, исходъ едва-ли былъ бы сомнителенъ. Но онъ этого не хотѣлъ. Именно теперь въ немъ была странная смѣсь чувствъ, непонятная безпечность и конвульсивное содроганіе при одной мысли объ арестѣ. У него повсюду были надежныя шпіоны. Они предостерегали его и каждый день приносили новости; но его самоувѣренность была непоколебима. „Онъ (т. е. Робеспьеръ), не отважится на это“, повторилъ Дантонъ своимъ озабоченнымъ друзьямъ, и даже въ послѣднее время заявлялъ еще: „Не вѣрю этому! Я бы зубами растерзалъ парня, если бы у него была хоть одна мысль объ этомъ“. Лишь два пути оставались Дантону: или бѣжать, или употребить

противъ враговъ возмущеніе массъ. На совѣтъ бѣжать, онъ возразилъ: „Да, еслибъ только можно было на подошвахъ унести съ собою отечество“. А отважиться на возстаніе, по его мнѣнію, уже не стоило труда. Онъ пересталъ дорожить жизнью. Онъ чувствовалъ тошноту отъ пресыщенія своимъ прошлымъ, да къ тому же и сомнѣвался въ возможности даже счастливымъ возстаніемъ пересѣчь дорогу революціи. Онъ вѣрилъ въ роковую необходимость завершить ей свой путь, хотя бы ей пришлось перешагнуть черезъ него. Прежде онъ помышлялъ о мирѣ съ иностранными державами, о соглашеніи съ Пруссіей и Австріей. Депутатъ Гофманъ, представитель Майнца въ конвентѣ, самъ подтвердилъ мнѣ, что именно таковъ былъ планъ Дантона, который и поручилъ ему даже посредничество. Теперь и это исчезло. Отъ этой политики Дантонъ уже ничего не ожидалъ для себя въ будущемъ.

15-го марта внезапно произошелъ арестъ „бѣшенных“ (Engagés), а 17-го—Геро-де-Сешеля, друга Дантона. На последнемъ рѣшились испытать, хочеть-ли и можетъ-ли сдѣлать еще что-нибудь Дантонъ для своихъ друзей. Если онъ останется спокойнымъ, то ужъ не ускользнуть ему. Дантонъ не пошевелился. Въ ночь 31 марта напали на него самого. Окружили дома дантонистскихъ вождей и арестовали Дантона, Демулена, Лакруа, Филиппо ¹⁾).

При вѣсти объ этомъ происшествіи, въ конвентѣ впервые раздался громко болѣзненный крикъ, который давно уже можно было подслушать. Какъ ни онѣмѣло собраніе, у Лежандра, столь же сильнаго приверженца Дантона, какъ и Сантеръ, достало мужества говорить въ его пользу. Этого еще никогда не случалось. Съ паденія жиронды о смерти важныхъ людей не проронили ни слова. Теперь слѣдовало быстро и рѣшительно задуть первую попытку конвента къ проявленію самостоятельной жизни. Робеспьеръ бросился на трибуну и, при громкомъ одобреніи собранія, сказалъ: „Не думаетъ-ли Лежандръ, что съ именемъ Дантона соединена какая-нибудь привилегія? Нѣтъ, намъ не нужно привилегій! Нѣтъ, намъ не нужно идоловъ!“ Процессъ „бѣшенныхъ“ былъ легковъ. Они старались вывернуться съ помощью лжи: такъ были они жалки и ничтожны! Они оказались еще недостойнѣе своихъ судей и этимъ окончательно проиграли дѣло. Для одобренія ихъ казни въ первый разъ обончательно закричали: „Теперь, кажется, показаль-таки себя Богъ, котораго вы отвергли“.

¹⁾ Barante, IV, 179 sqq.—Campardon, I, 346 sqq.—Wachsmuth, II, 291. sqq.

Дрожа, трусливо умерли эти убійцы, хваставшіе собственно-ручнымъ избіеніемъ 82-хъ священниковъ (24 марта).

Совершенно не такова была смерть Дантона и его друзей. Отважно и самонадѣянно выступили они передъ барьеромъ, такъ что сами судьи задрожали. Это былъ первый процессъ съ сомнительнымъ исходомъ. Во время судопроизводства они держались смѣло, дерзко до наглости. Они выказали еще большее пренебреженіе, вели себя безобразнѣе, чѣмъ обыкновенно бывало въ этомъ судилищѣ. Они были далеки отъ всякаго страха; они были полны ненависти, неповиновенія и презрѣнія къ своимъ судьямъ и въ тѣмъ, что стояли за ними. Даже такіе судьи, какъ эти, едва не потеряли присутствія духа.

Когда Дантону предложили обычные вопросы, онъ отвѣчалъ: „Мое имя въ Пантеонѣ исторіи; моимъ обиталищемъ скоро будетъ ничто“. При своей защитѣ онъ сказалъ: „Голосомъ, часто раздававшимся за дѣло народа, мнѣ ничего не стоитъ опровергнуть клевету. У трусовъ, которые чернятъ меня, хватитъ-ли духу напасть на меня отертыто? Пусть они покажутся, и я покрою ихъ заслуженнымъ позоромъ... Вотъ моя голова. Она во всемъ порука. Жизнь мнѣ въ тягость. Мнѣ хочется избавиться отъ нея“. Когда президентъ прервалъ его звонкомъ, онъ сказалъ: „Голосъ человека, защищающаго свою жизнь, заглушить твой звонъ“.

Подсудимые потребовали очной ставки съ Робеспьеромъ, С. Жюстомъ и Кутономъ. Они вели себя столь безчинно, что Фуке-Тенвиль былъ принужденъ написать триумвирамъ. Тѣ поставили въ конвентѣ, что всякій заговорщикъ, сопротивляющійся національному правосудію или издѣвающійся надъ нимъ, немедленно теряетъ право слова. Обвиненные дѣйствительно довели своихъ судей до отчаянія. Одному изъ нихъ Демуленъ швырнулъ въ голову своимъ защитительнымъ сочиненіемъ; Дантонъ и Лавруа сыпали вокругъ себя дикія ругательства. Это произвело впечатлѣніе, какъ въ судѣ, такъ и внѣ его. Наемные крикуны въ конвентѣ молчали. Густыя толпы пролетаріевъ, слушавшія въ аданіи и на улицѣ, начали терять спокойствіе. Поколебались и присяжные. Четверо изъ нихъ высказались за оправданіе; но Давидъ пригрозилъ имъ доносомъ,—и такимъ образомъ насильно былъ вынужденъ обвинительный приговоръ.

Осужденныхъ вывели такъ же, какъ и многихъ другихъ: арѣлище было обыкновенное. Но, со смерти короля, никогда еще нагрозно не народа не было такъ подавлено и тягостно, какъ теперь. Всемъ думалось: если ужъ это тѣ не безопасны, то кто же? Дантонъ шелъ навстрѣчу смерти, какъ сытый сластолюбецъ. „Что въ томъ,—сказалъ онъ,—что я умираю? Я хорошо пожилъ въ револю-

цію: много промоталъ денегъ, порядкомъ повутилъ, обнималъ много дѣвицъ. А теперь спать!“ Проѣзжая мимо дома Робеспьера, онъ восклинулъ: „Ты послѣдуешь за нами. Сроютъ твой домъ и на его мѣстѣ насыплютъ солью“. Когда, у гильотины, наемные крикуны рывнули одобительно, Дантонъ закричалъ громовымъ голосомъ: „Молчать, неблагодарный народъ! Ты видишь смерть республиканца“. А палачу онъ замѣтилъ: „Довольно одного ремня; другой побереги для Робеспьера“.

Такъ умеръ Дантонъ, 5 апрѣля 1794 года. Въ самое утро казни жандармскій начальникъ предлагалъ ему отбить его съ помощью своихъ солдатъ; но Дантонъ возразилъ: „Слишкомъ поздно. Дайте мнѣ умереть. Пусть не проливается крови изъ-за меня“...

ГЛАВА XVIII.

Государственный идеаль С. Жюста. Робеспьеръ и Верховное Существо. 22-е преріаля (10-е іюня). *Grandes tournées*.

Терроризмъ избавился отъ послѣднихъ враговъ, которые, по словамъ Робеспьера, мѣшали ему развиться въ совершенной чистотѣ: II „модерантизмъ“, и „излишество“ погибли на кровавыхъ подмосткахъ. Теперь слѣдовало показать, на что способна здравая средина. Чего собственно желали террористы, видно уже изъ ихъ прежней дѣятельности. Дѣло шло о томъ, чтобы, по готовой доктринѣ, перестроить и перекроить французское общество, прежде всего создать народъ для новаго порядка, а не наоборотъ. Систематическій терроръ долженъ былъ послужить кровавымъ средствомъ для поваго блаженства. слѣдовало быть закоренѣлымъ фанатикомъ, чтобы, разсматривая это средство вблизи, вѣрить, будто оно поведетъ къ цѣли.

Почти годъ стонала Франція подъ управленіемъ, подобнаго которому не видывалъ міръ. Не было уже ни суда, ни администраціи, кромѣ революціонныхъ комитетовъ да поборовъ. Не было ни личной безопасности, ни собственности, ни торговли; нельзя было существовать иначе, какъ въ кругу и подъ покровительствомъ вооруженныхъ пролетаріевъ, которые безъ мѣры и границъ изгоняли, умерщвляли своихъ согражданъ и брали съ нихъ контрибуціи. Частица націи съ несдыхающимъ пасиліемъ стала во главѣ общества. Этотъ вооруженный пролетаріатъ былъ единственной организованной силой въ нѣдрахъ республики. А его единствен-

нимъ идеаломъ было кормленіе на счетъ государства, удовлетвореніе всѣхъ страстей на счетъ остального общества.

На этомъ-то фундаментѣ, съ помощью этихъ-то Бильо, Кутонвь, Коло, Фувь-Тенвилей, предстояло воздвигнуть господство „добродѣтели“ и „честности“ (*vertu et probité*) Робеспьера и С. Жюста.

Робеспьеръ съ С. Жюстомъ не сомнѣвались въ успѣхѣхъ. Они рѣшились на всякое дальнѣйшее кровопролитіе, если бы оно оказалось нужнымъ для введенія новаго порядка.

Самымъ даровитымъ изъ всѣхъ, выставленныхъ партіей чистаго террора, былъ С. Жюсть ¹⁾. Одинъ онъ оставилъ намъ обширныя письменныя свидѣтельства, изъ которыхъ видно, чего и какъ онъ желалъ. Онъ, во всякомъ случаѣ, замѣчательное явленіе. Едва достигнувъ 27 лѣтъ отъ роду, онъ уже занялъ чуть-ли не самое выдающееся положеніе въ этомъ хаосѣ. Съ преданностью ученика преклонялся онъ передъ учителемъ, Робеспьеромъ; но онъ даровитѣе его, богаче идеями, тверже по характеру и чище по натурѣ. С. Жюсть—вполнѣ дитя этой революціи. Только-что выйдя, въ началѣ ея, изъ перваго юношескаго возраста (род. 1768 г.), онъ, со всѣмъ жаромъ впечатлительной природы и съ энергіей жѣлѣзной воли, принимаетъ участіе въ дѣлахъ. Это—типъ демократической молодежи 1790 и 91 годовъ, которая считала отжившей точку зрѣнія конституціоннаго большинства въ національномъ собраніи и лишь теперь видѣла начало истинной революціи. Уже въ 1790 г. пишетъ онъ, 22-лѣтній юноша, къ незнакомому ему лично Робеспьеру письмо, полное восторга. Это—крайне замѣчательный документъ. Въ то время, когда Робеспьеръ стоялъ въ собраніи еще вполнѣ особнякомъ, когда онъ, по большей части, среди насмѣшекъ и ропота, едва могъ оканчивать свои рѣчи, молоденькій С. Жюсть увѣряетъ его: „Я васъ не знаю, но вы великій человѣкъ. Вы не депутатъ какой-нибудь провинціи: вы—депутатъ челоуѣчества и республики“.

Въ 1791 г., по завершеніи первой конституціи, выступаетъ С. Жюсть, какъ писатель, съ сочиненіемъ: „*Esprit de la révolution et de la constitution de France*“. Здѣсь еще сохраняется монархія; что же касается конституціи, то она принимается, какъ небольшой задатокъ, приличный лишь первой, несовершенной степени революціи. Первую длинную рѣчь С. Жюсть произнесъ при процессѣ короля. Въ пей, съ холодною послѣдовательностью, выстав-

¹⁾ Документы, относящіеся къ нему, см. въ *Hist. parlem. V, 269 sqq.*—Ernest Hamel: *Histoire de St. Juste. 2 vls.* (Это — апологія; авторъ — демократъ).

ляется слѣдующее ученіе: на короля должно смотрѣть, какъ на обезоруженнаго врага; его нужно судить не по законамъ, существующимъ для гражданъ, а по международному праву; голова Людовика должна пасть, чтобы основалась республика. С. Жюсть говорилъ это безъ всякаго чувства ненависти къ особѣ короля, съ упорною неумолимостью послѣдовательнаго фанатика. Такое начало быстро выдвинуло его изъ ряда множества неизвѣстныхъ, явившихся въ конвентъ. Даже одна жирондистская газета признала въ немъ новый многообѣщающій талантъ.

С. Жюсть, какъ и Робеспьеръ, воспитался на сочиненіяхъ Руссо. „Contrat social“ былъ его Евангелиемъ; осуществить его было идеей его жизни. Это мировоззрѣніе вошло въ его плоть и кровь. Онъ говорилъ и жилъ, какъ его пророкъ и жрецъ. Въ его словахъ есть нѣчто, напоминающее оракула; отсюда и его прозвище: „—апикалиписическій“. Къ этому присоединялась непреклонная энергія воли и полная недоступность для всякаго другого убѣжденія. Но, какъ каждый честный и вмѣстѣ съ тѣмъ даровитый фанатикъ, онъ былъ какъ бы созданъ для образованія секты, и лишь для ея системы исключительно жилъ и трудился. Личныхъ страстей у него не было. Онъ шелъ путемъ своей системы черезъ потоки крови, ибо этому, по его мнѣнію, такъ и слѣдовало быть; но онъ былъ вполнѣ чуждъ низкимъ преступленіямъ и позорной жажды убійствъ изъ личной мести. Во всемъ его существѣ была черта благородства, рѣзко отличавшая его отъ якобинцевъ обыкновеннаго сорта. Онъ держался далеко отъ распущенности грубыхъ, бездушныхъ шаекъ, служившихъ ему. Молча, безъ друзей и радости, жилъ онъ для поклоненія своимъ идеямъ и для организаціи террора ¹⁾).

Среди всѣхъ членовъ конвента С. Жюсть выдается тѣмъ, что ему, 26-лѣтнему, давали цѣлый рядъ чрезвычайно важныхъ порученій. Въ октябрѣ 1793 г., когда въ Эльзасѣ все расклеилось и въ гражданскомъ, и въ военномъ отношеніи, онъ отправился туда, чтобы проявить примѣрную строгость. Здѣсь, въ самомъ больномъ мѣстѣ Франціи, онъ распоряжался, какъ человекъ, гордый сознаниемъ, что его никогда не затрогивало человѣческое чувство. „Живо впередъ, по колѣна въ крови и въ слезахъ!“ ²⁾ было его любимой поговоркой, которую нанли и на одной оставшейся послѣ него запискѣ. Отъ побѣговъ, пужды и лишеній армія была въ ужасномъ положеніи. Онъ далъ ей даровитаго предводителя,

¹⁾ Barante II. 92. О С. Жюстѣ, какъ комиссарѣ въ Эльзасѣ, см. тамъ же IV. 126 sqq. O.

²⁾ Marcher volontiers, les pieds dans le sang et dans les larmes!

Пишегрю, и доставлялъ продовольствіе посредствомъ системы самыхъ грубыхъ поборовъ. „10,000 человекъ босы,—писалъ онъ однажды:—слѣдовательно, всѣ аристократы сегодня же снимутъ свои башмаки, а завтра, въ 10 часовъ, 10,000 башмаковъ будутъ на пути къ главной квартирѣ“. Истребительная война противъ богатыхъ и мѣщанства была приведена въ дѣйствиѣ со страшною жестокостію. Гильотина работала неутомимо. Подавлялось каждое, даже самое слабое, сопротивленіе. И парижскіе якобинцы были въ восхищеніи отъ чудесъ, совершаемыхъ юнымъ палачомъ со „святою гильотиною“ и съ „благодѣтельнымъ ужасомъ“. Не придумаешь безчеловѣчности, которая не была бы совершена здѣсь. Лишь личнымъ корыстолюбіемъ и личною ненавистію не запятналъ себя С. Жюсть.

Система требовала всего, система оправдывала все.

Что было за государство, надъ созданіемъ котораго трудился С. Жюсть, объ этомъ можно догадываться по нѣкоторымъ, сохранившимся до насъ отрывкамъ, подъ заглавіемъ: „Institutions“. Въ нихъ говорится кое-что о новой формѣ правленія, и особенно о новомъ обществѣ. Сущность этого плана сводится къ деспотизму множества комитетовъ и къ воспитанію новаго поколѣнія по правиламъ Руссо и спартанцевъ. Цѣль—уничтоженіе индивидуальности, разрушеніе всякой личной жизни отдѣльнаго человѣка ради неограниченной совокупной воли общества и его органовъ.

Современное государство, видите-ли, зиждется на общественномъ договорѣ, который не достигаетъ своей цѣли, не устраняетъ войны всѣхъ противъ всѣхъ, а, наоборотъ, объявляетъ ее постоянной. Слѣдуетъ уничтожить этотъ общественный договоръ и до-тла истребить всѣ его признаки, чтобы создать новый.

Самый важный изъ всѣхъ законовъ, по Руссо,—законъ общественнаго порядка. Для утвержденія порядка, сообразнаго съ природою, требуется новое поколѣніе, воспитываемое по своеобразной методѣ. Именно, съ пятилѣтняго возраста дѣти принадлежатъ не семьѣ, а республикѣ. Воспитаніе совокупное и строгое. Оно заботится особенно о молчаніи и о презрѣніи ко всякой реторикѣ. Школы для дѣтей отъ 5 до 10 лѣтъ—въ деревняхъ. Предметы преподаванія: чтеніе, письмо, плаванье. Поюби и похвалы строго запрещаются. Дѣти ходятъ въ полотнѣ, спятъ 8 часовъ, ѣдятъ коренья, плоды, овощи, молоко и хлѣбъ съ водою. Воспитателямъ, по крайней мѣрѣ, 60 лѣтъ; избираются они народомъ. Воспитаніе дѣтей отъ 10 до 16 лѣтъ заключается въ подготовкѣ ихъ къ войнѣ и земледѣлію. Они дѣлятся на роты, батальоны и легіоны. Отъ 16 до 20 лѣтъ они изучаютъ опредѣленное занятіе, и т. д.

Стало-быть, воспитаніе—чисто-физическое, по образцу юношества Ликурга. Тутъ бросали за бортъ весь балластъ образованія, цивилизаціи и прямо приводили въ лѣса Руссо. Почву для таковаго эдапіа давала Франція, завѣщанная Людовикомъ XV, а зодчихъ—шайки убійцъ, дѣлившія съ Робеспьеромъ, С. Жюстомъ и Бильо-Вареномъ управленіе Франціей.

И Робеспьера въ это время занимали подобныя же мысли. Ей сожалѣнію, тутъ у насъ немного документовъ, отчасти, разумѣется, оттого, что термидорскіе побѣдители, въ своей слѣпой ярости, уничтожили все, оставшееся послѣ Робеспьера. Однако, насколько намъ извѣстны воззрѣнія его и Бильо, въ главномъ они сходятся съ С. Жюстомъ и разнятся лишь въ частности.

Робеспьеръ желалъ начать, прежде всего, съ религіознаго преобразованія общества. 7-го мая (18 флореала) выступилъ онъ съ предложеніемъ объ этомъ. Послѣ ряда сильныхъ нападокъ на атеистовъ и энциклопедистовъ, онъ показываетъ, что государству необходимо нѣчто, называемое имъ Верховнымъ Существомъ, *Être Suprême*. Поэтому обязанность законодателя утвердить на прочномъ основаніи почитаніе этого Существа. Вотъ его предложеніе: „1) Французскій народъ признаетъ Верховное Существо и безсмертіе души. 2) Онъ признаетъ, что достойное поклоненіе Верховному Существому есть исполненіе человѣческихъ обязанностей. 3) Во главѣ этихъ обязанностей онъ ставитъ: ненависть къ невѣрью и тираниі, наказаніе измѣнниковъ и тирановъ, помощь несчастнымъ, уваженіе къ слабымъ, защиту угнетенныхъ, оказываніе ближнему всевозможнаго добра и избѣжаніе всякаго зла“. Въ честь Верховнаго Существа совершаются торжества, которыя чередуются съ большими національными праздниками: эти торжества устраиваются отдѣльно. Что весьма важно, тутъ еще прямо говорится о свободѣ богопочитанія.

Такъ возникло торжество въ честь Верховнаго Существа, одно изъ множества тѣхъ зрѣлищъ, въ которыхъ нуждалась и не перестаетъ нуждаться эта нація. Оно было не безъ сильной театральной обстановки, но его идея и исполненіе выражали, что пора опять преклониться передъ чѣмъ-то болѣе высокимъ, чѣмъ кумиры дня. То былъ минутный отдыхъ на пути террора и убійствъ.

Само торжество произвело бы, можетъ быть, лучшее впечатлѣніе, еслибы не выдвинулось такъ на первый планъ тщеславіе Робеспьера. Нарочно устроили, чтобы ему, какъ президенту конвента, въ день торжества быть и главнымъ жрецомъ церемоніи. Кокетливо распушонный, украшенный большимъ букетомъ, принималъ онъ поклоненія, относившіяся къ Верховному Существому.

Извѣстно, что Робеспьеръ былъ чрезмѣрно тщеславенъ. У него

было маленькое помѣщеніе; его потребности были трезвы и просты. Но зато, въ каждомъ углу, взглядъ вашъ падалъ на какое-либо изображеніе, на какой-либо стереотипъ его лица и фигуры. Точно также онъ не ходилъ грязнымъ и нечесаннымъ, какъ саньюлоты; напротивъ, вся его внѣшность представляла изысканную нарядность. Въ описываемый день это проявилось особенно рѣзко. Одни смѣялись надъ забавностью всей сцены, другіе бѣсился отъ надменности главнаго лица. Старые товарищи не скрывали своей досады. Что было имъ дѣлать, съ своими окровавленными руками, подлѣ Верховнаго Существа? Имъ казалось крайне смѣшнымъ, что Робеспьеръ, съ своимъ букетомъ, милостиво благодарилъ всѣхъ отъ имени Верховнаго Существа, и крайне возмутительнымъ, что онъ злоупотреблялъ имъ для своего прославленія. Въ массахъ замѣчались отчасти равнодушіе и холодность, отчасти, именно въ молодежи, какое-то радостное чувство отъ сознанія, что наконецъ-то слышится что-то другое, кромѣ однообразнаго дребезжанья позорной колесницы. Но одно Робеспьеръ видѣлъ ясно—злбу въ окружавшихъ его лицахъ. Разсерженный, яростный, повинувъ онъ торжество и поспѣшилъ въ комитетъ общественнаго блага, чтобы новыми неслыханными постановленіями сообщить празднику настоящее украшеніе. 20-го преріала происходило торжество, а 22-го Робеспьеръ явился въ конвентъ съ злобщей миной и представилъ ужасный законъ, составленный комитетомъ.

Дѣло шло о новомъ устройствѣ революціоннаго судилища. Въ своемъ прежнемъ видѣ, оно работало недостаточно быстро. Оно отправляло на гильотину лишь 20 человекъ въ недѣлю. Требовалась болѣе сворая дѣятельность. Не правилось и судопроизводство: оно не предохраняло отъ весьма возбуждающихъ случаевъ, какъ оказалось въ процессѣ дантонистовъ. И вотъ, учредили новый судъ. Онъ состоялъ изъ президента (Дюма), 3-хъ вице-президентовъ (въ числѣ ихъ Кофинхель), одного общественнаго обвинителя (Фуэе-Тенвиль) съ 4-мя помощниками, и изъ 12 судей. Присяжныхъ было 51 человекъ. Судъ дѣлился на 4 части, съ 3-мя судьями и 9-ю присяжными въ каждой. Опредѣлялись лишь вполнѣ надежныя креатуры, на чье гибкое рвеніе можно было разсчитывать. Судопроизводство крайне упрощено. Допросъ свидѣтелей излишенъ, за исключеніемъ случаевъ, когда онъ ведетъ въ открытію соучастниковъ. Для обвиненія же годны всякаго рода доказательства,—и матеріальныя, и нравственныя, и словесныя, и письменныя. Приговоръ опредѣляется совѣтскою присяжныхъ. Назначеніе суда—варать враговъ народа. Наказаніе—смерть.

„Врагъ народа тотъ, кто силой или хитростью стремится

уничтожить его свободу". Тутъ идетъ длинный рядъ степеней, подобныхъ Шометовскимъ въ его опредѣленіи „подозрительныхъ“. Изъ нихъ замѣчательны слѣдующія: „Врагъ народа тотъ, кто обманываетъ его или его представителей, желая склонить ихъ къ поступкамъ, противнымъ свободѣ; кто, для поддержанія предпріятій тирановъ, сговорившихся противъ республики, старается распространить отчаяніе; кто, для разъединенія или обмана народа, распространяетъ ложныя вѣсти; кто усиливается внести смуту въ общественное мнѣніе, помѣшать просвѣщенію народа, помрачить энергію и чистоту революціонныхъ правилъ“, и т. д., и т. д. Словомъ, теперь уже не было поступка, высказанной или тайной мысли, которыхъ нельзя было бы выдать за попытки посягнуть на республику, которые не служили бы предлогомъ къ процессу въ уголовномъ судѣ.

Таковъ былъ рѣшительный приступъ къ основанію государства „честности и добродѣтели“, которое получило, 8-го іюня, своего Бога, своего верховнаго жреца и свое торжественное освященіе. Чувствуя неспособность создать что-либо новое, ухватились опять за „святую гильотину“. Да, развѣ только ея быстрый стукъ сообщалъ разнообразіе, котораго иначе не въ силахъ были создать. Началомъ въ утвержденію положительнаго порядка, послѣ пятилѣтняго разгрома, было основаніе новаго террористскаго правленія, относительно котораго прежде могло считаться системой кротости, съ сравнительнымъ обезпеченіемъ личной безопасности. Террористы не были способны на что-либо лучшее. Послѣ жалкой попытки сдѣлать положительное дѣло, они принялись за прежнюю кровавую работу, которая утомила, наконецъ, самого Дантона и опротивѣла ему.

Теперь слѣдуютъ семь страшныхъ недѣль *des grandes fournées*. Ежедневно вывозится на площадь 60—70 несчастныхъ. Въ одномъ Парижѣ гибнутъ подъ гильотиной 1,500 человекъ. По всей Франціи совершается одна великая оргія рѣзни оптомъ.

Теперь у необузданныхъ варваровъ образуется тотъ цинизмъ языка, который дошелъ до насъ въ столькихъ страшныхъ обращеніяхъ. Говорится, напримѣръ: „Угодно вамъ привести въ порядокъ ваши дѣла—возьмитесь за гильотину. Желаете покрыть огромныя издержки своихъ 14 армій—работайте гильотиной. Хотите вамъ уплатить свои бесчисленныя долги—поможетъ одна гильотина, тысячу разъ гильотина“. 18-го мая Камбонъ объявилъ о 6 миллиардахъ ассигнатовъ, находящихся въ обращеніи: и тутъ гильотина помогла. „Мы чеканимъ монету на революціонной площади“, сказалъ самъ же Камбонъ. „Перебьемъ дичь!“ „Корзина скоро бу-

детъ полна“—кричатъ другъ другу палачи. „Натремъ красной краски“, говоритъ безчеловѣчный живописецъ Давидъ.

Такъ началось новое блаженство націи.

Бывшій аррасскій адвокатъ пришелъ въ то упоеніе властью, которое ошеломляло и болѣе великихъ людей. Онъ потерялъ тонкое чутье того, что позволительно и что нѣтъ. Впрочемъ, его удивленіе въ то время, какъ гильотина работала безъ устали, было какъ бы бѣгствомъ отъ несчастія, имъ самимъ причиненнаго.

Думать, что такая система долго продержится, не уничтоживъ самое себя и не поглотивъ своихъ виновниковъ, значило бы отчаиваться въ человѣческой природѣ. Эта система служила самымъ вѣрнымъ путемъ къ прекращенію террора: тутъ-то и заключалось ея самонаказаніе. Терроръ потерялъ свое жало. „Мы убили нравственно гильотину“¹⁾, сознавался впоследствии самъ Бильо-Варенъ. Почти всѣ приговоренные всходили на кровавыя подмостки весело, даже съ шуточками. Одна только особа со скорбью покинула тогда жизнь: то была г-жа Дюбарри, старая любовница Людовика XV.

Противъ самаго избиенія не поднялось ни одного голоса въ тогдашнемъ конвентѣ. На законъ 22 преріала возразили только, что слѣдовало бы охранить, по крайней мѣрѣ, членовъ конвента отъ революціоннаго суда. Это была лишь маленькая забота о собственномъ „я“, которую нельзя было заглушить. Тотъ фактъ, что она заговорила, а равно и форма, въ которой она выразилась въ этомъ собраніи, обыкновенно столь нѣмомъ отъ страха; были, конечно, важнымъ предостереженіемъ Робеспьеру, которымъ тотъ пренебрегъ. Но это не облегчаетъ приговора конвенту. Вѣдь здѣсь никто не отважился на слово, изъ-за котораго нали Дантонъ съ Демутеномъ; никто не рѣшился обнаружить свой добрый образъ мыслей какимъ-либо предостереженіемъ, за которое, какъ за посягательство на свободу, законъ прямо угрожалъ смертью.

Враги триумвирата (Бильо, Колло, Карно).

Со времени извѣстнаго празднества, Робеспьеръ почти совершенно отбѣдился отъ своихъ прежнихъ друзей. Исключая С. Жюста, Кутона, Леба, онъ видѣлся лишь съ немногими. Никто не навѣщалъ его, боясь какимъ-нибудь необдуманнѣмъ словомъ возбудить его бдительную подозрительность и непримиримую мстительность.

¹⁾ „Nous avons démoralisé la guillotine“.

Комитетъ общественнаго блага, въ рукахъ котораго сосредоточивалось теперь все управленіе государствомъ, состоялъ изъ слѣдующихъ членовъ. Во главѣ его находился триумвиратъ изъ Робеспьера, С. Жюста и Бутона. Они создавали законы, по которымъ дѣйствовала полиція и революціонный судъ. По свидѣтельству Карно ¹⁾, ихъ называли „верховниками“ (*les gens de la haute main*).

Затѣмъ идутъ Бареръ, Бильо, Колло. Ихъ задачей было „поддерживать политическое возбужденіе“. Они назывались „революціонерами“ (*les gens révolutionnaires*). У третьяго триумвирата, Карно, Пріёра и Линде, былъ контроль надъ всей администраціей, и именно надъ войскомъ. Они заботились о продовольствіи, оружіи, порохѣ и свинцѣ. Ихъ именовали „рабочими“ (*les travailleurs*). Десятымъ членомъ комитета общественнаго блага былъ Жанъ Бонъ С. Андрэ. Въ комитетѣ безопасности засѣдали яковинцы второго разряда: разные Вадье, Амары, Давиды, Леба, Лавосты и другіе.

Лишь трое, упомянутые нами въ самомъ началѣ, плотно примыкали другъ къ другу. Всѣ остальные придерживались ихъ либо подозрительно и неохотно, либо съ ропотомъ и колебаніемъ. Бильо съ Колло не могли простить Робеспьеру торжества въ честь Верховнаго Существа. Имъ былъ противенъ новый калифатъ суррогата религіи. Они опасались новой, еще сильнѣйшей диктатуры надъ нѣмыми, послушными массами, которая распространилась бы и на нихъ, людей кроваваго произвола и безграничнаго наслажденія. Здѣсь дѣйствовала лишь чистая зависть, жалкое недоброжелательство, да опасеніе за собственную долю въ „благодѣяніяхъ террора“.

Это было возстаніе будочниковъ террора противъ своего начальства. Они не создали совершавшагося теперь. Они воображали, что ворочаютъ, между тѣмъ какъ ими самими ворочали. А когда они побѣдили, то оказалось, что не для себя. Они служили совѣтъ другой силѣ, которая не обозначается именами и партіями. Эти госнода служили р е а ц і и, этой ужаснѣйшей изъ революцій, варты которой сами на себя призывали. Послѣ 9 термидора, они считали возможнымъ продолжать работу подъ другой фирмой, но ошиблись. Вслѣдъ за Робеспьеромъ быстро нали въ его могилу гильотина, комитеты, всѣ подмостки господства террора. И если потомъ снова была воздвигнута гильотина, то лишь для того, чтобы отправить прежнихъ друзей Робеспьера вслѣдъ за ихъ господиномъ.

¹⁾ Mémoires, I, 847.

Совершенно иного рода была группа „рабочихъ“, изъ которыхъ всѣхъ замѣчательнѣе Карно ¹⁾. Это одинъ изъ послѣднихъ гордыхъ цвѣтковъ старой математической школы и образованія, чрезъ который прошелъ еще Бонапартъ. Карно—холодный, сухой, трезвый человекъ, односторонній и неподвижный въ своихъ идеяхъ и предразсудкахъ. Но онъ обладалъ умѣньемъ осуществлять разъ начатое съ неимовѣрно-упорной энергіей и дѣятельностію. Притомъ онъ вошелъ въ пословицу своей неподкупной честностію и прямодушной простотою. Онъ не могъ смотрѣть на послѣднія происшествія иначе, какъ съ отвращеніемъ, а все-таки не покинулъ своего поста, чувствуя, что способенъ спасти Францію на военномъ поприщѣ. Онъ самъ говоритъ намъ, какъ было ему не по душѣ стоять возлѣ такихъ господъ. „Обыкновенно я подавалъ голосъ,—говоритъ онъ въ своихъ Мемуарахъ ²⁾,—съ тѣми, кого называютъ партіей горы. Не то, чтобы я всегда раздѣлялъ ихъ убѣжденія: вовсе нѣтъ. Я старался только не голосовать съ партіей, которая казалась мнѣ еще безконечно опаснѣе. Въ революціяхъ почти всегда приходится изъ двухъ золь выбирать меньшее“. Чувство, руководившее Карно, было вѣрно. Никто не былъ такъ способенъ, какъ онъ, создать, среди безграничнаго смятенія, новое войско изъ развалинъ стараго. Никто не умѣлъ такъ все устраивать, вносить свѣтъ и порядокъ, ставить подходящихъ людей на надлежащія мѣста. Сама судьба, казалось, сохранила для него пробѣлъ, который онъ и занялъ, рѣшаясь служить ненавистной ему власти, потому что существованіе Франціи было поставлено на карту. Его гордое упорство, коренившееся въ сознаніи лучшаго пониманія вещей, не поддавалось рѣчамъ дилетантовъ. Онъ безпощадно отдѣлывалъ Робеспьера съ С. Жюстомъ, какъ отстаиваютъ школьники. Робеспьеръ злился на него, но не могъ обойтись безъ него. Тутъ-то и заключалась опасность для якобинства. Въ томъ-то и была бѣда, что для побѣды надъ Европой требовались люди искусные въ войнѣ, какъ бы они ни были неудобны для властелиновъ. Карно не скрывалъ своего отвращенія къ Робеспьеру. „Я презираю васъ, трусливые диктаторы!“ воскликнулъ онъ однажды. Робеспьеръ же, при другомъ случаѣ, сказалъ ему: „Не слишкомъ заносись! При первой неудачѣ и ты попадешь подъ гильотину!“

Послѣдній изъ членовъ комитета общественнаго блага, Жанъ Бопъ (С. Андрэ, большею частью находился въ отсутствіи, въ качествѣ флотскаго комиссара.

¹⁾ Онъ классически охарактеризованъ у *Зибеля*, III, 13 и слѣд. О.

²⁾ I, 397.

Такимъ образомъ, партіи въ комитетѣ стояли другъ противъ друга съ зоркимъ недоумѣріемъ. Каждый старался по лицу и рѣчамъ другого вывѣдать тайну,—скоро ли рѣшеніе: всѣ чувствовали, что законъ 22 преріала созданъ не для обезглавленія однихъ старухъ, аббатисъ и женъ маршаловъ. Робеспьеру опротивѣло его прежнее общество. И, быть можетъ, то было смѣшанное чувство отвращенія и страха къ мошенницамъ, окружавшимъ его на вершинѣ его могущества, къ тѣмъ, которые были всѣмъ обязаны ему, а теперь были готовы надѣть ему петлю на шею. Но еще опаснѣе заговорщиковъ изъ собственнаго лагеря казались ему всюду побѣдоносныя теперь войска. Онъ боялся военной диктатуры, которую уже давно предвидѣлъ ясно. Когда все, какъ бы въ дикомъ оныяненіи, стремилось къ войнѣ, онъ одинъ совѣтовалъ миръ, такъ какъ чувствовалъ приближеніе Кромвеля. Поэтому и теперь, и еще настоятельнѣе, чѣмъ когда-либо, онъ думалъ о мирѣ. Онъ рассчитывалъ на соглашеніе съ Австріей, какъ нѣкогда Дантонъ на соглашеніе съ Пруссіей. Австрійскій кабинетъ не вполнѣ отвергалъ его предложенія. Сносный миръ былъ для Робеспьера лучшимъ средствомъ избавиться отъ войскъ и полководцевъ. Прекратись война съ иностранцами,—и онъ могъ надѣяться на окончательное низложеніе своихъ противниковъ внутри государства.

Но какъ ловко ни маскировалось это настроеніе, оно не осталось совершенно тайной. Робеспьеру скоро пришлось въ самомъ конвентѣ услышать отъ гиблаго Барера намеки на то, что ему не довѣряютъ, что въ немъ замѣчаютъ желаніе предать республику врагамъ. Къ тому же, въ самомъ народѣ начала яснѣе проявляться реакція. Нѣкое равнодушіе, съ которымъ падали жертвы, мало-по-малу стало казаться поразительнымъ самимъ главамъ правленія. Потерявъ свое жало, терроръ смѣнился затаенной ненавистью къ его виновникамъ и исполнителямъ.

Все болѣе и болѣе шевелилась въ народѣ мысль положить конецъ такому правленію. Этимъ воспользовались враги Робеспьера и начали готовить псеобщій переворотъ. Конвентъ, пережившій время своего полнаго опѣмѣнія, обнаружилъ—въ первый разъ при арестѣ Дантона, во второй 23-го преріала—признаки жизни и началъ реакцію. И здѣсь сроднились съ мыслью о низверженіи системы, которая очевидно распадалась сама собой. Всѣ эти признаки тихаго броженія и перемѣны въ умахъ совершались почти незамѣтно въ теченіе шести недѣль послѣ 22-го преріала. Міру казалось, будто здѣсь полное единодушіе и ненарушимое согласіе. Самъ Робеспьеръ какъ будто поддавался такому обману. Съ твердой вѣрой въ неприкосновенность своей власти повинулъ онъ государственную жизнь, какъ Дантонъ передъ своимъ паденіемъ. Онъ не

сомнѣвался, что и безъ его личнаго участія машина пойдет по своему пути. Какъ властелинъ, уже не боящійся за свое законное признаніе, онъ избѣгалъ конвента и комитета общественнаго блага, не желая встрѣчать непріятнаго противорѣчія со стороны людей, у которыхъ онъ надѣялся при первомъ случаѣ отнять языкъ сокрушительнымъ ударомъ. А вечеромъ онъ отправлялся въ свой яacobинскій клубъ, чтобъ показать, что еще живъ, что еще умѣетъ говорить и клеветать. Такая тактика совершенно не-правильна. Власть, захваченную Робеспьеромъ, слѣдовало каждый день снова испытывать и закалять. Желавшему упрочить ее за собой ни на мгновеніе нельзя было покидать своего поста. Въ клубъ Робеспьеръ произносилъ привычнымъ тономъ оракула обвиненія, не сопровождая однако своихъ рѣчей быстрыми послѣдствіями. Онъ говорилъ о новомъ поворотѣ гебертистовъ и данто-нистовъ, о наказаніи, которое оно готовило себѣ; но оставался при однихъ словахъ, ничего не дѣлая, чтобы придать имъ серьезное значеніе. Этого было достаточно, чтобы предостеречь враговъ, но не занугать ихъ.

Неудачная попытка Робеспьера 8-го термидора.

Въ то время по Парижу бродила полуумная старуха, Катерина Тео (Theot). Ей было видѣніе новой религіи, во главѣ которой стоялъ калифъ или pontifex maximus Робеспьеръ. Въ своемъ безграничномъ тщеславіи, Робеспьеръ принималъ нелѣпное поклоненіе этой госпожи и ея секты. Такимъ безбожнымъ молодцамъ, какъ Колло и Бильо, „теотизмъ“ представлялся желаннымъ орудіемъ. У нихъ жречество Робеспьера давно стало предметомъ явныхъ насмѣшекъ. Теперь имъ казалось легко доказать, что тайныя сходки севтантовъ—ничто иное, какъ сборища крадущагося во мракѣ заговора. Сначала въ комитетѣ, а затѣмъ безпощадными преніями въ конвентѣ они весьма чувствительно оскорбили Робеспьера, вступившагося за секту. Со слезами ярости поклялся онъ, что его ноги не будутъ ни въ конвентѣ, ни въ комитетѣ. Это случилось въ вопцѣ преріала, и онъ сдержалъ вѣтву до 8-го термидора, кануна своего паденія.

Никогда еще Робеспьеръ не былъ такъ бездѣтеленъ и нерѣшителенъ, какъ въ эти роковыя педѣли. Начиная съ 22 преріала, онъ какъ бы парализовалъ, на него какъ бы напелъ столбнякъ. Слово все надломилось въ немъ; и извѣстная неутомимая дѣятельность, которую онъ когда-то обнаруживалъ въ ратушѣ, затѣмъ

въ конвентѣ и комитетѣ общественнаго блага, и его талантъ чуткой подозрительности, и его искусство подслушивать всѣ движенія и лукаво разстраиывать ихъ. Бодръ, по прежнему, оставались лишь его орудія.

Такимъ образомъ, съ начала іюля дѣло уже доходить до мелкихъ стичекъ. Даже въ яacobинскомъ клубѣ появляется, время отъ времени, Колло и произносить грозныя рѣчи, на которыя Робеспьеръ отвѣчаетъ не дѣлами, а лишь словами. Въ конвентѣ протиснулись впередъ безвѣстныхъ лица. Они совѣщались съ Карпо, Бильо и другими, впрочемъ уже твердо рѣшившимся вскорѣ послѣ своей побѣды перешагнуть и черезъ нихъ.

Робеспьеръ намѣревался предупредить ударъ, угрожавшій ему, но собственно еще не подготовленный. Дѣйствительно, когда 8-го термидора (26 іюля) онъ въ первый разъ появился опять въ конвентѣ, противники еще не были вооружены. Калло и Бильо, Тальенъ и Камбонъ давно знали, что ихъ ожидало. Они употребили всѣ усилія, чтобы привлечь на свою сторону умѣренныхъ въ конвентѣ, но эти еще наканунѣ вечеромъ отвергли союзъ: въ ихъ рукахъ не было еще ручательства въ побѣдѣ. Отъ поведенія Робеспьера зависѣло, успѣтъ-ли во-время составиться коалиція для его низверженія.

8-го термидора онъ явился съ длинной рѣчью, о которой заранѣе условился съ своими друзьями. Ее рѣшились распространить въ столицѣ и по департаментамъ, какъ манифестъ партіи. „Пусть другіе,—началъ онъ,—рисуютъ вамъ прелестныя картины: я-же намѣренъ высказать вамъ полезную истину. Я не выдамъ за правду смѣшныхъ ужасовъ, постигаемыхъ злобой; но, если только это возможно, и одною силой истины потушу пламя раздора. Я стану защищать предъ вами вашу оскорбленную власть и нарушенную свободу. Оправдаюсь и самъ“. Человѣкъ, у котораго обвиненіе стало второю натурой, словами: „Мнѣ надо открыть свое сердце: не бойтесь, я не намѣренъ обвинять“, началъ двухчасовую филиппику противъ своихъ враговъ въ обоихъ комитетахъ и въ конвентѣ.

Эта его рѣчь, какъ и всѣ другія, изобиловала повтореніями. Вездѣ то же отвратительное самохвальство, тѣ же лицемѣрныя выходы. Здѣсь новы только имена членовъ комитета, которыхъ ему хотѣлось объявить въ оналѣ, заодно съ посланными уже имъ на гильотину. Въ подробномъ изображеніи состоянія республики поразительно признаніе, что все разстроится, все погибнетъ, если не произойдетъ новаго государственнаго переворота въ пользу его диктатуры. Само собой разумѣется, что онъ далеко отбрасываетъ отъ себя слово „диктатура“: вѣдь, оно „оскверняетъ свободу,

унижаетъ правительство, разрушаетъ республику, безчестить революціонныя учрежденія, выставляя ихъ созданіемъ одного лица; оно сосредоточиваетъ на этомъ лицѣ всю ненависть, направляетъ противъ него всѣ кинжалы аристократовъ“.

Замѣчательны затѣмъ откровенныя слова объ опасности, которой угрожаютъ войска.

„Побѣда вооружаетъ честолюбіе, усыпляетъ патріотизмъ и своими блестящими руками роетъ могилу республикѣ. Допустите, чтобы бразды революціи хоть на минуту волочились по землѣ,—и вы увидите, какъ захватить ихъ военный деспотизмъ и какъ глава секты повергнетъ въ прахъ униженное представительство націи“.

Въ заключеніе Робеспьеръ такъ сопоставляетъ выводы своей рѣчи. „Выскажемся же. Существуетъ заговоръ противъ общественной свободы, который опирается на преступную измѣну, кующую свои интриги въ нѣдрахъ самого конвента. У этого заговора есть сообщники въ комитетѣ безопасности, и съ нимъ въ связи члены комитета общественнаго блага. Какое средство поможетъ тутъ? Наказаніе измѣнниковъ, обновленіе комитета безопасности, очищеніе самого комитета общественнаго блага и подчиненіе его первому! Пока управляютъ шайки мошениковъ, защитники свободы, словно опальные, лишены покровительства законовъ“.

Дѣло было ясно. Впервые была объявлена война доселѣ тѣсно объединеннымъ товарищамъ, и опять до того обще и неопредѣленно, что даже въ конвентѣ никто не былъ увѣренъ въ своей жизни. Собраніе словно оцѣпенѣло. Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ рѣшились заговорить. Составлялись группы, совѣтовавшіяся, что дѣлать. Въ этотъ-то моментъ перваго смущенія удалось исторгнуть у конвента постановленіе о напечатаніи рѣчи и разслѣдъ ея по департаментамъ.

Теперь, пока постановленіе и рѣчь еще не вышли изъ конвента, настала минута встрепенуться обвиняемымъ. Начали говорить Вадье и Камбонъ, затронутые всего сильнѣе. Послѣдній обратилъ обвиненіе противъ самого Робеспьера. „Пора, воскликнулъ онъ, сказать всю правду. Одинъ только идетъ наперекоръ волѣ собранія. Это тотъ, чтѣ говорилъ сейчасъ; это—Робеспьеръ. Произнесите теперь свой приговоръ“. Робеспьеръ отвѣчалъ, какъ человекъ, потерявшій присутствіе духа. Тѣмъ сильнѣе ободрились теперь и другіе. Фреронъ, Бильо, Паписъ, вся гора напала на него, изливая цѣлый потокъ обвиненій, противъ которыхъ не отважился защищать его никто изъ приверженцевъ, кромѣ одного Кутона. Шумно требовали, чтобы Робеспьеръ назвалъ по именамъ

всѣхъ, кого подразумѣвали въ своемъ обвиненіи; но онъ твердо отказался отъ этого. То было сигналомъ конвенту выступить противъ него, какъ одна партія, которой грозитъ опасность. Постановленіе напечатать рѣчь было взято назадъ. Въмѣсто того, поручили комитетамъ составить докладъ о ней.

Государственный переворотъ не удался Робеспьеру; но настоящее рѣшеніе еще только предстояло. Ни одной партіи, желавшей упрочить за собой побѣду, не слѣдовало терять ни минуты.

Низверженіе Робеспьера 9-го термидора (27-го іюля).

Коалиція поняла свою задачу. Между тѣмъ какъ Робеспьеръ, въ сопровожденіи друзей, отправился съ жалобой въ якобинскій клубъ и тамъ еще разъ прочелъ свою длинную рѣчь при утѣшительныхъ рукоплесканіяхъ своихъ всегда благодарныхъ слушателей, его противники неутомимо проработали цѣлую ночь надъ подготовкой его гибели. Устрашенные убійцы Горы дѣйствовали для общей цѣли заодно съ честными людьми правой стороны. Буасси д'Англа и Дюраны преодолѣли свое отвращеніе къ Тальенамъ и Бурдонамъ, которые, въ своей крайней опасности, умоляли ихъ о спасительной помощи. Они рѣшились идти съ ними, чтобы завтра низвергнуть Робеспьера, а послѣзавтра—ихъ самихъ. Національные гвардейцы парижскаго средняго сословія, вздохнувъ, наконецъ, свободно послѣ долгаго ужаса, предложили имъ свои услуги. Не безъ надеждъ можно было ожидать утра 9-го термидора.

На слѣдующій день въ конвентъ, собравшійся въ полномъ составѣ, явился С. Жюсть. Онъ принесъ обширную рукопись, включавшую въ себѣ новое длинное обвиненіе противъ враговъ Робеспьера.

На этотъ разъ ни у кого не было охоты терять время на слушаніе такой же бесполезной лекціи, какъ наканунѣ. На первыхъ же словахъ Тальенъ прервалъ оратора вопросомъ: „Есть чему вѣчныя обвиненія направо и налево? Я требую, чтобы завѣса была, наконецъ, разорвана“. С. Жюсть не отвѣчалъ. Блѣдный, какъ мертвецъ, стоялъ онъ безмолвно на трибунѣ. Тамъ, возлѣ него, появился Вильо, замѣнивъ Тальена. Онъ излился самыми сильными обвиненіями противъ якобинскаго клуба и его плана убійствъ. Яростно вскочилъ теперь Робеспьеръ, чтобы овладѣть трибуной. „Долой тирана!“ раздалось со всѣхъ сторонъ. „Ты не можешь больше говорить!“ распорядился президентъ. Напрасно усиливается

Робеспьеръ сказать что-то. Каждый разъ, какъ онъ раскрываетъ ротъ, его перебиваютъ. Онъ принужденъ выслушать, какъ постановляется арестовать его вѣрныя орудія, генераль-коменданта Анрію, вмѣстѣ съ его штабомъ, и президента суда, Дюма. Тутъ онъ судорожно цѣпляется за перила ораторской трибуны и, съ разстроенными чертами лица, искривленными отчаяніемъ, выжидаетъ, пока уляжется, наконецъ, шумъ. Но для него онъ уже не улегся. Уловки, которыя онъ такъ часто употреблялъ противъ другихъ, обратились противъ него самого. У него вырвалось еще 2—3 восклицанія неистовой ярости, пока не произнесли рокового слова. Лучше, безвѣстный депутатъ, никогда прежде не говорившій, сказалъ: „Я требую ареста Робеспьера“. Сперва одиочное, затѣмъ все болѣе громкое, наконецъ единоголасное, шумное продолжительное одобреніе. Словно произнесли анагему. Робеспьеру уже не удалось говорить. Одинъ изъ дантонистовъ прокричалъ ему: „Молчи же! Кровь Дантона заглушаетъ твой голосъ“. Теперь всплыли наверхъ всѣ старыя, навшія партіи и соединились для нападенія на него. Робеспьера, его брата, Леба, С. Жюста, Кутона арестовали и увели.

По послѣднее слово еще не было произнесено. Едва ратуша, съ своимъ меромъ во главѣ, узнала о случившемся въ конвентѣ, какъ тотчасъ же постановила, чтобы народъ вступилъ въ борьбу съ измѣнниками за своихъ героевъ. Генераль-коменданту національной гвардіи, Анрію, велѣно отвѣчать на указъ объ арестѣ своими пушками.

Забили въ набатъ. Къ явобинцамъ и въ секціи отправили пословъ, чтобы призвать народъ къ возстанію. Между тѣмъ илѣнниковъ слова освободили, но приказанію ратуши. Ихъ встрѣтили съ торжествомъ. А тутъ изъ многихъ секцій пришло одобрительное извѣстіе: мы-де ужъ на ногахъ (nous sommes debout)!

По замѣчательно, что истинная свѣжесть порыва была уже не на сторонѣ террористовъ. Помощь отъ нихъ являлась вяло и медленно. Трудно было оживить населеніе. И именно тамъ, гдѣ всего вѣрише рассчитывали на подмогу, въ предмѣстьяхъ, ея во все и не оказалось. Мало того. Зашевелилось среднее сословіе, буржуазія, какъ никогда еще со времени Бальи и Лафайета. Национальные гвардейцы стекались толпами, требуя оружія для защиты конвента. Это и рѣшило дѣло. Измѣнилась даже секція предмѣстья С. Антуанъ, выставившая въ 1789 году „подвижныя колонны“ орудій переворота и всюду сражавшаяся добросовѣстнѣе всѣхъ. Ея старшій предводитель, Лежандръ, стоялъ теперь на сторонѣ конвента, а Сантеръ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Это предмѣстье представило въ ратушу замѣчательный документъ

(онъ сохранился), кишачій ошибками, въ которомъ объявило, что у него прежняя энергія, но оно стало осторожнѣе въ опредѣленіи враговъ отечества и республики. И эта сила отрелася отъ падающаго терроризма!

У террора были уже не прежнія орудія. Во главѣ вооруженной силы, составленной въ 1793 г., стоялъ Анріо, человекъ низкій; лично принимавшій участіе въ сентябрьскихъ убійствахъ. Да и онъ былъ уже не прежній. Нѣкогда онъ выказалъ противъ жирондистовъ рѣшительное мужество; но теперь онъ уже не находилъ его въ себѣ. Въ этотъ день онъ напился для храбрости. Полуотуманенный, метался онъ по улицамъ. Арестовалъ Мерлина; тотъ ушелъ. Затѣмъ его самого арестовали, но онъ съумѣлъ убѣжать. Тутъ конвентъ объявилъ его „опальнымъ, внѣ законовъ“. Между тѣмъ, собрались военныя силы якобинцевъ. 1,200 канонировъ размѣстились со своими орудіями на Гревской площади, чтобы защищать теперешнюю главную квартиру террористовъ. Тутъ, въ ратушѣ, сидѣлъ Робеспьеръ со своей партіей. По отвага, присутствіе духа, энергія покинули ихъ. Самъ Робеспьеръ былъ надломленъ. Какъ парализованный, сидѣлъ онъ, жалуюсь слаavisымъ тономъ на испытанную измѣну и низость.

Между тѣмъ, и конвентъ собралъ свои толпы. То было, разумѣется, смѣшанное общество. Одна часть его состояла изъ прежнихъ гвардейцевъ конвента, федератовъ 1792 года; другая—изъ передавшихся канонировъ бывшей національной гвардіи среднихъ секцій. Все это пестрою лентой вилось по направленію къ ратушѣ. Здѣсь дѣло могло бы дойти до послѣдняго кроваваго рѣшенія. Непроницаемыя закоулки улицъ, существовавшіе здѣсь еще немного лѣтъ тому назадъ, были какъ бы предназначены для страшной уличной борьбы. Но якобинцы потеряли энергію, и привычное оружіе выпало у нихъ изъ рукъ.

Когда Анріо уже собирался скомапдовать своимъ канонирамъ стрѣлять, вдругъ прочли постановленіе объ его опалѣ. Тутъ солдаты перевернули свои пушки и отказались стрѣлять. Самъ Анріо успѣлъ ускользнуть въ ратушу. Пора уличной борьбы миновала. За терроризмъ ужъ никто не бился. Вскорѣ разбѣжалась вся его вооруженная сила, и члены конвента безопасно достигли ратуши. Тѣ же самые вожди, которые прежде служили Робеспьеру, теперь безъ сопротивленія очищали гнѣзда террористскаго господства. Лежандръ закрылъ якобинскій клубъ. Бурдонъ привелъ къ ратушѣ сбѣжавшихся національныхъ гвардейцевъ. Ихъ авангардъ, подъ предводительствомъ простаго жапдарма, Меда, взбѣжалъ по лѣстницѣ. Ничего не стоило взять въ плѣнъ сидѣвшую тамъ горсть людей, которые все совѣщались, а ничего по

дѣлали. Въ совѣщательной залѣ, положи голову на лѣвую руку, сидѣлъ Робеспьеръ, погруженный въ самого себя. Когда Меда закричалъ ему: „Сдавайся, измѣнникъ!“ онъ вынулъ пистолетъ. Раздался выстрѣлъ. Робеспьеръ упалъ на полъ съ раздробленною головою. Кто выстрѣлялъ, — Меда-ли, какъ говорилъ онъ самъ, и какъ тогда всѣ вѣрили ¹⁾, или Робеспьеръ, которому его повлоники хотѣли спасти честь самоубійства, — останется навсегда подъ сомнѣніемъ. Когда вошелъ Бурдонъ, приволокли Кутона и вытащили изъ-подъ стола Дюма, который указалъ, гдѣ найти С. Жюста и Леба. Леба былъ уже трупомъ. С. Жюсть сдался безъ сопротивленія. Младшій Робеспьеръ, не видя спасенія, бросился изъ окна и былъ поднятъ еще заживо.

На другой день казнили пятерыхъ, къ которымъ присоединили и Анрію. 11-го термидора умерли 70 самыхъ виновныхъ членовъ парижской общины, а 12-го, — число опальныхъ завершилось казнью еще 11 человекъ. Въ сущности, поразили цѣлый составъ вождей всей террористской секты. Остался одинъ Фулье-Тенвиль, который, утромъ 10-го числа, поздравилъ конвентъ съ побѣдой. Его пощадилъ для торжественнаго акта казни.

Побѣдой 9-го термидора обязаны оживленію цѣпенѣвшихъ доселѣ массъ средняго сословія, мужеству буржуазіи; долгое время парализованной терроромъ. Одному обстоятельству можно приписать, что дѣло не дошло до воровпродитія. Дѣятельное сопротивленіе гражданъ въ секціяхъ, подчинявшихся лишь страху, и страдательное сопротивленіе кружковъ, которыми до тѣхъ поръ безгранично распоряжались яковинцы, — вотъ что рѣшило дѣло въ этотъ день. Сиستمѣ осудило общественное мнѣніе, которое, наконецъ, образовалось въ тишинѣ и востепенулось. Паль не одинъ человекъ со своими приверженцами, а самый терроръ. Въ этомъ-то и ошибались побѣдоносныя террористы. Они, возмущившись противъ своихъ прежнихъ вождей, вообразили послѣ побѣды, что теперь наступаетъ ихъ время. Но началось обратное теченіе. Оно вскорѣ столь же неудержимо погнало все передъ собой, какъ прежде противное теченіе. Реакція пошла въ ходъ, реакція далеко еще по со стороны священниковъ и эмигрантовъ. Она была дѣломъ націи, которой надоѣло избіеніе гражданъ и которая во что бы то ни стало желала мира, спокойствія, закона.

¹⁾ Барантъ настаиваетъ на томъ, что показаніе Меда заслуживаетъ вѣры, IV, 445. О.

Обзоръ предыдущаго ¹⁾.

Положеніе Франціи послѣ этого дня можно отчасти представить себѣ по вышеизложенному. Ея внутреннее состояніе описано бѣгло въ главныхъ чертахъ. Желаящій набросать ужасныя картины найдетъ изобильный матеріалъ въ характеристикѣ этого государства. Цѣлые года лежало оно подъ гнетомъ безпримѣрнаго террора. Въ немъ было разрушено все, чѣмъ обыкновенно поддерживается гражданское общество. Его послѣднія потрясенія провели широкую кровавую полосу черезъ тысячи семействъ и разрушили благосостояніе миллионовъ. Въ немъ нѣсколько лѣтъ не было ни податной системы, ни исполненія гражданскихъ обязанностей, ни администраціи, ни правосудія, ни труда, ни торговыхъ и всякихъ другихъ сношеній. Словомъ, въ немъ все погибло. Всемирная исторія едва-ли можетъ представить другой примѣръ подобнаго хаоса. Кто бы могъ опредѣлить, что станетъ съ этимъ государствомъ, похолодавшимъ на огромное пепелище, жителямъ котораго приходилось, такъ сказать, съизнова начинать свою работу?

Но куда же дѣлись идеи 1789 года?

Свобода для всѣхъ сначала превратилась въ свободу для каждаго отдѣльнаго лица, а потомъ ея не стало ни для кого. Историческое различіе сословій уступило мѣсто естественному равенству, которое тотчасъ же погибло въ естественной безднѣ, раздѣляющей зажиточныхъ отъ неимущихъ. Едва трудъ и собственность, торговля и сношенія успѣли освободиться отъ неестественнаго стѣсненія, какъ ихъ забили въ новые кровавые кандалы. Гильотина опредѣляла заработную плату и курсъ ничего не стоящихъ бумажныхъ денегъ. Всякая торговля, какъ запрещенное ростовничество, объявлялась внѣ покровительства законовъ; всякая собственность, какъ залогъ измѣнническаго направленія, попадала въ опалу. Тогда создали множество драгоцѣнныхъ правъ и политическихъ обезпеченій: но можно-ли назвать хотя одно изъ нихъ, которое не было бы поправо? Вся умственная работа учредительнаго собранія, все зданіе чловѣческихъ и гражданскихъ правъ лежало въ обломкахъ. И это полное разрушеніе было не случайное, но предвидимое, необходимое слѣдствіе низвергнутой теперь системы.

Такъ было внутри государства. Не то было извнѣ, на границахъ. Почти забываешь впечатлѣніе ужаснаго внутренняго раз-

¹⁾ См. мастерской очеркъ слѣдствій террора у Зибея, III, 164—177. О.

стройства при взглядѣ на республиканія войска, каковы они были въ первой половинѣ 1794 года. Здѣсь сосредоточивалась вся еще несокрушенная сила націи, юношескій цвѣтъ революціи, полный полетъ истинно республиканскаго духа.

Представляется совершенно ненормальное явленіе. Въ то время, какъ внутри революція пожирала самое себя, республиканское общество истекало кровью изъ тысячи ранъ и видѣло разрушеніе всѣхъ своихъ идеаловъ, та же революція могущественно собрала на границахъ всю свою силу, готовясь перебросить свою непреодолимую пропаганду на сосѣднія земли, на всю Европу. Въ половинѣ 1794 года, въ Франціи, революціонныя войска всюду одерживаютъ побѣды, а въ Вандеѣ гаснетъ гражданская война въ предсмертныхъ судорогахъ. Бельгія завоевана (побѣда при Флерюсъ 26-го іюня), и коалиціонная война покрыта здѣсь вѣчнымъ позоромъ. Рейнскія земли, уже бывшія тогда въ опасности, осенью запяты. Савоія взята. Нѣтъ уже ни одного иностраннаго солдата на французской землѣ, а во французскомъ войскѣ пробился впередъ счастливо развившійся талантъ. У ружья стояли рожденные солдаты, а во главѣ войскъ безъ исключенія способные, отчасти даже гениальные люди, которые затмѣвали все, что произвела военная Франція въ теченіе столѣтій.

Не террору приписываю я тутъ заслугу. Человѣкъ, которому принадлежало почти все въ этихъ успѣхахъ, противъ своего желанія служилъ этой власти. Онъ работалъ, окруженный тысячько пренятствій, которыя она систематически подготовляла ему. Чисто-террористская партія выставляла войска безъ обуви, безъ оружія, безъ хлѣба, съ отборными бездарностями на генеральскихъ мѣстахъ. Тутъ успѣхами прежде всего были обязаны Карно, затѣмъ испытанной и щедро одаренной въ военномъ отношеніи натурѣ этого народа, который, несмотря на свою чрезвычайную политическую разъединенность, единодушно выступилъ противъ вѣшняго врага, и, наконецъ, самимъ иностранцамъ. Съ 1792 г. они ведутъ войну вяло и малодушно. Въ ту минуту, когда слѣдовало начать крестовый походъ за тронъ и алтарь, они набрасывали планы раздѣла другихъ народовъ. Заботясь о собственномъ земельномъ приобрѣтеніи, они упустили всѣ опасныя для Франціи минуты. Два раза могли побѣдить иностранныя державы; но онѣ не побѣдили. Уже такова была воля судьбы, чтобы старая Европа, по собственной винѣ, подчинилась новой.

Но какъ же было, въ тылу побѣдоносныхъ войскъ, возсоздать конституцію, свободу, гражданскій порядокъ тамъ, гдѣ все лежало въ развалинахъ, гдѣ вымерла всякая привычка къ закону и гражданскому миру?

Государство Людовика XVI, смѣненное конвентомъ, интенданты старой монархіи, замѣщенные департаментскими комиссарами, — это была плохая школа гражданской свободы. Въ теченіе нѣботораго времени на этой почвѣ лишь законодательная диктатура могла создавать сносное положеніе. Конечно, справедливы слова Канта, что революція такой силы и значенія не забывается. Нельзя было ни истребить, ни заставить забыть идей 1789 года. Онѣ продолжали существовать; но трудно было дать имъ истинно жизненный образъ. Отъ этой-то трудности и колебалась съ этихъ поръ Франція изъ стороны въ сторону, въ болѣзненныхъ судорогахъ. Прежнихъ порядковъ, бывшихъ до 1789 года, уже невозможно было возстановить: объ этомъ позаботился терроръ. Но создать новый прочный порядокъ, какъ бы онъ ни назывался, монархіей или республикой, было тоже гигантскою работою. Еще вопросъ: могъ-ли совершить ее одинъ человѣкъ? Но и этотъ одинъ, кому ввѣрили ее, не захотѣлъ этого.

Страшное разрушеніе послѣднихъ лѣтъ уничтожило всѣ орудія и средства стараго порядка вещей. Уже невозможно было въ прежнемъ видѣ возстановить дворянство и духовенство и на почвѣ, гдѣ такъ безопадно прошелъ кровавый плугъ, насадить старыя сословія и корпораціи. Честное отреченіе отъ всякаго поположенія на подобную реставрацію — первое условіе каждаго новаго созданія. Тутъ-то и была жизненная ошибка Бурбоновъ. Въ своей хартіи они, сравнительно, дали больше свободы, чѣмъ какое-либо правительство до нихъ. Но они не могли привыкнуть къ тому, что націи не слѣдуетъ представлять стараго порядка даже въ символахъ, картинахъ, въ какихъ-либо воспоминаніяхъ. Каждое такое напоминаніе пробуждало духъ народной мести. Отъ этого погибло не одно правительство, даже и не тираническое. Теперь былъ уже новый народъ, съ юношескими годами котораго совпало страшное разрушеніе всего прошлаго, безславное паденіе старой монархіи. Кто пережилъ все это, въ томъ ужъ невозможно было воспитать преданности къ королевской власти. Правда, тогда многіе плыли по всякому теченію: безхарактерности и непостоянства было довольно. Но уже никому не было возможно возстановить чистосердечныя связи хотя бы только съ одними воспоминаніями стараго порядка вещей.

Теперь не было свободы, но зато существовало общественное равенство, какъ нигдѣ въ мірѣ. Все, чтѣ сколько-нибудь мѣшало этому равенству, было разбито. Какъ ни тщеславенъ этотъ народъ во всѣхъ своихъ слояхъ, въ немъ навсегда умеръ прежній духъ сословныхъ подраздѣленій и аристократическихъ различій, которымъ въ старой Франціи отличались не

только высшіе, но и всѣ вообще кружки. Мысль, что всякій имѣеть доступъ ко всему, что каждый солдатъ въ своемъ ранцѣ носитъ маршалскій жезлъ, какъ говоритъ потомъ Бонапартъ, осуществилась даже насчетъ свободы. Но было еще вопросомъ: чтѣ болѣе соответствовало этому народу, что болѣе подходило къ его природѣ,—равенство или свобода? Не отвѣтится ли онъ отъ послѣдней, при существованіи перваго, хотя бы оно состояло въ одномъ равенствѣ повиновенія деспоту, который за то, на страхъ Европѣ, соединить въ своихъ рукахъ всю силу націи? Все, что совершилъ здѣсь терроръ, не было ли лишь особенностью этого народа, правда доведенною до самаго крайняго, самаго дикаго развитія? Трудно отвѣчать на подобные вопросы. Они легки лишь тому, у кого есть готовая система, въ которую онъ насильственно втискиваетъ пеструю разнообразную ткань человѣческихъ дѣяній.

Не только усмирено, но надолго подавлено гражданство средняго сословія, этотъ питомникъ политической свободы. Убита гордость гражданъ, которые, защищая свои права, на каждое изъ нихъ смотрятъ, какъ на обязанность. Заглушенъ самодѣятельный духъ общественности, который одинъ въ состояніи оживить формы всякой политической свободы.

По массы, разъ почувствовавъ, что онѣ управляли Франціей и спасли ее, дошли до сознанія своего значенія, до гордости своимъ могуществомъ, какой не встрѣчается ни у какого другого народа ни въ одинъ періодъ исторіи. Если взять отдѣльное лицо изъ этой массы и разобрать его свойства, то иностранцу нечего было стыдиться; но мы нигдѣ не нашли бы тогда такой мощной способности къ совокупному дѣйствію всей національной силы въ предѣлахъ своего отечества.

Вотъ чѣмъ объясняется и постепенное обнаженіе дерева свободы, пока оно, наконецъ, совсѣмъ не засохло, и та жажда власти, чтѣ соединила націю для внѣшнихъ дѣйствій и объшала ей, если не свободу, то, по крайней мѣрѣ, могущество, завоеванія, славу. Новыя формы жизни, добытыя революціей, не всѣ были потеряны. Прежде всего, оставалось неприкосновеннымъ общественное разчлененіе. Да, быть-можетъ, и вромѣ того было многое, что великій воинъ счелъ достойнымъ принять въ свое законодательство.



ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

ПАДЕНИЕ ТЕРРОРИЗМА И НАЧАЛО РЕАКЦИИ. БОРЬБА КОНВЕНТА СЪ ЯКОВИИЦАМИ И РОЯЛИСТАМИ ДО ВВЕДЕНІЯ КОНСТИТУЦІИ III-го ГОДА СЪ ІЮЛЯ 1794 ДО ОКТЯБРЯ 1795 ГОДА.

ГЛАВА XIX.

Политика и военныя дѣйствія коалиціи отъ 1793 до 1795 года. Парализующее вліяніе польскаго вопроса.

Два раза, сначала по взятіи Лонгви и Вердена, потомъ послѣ паденія Конде и Валансьена, иностранныя державы были въ состояніи пріобрѣсть, даже съ сравнительно ничтожными силами, рѣшительный успѣхъ въ войнѣ съ Франціей, при ея крайнемъ разложеніи. Но эти мгновенія были упущены; а они уже не повторялись. Съ этихъ поръ приходилось бороться съ превосходными по числу массамаи, между тѣмъ какъ въ собственномъ лагерѣ, больше чѣмъ когда-либо, недоставало единства въ предводительствѣ и общей воли. Когда дѣломъ 1793 года быстрому наступленію на Парижъ предпочли вялую фланговую операцію противъ Дюнкирхена, ближайшее нападеніе на востокъ Франціи было уже вообще покинуто. Республикѣ дали 3—4 мѣсяца, чтобы вооружиться, чѣмъ она и воспользовалась. По истеченіи этого срока, одинъ ударъ измѣнилъ все положеніе дѣлъ.

Интереснѣе, хотя въ военномъ отношеніи еще незначительнѣе, были событія на среднемъ Рейнѣ.

Здѣсь яснѣе выказалось внутреннее разложеніе коалиціи. Когда, поздней осенью 1792 г., совершалось позорное отступленіе изъ Шампани, со стороны Австріи и Пруссіи была полная готовность заключить приличный миръ. Вѣдь, во всякомъ случаѣ, король ужъ погибъ. Оттого-то, если бы нашелся золотой мостъ для возврата,

на него взошли бы охотно. По тутъ сами французы сдѣлали окончаніе войны если не невозможнымъ, то крайне труднымъ. Счастливый натискъ Кюстина на Майнцъ (21 октября) да побѣда Дюмурье при Жемаппѣ (6-го ноября) и занятіе Бельгіи,—вотъ два событія, поставившія величайшія затрудненія ходу дипломатическаго примиренія.

Ни одной изъ обѣихъ державъ нельзя было оставлять французамъ Рейна, а, стало-быть, и Нѣмецкой имперіи. Сверхъ того, Австрія потеряла Бельгію,—провинцію, которую она, положимъ, вовсе не желала удержать за собой, но не отдала бы иначе, какъ выгодно промѣнявъ ее, ну, хоть на Баварію. Во всякомъ случаѣ, она всего менѣе была расположена поступиться ею передъ силой оружія. Такимъ образомъ, вскорѣ опять рѣшились на войну. Тутъ ужъ можно было замѣтить перемѣну въ обѣихъ лагеряхъ. Прержнія идеи крестоваго похода за тронъ и алтарь отходили на задній планъ, уступая мѣсто болѣе дѣйствительнымъ стремленіямъ къ завоеванію и расширенію границъ.

Еще при отступленіи сошлись дипломаты обѣихъ державъ для переговоровъ въ деревенькѣ близъ Люксембурга. Австрія прямо объявила, что не видитъ смысла въ войнѣ, потерявшей свою цѣль; но что она готова, впрочемъ, снова взяться за нее, предпологая, что ей позволятъ округлиться насчетъ Франціи. Тутъ и Пруссія, ободренная этою окровенностью, выступила съ своими собственными планами. Она также желала вознагражденія, но совершенно съ другой стороны. По тогдашнему составу прусской монархіи, ей нечего было искать на Рейнѣ. Тамъ у нея были только влочки, которые, въ случаѣ нужды, она готова была повинуть. Все это государство сплачивалось тогда лишь на Востокѣ; стало-быть, только здѣсь и имѣло цѣну вознагражденія.

Россія сдѣлала все, чтобы снова сообщить войнѣ оживленное движеніе. Чтобы русскимъ въ Польшѣ не встрѣчать, по возможности, никакой помѣхи, пожаръ на западѣ долженъ былъ постоянно держатъ насторожѣ другія державы ¹⁾. Эти побужденія выступили яснѣе въ теченіе войны въ Шампани. Конституція, созданная поляками въ маѣ 1791 г., была послѣдней попыткой истинныхъ патріотовъ устроить феодальное государство сколько-нибудь по современному. Было введено національное представительство, лишенное, конечно, многихъ предварительныхъ условій, но, вѣроятно, все-таки общавшее страпъ много хорошаго: педаромъ же всѣ естественные враги Польши видѣли въ немъ опасность для своихъ плановъ раздѣла.

¹⁾ См. стр. 190 и слѣд.

Именно Россія развивала чрезвычайно живую дѣятельность, чтобы, какъ у себя, такъ и за границей, произвести движеніе противъ этой конституціи.

Когда создавалась послѣдняя, Пруссія была еще въ союзѣ съ Польшею. Теперь же она, измѣнчивая, какъ ея политика со смерти Герцберга, вовлеклась въ движеніе противъ конституціи. Тогда было нетрудно поддунать въ Польшѣ партіи, которыя употреблялись, какъ передовые посты иностранцевъ. Дстойная уваженія партія патріотовъ вскорѣ очутилась въ одиночествѣ, безъ опоры въ народѣ; а противъ нея встала могущественная партія, опиравшаяся на Пруссію и Россію.

Этотъ оборотъ дѣлъ уже совершился, когда Австрія столь открыто изложила свои собственныя намѣренія. Сообразно съ ними, и Пруссія объявила теперь съ такой же откровенностью о своемъ желаніи продолжать войну изъ-за куска Польши. Въ упомянутомъ лагерѣ подъ Люсембургомъ подписали формальный договоръ, получившій впоследствии утвержденіе въ Вѣнѣ. На заднемъ планѣ стояли австрійскіе замыслы обмѣна Бельгіи на Баварію и перемѣщенія въ первую Виттельсбахской династіи ¹⁾.

Этимъ раздѣленіемъ вниманія между Рейномъ и Вислой страдаетъ коалиція цѣлые годы. Въ этомъ раздвоеніи силъ гибнетъ единство ея политики и военныхъ дѣйствій. И это длится до тѣхъ поръ, пока Австрія не доводитъ Баварію до того, что та, послѣ 20-лѣтней борьбы противъ австрійскихъ возней, сама бросается въ объятія Франціи. И все это совершилось въ то время, когда окончилась невѣрная, колеблющаяся пора развитія революціи, длившаяся до смерти короля, и у кормила правленія стали люди, за которыхъ можно было ручаться въ одномъ,—что они не испугаются никакихъ средствъ по крайней мѣрѣ для того, чтобы произвести сильное внѣшнее движеніе.

Россія достигла, наконецъ, второго раздѣла Польши между ней и Пруссіей, довольствуясь кускомъ добычи, хотя она всего охотнѣе оставила бы Польшу нераздѣльной, т. е. взяла бы ее всю себѣ.

Второй походъ коалиціи имѣлъ сначала большой успѣхъ. Войско Дюмурье было разбито и разсѣяно. Бельгія была взята обратно въ ту самую минуту, когда Франція пахотилась въ смертельномъ разъединеніи, когда 70 департаментовъ объявили себя противъ столицы. Путь въ Парижъ лежалъ почти открытый. По коалиція осталась вѣрна себѣ. Она шаррахнулась къ Дюнкирхену. Этого, видите-ли, желала Англія, которой не хотѣлось остаться

¹⁾ Виттельсбахи издавна царствовали въ Баваріи. Ред.

безъ добычи въ то время, какъ добыча была уже обезначена за важнымъ изъ другихъ союзниковъ. Что можетъ быть естественно у коалиціи, домогавшейся лишь пріобрѣтенія земель?

Прусскій король объявилъ, что, желая заслужить на западѣ польскую награду, онъ, въ качествѣ союзника, приметъ участіе въ войнѣ и своими войсками, на свой счетъ, отвоеуетъ Майнцъ. Когда это исполнилось, возникъ вопросъ: что-жъ дальше? Въ прусской главной квартирѣ думали: „Впередъ!“ Здѣсь говорилъ старшій инстинктъ прусскаго способа войны. Уже помыслили о Саарлуи, Ландау, какъ вдругъ были огорошены близорукой дипломатіей Гаугвицовъ и Люезини. По мнѣнію этихъ господъ, слѣдовало обождать, пока не увѣрятся въ своей польской наградѣ: государство-де истощено въ финансовомъ отношеніи, и война, продолженная за необходимый предѣлъ, ничего не принесетъ Пруссіи. Въ Австріи съ изумительной охотой пошла навстрѣчу этой политикѣ, которая, правда, вначалѣ не была еще столь злонамѣренной и вѣроломной, какъ впоследствии, когда она, хотя опять отчасти противъ своей воли, привела къ Іенѣ и Ауерштедту.

Тугуть. Неудачи коалиціи.

27-го марта 1793 г. въ положеніи коалиціи произошелъ переломъ.

Когда между Россіей и Пруссіей состоялся извѣстный договоръ насчетъ польскаго раздѣла, въ Вѣнѣ начали беспокоиться. Проснулась старая ревность. Непріятно было согласиться на расширеніе Пруссіи съ востока. Императоръ немедленно распустилъ свое старое министерство иностранныхъ дѣлъ и во главѣ новаго поставилъ барона Франца Тугута ¹⁾. Это былъ умница, хорошій дѣлецъ, нестоимый интриганъ; но, какъ дипломатъ, онъ принесъ Австріи и Германіи столько зла, что немногіе могутъ сравняться съ нимъ въ этомъ.

У него не было никакого высшаго политическаго убѣжденія, никакой великой творческой идеи. Его талантъ, его мастерство въ гибкой рутинѣ служили полнѣйшему отсутствію принциповъ. Поэтому-то его управленіе и было столь необыкновенно вреднымъ. О выборѣ средствъ онъ думалъ совершенно такъ же, какъ во Франціи якобинцы. Это, разумеется, плодъ его долгаго пребыванія въ Кон-

¹⁾ Häusser: Deutsche Geschichte, I, 441 sqq.

стантиниполь, этой образцовой школы страшнаго подкупа, продажной безсовѣстности.

Господствовавшую здѣсь политику серала и дворца онъ перенесъ въ европейскую дипломатію. Это было бы весьма вредно во всякомъ положеніи, а ужъ тѣмъ болѣе въ описываемомъ. Интрига доставляла ему личное удовольствіе. Онъ любилъ тасовать карты, и часто лишь для пріятнаго препровожденія времени. И въ Пруссіи у кормила правленія стояли подобные же люди, только помирнѣе и не столь легкомысленные. Ужъ, конечно, имъ не устроить бы Раштатскаго убійства посланниковъ ¹⁾. Но въ иныхъ случаяхъ слабѣе, нерѣшительные интриганы столь же вредны государствамъ, какъ и энергическіе злодѣи. Единодушному взаимодействию подобныхъ силъ обязана Германія своимъ величайшимъ позоромъ.

Тугуть, бѣдный сынъ линцскаго матроса, попалъ въ министерство за то, что считалъ руководящей идеей своей жизни политику стараго соперничества съ Пруссіей да баварско-бельгійскій проектъ обмена. Вотъ почему первымъ слѣдствіемъ его вступленія въ должность было то, что Пруссія встрѣтила пренія въ ожидаемомъ ею польскомъ вознагражденіи. Исслѣдованіе этихъ преній по большей части прямо приводило, какъ къ источнику, къ вознямъ вѣнскаго кабинета.

Вскорѣ это обнаружилось еще яснѣе. И Россія стала поступать въ такомъ же смыслѣ, хотя ей вовсе не было интереса черезчуръ горячиться изъ-за участія Пруссіи въ раздѣлѣ Польши. Русскіе, вступивъ сюда, принудили извѣстный призрачный сеймъ въ Гродно принять свои предложенія и начали раздѣлъ по своему, не обращая вниманія на Пруссію.

Это обстоятельство объясняетъ небольшую охоту Пруссіи дѣйствовать на Рейнѣ въ то время, какъ на востокѣ вся военная добыча подвергалась всевозможнымъ опасностямъ. Король, съ своимъ рыцарскимъ образомъ мыслей, еще готовъ былъ сдѣлать что-нибудь рѣшительное, но онъ вдругъ наткнулся на противорѣчіе со стороны Австріи.

Здѣсь не желали увеличенія Пруссіи въ Польшѣ, на что пришлось бы согласиться при ея военномъ успѣхѣ на Рейнѣ. Этимъ страдаетъ вся коалиціонная война на Рейнѣ. По взятіи Майнца, она уже начинаетъ запинаться. Австрійскій генералъ, Вумзеръ, на свой страхъ открываетъ партизанскую войну въ Эльзасѣ, ко-

¹⁾ Гейссеръ намекаетъ здѣсь на убіеніе австрійскими гусарами въ Раштатѣ (весной 1799 г.) уполномоченныхъ директоріи, которые вели мирные переговоры съ Германскою имперіей. Объ этомъ см. ниже въ XXII гл. Ред.

торая не приносит никакой выгоды. А пруссаки присутствуют при этомъ съ оружіемъ въ рукахъ и съ высоты своего величія критикуютъ дѣятельность своего союзника. Только разъ двинулись они на подмогу къ нему. Такъ вяло и сонно идетъ дѣло до конца сентября. Тутъ король вдругъ отъѣзжаетъ. Въ глубочайшей тайнѣ затѣяли планъ, начертанный Гаугвицами и Любезини. Король отправился въ Польшу, чтобы тамъ, во главѣ своего войска, осуществить свои притязанія, подвергавшіяся опасности. А тамъ все созрѣло еще до его отъѣзда: жребій Польши былъ уже брошенъ. Было сомнительно, насколько еще удастся Пруссіи поправить здѣсь свои дѣла; но было достовѣрно, что война на Рейнѣ была теперь окончательно подвожена.

Чисто военное превосходство коалиціонныхъ армій надъ солдатами санкюлотовъ тогда еще не подлежало сомнѣнію. Съ этимъ соглашались сами французскіе генералы, напримѣръ С.-Сиръ, Сультъ. Австрійскіе и прусскіе солдаты, участвовавшіе во многихъ битвахъ Семилѣтней войны, были такъ хороши, какъ только это было возможно въ старой школѣ. Французы никогда не отличались въ систематическомъ способѣ владѣть оружіемъ, въ строгой методѣ всей выправки, въ чемъ старая школа сдѣлала столько великаго. Это уже становилось противнымъ характеру старой арміи, а новой осталось вполнѣ чуждо. Достичь этого было не возможно; скорѣе можно было взять верхъ новымъ способомъ драться, соответствовавшимъ природѣ французскаго солдата и средствамъ бывшихъ на-лицо войскъ. Такой переворотъ и сталъ совершаться съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1793 года.

Во французскихъ лагеряхъ находились, по крайней мѣрѣ, колоссальныя массы, которыя, разумѣется, не были еще солдатами, но теперь уже готовились скоро стать ими. Клубные генералы были устранены: способные люди были выдвинуты, наконецъ, впередъ. Явились Пинегрю, Гоши и имъ подобные. Новые предводители распоряжались большими массами. Послѣднія постоянно получали подрѣзкія; онѣ могли вынести и одинъ, и два удара; онѣ мало-по-малу привыкли къ огню. Каждая потеря быстро вознаграждалась, между тѣмъ какъ противникъ могъ насть уже отъ одного утомленія. Вотъ какой тактики держались теперь французы. Подвигались огромными толпами. Впередъ высылали большія массы орудій, обстрѣливая ими непріятеля изъ отдаленныхъ позицій. Если случалось потерять пушки, то ихъ быстро замѣняли: подаркомъ же всѣ колокола французскихъ церквей были перелиты въ орудія! Если же пушки пѣлы, то еще малообученная пѣхота, подъ прикрытіемъ ихъ огня, шла впередъ густыми рядами, такъ что немногочисленныхъ старшихъ войскъ едва хватало на отдѣльно

отряды застрѣльщиковъ. Когда дѣло доходило до рукопашной, сначала вездѣ обнаруживалось еще превосходство нѣмецкихъ вестрановъ. Вѣдь ядро французскихъ войскъ,— національные гвардейцы, все еще не были солдаты; вооруженіе у нихъ было плохо. знакомство съ оружіемъ еще хуже; и повсюду не хватало имъ стойкости и выдержки, отличающихъ стараго солдата отъ молодого.

Но постепенно сгладились и эти недостатки. Противъ австрійцевъ и пруссаковъ примѣнили, въ большихъ размѣрахъ, приемы вандейскихъ врестянь ¹⁾, которые сперва отвергивали огонь по врагу подъ естественнымъ прикрытіемъ, изъ-за кустовъ и деревьевъ, а потомъ съ бурнымъ натискомъ бросались на непріятельскія линіи. Мало-по-малу оказалось, что тощимъ линіямъ старыхъ тактиковъ были не подѣ силу безпрерывныя повторенія фаланговаго боя.

Сверхъ того, на Рейнѣ и Мозелѣ стояли теперь два способные генерала, Пиннегрю съ Гошемъ. Они совокупно вели одно дѣло противъ раздорившихъ между собой союзниковъ.

28-го ноября Гошъ, съ мозельскою арміею, напалъ на пруссаковъ при Кайзерслаутернѣ. Герцогъ (Брауншвейгскій) далеко не былъ равенъ ему по числу войскъ. Но здѣсь еще разъ обнаружилась необыкновенная тактическая благонадежность прусскихъ солдатъ передъ удалью превосходившихъ ихъ французскихъ силъ.

Гошъ направилъ свое нападеніе прямо на то мѣсто, гдѣ пруссаки не ожидали его. И все-таки, послѣ трехъ дней жаркаго боя, его совершенно отбросили. Пруссакъ повертывались въ битвѣ, какъ по эзерциръ-плацу на маневрахъ. Три раза, послѣ блистательныхъ побѣдъ, возвращались они на свою позицію, но не воспользовались благоприятнымъ случаемъ раздѣлить обѣ французскія арміи и соединеніемъ съ Вурмзеромъ предупредить ихъ совокупныя нападенія.

Еще до Рождества Пиннегрю и Гошъ сдѣлали эти нападенія. Истощенныя отдѣльными сраженіями въ теченіе цѣлыхъ недѣль, австрійскія колонны были оттѣспены. Вейсенбургская линія была потеряна, а Лапдау врученъ французами. Когда герцогъ пришелъ теперь на помощь къ генералу, было ужъ слишкомъ поздно. Отступленіе на правый берегъ Рейна стало неизбежнымъ. Въ обоихъ лагеряхъ сваливали другъ на друга вину неудачи; и каждая сторона была въ нѣкоторомъ смыслѣ права.

¹⁾ Sybel, II, 344. O.

Политика союзныхъ державъ. Петербургскій договоръ. Базельскій миръ.

Кабинеты отнеслись въ этому гораздо легче. Съ обѣихъ сторонъ стремились избавиться отъ „проклятой войны“. Продолженіе неудачъ явилось здѣсь лучшимъ средствомъ отбить охоту къ дѣлу. Герцогъ Брауншвейгскій, слава котораго, какъ полководца, уже не слѣдовало больше страдать, если онъ не желалъ потерять ее вполнѣ, подалъ въ отставку. Ну, а прусскій кабинетъ представилъ объясненіе такого рода, что я-де обязался воевать только въ 1793 году; мою обязанность я выполнилъ, и вотъ теперь, по истощеніи финансовъ, принужденъ заключить миръ. Выставленную Пруссіей причину считали тогда преувеличенной, но въ ней была своя доля правды. Благодаря расточительному правленію Фридриха-Вильгельма II, благодаря бесполезной войнѣ съ Голландіей и излишнимъ вооруженіямъ 1790 года, государственная казна Фридриха Великаго была израсходована, и средства къ продолженію войны истощились. Напрягать еще болѣе податную силу народа было невозможно,—это говорилъ еще Фридрихъ Великій. Займовъ дѣлать не желали: ихъ боялись, какъ пугала. Да, здѣсь не могли продолжать войну на собственные средства.

Первые мѣсяцы 1794 года проходили, такимъ образомъ, безъ военныхъ дѣйствій. Пруссія обратилась къ Пѣмечкой имперіи, но та, подобно Австріи, отказала во всякой помощи деньгами. 11-го марта послѣдовалъ указъ объ отозваніи прусскихъ войскъ изъ коалиціи; и теперь только, когда увидѣли, что Пруссія не шутитъ, Голландія съ Англіей обязались, по договору въ Гаагѣ (19-го апрѣля 1794 года), субсидіями удержать ее въ коалиціи. Еще разъ вступила Пруссія въ войну, изъ которой, впрочемъ, уже рѣшилась выйти при первомъ удобномъ случаѣ. Было бы благороднѣе, если бы, признаваясь въ своемъ безсиліи и нежеланіи, она просто удалась. Проведя болѣе трехъ мѣсяцевъ въ переговорахъ о субсидіяхъ, потеряли еще четыре драгоцѣнныхъ недѣли въ совѣщаніяхъ о ходѣ операцій. Лишь 22-го мая Меллендорфъ началъ походъ. Онъ быстро выгналъ французовъ изъ Гаардтекаго хребта, отбросилъ ихъ къ Вогезамъ и, въ концѣ мѣсяца, опять очутился почти на тѣхъ же позиціяхъ, которыя занимали пруссаки въ прошломъ году. Тутъ снова наступила пауза, панолненная крайне скучными переговорами объ исполненіи Гаагскаго договора. Деньги получались медленно и таковой монетой, что пруссаки теряли при этомъ, а голландцы съ англичанами выигра-

вали. Морскимъ державамъ желалось видѣть пруссаковъ въ Бельгіи, а тѣ не хотѣли сойти съ Рейна.

Жалкій раздоръ раздѣлялъ союзниковъ въ то время, какъ Франція ставила на карту жизнь и собственность цѣлой націи, всю себя.

Между тѣмъ потеряли Бельгію.

Австрія отозвала свое войско, разбитое при Флерюсъ (26-го іюня), намѣреваясь оттянуть его въ Баварію ¹⁾. На западѣ уже нечего было спасать. На востокѣ также обнаружился чрезвычайно опасный для Пруссіи переломъ. Польша поднялась въ послѣднемъ геройскомъ возстаніи противъ державъ-раздѣлительницъ, а между Австріей и Россіей подготавливалось соглашеніе, направленное противъ Пруссіи, которое уже одно представляло достаточно причину, чтобы отдѣлиться отъ союзницъ. Въ концѣ октября Пруссія очистила лѣвый берегъ Рейна.

Послѣ подавленія Россіей возстанія, между ней и Австріей состоялся тайный наступательный и оборонительный союзъ (подписанный 3-го января 1795 г.), дышавшій крайней враждебностью въ Пруссіи ²⁾. Вотъ содержаніе этой сдѣлки. Раздѣлъ Польши и Турціи въ пользу обоихъ императорскихъ дворовъ; удовлетвореніе Пруссіи вускомъ Польши, если она согласится на учрежденіе русскаго побочнаго трона въ дунайскихъ княжествахъ, на разграбленіе Австріей Венеціи, на приобрѣтеніе ею Баваріи съ частью Турціи и на все предстоящія ей завоеванія во Франціи; во всякомъ же случаѣ, совокупныя дѣйствія противъ Пруссіи. Нетрудно было догадаться, что ожидало коалицію, которая такъ терзала сама себя въ ту самую минуту, когда передъ ней стояла, возросшая до страшнаго превосходства, оборонительная сила революціи. Въ этомъ петербургскомъ документѣ заключается цѣлѣйшій отдѣлъ всемірной исторіи. Лишь эта безсовѣстная и вѣроломная политика, а не революція, не геній Бонапарта, приводила французскія войска два раза въ Вѣну, разъ въ Берлинъ и, наконецъ, въ Москву. Ничто поразительнѣе этого тайнаго договора не обрисовываетъ слѣдного, легкомысленнаго заблужденія старой политики. Это-то и навлекло на союзниковъ одну катастрофу за другой.

¹⁾ Такъ, по крайней мѣрѣ, все думали тогда. Подозрѣвали, что Тугутъ вошелъ въ сдѣлку съ Робеспьеромъ, по которой Франція получала Бельгію и обязывалась за это помочь Австріи въ приобрѣтеніи Баваріи. См. объ этомъ у Зибеля, III, кн. 9, гл. 5. Ред.

²⁾ Здѣсь Гейссеръ замѣчаетъ, что съ самымъ документомъ этого союза договора онъ познакомился лишь два года тому назадъ, т. е. въ 1858 году. Онъ имѣлъ въ виду извѣстный трудъ Милютина о войнѣ 1799 года, который былъ переведенъ тогда на нѣмецкій языкъ Шмидтомъ. Ср. у Зибеля, III, кн. 10, гл. 4. Ред.

Мы не можемъ сказать, была-ли эта сдѣлка извѣстна въ Берлинѣ; но тамъ, во всякомъ случаѣ, знали направленіе политики, приведшей къ ней ¹⁾.

Пруссійскій король, который, въ благородной нерѣшимости, отвергалъ до сихъ поръ всякіе переговоры съ террористами, теперь самъ выказалъ готовность вступить въ сношенія съ ними. Такимъ-то образомъ, пруссаки, отчасти покинутые, отчасти преданные всѣми союзниками, заключили Базельскій миръ 5-го апрѣля 1795 года ²⁾.

Сначала это былъ лишь отдѣльный миръ, съ условіемъ посредничать объ общемъ мирѣ и для Нѣмецкой имперіи, хотя и не безъ задней мысли исключить изъ него Австрію, если она не согласится. Обверго-германскія государства въ разграничительной чертѣ ³⁾ становились подъ покровительство Пруссіи, а Ганноверъ, въ случаѣ его сопротивленія, брали на сохраненіе, какъ залогъ, съ цѣлью постепенно приучить его къ прусскому владчеству. Здѣсь слѣдуетъ точно отдѣлять одну отъ другой двѣ вещи: событія, приведшія къ миру, и самый миръ. И самъ много способствовалъ уясненію первыхъ ⁴⁾. На нихъ часто смотрѣли, какъ на оправданіе мира; но я не нахожу достаточно сильныхъ словъ, чтобъ опровергнуть этотъ взглядъ. Да, все, что происходило между Австріей и Россіей, разумѣется, давало право Пруссіи на каждый спасительный шагъ. Но Базельскій миръ не былъ слѣдствіемъ одной сдѣлки и объявленія 3-го января. На путь, приведшій къ нему, вступили уже съ 1792 г., начиная съ несчаст-

¹⁾ О крайне затруднительномъ положеніи въ то время Тауенцина, прусскаго посланника въ Петербургѣ, подробно рассказываетъ Зибелъ (III, кн. 10, гл. 4), на основаніи бумагъ прусскаго государственнаго архива. Ред.

²⁾ Тутъ только одна сторона взгляда Гейссера на Базельскій миръ. Исполнѣ и настоячиво выясняется онъ на слѣдующихъ страницахъ. Ред.

³⁾ По Базельскому миру, вся Германія была раздѣлена „разграничительной чертой“ (демаркаціонной линіей) на двѣ половины, изъ которыхъ южная исключалась изъ благодѣяній мира. Вообще, вотъ точныя условія этой сдѣлки по Зибелю. „Французскія войска сохраняютъ за собой владѣніе провинціями короля на лѣвомъ берегу Рейна: окончательное рѣшеніе насчетъ этихъ земель отлагается до мира съ Имперіей. Затѣмъ въ тайной статьѣ изъяснилось: если имперія предоставитъ лѣвый берегъ Рейна республикѣ, то король вступить въ соглашеніе съ послѣдней касательно уступки ей своихъ тамошнихъ провинцій за вознагражденіе нѣкоторыми ближайшими землями. Относительно разграничительной черты французамъ всего болѣе не нравилось то, что ею прикрывался Ганноверъ, тогда какъ отъ курфюрста нельзя было ожидать честнаго нейтралитета. На это берлинскій дворъ отвѣчалъ готовностью, въ случаѣ нужды, занять войсками эту землю и такимъ образомъ обезпечить ее нейтралитетомъ.“ Ред.

⁴⁾ Гейссеръ имѣетъ полное право говорить такъ о своемъ классическомъ сочиненіи: Deutsche Geschichte seit dem Tode Fr. d. Grossen. Ред.

наго оборота польскихъ и французскихъ дѣлъ, съ вялаго веденія войны на Маасѣ и Рейнѣ, съ возней Гаугвицовъ и Люкезини. Къ такому концу готовились уже три года. Вотъ почему значительная доля вины лежала на самой прусской политикѣ.

Миръ нарушалъ преданія этого государства. вмѣсто того, чтобы стать державой съ рѣшительнымъ вѣсомъ въ Европѣ, Пруссія отошла въ свиту Франціи. На этомъ она не могла остановиться. Ей хотѣлось приобрѣсть гегемонію въ Германіи: это лежало въ ея политическихъ преданіяхъ. По можно-ли было достигнуть этого, отдавая, по тайному договору, рейнскія провинціи французамъ за ихъ обѣщаніе дать ей ополовинить Германію по Майнѣ, еще съ Ганноверомъ въ запасъ?

Пруссія жестоко поплатилась за это великое заблужденіе. Развѣ можно было желать утвержденія въ Германіи своего господства и въ то же время жертвовать частью той же Германіи, да стараться въ союзѣ съ Франціей, проiscaми добыть, Ганноверъ и другія земли? Уже скорѣе пусть завоевали бы мелкія государства, если на то хватало силъ, чѣмъ принимать ихъ отъ французовъ, какъ подарокъ: это было безнравственно не только въ гражданскомъ, но даже и въ политическомъ отношеніи.

На этомъ-то пути созрѣла старая Европа, какъ добыча нападений, которыя съ этихъ поръ все болѣе и болѣе усиливались. Это изумительное развитіе дѣлъ совпадаетъ съ гибелью террористскаго правленія внутри Франціи. Въ ту самую минуту, когда тамъ пережилъ себя терроризмъ, пережили себя и старыя державы: онѣ явились во всей своей наготѣ и слабости.

ГЛАВА XX.

Паденіе терроризма. Борьба умѣренныхъ (термидористовъ) съ старыми товарищами Робеспьера. Начало реакціи. Обвиненіе служителей террора. Возстановленіе жирондистовъ.

Съ паденія Робеспьера до вмѣшательства Бонапарта въ общественныя дѣла идетъ теперь связаная цѣпь событій. Лишь одно мгновеніе можно было сомнѣваться насчетъ того, кто былъ истиннымъ побѣдителемъ 9-го термидора. Со стороны Бильо и Колло, всего болѣе способствовавшихъ перевороту, было изумительнымъ заблужденіемъ воображать, что они совершили его для себя. Паденіемъ ими ударъ хватилъ далеко за ихъ цѣль и, наконецъ,

низвергъ ихъ самихъ. Лишь первыя мѣры снова ожившаго конвента вытекли изъ полного согласія прежнихъ террористовъ съ умѣренными. Но вскорѣ этому суждено было совершенно измѣниться.

Устранили законъ 22-го преріала, посредствомъ котораго терроризмъ достигъ своей вершины. Очистили революціонный трибуналъ отъ самыхъ предосудительныхъ личностей и отдали подъ судъ, наконецъ, самого продажнаго обвинителя, Фулье-Тенвиля. Тутъ дѣйствовали единодушно; но идти дальше на первый разъ не располагали. Монтаньяры, хотя временно получившіе верхъ, думали не о разрушеніи остальной машины, а о дальнѣйшемъ, нѣсколько умѣренномъ управленіи ею.

Но прошло немного времени, какъ уже выяснилось, что не только конвентъ, но и народъ началъ повсюду возвращаться къ самостоятельной жизни. Если прежде гнетъ клубовъ, печати, секцій, адресовъ и комитетовъ побуждалъ конвентъ все къ болѣе крайнимъ поступкамъ, то теперь его осаждали и увлекали съ другой стороны. Если прежде на парижскихъ улицахъ массы вѣчно были въ движеніи, чтобы разжигать и подкрѣплять терроризмъ, то теперь совершалось противное. Прежній ходъ дѣлъ повторился вполнѣ, но давленіе шло уже отъ другого слоя населенія и увлекало въ другомъ направленіи. Среднее сословіе—буржуазія зашевелилась снова. Она требовала мести за претерпѣнную несправедливость, защиты отъ повторенія безмѣрныхъ преступленій. Она все болѣе и болѣе принимала положеніе, столь же противное желаніямъ остатковъ якобинства, какъ и искусственной умѣренности, осмотрительной осторожности, которыя пока еще соблюдались большинствомъ конвента.

Обновили комитеты, сдѣлали ихъ независимыми отъ комитета общественнаго блага. Да и послѣдній преобразовали въ умѣренномъ духѣ. Ограничили число революціонныхъ комитетовъ въ департаментахъ. До тѣхъ поръ ихъ было 52,000, съ 560,000 членовъ, при 600 милліонахъ годового расхода; теперь приходилось по одному на дистриктъ. Уничтожили секціи, какъ постоянное учрежденіе, вмѣстѣ съ поденной платой ихъ посѣтителямъ, несмотря на жалобу Тальефера, будто аристократія опять подымается въ секціяхъ. А 16-го октября послѣдовалъ законъ противъ тайныхъ обществъ, возвѣстившій, между прочимъ, якобинскому клубу его судьбу. Смертній приговоръ революціоннымъ обществамъ поразилъ въ корнѣ всесильное вліаніе главной ложк. Первою статьёй этого закона ¹⁾ запрещались всѣ аффиліаціи,

¹⁾ Hist. parlem., XXXVI, 132 sqq. O.

агрегациі, федераціи и всякая переписка отъ имени такихъ обществъ, какъ „вредныя правительству и противныя единству республики“; второю возбранялись петиціи или адреса отъ имени подобныхъ обществъ, а ослушникамъ угрожалось арестомъ. Право петицій предоставлялось лишь отдѣльнымъ лицамъ, а не обществамъ, и т. д. Это подрѣзало жизненный нервъ у якобинскаго клуба. Онъ могъ продолжать свое существованіе, какъ невинное собраніе гражданъ, по съ его вліяніемъ было покончено навсегда.

Относительно переменъ въ настроеніи умовъ замѣчательно, что всѣ эти крутыя мѣры проводились такъ легко. Вскорѣ онѣ перестали даже удовлетворять желаніямъ, пробудившимся въ самой націи. Уже одинъ взглядъ на парижскія улицы показывалъ, какъ быстро и полно измѣнилъ все одинъ день. Исчезли дикія шайки пролетаріевъ, тревожившія, бывало, улицы и площади. Отовсюду снова пробивалась веселая толпа, привѣтствовавшая паденіе тираніи, какъ всеобщее празднество, какъ возвратъ къ давно забытой радости. Снова пробудились и необузданно требовали своихъ правъ юморъ, страсть къ удовольствіямъ и легкомысліе старой Франціи. Лучшіе классы гражданъ снова начали задавать тонъ. Уже не назначалось премій за грязныя сапюлотскія продѣлки. Опять настала пора приличія, нарядности и даже роскоши. Увеселительныя мѣста снова наполнились, и появились разодѣтые молодые люди. Эту „раззолоченую молодежь“ (jeunesse dorée) осмѣивали, но побѣда все-таки осталась за новымъ направленіемъ. Все это вмѣстѣ представлялось истинно французскою сатирическою пьесой, слѣдовавшей за страшною трагедіей террора. Не одно простительное веселье, долго насильственно подавляемое и теперь прорвавшееся неудержимо, но и другія чувства проснулись въ этомъ классѣ, столь безпощадно избитомъ, ограбленномъ и обезчещенномъ въ правленіе террора. Если у послѣдняго были свои пѣсни палачей и крови, то теперь распѣвали пѣсьи мести, полную непримиримой, кровавадною ненависти,— „Пробужденіе народа (Réveil du peuple)“¹⁾. „Раззолоченная мо-

¹⁾ Вотъ она (см. *Garante*, V, 235):
 Peuple français, peuple de frères,
 Peux tu voir sans frémir d'horreur
 Le crime arborer la bannière
 Du carnage et de la terreur?
 Tu souffres qu'une horde atroce,
 Et d'assassins et de brigands,
 Souille de son souffle féroce
 Le territoire des vivants?

Oui nous jurons sur votre tombe,

лодежь“ была устроена по военному, словно полкъ мести. Темный кафтанъ, крепь на рукавъ, тяжелая палка, замѣненная потомъ саблей и ружьемъ, ясно отличали ее въ толпѣ. А необыкновенная дерзость, съ которой она выступала противъ всего якобинскаго, свидѣтельствовала объ ея образѣ мыслей. Ей удалось (характеристично для перемѣны положенія дѣлъ!) налочными ударами разогнать якобинскій клубъ.

Съ затаенной злобой старался якобинскій клубъ примѣниться къ трудному времени, наступившему теперь для него. Опъ принялъ даже извѣстный убійственный законъ 16-го октября, въ надеждѣ все-таки обойти его. Словомъ, по внѣшности онъ такъ хорошо приноровился къ обстоятельствамъ, какъ только было возможно. Каково однако было теперь настроеніе, видно изъ того, что въ клубъ опять вступили Бильо и Колло, выброшенные оттуда 8-го термидора и сѣтовавшіе, что не могли остановить закона. Клубъ сталъ гнѣздомъ всѣхъ безстыдныхъ террористовъ. Не было недостатка въ дикихъ выраженіяхъ, грозныхъ завлеченіяхъ; но публика уже вполне измѣнилась. Въ улицѣ С. Опора, гдѣ находился клубъ, уже не было подъ рукой готовыхъ къ бою пролетаріевъ, ожидавшихъ только слова клубныхъ ораторовъ, чтобы по своему спасти государство. Въмѣсто нихъ стояла сварливая гвардія средняго сословія, сильно отравлявшая жизнь патріотовъ. Продѣляли когда-то всемогущей партіи вездѣ имѣли гипшоκραтическій видъ.

Въ конвентѣ не сдѣлали еще послѣдняго шага, еще не распорядились закрытіемъ клуба, но каждый день можно было ждать постановленія объ этомъ. Между тѣмъ, петербливая „раззолоченная молодежь“ сама сымпровизовала государственннй переворотъ, который, годъ тому назадъ, неминуемо повелъ бы къ уличному бою, теперь же разыгрался необыкновенно веселой шуткой.

Вечеромъ 9-го ноября, кто-то, въ Пале-Рояль, сдѣлалъ кружку молодыхъ людей изъ „раззолоченныхъ“ такое предложеніе: не осадить-ли намъ якобинцевъ? Сказано—сдѣлано. Съ толстыми надуками пускаются въ путь. Изъ другихъ кофеенъ приходитъ подвѣрженіе. Съ громкимъ кривомъ катится толпа къ клубу. Сна-

Par notre pays malheureux,
De ne faire qu'une hecatombe
De ses cannibales affreux.

(„Французы! Братья! Ужели вы можете смотрѣть безъ содроганія, какъ преступленіе воздвигаетъ знамя рѣзни и ужаса? Ужели вы потерпите, чтобы лютаго орда убійць и разбойниковъ осквернала своимъ сварливымъ дыханіемъ землю живыхъ людей?... Клянемся на вашей могилѣ, клянемся именемъ нашей несчастной страны, что у насъ будетъ одно только дѣло—устраивать обширныя жертвоприношенія изъ этихъ ужасныхъ каннибаловъ“). Ред.

чала она бросаетъ въ окна залы камнями съ мостовой, затѣмъ съ вулаками нападаетъ на женщинъ, приверженныхъ патріотамъ, на „чулочницъ (*tricoteuses*)“ или „вдовъ Робеспьера“ ¹⁾. Патріоты дѣлаютъ мужественную вылазку, — и завязывается общая безпорядочная свалка, которая оканчивается отступленіемъ якобинцевъ. Цѣлую недѣлю все смѣялись надъ великолѣпной сценой, какъ когда-то столь страшные якобинцы показывали пятки. А два дня спустя, комитетъ общественнаго блага постановилъ окончательно закрыть клубъ (11-го ноября); конвентъ встрѣтилъ это извѣстіе радостнымъ одобреніемъ.

Теперь слѣдовалъ ударъ за ударомъ. Законъ о высшихъ цѣнахъ, который съ 9-го термидора нигдѣ уже не соблюдался, устранили и формально. Судъ совершенно преобразовали. Согласно съ его назначеніемъ, онъ былъ введенъ въ первоначальные законные предѣлы. 6-го декабря снова призвали 73 жирондиста, которые нѣкогда объявили себя единомышленниками остальныхъ опальныхъ и за это были вытѣснены изъ конвента. Много разъ ставился вопросъ: какъ это террористы пощадилъ этихъ 73-хъ? Немислимо, чтобы ихъ забыли: ни противъ какого класса не свирѣствовали такъ расчитанно, какъ противъ того, въ которомъ они принадлежали. Въ тому же они сидѣли подъ арестомъ въ Парижѣ. Ихъ спасеніе входило, вѣроятно, въ планы властелиновъ. Робеспьеръ, быть можетъ, расчитывалъ опять воспользоваться ими въ конвентѣ, послѣ извѣстнаго столкновенія съ гебертистами и дантонистами. Дантонъ же, который, кромѣ того, лично не желалъ ихъ крови, думалъ, конечно, пайти въ нихъ опоры противъ Робеспьера. Какъ бы то ни было, ихъ пощадилъ; и въ эту минуту они представили чрезвычайную важную силу для поддержки направленія, одержавшаго теперь верхъ въ конвентѣ. Эти люди не были запятаны терроризмомъ; ихъ пельзя было даже упрекнуть въ уступчивости, за которую многіе порицали и такихъ людей, какъ Карло. Съ ними внесли въ конвентъ элементъ мести, могущественный по своему таланту, силѣ убѣжденій и страстному озлобленію.

И даже изъ тѣхъ 32 жирондистовъ, которыхъ подвергло опалѣ

¹⁾ Какъ извѣстно, женщины играли не послѣднюю роль въ революціи. У нихъ были свои собственные клубы: „Братскія общества“, „Общества республиканокъ и революціонерокъ“ и т. п. Парижская община опредѣлила имъ почетное мѣсто въ гражданскихъ процессіяхъ, гдѣ имъ предоставлялось носить знамя съ надписью: „Онѣ вывели тирановъ!“ Въ этомъ постановленіи было сказано, между прочимъ: „Онѣ, съ своими мужьями и дѣтьми, будутъ присутствовать на національныхъ празднествахъ и вязать чулки“. Отсюда и произошло имя „*tricoteuses de Robespierre*“. Р е д.

постановленіе 2-го іюня 1793 года ¹⁾, еще уцѣлѣла часть, между тѣмъ какъ остальные пали подъ гильотиной. Въ числѣ уцѣлѣвшихъ были Инаръ и Ланжюинэ, оба чрезвычайно твердые характеромъ и краснорѣчивые. Когда были возвращены тѣ 73, вскорѣ возникла мысль вернуть и этихъ ихъ друзей. Сначала тутъ представлялись затрудненія, но въ мартѣ 1795 года они были устранены. Инара, Ланжюинэ и еще нѣкоторыхъ жирондистовъ торжественно привели въ Парижъ.

Натискъ якобинцевъ и ихъ пораженіе (1-е апрѣля и 20-е мая, или 1-е преріала).

Такимъ образомъ, жиронда опять нашла часть своихъ старыхъ вождей; но съ ихъ возвращеніемъ въ конвентъ она не заняла своего прежняго положенія. Она сдѣлалась реакціонной. Отбросивъ свои старыя мечты, она чуть не стала уже представительницей монархическаго порядка. Инаръ говорилъ: „Хотите воздвигнуть памятникъ предшествовавшему правительству—соберите кости умерщвленныхъ имъ: изъ этого выйдетъ страшная пирамида!“ Вотъ съ какими мыслями вернулась жиронда. Обвиненіе Бильо и Колло стало теперь неизбѣжнымъ. Уже немислимо было видѣть ихъ обоихъ въ этомъ конвентѣ.

Вскорѣ послѣ 9-го термидора, вызвали въ революціонный судъ, сначала безъ дальнѣйшаго умысла, множество самыхъ низкихъ органовъ террористскаго правленія, въ родѣ Мепъе, Лебона, Каррье, этихъ палачей Авиньона, Арраса, Напта. Но процессъ ихъ вели не наскоро, какъ бывало, а съ большими, обстоятельными подробностями. Противъ Баррье были налицо 94 свидѣтеля изъ Напта. Ихъ показанія, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ, принадлежатъ всемірной исторіи. 94 человекъ изъ Напта были остаткомъ 132 несчастныхъ, преданныхъ Каррье парижскому кровавому трибуналу для осужденія и спасенныхъ термидоромъ. Нельзя безъ потрясенія читать описанія ихъ 40-дневнаго путешествія въ Парижъ ²⁾. Бѣдняки, которые, какъ видно изъ ихъ показаній, были республиканцами, подвергались всѣмъ мукамъ холода и голода, отвратительныхъ темницъ и варварскаго обращенія. 38 изъ нихъ убило несчастіе. Другіе выступили теперь страшными обвинителями наптскаго революціоннаго комитета. Послѣд-

¹⁾ См. стр. 320. Рех.

²⁾ Campardon, II, 210, 211.

ній указывалъ на Каррье, какъ на виновника. И въ судебной залѣ все громче раздавался крикъ: „Каррье! Каррье!“ Такимъ образомъ и онъ не избѣжалъ, наконецъ, суда.

Медленно и осторожно подвигались впередъ конвентъ съ комитетамъ въ своемъ слѣдствіи; но то, что выходило теперь мало-по-малу на свѣтъ Божій, было крайне ужасно. Цѣлыя недѣли передъ глазами публики разоблачалась система потопленій (pouades), эта ужасная смѣсь животной похоти и кровожадности ¹⁾. Передъ оградой суда снова каждый день переживали всѣ ужасы, произведенныя безчеловѣчнымъ фанатизмомъ. Послѣ приговора такимъ чудовищамъ, былъ близокъ вопросъ: почему шадятъ комитетъ, на приказанія котораго безпрерывно ссылаются злодѣи?

И вотъ, въ мартѣ, послѣдовало, наконецъ, формальное обвиненіе служителей терроризма, которые до термидора шли за Робеспьеромъ и возмущались противъ него лишь тогда, когда имъ стала угрожать участь гебертистовъ и дантонистовъ. Это подало сигналъ къ возстанію якобинцевъ 1793 года противъ конвента. Послѣ всего, что у нихъ уже отняли, желаніе призвать теперь къ отвѣту и ихъ старыхъ вождей доказывало имъ, что реакція лишь въ началѣ своего крутого пути, что она рѣшилась рѣзко и навсегда покончить съ роднымъ имъ порядкомъ вещей. У пролетарія, жившаго до термидора насчетъ государства, было достаточно чисто матеріальныхъ причинъ считать новый порядокъ чрезвычайно жалкимъ. 2 франка, которые получали онъ ежедневно, пропали; заработокъ въ секціяхъ изсякъ; а между тѣмъ, съ обращеніемъ закона о высшихъ цѣнахъ, исчезъ дешевый хлѣбъ, и 6 миллиардовъ ассигнатовъ, сносный курсъ которыхъ поддерживала гильотина, начали страшно падать. Вдругъ живо прорвалась реакція противъ неестественныхъ порядковъ временъ террора. Рано или поздно ей слѣдовало наступить. Теперь она настала; и было бы чистымъ безразсудствомъ обвинять въ ней тогдашнее поколѣніе.

1794 годъ былъ страшно неурожайный ²⁾. И безъ того тор-

¹⁾ Расправа Каррье съ панцами была образцомъ свирѣпства террористовъ. Припоминая, какъ Перонъ потопилъ свою мать, онъ устроилъ суда, которыя везали на дно, когда на нихъ перевозили по Луарѣ сотни несчастныхъ. „Республиканскими свадьбами“ называлось у него такого рода свляпаніе веревками мужчинъ и женщинъ передъ потопленіемъ, что о немъ нельзя и говорить печатно. Вотъ какъ, напримѣръ, описывали зѣрства Каррье сами ихъ соучастники: „Мы видѣли охотниковъ, которые, по приказу своихъ вождей, перекидывались дѣтьми, швыряли ихъ со штыка на штыкъ, поджигали дома, потрошили беременныхъ женщинъ и жарили живьемъ 14-лѣтнихъ дѣтей“. Ред.

²⁾ У Зибеля (III, 11 кн., 2 гл.), напротивъ, говорится, что годъ былъ уро-

говля и промышленность пришли въ полный упадокъ; и вотъ къ этому присоединилась еще суровая зима, дозволившая Пишегрю по замерзшимъ каналамъ Голландіи проникнуть до Амстердама. Въ одно и то же время явились холодъ и голодъ, нужда и лишенія, потеря всего, что такіе люди считали свободой. Этимъ объясняется боевой кликъ, опять послышавшійся теперь: „Хлѣба и конституціи 1793 г.“ Въ описываемую минуту и то, и другое было одинаково понятно: тогда государственный коммунизмъ былъ уже повинуть; а эти господа подразумевали подъ конституціей именно два поденныхъ франка, законъ о высшей цѣнѣ, принудительный курсъ ассигнатовъ, и т. д. Такъ подготовлялись сцены въ родѣ апрѣльскихъ. Тутъ массы врываются въ конвентъ, чтобы по-старому постановлять, вмѣстѣ съ его членами, то, чего жаждало ихъ сердце. Тутъ, въ самомъ собраніи, партіи чуть-чуть не вступаютъ въ рукопашную, и лишь послѣ нѣсколькихъ часовъ суматохи восстанавливается нѣкоторое спокойствіе. Изъ департаментовъ приходятъ извѣстія о подобныхъ же сценахъ. И лишь посредствомъ ареста послѣднихъ, самыхъ виновныхъ членовъ старой партіи горы спасается комитетъ безопасности.

Близжайшимъ и единственнымъ слѣдствіемъ этихъ событій была еще болѣе полная побѣда правой стороны.

Тогда, 20 мая 1795 г., устроили возстаніе на старшій ладъ. Въ этотъ день (1-го преріала), рано утромъ, часовъ въ 5, въ предмѣстьяхъ С. Антуанъ и С. Марсо загремѣлъ набатъ, въ другихъ забили генераль-маршъ. Массы сѣдаютъ на свои сборныя мѣста. Въ 11 часовъ конвентъ открываетъ свое засѣданіе. Прочитываютъ мятежное воззваніе возставшихъ. Трибуны встрѣчаютъ его съ восторгомъ, конвентъ — съ глубокимъ негодованіемъ. По предложенію одного члена, все собраніе встаетъ и елпается, что не двинется съ мѣста, что бы тамъ ни случилось. Затѣмъ, при извѣстномъ смѣхѣ сволочи на трибунахъ, приступаютъ къ энергическимъ мѣрамъ предосторожности. Городъ Парижъ дѣлается отвѣтственнымъ за всякое нападеніе на пародныхъ представителей; каждаго гражданина приглашаютъ отправиться въ свою секцію и взяться за оружіе; каждый зачинщикъ возстанія объявляется внѣ законовъ, а конвентъ безсмѣннымъ. Тутъ часть трибулъ наполняется жепщинами; онѣ взлѣзаютъ на давки и голосятъ: „Хлѣба! Хлѣба!“ Голосъ президента заглушается. На самое приказаніе очистить трибуну отвѣчаютъ грубыми ругательствами

жайный, и голодъ приписывается плану террора. „So reichen Ertrag (сказано тамъ) der Boden des Ackers in diesem Jahre geliefert, so war zuletzt die Verkehrtheit der Menschen doch stärker als die Freigebigkeit der Natur“ etc. Ред.

и сжатými вулаками. Вскорѣ всѣ трибуны были уже затоплены мятежными женщинами. Вдругъ съ улицы слышится стукъ въ наружныя двери. Буасси д'Англа и Дюмонъ садятся рядомъ съ президентомъ, а стража плетъми сгоняетъ женщинъ съ трибунъ. Но вотъ двери выламываются и врываются массы. Стража и депутаты бросаются имъ навстрѣчу, и имъ удается отогнать мятежниковъ. Но еще не подошли національные гвардейцы изъ секцій, а нападеніе уже опять начинается. Защитниковъ конвента отгнать, а депутата Феро, который геройски устремляется противъ нападающихъ, закалываютъ. Три часа спустя, вся зала была въ рукахъ мятежниковъ. Тутъ поднимается неописанная суматоха, которая длится безъ перерыва цѣлые шесть часовъ. На предсѣдательскомъ креслѣ Буасси д'Англа. Ему угрожаютъ ружейными стволами, пиками и саблями, какъ случилось съ королемъ 10 іюня 1792 года. Но онъ хладнокровно и непоколебимо держится на своемъ посту; а толпа страшится сдѣлать послѣдній, самый рѣшительный шагъ. Является уже готовая программа. Вторгнувшіеся въ конвентъ постановили: безсмѣнность секцій, арестъ всѣхъ эмигрантовъ, освобожденіе всѣхъ захваченныхъ патриотовъ, возстановленіе парижской общины, возвратъ яacobинскихъ депутатовъ, и т. д. Учредили также временное правительство. Наконецъ, около полуночи пришла помощь. Лежандръ, Шепье и другіе привели стражу, и имъ удалось очистить залъ послѣ горячей борьбы, между тѣмъ какъ въ это же время съ улицы подошли батальоны гражданской гвардіи. Теперь сожгли постановленія мятежниковъ, задержали временное правительство и арестовали цѣлую кучу террористовъ. Въ слѣдующіе дни противъ послѣднихъ судорогъ возстанія помогло энергическое вмѣшательство тысячъ двухъ солдатъ изъ сѣверной арміи. Терроръ лежалъ во прахѣ. То было послѣднее, теперь уже недостаточное, усиліе старой парижской партіи террора. Ея вождей сослали въ Кайену; многихъ разстрѣляли на Марсовомъ полѣ; иныхъ заключили въ тюрьму. Предмѣстья были обезоружены, а революціонный судъ уничтоженъ. Терроризмъ былъ подвошенъ надолго.

Конституція III-го года.

Правительство находилось теперь въ странномъ положеніи. Правда, мимолетное большинство конвента хорошо низвергло его враговъ. Но что же изъ этого?

Для вновь всплывающаго роялизма была изумительною случайностью смерть единственнаго сына Людовика XVI,

которая послѣдовала какъ разъ въ это время (8-го іюня). Нельзя и думать, чтобы его спровадили на тотъ свѣтъ. Никогда еще всеобщее настроеніе не было менѣе враждебно къ несчастному ребенку, чѣмъ именно въ эту минуту. Прежде, дѣйствительно, гадко обращались съ слабенькимъ мальчикомъ ¹⁾. Но въ послѣднее время его положеніе измѣнилось, улучшилось; а его похитила смерть. Его кончина именно въ эту минуту была странной случайностью. Никогда еще, съ 1792 года, обстоятельства такъ не благопріятствовали надеждамъ бурбонскаго претендента на престоль, какъ теперь. Если конвентъ и былъ противъ, то, почему знать? быть можетъ, между генералами находился свой Монкъ. А что значилъ конвентъ безъ военнаго вождя или во враждѣ съ нимъ? У другихъ бурбонскихъ принцевъ надежды были гораздо отдаленнѣе. Они были слишкомъ замѣшаны во всѣхъ событіяхъ, непріязненныхъ новой Франціи. Прежде чѣмъ имъ возвратиться, должны были возникнуть обстоятельства, за послѣдствія которыхъ пока еще никто не могъ ручаться. А, вѣдь, эти принцы—не сама же королевская власть: и безъ нихъ, даже вопреки имъ, можно было помышлять о возстановленіи монархіи.

Этимъ особеннымъ положеніемъ правительства и конвента объясняется направленіе конституціонныхъ работъ, за которыя взялись они теперь.

Конституціонный комитетъ состоялъ преимущественно изъ жирондистовъ и другихъ умѣренныхъ элементовъ. Навѣки достопамятное явленіе, что изъ этого собранія вышла самая консервативная конституція въ мірѣ. Вотъ она.

23-го іюня Бусси д'Англа представилъ докладъ, ясно изображавшій перемѣну времени и настроенія. „Наконецъ,—сказалъ онъ,— настала счастливая минута, когда мы перестаемъ быть гладиаторами свободы и можемъ сдѣлаться ея истинными оспователями. Въ этомъ собраніи я уже не вижу осквернявшихъ ее нечестивцевъ. Своды этого храма уже не оглашаются ихъ кровожадными вливами, ихъ преступными предложеніями. Папи совѣщанія уже не будутъ скованы тираніей децемвировъ; ихъ не будетъ растлѣвать демагогія соумышленниковъ этихъ послѣднихъ“... „Развѣ истевшія шесть лѣтъ не кажутся шестью вѣками? Развѣ революція не завѣщала намъ развалины повсюду? Кто не скажетъ, что вездѣ мы видимъ слѣды и опустошенія времени? Да не пройдетъ же для насъ даромъ этотъ дорого купленный опытъ! Воспользуемся же преступлениями монархіи, заблужденіями учредительнаго собранія и колебаніями законодательнаго; воспользуемся

¹⁾ Sybel III, 388 sqq.—Barante, V, 549 sqq. O.

злодѣяніями децемвирской тираніи, бѣдствіями анархіи, несчастіями конвента, ужасами гражданской войны“!

Тутъ ораторъ подвергаетъ строгому суду всѣ попытки даровать Франціи государственное устройство, въ особенности же конституцію 1793 года, которая была ничто иное, какъ орудіе всемогущей партіи, опиравшейся на клубы и комитеты. Въ ней проведено безграничное всевластіе законодательныхъ собраній: стало быть, вотъ первое, чего нужно избѣгать. На этомъ пути свобода всегда подвергается опасности сдѣлаться добычей нѣсколькихъ честолюбцевъ. Точно также не должно обременять самую націю вѣчными совѣщаніями и выборами: это значило бы отрывать народъ отъ земледѣлія, промысловъ и труда. Между этими крайностями необходимо найти мѣру и цѣль.

Другое обычное заблужденіе, это—безусловное равенство въ обществѣ. Оно унаслѣдовано революціей отъ ея отцовъ, членовъ учредительнаго собранія. Безусловное равенство—опасная, лишенная почвы химера. Если допустить его, то нужно признать безусловное равенство всѣхъ въ добродѣтели, воспитаніи, образованіи, имуществѣ. А это невозможно. Единственное правильно понятое, необходимое и исполнимое равенство, это — равенство передъ закономъ, передъ гражданскимъ правомъ.

Участіе въ правленіи должно связать съ извѣстнымъ имуществомъ, такъ какъ послѣднее служить залогомъ высшаго образованія и большаго интереса въ сохраненіи хорошаго порядка вещей. „Земля, управляемая имущими, находится въ правильномъ общественномъ порядкѣ; правленіе же неимущихъ — грубое, естественное состояніе“.

Конвентъ пришелъ къ убѣжденіямъ, которыя тщетно старались провести въ него въ 1789 и 1790 годахъ. Что Мирабо нѣкогда говорилъ на вѣтеръ, то теперь было признапо, какъ политическое слѣдствіе пяти ужасныхъ годовъ. Новая конституція III-го года создала не монархію, а ея остовъ: строгое, іерархическое расчлененіе общества снизу до верху; сравнительно съ конституціей 1791 г., гораздо больше должностей по назначенію отъ правительства и гораздо меньше по выборамъ; наконецъ, искорененіе всѣхъ анархическихъ паростовъ. Вотъ ея основныя черты. Человѣческія права сошратились до малости и получили столь же скудную опредѣленія, какъ и верховенство народа: именно, чело- вѣческія права суть свобода, равенство, безопасность, собствен- ность. Равенство состоитъ въ томъ, что „законъ, будетъ-ли онъ защитительный или карательный, одиъ для всѣхъ“. Верховен- ство, по своей сущности, принадлежитъ совокупности граж- данъ: „ли одно лицо, ни одна частица народа не можетъ при-

сваивать себѣ верховенство“. Къ правамъ присоединены также и обязанности.

Право гражданина связано съ дѣйствительною податью. Избирательная система двухстепенная: на 200—300 гражданъ одинъ выборщикъ. Право выбора связано съ цензомъ. Проведена двухпалатная система. Совѣтъ пяти сотъ (какъ вторая палата) состоитъ изъ лицъ 30-лѣтняго возраста, прожившихъ въ странѣ 10 лѣтъ и платящихъ извѣстный цензъ. Совѣтъ не обладаетъ ни исполнительною, ни судебною властью и рѣшаетъ дѣла по троекратномъ чтеніи. Для совѣта старѣйшинъ (какъ первая палата) требуется 40-лѣтній возрастъ и 15-лѣтнее пребываніе въ странѣ. Изъ него исходитъ директорія, которая состоитъ изъ пяти лицъ и управляетъ дѣлами.

Одними конституціями не исцѣлишь больного государства, особенно такого, какъ Франція, которая была такъ ужасно распята, что съ ней озорилась бы и самая лучшая конституція. Для успѣховъ всякой конституціи потребенъ народъ, подготовленный къ соучаствію въ общественныхъ дѣлахъ. А французы были воспитаны сначала старою монархіею, потомъ уличною демагогіею и терроризмомъ: хороша школа политической свободы, которая должна сама сохранять собственное равновѣсіе! Для жизненности и прочности конституціи необходимо, чтобы къ ней рѣшительно примыкала замѣнутая, плотная часть націи. А тутъ и этого не хватало. Французская нація была неимоვნно раздроблена. Терроризмъ завѣщаль цѣлый хаосъ осколковъ партій съ ихъ крайностями, — съ самымъ ожесточеннымъ роялизмомъ на одной сторонѣ, съ самой задорной анархіею на другой. А рядомъ съ ними возносилась совершенно новая политика, восклицавшая, во имя страшной военной силы: „Не хотимъ парламентскаго шума! Давай намъ людей, умѣющихъ дѣйствовать вулаками!“

За конституціею не видѣлось ни народа, привыкшаго къ самоуправленію, ни согласной, плотной партіи; а между тѣмъ, противъ политическаго тѣла, разбитаго на тысячу кусковъ, стояло гордое войско изъ 800,000 человекъ, во главѣ котораго красовались даровитые, честолюбивые генералы. Здѣсь-то лежала страшная опасность для этой конституціи. Она была бессильна противъ анархіи въ странѣ, бессильна противъ войска: она обрекалась на погибель, если только не могла безъ войска преодолѣть внутреннихъ затрудненій. Во всемъ остальномъ, съ теоретической точки зрѣнія, она отличалась преимуществами, заслуживающими признанія. Здѣсь лучше, чѣмъ въ конституціи 1791 года, оцѣнены права и обязанности; прежде безграничной власти законодательнаго собранія положены предѣлы и цѣль; введено двойное обсужденіе

дѣлъ, въ двухъ учрежденіяхъ; наконецъ, устанавлено республиканское правительство, которое, казалось, не легко поддастся монархической диктатурѣ и въ то же время было достаточно просто, чтобы гармонически руководить государствомъ.

Фруктидорскія постановленія. Союзъ мѣщанъ съ роялистами. 13-е вандемьера (5-е октября).

Конвентъ твердо рѣшился совершить свое дѣло и немедленно взялся за простое средство упрочить, въ ближайшую парламентскую сессию, за авторами конституціи необходимыя имъ мѣста, чтобы оградить ихъ отъ весьма вѣроятнаго измѣненія партій. Онъ опредѣлилъ, что двѣ трети членовъ новаго собранія должны быть выбраны изъ конвента; въ случаѣ же, если выборы не дадутъ этого числа, онъ имѣетъ право самъ распорядиться этими мѣстами.

На этомъ основаніи, первые выборы въ совѣтъ пятисотъ, который долженъ былъ ежегодно возобновляться на $\frac{1}{3}$, были несвободны на цѣлыя $\frac{2}{3}$: они зависѣли отъ членовъ конвента. Припомнимъ великодушнѣе учредительнаго собранія, которое само себя осудило не принимать участія въ законодательномъ. Нельзя не прибавить еще, что конвентъ, въ свои первые, юные годы, вналь въ точно такую же нещипость, постановивъ, что „въ теченіе шести лѣтъ его члены не должны быть избираемы ни въ какія общественныя должности ¹⁾.“ Теперь, въ концѣ своего двяго поприща, онъ вышелъ изъ этихъ цѣлоковъ. Онъ бойко вмѣшался въ свободу выборовъ. И при этомъ онъ уже имѣлъ въ виду политическое соображеніе, за которое говорило очень многое, если только желали этой конституціи, а не новаго переворота, котораго жаждали роялисты, съ каждымъ днемъ выступавшіе все смѣлѣе и смѣлѣе. Положеніе дѣлъ было такъ незрѣло и полно броженія, что главнаго его спасенія, конституціи, не слѣдовало отдавать на произволь игры партій. Эти-то постановленія (5-го и 18-го фруктидора) вызвали необыкновенно сильное сопротивленіе, которое и доказало ясно, что конвентъ совершенно вѣрно судилъ о будущности своего дѣтища.

Въ борьбѣ съ этими постановленіями, мало-по-малу развилось совсѣмъ новое и доселѣ неслыханное явленіе. Возникъ союзъ между мѣщанскимъ, среднимъ сословіемъ и роялистами-

¹⁾ Mortimer-Ternaux, IV. 292. 0.

ческой реакціей, противъ котораго конвентъ, въ свою очередь, призвалъ на помощь обитателей предмѣстій и армію ¹⁾.

Роялисты зашумѣли громче всѣхъ. Кучка извѣстнѣйшихъ писателей въ Парижѣ, поддерживаемая салонами знатныхъ дамъ, открыла агитацію журналами и памфлетами, которой отвѣчало многогласное эхо въ столичныхъ севціяхъ. Эти люди—отнюдь не то, что старые друзья королевской власти, которые ничему не научились и ничего не позабыли. Они представляли лишь самую крайнюю правую среди умѣренныхъ, которые, впрочемъ, также были убѣждены, что дальнѣйшее существованіе республики—недѣлюсь. Имъ хотѣлось пріобрѣсти большинство на выборахъ и съ помощью его возстановить королевскую власть. При свободныхъ выборахъ, задача казалась имъ нетрудною; но при выборахъ, ограниченныхъ фруктидорскими постановленіями, она была невозможна. Вотъ почему эта партія признавала, что этотъ „государственный ударъ, въ видѣ избирательнаго закона“, разрушаетъ ея священнѣйшія права и самыя несомнѣнныя надежды. Противъ этого закона возстало и среднее сословіе. Оно распространяло свою слѣпую ненависть на весь конвентъ: ему была отвратительна мысль дать еще разъ управлять собою людямъ въ второй революціи. Прежде всего его волненіе обнаружилось въ севціяхъ, посредствомъ адресовъ и представленій. Но конвентъ оставался холодепъ. Когда та же самая національная гвардія, которая 1-го преріала пришла на помощь къ конвенту, припяла относительно его угрожающее положеніе, а онъ призвалъ войска, — севціи протестовали противъ штыковъ. Тщетно конвентъ собиралъ голоса о законѣ въ первоначальныхъ собраніяхъ по всей Франціи и даже спрашивалъ армію, къ великой досадѣ офицеровъ, видѣвшихъ въ этомъ лишь обыкновенное „политическое плутовство“. Участіе націи въ подачѣ голосовъ было такъ ничтожно, а большинство, стоявшее за законъ, такъ постыдно мало ²⁾, что, при такой побѣдѣ, дѣло скорѣе теряло, чѣмъ выигрывало.

Большая часть среднего сословія и все знатное общество готовятся къ возстанію. Доклады комитетовъ становятся все болѣе грозными. Потребовались уже мѣры противъ севцій. Конвентъ вынужденъ засѣдать безснѣнно, дни и ночи, и, въ странной злобѣ на соединеніе севцій съ роялистами, съ своей стороны, искать союза съ дюжими булаками изъ предмѣстья св. Антонія.

„Священный батальонъ патриотовъ 1789 года“ и гвардія ра-

¹⁾ Barante, VI, 243 sqq.

²⁾ За конституцію 900,000; противъ 40,000; за фруктидорскія постановленія 170,000; противъ 93,000. Sybel, III, 465. O.

бочихъ изъ предмѣстій, — вотъ что было теперь единственной внутренней опорой республики. Эта связь оправдывала слухи, разсѣваемые роялистами, будто конвентъ намѣренъ повторить правленіе террора и палачей; а между тѣмъ тутъ дѣло шло просто о хорошо всѣмъ извѣстныхъ „фигурахъ“, которымъ конвентъ дѣлалъ теперь смотрѣ, чтобы употребить ихъ на свою защиту. 12-го вандемьера конвентъ стянулъ войска, расположенныя на Plaine des Sablons, съ цѣлью окружить главную квартиру городскихъ мятежниковъ, мѣстопробываніе секціи Лепелетье въ старомъ монастырѣ Filles St. Thomas. Въ 8 часовъ вечера подступилъ генераль Мену и потребовалъ у національныхъ гвардейцевъ, выставленныхъ на улицѣ Вивьенъ, сложить оружіе; но тѣ отказались и получили такое значительное подкрѣпленіе (всего ихъ было 20,000), что генераль Мену не заблагоразсудилъ открыть непріязненные дѣйствія. Слѣдствіемъ этого событія было то, что крайне озлобленный конвентъ замѣнилъ „измѣнника“ Мену Баррасомъ. По городъ Парижъ почти единодушно возсталъ противъ конвента. Всю ночь барабанъ трещалъ генеральный маршъ по улицамъ, и задвигалось населеніе 44-хъ секцій. Впрочемъ, все это казалось гораздо страшнѣе, чѣмъ было на дѣлѣ. У мятежа не было недостатка ни въ массахъ, ни въ обширности, по ему не хватало порядка, плана и вождей; а у вооруженныхъ, которыхъ было, пожалуй, тысячъ 30, не было ни пушекъ, ни пороху, ни провіанта.

Конвентъ не сидѣлъ сложа руки. Его новый полководецъ еще до битвы сдалъ должность одному молодому офицеру, состоявшему съ нѣкотораго времени на службѣ у комитета общественнаго блага, — Наполеону Бонапарту. Вотъ кому пришлось подавить мятежъ! Уже на зарѣ 5-го октября (13-го вандемьера) онъ принялъ свои мѣры. Ему хотѣлось обстрѣливать своими пушками, съ одной стороны, улицы между Rue St. Попогѣ и Тюльери, съ другой — берега рѣки у дворца. Затѣмъ онъ съ полной увѣренностью поджидалъ битву, которая могла бы быть смертельна для конвента, если бы секціи взялись за нее быстро и съ большимъ умѣньемъ: у конвента было собрано всего-на-всего 5 или 6 тысячъ, и до послѣдней минуты проходы не были еще запяты. Бонапартъ намѣревался разгромить мятежъ перекрестнымъ картечнымъ огнемъ. Онъ такъ и припоровилъ все, съ хладнокровіемъ человека, не имѣющаго понятія о тяжелыхъ сомнѣніяхъ гражданина, который скорбитъ при видѣ пролитія крови согражданинъ. Подобныя соображенія не тревожили господина, который посовѣтовалъ одному директору театра успокоить свой шумный партеръ ружейнымъ залпомъ.

Въ уличномъ бою, который начался около 4-хъ часовъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кипѣлъ съ большой силой, конвентъ остался побѣдителемъ. Бонапартъ сначала стрѣлялъ картечью, а когда такимъ образомъ были выметены проходы къ Тюльери съ берега и съ улицы St. Honoré, онъ велѣлъ своимъ войскамъ двинуться впередъ и совѣсьмъ разсѣялъ бѣжавшую національную гвардію уже холостыми зарядами.

Очеркъ жизни Наполеона Бонапарта.

Побѣда этого дня обязала правительство благодарностью къ человѣку, который доселѣ лишь разъ отличился значительно и стоялъ почти въ тѣни среди многихъ другихъ военныхъ знаменитостей того времени ¹⁾.

Наполеонъ родился въ 1769 году, на Корсикѣ. Въ старой военной школѣ, въ Бриенѣ, онъ получилъ ту дѣльную математикотехническую подготовку, которая была свойственна лучшимъ военнымъ школамъ старой Франціи, и весьма основательно усвоилъ всѣ теоретическія свѣдѣнія, которыя были необходимы офицеру стараго времени. Какъ тамъ ни различно судили объ немъ его учителя, всѣ они были согласны въ томъ, что юный корсиканецъ не только обнаруживалъ необыкновенное дарованіе и могучую, своеобразную силу ума, но и научился кое-чему дѣльному, усвоилъ, какъ рѣдко кто, науку стараго времени и пріобрѣлъ отличныя свѣдѣнія въ своей специальности, въ артиллеріи.

Когда разразилась революція, онъ былъ очень молодымъ лейтенантомъ. Онъ происходилъ изъ мелкаго корсиканскаго дворянства и съ французскимъ не имѣлъ ничего общаго. Старая Франція не могла ничего ему дать. Если онъ хотѣлъ пойти впередъ, то долженъ былъ слѣдовать за революціей: такъ и сдѣлалъ онъ, одинъ изъ немногихъ офицеровъ, получившихъ образованіе до 1789 года, которые съ самаго начала склонились къ революціи. Инстинктъ говорилъ ему, что здѣсь открылось поприще для таланта. Въ эти дни у него прорвались даже нѣкоторыя фаптастическія изліянія, въ которыхъ подмѣчали политическую идеологию. Впоследствии онъ заботливо уничтожилъ ихъ, да они никогда и не были сильны въ немъ. Въ глубинѣ души онъ не терпѣлъ ни господства массъ, ни уличной демагогіи, ни правленія

¹⁾ Mémoires du roi Joseph. Paris, 1858, t. 1—10.—Correspondance de Napoléon I. Paris, 1855 sqq. T. I—VI.

клубовъ. Чтобъ доказать это, довольно одного его выраженія, относящагося къ тому времени. 20-го іюня 1792 г. онъ былъ свидѣтелемъ осады короля въ Тюльери и замѣтилъ, что онъ, съ парой пушекъ, разбѣялъ бы весь этотъ сбродъ: это было бы ему ничемъ.

Но онъ служилъ революціонной власти не хуже, чѣмъ Карно. Для человѣка честолюбиваго и предприимчиваго не было другого пути. Въ военномъ отношеніи онъ шелъ заодно съ революціей, но въ политическомъ былъ совершенно чуждъ ей.

Въ большомъ собраніи его писемъ, изданныхъ въ настоящее время, есть нѣсколько доселѣ не напечатанныхъ и относящихся къ 1793 году, которыя, какъ ни мало въ нихъ общаго историческаго интереса, обрисовываютъ его весьма характеристично. Тутъ нѣтъ и слѣда словоизверженій, этой печати времени. Тутъ все трезво, дѣльно, по солдатски. Въ первыхъ письмахъ все вертится на пушкахъ, артиллерійскихъ снарядахъ, на аммуниціяхъ и т. п. А его общія сужденія—ничто иное, какъ новыя доказательства преступленій и бездарности комиссаровъ конвента, которыхъ онъ бичуетъ самими рѣзкими словами.

Онъ уже съ самаго начала испыталъ это подъ Тулономъ. Когда его послали туда, въ сентябрѣ 1793 года, тамъ не было даже легкой полевой артиллеріи, а главнокомандующій Барто возился съ пелѣными планами, по которымъ сразу можно было узнать настоящаго клубнаго генерала. Съ замѣчательной мѣткостью, онъ тотчасъ же выбралъ пунктъ, съ котораго можно было прогнать англійскій флотъ, не падая на городъ; а между тѣмъ солдаты мучились тутъ цѣлые мѣсяцы, спасая только собственную шкуру. Онъ добылъ пушекъ и людей, все оживилъ самоувѣренностью, которою дышали его поступки и приказы, и доказалъ поразительнымъ успѣхомъ, что планъ, казавшійся Барто загадкой, былъ единственно вѣрнымъ. Англичане были прогнаны, Тулонъ взятъ и вся южная полоса Франціи очищена. Изъ толпы бездарныхъ посредственностей и только-что возникающихъ талантовъ выдвинулся, съ блескомъ, субалтернъ-офицеръ. Теперь онъ быстро пошелъ по своему поприщу, хотя и часто жаловался, что медленно подвигается впередъ: въ январѣ 1794 года онъ уже батальонный командиръ, а въ мартѣ—генералъ при итальянской арміи.

Тутъ наступило 9-е термидора (27-е іюля 1794 года). Наполеонъ пахотился въ частой перепискѣ съ молодымъ Робеспьеромъ, съ цѣлью доставать черезъ этого, тогда всемогущаго, человѣка деньги, солдатъ, аммуницію, полномочій. Стало быть, ихъ отношенія были чисто дѣловыя. Когда рушилось это правительство, клеветѣ настала жатва: тогда подпадалъ подозрѣнію всякій, кто на-

ходился хотя въ отдаленной связи съ побѣжденными. Толковали, что и Бонапартъ принадлежитъ къ террористамъ. Нѣкоторое время его держали подъ арестомъ. Онъ написалъ гордое письмо и вскорѣ снова получилъ свободу. Но его ужь не послали опять на знаковую ему военную службу. Онъ долженъ былъ отправиться въ Бандю, гдѣ не было поприща для его спеціальнаго оружія, артиллеріи, гдѣ кинѣлъ отвратительный, ненавистный партизанскій бой изъ-за кустовъ, гдѣ пріютилась одна изъ ужаснѣйшихъ междоусобныхъ войнъ, со всѣми своими грозными бѣдствіями. Ему противно было это назначеніе, и онъ просился въ отпускъ по болѣзни. „Меня посылаютъ на западъ,—писалъ онъ 23 іюня своему брату, Іосифу,—бригаднымъ генераломъ въ армію, а не въ артиллерію. Я боленъ, и это принуждаетъ меня взять отпускъ на два или три мѣсяца. Когда выздоровлю, посмотрю, что мнѣ дѣлать“. Такъ онъ и остался нѣвторое время въ Парижѣ безъ должности.

Несправедливо, какъ намъ часто приходится читать, будто Наполеонъ жилъ одно время въ сильнѣйшей пенитенціи, забытый всѣми, въ нуждѣ и отчаяніи, и будто здѣсь-то пришла ему мысль отправиться въ Турцію поискать тамъ счастья. Это, какъ и другія подобныя сказки, исходитъ отъ Бурьена. Сей господинъ имѣлъ счастье въ качествѣ камердинера терѣться подлѣ героя. Онъ былъ съ нимъ въ школѣ, сѣумѣлъ подольститься и оказать ему разныя мелкія услуги. Это внушило ему мысль, будто собственно онъ и очастливилъ міръ Бонапартомъ: не ссуди онъ ему какъ-то одного франка,—и кто знаетъ, что бы случилось съ его другомъ. Бурьень былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ Бонапартъ презиралъ, но безъ которыхъ не могъ обходиться. Впрочемъ, какъ-то впоследствии Бурьень продѣлывалъ въ ганзейскихъ городахъ такія штуки, что, наконецъ, и самъ Бонапартъ разозлился.

Въ упомянутыхъ турецкихъ планахъ вѣрно только одно: султанъ просилъ у конвента нѣсколько дѣльныхъ офицеровъ для исправки своихъ войскъ, и Бонапартъ предложилъ тутъ себя въ кандидаты. „Еслибъ я захотѣлъ,—пишетъ онъ своему брату, Іосифу, отъ 20-го августа 1795 г.,—меня послали бы къ великому султану артиллерійскимъ генераломъ на весьма выгодныхъ и лучшихъ условіяхъ“. Но, какъ сообщаетъ онъ въ томъ же письмѣ, онъ тогда уже пристроился въ комитетъ общественнаго блага, на мѣсто Карно, въ качествѣ особаго докладчика по управленію арміями въ топографическомъ бюро. Стало быть, онъ имѣлъ возможность обсудить свое заявленіе съ полнѣйшимъ спокойствіемъ, и вотъ уже 5-го сентября онъ пишетъ о томъ, какъ комитетъ объявилъ ему, что его не отнустятъ изъ Франціи, пока длится война. Изъ мемуаровъ Понтекулана (I, 325 sqq.) мы узнаемъ еще нѣкоторые болѣе близ-

кія поясненія насчетъ жизни Наполеона до вандемьера. Во время своего пребыванія въ Парижѣ, онъ занимался выработкой плана похода въ Ломбардію, который и предложилъ комитету въ послѣдніе дни іюня. Келлерманъ и Шереръ назвали его созданіемъ сумасшедшаго; не такъ отнеслись другіе, и въ числѣ ихъ Понтекулапъ, который первый призналъ въ авторѣ талантъ. Уже 1-го августа пишетъ Бонапартъ Іосифу: „Мои наступательные планы приняты. Скоро услышимъ о важныхъ событіяхъ въ Ломбардіи“. А 4-го фруктидора (25-го августа) въ инструкціи комитета уже предлагаются его воззрѣнія насчетъ совокупнаго похода въ Италію и Германію. Бонапартъ занималъ мѣсто предсѣдателя топографическаго бюро до указа 25-го сентября, которымъ онъ былъ вычеркнутъ изъ списка офицеровъ. Тутъ снова выдвигается планъ отиравленія въ Турцію, но 13-е вандемьера устранило его навсегда. Когда, на другой день, Мармонъ первый увидѣлъ Бонапарта, онъ нашелъ его совсѣмъ измѣнившимся. „Весь его видъ отличался,—говоритъ онъ,—чрезвычайной важностью, совсѣмъ новымъ сознаніемъ величія, которое съ этихъ поръ уже не переставало возрастать“ ¹⁾).

(6) 1. 1.

¹⁾ Mémoires, I, 81.

ОТДѢЛЪ ВОСЬМОЙ.

ПОВѢДЫ И ЗАВОЕВАНІЯ РЕСПУБЛИКИ ДО МИРА. ВЪ КАМПО-ФОРМІО (17 ОКТЯБРЯ 1797 Г.). БОРЬБА ДИРЕКТОРИИ СЪ МЕЛКИМИ ПАРТІЯМИ. СЪ ОКТЯБРЯ 1795-го ДО 4-го СЕНТЯБРЯ 1797-го ИЛИ ДО 18-го ФРУКТИДОРА V-го ГОДА ¹⁾.

ГЛАВА XXI.

Директорія. Походы 1795 и 1796 годовъ. Бонапарть въ Италіи.

У новаго республиканскаго правительства была крайне трудная задача. Оно обѣщало покончить междоусобную войну, защитить государство извнѣ, умиротворить партіи внутри его, возвратить кредитъ и довѣріе торговлѣ и сношеніямъ. Директорія, по своему составу, не совсѣмъ-то подавала надежды на исполненіе такихъ обѣщаній. Ее образовали лица, съ которыми партіи вошли въ сдѣлку на основаніи взаимныхъ уступокъ. Тутъ подлѣ дѣйствительно надежныхъ элементовъ были такіе, которыхъ выдвинули однѣ связи съ господствующей партіей. Такъ, Барра съ поналъ въ число пяти Директоровъ исключительно лишь потому, что выказалъ благонамѣренную ревность при послѣднихъ событіяхъ. А Ларевбльеръ-Лепо и Ревбель были обязаны своимъ выборомъ единственно своему положенію въ партіяхъ. Летурперъ, специалистъ по морскому дѣлу, больше годился въ министры, чѣмъ въ регенты. Способнѣйшій изъ всѣхъ, Карно, былъ избранъ не въ силу своего направленія, а вопреки ему. Онъ былъ необходимъ. Благодаря его дарованіямъ и знаніямъ, за него хваталась всѣ, даже и тѣ, которымъ не правилась его по-

¹⁾ Hân ser: Deutsche Geschichte, II. O.

литика. Именно тотъ, кого собственно никто не желалъ, былъ самый надежный человекъ, превосходно ознакомленный съ военнымъ дѣломъ, полный ума и опытности, честной воли и безудержнаго трудолюбія, великой энергіи и самой рѣдкой чистоты характера. Онъ-то сообщилъ правительству ту честность, добросовѣстность и правоту, которыми славилось оно; а это чрезвычайно много значило въ такое время всеобщаго недовѣрія и развѣденія.

Но центръ тяжести правительства лежалъ въ иностранныхъ дѣлахъ. Сравнительно съ протекшими годами, 1795-й былъ годомъ спокойствія. Только въ его послѣдніе мѣсяцы вдругъ схватились за оружіе, да и тутъ вели войну лишь коротенькими эпизодами. Австрія уклонялась отъ дальнѣйшаго участія въ войнѣ и снова втянулась въ нее лишь при появленіи денежныхъ пособій. Между тѣмъ миновало нѣсколько мѣсяцевъ; была утрачена часть года, прежде чѣмъ условились лишь насчетъ продолженія войны; а Пруссія совсѣмъ отстала, что значительно ослабило коалицію. Съ этимъ совпали подобныя же основанія въ промедленію въ самой Франціи. Здѣсь войска были пужѣе внутри страны, чѣмъ на границахъ, которыя представляли менѣе опасностей, чѣмъ прежде, со времени завоеванія Бельгіи, Голландіи и части прирейнской Германіи.

Такъ, на дѣлѣ образовалось перемиріе, длившееся до осени 1795 года. Тутъ только (7-го сентября) французы переступили за Рейнъ. Журданъ перешелъ рѣку пониже Дюссельдорфа, паводникъ плохо охраняемый правый берегъ, заставилъ пфальцскій гарнизонъ сдать Дюссельдорфъ, прогналъ австрійцевъ за Лапъ и пробился до Франкфурта. Около того же времени Пиапегрю перешелъ у Мангейма и овладѣлъ имъ при такихъ же обстоятельствахъ, какъ Журданъ Дюссельдорфомъ.

Эти успѣхи были доставлены французамъ не ихъ военнымъ мастерствомъ, а страшной небрежностью и дробностью Пѣмечкой имперіи. Мангеймъ былъ выданъ французамъ (21-го сентября) позорной трусостью пфальцскаго министра Оберндорфа. Для австрійцевъ это была крайне опасная минута. Французы могли теперь двинуться вверхъ по Neckeru, своими двумя арміями раздѣлить ихъ и захватить у нихъ магазины и депо. Тутъ австрійцы явили примѣръ своей необдуманной рѣшимости и быстроты въ военномъ дѣлѣ. Французы, дѣйствительно, намѣровались двинуться вверхъ по Neckeru, пробить непріятельскую армію, стоявшую между Вормсомъ и Базелемъ, и тѣмъ принудить ее къ отступленію. Но Клерфе и Вурмзеръ предупредили ихъ. Первый бросился на Журдана. Угрожая съ фронта его арміи, разстроенной

быстрымъ маршемъ, какъ будто тутъ и предполагалось нападеніе, онъ внезапно ударилъ ей во флангъ съ такой силой, что она была буквально смята и бѣжала въ безпорядкѣ до Эренбрейтштейна. Ея разложеніе было докончено разъяренными крестьянами, которые отовсюду выдались на бѣглецовъ, чтобы отмстить имъ за бѣдствія нашествія.

Теперь Клерфѣ рѣшился нанести второй ударъ. Французы опять осаждали Майнцъ и окружили его настоящей противокрѣпостью, которая казалась имъ неприступною. Но въ ней было одно слабое мѣсто: для ея защиты требовалась цѣлая армія. Клерфѣ явился такъ быстро, что въ первой линіи едва успѣли схватиться за оружіе. Въ бурную октябрьскую ночь, кинулся онъ на шанцы, и на утро непріятель былъ уже отброшенъ. Какъ было условлено, и Вурмзеръ попалъ на войска Писегрю у Мангейма, загналъ ихъ въ крѣпость (17—18 октября) и самъ началъ осаду города 30 октября. Въ это самое время Клерфѣ отрѣзалъ Писегрю отъ Мангейма, и крѣпость должна была сдаться 22-го ноября.

Вотъ событія, чрезвычайно ободрившія нѣмцевъ. Наконецъ-то энергія и храбрость Клерфѣ обуздали высокоуміе французовъ. Но этотъ человекъ былъ неудобенъ для вѣрскихъ владыкъ. Эти господа, лелѣявшіе подъ своимъ крылышкомъ всякую посредственность, находили гучу мелкихъ недостатковъ у доблестнаго полководца. Клерфѣ дерзко потребовалъ у нихъ отставки, по всей вѣрности не надѣясь получить ее; но она была дана. Такимъ образомъ, успѣхи въ октябрѣ 1795 года были лишь послѣднимъ мимолетнымъ проблескомъ солнца. Еще разъ захватили революцію врасплохъ, когда она была не приготовлена и не вооружена. Это были именно тѣ дни, когда въ Парижѣ выпѣлъ вандемьерскій уличный бой и правительству некогда было подумать о прирейнскихъ земляхъ и о Майнцской крѣпости. Вскорѣ уже и это миновало: во Франціи пастало новое правительство, а во главѣ военныхъ дѣлъ красовался Карно.

Но по новому военному плану на 1796 годъ, республика рѣшилась предпринять двойной походъ въ Италію и Германію. Ей хотѣлось съ двухъ сторонъ пробираться къ Вѣнѣ: на сѣверѣ Журданъ и Моро, съ 77,000 у каждаго, на югѣ Бонапартъ, съ 40 или 50 тысячами, должны были раздѣлять, бить и преслѣдовать австрійцевъ до самаго сердца монархіи. Базисомъ этого величественнаго предпріятія служила военная сила пяти армій, тянувшихся поясомъ отъ Сѣвернаго моря до Генуи. Развязка послѣдовала тамъ, гдѣ ея вовсе не ожидали. Между тѣмъ какъ оба сѣверныя войска, разбитыя, возвращались за Рейнъ, въ Италіи кампанія была выиграна арміей второе слабѣйшей. Въ на-

чалъ іюня Журданъ опять перешелъ Рейнъ, чтобы оттѣснить австрійцевъ за рр. Зигъ и Лапъ. Эрцгерцогъ Карлъ выступилъ ему навстрѣчу изъ Таунуса со всѣми силами и снова отбросилъ его на лѣвый берегъ Рейна, послѣ многихъ счастливыхъ сраженій (15—21 іюня). Вслѣдъ за тѣмъ, въ тылу у побѣдителя, Моро достигъ праваго берега Рейна у Беля (24 іюня), проложилъ себѣ путь въ Швабію черезъ проходы Шварцвальда и смаялъ всю мелкоту нѣмецкихъ державъ. Спѣшившій сюда эрцгерцогъ прибылъ слишкомъ поздно, чтобы остановить его дальнѣйшее движеніе: онъ далъ только вздохнуть Журдану, который, дѣйствительно, опять пустился по дорогѣ въ Майну и Франконію. Тутъ Карлъ составилъ слѣдующій планъ. Онъ намѣревался соединить австрійскія силы въ одну могучую армію, опровинуться съ нею на какое-нибудь изъ двухъ французскихъ войскъ и, прежде чѣмъ они успѣютъ соединиться, разбить и другое. Уже цѣлыя недѣли страдала вся южная Германія подъ бременемъ всѣхъ ужасовъ нашествія двухъ войскъ, которыя не знали ничего святого и заключали договоры лишь для того, чтобы даровать ихъ безстыдно, — когда, во второй половинѣ августа, эрцгерцогъ собралъ на Дунай достаточно силъ, чтобы энергически броситься на одну изъ непріятельскихъ армій. 22 и 24 августа папалъ онъ на колопны Журдана, шединга изъ Верхняго Пфальца на соединеніе съ Моро, разбилъ ихъ въ цѣломъ рядѣ сраженій и 3-го сентября, при Вюрцбургѣ, нанесъ главнымъ силамъ врага пораженіе, которое повело въ полному разложенію маасо-самбрской арміи.

Теперь Моро былъ одинъ въ Баваріи. Онъ только-что (7-го сентября) заключилъ, въ Ифaffenгофенѣ, одинъ изъ тѣхъ договоровъ, къ которымъ надолго принуждаютъ завоеванную страну, какъ вдругъ пришло вѣрное извѣстіе, что маасо-самбрской арміи не существуетъ. Моро понялъ, что ему неизбѣжно должно отступить. Это былъ одинъ изъ непогихъ французскихъ полководцевъ, доблесть которыхъ состояла не столько въ дерзости нападенія, сколько въ осторожномъ сбереженіи силъ, въ великомъ искусствѣ поддерживать даже разбитыя и павшія духомъ войска. Это хорошо доказало его отступленіе черезъ Швабію и Шварцвальдъ, которымъ впрочемъ ужъ черезчуръ восторгались. Это крайне опасное предпріятіе было облегчено ему, главнымъ образомъ, ошибками австрійцевъ. Они раздробились и ни разу не встрѣтили его съ достаточными силами. Эрцгерцогъ носилъ въ Шварцвальдъ; а оставшіеся начальники, Науендорфъ и Латуръ, не были согласны въ своихъ дѣйствіяхъ. Такъ, Моро удалось пробиться къ шварцвальдскимъ проходамъ. Онъ выбралъ самый трудный изъ нихъ, хуже всѣхъ защищенный, именно дорогу черезъ Гелленталь, меж-

ду тѣмъ какъ австрійцы стояли по большей части въ Кинцигталѣ. Темного больше, чѣмъ съ третью своего войска, прибылъ Моро въ Рейнскую долину, выдержалъ тутъ еще два сраженія и тогда только принужденъ былъ покинуть Рейнь, чтобы стать на зимнія квартиры въ Эльзасѣ (въ концѣ октября).

Половина похода не удалась; маршъ съ Рейпа на Вѣну разрушился. Такимъ образомъ, Бонапарту доставалась трудная задача одному, безъ своихъ союзниковъ, исполнить все: и онъ совершилъ чудеса. Значеніе итальянскаго похода состоитъ въ томъ, что онъ послужилъ основаніемъ всемірно-историческому величію человѣка, которому суждено было потомъ цѣлыя два десятилѣтія господствовать надъ міромъ. Останется вѣчно памятнымъ не приобрѣтеніе Ломбардіи, а маршъ изъ Генуи въ Леобенъ; и онъ заслуживаетъ этого вполне.

Характеристика Наполеона Бонапарта.

Бонапартъ не былъ новобранцемъ въ революціонной войнѣ. Онъ принадлежалъ къ офицерамъ старой школы, вооруженнымъ всѣмъ запасомъ специальныхъ свѣдѣній. А такихъ было не много: большинство вышло изъ охотниковъ 1792 года. Поэтому-то онъ уже въ дни самыхъ бурныхъ движеній былъ хладнокровенъ и трезвъ, какъ можетъ быть только техникъ. По другихъ связяхъ съ старымъ временемъ у него не было. Онъ былъ выпутъ въ революцію, какъ баловень счастья, съизмала чувствовалъ, что самъ долженъ пробить себѣ дорогу, и рѣшился искать ее, съ полнымъ убѣжденіемъ, что найдетъ. Черезъ школу такой революціи не проходятъ даромъ. Ея идеологія осталась чужда ему, но онъ воспринялъ ея страсть къ насилію. Въ немъ была революціонная жилва. Онъ думалъ и чувствовалъ, какъ холодные, властолюбивые яковинцы; онъ глубоко презиралъ старину; подобно имъ, грубо вторгался въ завѣщанные порядки и былъ готовъ воздвигнуть новый порядокъ по собственному плану,—все равно, чего бы это ни стоило и какими бы средствами ни достигалось.

Что этому молодому солдату не только была присуща большая своеобразность въ солдатскихъ дѣлахъ, но что во всей его особѣ было что-то демонское, скрывающее, съ этимъ согласенъ всякій, кто стоялъ тогда въ близкихъ къ нему отношеніяхъ. Объ этомъ у насъ столько свидѣтельствъ, даже со стороны людей, враждовавшихъ съ нимъ впоследствии, что намъ нельзя сомнѣваться въ томъ непосредственномъ очарованіи, которымъ онъ обухивалъ и

подчинялъ себѣ всѣ низшіе умы. А вѣдь у него не было ни внушительнаго прошлаго, какъ у многихъ другихъ, ни богатства, ни блеска имени, ни сильныхъ, выдвигающихъ связей въ партіяхъ; даже въ его вѣнпшемъ видѣ не было ничего такого, что покоряетъ людей. Но зато въ каждомъ его словѣ и поступкѣ выражалось внушительное сознаніе, что онъ призванъ господствовать надъ людьми и—уже тогда—какая-то любезная манера убѣждать въ этомъ окружающихъ. Друзья юности Наполеона и его братья по оружію во всю свою жизнь не могли забыть, что за могучая, увлекательная личность былъ этотъ молодой солдатъ. И онъ самъ чувствовалъ это. Рѣдко вступалъ человѣкъ во всемірную исторію съ такимъ непоколебимымъ сознаніемъ, что вотъ въ этомъ-то, а не въ чемъ иномъ, его задача, съ такой твердой, фаталистической вѣрой, что должна быть во что бы то ни стало достигнута цѣль, которую онъ съ самаго начала поставилъ себѣ въ страшной дали.

Это уже тогда можно было видѣть по его словамъ и по всему его поведенію. Конечно, можно вѣрить въ свою геніальность, рискуя стать посмѣшищемъ для своихъ друзей; и въ мірѣ всегда найдется достаточно господъ, такъ мечтающихъ о себѣ, да имъ никто не намѣренъ вѣрить. Относительно же Бонапарта люди были исполнены вѣры, что онъ дѣйствительно такой, какимъ считаетъ себя. Мы привыкли представлять себѣ Наполеона той желѣзной, деспотической натурой, которая такъ безжалостно наложила на насъ свою тяжелую руку. Но тогда онъ былъ еще не тотъ. Въ его природѣ благородныя черты еще не были помрачены тѣмъ страшнымъ эгоизмомъ, тѣмъ ужаснымъ презрѣніемъ къ людямъ, которыми онъ отличался впоследствии. Онъ еще былъ достаточно мягкимъ чувствамъ, способенъ на человѣчное, любезное обращеніе. Мы знаемъ примѣры его великодушія, благороднаго образа мыслей, истиннаго дружелюбія. Мармонъ (Mém. I, 214, 215, 225) влѣяется, что не было ничего, чего бы они не сдѣлали для него, и что поддѣ пего имъ было совершенно легко; при этомъ онъ прямо упираетъ на лучшія, тогда еще не погибшія стороны его природы. Очарованіе, которое Наполеонъ производилъ на окружающихъ, рѣдко дается человѣку. Это была изумительно охватывающая сила, которая охватывала даже недужившихъ, значительныхъ людей; а въ его средѣ было уже достаточно значительныхъ лицъ. Онъ создавалъ свою школу изъ самыхъ способныхъ головъ, какихъ только могъ достать.

Но вообще все это, не исключая даже привлекательной улыбки и любезностей ксати, служило одной цѣли, паллопнявшей все его существо. А въ этой цѣли не было ничего общаго съ любовью

къ людямъ, съ самозабвенной заботой о гражданскомъ благоденствіи. Правда, онъ прибѣгалъ и къ нимъ, но лишь какъ къ орудіямъ: послѣднее же его цѣлью всегда было его господство, всевластіе его воли. Это отсутствіе всякаго гражданского чувства, всякаго чутія человѣческаго счастья, всякаго желанія подчиниться чему-нибудь высшему, общему благу, этотъ разъѣдающій эгоизмъ, который смотритъ на міръ и людей лишь какъ на свои орудія, уже начинали проявляться въ немъ. Но они еще не заглушали всего. Онъ еще забывался при встрѣчѣ съ изумительнымъ умомъ, шутя совершающимъ богатырскія работы. То не былъ талантъ, который, при помощи прилежанія, сноровки, вдумчивости, осваивается съ труднымъ предметомъ и, мало-по-малу, достигаетъ высоты, совместной съ счастіемъ и довольствомъ большинства. Тутъ было больше. Тутъ были: первобытное созерцаніе, быстрое, вѣщее обниманіе даже совсѣмъ чуждаго, изумительное усвоеніе и переработка новаго, искусство уловлять суть всякаго вопроса, жизненный нервъ всякой вещи и творчески, въ одинъ мигъ, превращать въ собственную мысль даже схваченное палету,—словомъ, все, что обличаетъ истиннаго генія ¹⁾.

Эта изумительно одаренная натура была теперь въ полномъ цвѣтѣ своихъ силъ, на порогѣ зрѣлаго возраста. Наполеону было 27 лѣтъ; а для южанина 27 лѣтъ больше значать, чѣмъ для уроженца сѣвернаго климата.

Такимъ образомъ, онъ вступилъ во всемірную исторію не какъ французъ или итальянецъ, а просто какъ чловѣкъ, какъ цѣлмй міръ. Вѣдь и его родъ принадлежалъ той Флоренціи, достоиніемъ которой были Данты, Мавіавели, Рикетти. Вѣдь и его предки были выгнаны изъ того города, изъ котораго вышло столько мужей, предназначенныхъ къ созданію тираніи на развалинахъ демократической революціи.

Бонапарту не нравилось, когда его называли якобинцемъ. Онъ презиралъ свой народъ, пользуясь имъ и обманывая его такъ же, какъ и другіе народы, хотя никто не льстилъ ему такъ искренно, какъ французы. Это скорѣе былъ типъ стараго римскаго цезаря. Римская имперія, съ ея всемірнымъ господствомъ и однообразіемъ, съ ея безграничной государственной властью и централизацией, съ ея космополитизмомъ, сляпаніемъ народовъ и сглаживаніемъ всякой особой жизни,—вотъ его идеаль. Хорошо знакомый, какъ съ древней, такъ и съ новой исторіей, онъ однако-жъ всего болѣе

¹⁾ Ср. слова Мармона въглядъ котораго, главнымъ образомъ, легъ въ основаніе изложенія Гейссера, объ участіи Наполеона въ составленіи *code civil*. Mémoire, II, 201. O.

любилъ возвращаться къ этому періоду. Эллины никогда не привлекали его: эта пестрая, многообразная жизнь независимыхъ личностей, эта свобода маленькихъ республикъ были для него чуждой, непонятной загадкой. А римляне, съ ихъ всемірнымъ могуществомъ, съ ихъ легионами и императорами, — вотъ кто имѣлъ необыкновенное вліяніе на его фантазію. И онъ болѣе подходилъ къ этому времени, чѣмъ къ нашему.

Итальянскій походъ 1796—1797 годовъ ¹⁾. Отъ Генуи до Милана (съ марта до мая 1796 г.).

Союзныхъ австрійскихъ и пьемонтскихъ войскъ насчитывалось до 60,000; французовъ было, по большей мѣрѣ, 30 или 40 тысячъ ²⁾. Но первыя, по выраженію Клаузевица, были именно союзники „съ расходящимися линіями отступленія“: одни оглядывались на Вѣну, другіе на Туринъ. И оба находились въ дурномъ расположеніи духа. Можно было въ одно время держать подъ шахомъ оба войска. На этомъ и былъ построенъ весь военный планъ Бонапарта. Главные удары должны были посыпаться на австрійцевъ и оттѣснить ихъ на востокъ: тогда пьемонтцамъ пришлось бы вести оборонительную войну, пока не пробилъ бы и ихъ часъ.

Между союзными войсками не было сочувствія. Пьемонтцы болѣе склонялись къ революціи, чѣмъ къ Савойскому дому. А послѣдній ужъ вовсе не былъ въ тѣсной дружбѣ съ Австріей: между ними была лишь слабая связь посредствомъ дипломатической сдѣлки.

Главкомадующимъ союзными арміями былъ Болье (Beaulieu). При началѣ войны онъ былъ только полковникомъ, а потомъ, въ поразительно короткое время, повысился до генерала. Старый энергическій валлонецъ, опытный солдатъ, всегда былъ вѣренъ своему долгу и, несмотря на свои 70 лѣтъ, все еще былъ чрезвычайно крѣпокъ. Онъ слылъ военнымъ героемъ перваго разряда; но его цѣпили черезчуръ высоко. Его слава проистекала изъ того времени, когда онъ отбросилъ изъ Бельгій еще совсѣмъ незрѣлые

¹⁾ Napoléon Bonaparte: Correspondance. 1859. I—III.—Мемуары Лавалета, Савари, Бурлена, Мармона, и т. д.—Botta: Storia d'Italia 1789—1814. Paris 1824.—Schlosser: Für Beurtheilung Napoleons. 1835.—Poeselt's Europäische Annalen. 1796. 4 Bde.—Oesterreich. milit. Zeitschrift на 1818, 1825, 1827—1830 года: Geschichte der Kriege IV.—Clausewitz: Der Feldzug von 1796. Berlin. 1833.

²⁾ Мармонъ (Mém. I, 145) полагаетъ дѣйствующую силу пѣхоты всего въ 28,820 человекъ. О.

французскіе полки. Войска уже давно не довѣряли ему, какъ французы своему Бонапарту. Австрійцы тащились съ цѣлой горой бесполезнаго багажа, согласно съ предписаніями стараго военнаго порядка, а французы были легко вооружены, гораздо меньше навьючены, да къ тому же свѣжи, живы, закалены, превосходно приучены къ оружію, полны одушевленія, самоувѣренности и безграничнаго довѣрія къ полководцу, который, хотя и не имѣлъ еще такой славы, какъ впоследствии, но повсюду служилъ досель съ честью и успѣхомъ. Больше былъ старикъ, воевавшій методически, на старшій ладъ; на полѣ битвы онъ исполнялъ только свой долгъ, но его никогда не ослѣяло какое-нибудь необыкновенное, гениальное соображеніе. А Бонапартъ былъ 27-лѣтній юноша съ самыми рѣдкими дарованіями; это была личность, обладавшая изумительнымъ умѣньемъ оживлять и увлекать массы и требовать отъ солдатъ чрезвычайныхъ усилій съ всегда оправдываемой увѣренностью, что они все сдѣлаютъ. Бороться съ такимъ дарованіемъ было бы не легко даже и видному полководцу: каково же было ветерану старой, оконченѣйшей системы!

Въ парижскомъ и вѣнскомъ кабинетахъ совершенно различно судили о войнѣ. Въ Парижѣ создали планъ оторвать Цьемонтъ отъ Австріи, завоевать Ломбардію, принудить мелкихъ итальянскихъ князей къ союзу съ Франціей и по возможности предписать миръ Австріи въ ея собственной землѣ. А въ Вѣнѣ считали войну совсѣмъ второстепенной. Правда, при Лоано (въ ноябрѣ 1795 г.) уже потерѣли уронъ; но, тѣмъ не менѣе, думали, что за это больше чѣмъ вознаграждены на Рейнѣ и считали себя довольно сильными, чтобы безъ труда задержать Бонапарта до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ боевая развязка въ Германіи.

Въ концѣ марта явился Бонапартъ къ своему войску. Онъ засталъ его безъ одежды, безъ саногъ и жизненныхъ припасовъ; оно находилось въ совершенномъ пренебреженіи у правительства, измучено подрядчикомъ, еле существовало грабежами, — словомъ, находилось въ жалкомъ положеніи.

„Солдаты!—сказалъ онъ имъ въ своей прокламаціи.—Вы наги, вамъ нечего ѣсть, правительство много задолжало вамъ и не можетъ ничего дать. Ваше терпѣніе, ваше мужество, которое обнаружили вы среди этихъ скалъ, достойны удивленія; но вы не приобрѣтаете славы, на васъ не падаютъ блестящія лучи. Я намѣренъ свести васъ въ самыя плодоносныя долины въ мірѣ. Въ вашей власти будутъ земли, большіе города; вы найдете тамъ славу, честь и богатство. Солдаты итальянской арміи! Неужели же у васъ не хватитъ мужества и стойкости“?

Тутъ нѣтъ ни слова про свободу и республику, про войну

дворцамъ и миръ хижинамъ, ничего изъ тѣхъ рѣчей, съ которыми обращались доселѣ къ арміямъ революціи. „Честь, слава и богатство!“ Программа имперіи и ея легионовъ уже возвѣщена.

Бонапартъ рѣшился на быстрые и смѣлые удары и потому былъ немало пораженъ, когда Болье предупредилъ его своимъ нападеніемъ 10-го апрѣля. Послѣдній намѣревался отклонить натискъ, угрожавшій Генуѣ, и возстановить связь между союзнымъ войскомъ и англійскимъ флотомъ, крейсировавшимъ у Генуи: тогда Австрія, Швейцарія и Англія были бы соединены, а Генуя прикрыта. Это-то, и ничего больше, составляло главную цѣль союзниковъ. Бонапартъ же намѣревался раздавить австро-швейцарскую армію и по ея трупу пройти къ Вѣнѣ.

Между долинами Ломбардіи и берегами Генуи тянется довольно скалистый, зубчатый хребетъ горъ, который всегда трудно было перейти: онъ только теперь прорѣзанъ множествомъ тоннелей. Въ этомъ хребтѣ, между Нови и Генуей, лежалъ пунякъ, который должно было взять, чтобы потомъ быстро спуститься къ Генуэзскому заливу. Это удалось. Благодаря одному движенію, счастливо скрытому отъ французовъ, Болье быстро перешелъ Бовкетскій хребетъ, напалъ на врага при Водтри, отбросилъ его и вечеромъ соединился съ Нельсономъ. По этимъ и окончились всѣ успѣхи. Тотчасъ же обнаружилось мастерство Наполеона, та дивная экономія силъ, съ помощью которой онъ всегда въ рѣшительныя минуты умѣлъ быть сильнѣйшимъ. „Все военное искусство,—говорить онъ,—состоитъ въ томъ, чтобы всегда превосходить числомъ непріятеля тамъ, гдѣ нужно“.

Вообще Бонапартъ былъ далеко слабѣе Болье; но въ первые дни во всѣхъ битвахъ у него было больше войска, такъ что австрійцы думали, будто имѣютъ дѣло съ неизмѣримо сильной арміей. Затѣмъ австрійцы подвинулись къ Монтенотте, чтобы пробить французскую линію и отбросить ее къ Альпамъ. Сначала дѣло шло, казалось, удачно. 11-го апрѣля у шайцевъ подъ Монтенотте разразился страшный, упорный бой между 1,200 хорошо прикрытыхъ ветерановъ и 3,000 нападающихъ. Но потомъ австрійцы были отбиты съ большимъ уропомъ; также кончилась и маленькая стычка по сосѣдству. Тутъ Бонапартъ быстро бросился на всѣ отдѣльныя позиціи обѣихъ армій и разбилъ ихъ въ цѣломъ рядѣ сраженій. Порокомъ старой системы было желаніе прикрыть каждый пунякъ: на цѣлыя мили разставляли большіе кордоны и при этомъ бесполезно употребляли страшно много людей. Напротивъ, революція, при недостаткѣ надежныхъ солдатъ, должна была постоянно нападать всѣми своими войсками все на отдѣльные пунякты: при этомъ фланги обыкновенно плохо прикрывались,

зато тѣмъ сильнѣе была сосредоточенность на рѣшительномъ мѣстѣ. Наполеонъ дѣйствовалъ систематически въ этомъ смыслѣ: онъ всегда нападалъ на врага, въ извѣстномъ пунктѣ, съ превосходящими силами и не давалъ ему времени обойти себя.

Такъ было и въ описываемомъ походѣ. Отъ 13 до 22 апрѣля, при Милезимо, Дего, Чевѣ, Мондови, австрійцевъ атаковывали все въ мелкихъ стычкахъ, гдѣ они постоянно были въ меньшинствѣ, и разбивали, несмотря на всю ихъ храбрость. Тутъ не произошло собственно ни одной дѣйствительной битвы; а между тѣмъ сумма урона у австрійцевъ коснулась значительной части арміи. Сверхъ того, ихъ покинули пьемонтцы. Съ обѣихъ сторонъ жаловались, что союзникъ не исполнилъ своего долга, не выслалъ подмоги. „Расходящіяся линіи отступленія“ оправдались: пьемонтцы ретировались на сѣверъ, австрійцы на востокъ.

Бонапартъ издалъ новое воззваніе къ своему войску. Вотъ оно: „Солдаты! Въ 14 дней вы одержали 6 побѣдъ, завоевали 21 знамя, 55 пушекъ и много вѣрностей, взяли въ плѣнъ 15,000 человекъ и 10,000 убили и ранили. Доселѣ вы были изъ-за голыхъ скалъ: вы явили блестящее мужество, но не принесли пользы отечеству. Теперь вы въ правѣ стоять наряду съ голландской и рейнской арміями. Вы были лишены всего; а теперь все добыли себѣ оружіемъ. Вы побѣждали безъ пушекъ, переходили потоки безъ мостовъ, совершали быстрые марши безъ сапогъ и ночевали подъ открытымъ небомъ безъ водки, а зачастую и безъ хлѣба. Это возможно только республиканскимъ солдатамъ, только свободнымъ войскамъ!.. Но вы все еще ничего не сдѣлали: вѣдь еще не въ вашихъ рукахъ ни Туринъ, ни Миланъ!.. Нужно освободить Италію, нужно и здѣсь снять оковы съ народа!“

На этотъ разъ, для разнообразія, уже приводится старшій счетъ 1793 года и дѣлается воззваніе къ республикѣ и ся пропагандѣ.

Ближайшимъ слѣдствіемъ побѣдъ было выступленіе Пьемонта изъ союза съ Австріей. Въ Туринѣ опасались революціоннаго движенія и рѣшились ужъ лучше пойти на сдѣлку съ врагомъ. 28 апрѣля было заключено перемиріе, въ силу котораго Пьемонтъ отдѣлился отъ Австріи, отвелъ свои войска, сдалъ французамъ вѣрности и обратился, такимъ образомъ, для непріятели въ оцѣраціонный базисъ противъ Милана.

Отъ Милана до Леобена (съ мая 1796 до апрѣля 1797 года).

Теперь войско ринулось на Миланъ. Счастливо добились перехода черезъ По у Пьяченцы (7 мая); мимоходомъ, въ одномъ пе-

ремириі (8 мая) наложили громадную контрибуцію на герцога Пармскаго (2 милл. ливровъ, 1,700 лошадей, 10,000 центнеровъ плодовъ, 5,600 центн. овса, 2,000 воловъ, 20 лучшихъ его картинъ); а 10-го мая, послѣ сильной и опасной битвы, совершили переправу черезъ Адду у Лоди. Доселѣ не изслѣдовано, почему былъ сданъ этотъ послѣдній мостъ, весьма хорошо защищенный: быть можетъ, изъ страха, чтобы врагъ не обошелъ праваго крыла. Тутъ австрійцы отступили до границы сѣверной Италіи, а Бонапартъ вступилъ въ Миланъ 14 мая.

Въ этотъ день онъ сказалъ Мармону, который увѣрялъ его, что въ Парижѣ нѣтъ предѣла изумленію его успѣхамъ: „Вы еще ничего не видѣли; а будущее хранить для насъ такіе успѣхи, которые остаются за собой все, сдѣланное нами доселѣ. Пынче счастье улыбалось мнѣ не за тѣмъ, чтобы я пренебрегъ его благосклонностью. Счастье — женщина: чѣмъ больше дѣлаетъ оно для меня, тѣмъ больше я стану требовать отъ него. Черезъ нѣсколько дней мы будемъ на Эчи; вся Италія будетъ подчинена. Тогда, если только у меня средства увеличатся соразмѣрно съ моими планами, мы тотчасъ же поднимемся, быть-можетъ, на еще болѣе великія предпріятія. Въ наши дни никому еще не удавалось видѣть великихъ подвиговъ: мое дѣло показать примѣръ“.

Мармонъ (Mém. I, 178, 186) не вѣрилъ своимъ ушамъ, когда въ эти же дни услышалъ, какъ Бонапартъ диктовалъ письмо къ директоріи, въ которомъ увѣрялъ, что, если ему пришлютъ подкрѣпленія, онъ перейдетъ Тироль и ударитъ въ тылъ австрійской рейнской арміи.

Если бы выставленная во второмъ воззваніи пропаганда была задумана искренно и серьезно, она легко повела бы къ народнымъ движеніямъ противъ дурныхъ правительствъ въ Пармѣ, Моденѣ и Церковной Области. Но Бонапартъ относился къ ней не серьезно. По его мнѣнію, подобныя обѣщанія годны лишь для того, чтобы усмирять кабинеты страхомъ передъ революціей; но они неисполнимы: Онъ самъ сказалъ въ минуту откровенности: „Эти средства пора уже бросить. Вообще, дѣйствіе подобныхъ воззваній сомнительно. Неужели вы думаете, что воззваніями можно сдѣлать свободнымъ слабый, воспитанный ногами пародъ? Опшбааетесь!“

Бонапартъ желалъ привлечь народы одними обѣщаніями, которыхъ вовсе не думалъ исполнять; а еще больше ему хотѣлось зануговать этимъ кабинеты, чувствовавшіе тутъ свою слабую струнку. Такимъ образомъ, онъ былъ страшенъ и для тѣхъ, и для другихъ; и въ то же время казался имъ послѣднимъ якоремъ спасенія: такимъ образомъ, онъ употреблялъ однихъ противъ дру-

гихъ, привываваль народы въ надеждамъ на свободу, а государей— въ страху передъ революціей.

Теперь Бонапартъ заключаетъ договоръ за договоромъ съ запуганными государями (съ Моденой 17-го мая, съ Неаполемъ 5-го июня, съ папой 23-го). Страшныя контрибуціи деньгами, лошадыми, скотомъ, жизненными припасами и художественными произведениями служатъ отступнымъ за сохраненіе колеблющихся престоловъ. Ничто не намекаетъ на новую свободу; зато все превосходно рассчитано на основаніе владычества побѣдителя надъ государствомъ и войскомъ. Пустая казна наполняется; трофеи, картины и статуи льстятъ тщеславію націи; войско, голодавшее доселѣ, живетъ въ избыткѣ и боготворитъ своего героя. Никогда еще не извлекалось столько пользы изъ побѣдъ. Ломбардія заплатила 25 милліоновъ ливровъ, Модена 10, Парма и Пьяченца 20, папа 36, Болонья и Феррара 3.700,000, Мантуа 800,000, имперскіе лены 200,000, англійскіе магазины 8.000,000.

Парижской директоріи было неспокойно отъ такихъ уснѣховъ. Безпредѣльная сила, съ которой этотъ человѣкъ привлекалъ къ себѣ войска и попергалъ къ своимъ погамъ чужеземные народы и ихъ государей, внушала опасеніе: она такъ не походила на жалкое положеніе правительства, которое съ трудомъ защищалось отъ внутреннихъ партій и было совсѣмъ безоружно передъ военнымъ могуществомъ на границахъ.

Уже тогда опасались, что изъ Бонапарта выйдетъ нѣчто большее, чѣмъ просто счастливый генераль, и считали пужнымъ принять предосторожности противъ его честолюбія. Еще лѣтомъ рѣшили послать комиссара съ тайнымъ порученіемъ наблюдать за Бонапартомъ и доносить на него. По генераль Кларкъ былъ достаточно разуменъ, чтобы видѣть, что у генерала болѣе великая будущность, чѣмъ у парижской директоріи. Онъ передался ему, и всѣ его отчеты проходили черезъ руки Бонапарта.

По война еще не окончилась. Самая трудная ея часть теперь только начиналась. Уже нѣсколько столѣтій востокъ Италіи былъ театромъ послѣдней, рѣшительной борьбы за обладаніе полуостровомъ. Правда, и Ломбардія очень пригодна для битвъ; но рѣшительные удары почти всегда наносились на линіи Минчіо и Эчи, и наоборотъ, даровитымъ полководцамъ, какъ только они завладѣвали линіей Минчіо, всегда было возможно однимъ порывомъ вновь пріобрѣсти все остальное. Тогда здѣсь была только одна большая крѣпость, что, быть можетъ, даже облегчало защиту: это—превосходно расположенная Мантуа. На одномъ изъ острововъ на Минчіо помѣщалась часть укрѣпленій; городъ былъ хорошо снабженъ всѣмъ необходимымъ и вооруженъ гарнизономъ,

болѣе чѣмъ достаточнымъ для защиты. Въ такой крѣпости противъ 15,000 австрійцевъ требовалось, по крайней мѣрѣ, 30,000 осаднаго войска. Бонапарту нельзя было подвигаться впередъ, пока не падетъ Мантуя: стало быть, пока здѣсь держали врага, такъ сказать, въ цѣпяхъ,—нечего было опасаться, что онъ проникнетъ въ Вѣну.

Люди свѣдущіе въ военномъ дѣлѣ, въ родѣ Клаузевица, считаютъ рѣшительнымъ дѣломъ, что со стороны австрійцевъ было страшною стратегическою ошибкою послать въ Италію армію за арміею для освобожденія Мантуи, предоставляя Наполеону побѣждать ихъ въ открытомъ полѣ, вмѣсто того, чтобы только удерживать за собой крѣпость, а свои войска употреблять въ Германіи для уничтоженія французской сѣверной арміи. Еслибъ удалось удержать Мантую, то, при счастливымъ результатѣ похода въ Германію, нечего было опасаться и за Италію съ Вѣной. Вѣдь мы ужъ знаемъ, что если бы въ Германіи, между Рейномъ и Шварцвальдомъ, было 80,000 солдатъ, то Моро былъ бы уничтоженъ.

Вмѣсто того, при началѣ похода въ Германію, отрядили Вурмзера съ 25,000 къ Минчио. Послѣдній спустился двумя волнами къ Гардскому озеру. Бонапартъ поднялся изъ-подъ Мантуи, съ быстротою молніи бросился на нихъ, не давъ имъ соединиться, разбилъ ихъ одну за другой во многихъ сраженіяхъ къ югу отъ Гардскаго озера и, такимъ образомъ, заставилъ ихъ отступить обратно въ Тироль. Затѣмъ онъ опять обратился къ Мантуѣ.

Этотъ первый опытъ долженъ былъ доказать, какъ нерасчетливо было все вызывать Бонапарта въ открытое поле, гдѣ теперь уже знали его превосходство. Слѣдовало мучить его осадной войной, которая, какъ извѣстно, никогда не пользовалась его сочувствіемъ и была совсѣмъ непримѣнима къ французскому войску, при его тогдашнемъ устройствѣ. А между тѣмъ, все придерживались разъ принятой системы, все посылали армію за арміею на погибель. Когда Вурмзеръ сдѣлалъ вторую попытку проникнуть къ Мантуѣ, Бонапартъ снова разбилъ его войско по частямъ. Правда, удалось усилить гарнизонъ въ Мантуѣ, но это только затруднило его продовольствіе и нисколько не помогло развязкѣ.

Въ подборѣ шло второе австрійское войско, подъ начальствомъ Альвинци, которое хотя и состояло преимущественно изъ молодыхъ солдатъ, во всякомъ случаѣ было довольно сильно, чтобы, и безъ помощи Мантуи, побить Бонапарта въ открытомъ полѣ. На этотъ разъ тутъ ужъ былъ рѣшительный перевѣсъ въ числѣ. Войско Бонапарта, вообще не превышавшее 30,000, понесло большой уронъ: кто былъ убитъ или раненъ, кто оставленъ въ гарни-

зонѣ ¹⁾. 15-го ноября разразилась страшная трехдневная битва при Арволе, окончившаяся рѣшительною побѣдой Бонапарта.

При Риволи (14-го января 1797 года) подобная же участь постигла вторую попытку Альвинци освободить Мантую съ помощью новаго войска, а 2-го февраля пала крѣпость. Не только была завоевана верхняя Италия, но, сверхъ того, австрійскія войска понесли необыкновенную потерю. Уронъ въ битвахъ за послѣдніе мѣсяцы равнялся цѣлой порядочной арміи; а у Австріи уже не было средствъ вести въ слѣдующемъ году двойную войну—въ Италиі и на Рейнѣ—для защиты своихъ внутреннихъ областей. Она уже не могла въ открытомъ полѣ предложить битву войску, которое теперь, въ мартѣ 1797 г., однимъ врѣломъ, подъ начальствомъ Бонапарта, шло внутрь государства. Медленно отступали австрійскія войска, давая Бонапарту перейти рр. Тальяменто и Изонцо. Въ концѣ марта послѣдній стоялъ уже въ Штириі, а 5-го апрѣля выдвинулъ свой авангардъ къ Леобену.

При всемъ томъ, положеніе Бонапарта было болѣе блестящее, чѣмъ счастливо. Жуберъ, которому приходилось пройти Тироль съ главною арміею, не подвигался впередъ. Онъ на цѣлыя пѣдѣли застрялъ въ узкихъ проходахъ этой горной крѣпости, и ему угрожала опаснѣйшая изъ партизанскихъ войнъ. У директоріи не было либо средствъ, либо охоты теперь же начать движеніе на Рейнъ: съ этой стороны Бонапартъ былъ советѣмъ покинуть. Позорныя интриги, помощью которыхъ подвигались подвенеціанское правительство, поднимали тамъ народныя массы противъ французовъ. А если бы возстаніе ожесточенныхъ итальянцевъ присоединилось ко всѣмъ невыгодамъ изолированности, то Бонапартъ очутился бы въ крайне опасномъ положеніи.

Въ самой Австріи, въ противоположность паденію духа у кабинета, пробуждалось воинственное одушевленіе. Оно могло бы много сдѣлать, еслибъ имъ руководили хорошо и по плану; но само собою разумется, что съ точки зрѣнія государственнаго искусства, заправлявшаго здѣсь всѣмъ, въ подобныхъ движеніяхъ гораздо болѣе опасности, чѣмъ въ подчиненіи самому позорному миру. „Если подойдетъ врагъ, ему можно будетъ зажать ротъ какою-нибудь провинціей, по вооружить народъ... это значитъ разрушить тронъ“. Эти слова Коллоредо точно обозначаютъ господствовавшій здѣсь образъ мыслей, а на него-то и рассчитывалъ Наполеонъ, когда все вокругъ него принимало болѣе и болѣе от-

¹⁾ См. у Баранта (Hist. du directoire de la républ. franç., I, 360 sqq.) о томъ, какъ Бонапарту приходилось бороться также и съ паденіемъ духа своего войска. О.

чаянный видъ. До чего безнадѣжнымъ считаль онъ свое положеніе съ этой стороны, достаточно видно изъ его писемъ къ директоріи: Когда уже не оставалось никакихъ надеждъ, онъ рѣшился попытать переговоры съ непріятелемъ. 31-го марта онъ написалъ эрцгерцогу Карлу удивительное письмо, рассчитанное если не на самого эрцгерцога, то хотя на чувство, царившее во дворцѣ. „Генераль!—говорилось въ немъ:—храбрые солдаты ведутъ войну и желаютъ мира. Не длится ли война уже 6 лѣтъ? Не довольно-ли побили мы народу? Не довольно-ли причинили бѣдствій сворбашему человѣчеству? Уже со всѣхъ сторонъ раздается ропотъ... Что касается меня, генераль, то, если бы только мои предложенія спасли жизнь хоть одного человѣка, я съ болшею гордостью смотрѣлъ бы на гражданскій вѣнокъ, который заслужилъ бы тогда, чѣмъ на печальный блескъ военнаго триумфа“.

Таково было введеніе къ переговорамъ, слѣдствіемъ которыхъ было леобенское перемиріе 18-го апрѣля. Никто такъ ревностно не содѣйствовалъ имъ, какъ дочь Маріи-Терезіи, неаполитанская королева Каролина, которая сначала была самымъ заклятымъ врагомъ французовъ, а теперь столь же горячо стояла за миръ, съ тѣхъ поръ, какъ ей начали угрожать, съ одной стороны, побѣдоносныя французскія войска, съ другой—революція въ собственной землѣ.

По леобенскому договору Бельгія и лѣвый берегъ Рейна отдавались французамъ на законномъ основаніи, а республика Верхняя Италия только фактически. За Австріей сохранялась восточная часть Венеціи (между Ольо, По и Адриатическимъ моремъ) съ Истрией и Далмаціей. Общанная уступка австрийцамъ Мантуи и Пескьеры имѣла такой же смыслъ, какъ „цѣлость Шѣмцкой имперіи“, долженствовавшая лечь въ основу окончательнаго мира въ то время, какъ Рейнъ уже былъ оторванъ отъ этой имперіи, и „удовлетвореніе“ Венеціи, разрушеніе которой было уже рѣшено и вскорѣ стало фактомъ.

ГЛАВА XXII.

Директорія. Заговоръ Гракха Бабефа (10 мая 1796 г.).
Роялисты.

Въ это время въ Парижѣ директорія изнемогала въ ежедневной борьбѣ за свое существованіе. Повсюду старая партія снова выказывали признаки жизни. Вопреки мѣрамъ предосторожности

противъ заговоровъ, вопреки декретамъ противъ священниковъ, эмигрантовъ и роялистовъ, правительство не достигло правленія, законодательная власть не исцѣлила беззаконной анархіи. Вѣдь новая система была признана лишь благодаря силѣ оружія; теперь оказалось, что она не должна была слагать его, если хотѣла утвердиться.

Подготовилось даже яacobинское возмущеніе. Правда, оно было подавлено еще до своего взрыва, но зато оно имѣло особенно опасное значеніе, потому что его участники засѣдали въ самомъ совѣтѣ пятисотъ. Это былъ заговоръ между остатками старыхъ террористовъ и кружкомъ коммуниста Бабефа ¹⁾.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ борьбѣ партій, послѣ термидора, возникло сильное отчужденіе между правительственными и оппозиционными яacobинцами, фанатизмъ изъ послѣднихъ не оставалось ничего болѣе, какъ помышлять о новой революціи. Она должна была быть основательнѣе, чѣмъ прошлая. Уже не останавливаясь на низверженіи государства и на переходномъ потрясеніи общества, она должна была дѣйствительно серьезно заняться устройствомъ вполнѣ и преобразованнаго общества. 1793 годъ обратилъ все низшее въ высшее, похоронилъ и изгналъ аристократію сословій, имущества, ума и характера; по едва только ослабъ терроръ, какъ эта аристократія уже пробудилась и стала могущественнѣе, чѣмъ прежде, начала даже обращать своихъ старыхъ враговъ. Для фанатиковъ это было доказательствомъ, что революція сдѣлала свое дѣло только вполнину, чѣмъ сама себя и уничтожила, и что, стало быть, необходимо снова возвратиться къ истиннымъ преданіямъ 1793 года.

Это настроеніе части пѣкогда всемогущихъ террористовъ совпало съ плапами отчаяннаго коммуниста Бабефа. Послѣдній, при старомъ порядкѣ вещей, не видалъ ничего, кромѣ несчастія и нужды, а съ открытія революціи ничего, кромѣ тюрьмы и преслѣдованій: и вотъ, опъ вообразилъ теперь, что, наконецъ, настало его время.

Гравхъ Бабефъ былъ одинъ изъ тѣхъ утопистовъ, которые сами не вѣрятъ, что они нашли всеобъемлющія средства противъ всякихъ болѣзней общества, и съ слѣпымъ фанатизмомъ держатся своего ученія. Это одинъ изъ тѣхъ отважныхъ мечтателей, съ которыми, изстари, раздѣлываются очень скоро, что, однако, никогда не мѣшаетъ имъ быть наилучшими подготовителями абсолютизма: вѣдь послѣднему ничто не оказываетъ такихъ полезныхъ услугъ, какъ „красный призракъ“ (spectre

¹⁾ Buonarotti: Conspiration de Babeuf. Bruxelles. 1823. 2 vls.

gouge), который кидаетъ въ его объятія запуганное среднее сословіе.

Около 9-го термидора пустилъ Бабефъ по міру свои коммунистическія, поджигательныя сочиненія и старался втихомолку набрать хорошо устроенную партію среди голоднаго пролетаріата и злобныхъ террористовъ. Термидоріане бросили его въ тюрьму вмѣстѣ съ другими мятежниками. Здѣсь образовались между ними первыя тѣсныя связи; и когда, послѣ 13-го вандемьера, Бабефа освободили, отсюда возникъ клубъ, имѣвшій своихъ агентовъ во всѣхъ 12-ти округахъ города Парижа.

Правительство теридло языкъ журнала Бабефа „Le tribun du peuple“, становившійся все болѣе и болѣе наглымъ: оно видѣло въ немъ спасительный противовѣсъ роялистамъ. Эта газетка позволяла себѣ невѣроятныя вещи ¹⁾. „Частная собственность,—можно было прочесть тутъ,—есть источникъ всѣхъ бѣдствій, удручающихъ все общество. Общество, это—адъ; гармонія, царствующая въ немъ,—преступленіе. Что толковать про законы и собственниковъ! Имуществомъ завладѣли разбойники, законы — созданіе сильныхъ. Солнце свѣтитъ для всѣхъ, и земля не составляетъ ничьей собственности. Ну же, друзья мои! разрушайте, ниспровергайте, валите это общество, которое вамъ не нравится. Тащите себѣ, что понадобится; безъ угрызенія совѣсти сокрушайте межевые столбы, уничтожайте конституціи; безъ сожалѣнія душисто тираловъ, патриціевъ, раззолоченный милліонъ всѣхъ нечестивцевъ, противящихся общему благу! Вы—народъ, истинный, единственный народъ, заслуживающій наслаждаться всѣми благами сего міра! Справедливость народа столь же величественна, какъ онъ самъ. Все, что онъ дѣлаетъ, законно; все, что онъ приказываетъ, священо“.

Все это необыкновенно шибко расходилось въ массахъ, а правительство смотрѣло, сложа руки, до тѣхъ поръ, пока Бабефъ открыто не объявилъ войны ему самому. Тутъ (11-го декабря 1795 г.) оно приказало полиціи арестовать его, но онъ ускользнулъ и съ удвоеннымъ усердіемъ продолжалъ свой журналъ и свои продѣлки изъ неудовимаго убѣжища. Отрядъ полицейскихъ, на которыхъ правительство думало опереться въ борьбѣ съ мятежниками, весь попалъ въ руки дѣятельныхъ агитаторовъ, и его пришлось распустить, такъ какъ онъ перешелъ въ открытое возстаніе (въ апрѣлѣ 1796 г.). Тенерь заговорщики рѣшились начать дѣло: они насчитывали около 17,000 сообщниковъ (въ томъ числѣ

¹⁾ Barante: Hist. du directoire de la rép. I, 50 sqq., 240 sqq.; II, 181 sqq. 0.

Р. Линде, Амаръ, Друэ). 11-го мая долженъ былъ разразиться мятежъ. Но они уже были преданы. 10-го мая все было готово, чтобы захватить зачинщиковъ заговора. Самъ Бабефъ былъ арестованъ въ ту минуту, когда писалъ: „Народъ побѣдилъ; тираніи уже не существуетъ; вы свободны“... Въ бумагахъ Бабефа нашли воззваніе, въ которомъ изрекался смертный приговоръ врагамъ народа и раздѣлъ собственности объявлялся священнѣйшимъ правомъ человѣка ¹⁾).

Впрочемъ, анархисты еще не потеряли духа. Это доказывается происшествіемъ на Гренельскомъ полѣ 9-го сентября. Тутъ явилась толпа въ 600 или 700 человѣкъ, вооруженная пистолетами, шпатами и саблями. Она восклицала: „Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ конституція 1793 года! Долой совѣтъ! Долой новыхъ тирановъ!“ и пыталась увлечь расположенныя тамъ войска. По напрасно. Мятежники были сняты силой оружія и ихъ зачинщики арестованы. Съ соизволенія совѣта пятисотъ, была назначена военная коммиссія; зачинщики заговора (въ числѣ ихъ много террористовъ) были осуждены и казнены.

Едва дѣло Бабефа отошло на задній планъ, какъ, 31-го января 1797 г., новое объявленіе отъ директоріи указывало на открытіе роялистическаго заговора. Тутъ внушали опасенія не столько силы, которыми располагалъ этотъ заговоръ, сколько новое доказательство несомнѣннаго факта, что по всей націи проходило глубокое недовольство всѣмъ правленіемъ, которое все сильнѣе укоренялось даже въ самыхъ законодательныхъ учрежденіяхъ. Выборы 1796 и 1797 годовъ, конечно, внесли въ совѣтъ элементы если не рѣшительно бурбонскіе, то, во всякомъ случаѣ,

¹⁾ Вотъ воззваніе Бабефа. „1. Природа дала каждому человѣку одинаковое право на пользованіе всѣмъ имуществомъ.

„2. Цѣль общества—защитить это равенство, столь часто нарушаемое въ естественномъ состояніи сильными и дурными, и приумножать все совокупное добро совокупнымъ трудомъ.

„3. Природа на всякаго наложила обязанность работать; уклоняться отъ труда—преступленіе.

„4. Работы и имущество должны быть общими.

„5. Угнетеніе состоитъ въ томъ, что одинъ трудится до истощенія и лишень всего, между тѣмъ какъ другой задыхается отъ пресыщенія, ничего не дѣлая.

„6. Преступленіе—присвоивать исключительно себя плоды земли или промышленности.

„7. Въ истинномъ обществѣ не должно быть ни богатыхъ, ни бѣдныхъ.

„8. Богачи, не желающіе отказаться отъ избытка въ пользу нуждающихся,—враги народа.

„9. Никто не можетъ скопленіемъ всякихъ средствъ отнимать у другого обученіе, необходимое для его счастья. Обученіе должно быть общее“, и т. д.

далеко не республиканскіе. Всѣ средства отвратить эту опасность не привели къ цѣли. Въ апрѣлѣ 1797 года нѣсколько роялистическихъ депутатовъ были противозаконно отданы подъ военный судъ; но тотъ произнесъ мягкій приговоръ. Надѣлали много шума по поводу одного невиннаго воззванія Людовика XVIII; но настроеніе не измѣнялось въ пользу правительства.

Такъ приблизились выборы. Изъ совѣта выходила цѣлая треть членовъ, состоявшая именно изъ участниковъ конвента: стало быть, пятьсотъ утрачивали съ нею самое надежное свое большинство. Ничего не щадили, чтобы направить новые выборы на кандидатовъ правительства: устранили всякаго заподозрѣннаго въ эмиграціи; принуждали каждаго выборщика присягать конституціи III-го года и принимать прямое обязательство сопротивляться пройскамъ анархистовъ и роялистовъ; разсылали по округамъ списки кандидатовъ. Все было напрасно: происшедшіе теперь выборы заставили опасаться роялистическаго большинства.

Это оказалось тотчасъ же при открытіи совѣта пятисотъ. Выборы нѣкоторыхъ якобинцевъ, на примѣръ Бабефа, были объявлены не дѣйствительными. Въ президенты выбрали Пишегрю, въ секретари Симона, Воблапа, Ларивьера и Паризо,—все людей, справедливо заподозрѣнныхъ въ роялистическомъ образѣ мыслей. Клубъ Клини, въ которомъ каждый вечеръ собиралась самая рѣшительная оппозиція, началъ дѣйствовать все болѣе и болѣе открыто и провель назначеніе Бартеlemi директоромъ. Послѣдній, вмѣстѣ съ Карно, были недовольны Баррасомъ, и, такимъ образомъ, въ директоріи возникъ такой же расколъ, каковой царствовалъ въ собраніи. А большинство собранія вовсе не скрывало своихъ убѣжденій. Оно безбоязненно высказывало свои симпатіи къ роялизму, нападало на правительство, особенно на Барраса, и позволяло себѣ сильно бранить якобинство.

Дѣтомъ дошло уже до того, что, не стѣняясь, говорили про государственннй переворотъ. Въ клубѣ Клини намекали на удаленіе Барраса. А правительственные органы толковали про очищеніе законодательнаго корпуса.

Стѣспенные республиканцы знали, что если гдѣ-нибудь, то именно въ арміяхъ еще можно было пайти во всей чистотѣ ихъ убѣжденія и что отсюда слѣдовало ожидать энергическаго отпора всякой роялистической мысли. Въ этомъ случаѣ, на первомъ планѣ стояли рейнская и маасо-самбрская арміи. Что касается итальянской, то хотя въ ней уже былъ императорскій агентъ (тогда уже говорили Messieurs de l'armée italienne), но Бонапартъ находилъ еще выгоднымъ, въ видахъ своей политики, весьма рѣзко становиться если не за республику, то противъ роя-

листовъ. А это придавало неизбѣримую силу Баррасу и его единомышленникамъ въ борьбѣ съ сектантами.

Въ празднику 14-го іюля Бонапартъ издалъ приказъ по своимъ войскамъ, въ которомъ говорилось: „Горы отдѣляютъ насъ отъ Франціи, но вы перенесетесь черезъ нихъ орлинымъ полетомъ, если бы понадобилось упрочить конституцію, защитить свободу, охранить правительство и республиканцевъ... Солдаты! Въ тотъ самый мигъ, когда покажутся роялисты, пробѣте ихъ послѣдній часъ“. На пиру Ланъ пилъ за погибель клуба Элизи, а Бертъе—за уничтоженіе роялистовъ.

По просьбѣ Барраса, въ Парижъ былъ посланъ Ожеро для заявленія мѣстной итальянскаго войска. Этотъ господинъ держалъ передъ директоріей бранчивыя рѣчи противъ трусливыхъ предателей республики, которыхъ разможнить армія; а Баррасъ назначилъ его начальникомъ военного дивизиона въ Парижѣ, вопреки протестамъ Карно и Бартелеми.

Что Ожеро вообще умѣлъ вести себя крайне безтактно, это нисколько не озадачивало Бонапарта. Вѣдь отъ его ошибокъ можно было вынестись отпереться; а между тѣмъ онъ бралъ на себя пеналистную сторону государственнаго переворота, плоды котораго пожалъ потомъ Бонапартъ. Послѣдній мѣшкалъ лишь для того, чтобы дать республикѣ отжить самой; когда это совершилось, тогда онъ явился и возстановилъ порядокъ.

Государственный переворотъ 18-го фруктидора (4-го сентября) 1797 года. Миръ въ Кампо-Форміо.

18-го фруктидора послѣдовалъ государственный переворотъ. Въ ночь съ 3 на 4 сентября, дворецъ законодательнаго корпуса былъ окруженъ войсками и пушками. Гренадеры, которымъ была вѣрена защита Тюльери, отказались повиноваться своему начальнику. „Мы не швейцарцы!“ говорили одни; „Не хотимъ сражаться за Людовика XVIII!“ кричали другіе. Ожеро арестовалъ коменданта: лишь съ трудомъ вырвали его изъ рукъ нѣсколькихъ яростныхъ якобинцевъ. Около 5 часовъ утра былъ обезоруженъ законодательный корпусъ. Нѣсколько часовъ спустя, арестовали Бартелеми и нѣсколько роялистическихъ депутатовъ. Затѣмъ собралось ядро обоихъ собраній въ чрезвычайное засѣданіе и приговорило къ ссылкѣ 53 депутата, 2 директоровъ (Бартелеми и Карно: послѣдній бѣжалъ) и даже собственниковъ и издателей

42 газетъ. Сверхъ того, объявили недѣйствительными выборы въ 53 департаментахъ, возобновили строгіе декреты противъ родни эмигрантовъ, подчинили нѣкотораго рода военному закону печать и сходки.

Такимъ образомъ, республика была спасена силой. Бонапартъ имѣлъ право ссылаться на это вполнѣдствіи. Тѣмъ, которые сами допускали очищать залы штыками, уже нельзя было протестовать противъ силы. Тутъ они сами лишили себя права притязать на законность. Благодаря имъ самимъ, получила новую опору и безъ того уже сильно распространенная вѣра, что въ концѣ концовъ лучше подчиниться способному солдату, чѣмъ „адвокатамъ“, не умѣющимъ создавать порядка.

А государственный переворотъ ускорилъ и миръ.

Со времени леобенскаго перемирія, Бонапартъ не упустилъ ничего, чтобы и съ военной, и съ политической стороны стать въ такое положеніе, при которомъ онъ заставилъ бы Австрію принять свои условія, если бы она рѣшилась на новую войну. Но многимъ причинамъ, ему невозможно было еще разъ предпринять большую войну, а между тѣмъ не было лишено основаній опасеніе, что австрійскій кабинетъ думаетъ совсѣмъ иначе. Между тѣмъ какъ пала старая республика Венеція передъ французскими интригами, возмутилась Генуя и къ тому же готовилась Церковная Область, въ Вѣнѣ нѣсколько изгладилося то настроеніе, при которомъ согласились на апрѣльское перемиріе. Здѣсь мало-помалу стало распространяться убѣжденіе, что тогда врагъ засталъ-де насъ враслохъ, по что, впрочемъ, намъ удобнѣе было выжидать, пріостановивъ военныя дѣйствія, чѣмъ нашему, всѣми покинутому, непріятелю. Этотъ взглядъ пріобрѣталъ все больше силы по мѣрѣ того, какъ развивались внутреннія дѣла во Франціи и революціонное движеніе въ страпѣ, гдѣ Австрія надѣялась получить свое вознагражденіе. Правда, было безумной мечтой вѣрять въ весьма близкую ролястическую реставрацію во Франціи и на этомъ основаніи отвертываться отъ правительства, дни котораго, быть можетъ, были уже сочтены. Но это весьма хорошо объясняется съ точки зрѣнія стараго государственнаго искусства; къ тому же Англія поддерживала тутъ Австрію съ неутомимымъ усердіемъ. И вотъ, въ Вѣнѣ снова начали колебаться. Тутутъ совершенно измѣнился: онъ теперь работалъ уже въ пользу войны столь же горячо, какъ вчера только въ пользу мира. Рассчитывали на уединенное положеніе итальянской арміи, на политическія волненія у пей въ тылу, на вѣроятную побѣду роялистовъ.

Бонапартъ проникъ во все это, какъ доказываютъ его письма

въ директоріи. Потому-то онъ неотступно требуетъ отъ нея установленія порядка и внутренняго мира, безъ которыхъ не получишь и мира заграничнаго. Затѣмъ онъ отсовѣтываетъ сумасбродныя военныя мысли, съ которыми носились въ Парижѣ. Тамъ воображали, что, быстро достигнувъ мимолетныхъ успѣховъ въ Италіи, Бельгіи, Голландіи, въ борьбѣ съ ветхими порядками и съ вялымъ веденіемъ войны старыхъ монархій, можно разсчитывать на подобныя же побѣды и внутри Австріи. Бонапартъ ясно видѣлъ, что это—тщеславное заблужденіе. Въ австрійскихъ провинціяхъ нисколько не пробуждались революціонныя симпатіи: эта держава, несмотря на свой пестрый составъ, тогда, точно такъ же, какъ и въ 1809 году, была словно единая нація, одушевленная тѣмъ же рыцарскимъ и самозабвеннымъ духомъ вражды въ французамъ. Письма Бонапарта этого времени чрезвычайно замѣчательны и поучительны для системы его политики.

Австрія поджидала лишь перелома въ судьбѣ директоріи. Какъ только переворотъ 18-го фруктидора совершился въ пользу республики, тотчасъ же опять взялись за переговоры. Они велись черезъ графа Кобенцля. Это былъ дипломатъ старой школы, изъ сорта людей, считавшихся тогда у всѣхъ дворовъ государственными мужами, но дѣлавшихъ свою карьеру и развивавшихъ свои таланты въ салонахъ, въ качествѣ пріятныхъ болтуновъ. Онъ нѣсколько лѣтъ былъ представителемъ Австріи при петербургскомъ дворѣ, и весьма ловкимъ, потому что умѣлъ, когда нужно, казаться ничтожнѣе, чѣмъ былъ на дѣлѣ, и успѣшно исполнять роли старухъ и т. под. въ любительскомъ театрѣ во дворцѣ. Онъ явился въ Удинѣ съ искреннимъ убѣжденіемъ, что скоро покопчить съ грубымъ корсиканцемъ, и съ твердой надеждой, что ему удастся впачительно ошципать его въ пользу Австріи.

Но Бонапартъ умѣлъ мастерски ладить съ подобными господами. Онъ обращался съ нимъ также, какъ потомъ съ Гаугвицомъ. Смотрѣлъ то септатремь, то лучезарнымъ солнцемъ; сыпалъ молніями ужаснаго гнѣва; награждалъ очаровательными улыбками почтительнѣйшаго благоволенія. Кобенцль ничего не достигнулъ. А когда онъ вздумалъ тянуть и медлить, послѣдовала та рѣзкая смена, успѣхъ которой такъ утѣшилъ великаго человѣка, что онъ даже на о. св. Елены разсказывалъ о ней съ безкопечнымъ наслажденіемъ. Съ обезображеннымъ отъ гнѣва лицомъ, крикнулъ онъ испуганному дипломату: „Если Австрія желаетъ войны, а не мира, то въ три мѣсяца она станетъ грудой осколковъ“, и хлоннулъ о-земь дорогой сервизъ. Затѣмъ выбѣжалъ вопъ, едва сдерживая улыбку, какъ говорилъ онъ самъ. А объятая ужасомъ дипломатія кинулась за нимъ и тутъ же согласилась на все.

17-го октября, въ замкѣ Кампо-Форміо, былъ подписанъ миръ. Въ немъ были ясныя и тайныя статьи.

По первымъ, Австрія отказалась отъ Венеціи и Ломбардіи и одобряла образованіе Цизальпийской Республики изъ послѣдней и изъ другихъ областей Верхней-Италіи. Герцогъ моденскій вознаграждался округомъ Брейсгау. Австрія получала Истрію, Далмацію и Венецію (и городъ, и островъ), отъ Гардскаго озера и Эчи до устьевъ По. На конгрессѣ въ Рапшатѣ назначалось заключить миръ съ Нѣмецкой имперіей.

А въ тайныхъ статьяхъ раскрылось цѣлое новое государственное право разбоя и торгашества землями насчетъ невинной Нѣмецкой имперіи и старой австрійской соперницы, Пруссіи. Левый берегъ Рейна былъ не только уступленъ безъ церемоніи, но повинуть на произволь побѣдителя; да при этомъ еще Пруссія, которая по Базельскому миру желала отдать свои вставныя земли (Einsclaven) за богатое вознагражденіе, теперь удерживала ихъ за собой, съ условіемъ не дѣлать никакихъ новыхъ пріобрѣтеній. Такимъ образомъ, былъ положенъ предѣлъ планамъ Пруссіи на расширеніе границъ; ее связывали на западѣ по рукамъ и ногамъ. Теперь потеряй она свои владѣнія, что было весьма вѣроятно, и ей ужъ не будетъ вознагражденія; а для Тугута въ этомъ-то и было все дѣло. Австрія же за свои дальнѣйшія уступки, за графство Фалькенштейнъ и Фрикталь, получила еще обѣщаніе, что Франція поможетъ ей въ пріобрѣтеніи Зальцбургскаго епископства и куска Баваріи (между Тиролемъ, Инномъ и Зальцей). Старыя Тугутовскія вождѣнія снова пробудились, и самъ императоръ произнесъ роковое слово: секуляризація. Когда въ послѣдствіи секуляризація привела къ разрушенію всѣхъ нѣмецкихъ церковныхъ государствъ, за оскорбленное, въ лицѣ епископовъ, право вступилась та же самая Австрія, которая первая дала толчекъ къ его разрушенію.

Нѣмецкая имперія была объявлена огромной массой земель, изъ которой слѣдовало выдѣлить вознагражденіе не только нѣмецкимъ князьямъ, потерѣвшимъ часть отъ Австріи, частью отъ Франціи, но... даже Оранскому дому. А 20 дней спустя по разбѣнѣ ратификацій, имперскія войска должны были очистить крѣпости Майнцъ, Эрнбрейтштейнъ, Филипсбургъ, Мангеймъ, Кёнигштейнъ, Ульмъ и Ингольштадтъ.

Итакъ, первая держава Нѣмецкой имперіи, долгие всѣхъ державшаяся противъ революціи, внодѣ примирилась теперь съ государственнымъ правомъ разрушенія, выдавала побѣдителя, какъ

1) Подробности см. у Гейссера: Deutsche Gesch. II, 106 sqq.

европейскую добычу, землю, мнимая защита которой стоила ей 5-лѣтней войны, и с... . Что же касается Наполеона, то въ ус... , сдѣлавъ уже ясно выступали черты его будущей политики... Рейнская граница, Рейнскій союзъ, Пѣмецкая имперія въ качествѣ массы земель, предназначенныхъ для вознагражденій, Пруссія и Австрія въ видѣ двухъ чашекъ вѣсовъ, изъ которыхъ одна должна была всегда служить для ослабленія другой,—все это уже лежитъ здѣсь въ зародышѣ. Стало-быть, вступали уже на тотъ путь, на которомъ Германія такъ несказанно бѣдствовала въ теченіе цѣлаго поколѣнія.

Какъ выгоденъ былъ Франціи миръ именно въ эту минуту, какъ новая война, при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, не могла доставить лучшихъ условій,—это изъяснилъ самъ Бонапартъ въ длинномъ письмѣ къ министерству иностранныхъ дѣлъ отъ 18-го октября, слѣдовательно, на другой день послѣ заключенія мира ¹⁾.

Прежде всего, онъ доказываетъ, что ни въ Италіи, ни на Рейнѣ нельзя было ожидать военныхъ успѣховъ. „Императоръ,—говоритъ онъ,—выставилъ всѣ свои войска противъ итальянской арміи, а мы оставили всѣ наши силы на Рейнѣ. Нашей пѣмечкой арміи нужно было маршировать цѣлые 30 дней, чтобы достигнуть окраины послѣдственныхъ земель Австрійскаго дома; а мнѣ въ это время пришлось бы держаться противъ $\frac{3}{4}$ всѣхъ его войскъ. Я не могъ надѣяться побѣдить ихъ. Да если бы мнѣ и удалось побить ихъ, то я потерялъ бы большую часть храбрыхъ войскъ, которыя одни низвергли Австрійскій домъ и перевернули судьбу Европы. У васъ на Рейнѣ 150,000, а у меня въ Италіи всего 50,000. У императора же 150,000 противъ меня, 40,000 въ резервѣ да 40,000 за Ульмомъ“.

По сдѣланному здѣсь описанію положенія рейнской арміи ²⁾, она могла начать враждебныя дѣйствія не ранѣе, какъ спустя 25 дней послѣ разрыва; а тогда уже настала бы зима, при которой невозможенъ горшій походъ. „Итакъ, на югъ пришлось бы выжидать до апрѣля и всю зиму заниматься организаціей войскъ да обсужденіемъ походнаго плана, который, въ его нынѣшнемъ видѣ, между нами будь сказано, начертанъ какъ нельзя хуже“.

Затѣмъ Наполеонъ указываетъ на самую опасную изъ воюющихъ державъ, на Англію; и тутъ, говоря о достигнутыхъ теперь результатахъ, дѣлаетъ признаніе, замѣчательное для его

¹⁾ Correspondance de Napoléon I, III, 518—520. O.

²⁾ Какъ неприяно было Наполеону назначеніе Ожеро начальникомъ рейнской арміи, объ этомъ см. у Мармона: Мém. I 800. O

тогдашняго честолюбія: „Никогда еще, въ теченіе столѣтій, не заключался столь блестящій миръ, какъ нашъ нынѣшній... Англія собиралась создать новую коалицію. Война, бывшая національной и народной, пока врагъ стоялъ у нашихъ границъ, теперь, кажется, стала чужда народу: она обратилась въ войну правительствъ, которую, при теперешнихъ обстоятельствахъ, въ концѣ концовъ намъ пришлось бы проиграть. Если Цизальпинская республика, въ военномъ отношеніи, лучшая граница въ Европѣ, если Франція обладаетъ Майнцомъ и Рейномъ да на Востокѣ замѣчательно укрѣпленнымъ Борфу и другими островами, то чего еще нужно? Развѣ только раздроблять наши силы, чтобы при этомъ Англія продолжала отнимать у насъ колоніи такъ же, какъ у Испаніи и Голландіи, и разрушать возможность возстановленія нашей торговли и нашего флота?

„Австрійцы неоворотливы и жадны; нѣтъ народа, который менѣе подвигивался бы подъ наши внутреннія дѣла и былъ бы менѣе опасенъ имъ, чѣмъ австрійскій. Англичане же, напротивъ, благородны, предприимчивы и дѣятельны. Наше правительство должно разрушить англійскую монархію или винить себя самого, если оно будетъ разрушено происками и подбужданами этихъ бодрыхъ островитянъ. Въ настоящую минуту передъ нами открывается прекрасная игра. Сосредоточимъ всю нашу дѣятельность на флотѣ и разрушимъ Англію. Сдѣлай мы такъ,—и Европа у нашихъ ногъ“.

Итакъ, ближайшею цѣлью, на которую было направлено теперь вниманіе Бонапарта, была Англія. Для него было уже ясно, какъ напасть на нее. „На Англію нужно нападать въ Египтѣ“, писалъ онъ 16-го августа 1797 года.



ОТДѢЛЪ ДЕВЯТЫЙ.

ПРЕОБЛАДАНИЕ ФРАНЦУЗОВЪ. НОВАЯ КОАЛИЦІЯ. ЕГИПЕТСКІЙ ПОХОДЪ.
ВНУТРЕННЕЕ РАЗЛОЖЕНІЕ ДО ДИКТАТУРЫ БОНАПАРТА. СЪ СЕНТЯБРЯ
1797-го ДО 9-го ПОЯВРЯ 1799-го ИЛИ 18-го ВРЮМЕРА VIII ГОДА.

ГЛАВА XXIII.

Завоевательная пропаганда. Римская республика (февраль 1798 года).

Широкіе планы Бонапарта были, прежде всего, не по вкусу директоріи. Въ неблагопріятномъ случаѣ, на карту ставилось слишкомъ много, въ благопріятномъ—слабое республиканское правленіе очутилось бы еще въ большей зависимости отъ побѣдоноснаго полководца, чѣмъ теперь. Да и полного мира не настало бы: во Францію возвратились бы безъ дѣла всѣ упорные солдаты, всѣ невыносимыя величія лагеря; они доставили бы правительству много мучительныхъ затрудненій, а можетъ быть, и серьезныхъ опасностей.

Требовалось съ пользой занять войска и ихъ вожда; и лучшимъ предлогодъ къ тому представилась систематическая военная пропаганда въ сосѣднихъ съ Франціей областяхъ. Окружить французскую республику, по всѣмъ ея границамъ съ монархической Европой, валомъ дочекъ республикъ и обширнымъ возмущеніемъ въ Голландіи, Швейцаріи и Италіи, занять элементы, которымъ уже не было поприща у себя дома,—эта мысль вполне соответствовала духу побѣдоносной революціи, а также и политическимъ интересамъ ея тогдашнихъ владыкъ.

При помощи всякихъ насилій и государственныхъ переворотовъ были уже освящены Батавская и Цизальпинская республики, когда взялись за Римскую и Гельветскую.

Въ обѣихъ этихъ земляхъ предлогъ къ вмѣшательству нашелся скоро. Благодаря гнету устарѣлыхъ порядковъ, слабости правительственныхъ властей, недовольству цѣлыхъ классовъ населенія, и тутъ и тамъ происки французовъ были легкимъ дѣломъ.

Въ Римѣ домъ французскаго посольства былъ средоточіемъ движенія въ пользу перестройки Церковной Области. Это движеніе имѣло не мало приверженцевъ, конечно не въ простомъ народѣ, а въ образованныхъ среднихъ классахъ. Поддерживаемое нестранными иностранными элементами, оно дѣлало шумную пропаганду въ клубахъ и сходкахъ. Возмутителямъ помогало старое зломъ римлянъ,—фантастическое воспоминаніе о прошломъ величіи и полная неспособность создать что-нибудь прочное новое. Напрасны были всѣ жалобы папскаго правительства. Пій VI, по всему своему существу, всего менѣе походилъ на упрямаго реакціонера. Онъ былъ то же, что и его пресмникъ, который еще кардиналомъ проповѣдовалъ, во время революціи, о свободѣ, равенствѣ и человѣческихъ правахъ. Оттого-то скорѣе слабость, а не гнетъ правительства вызвала здѣсь вмѣшательство. Толчокъ послѣдовалъ 28 декабря 1797 года. Собралось челоуѣвъ 300 римскихъ республиканцевъ, чтобы поднять знамя возстанія. Папскіе драгуны разсѣяли ихъ; и они бѣжали, преслѣдуемые чернью, въ дому французскаго посольства. Вмѣшался генераль Дюфо (Dufot), собиравшійся на слѣдующій день обвиняться съ свояченицей посланника, Іосифа Бонапарта: послышался выстрѣлъ, который и умертвилъ его. Директорія уже давно поджидала чего-нибудь подобнаго. Потребовали удовлетворенія свысока. Посланникъ, Іосифъ Бонапартъ, подстрекалъ къ разрыву: хорошо подготовленный ударъ могъ разразиться. Войска были уже готовы, и вотъ выступилъ Бертье и провозгласилъ республику 13-го февраля 1798 года. У папы потребовали отреченія отъ свѣтской власти; но онъ отказался, и Бертье пощадилъ его. Иначе пошло дѣло, когда на его мѣсто явился Массена. Это былъ одинъ изъ величайшихъ военныхъ талантовъ революціоннаго времени. Но онъ снзизмала былъ самымъ низкимъ челоуѣвомъ, безстыднымъ разбойникомъ и воромъ: однажды Наполеонъ упрекнулъ его въ этомъ, а онъ, въ отвѣтъ ему, просирагалъ глаголь voler (красть) по всѣмъ лицамъ и временамъ. Этотъ господинъ иногда такъ распоряжался, вмѣстѣ съ своими бандитами и плутами, что его собственные субалтернъ-офицеры, въ открытыхъ заявленіяхъ, отказывались отъ всякаго соучастія въ злодѣянιάхъ, безчестившихъ французскую націю и армію. Несчастный папа, у котораго ограбили все его имущество и даже сдернули съ пальца дорогой перстень, принужденъ былъ покинуть Церковную Облать, какъ бездомный свиталецъ.

Теперь въ Италиі оставался одинъ только Неаполь. Прежде чѣмъ добрались до него, около того же времени, устроили нѣчто подобное въ Швейцаріи.

Гельветская республика (апрѣль 1798 года).

Старая Швейцарія была удивительнымъ ворохомъ общинъ и владѣній вслѣдъ величинъ и всевозможныхъ запутанныхъ формъ, которыя, въ свою очередь, страшно нестрѣли національными и религіозными различіями. 13 союзныхъ кантоновъ (Цюрихъ, Бернъ, Люцернъ, тройной Ури, Швицъ, Унтервальденъ, Цугъ, Гларусъ, Базель, Фрейбургъ, Золотурнъ, Шаффгаузенъ, Аппенцель), представляемыхъ на сеймѣ, образовывали господствующую аристократію. За ними на первомъ планѣ стояли и риблыма мѣста (zugewandte Orte): они не имѣли представителей на сеймѣ, но находились въ старинной международной связи съ Союзомъ (городъ и монастырь С. Галленъ, Биль, епископство Базель, Мюльгаузенъ, Валисъ, Нейенбургъ, Женева, Граубинденъ; послѣдній, въ свою очередь, образовался изъ трехъ различныхъ союзовъ). На второмъ планѣ слѣдовали подданныя земли, съ населеніемъ частью нѣмецкимъ, частью итальянскимъ: онѣ сообще принадлежали либо одному, либо многимъ кантонамъ и управлялись ихъ сельскими фохтами подобно тому, какъ старіе кантоны габсбургскими. Таковы были Тургау и Ааргау. У каждаго члена Союза были такіе подзащитные среди 12 нѣмецкихъ и 7 итальянскихъ „общихъ владѣній“. Ури управлялъ Ливенталемъ (впослѣдствіи большая часть Тессина), Бернъ—итальянцами въ Вадтландѣ, перепосившими эту зависимость съ глубокимъ негодованіемъ, и т. д.

Этому странному сооруженію не доставало, прежде всего, организациі союзнаго государства, того единства, которое было возможно на этой почвѣ. Никому не пришло на умъ основать тутъ единое государство, а между тѣмъ было необходимо и возможно политическое устройство, которое распредѣляло бы права по областямъ и полагало бы границы неестественнымъ привилегіямъ старыхъ мѣстъ. Со стороны привилегированной партіи было самымъ роковымъ заблужденіемъ подавлять, послѣ 1789 г., это справедливое желаніе.

Подобный же оскотенѣлый видъ представлялъ и внутренній политическій бытъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ. Демократіями можно было назвать лишь такіе первичные кантоны, какъ Ури, Швицъ,

Унтервальденъ и Цугъ, въ которыхъ верховная власть по первоначальному принадлежала сельскимъ общинамъ.

Въ большей же части остальныхъ кантоновъ господствовало городское мѣщанство, а въ немъ, въ свою очередь, нѣсколько привилегированныхъ фамилій, связанныхъ родствомъ и передававшихъ другъ другу всѣ должности и званія. То были городскіе феодалы, но своимъ политическимъ возрѣпіямъ болѣе подходившіе къ старымъ кабинетамъ абсолютныхъ государствъ, чѣмъ къ республиканскимъ правительствамъ. Именно таковъ былъ Бернъ, поддерживавшій, къ тому же, весьма тѣсныя общественныя связи съ Франціей: его патриціаты привыкъ получать свое образование въ Парижѣ, откуда приносилъ съ собою не только языкъ и нравы, но и политическія убѣжденія. Уже Цвингли опасался отъ этого свитальчества наплыва въ республики чуждыхъ элементовъ броженія: теперь это исполнилось въ полнѣйшей мѣрѣ. Повсюду возпыли партіи между городомъ и селомъ, ремесленникомъ и патриціемъ, подданнымъ и господиномъ. А что во многихъ изъ этихъ маленькихъ республикъ свобода слова была подъ строгимъ запретомъ, это уже давно всѣ хорошо знали. У Екатерины II и Маріи-Терезіи во многихъ мѣстахъ было больше свободы слова, чѣмъ здѣсь. Шлѣцеръ въ своемъ „Государственномъ Указателѣ“ изъ года въ годъ велъ счеты проявленіямъ этого факта.

Правительственная каста вообще умѣла нѣсколько шадить самую чувствительную струнку своихъ подданныхъ, ихъ хозяйственныя интересы: оттого-то у простого народа многія изъ этихъ правительствъ пользовались лучшей славой, чѣмъ сама система. Последняя же совмѣщала въ себѣ большую часть всѣхъ жестокостей стараго порядка вещей. Да и въ республиканской Швейцаріи былъ свой феодализмъ собственности и труда, свои неотмѣнныя земельныя налоги, свои строго замкнутыя цехи и монополіи, столь же обременительныя для безвластныхъ горожанъ и сельчанъ, какъ и въ старой Франціи. Словомъ, въ предреволюціонную эпоху, въ основѣ швейцарскаго быта лежало то же самое господство меньшинства надъ большинствомъ, которому новая Франція повсюду объявила войну.

Ясно, что съ 1789 года не могло быть хорошихъ отношеній между старымъ Союзомъ и новой Франціей. Каждая побѣда революціи въ Парижѣ такъ же болѣзненно отзывалась въ ратушахъ Берна и Базоля, Цюриха и Фрейбурга, какъ и въ любомъ европейскомъ кабинетѣ.

Непосредственно здѣсь были затронуты дѣломъ швейцарскихъ полковъ. Но весьма старымъ договорамъ, Швейцарія поставляла французскому королю часть войскъ, которыя пользовались при-

вилегіями военнаго государства въ государствѣ. У нихъ былъ свой судъ и свои начальники; только въ лицѣ какого-нибудь королевскаго принца у нихъ числился одинъ чуждый colonel général. И тутъ революція сдѣлала страшный пробой. Съ появленіемъ первыхъ распоряженій по войскамъ въ новомъ духѣ, конечно, и здѣсь должны были рухнуть всякія преимущества. Французскіе судьи стали судить швейцарскихъ мятежниковъ точно такъ же, какъ и своихъ. Старое учрежденіе начало разваливаться по частямъ, пока, наконецъ, не былъ звѣрски изрубленъ послѣдній остатокъ швейцарскихъ войскъ. То былъ тяжкій ударъ для Швейцаріи. Онъ выходилъ далеко за предѣлы правительственнаго класса. Онъ сильно вознудилъ сотенъ семействъ и возмущилъ всѣ круги общества противъ новой Франціи.

Вскорѣ Швейцарія была прямо вовлечена въ общія бѣдствія революціи. Женевѣ стала убѣжищемъ французской эмиграціи и вступила въ союзъ съ лѳонскимъ возстаніемъ противъ Парижа. Затѣмъ въ Ваадтландѣ возникло противоположное возстаніе противъ существующаго порядка вещей, которое раздувалось изъ Парижа.

Подобное же настроеніе зашевелилось въ Базелѣ, гдѣ цеховой голова, Петръ Оксъ, уже давно выказывалъ склонность къ революціоннымъ идеямъ. Подвились и дѣйствительныя нарушенія границъ Швейцаріи, неуваженіе къ ея нейтралитету. Наконецъ, въ исходѣ 1797-го и въ началѣ 1798 годовъ послѣдовали открытыя нападенія. Въ декабрѣ 1797 г. Франція заняла и присоединила къ себѣ Эргюельталь и Мюнстерталь, принадлежавшія Базельскому епископству, а въ январѣ 1798 г.—швейцарскія пастбищныя земли (Enclaven) въ Эльзасѣ и Мюльгаузенѣ. Насиліи, противъ которыхъ храбрѣе горцы поднялись бы въ свои лучшіе дни, какъ одинъ человѣкъ, совершились безъ сопротивленія, а впереди предстояло еще гораздо худшее. Возбужденные полковникомъ Лагарпомъ ваадтландцы возмущились противъ Берна, базельскіе крестьяне—противъ своихъ городскихъ фохтовъ. Послѣдніе были скоро успокоены уравниемъ въ правахъ съ горожанами; а первые, 24-го января, объявили себя независимыми, подъ защитой французскихъ штыковъ. Еще раньше возникли подобныя же движенія на южной границѣ Союза, въ Борміо, Бьявенцѣ, Вельтлинѣ. Бонапартъ, „по ихъ собственному желанію“, присоединилъ ихъ къ Цизальпинской республикѣ, придерживаясь правила, что недостойно такого свободнаго народа, какъ французскій, терять, чтобы одинъ народъ находился подъ властью другого.

Встарину, когда Союзъ былъ болѣе замкнутъ и объединенъ, когда были иныя военныя отношенія, въ подобномъ случаѣ Швей-

царя открыла бы войну на жизнь и смерть. Теперь же обстоятельства не позволяли этого: не хватало ни единства, ни средств. Оппозиционные партии явно опирались на Францию, на ее агентов и генералов; даже среди свободномыслящих патриотов было много таких, которые вполне искренно вѣрили, что Франция желает добра Швейцарии. Петръ Оксъ самъ ѣздилъ въ Парижъ къ директорамъ за совѣтомъ, какъ перестроить свое общество. Само собою разумѣется, что это давало Франции новый поводъ къ вмѣшательству. Швейцарія же представляла для нея много заманчиваго. Въ военномъ отношеніи, это было бы безцѣнное приобрѣтеніе. Если бы былъ потрясенъ нейтралитетъ Швейцарии, то Германія и Австрія грозила бы опасность въ самыхъ ихъ нѣдрахъ и преобразовалось бы все стратегическое положеніе средней Европы. Сверхъ того, директорія, съ ея вѣчнымъ безденежьемъ, Швейцарія казалась особенно выгодной добычей. Положимъ, молва преувеличивала количество драгоценностей, скопленныхъ въ Бернѣ, Базелѣ, Цюрихѣ; но, во всякомъ случаѣ, здѣсь можно было ожидать преизобильнаго барыша, зная, какъ хозяева начинаютъ господа, въ родѣ Ревбеля съ его разбойничьей шайкой.

Оттого-то война Франции съ Швейцаріей ставилась столь же неизбежной, какъ и съ Венеціанскою республикой и съ напои. Оппозиція внутри страны доставляла хорошихъ союзниковъ, а у старыхъ аристократій уже не обрѣталось геройства ихъ великихъ дней.

Все тѣснѣе обступалъ врагъ Швейцарію. Все уже было на военной ногѣ. На Аарѣ расположилось союзное войско, собранное сеймомъ на скорую руку. Какой-нибудь рововой выстрѣлъ могъ возжечь войну. Богатый послѣдствіями выстрѣлъ и послѣдовалъ съ одного швейцарскаго форпоста. Онъ попалъ во французскаго парламентаря, — и вотъ у Франции предлогъ жаловаться на ужасную обиду. Когда-то такой гордый, могучій Бернъ былъ ослабленъ отъ мятежа и волненій въ собственномъ лагерѣ; столь же бессильно было правительство въ Базелѣ. Храбро и упорно защищались преимущественно первичные кантоны. Отчасти ихъ поджигало духовенство, уже видѣвшее пришествіе Антихриста; отчасти они бились въ память славныхъ дней Моргартена и Земнаха, которые, конечно, и не думали воскреснуть здѣсь. Много геройскихъ подвиговъ было совершено въ первичныхъ кантонахъ; но они послужили лишь къ тому, чтобы тѣмъ ужаснѣе было здѣсь потомъ мщеніе французовъ.

Швейцарія была покорена и осмытана всѣми бѣдствіями, какія только можетъ доставить завоевательной странѣ звѣрскаго побѣдителя. Не говоря уже о богатой добычѣ, высосанной ея пивницами

изъ беззащитной земли, Франція пріобрѣла ту огромную выгоду, что въ ея рукахъ очутился ключъ къ походу въ южную Германію: разрушился валъ между Франціей и Германіей, и теперь французы могли безъ выстрѣла проникнуть въ сердце южной Германіи.

Новая конституція провозглашенной 11-го апрѣля 1798 года Гельветской республики заключала въ себѣ: единство и нераздѣльность республики, что было вадоромъ при тогдашнемъ положеніи дѣлъ; верховность народа и представительную демократію; неограниченную свободу совѣсти и уничтоженіе всякихъ титуловъ и привилегій. Оскорбительная зависимость подданныхъ и „прибылыхъ“ была отмѣнена; и къ 13 кантонамъ стараго Союза присоединилось 8 новыхъ: Леманъ, Ааргау, Валлисъ, Беллинцона, Лугано, Саргансъ, С.-Галленъ и Тургау. Граубинденъ пригласили приступить къ Союзу. Первичныя собранія избираютъ одного депутата на 100 гражданъ въ кантонное собраніе выборщиковъ. Последнее избираетъ 4 лица въ сенатъ и 8 въ большой совѣтъ. Исполнительная власть состоитъ изъ 5 директоровъ, которые заведуютъ и союзнымъ судомъ.

Тутъ было выметено много сору; много было сломано и очищено такого, что не мирилось съ новымъ государствомъ. Лишь на этихъ развалинахъ можно было воздвигнуть новый, лучший порядокъ вещей. Попытка воскресить изъ пепла старину исчезла навсегда послѣ многолѣтнихъ неудачъ.

Замыслы Бонапарта противъ Англій.

Еще въ Италіи Бонапарту впервые пришла мысль о такомъ предпріятіи на Востокѣ, которое напоминало бы Александра и Цезаря. По словамъ Мармона (Mém. I, 350), которому мы не можемъ не довѣрять, въ нападеніи на Римъ и Швейцарію скрывалась побочная цѣль, — желаніе собрать средства для этого предпріятія. Въ натурѣ Наполеона, при всей ея трезвости, уже тогда обозначалась фантастическая, рыцарская черта. Рано утвердилось въ немъ убѣжденіе, что его призваніе — явить ничтожному времени образецъ невиданнаго величія. И вся его свита, уже послѣ первыхъ удачъ итальянскаго похода, была въ подобномъ же оныяненіи отъ неизмѣримаго честолюбія и также была объята вѣрой въ безпредѣльную будущность. Всякій, кто послужилъ здѣсь у него, былъ преданъ ему душой и тѣломъ; съ этой стороны, въ его безусловномъ распоряженіи состояло все, чего бы онъ ни потре-

боваль. А Востокъ приковывалъ его такими же чарами, какъ императоровъ эпохи крестовыхъ походовъ. Вотъ что слышалъ отъ него Бурьенъ (Mém. II, 34): „Нужно отправляться на Востокъ: оттуда исходитъ всякая великая слава“. Пѣмое поклоненіе гению, царствующее на Востокѣ, всегда влекло въ себѣ властительныя па­туры.

Послѣ мира въ Кампо-Формію, первымъ предложеніемъ со стороны Наполеона было представительство отъ имени республики на Раштатскомъ конгрессѣ. Его побѣзда туда была триумфальнымъ шествіемъ. Однажды онъ сказалъ, что хочетъ доказать міру, что можетъ, подобно Цинциннату, послѣ побѣды обратиться въ добраго гражданина. Всѣ думали, что эти слова исполнятся теперь. Но въ Раштатѣ было не его мѣсто: онъ привыкъ просто разсѣкать дипломатическіе узлы, а не трудиться надъ ихъ распутываньемъ. Ему скоро захотѣлось домой. Кое-какъ раздѣланный съ своими порученіями, онъ попросилъ назначить преемника и отправился въ Парижъ. Тутъ пріемъ ему былъ такой же, какъ въ Германіи и Швейцаріи. Директорія приготовила ему театральную встрѣчу, съ напишенными рѣчами и братскими объятіями. Искренній былъ энтузіазмъ публики: ей уже надоѣли презрѣныя республиканскія власти, и она новсюду привѣтствовала счастливаго генерала съ громкимъ восторгомъ. Тутъ для него была весьма выгодна ловкость, съ которой онъ умѣлъ держать себя. Какъ-то предумышленно, съ изысканной жесткостью избѣгалъ онъ чествованій толпы, рѣдко являлся при общественныхъ событіяхъ; казалось, онъ старался скорѣе самъ оставаться въ тѣни, чѣмъ затмѣвать директорію. Онъ заставилъ послѣднюю формально принудить его явиться на торжество въ честь 21-го января; да и тутъ участвовалъ лишь какъ членъ института, что, конечно, не помѣшало народу отличить его въ массѣ, вовсе не обративъ вниманія на директорію. Вообще, ему хотѣлось быть тутъ не генераломъ, а простымъ гражданиномъ; оттого-то онъ сносился всего болѣе съ учеными, съ Монсомъ, Лапласомъ, Проппи, Лагранжемъ, рѣже съ генералами и еще меньше съ политиками. Это обхождение возвышало его популярность и славу, и онъ отлично понималъ, какъ это выгодно для его будущности. Но такъ не могло продолжаться много времени. Не по немъ было стоять подлѣ правительства, поддерживать которое не входило въ его планы. Ему требовались новыя колоссальныя предпріятія, которыя подчинили бы ему генераловъ и войска, увлекали фантазію его націй, воспламеняли ея энтузіазмъ. Когда въ то время его поздравили какъ-то съ необыкновенными почестями, онъ сказалъ: „Въ Парижѣ ничего не запоминаютъ. Если мнѣ надолго остаться здѣсь, ничего

не дѣлая, я погибъ. Въ этомъ большомъ Вавилонѣ одна знаменитость быстро смѣняется другою. Если меня хоть раза три увидятъ на сценѣ, то ужъ больше не захотятъ смотрѣть“.

Вѣроятно, директоріи уже становилось очень тяжело съ Бонапартомъ, если она такъ жадно схватилась теперь за его старую мысль о нападеніи на Англію. Высадка въ Англію была первымъ предложеніемъ, сдѣланнымъ ему теперь. Какъ вначалѣ думали объ этомъ предпріятіи, какъ потомъ рѣшились покинуть его,—это теперь только можно прослѣдить по документамъ, на основаніи переписки Наполеона ¹⁾.

Уже съ сентября 1797 года въ гаваняхъ начались приготовленія; послышались приказы контр-адмиралу Брюейсу собирать корабли и войска у береговъ противъ Англіи; нѣсколько времени спустя, отчасти замышлялись, отчасти исполнялись дальнѣйшія вооруженія. Намѣревались воспользоваться для развѣдокъ отправкой нѣкоего Гадлуа по дѣлу о размѣнѣ плѣнныхъ. Бонапарту пришла фантазія послать съ нимъ Мармона, переодѣтаго секретаремъ; но тотъ рѣшительно отказался.

Въ февралѣ 1798 года Бонапартъ самъ отправился къ берегамъ лично осмотрѣть гавани Брестъ, Шербургъ, Будонъ. Ему было достаточно нѣсколькихъ дней, чтобъ убѣдиться въ полномъ несоотвѣтствіи между плѣью и средствами. Требовались еще огромныя приготовленія, а Наполеонъ ожидалъ тутъ отъ правительства не болѣе нуля: „Съ этимъ народомъ,—говорилъ онъ на возвратномъ пути Мармону,—ничего нельзя начать. Они не понимаютъ ничего великаго, и у нихъ нѣтъ силъ исполнить хоть что-нибудь. Намъ необходима флотилія для экспедиціи, а у англичанъ ужъ теперь болѣе кораблей, чѣмъ у насъ. Самыя необходимыя для успѣха приготовленія превосходятъ наши силы. Намъ слѣдуетъ возвратиться въ нашимъ восточнымъ планамъ: вотъ гдѣ поприще, обещающее намъ великіе успѣхи“ ²⁾.

Въ томъ же мѣсяцѣ, 23-го февраля, пишетъ онъ директоріи ноту (Congresp. III, 644 sqq.), въ которой излагаетъ причины, почему нужно отказаться отъ высадки въ Англію. „Какихъ бы усилій мы ни дѣлали,—говорилось въ ней,—а пройдетъ много лѣтъ,

¹⁾ Первое публичное заявленіе о борьбѣ „за свободу морей“ встрѣчается въ воззваніи къ матросамъ контр-адмирала Брюейса, которое издалъ Бонапартъ послѣ государственнаго переворота 18-го фруаджатора, именно 16-го сентября 1797 г. Въ немъ онъ говоритъ: „Товарищи! Какъ только мы доставимъ миръ матеріку, тотчасъ соединимся съ вами, чтобы завоевать свободу морей. Каждый изъ насъ принять ужасный видъ испепеленнаго Тулона, нашего пылающаго арсенала, нашихъ 13-ти разбитыхъ военныхъ кораблей,—и наши усилія увѣнчаются побѣдой“. Congresp. 406 sq. O.

²⁾ M a r m o n t : Mémoires, I, 847.

прежде чѣмъ мы будемъ превосходить Англію на морѣ. А для того, кто не владѣетъ моремъ, высадка въ Англію была бы самымъ дерзкимъ и труднымъ предпріятіемъ въ мірѣ“.

Далѣе доказывается цифрами, что ни по своимъ кораблямъ и экипажу, ни по своимъ мастерскимъ, Франція не въ силахъ тотчасъ выступить противъ Англіи. Въ заключеніе сказано: „Такъ какъ поэтому должно пока отказаться отъ всякаго прямого нападенія на Англію, то намъ необходимо удовольствоваться однимъ видомъ приготовленія въ такому походу и либо сосредоточить все наше вниманіе, всѣ наши средства на Рейнѣ чтобы отнять у Англіи Ганноверъ и Гамбургъ, либо предпринять походъ на Востокъ, чтобы угрожать ея торговлѣ съ Индіей“.

5-го марта уже является точное опредѣленіе средствъ, необходимыхъ для завладѣнія Египтомъ и Мальтой (Congres. IV, 1 sqq.). Не новая мысль. Уже въ XVII вѣкѣ, когда еще не было соперничества между Франціей и Англіей, Лейбницъ совѣтовалъ Людовику XIV снарядить экспедицію въ эту часть Востока. И это было бы послѣдствіе опустошенія Голландіи и приречьяскихъ земель.

Эта мысль теперь снова всплыла наверхъ. Успѣшная экспедиція въ Египетъ и Мальту лишала Англію двухъ важныхъ опорныхъ пунктовъ. Тогда уже было ясно, что Англія засматривается на Мальту. А завладѣвъ отсюда Средиземнымъ моремъ, собирались пропринуть черезъ Египетъ въ Индію. Подобныя соображенія тогда точно такъ же, какъ въ послѣдствіи, вовсе не казались Бонапарту отважными. Въ 1812 году онъ говорилъ: „Что такое Москва? Стація по дорогѣ въ Индію“.

Если бы впереди были цѣлые годы затишья, если бы въ Германіи, Швейцаріи и Италіи все оставалось неприкосновеннымъ, если бы жили въ мирѣ съ Россіей и Австріей, если бы, наконецъ, нечего было опасаться европейской коалиціи, въ такомъ случаѣ за египетское предпріятіе говорило многое. Оно было не только широко задумано, но и подготовлено сообразно съ цѣлью. По въ виду было не то. Впереди мелькала новая великая война; Европа опять вооружалась противъ Франціи; а на симпатіи „освобожденныхъ“ народовъ уже нельзя было рассчитывать. При такихъ обстоятельствахъ, по слѣдовало пускаться въ столь широкое и опасное предпріятіе. Ходъ новой войны, совершенно несчастливой вплоть до сентября, при чемъ потеряли Италію и ничего не добились въ Германіи, оправдалъ потомъ самую мрачную опасенія. Прибавьте признанное самимъ Бонапартомъ ничтожество Франціи на морѣ, съ которымъ пришлось считаться даже при перевозѣ войскъ черезъ Средиземное море, не говоря уже про высадку въ

Англію. Если же, при всемъ томъ, директорія, не мѣшкая, согласилась на планъ Бонапарта, то это доказываетъ только, какъ тягостна была правленію адвокатовъ близость полководца, который затмѣвалъ своимъ блескомъ всѣ власти республики. Ясно, что выгоды предпріятія, если только оно удастся, касались исключительно одного его автора. Тому требовалась для его будущей власти слава, которая отуманила бы весь міръ; требовалось войско, которое восторженно привязалось бы въ нему въ силу новыхъ побѣдъ: интересы Франціи, конечно, должны были тутъ отойти на задній планъ. Да если бы предпріятіе и не удалось, то оно, уже по величію своего замысла, вѣроятно, оставило бы довольно славныхъ воспоминаній, которыя создали бы Бонапарту слѣбно предавную армаду, готовую идти съ нимъ въ огонь и въ воду. И дѣйствительно, здѣсь подготовилась та школа Наполеоновскихъ солдатъ, которая разнесла потомъ по всему міру славу его имени. Среди офицеровъ, взятыхъ имъ съ собою, находилась вся блестящая плеяда его позднѣйшихъ маршаловъ. Тутъ были: Бертье, Дезе, Клеберъ, Богарне, Бертранъ, Бессьеръ, Каффарелли, Даву, Дюрокъ, Фрианъ, Жюно, Ланъ, Лазаль, Лавалетъ, Мармонъ, Моранъ, Мюратъ, Раннъ, Рейнье, Савари, Сулковскій.

Бонапартъ въ Египтъ (1798 и 1799 годы).

Съ марта (1798 г.) шли приготовленія къ предпріятію, чрезвычайно энергично и въ глубочайшей тайнѣ. Даже военный министръ, Шереръ, не зналъ, куда предназначаются войска; а въ публикѣ думали, что это—экспедиція не то въ Ирландію, не то въ Португалію. Только морской министръ, безъ котораго пельзя было обойтись, былъ посвященъ въ тайну. И дѣйствительно, отъ самаго строгаго секретничанья зависѣла возможность одного начала дѣла: имѣй англичане хотя малѣйшее предчувствіе о немъ, — оно погибло бы еще до своего появленія на свѣтъ.

Мартъ, апрѣль, май прошли въ самыхъ обширныхъ приготовленіяхъ. Все, что только могла выдумать изобрѣтательная голова, отъ большихъ запасовъ кораблей, людей, матеріала, до послѣднихъ мелочей, было устроено съ дивнымъ искусствомъ и заботливостью. Характеристиченъ для Наполеона составъ полевой библіотеки, которую онъ бралъ съ собою. Кромѣ собственно военныхъ сочиненій, тутъ встрѣчаемъ: 1) по исторіи—Плутарха, Тюрена, Конде, Вильяра, Вольтера (Карлъ XII, Петръ Великій и Опытъ), Поливія, Юстина, Арріала, Тацита, Тита, Ливія, Оукидида, Даллилу, Верто и

Фридриха II; 2) изъ поэтовъ—на первомъ планѣ Оссіанъ, Тассо, Аріостъ, Гомеръ, Виргилій; 3) между романами упоминаются Элиза и Вертеръ; 4) политика составлена всего страннѣе: тутъ Библія, Коранъ, Веды, міеологія и Монтескье.

Какъ ни удачно произошла отправка изъ Тулона (19-го мая), переездъ въ Мальту и Египетъ совершился лишь благодаря цѣлому ряду удивительно счастливыхъ случаевъ. Часто успѣхъ странствія до того зависѣлъ отъ какого-нибудь пустяка, что и у Бонапарта, и у его спутниковъ укоренилась вѣра, будто ими руководитъ особенная звѣзда. Постоянно угрожаемые со стороны snowавшихъ повсюду англичанъ, которыхъ могло привлечь ничтожное извѣстіе, малѣйшее подозрѣніе, прибыли, наконецъ, въ Мальту. Орденъ Іоаннитовъ находился здѣсь въ такомъ же упадкѣ, какъ и въ старшихъ европейскихъ государствахъ. Нѣкогда столь гордое рыцарство стало богадѣльней для сынковъ высокаго дворянства. Въмѣсто того, чтобы отражать варварійцевъ, оно стерегло въ гавани пару разваливающихся галеръ; вмѣсто стараго военного призванія, оно служило роскоши и наслажденію. Оно погибло безъ чести, точно такъ же, какъ Венеціанская республика и столько старшихъ монархій.

На послѣднемъ пути, передъ египетскимъ берегомъ, французы завидѣли британскую эскадру. Очевидцы увѣряютъ, что въ это мгновеніе у всѣхъ было одно ощущеніе: „Если насъ откроютъ, мы погибли“. Но англичане не замѣтили ихъ. Живо подошли къ Абувиру и высадились, прежде чѣмъ Нельсонъ могъ подумать объ этомъ.

Но, конечно, это была мимолетная отсрочка. Долго не могло быть тайной, что тутъ присталъ, если не большой флотъ, то значительный запасъ перевозочныхъ судовъ; дѣйствительно, нѣскольکو дней спустя, Нельсонъ получилъ точныя извѣстія о случившемся. Онъ носнѣнно двинулся впередъ. 1-го августа произошла короткая битва, въ которой почти весь французскій военный и перевозочный флотъ былъ отчасти уничтоженъ, отчасти илѣненъ англичанами.

Такимъ образомъ, французскому войску былъ отрѣзанъ путь къ возврату; флота уже не существовало, а по берегамъ сторожили англичане. На первомъ шагѣ уже была рѣшена судьба экспедиціи. Съ 30,000-нымъ войскомъ, у котораго отрѣзаны все связи съ отечествомъ, ничего не завоеуешь. Замѣчательно, что это событіе произвело на Бонапарта видимо потрясающее впечатлѣніе. Оно постигло его точно „зловѣщее предсказаніе“ (comme un dit désastre).

Бедуинскіе пѣздники, египетская милиція были живо разбиты.

Эти побѣды были расписаны толпѣ, какъ великіе военные подвиги; но они ничего не рѣшили.

Завладѣть Нижнимъ Египтомъ не значило еще обладать всей страной. Среди пустынь Верхняго Египта, среди необозримыхъ песчаныхъ степей, гдѣ лишь туземцамъ былъ извѣстенъ одинокій другой оазисъ, не было мѣста европейскому войску. Даже доблестный Дезе ничего не могъ тутъ сдѣлать, кромѣ отстраненія пораженій. Попатнулась вѣра въ громаднаго сокровища, въ пышное богатство природы и земли, котораго недостойны эти дикари, по мнѣнію Тьера. Солдаты подвергались всевозможнымъ мученіямъ. Походы по этому песчаному морю, тысячи лишеній, которыхъ не могъ вынести европейскій солдатъ,—все дѣйствовало убійственно. Въ войскахъ развивалось недовольство, а вожди служили ему выраженіемъ. Клеберъ и другіе генералы громко говорили, что храброе войско приносится въ жертву искателю приваженій.

И французская цивилизація не находила тутъ почвы для себя. Было время, правленіе мамелюковъ привилось здѣсь тысячу корней, какъ ни было оно безмысленно по европейскимъ понятіямъ. Если съ человѣкомъ обращались какъ съ звѣремъ, если его жизнь въ грошъ не цѣнилась, то здѣсь и не мечтали ни о чемъ другомъ: ужъ такая-де судьба, такъ предписано Промысломъ! Иное дѣло французское устройство съ его докучливой суетливостью, съ этимъ насильственнымъ вмѣшательствомъ чиновниковъ и солдатъ во все и всѣ, съ этими налогами и сотнями распоряжковъ. Все это приданое французской цивилизаціи было несравненно тягостнѣе восточному человѣку, чѣмъ его старинная деспотія. А тутъ еще оскорбили множество священныхъ обычаевъ: убѣжденные въ своемъ недостижимомъ превосходствѣ, французы, не щадя ничего, всюду налагали свою печать. И вотъ, вскорѣ они стали повсюду наталкиваться на враждебное чувство. Напрасно Бонапартъ заявлялъ собранію шейховъ, что считаетъ исламъ весьма возвышенной религіей. Ничто не помогало. Въ Каирѣ вспыхнулъ страшный мятежъ фанатиковъ-мусульманъ. Бонапартъ былъ въ отчаянномъ положеніи: у береговъ англичане, Дезе прикованъ въ Верхнемъ Египтѣ, а въ Нижнемъ—возстаніе мусульманъ.

Наполеонъ приказалъ „обстрѣлывать улицы картечью“,—и мятежъ былъ подавленъ (21 окт. 1798 г.).

Между тѣмъ Турція объявила ему войну и, при помощи англійской эскадры, заняла Сирію. Бонапартъ бросился на Палестину въ февралѣ 1799 года. Онъ разогналъ турокъ, взялъ Газу и Яффу; перебилъ нѣсколько тысячъ плѣнныхъ,—„единственная въ его жизни жестокость“, какъ выражается Тьеръ,—и двинулся противъ С. Жакъ д'Авра. Попытался штурмовать его, такъ же, какъ и Яффу

(съ 20-го марта). Не удалось. Послѣ многихъ неудачныхъ приступовъ, Наполеонъ увидѣлъ, что подъ стѣнами этой крѣпости ему ничего болѣе не остается, какъ только изойти дровью.

Нужно было отступить, какъ ни тяжело это ему было. „Еслибъ не С. Жанъ д'Акръ,—говаривалъ онъ впоследствии,—быть бы мнѣ восточнымъ императоромъ“.

20-го мая снялъ онъ осаду. Почва колебалась у него подъ ногами. Пришли извращенныя извѣстія изъ Европы: изъ нихъ можно было узнать только одно—что онъ тамъ болѣе нуженъ, чѣмъ на Востоѣ.

Эскадрой, которой требовалось избѣгнуть Наполеону, командовалъ одинъ англійскій чудакъ, по имени Сидней Смитъ, который волебался между ненавистью и восторгомъ въ Бонапарту и вовсе не скрывалъ послѣдняго чувства. Изъ депешъ Нельсона (III, 296, 451) видно, какъ точно британцы рассчитывали отрѣзать войско съ его вождемъ. Сидней Смитъ получилъ прямой приказъ ни единого человѣка не пропускать изъ Египта, и Нельсонъ предавался самымъ твердымъ надеждамъ. „Бонапартъ,—ишьеть онъ, напримеръ,—бросилъ всю свою артиллерію и своихъ большихъ. Бродяга (Vagabund) опять пустился въ Каиръ, гдѣ—ужъ это совершенно вѣрно—покончить свое поприще. Всякое сообщеніе между берегомъ и Канромъ отрѣзано, такъ какъ Дамьетта, Розетта и Абукиръ взяты турками. Александрія въ осадѣ и скоро падеть. Adieu, m-r Bona-parte!“

Дѣйствительно; возвращеніе представлялось Бонапарту въ отчаянной перспективѣ. Позади — надвигаются тучи турокъ, впереди часть пустыни, а тутъ дурное время года; и ничего-то не припасено для продовольствія и поддержки солдатъ. До чего все было безотрадно вокругъ него, видно уже изъ того, какъ онъ освободился въ Мфѣ отъ своихъ неисчислимыхъ зачумленныхъ. Онъ живо спровадилъ ихъ помощью опиума, и Мармопъ замѣчаетъ, что въ его положеніи „такого способа требовали разумъ и челоѣколюбіе“. Если говорить, что Наполеонъ самъ виноватъ въ погибели своихъ войскъ, то это неосповательный упрекъ. Итъ, онъ дѣлилъ съ ними нужду, самъ шелъ пѣшкомъ паряду съ вучкой своихъ уже разлагающихся отрядовъ; и его собственныя лошади служили пищей больнымъ.

Такъ возвратился онъ въ Египетъ въ ту самую минуту, когда въ Абукиру причалила сильная турецкая армія, съ цѣлью приготовить ему здѣсь копчину. Бонапартъ внезапно рѣшился могучимъ ударомъ освободить свои войска отъ угрозъ со стороны турокъ, затѣмъ передать пачальство Клеберу и, въ глубокой тайнѣ, переплыть во Францію на парѣ судовъ. А тамъ только-что освоботи-

лась, корона: она больше значила, чѣмъ борьба съ мамелюками и янычарами.

ГЛАВА XXIV.

Коалиціонная война въ Европѣ 1798 — 1799 годовъ ¹⁾. Взрывъ въ Неаполѣ и въ Швейцаріи.

Еще до отправления Бонапарта въ Египеть новѣйшая, и притомъ самая сильная, коалиціонная война съ республикой была уже рѣшеннымъ дѣломъ.

Въ Россіи, по смерти Екатерины II, царствовалъ Павелъ I, государь совершенно непонятнаго характера. У него никогда нельзя было уловить, гдѣ кончается соображеніе. Но онъ отъ всей души рѣшился вмѣшаться въ войну съ Франціей дѣятельно, не какъ его предшественница, которая старалась подстрекать и раздувать огонь, не жертвуя ни однимъ рублемъ, ни однимъ солдатомъ. Во все время долгихъ войнъ съ революціей, Павелъ одинъ только вступилъ въ борьбу за дѣло династій съ искреннимъ одушевленіемъ, безкорыстно, совершенно въ разрѣзъ съ преданіями русской политики. Это было главной причиной его смерти въ послѣдствіи.

Онъ считалъ себя орудіемъ Промысла, созданнымъ для того, чтобы возстановить старую Францію и старую Европу, возвратитъ Бурбоновъ на ихъ прародительскій тронъ и возвратитъ имъ его права. Между тѣмъ какъ великія державы, Франція и Австрія, грабили пану, за него всталъ еретическій императоръ. Недоставало только, чтобы къ союзу присоединились еще невѣрные! Но и это случилось: пристала и Турція.

Россія сдѣлала огромныя приготовленія и выставила перво-степеннаго полководца, Суворова. Тотчасъ же стало замѣтно, что хоть съ одной стороны за войну взялись горячо и рѣшительно. Изъ всѣхъ коалиціонныхъ войскъ въ одной только этой старой

¹⁾ Häusser: Deutsche Geschichte, II. — Geschichte der Kriege seit 1792, Bd. V. — Mathieu Dumas: Précis des événem. milit. Paris. 1817, I. и II.—Gouvion S. Cyr: Mémoires.—Oesterr. milit. Zeitschrift. 1812, 1822.—Correspondenz des Fürsten Suworoff—Rimnisky über die Campagne im J. 1799. Aus dem Russ. übers. von einem preuss. Offizier. Glogau u. Leipzig. 1835, 2 Thele. — Miliutin: Geschichte des Kriegs im Jahre 1799, übers. von Schmid. 5 Bde. 1857 sq.—Von Clausewitz: Der Feldzug von 1799 in Italien und der Schweiz. Berl. 1833 sqq. 2 Thele.—(Erzherzog Karl) Gesch. des Feldzugs von 1799 in Deutschland und in der Schweiz. Wien. 1819, 2 Bde.

политика вышла побѣдительницей па полѣ брани, такъ что теперь снова можно было говорить о вторженіи во Францію. Но и теперь, именно только благодаря этой политикѣ, погибли плоды побѣды.

Переговоры между союзниками закончились въ лѣтніе мѣсяцы 1798 года. Пока русскія войска ставились на походную ногу, Англія, путемъ переговоровъ и обѣщаній помощи, неумоимо работала надъ созданіемъ новаго союза въ огромныхъ размѣрахъ. На морѣ она съ Абукирской битвы уже пользовалась своимъ полнѣмъ, неоспоримымъ перевѣсомъ. Но она не могла ожидать прочнаго мира, пока на материкѣ не побѣдятъ Бонапарта; а до тѣхъ поръ нечего было и думать о процвѣтаніи торговли. Не изъ празднаго фантазерства, но въ силу своихъ хорошо понятыхъ интересовъ, жертвовало это великое торговое государство сотнями миллионѣвъ вплоть до 1815 года, чтобы только низвергнуть Францію.

Новая коалиція была уже рѣшеннымъ дѣломъ, когда Бонапартъ поплылъ въ Египетъ. А когда онъ возвратился туда изъ Сиріи, она уже завоевала свои первые успѣхи: Італія была уже потеряна для республики, а французская сѣверная армія отброшена въ Рейну.

О самой величественной войнѣ изъ всѣхъ, которыя велись противъ республики, нельзя судить по шутковскому началу, случившемуся въ Неаполѣ зимой 1798—1799 годовъ.

Никто не ожидалъ взрыва всеобщей войны именно въ Неаполѣ, послѣднемъ монархическомъ государствѣ на полуостровѣ, котораго еще не одолѣла пропаганда. Смертельный страхъ передъ захватами революціи, уже стоявшей у границъ, страстная ненависть королевы Каролины, бывшей совершенно въ рукахъ у англичанъ, неистовая суетня посредственныхъ интригановъ, владѣвшихъ дворомъ, трудность содержать вновь образованное войско, — все это содѣйствовало началу комедіи зимой 1798 года, которую нельзя было назвать войной. Полководцемъ быстро составленнаго неаполитанскаго войска сдѣлали австрійскаго генерала Маа, неистощимаго на планы и прожекты, но вѣчно терявшаго голову въ рѣшительную минуту. У неаполиталцевъ уже цѣлые вѣка не было ни войска, ни полководцевъ. Теперь ихъ организовали на австрійскій манеръ; ихъ истинно по-австрійски упрямяли, вертели, муштровали, сѣбли; но изъ этого еще не создавалось войска. Поднялся Мааъ, намѣреваясь внезапнымъ нападениемъ разбить отдѣльные, плохо расположенные французскіе отряды. Счастливымъ добрался онъ до Рима (29-го ноября 1798 г.), и король получилъ возможность издать знаменитую прокламацію, въ которой онъ съ Калитолійской скалы призывалъ народы въ свободѣ. Но скоро

насталъ конецъ всей этой вознѣ. Шампіонэ быстро стаянудь французовъ въ одно мѣсто, съ котораго они всей массой могли напасть, въ открытомъ полѣ, на недисциплинированныя толпы неаполитанцевъ. Вскорѣ по вступленіи въ Римъ, дѣло дошло до ряда сраженій. Неаполитанцы были не побиты, а разогнаны. Тщетны были всѣ попытки Мака остановить бѣгство. Въ Неаполѣ возстали противъ двора вооруженные ландароны, и въ самомъ войскѣ вспыхнула мятежъ. II генераль, долженствовавшій создать героевъ изъ таковаго воинства, посылалъ, въ отчаяніи, въ непріятельскій лагерь, чтобы снасти свою драгоцѣнную жизнь отъ собственныхъ солдатъ.

Теперь изъ Неаполя, лишеннаго правителя, образовалась республика, такъ - называемая Парѣнопейская (въ январѣ 1799 г.). Этому содѣйствовали лучшіе умы въ странѣ; но послѣдовавшій затѣмъ оборотъ дѣлъ доказалъ, что тутъ было зизненнаго. Французы владѣли теперь всѣмъ полуостровомъ до Сицилійскаго пролива. Конечно, всѣ блага ихъ управленія давали себя чувствовать здѣсь точно такъ же, какъ и въ другихъ мѣстахъ; но какъ бы это ни было дурно, ужъ хуже туземнаго правительства не могло быть.

Однако, эти событія были лишь прелюдией къ великой войнѣ. За водевилемъ послѣдовала серьезная трагедія.

У Франціи не было столько войска, чтобы ей, тотчасъ же, съ равной силой выступить противъ большой коалиціи. Австрія была хорошо вооружена; Россія выслала свои лучшія войска, съ лучшимъ полководцемъ во главѣ. Вовсе не казалась слишкомъ смѣлой мысль, придерживаясь на Рейнѣ одной обороны, завоевать Италію и Швейцарію и, такимъ образомъ, проникнуть во Францію.

Первый актъ войны разыгрывается съ 4-го марта въ восточной части Швейцаріи, на границѣ Граубиндена, гдѣ, вообще, не видывали войны. Первые битвы послѣдовали у источниковъ Рейна, за Луциенштейномъ, въ долинахъ Ингодина, у начала Via mala. Съ обѣихъ сторонъ во главѣ стояли значительныя лица. У французовъ встрѣчаемъ Массену, Левурба и Дессоля; оба послѣдніе—специалисты въ горной войнѣ. У Швейцарцевъ былъ Готце, отличный солдатъ, душой и тѣломъ преданный интересамъ стараго Швейцарскаго Союза и соединившій во кругъ себя всѣхъ изгнанныхъ патриціевъ, потерявшихъ при основаніи Гельветской республики.

Первыя сраженія были благоприятны для французовъ; но имъ не удалось овладѣть господствующей позиціей у Фельдбирха. Оттого-то австрійцамъ было возможно вытѣснить ихъ потомъ изъ ихъ остальныхъ позицій.

Война въ Германіи и Италіи. Умерщвленіе посланниковъ въ Раштатъ.

Тѣмъ временемъ начинается война и въ Германіи и Италіи.

Въ Германіи австрійцы были сильнѣе и по числу войскъ, и по достоинству вождей. Поэтому для французовъ было всего естественнѣе, на первый разъ, придерживаться обороны на Рейнѣ, какъ и намѣревался Журданъ. Но директорія толкала его впередъ; къ тому же влекло его и наступательное движеніе Массены. И вотъ, онъ переходитъ Рейнъ, проникаетъ въ верхнюю Швабію и, 21-го марта, проигрываетъ, у Остераха, сраженіе, а 25-го, у Штоваха—большую битву, которая, хотя ею и не воспользовался эрцгерцогъ Карлъ, повела къ отступленію французовъ на лѣвый берегъ Рейна. У Журдана отняли предводительство; вскорѣ затѣмъ Массена получилъ начальство надъ всѣми войсками на Рейнѣ и въ Швейцаріи.

Въ Италіи австрійскимъ генераломъ былъ назначенъ Меласъ. Но настоящій корпусъ долженъ былъ образоваться лишь съ приходомъ первой русской арміи съ Суворовымъ, который и долженъ былъ получить главное начальство надъ соединенной русско-австрійской арміей. До прибытія обоихъ полководцевъ, 80,000-ми австрійцевъ командовалъ валахъ Край, могучій сынъ природы, который велъ войну не по неуклюжему способу вѣнскаго гоффригерата, а съ свѣжей, бойкой жаждой предпріятій. Онъ тотчасъ же понялъ слабую сторону французовъ, которыми начальствовалъ незначительный Шереръ, быстро наналъ на нихъ и, послѣ многихъ нерѣшительныхъ сраженій, 5-го апрѣля разбилъ ихъ на-голову при Маньяно. Тутъ только явился Меласъ съ правильной медленностью, а нѣсколько дней спустя и Суворовъ съ 17,000 русскихъ. Послѣдній принялъ главное начальство и немедленно взялся за сильное паденіе. Вскорѣ уже дрались у переходовъ черезъ Адду; 25—27 апрѣля французы были отброшены у Кассано, а 22-го Суворовъ былъ уже въ Миланѣ.

Въ мартѣ начался походъ, въ апрѣлѣ продолжался, и въ нѣсколько недѣль южная Германія была уже свободна, а верхняя Италія очищена отъ французовъ, вплоть до Милана.

А французскіе посланники все еще засѣдали на конгрессѣ въ Раштатѣ. Дѣйствительно, война еще не была объявлена формально; по виду, Пѣмцевая имперія все еще была въ мирѣ съ Франціей. Но, съ другой стороны, имперіи нельзя было предста-

вить себя безъ императора, безъ котораго ничего не дѣлалось, а съ императоромъ былъ уже явный разрывъ съ февраля мѣсяца. Французы настойчивымъ тономъ требовали удовлетворенія за вступленіе русскихъ (2-го января). Австрія отказала (15-го февраля). 1-го марта Журданъ перешель Рейнъ, а 15-го Австрія отозвала своихъ посланниковъ и затѣмъ объявила, что Раштатъ уже не находится подъ защитой международного права. Довольно ясно. А между тѣмъ, изъ Франціи все еще не приходило объявленія войны: тамъ именно хотѣли извлечь выгоду, какъ изъ войны, такъ и изъ мира. Въ то время, какъ французы уже перешли верхній Рейнъ, а австрійскіе форпосты уже достигали до воротъ Раштата, тутъ все еще переговаривались о мирѣ. Вслѣдствіе раздробленности Нѣмецкой имперіи, большая часть ея пословъ не двинулась съ мѣста: каждому изъ нихъ хотѣлось попытаться, не удастся-ли какъ-нибудь устроить ширмы вокругъ своей области. Французы же замѣшались съ цѣлюю подстроить еще нѣсколько отдѣльныхъ союзовъ въ южной Германіи. Между тѣмъ, эрцгерцогъ опять уже проникъ до верхняго Рейна. Австрійскія войска стояли у самаго Раштата. Еслибъ они сдѣлали натискъ, заняли городъ и разогнали штыками пословъ, то это было бы въ порядкѣ вещей.

При такомъ оборотѣ дѣлъ, французскимъ посланникамъ стало жутко. Они рѣшились уѣхать и потребовали открытаго листа (28-го апрѣля). Отказъ. Только одинъ офицеръ объявилъ имъ устно, что они могутъ безопасно уѣхать въ теченіе 24 часовъ. Тогда они пустились въ путь. Но ворота заперты. Прошло часа два, пока не объяснилось мнимое недоразумѣніе и не отворили ворота.

Между тѣмъ, насталь вечеръ и возникло подозрѣніе, что умышленно задерживали отѣздъ до начала ночи. Лишь въ 10 часовъ выѣхали посланники изъ города. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ воротъ, на барету нападаютъ Селлеровы гусары, велятъ вылѣзть тремъ посланникамъ: Жану Дебри, Бонье и Робержо, владутъ ихъ на мѣстѣ сабельными ударами и грабятъ багажъ путниковъ. Вскорѣ въ Раштатѣ упали объ убійствѣ, и остальные посланники бросились вонъ: одинъ изъ трехъ, подвергнувшись нападению, Жанъ Дебри, спасся тяжело раненый, а оба остальные были убиты. О дѣлѣ былъ составленъ самый точный протоколъ. Не было подвержено сомнѣнію, что императорскіе гусары совершили убійство, и что императорскіе офицеры обходились съ посланниками въ городѣ крайне подозрительнымъ образомъ. Но, сверхъ того, тутъ открылась и болѣе отдаленная причина нападенія, направлепшаго собственно противъ особъ посланниковъ. Дѣло въ томъ, что убійцы остались ненаказанными, а императорскіе офи-

церы (Барбацци и Буркардъ) сохранили свои мѣста и почести послѣ слѣдствія, устроеннаго лишь для виду. Можно было не сходиться въ мнѣніяхъ только касательно цѣли, которую имѣлъ въ виду истинный виновникъ дѣла. Но и ее выдавало то обстоятельство, что, при грабежѣ, главнымъ образомъ искали бумагъ и документовъ. Тутъ или хотѣли овладѣть доказательствами переговоровъ съ Франціей нѣмецкихъ князей, напимѣръ, курфюрста Баварскаго, чтобы возбудить противъ нихъ гнѣвъ императора Павла и получить предлогъ къ ихъ наказанію; или же надѣялись уничтожить документы о тѣхъ тайныхъ переговорахъ, въ силу которыхъ Австрія была готова идти заодно съ Франціей, если ей удѣлять Баварію и нѣсколько вусковъ Италіи¹⁾. Лишь въ одномъ всё были согласны,—что такую штуку могли сдѣлать только Тугутъ и его другъ, Лербахъ. Такая историческая слава—также фактъ своего рода.

Успѣхи союзниковъ. Подвиги Суворова въ Италіи и вѣнскія козни.

Такъ окончился раштатскій конгрессъ. Нѣсколько недѣль спустя, послѣдовалъ новый рѣшительный оборотъ дѣлъ въ Италіи.

Добывъ себѣ свободу въ южной Германіи, эрцгерцогъ Карлъ могъ небольшимъ войскомъ занять рейнскую границу, а съ главнымъ корпусомъ обратиться въ Швейцарію. Здѣсь, прежде всего, требовалось, соединившись съ Готце, который одинъ былъ слабъ для этого, выбить французовъ и начать реставрацію. Этого результата достигли въ концѣ мая и началѣ іюня. Австрійцы проникли внутрь Швейцаріи, эрцгерцогъ соединился съ ними и, такимъ образомъ, въ концѣ мая подѣ Цюрихомъ стояло 60,000 человекъ противъ какихъ-нибудь 40,000 французовъ. Последними управляли превосходно: ими командовалъ Массена, соперникъ Бонапарта. 4-го іюня эрцгерцогъ началъ штурмовать высоты, на которыхъ окопался Массена. Папали 35,000 человекъ пятаю колоннами. Ни одна прямо не достигла цѣли; но, цѣлымъ рядомъ кровавыхъ сраженій, сама по себѣ сильная позиція непріятели была до того поколеблена, что Массена отступилъ безъ битвы въ ту самую ночь, когда эрцгерцогъ намѣревался сдѣлать еще одно рѣшительное нападеніе (5—6 іюня). У него осталась часть западной Швейцаріи; восточная же находилась въ рукахъ австрій-

¹⁾ Häusser. Deutsche Geschichte, II, 145—146.

цевъ, которые тотчасъ же приступили къ своего рода возстановленію стараго порядка вещей.

Гораздо важнѣе были успѣхи союзниковъ, одинъ за другимъ слѣдовавшіе въ Италіи.

Суворовъ проникъ изъ Милана въ Туринъ. Цизальтинская республика еще до этого была, какъ солома, развѣяна по вѣтру, и на всемъ западѣ Верхней Италіи у французовъ оставалось лишь нѣсколько пятидезей и укрѣпленій, а на востокъ, до самой Мантуи, у нихъ не было ни пяди земли. Крайне стѣсненный, Моро собралъ свои войска въ той самой генуезской Риверѣ, откуда въ 1796 году двинулся Бонапартъ на свой побѣдоносный путь. Его единственной помощью былъ Макдональдъ, подошедшій изъ Неаполя. Если бы послѣднему удалось освободить Мантую въ тылу Суворова и тѣмъ поставить союзниковъ между двухъ армій, тогда вся война приняла бы другой оборотъ. И это было весьма вѣроятно, дѣйствуй здѣсь лишь одна старая, неповоротливая система войны. Но Суворовъ, съ его быстротой, съ его орлинымъ взоромъ, разрушилъ смѣлый планъ. Между тѣмъ какъ французы воображали, что приковали его къ осадѣ послѣднихъ укрѣпленій, онъ уже явился передъ ними (8 іюля), слѣзна достигнуть ихъ до переправы черезъ По. Онъ наналъ на нихъ недалеко отъ Пьяченцы, — тамъ, гдѣ нѣкогда Ганнибалъ выдержалъ первыя битвы съ римлянами. Войска столкнулись (17 іюля) въ руслѣ Требии, которая тогда такъ высоко вздымалась, а теперь представляетъ видъ узенькаго ручья. Три дня бились здѣсь, среди страшнаго кровопролитія, почти съ равными силами и равными вождями. То была одна изъ самыхъ рѣдкихъ, отчаянныхъ битвъ. На третій день Макдональдъ долженъ былъ отступить: онъ потерялъ болѣе трети солдатъ. 20 іюля нал Мантуя.

Теперь Франція схватилась за огромныя вооруженія, чтобы вознаграждать колоссальный ущербъ за послѣдніе мѣсяцы. Припутительный заемъ въ 100 милліоновъ долженъ былъ обезпечить денежныя средства; впервые введенная конскрипція должна была довести армію до полумилліона воиновъ; а назначеніемъ лучшихъ полководцевъ надѣялись приковать побѣду къ знаменамъ Франціи. Во главѣ альпійской арміи сталъ Шампюионъ, итальянской — Жуберъ. Послѣдній уже въ половинѣ августа былъ на пути къ Тортоны съ 40,000 человекъ. Съ высотъ у Нови увидѣлъ онъ австрійцевъ въ долинѣ. На зарѣ 15-го августа наналъ Край. Въ первой же горячей стычкѣ нуля свалила Жубера; Моро занялъ его мѣсто и повелъ оборону противъ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ натисковъ австрійцевъ. Оба войска бились до полудня съ величайшей стойкостью; но силы у нихъ постепенно истощались,

а рѣшенія не наставало. Побѣда колебалась между почти равносильными массами, когда изъ Нови явился Меласъ съ 14,000 свѣжихъ войскъ и ударилъ въ правое крыло французовъ. Его натискъ рѣшилъ дѣло. Послѣдній ужасный бой окончился полнымъ пораженіемъ и похожимъ на бѣгство отступленіемъ французовъ.

Эта битва рѣшила итальянскую войну. Если бы русскіе и австрійцы оставались въ соединеніи, они могли бы не только отнять у французовъ ихъ послѣднюю позицію, но, вѣроятно, и уничтожить быстрымъ преслѣдованіемъ послѣдки французской арміи. Тогда рушились бы все военныя приготовленія врага, которые не такъ легко было вознаградить, какъ случилось впоследствии.

Но союзники съ самаго начала ссорились между собой, а теперь еще больше, чѣмъ когда-либо. Суворовъ былъ грубый, высокомерный русакъ, который совершенно забывалъ, что онъ частью, и притомъ большею, командуетъ австрійцами; къ тому же его постоянно возмущали бессмысленныя наставленія вѣнскаго гофкригсрата. Отсюда происходили почти ежедневныя ссоры. Впрочемъ, все это пустяки, съ которыми можно было справиться. Настоящая бѣда лежала глубже. Она коренилась въ старыхъ Тугутовскихъ козняхъ, въ злополучной приверженности къ безсовѣстному торгашеству землями, что напоминало животное въ баснѣ, которое съ кускомъ во рту старалось еще поймать тѣнь. Русскіе вели дѣйствительно реставраціонную войну, и по своему честно. Тугутовская же политика была насеквозъ безчестна: она проповѣдовала возстановленіе трона и алтаря, а сама только о томъ и думала, какъ бы, при удобномъ случаѣ, оторвать влочоть отъ нихъ.

Не довольствовались тѣмъ, что Ломбардія была вновь завоевана. Хотѣлось побольше: нельзя-ли приобрести всю Верхнюю Италію и Церковную Область? Возстановляетъ Суворовъ пьемонтское правительство, — тотчасъ изъ Вѣны наставленіе: не мѣшайся въ дѣла, которыя тебя не касаются. Тотъ ссылается на желаніе короля, обжавшаго въ Сардинію, возвратиться въ свою землю: изъ Вѣны пишутъ, что король вовсе не имѣетъ этого желанія, а велѣдъ затѣмъ отъ послѣдняго является письмо, утверждающее, что онъ во всякомъ случаѣ крайне желаетъ этого. Вздумалъ еще Суворовъ образовать сардинское народное войско, а въ Вѣнѣ не хотить: тутъ появятся де яковинскіе интересы.

Такимъ образомъ, союзники въ реставраціонной войнѣ пренирались на каждомъ шагу, именно тамъ, гдѣ дѣло шло о дѣйствительной реставраціи; а съ августа между ними уже царствовала открытая раздоръ. Если императоръ Павелъ, какъ ни былъ опытнымъ разпѣванъ, еще не отзывалъ своего войска, то это объясняется

только его гордостью, которую онъ полагалъ въ томъ, чтобы осуществить реставрацію, несмотря ни на какія жертвы, и, въ случаѣ нужды, даже на собственный страхъ.

Въ Вѣнѣ, между тѣмъ, разродились новымъ планомъ. Вся обстановка военного зрѣлища измѣняется. Суворовъ, который вообще былъ неудобенъ въ Италіи, переводится въ Швейцарію на мѣсто эрцгерцога Карла; тамъ онъ долженъ соединиться со вторымъ русскимъ вспомогательнымъ войскомъ, которое приведетъ Корсаковъ, и оттуда вторгнуться во Францію.

Суворовъ на вершинѣ Альпъ. Плоды политики Тугута.

И не специалисту ясно, что это удивительная система войны — чисто „сообразности ради“ передвинуть на сѣверъ войско, стоявшее къ югу отъ Альпъ, лишь „порядка ради“ на цѣль недѣли убрать два войска съ театра войны и тѣмъ выдать ихъ непріятелю. Прибавьте, что переходъ черезъ Альпы въ сентябрѣ подвергалъ эти войска всѣмъ ужасамъ несчастья. Не побѣдило ни одно изъ этихъ соображеній, которыя сами собой приходятъ въ голову. Австрія грозила выступленіемъ изъ коалиціи. Англии, съ своей стороны, хотѣлось держать русскихъ подалеже отъ Средиземнаго моря, а императора Павла предъшала честь одному возвратить короля Франціи. Суворовъ началъ переходъ въ убѣжденіи, что походъ проиграется прежде, чѣмъ онъ будетъ по ту сторону Альпъ. И дѣйствительно, прежде чѣмъ хоть одинъ русскій переступилъ горы, эрцгерцогъ Карлъ уже очистилъ всю Швейцарію, съ тѣмъ, чтобы отойти къ нижнему Рейну.

25-го сентября, Суворовъ пустился въ путь черезъ С.-Готтардъ. Онъ пренебрегъ легчайшими проходами чрезъ Бернардинъ и Шилюгенъ, такъ какъ только тѣмъ путемъ надѣялся успешно напасть на правое крыло непріятеля; въ тому же онъ очевидно низко цѣнилъ ужасныя трудности этого перехода. Путь велъ къ Фирвальднитетскому озеру, у котораго просто не было береговъ: черезъ него можно было переправиться въ лодкахъ и на перевозочныхъ судахъ. Если бы французамъ удалось овладѣть лишь перевозочными средствами на озерѣ, то соединеніе Суворова съ Корсаковымъ у Цюриха или Люцерна было бы невозможно. Сверхъ того, самое свойство крайне труднаго, тяжелаго похода давало французамъ достаточно времени и удобствъ преслѣдовать путь русскимъ на самыхъ непроходимыхъ мѣстахъ, и Массена рѣшился воспользоваться этимъ.

Переходъ черезъ Альпы, совершенный Суворовымъ, и отступление, къ которому онъ былъ принужденъ потомъ, обезсмертило имя гениальнаго полководца. Съ военной точки зрѣнія, никакая побѣда на полѣ битвы не могла доставить ему большаго торжества; но въ результатѣ это все-таки было поражение, и иначе быть не могло.

Суворовъ подошелъ къ С. Готарду. Тогда еще не было военной дороги. Нужно было карабкаться на горы по тропинкамъ и способомъ, который употребляется какимъ-нибудь путешественникомъ, настухомъ или охотникомъ. И такъ шли русскіе, между тѣмъ какъ на вершинѣ уже стояли французскія войска. Суворовъ отбросилъ ихъ и пробился, да, пробился до сѣвернаго склона С. Готарда. Тутъ его встрѣтили непреодолимыя препятствія. На узкомъ проходѣ у Урнеръ-Лоха и Чортова моста, стоялъ Лекурбъ съ цѣлью задержать русскихъ, а съ ничтожными силами можно было защитить отъ всякаго врага отвѣсную расщелину въ скалѣ, на днѣ которой съ ревомъ низвергался ибнящійся Рейссъ. Переходъ былъ невозможенъ, если бы только Лекурбъ сопротивлялся съ полной силой. Русскіе совершили чудеса. Подъ огнемъ непріятеля, сползали они въ пропасть, кидались влывъ черезъ Рейссъ, всваравливались на противоположную скалистую стѣну. Такимъ образомъ, мосты были обойдены, а французы испугались, чтобы ихъ не отбросили, и повинули защиту. 26-го сентября продрался Суворовъ къ Фирвальдштетскому озеру. Но тутъ не нашлось ни одного судна, и ему ничего не оставалось больше, какъ предпринять новый, несказанно трудный походъ черезъ горы къ Муотской долинѣ, откуда онъ надѣялся достигнуть Швица и соединиться съ Корсаковымъ и Готце.

И это исполнила загнанная, истощенная всевозможными страданіями армія: конечно, она бросила орудія и потеряла много несчастныхъ, свалившихся въ пропасти и удрученныхъ лишениями. Но тутъ-то стало несомнѣннымъ фактомъ то, что Суворовъ предвидѣлъ съ самаго пачала и чему не хотѣлъ вѣрить лишь въ эти послѣдніе дни. Корсаковъ и Готце были разбиты (подъ Цюрихомъ 25—26 сентября); и тамъ, гдѣ онъ надѣялся встрѣтить союзниковъ, были французы съ Массеной во главѣ. Стоитъ Суворовъ совершенно одинокій, лишенный связей съ своими. Назадъ двинуться нельзя, а передъ нимъ непріятельская армія, владѣющая узкими проходами и высотами, которыя можно было перейти лишь при огромномъ уронѣ и безустанной борьбѣ. И Суворовъ идетъ. Вотъ онъ уже перевалился черезъ Прагель, отбѣснилъ съ дороги французовъ, прогнавъ въ Швицъ Массену съ его 10,000-мъ корпусомъ и рѣшилъ достигнуть Граубинденской долины Рейна че-

резь Зернфскую долину и Наникскій проходъ: Дорога шла по снѣжной и ледяной пустынѣ, которая до него никогда еще не видала войскъ. Его изнуреннымъ до полусмерти, голоднымъ и почти необутымъ солдатамъ приходилось, точно червякамъ, ползти по свѣжему снѣгу и по гладкимъ, какъ зеркало, ледянымъ башнямъ. Множество осталось на мѣстѣ или свалилось въ расщелины скалъ; погибъ остатокъ лошадей и артиллеріи. Между 8 и 10 октября прибылъ наконецъ Суворовъ, съ развалинами своей пѣхоты, въ долину верхняго Рейна. Онъ спасся изъ положенія, въ которомъ изъ ста генераловъ 99 сдались бы на капитуляцію; онъ совершилъ отступленіе, которое стоитъ одинокимъ фактомъ въ военной исторіи. Но походъ все-таки былъ проигранъ. Положимъ, не были еще растрчены всѣ итальяскія побѣды; но теперь болѣе уже нельзя было думать о томъ, къ чему стремились въ концѣ концовъ,—о завладѣніи всей Швейцаріей, съ цѣлью вторгнуться во Францію. Швейцарія, эта важная основа французской системы войны, осталась въ рукахъ французовъ. А это въ политическомъ отношеніи было еще значительнѣе, чѣмъ въ военномъ. Собственно говоря, подъ Цюрихомъ былъ разрушенъ только планъ соединенія всѣхъ русскихъ силъ: Италія и Германія еще не были утрачены. Но коалиція развалилась. Недоставало только этой капли, чтобы переполнить чашу справедливаго негодованія русскихъ. Суворовъ теперь былъ уже недоступенъ никакому помыслу о дальнѣйшемъ содѣйствіи: онъ ждалъ только приказа отступить, который и пришелъ вскорѣ.

Союзъ былъ разрушенъ: вотъ заслуга Тугутовской политики.

И вотъ, Бонапартъ очутился въ положеніи, которое и безъ его содѣйствія представлялось въ гораздо лучшемъ видѣ, чѣмъ годъ тому назадъ при немъ. Но пока сама-то Франція достигла лишь одного: крайне опасное нападеніе было отчасти отражено, отчасти само по себѣ провалилось. Но арміи были значительно деморализованы и терѣли недостатокъ въ самомъ необходимомъ. Нерадивое правительство всего сильнѣе дало почувствовать свою зловредность именно войскамъ. Но это было лишь свидѣтельствомъ его крайняго разложенія внутри государства. Директорія, которую уже въ 1797 году приходилось снасать государственнымъ переворотомъ, съ помощью арміи, жила изо дня въ день и еле еле дышала. Казна была пуста, и, чтобы наполнить ее, принуждены были прибѣгать къ старымъ ненавистнымъ средствамъ: снова появились насильственные займы, налогъ на соль. Опять возникла возня мелкихъ партій и парламентская оппозиція. Управленіе хромало, едва влачило свое существованіе: оно было распутно, вѣтряно во всѣхъ своихъ отрасляхъ, а всего болѣе въ военномъ

вѣдомствѣ. Послѣ такой страшной революціи и надежному, энергическому правительству пришлось бы бороться съ тяжестью работы: каково же было тому, у котораго не обрѣталось даже никакой воли ¹⁾.

Возвращеніе Бонапарта. Приближеніе грозы.

Мы оставили Бонапарта въ ту минуту, какъ онъ возвратился изъ Сиріи и, встревоженный вѣстями изъ отечества, отчаяваясь въ успѣхѣ своей египетской экспедиціи, рѣшился на быстрый возвратъ во Францію. Сторожившіе берега англичане были вполне увѣрены, что онъ въ ихъ рукахъ, и забавлялись пересылкой къ нему всѣхъ извѣстій о пораженіи французскихъ армій въ Швейцаріи и Италіи. Конечно, этимъ же путемъ узналъ онъ и то, что на Абукирскомъ рейдѣ причалило турецкое войско и двинулось противъ него. То были 25 или 30 тысячъ турокъ съ турецкимъ полководцемъ. Быстро поднялся Наполеонъ съ тѣмъ, что было у него подъ рукой, и разбилъ ихъ недалеко отъ Абукирскаго рейда, такъ что они, какъ можно поспѣшнѣе, бросились въ судамъ. Такимъ образомъ, онъ освободилъ своихъ солдатъ отъ опасности со стороны турокъ; но что будетъ съ ними дальше, если бы онъ повинулъ ихъ, это было, по меньшей мѣрѣ, крайне сомнительно. Но, вѣдь онъ теперь уже не думалъ объ Остѣ-Индіи и Египтѣ: судьба Франціи и ея будущаго властелина была важнѣе арміи. И вотъ, онъ рѣшился пожертвовать послѣднею. Теперь ему необходимо было отправиться во Францію: настало время, когда охраняемое имъ правительство находилось на краю гибели. Его братья и всѣ посвященные въ его планы извѣщали его, что уже пора, что онъ долженъ быть тамъ.

¹⁾ Вотъ положеніе Франціи того времени, если судить по словамъ Тибодо, которая приводитъ Матье Дюма (Campan de 1799. II, 835): «Заслуга всюду преслѣдуется; честные люди всюду изгоняются изъ общественныхъ должностей; со всѣхъ сторонъ собираются разбойники въ свои адскія берлоги; злодѣи въ силѣ; восхвалители террора—на національной трибунахъ; возстановляется грабежъ, подѣ именемъ принудительнаго займа; подготавливаются убійства, и уже обречены на смерть тысячи жертвъ, подѣ именемъ заложниковъ. Того и жди, что въ позваніи объ „отечествѣ въ опасности!“ послышится сигналъ къ грабежу, убійству, поджогамъ. Въ влудахъ—тѣ же крики, тотъ же вой, что и въ 1793 году. Тѣ же палачи, тѣ же жертвы. Нѣтъ больше свободы, нѣтъ безопасности гражданамъ, нѣтъ финансовъ, нѣтъ кредита у государства. Почти вся Европа и даже Америка ожесточены противъ насъ. Поражены войска, утрачена Италія“; и т. д. Ср. съ бумагами, оставшимися отъ То дья ля; Ouvres, I, 259—294 O.

И вотъ, Наполеонъ совѣщается съ довѣреннѣйшими изъ своихъ друзей, какъ бы найти средство переправиться домой. Въ одной бухтѣ стояли два венеціанскихъ фрегата, единственныя тутъ военныя суда, кромѣ пары трехъ-мачтовиковъ. Можно было надѣяться, что они были достаточно годны для переѣзда. Бонапартъ призываетъ Мармона и говоритъ ему: „Я рѣшился возвратиться во Францію. Положеніе дѣлъ въ Европѣ принуждаетъ меня къ этому великому рѣшенію. Ударъ за ударомъ постигаютъ наши войска, и Богъ знаетъ, какъ далеко проникъ нашъ непріятель. Италія утрачена, погибло все добытое съ такимъ трудомъ и кровопролитіемъ. Да и могло-ли быть иначе при неспособности людей, стоящихъ во главѣ дѣлъ? Вѣдь у нихъ ничего, кромѣ невѣжества, тупости и негодности. Я, одинъ я, вынесъ бремя и рядомъ усилій поддерживалъ это правительство, которое безъ меня никогда не могло бы ни подняться, ни утвердиться. Когда я былъ вдалекѣ, всему пришлось рухнуть. Смотрите, не дожидитесь, чтобы окончательно совершилось паденіе: тогда ужъ не исцѣлишь бѣдствія. Возвратъ во Францію дерзокъ, труденъ, полонъ опасностей, по все-таки не въ такой степени, какъ нашъ переѣздъ сюда; а меня не повинетъ теперь счастье, которое покровительствовало мнѣ до сихъ поръ. Да вѣдь нужно же мужаться, дерзать въ удобную минуту: это не рискуетъ, тотъ и не выигрываетъ. Я передаю войско въ способныя руки, оставляю его въ хорошемъ состояніи, притомъ послѣ побѣды, которая сохранитъ его на неопредѣленное время отъ всякаго новаго нападенія. Во Франціи почти въ одно время узнаютъ и о разрушеніи турецкаго войска подъ Абукиромъ, и о моемъ прибытіи. Мое присутствіе подниметъ духъ у народа, придастъ довѣрія войскамъ, котораго недостаетъ имъ, и внушитъ гражданамъ надежду на лучшее будущее. Въ общественномъ мнѣніи проавится движеніе, вполне выгодное для Франціи. Попытаемся придти—и придемъ“¹⁾.

Ночью, 22-го августа, Бонапартъ, въ сопровожденіи своихъ ближайшихъ довѣренныхъ лицъ, сѣлъ на корабль въ глухомъ мѣстѣ берега. Мучительнъ, полонъ труда и опасностей, былъ путь у пустынныхъ береговъ Африки, въ постоянной борьбѣ съ противными вѣтрами, подъ вѣчнымъ страхомъ напасть на непріятельской эскадрѣ. Только по ночамъ осмѣливались дѣлать значительныя переѣзды; днемъ приходилось укрываться отъ англичанъ. Медленно, томительно лавируя, по далекому обходу, достигли, наконецъ, Корсики, чтобы заластись тамъ провіантомъ, и затѣмъ двинулись подъ парусами въ Тулонъ: то былъ послѣдній, но самый

¹⁾ Marmon: Mémoires, II, 32 sqq.

опасный переѣздъ. Нужно читать у Мармона (II, 43 sqq.) описаніе этого путешествія, чтобы понять всю глубину того напряженнаго чувства, которое пронивало каждого изъ его участниковъ. Ежеминутно слѣдовало опасаться быть отвергнутыми или отрѣзанными; и каждый разъ помогала каковой-нибудь счастливый случай. Одинъ Бонапартъ былъ веселъ и довѣрчивъ: точно то была увеселятельная прогулка. Вопреки совѣту друзей, выбралъ онъ этотъ путь; увѣренный, что имъ руководитъ неизмѣнная звѣзда его счастья.

Уже въ послѣднюю минуту, когда вдали видѣлся Французскій берегъ, замѣтили непріятельскую эскадру о 7 парусахъ. Дѣло было на закатѣ солнца. Англійскіе корабли стояли на солнцѣ и ясно были видны французамъ; французскіе же были окутаны туманомъ: это только и спасло ихъ. Гантомъ уже намѣревался повернуть назадъ, къ Корсиѣ: на пути въ Тулонъ нельзя было миновать эскадры. Но Бонапартъ приказалъ взять на Фрежюсъ, и тутъ счастливо причалили. Населеніе привѣтствовало Наполеона, какъ давно ожидаемаго спасителя. Жители маленькаго приморскаго городка присѣли на баржахъ, чтобы взглянуть на генерала Бонапарта, чтобы коснуться руки человѣка, имя котораго съ одинаковымъ чувствомъ произносилось всѣми и всюду, до ничтожнѣйшей хижинны. Одинъ ораторъ фрежюскаго клуба выступилъ передъ нимъ съ словами: „Идите, генераль, побейте враговъ, а тамъ мы намѣрены сдѣлать васъ королемъ, если вамъ угодно“. И такой пріемъ не прекращался до самаго Парижа.

Первою мыслью Бонапарта было появиться въ одной изъ армій и блестящимъ успѣхомъ возвѣстить о своемъ возвращеніи. Но онъ передумалъ. „Къ чему это?—сказалъ онъ Мармону.—Что сдѣлаешь съ этимъ народомъ? Если бы даже мы совершили чудеса, все-таки мы не могли бы разсчитывать на ихъ помощь. Когда рухнетъ домъ, станутъ-ли думать о почвѣ, окружающей его? Здѣсь неизбѣженъ переворотъ“.

Парижскіе правители тотчасъ же поняли, что генераль, о возвращеніи котораго никто и не думалъ, явился не по капризу, не для отдыха; что близко рѣшеніе вопроса между ними и имъ. Онъ никого не могъ провести тѣмъ, что и теперь, какъ послѣ итальянскихъ побѣдъ, избѣгалъ всякаго шумнаго поклоненія; показывался всюду, какъ простой, мирный ученый, всегда въ одеждѣ члена института, а не въ мундирѣ; повидимому, имѣлъ сношенія лишь съ своими учеными друзьями. Но въ директоріи царствовалъ расколъ. Рожеръ Дюжосъ и Сиейсъ сохраняли сдержанное положеніе относительно Барраса и двухъ совѣтъ бездарныхъ директоровъ, Гойе и Мулена, и подстерегали ихъ. Къ нимъ-то при-

соединился Бонапартъ. Черезъ посредство своихъ братьевъ, Люсьена и Жозефа, привлечь опъ Дюкоса, стараго жирондиста, который пришелъ теперь въ убѣжденію, что военная диктатура необходима для спасенія. И Сиейсъ, этотъ умный, предусмотрительный аббатъ, не находилъ возраженій на слова Люсьена: „Общественное мнѣніе и клики народа указываютъ моему брату призваніе спасти Францію: угодно-ли вамъ присоединиться къ нему въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ?“ А когда потомъ предложили ему стать, вмѣстѣ съ Дюкосомъ и Бонапартомъ, однимъ изъ трехъ консуловъ республики, онъ выразился такъ: „Чтожь? Я готовъ идти заодно съ генераломъ Бонапартомъ, потому что онъ самый гражданскій изъ всѣхъ солдатъ. Но я знаю, что ожидаетъ меня послѣ побѣды: онъ устранилъ обонихъ своихъ товарищей и пшвернетъ ихъ себѣ черезъ голову“¹⁾.

Такъ, втихомолку, состоялось соглашеніе съ двумя самыми способными директорами. Конечно, союзъ былъ далеко не равенъ для сторонъ. Вскорѣ Сиейсъ могъ уже сказать: „У насъ есть господинъ (maître), который все знаетъ, всего жаждетъ, все можетъ“.

Въ совѣтѣ пятисотъ застѣдали братья, Жозефъ и Люсьенъ. Послѣдній игралъ роль президента. Онъ былъ довольно уменъ, чтобы никогда не выступать изъ второго плана и всегда быть готовымъ къ услугамъ своего великаго брата. Теперь онъ весьма ловко старался образовать здѣсь партію бонапартистовъ.

Въ то время всѣ уже до того растерялись, что вскорѣ лица всякихъ партій стали тѣсниться вокругъ Наполеона; демократы развѣдывали, чего можно имъ ожидать отъ него. Онъ, вѣдь, былъ такъ сдержанъ, замкнутъ, такъ явно избѣгалъ всякаго соприкосновенія со всѣми презираемой директоріей!

Разъ только онъ сошелся съ ней публично, по случаю большого торжественнаго обѣда 6-го ноябля, устроеннаго въ честь его. Тутъ онъ принималъ мясо, хлѣбъ и вино изъ рукъ своего адъютанта: онъ не могъ доврять чистотѣ приготовленныхъ яствъ и канитковъ! Какъ ледъ, холодное настроеніе, не покидавшее пирующихъ во все время обѣда, показывало, какъ всѣ были насквозь проникнуты чутъемъ близкаго паденія. А между тѣмъ обрабатывали армію въ пользу Бонапарта. Каждый изъ его довранныхъ взялся привлечь извѣстное число своихъ знакомыхъ офицеровъ: Бертъ—штабныхъ, Мюратъ—кавалерійскихъ, Лапъ—пѣхотныхъ, Мармонъ—артиллеристовъ. Вскорѣ и солдаты не могли устоять противъ очарованія быть предводимыми Бонапартомъ. Имъ приходилось выбирать между жалкимъ, слабымъ правительствомъ, губив-

¹⁾ Barante, III, 525 sq. O.

шимъ войско, и челоѣвкомъ, подвиги котораго были всемъ извѣстны, который, какъ никто, умѣлъ вести арміи къ побѣдѣ и къ наслажденію ея. Немногіе удержались противъ соблазновъ. Журданъ и Ожеро сначала сохраняли-было свой недоступный республиканизмъ; но вскорѣ и они записались въ службу. Даже Моро, наконецъ, отдалъ себя въ распоряженіе Наполеона, несмотря на свое безграничное тщеславіе. Одинъ Бернадотъ остался непреклоннымъ. Онъ и самъ разсчитывалъ на удачу. Онъ сознавалъ въ себѣ довольно мужества, чтобы при случаѣ выступить противъ Бонапарта и замѣнить его. При всемъ своемъ лукавствѣ и пронырливости, онъ еще не считалъ побѣду соперника достаточно обезпеченной и отказалъ въ своемъ содѣйствіи. „Пойдетъ дѣло хорошо, — думалъ онъ, — еще успѣю принести поздравленіе; а пойдетъ дурно, стану на его мѣсто“. Вотъ съ какого времени начинается вражда между ними обоими.

Заговоръ шелъ довольно открыто. Не только генералы, но и такія лица, какъ Талейранъ, Реньо де С. Жанъ д'Анжели, Редереръ, Камбасересъ, Фуше, примкнули къ Бонапарту. Трое директоровъ все знали ¹⁾. Быть можетъ, они могли бы даже арестовать генерала въ ночь передъ государственнымъ переворотомъ. Но что же изъ этого?

Государственный переворотъ 18—19 брюмера (9—10 ноября) 1799 года.

Ударъ долженъ былъ разразиться утромъ 18-го брюмера (9 ноября). На зарѣ, часовъ въ 6, собрались надежные офицеры позавтракать въ домѣ Бонапарта и въ комнатахъ его довѣренныхъ. Почти одновременно имъ данъ былъ лозунгъ. Наполеонъ вскочилъ на лошадь; остальные присоединились-къ нему съ своими войсками.

Въ 7 часовъ собрался совѣтъ старѣйшинъ. Сіейсь устроилъ такъ, что пригласительныя записки на это чрезвычайное засѣданіе получили только посвященные въ тайну. И воть, 120 присутствующихъ, но предложенію одного изъ заговорщиковъ, рѣшили, чтобы, въ виду опаснаго положенія республики, оба совѣта вѣдали впредь въ С. Еду, и поручили исполненіе этого декрета генералу Бонапарту. Тутъ же ему было передано начальство надъ липейными войсками и надъ національной гвардіей. Съ этимъ

¹⁾ Lavalette: Mémoires, I, 347 sqq.

секретомъ въ рукахъ, вышелъ Наполеонъ къ офицерамъ и отрядамъ, собраннымъ на дворѣ, обратился къ нимъ съ рѣчью и, при общемъ энтузиазмѣ, сѣлъ на лошадь, чтобы произвести смотръ войскамъ, расположеннымъ на площади Карусель, въ Тюльерійскомъ саду и на площади Людовика XV. И этотъ смотръ былъ ничто иное, какъ великое торжество генерала.

Трое директоровъ ничего этого не знали. Баррасъ бралъ ванну въ ту минуту, когда къ нему пришелъ Талейранъ съ совѣтомъ подать въ отставку. Онъ тотчасъ же согласился. Отъ него отправился секретарь къ Бонапарту. Последний навинулся на несчастнаго посланца съ тавими словами: „Что вы сдѣлали съ этой Франціей, которую я такъ возвеличилъ? Я оставилъ вамъ побѣды, а засталъ пораженія. Я доставилъ вамъ милліоны изъ Италіи, а нашелъ конгрябуціи да всеобщую нищету... Это не можетъ продолжаться. Эдакъ не прошло бы и трехъ лѣтъ, какъ мы, путемъ анархіи, добрались бы до деспотизма“, и т. д. Пока эти слова записывались для „Монитера“, явились Гойе и Муленъ, которыхъ Бонапартъ пригласилъ къ своему столу. Они отказались подать въ отставку, отправились домой, — и тамъ очутились подъ стражей у генерала Моро.

Вечеромъ побѣдители для сошла въ Тюльери и держали совѣтъ, какъ завтра утромъ отдѣлаться отъ оппозиціи въ законодательномъ корпусѣ.

Присутствовавшіе здѣсь депутаты высказывали сильныя опасенія насчетъ настроенія своихъ товарищей и толковали про разныя полицейскія мѣры предосторожности, про аресты и т. под. Бонапартъ и слышать не хотѣлъ ничего въ этомъ родѣ. „Къ чему эти опасенія?—спрашивалъ онъ.—Вѣдь мы идемъ заодно съ націей и съ ея силами, и больше ни съ кѣмъ. Нашему торжеству нѣтъ дѣла до партизанскаго меньшинства!“ Разошлись, не согласившись ни въ чемъ опредѣленно.

На другой день, послѣ полудня, въ С. Клу собрались оба совѣта. Оппозиція явилась въ полномъ своемъ составѣ и оживленно начала на президента и его бонапартовскую партію. Всѣхъ громче говорили приверженцы директоріи въ совѣтѣ пятисотъ. Тутъ возникли бурные запросы и горячія пренія, которыя напрасно старался усмирить президентъ, Люсьепъ Бонапартъ. Одинъ за другимъ, всѣ влялись умереть за конституцію III-го года.

Съ крайней тревогой услышалъ объ этомъ Наполеонъ, помѣщавшійся, съ своимъ генеральнымъ штабомъ, въ сосѣдней залѣ. Черезъ каждыя 5 минутъ Лавалетъ приносилъ сюда свѣдѣнія изъ совѣта и видѣлъ, какъ при его дурныхъ вѣстяхъ вытягивались лица у генераловъ, и они все болѣе и болѣе смущались, теряли

бодрость. Вдругъ поднялся Бонапартъ, „Намъ нужно покончить!“ сказалъ онъ. Затѣмъ онъ обратился съ рѣчью къ офицерамъ и бросился къ рѣшеткѣ совѣта старѣйшинъ. Прерывистымъ, нетвердымъ голосомъ началъ онъ тутъ рѣчь, состоявшую изъ нѣсколькихъ безсвязныхъ, наскоро вынутыхъ фразъ: нѣкоторый порядокъ былъ внесенъ въ нее уже потомъ, при редактированіи ея для газеты. Онъ говорилъ о мрачныхъ заговорахъ, о несправедливыхъ клеветахъ на его особу, о спасеніи республики и о богѣ побѣдъ, носящемся передъ нимъ. Часто его рѣзко прерывали. Кто-то задалъ ему вопросъ: „Ну, а что конституція?“ Онъ отвѣчалъ: „Конституція! Вы нарушили ее 18 фруктидора, нарушили 22 флореала, нарушили 30 преріала. Конституція! Всякая партійка ссылалась на нее и всякая попирала ее ногами!.. Лучше спасемъ ея основы, — свободу и равенство. Пусть каждый гражданинъ снова обрѣтетъ должную ему свободу, которой не могла обезпечить ему эта конституція!“

Что сносно сошло вѣ совѣтѣ старѣйшинъ, то совсѣмъ не могло удаться въ совѣтѣ пятисотъ. Когда Бонапартъ появился здѣсь у дверей, вмѣстѣ съ своими генералами и нѣсколькими гренадерами, какъ разъ. Тотчасъ послѣ клятвы депутатовъ умереть за конституцію, поднялось страшное смятеніе. Разъяренные республиканцы лѣзли на него и гнали его вонъ съ криками: „Ональный! Долой диктатора!“ Ни ему, ни его брату на президентскомъ мѣстѣ не давали открыть рта. У него не оставалось теперь другого средства, кромѣ штыковъ. Мюратъ выслалъ своихъ гренадеръ въ оружерею. Подъ барабанный бой подошли они, промаршировали черезъ залъ, причѣмъ депутаты разстилали по скамьямъ свои красныя тоги, и сдѣлали оборотъ. Ихъ полковникъ еще разъ, именемъ генерала, приказалъ депутатамъ очистить залъ. Тутъ снова забилъ барабанъ, — и мужи, только что клявшіеся умереть, не сходя съ мѣста, въ дикомъ бѣгствѣ носкакали вонъ, кто въ двери, кто въ окна.

То была картина, при видѣ которой у всякаго сердце вздрогнуло до глубины. Бонапартъ не могъ забыть ее. Давно уже была подорвана его вѣра въ могущество идей: теперь онъ совсѣмъ утратилъ ее.

Такъ было низвергнуто существующее правительство. Распустили собранія, и на ихъ мѣстѣ утвердилась диктатура одного лица. Ее смягчили тѣмъ, что первому консулу придали двухъ товарищей. Но, тѣмъ не менше, онъ оставался монархомъ.